ISSN 0130-2620

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

273

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
273

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ИА РАН

МОСКВА 2023

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 273. 2023

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК РФ.
Специальность 5.6.3. Археология

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. М. Вагнер, д. и. н. М. С. Гаджиев, проф. О. Далли,
проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
акад. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина,
д-р Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.273

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2023
© Авторы статей, 2023

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Гаврилов К. Н. Свидетели перемен: произведения первобытного искусства Восточной и Центральной Европы во время максимума позднеледниковья 7
Авилова Л. И. Металлические сосуды Месопотамского региона IV–III тыс. до н. э. (динамика производства и культурный контекст) 27
Макаров Н. А., Красникова А. М., Шевченко В. А. Средневековый могильник Гнездилово: находки из пахотного слоя и пространственная организация некрополя 47

ОТ КАМНЯ К БРОНЗЕ

Ожерельев Д. В., Мамиров Т. Б., Воловенко В. Д., Ферапонтов А. И. Открытие и исследование новой стоянки раннего верхнего палеолита Узынагаш 1 в Юго-Восточном Казахстане 65
Лев С. Ю. Культурный слой и уровни обитания на Зарайской стоянке. 83
Еськова Д. К., Успенская О. И. Отжимная техника пластинчатого расщепления в раннем голоцене Северо-Западного Кавказа: функциональный аспект (по материалам верхнего слоя пещеры Двойная). 93
Викулова Н. О., Жилин М. Г. Предварительные результаты изучения игл из слоев позднего палеолита стоянки Усть-Менза 2 в Забайкалье. 110
Симоненко А. А., Хайкунова Н. А., Жилин М. Г., Константинов Е. А. Соотношение структур третьего слоя стоянки Третий Мыс. 122
Шмидт И. В. Рыболовный крючок финального палеолита со стоянки Черноозерье II. Презентация изделия. 139
Зальцман Э. Б., Жилин М. Г. К вопросу о возможных следах присутствия групп населения культуры шаровидных амфор в Юго-Восточной Прибалтике 153
Ломан В. Г. Ритуальные ограды поселения Кент 166
Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В., Сирюкин И. В. Исследования петроглифов Усть-Тубы в 2021–2022 гг. 180

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И АНТИЧНОСТЬ

Маслов В. Е., Успенский П. С. Gladius Hispaniensis из погребения в Прикубанье. 194
Хомякова О. А., Сходнов И. Н., Клещенко Е. А. «След экспедиции римлян за янтарем в Прибалтику»: могильник Яковлево (Ilischken) самбийско-натангийской культуры 206

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ

Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. Два погребения эпохи великого переселения народов из раскопок Усть-Альминского некрополя в 2022 году 229
Суханов Е. В., Кочкаров У. Ю. О керамике Хумаринского городища 244
Гомзин А. А., Прошкин О. Л. Клад восточных монет с укрепленного поселения «Чёртово Городище». 259
Кызласов И. Л. Порядок создания енисейских эпитафий. 273

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

АРХИТЕКТУРА

Ганичев К. А., Ершов И. Н., Кренке Н. А., Раева В. А. Смоленская крепостная стена (1596–1602) в свете разведочных работ 2019 г. 284
Баранова С. И. Черепица башен Московского Кремля: натурные обследования 1910–1940-х годов 297

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Казарницкий А. А. Проблема происхождения северокавказской культуры в свете данных краниологии. 308
Решетова И. К. Монашеские погребения некрополя Георгиевского собора Свято-Юрьева монастыря в Великом Новгороде 323
Зимина О. Ю., Приходько Н. В. Опыт съемки памятников восточного варианта иткульской культуры в Зауралье методом воздушного лазерного сканирования: предварительные результаты 335
Карпухин А. А., Гриценко Л. Н. Древесно-кольцевые хронологии памятников деревянного зодчества Архангельской области и интерпретации серий дендрохронологических датировок 348

ИСТОРИЯ НАУКИ

Беляев Л. А. Рельефная пластина с фигурами богини Победы из коллекции Платона Устинова и свинцовые саркофаги Иерусалима III–VI веков 360
Вах К. А. Антонин (Капустин) и Садовая могила в Иерусалиме: комментарий к «Дневнику» за 1866 г. 371
Ворошилова О. М., Журавлев Д. В. Сосуд с рельефами из коллекции архимандрита Антонина (Капустина) в Иерусалиме. 382
Григорьева О. В., Володин С. А. «…Археологическая карта никогда не может считаться законченной»: кандидатская диссертация И. В. Фабрициус 1945 года 395

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ. 412
ОТ РЕДАКЦИИ. 415

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

CONTENTS

PROBLEMS AND MATERIALS

Gavrilov K. N. Witnesses of Changes: Works of Primitive Art from Eastern and Central Europe during the Late Glacial Age 7
Avilova L. I. Metal Vessels of Mesopotamia from the 4th–3rd Millennia BC (production dynamics and the cultural context) 27
Makarov N. A., Krasnikova A. M., Shevchenko V. A. The Medieval Cemetery of Gnezdilovo: Finds from the Topsoil and Spatial Organization of the Cemetery 47

FROM STONE TO BRONZE

Ozherelyev D. V., Mamirov T. B., Volovenko V. D., Ferapontov A. I. The Discovery and Excavation of Uzynagash 1, a Recently Discovered Early Upper Paleolithic Site in the Southeastern Kazakhstan. 65
Lev S. Yu. The Occupation Layer and the Habitation Levels at the Zaraysk Site. 83
Eskova D. K., Uspenskaya O. I. The Pressure Blademaking Technique in the Northwestern Caucasus in the Early Holocene: Functional Aspect (a case study of the materials from the Dvoynaya cave upper layer) 93
Vikulova N. O., Zhilin M. G. Preliminary Results of Studying Needles from the Upper Paleolithic Layers of the Ust'-Menza 2 Site in Transbaikalia 110
Simonenko A. A., Khaykunova N. A., Zhilin M. G., Konstantinov E. A. Spatial Patterning of the Third Layer Structures at the Tretiy Mys Site. 122
Shmidt I. V. The Fishhook from the Final Stage of the Paleolithic from Chernoozerye II. Presentation of the Artifact 139
Zaltsman E. B., Zhilin M. G. The Issue Relating to Possible Material Traces of the Globular Amphorae Population Group Presence in the Southeastern Baltic Sea Region Revisited 153
Loman V. G. Ritual Enclosures of the Kent Settlement 166
Sovetova O. S., Shishkina O. O., Abolonkova I. V., Siryukin I. V. The Studies of the Ust-Tuba Petroglyphs in 2021–2022. 180

IRON AGE AND ANTIQUITY

Maslov V. E., Uspenskiy P. S. The *Gladius Hispaniensis* from a Burial in the Kuban Region. 194
Khomyakova O. A., Skhodnov I. N., Kleshchenko E. A. «The Trace of the Roman Expedition to the Baltics in Search of Amber»: the Yakovlevo (Ilischken) Cemetery of the Sambian-Natangian Culture 206

MEDIEVAL ANTIQUITIES

Trufanov A. A., Zaytsev Yu. P., Shkriblyak I. I. Two Burials from the Migration Period Found during the Excavations of the Ust'-Alma Cemetery in 2022 229
Sukhanov E. V., Kochkarov U. Yu. Ceramics from the Khumara Fortified Settlement. 244
Gomzin A. A., Proshkin O. L. The Hoard of Oriental Coins from the Chyortovo Gorodishche Fortified Settlement. 259
Kyzlasov I. L. The Procedure of Creating Yenisei Epitaphs 273

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ARCHITECTURAL RESEARCH

Ganichev K. A., Ershov I. N., Krenke N. A., Raeva V. A. The Smolensk City Fortified Wall (1596–1602) in the Light of the 2019 Reconnaissance Survey 284
Baranova S. I. The Roof Tiles of the Moscow Kremlin: On-site Surveys of the 1910s–1940s 297

METHODS OF NATURAL SCIENCES
IN ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

Kazarnitskiy A. A. The Issue of the North Caucasus Culture Origin in the Light of the Craniological Data. 308
Reshetova I. K. Monk Graves in the Cemetery of the St. George Cathedral in the St. George Monastery in Velikiy Novgorod 323
Zimina O. Yu., Prikhod'ko N. V. Ground Survey of the Sites Attributed to the Eastern Variant of the Itkul Culture in the Trans-Urals Using the Airborne Laser Scanning Method: Preliminary Results 335
Karpukhin A. A., Gritsenko L. N. Tree-ring Chronologies of the Wooden Architecture Sites in the Arkhangelsk Region and Interpretation of Dendrochronological Measurement Series . . 348

HISTORY OF SCIENCE

Belyaev L. A. The Relief Plate with Figures of Nike from Platon Ustinov's Collection and the Lead Sarcophagi from Jerusalem of the 3rd–6th Centuries 360
Vakh K. A. Antonin (Kapustin) and the Garden Tomb in Jerusalem: Comments to the Diary of 1866 371
Voroshilova O. M., Zhuravlev D. V. The Vessel with Relief from the Collection of the Archimandrite Antonin (Kapustin) in Jerusalem. 382
Grigoryeva O. V., Volodin S. A. «…The Archaeological Map Can Never Be Considered Finished»: the 1945 Candidate's Dissertation of I. V. Fabritsius 395

ABBREVIATIONS. 412
SUBMISSION GUIDE. 415

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

К. Н. Гаврилов

СВИДЕТЕЛИ ПЕРЕМЕН: ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВРЕМЯ МАКСИМУМА ПОЗДНЕЛЕДНИКОВЬЯ[1]

Резюме. В статье рассматриваются произведения искусства стоянок Восточной и Центральной Европы, существовавших в период позднеледниковья. Проведены иконографический и стилистический анализы графических изображений, вырезанных на бивнях из стоянок Костёнки 11 (слой Ia), Оболонье, Киево-Кирилловская, а также мелкой пластики, найденной при раскопках памятников замятнинской археологической культуры, Мезинской и Межиричской стоянок, стоянок Пятра Нимц 1, Пшедмости и Виллендорф II. Показана культурная связь между искусством среднего и позднего верхнего палеолита Центра Русской равнины, а также Центральной Европы в области современных Австрии, Румынии и юго-восточной Чехии.

Ключевые слова: верхний палеолит, граветт, эпиграветт, эпиориньяк, LGM, искусство.

Введение

Время, когда в позднеледниковье существовали максимально суровые климатические условия[2], относится к наименее изученным периодам верхнего палеолита Восточной Европы. До сих пор на этой территории известно мало

[1] Исследование проведено в рамках выполнения НИР по теме «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления» (№ НИОКТР 122011200271-7)».

[2] Так называемый позднеледниковый максимум (Late Glacial Maximum, LGM) датируется достаточно широко в пределах кислородно-изотопной стадии MIS 2 (*Clark et al.*, 2009), однако наиболее суровые природные условия приходятся на отрезок времени между 20 и 18 тыс. л. н., согласно имеющимся некалиброванным радиоуглеродным датам.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.7-26

археологических памятников, которые можно было бы отнести к данному хронологическому отрезку, несмотря на длительную историю изучения верхнего палеолита в Российской империи / СССР / постсоветских Российской Федерации и Украине. На Русской (Восточно-Европейской) равнине большая часть стоянок этого периода известна на юге и юго-западе, в Северном Причерноморье и Приазовье, а также в бассейне р. Днестр, тогда как в центральных районах их буквально единицы. Это обстоятельство объясняется в большинстве случаев депопуляцией, вызванной резким ухудшением природно-климатических условий для жизни охотников и собирателей перигляциальной зоны Европы (*Klein et al.*, 2021). Предполагается даже полный отток населения – носителей культурных традиций граветта, и повторная колонизация этих земель их условными «потомками» уже после окончания позднеледникового максимума (LGM), когда в бассейне Десны и Среднего Поднепровья появились памятники эпиграветта (*Чабай и др.*, 2020). В качестве дополнительных аргументов в пользу этой точки зрения ее сторонниками приводятся следующие факты: 1) хронологический разрыв (хиатус) между стоянками средней и поздней поры верхнего палеолита, который зафиксирован имеющимся массивом радиоуглеродных дат указанных стоянок; 2) отличия между каменными индустриями памятников граветта и эпиграветта, относящихся к средней и поздней поре верхнего палеолита, которые проявляются, прежде всего, в технологии первичного раскалывания и категориальном наборе предметов со вторичной обработкой.

Проблема, однако, состоит в том, что на территории Восточно-Европейской равнины известны стоянки, занимающие промежуточное хронологическое положение между памятниками граветта и эпиграветта и относящиеся на основании имеющихся радиоуглеродных дат к климатическому минимуму периода LGM (*Гаврилов*, 2023). Они занимают положение между граветтом и эпиграветтом и отличаются как от первых, так и от вторых по некоторым характеристикам каменных индустрий. Наиболее общей чертой среди них является отсутствие в инвентаре этих стоянок пластинок и микропластинок с притупленным краем, а также серийность нуклевидных резцов и скребков, часть из которых, вероятно, следует относить к нуклеусам. Классическим примером, иллюстрирующим данную ситуацию, являются стоянки Северного Причерноморья и Приазовья, относимые к так называемому эпиориньяку с остриями сагайдакско-мураловского типа, которые рассматриваются как результат деятельности пришлого населения (*Demidenko et al.*, 2018; 2019).

Казалось бы, логично таким же образом оценивать и причины появления стоянок приледниковой зоны Восточной Европы, близких по времени памятникам степной зоны. Однако подобной ясности в оценках специфики материальной культуры стоянок Среднего Поднепровья и Подонья, датируемых временем между 20 и 18 тыс. л. н., в литературе, им посвященной, нет. Главными «возмутителями спокойствия» выступают Оболонье и Костёнки 11 (слой Ia). Особенности их каменных индустрий, как и в случае с южными синхронными стоянками, не позволяют включать их ни в круг памятников граветта, ни относить к эпиграветтским стоянкам. Костёнки 11 (сл. Ia) относится к замятнинской археологической культуре (*Бессуднов*, 2019), особенности каменного инвентаря которой позволяют сопоставлять ее с эпиориньякскими стоянками (*Лисицын,*

Дудин, 2019). Оболонье оценивается Д. В. Ступаком и соавторами как памятник, близкий к эпиориньяку (*Ступак и др.*, 2014). С. Ю. Демиденко считает возможным включить материальную культуру этой стоянки в круг восточноевропейского мадлена (*Demidenko*, 2020). При этом картина, которая вырисовывается при анализе произведений искусства стоянок Оболонье и Костёнки 11 (сл. Ia) представляется более сложной по сравнению с предположением о кратковременной миграции инокультурного населения на опустевшую в период LGM территорию приледниковой зоны. Исследователи этих памятников обратили внимание на очевидные аналогии в искусстве этих памятников с искусством восточноевропейского эпиграветта в первом случае (*Ступак, Хлопачев*, 2014) и граветта – во втором (*Ахметгалеева, Дудин*, 2017). Более того, анализ типологических характеристик каменных индустрий этих стоянок показывает, что, несмотря на специфику их кремневого инвентаря, среди приемов вторичной обработки и некоторых категорий орудий также имеются точки соприкосновения с каменными индустриями стоянок иного культурного облика, в данном случае – эпиграветтских (*Гаврилов*, 2023).

Материалы и обсуждение

Учитывая актуальную проблематику изучения верхнего палеолита Центра Русской равнины и Восточной Европы, вполне закономерным является поиск в материальной культуре стоянок позднеледниковья произведений искусства, которые позволяют провести связи между памятниками, относящимися к среднему и позднему периодам верхнепалеолитической эпохи. Обращение к опубликованным материалам как восточноевропейских, так и западноевропейских стоянок показывает, что подобные произведения искусства есть, несмотря на то, что их по-прежнему немного. Это изделия из кости, бивня и камня; мелкая пластика и графика, найденные в разные годы при раскопках стоянок Костёнки 11 (сл. Ia), Костёнки 2, Оболонье, Кирилловская, а также стоянки Пятра Нимц 1 (сл. II) (рис. 1).

Произведения искусства из раскопок стоянок замятнинской археологической культуры. Замятнинская археологическая культура была выделена в 1970 г. Г. П. Григорьевым (*Григорьев*, 1970). В настоящее время в нее включают такие стоянки Костёнковско-Борщёвского района как Костёнки 2, 3, 10, 11 (сл. Ia), 19 и 21 (сл. I и II). Имеющиеся радиоуглеродные даты определяют время существования этой группы памятников отрезком примерно от 21,5 до 18 тыс. л. н. (*Бессуднов*, 2019). Немногочисленные произведения искусства были обнаружены при раскопках стоянок Костёнки 2 и Костёнки 11 (сл. Ia).

В Костёнках 2 в ходе раскопок, проводившихся под руководством П. И. Борисковского в 1953 г., была найдена стержневидная антропоморфная статуэтка высотой 9 см, вырезанная из рога оленя (*Борисковский, Дмитриева*, 1982; Верхний палеолит…, 2016. С. 140) (рис. 2: *1*). Статуэтка изображает вертикально стоящую человеческую фигуру. Выраженных признаков пола нет. Вероятно, первоначально статуэтка была длиннее, так как ее верхний конец в области головы обломан. Область груди и живота переданы одним объемом, изображения рук отсутствуют. Область ног изображена в виде нерасчлененного плоского в сечении объема со скругленными внизу очертаниями, занимающего немногим

Рис. 1. Карта расположения верхнепалеолитических стоянок, упоминаемых в статье, на территории Европы

1 – Зарайск; *2* – Костёнки 1 (сл. 1), Костёнки 2, 3, 10, 11 (сл. Ia), 19, 21, Борщёво 2; *3* – Авдеево; *4* – Хотылёво 2; *5* – Оболонье; *6* – Кирилловская; *7* – Пятра Нимц 1; *8* – Виллендорф II; *9* – Барма Гранде; *10* – Межиричи; *11* – Першедмости; *12* – Павлов I, Дольни Вестонице I; *13* – Мезин

менее половины от общей сохранившейся длины статуэтки. Фигурка не орнаментирована.

Статуэтка из Костёнок 2 может быть сопоставлена с орнаментированным бивневым стержнем из Костёнок 1 (сл. I) (рис. 2: *6*), на что обратил внимание Г. А. Хлопачев (Верхний палеолит…, 2016. С. 281). Сочетание нерасчлененного объема груди и живота с уплощенным нерасчлененным объемом области ног статуэтки идентично морфологии орнаментированного стержня. Отличия состоят в отсутствии у стержня изображения головы и наличии на его поверхности украшения в виде двух орнаментальных зон, состоящих, сверху вниз, из пяти и четырех полос, идущих поперек округлой части стержня. Внутри полос располагается рельефный зигзаг, образованный вертикальными клиновидными насечками, нанесенными со смещенным интервалом поперек горизонтальным прорезанным линиям. Очень показательно, что аналогичный орнамент был использован для украшения стержневидной антропоморфной статуэтки

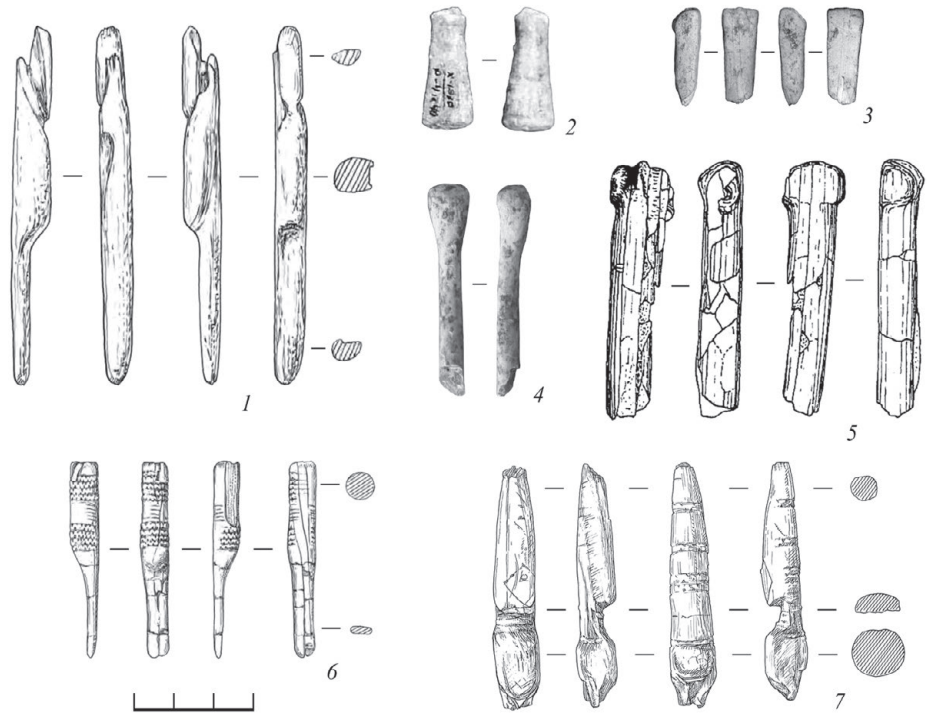


Рис. 2. Мелкая пластика из раскопок стоянок замятнинской археологической культуры (*1, 4*) и восточноевропейского граветта (*2, 3, 5–7*)

1 – Костёнки 2 (по: Верхний палеолит…, 2016); *2* – Хотылёво 2 (по: *Гаврилов*, 2008); *3* – Зарайск (по: *Амирханов и др*., 2009); *4* – Костёнки 11 (сл. 1а) (по: *Ахметгалеева, Дудин*, 2017); *5* – Авдеево (по: *Gvozdover*, 1995); *6* – Костёнки 1 (сл. I) (по: Верхний палеолит…, 2016); *7* – Хотылёво 2 (по: *Гаврилов и др*., 2022)

из бивня обитателями стоянки Хотылёво 2 (рис. 2: *7*), хронологически близкой стоянке Костёнки 1 (сл. I) и относящейся вместе с нею к группе памятников восточноевропейского позднего граветта. Интересно, что хотылёвская статуэтка, так же как и фигурка из Костёнок 2, сломана в области головы и, вероятно, была частью более крупного предмета (*Гаврилов и др*., 2022).

Исследования нового комплекса стоянки Костёнки 11 (сл. Ia) дали не менее выразительный материал (*Ахметгалеева, Дудин*, 2017). Среди находок стоит отметить имитацию метаподия животного, изготовленную из кости (рис. 2: *4*). Поделки – имитации костей животных, вырезанные из бивня мамонта, найдены при раскопках восточнограветтских стоянок Хотылёво 2, Зарайск А и Авдеево (рис. 2: *2*–5), причем в Авдеево (*Gvozdover*, 1995) и Зарайске (*Амирханов, Лев*, 2009) были найдены, как и в Костёнках 11 (сл. Ia), имитации именно метаподий животных. Это специфическая категория изделий, зафиксированная в материальной культуре граветтских памятников приледниковой зоны Восточной Европы и являющаяся, по мнению Х. А. Амирханова и С. Ю. Льва, материализацией

1
2
3
4
5
6
7
0
5 см

магических действий, связанных с охотничьей традицией отпазначивания (*Амирханов, Лев*, 2009. С. 337).

Помимо имитации метаподия животного при раскопках стоянки Костёнки 11 (сл. Ia) были найдены два предмета еще одной категории, которая может рассматриваться в качестве типичной для материальной культуры восточноевропейских стоянок граветта, точнее – для памятников костёнковско-авдеевской археологической культуры. К ним относятся орнаментированные мотыги из бивня мамонта (рис. 3: *1, 3*). Орудия этой категории были найдены при раскопках всех опорных памятников костёнковско-авдеевской археологической культуры: Костёнки 1 (сл. I) (*Ефименко*, 1958), Авдеево (*Gvozdover*, 1995) и Зарайск А (*Амирханов*, 2000; *Амирханов и др*., 2009). Бивневые мотыги из Костёнок (напр., рис. 3: *5, 6*) и Авдеево украшены сложным геометрическим орнаментом. Показательно, что в Костёнковско-Борщёвском районе орудия этой категории, но уже изготовленные из рога, были найдены при раскопках эпиграветтской стоянки Борщёво 2 (*Ефименко, Борисковский*, 1953; Верхний палеолит…, 2016. С. 265). И в этом последнем случае мотыги были также украшены орнаментом. Однако орнаменты на мотыгах, происходящих из раскопок этих стоянок, существенно отличаются друг от друга. Они отражают их принадлежность либо к кругу граветтских памятников (Костёнки 1 и Авдеево), либо демонстрируют сходство с искусством памятников эпиграветта Центра Русской равнины (Борщёво 2), а именно сетчатого орнамента, характерного для стоянок тимоновско-юдиновской археологической культуры.

Изображения, вырезанные на поверхности мотыг стоянки Костёнки 11 (сл. Ia), также специфичны (*Ахметгалеева, Дудин*, 2017). Они не образуют сложно организованные орнаменты.

В одном случае графическая композиция представлена не связанными между собой линиями и штрихами, расположенными довольно хаотично. Исключениями в этом рисунке могут быть зигзагообразно-волнистый узор, образованный тремя прорезанными линиями, и типичный «женский знак» в виде изогнутого овала, заштрихованного внутри параллельными и слабоизогнутыми линиями. Такого рода знаки распространены в искусстве европейского верхнего палеолита, начиная со времени появления ориньяка. Скульптурные же аналогии этому знаку были найдены П. П. Ефименко при раскопках стоянки Костёнки 1 (сл. I) (*Ефименко*, 1958; Верхний палеолит…, 2016. С. 125, 126).

Графическая композиция, вырезанная на поверхности второй мотыги, имеет более регулярный характер. Она состоит из прямых полос, составленных из параллельных линий, сгруппированных по две, четыре, пять и семь. Из-за значительных утрат общий рисунок не читается, однако в одном месте линии образуют фигуру равностороннего треугольника.

Рис. 3 (с. 12). Орнаментированные мотыги из бивня (*1, 3, 5, 6*) и рога (*7*) из раскопок стоянок Костёнковско-Борщёвского района

1–4 – мотыги из раскопок стоянки Костёнки 11 (сл. Ia) и прорисовки орнаментальных композиций, вырезанных на их поверхности (по: *Ахметгалеева, Дудин*, 2017); *5, 6* – мотыги из раскопок стоянки Костёнки 1 (сл. I) (по: *Ефименко*, 1958); *7* – мотыга из раскопок стоянки Борщёво 2 (по: Верхний палеолит…, 2016)

Орнаментированный бивень мамонта из раскопок стоянки Оболонье (рис. 4: *1, 3*).

Стоянка Оболонье (Черниговская обл. Украины) была случайно открыта в 2010 г. при обустройстве водной скважины для местной школы на самой высокой точке мыса, образованного при впадении в Десну реки Быстрица (*Ступак и др*., 2014. С. 9).

Для этого памятника опубликованы две радиоуглеродные даты по трубчатым костям мамонта: SPb-442: 15200+/-200 BP и Ox-28035: 20730+/-120 BP (Там же. С. 15). По мнению исследователей, вторая дата является предпочтительной, поскольку ее значение более соответствует ориньякоидному характеру каменной индустрии. К тому же, дата Ox-28035 была получена по образцу, найденному непосредственно в раскопе. Однако кость мамонта, по которой была получена дата SPb-442, была найдена в ходе хозяйственных работ, во время которых и был обнаружен орнаментированный бивень мамонта. Рабочие на месте закладки скважины наткнулись на кости мамонта и среди них обнаружили несколько бивней, один из которых был украшен графическими рисунками. Кроме того, следует учитывать факт залегания археологического материала (костей) на разных глубинах, отмеченный Ю. Н. Грибченко (Там же. С. 13. Рис. 5). По этой причине, до получения более представительной серии радиоуглеродных дат, окончательно отбрасывать более молодое определение не следует, но предпочтительной, действительно, выглядит дата Ox-28035.

Орнаментированный бивень из Оболонья имеет в длину по внешнему изгибу 55,5 см. Его дистальный конец сломан, по-видимому, рабочими при извлечении из подкопа в стену скважины. Проксимальный конец образован поперечным сломом, сделанным в древности (*Ступак, Хлопачев*, 2014. С. 131). По заключению Г. А. Хлопачева, значительная часть изображений была нанесена на поверхность бивня, когда он находился в результате вымачивания в размягченном состоянии. Такой прием подготовки бивня перед его обработкой характерен для эпиграветтских памятников приледниковой зоны Восточно-Европейской равнины (Там же. С. 132). Конкретные особенности техники строгания поверхности бивня имеют, по мнению исследователя, аналогии среди ориньякских стоянок Западной Европы (*Ступак, Хлопачев*, 2014).

Д. В. Ступак и Г. А. Хлопачев выделяют на поверхности орнаментированного бивня из Оболонья одиннадцать визуально разделяемых объектов (рис. 4: *1, 3*). Подробное их описание дано в соответствующей публикации (Там же), поэтому ограничимся их кратким перечислением по номерам, присвоенным этим изображениям исследователями стоянки. К ним относятся следующие образы:

1) удлиненная, слегка зауженная в средней части фигура восьмеркообразной формы; поверхность внутри контура украшена в верхней части косыми короткими насечками, в нижней половине – пятью рядами V-образных шевронов;

2–4) фигуры различных очертаний, внутренняя поверхность которых заполнена косыми короткими насечками; по мнению исследователей стоянки, они изображают шкуры животных, положенных мехом наружу;

5) удлиненная фигура, имеющая с четвертой общую верхнюю линию контура; в верхней части фигура имеет конусовидное очертание, внизу – округлое, с выступом и примыкающим «хвостом» в виде замкнутого петлевидного

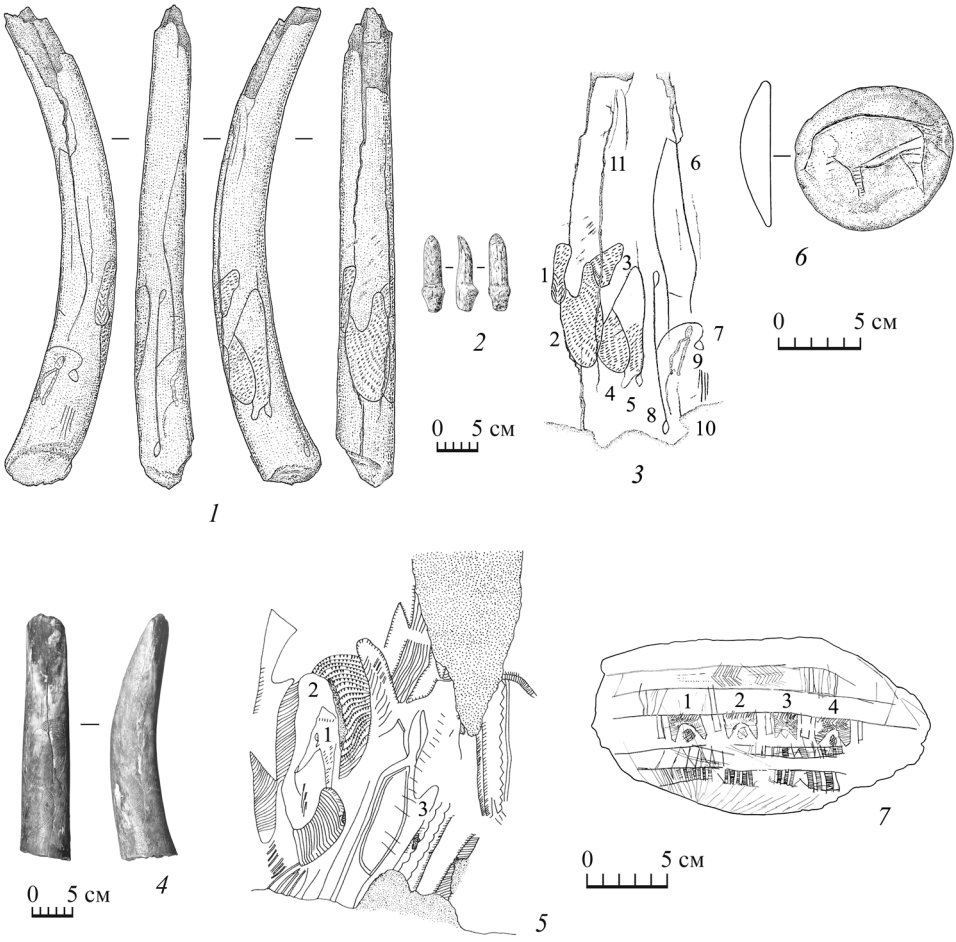


Рис. 4. Орнаментированные бивни из раскопок стоянок Оболонье и Кирилловская и возможные аналогии некоторым изображениям, вырезанных на их поверхности

1, 3 – орнаментированный бивень из раскопок стоянки Оболонье и прорисовка вырезанной на его поверхности композиции (по: *Ступак, Хлопачев*, 2014); *2* – «фаллическая» статуэтка из раскопок Мезинской стоянки (по: *Абрамова*, 1962); *4, 5* – орнаментированный бивень из раскопок стоянки Кирилловская и прорисовка вырезанной на его поверхности композиции (по: *Яковлева*, 2013); *6* – диск из песчаника с выгравированным изображением зверя, Костёнки 21 (сл. III) (по: Палеолит Костёнковско-Борщевского района…, 1982); *7* – прорисовка рисунка, вырезанного на поверхности бивневой «чуринги» из раскопок Межиричской стоянки (по: *Marshack*, 1979)

контура; нижняя половина внутренней поверхности украшена косыми насечками, аналогичными тем, которые украшают внутреннее пространство фигур № 2–4;

6) изображение, образованное двумя длинными, слабо волнистыми линиями, образующими общий контур фигуры и соединенными сверху короткой косой прямой линией, внизу между ними также расположена прямая косо прочерченная линия, которая, однако, не соединяет полностью длинные линии контура; по мнению Д. В. Ступака и Г. А. Хлопачева, данная фигура являет собой стилизованное изображение человека в профиль, без головы;

7) дугообразно изогнутая линия с подтреугольным наконечником; по мнению авторов, своими очертаниями напоминает посох;

8) удлиненная прямая линия с листовидными головками на обоих концах, примыкает к фигуре № 7;

9) фигура, изображающая, по мнению Д. В. Ступака и Г. А. Хлопачева, змею с двумя хвостами и одной головой;

10) две тонкие линии с нанесенными поперек них короткими насечками;

11) несколько тонких неглубоких линий, прорезанных без видимой системы в их расположении.

По справедливому мнению Д. В. Ступака и Г. А. Хлопачева, фигура № 1 напоминает развертку одного из типов статуэток Мезинской стоянки (рис. 4: *2*). Действительно, так называемые фаллические фигурки могут рассматриваться в качестве скульптурной аналогии этому изображению. Сходство между ними усиливается и тем, что этот тип статуэток в Мезине так же украшен рядами V-образных шевронов. Интерпретация фигуры № 1 выглядит убедительно, ее сходство с мезинскими фигурками не вызывает сомнений.

Остальные фигуры оценивать сложнее. Тем не менее представляется сомнительным рассматривать объекты № 2–4 как изображения шкур животных. Такой взгляд, очевидно, определяется современными ассоциациями, а не поиском аналогий среди графических и скульптурных образов верхнепалеолитического искусства Европы. В данном случае авторы публикации отошли от методического принципа оценки визуальных образов, нанесенных на бивень из Оболонья, которые они применяли при оценке иных изображений.

Общий контур фигуры № 2 – подковообразный, напоминает вытянутый изогнутый овал. По общему очертанию это тот же «женский знак», подобный вырезанному на одной из мотыг стоянки Костёнки 11 (сл. Ia), но более вытянутый и, соответственно, более похожий на «женские знаки» раннего верхнего палеолита Западной Европы. Косые насечки, украшающие его внутреннее пространство, организованы в ряды, которые в свою очередь располагаются вдоль всей фигуры с небольшим наклоном по отношению к ее длинной оси. Их ориентировка близка ориентировке длинных линий, при помощи которых заштрихована подковообразная фигура на мотыге из Костёнок 11 (сл. Ia). Возможно, что и фигура № 4 может быть некими условным знаком, близким по своей семантике фигуре № 2. По крайней мере очертания фигуры № 4, представляющие собой полуовал, близки очертаниям нижней половины фигуры № 2.

Показательно также, что косые насечки, заполняющие пространство фигур № 3–5, сгруппированы в параллельные ряды, т. е. – таким же образом, как

и во втором знаке. Однако контур фигуры № 3 отличен от контура фигур № 2 и 4. Он, с одной стороны, может быть сопоставлен, учитывая интерпретацию фигуры № 1, с профильным изображением мезинских «птичек» – условных женских фигурок из бивня мамонта. С другой стороны, общие очертания третьего изображения напоминают обобщенный контур фигуры № 5, данный в зеркальном отображении и повернутый «конусовидным» окончанием вниз.

В свою очередь, фигура № 5 может рассматриваться как контурный рисунок животного. Правая граница в таком случае изображает линию спины, «конусовидный» верх – область шеи, без детального изображения головы, низ – это изображение крупа, задней ноги и хвоста. Графические профильные рисунки животных в искусстве верхнего палеолита на территории Русской равнины буквально единичны и представлены тремя изображениями: рисунком мамонта, вырезанным на бивне, из раскопок стоянки Зарайск А (*Амирханов, Лев*, 2009. С. 332–335) и двумя профильными рисунками животных (мамонт и, вероятно, копытное), найденными при раскопках третьего культурного слоя стоянки Костёнки 21 (рис. 4). Одно из них может рассматриваться в качестве аналогии изображению на бивне из Оболонья. Разница в характере прорезанных линий объясняется тем, что в Костёнках 21 (сл. III) в качестве основы использовался песчаник, а также тем, что поверхность бивня из Оболонья была размягчена перед нанесением изображений, что способствовало прорезанию/продавливанию линий плавных очертаний.

Орнаментированный бивень мамонта из раскопок стоянки Кирилловская (рис. 4).

Киево-Кирилловская (Кирилловская) стоянка открыта в 1893 г. В. В. Хвойко и раскапывалась им совместно с В. Б. Антоновичем и П. Я. Армашевским в 1894–1897, 1899 и 1900 гг. Орнаментированный бивень был обнаружен в нижнем культурном слое (*Хвойко*, 1903) и представлен проксимальной частью длиной 30 см. По своим размерам он сопоставим с мотыгами, перечисленными выше. По мнению Л. А. Яковлевой, кирилловский бивень мог использоваться как землекопное орудие (*Яковлева*, 2013. С. 240). Следы от продолжительной работы, оставшиеся на поверхности и конце бивня, отмечал П. И. Борисковский (*Борисковский*, 1953. С. 168, 169).

Подробное описание графических изображений, разделенное на девять взаимосвязанных частей, опубликовано Л. А. Яковлевой (*Яковлева*, 2013. С. 240–245). В отличие от бивня из Оболонья, изобразительная композиция, нанесенная на поверхность Кирилловского бивня, организована вокруг одного общего мотива. Этот мотив представлен двумя длинными линиями, образующими сложный зигзаг и волнообразный рисунок. Часть полей, образованных их изгибами, заполнена поперечно расположенными параллельными линиями, слабоволнистыми или изогнутыми. В свою очередь, часть этих линий имеет примыкающие к ним короткие поперечные насечки. В композицию также входит ряд параллельных прямых и зигзагообразных линий с такими же насечками, а также линии без насечек, прорезанные в виде низкого зигзага (одна линия) и волнообразного ритмичного узора (две линии). Имеются также ряды более коротких прорезанных линий, как двойных, так и одинарных. Кроме того, Л. А. Яковлева, вслед за В. В. Хвойко, выделяет графическое изображение птицы (рис. 4: *5 (1)*)

и черепахи (рис. 4: *5 (3)*) и дополняет его профильным изображением головы мамонта (рис. 4: *5 (2)*).

Видеть в этих комбинациях изображения животных стало историографической традицией. О том, что на бивне мамонта из Кирилловской, вероятно, вырезаны профили птицы и черепахи, вслед за В. В. Хвойко (*Линниченко, Хвойко*, 1901), писали П. П. Ефименко (*Ефименко*, 1938. С. 549) и П. И. Борисковский (*Борисковский*, 1953. С. 169). И в данном случае, методически, интерпретация базируется на современных ассоциациях, а не на имеющийся корпус графических изображений верхнего палеолита Европы.

Линия, которая очерчивает, по мнению Л. А. Яковлевой, голову мамонта, является частью более длинной волнообразной линии, объединяющей всю композицию. Она никак не отделена от остальных частей этого рисунка, и ее рассмотрение в качестве самостоятельного образа представляется сомнительным. Поверх этого поля нанесен знак угловатых очертаний П-образной формы с конусовидными ножками, обращенными острыми окончаниями вниз. Традиционно эта фигура рассматривается как изображение головы птицы на тонкой шее с длинным клювом. Внутри контура этой фигуры, в верхней ее части, нанесен поперечный ряд коротких вертикальных параллельных насечек. Правая нижняя часть фигуры заштрихована короткими косыми подпараллельными насечками, сгруппированными в два ряда, расположенными вдоль границ контура изображения. В левой части фигуры, у ее границы посередине, нанесен знак в виде двояковыпуклой линзы и примыкающей к ее нижнему концу короткой насечки в виде V-образного шеврона. Считается, что этот знак изображает глаз птицы. Подобные изображения птиц не известны в искусстве верхнего палеолита Европы, хотя орнитоморфные образы присутствуют как в мелкой пластике, так и среди наскальных рисунков. По этой причине существующая интерпретация данного изображения вызывает сомнения. Между тем, данному изображению имеется вполне очевидная аналогия, которая давно и хорошо известна, и представлена графическими П-образными рисунками на поверхности знаменитой межиричской «чуринги» (рис. 4: *7 (1–4)*). Разница между ними только в пропорциях и в сочетании межиричских знаков с заштрихованными овалами. Традиционно эти знаки интерпретируются как изображения жилищ, однако и эта точка зрения повторяет ту же методическую ошибку, которая вызвана современными ассоциациями исследователей, не опирающихся на корпус известных верхнепалеолитических образов. П-образные знаки могут быть интерпретированы как геометризованные изображения так называемых рогатых овалов, относящихся, так же как и подковообразные изображения, к разновидности «женских знаков» (*Гаврилов*, 2009), о чем в свое время убедительно писал А. Д. Столяр (*Столяр*, 1972; 1985. С. 237–257).

Изображение так называемой черепахи еще более сомнительно. Оно фактически распадается на несколько элементов, которые в настоящее время трудно интерпретировать из-за недостатка сравнительного материала. Можно только указать на некоторое сходство линии с петлевидным окончанием, которое принято считать изображением ласты и нижней половины головы черепахи, с фигурами № 7 и 8 на Оболоньевском бивне. Кроме того, фигура, которая рассматривается как изображение панциря черепахи, по внешнему контуру и пропорциям близка фигуре № 6 бивня из Оболонья, в зеркальном отображении.

Женская скульптура из раскопок стоянки Пятра Нимц 1 (слой II).

Верхнепалеолитический памятник Пятра Нимц 1 (Нямец в традиционной русской транскрипции) расположен в долине р. Быстрица в Восточной Румынии, неподалеку от одноименного города. Сама стоянка содержит два верхнепалеолитических культурных слоя, относящихся ко времени, которое соответствует поздней поре верхнего палеолита. Радиоуглеродные даты культурных слоев представлены в табл. 1.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты стоянки Пятра Нимц 1 (по: *Niţu et al.*, 2023)

Глубина, см	к. слой	Материал	Лаборатория	Возраст, л. н. (некал.)	Возраст (кал., вероятность – 95,4 %)
250	I	Кость	Beta 531207	16,080 ± 50	19,580–19,225
250	I	Зуб	ROAMS 1289.33	16,225 ± 60	19,825–19,390
250	I	Зуб	Beta 531208	16,560 ± 50	20,171–19,773
290	II	Кость	Beta 531209	16,410 ± 50	20,005–19,602
290	II	Зуб	RoAMS 1291.33	16,422 ± 63	20,027–19,601
290	II	Уголь	RoAMS 1293.33	16,423 ± 86	20,056–19,575
290	II	Кость	RoAMS 1290.33	16,477 ± 62	20,082–19,646
290	II	Уголь	Beta 531211	17,040 ± 50	20,732–20,361
290	II	Уголь	Beta 545811	17,130 ± 50	20,856–20,486
290	II	Уголь	RoAMS 1292.33	17,174 ± 92	20,987–20,469
290	II	Уголь	Beta 531210	17,190 ± 50	20,925–20,554

В нижнем культурном слое II, на участке рядом со следами кострища, была найдена женская статуэтка. По мнению исследователей стоянки, этот культурный слой датируется около 17 000 некал. л. н., т. е. относится ко времени, наступившему непосредственно после окончания периода LGM. Показательно, что каменная индустрия слоя II характеризуется обилием отщепов, сериями коротких узких пластин и полным отсутствием пластинок и микропластин с притупленным краем (*Niţu et al.*, 2023. P. 8).

Сама статуэтка очень примечательна (рис. 5: *1*). Она изготовлена из небольшой плоской гальки песчаника подовальной формы. Ее размеры: 9,9 × 6,9 × 3,6 см (*Niţu et al.*, 2023. P. 10). В области шеи, вульвы, а также на спине фигурки зафиксированы следы минеральной краски красного цвета. Голова не имеет изображения лица и полностью декорирована горизонтальными короткими и достаточно глубокими выемками, которые образуют при взгляде сверху спиралевидный орнамент. Форма головы спереди и сзади имеет подтреугольную форму. В целом, очертания статуэтки в этих проекциях вписываются в двояковыпуклую линзу.

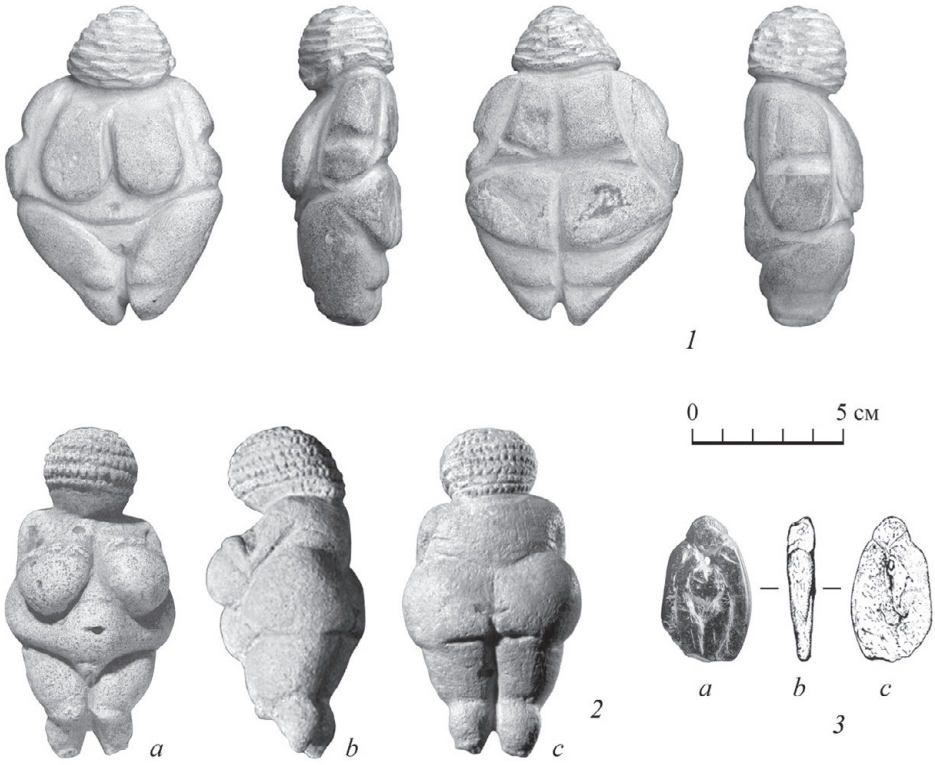


Рис. 5. Женские статуэтки из раскопок стоянок Пятра Нимц 1, сл. II, Виллендорф II и Барма Гранде (3)

1 – Пятра Нимц 1, сл. II (по: *Niţu et al.*, 2023); *2* – Виллендорф II, (*a* по: *Soffer et al*., 2000; *b, c* по: https://donsmaps.com/willendorf.html); *3* – Барма Гранде (*a* по: *Rau et al*., 2009; *b, c* по: *White, Bisson*, 1998).

Руки в локтевой области также имеют выемки. Длинные и широкие выемки на спине, обозначающие жировые складки, образуют Х-образную фигуру, которая пересекается вертикальной выемкой на спине. Глубокая вертикальная выемка разделяет ягодицы и продолжает визуально линию вертикальной выемки спины. Груди крупные, но уплощенные. Живот отделен от вульвы и ног поперечной глубокой выемкой, однако не строго горизонтальной, а волнистой, подчеркивающей анатомические особенности женской фигуры. Пупок выделен глубокой круглой выемкой. Вульва показана рельефно, натуралистично. На ногах рельефно выделены колени, голени разъединены, сзади участок подколенного сгиба подчеркнут широкими выемками, визуально образующими слабоизогнутую книзу линию. Ягодицы отделены от бедер изогнутой широкой выемкой, которая повторяет очертания подколенных выемок. Ступни не обозначены, ноги спереди и сзади имеют треугольное завершение. Фигурка слегка асимметрична, ее правый бок более выпуклый по сравнению с левым.

Женская статуэтка из Пятра Нимц 1 имеет прямую аналогию со знаменитой Виллендорфской Венерой (рис. 5: *2*). Однако сходство между статуэтками из Румынии и Австрии только иконографическое. Обе они изображают один тип женского образа, отличительной особенностью которого является голова, полностью украшенная спиралевидным орнаментом, без изображения лицевого отдела. Этот иконографический тип отличается от другого, представленного в европейском искусстве позднего граветта статуэтками, у которых объемно переданы черты лица, а также изображены прически, при помощи ритмично расположенных на голове узких и глубоких прорезанных прямых линий. Самостоятельность этих типов подтверждается тем, что они зафиксированы в одном контексте, а именно в комплексе произведений искусства стоянки Авдеево. В искусстве зарубежной Европы этот тип представлен женскими головками из Барма Гранде: «негроид» (*White, Bisson*, 1998. Fig. 1. P. 97), и Брассемпуи: «дама в капюшоне» (*White*, 2006. Fig. 11. P. 269).

Стилистически же румынская статуэтка отличается от виллендорфской. Она менее реалистична и более декоративна. Исследователи стоянки Пятра Нимц 1 считают, что особенности этой фигурки могут быть объяснены тем, что для ее изготовления была использована плоская речная галька (*Niţu et al.*, 2023). Но более верным представляется иное объяснение: мастер, изготовивший статуэтку, специально подобрал такую гальку, которая подходила для изображения того образа, который вышел из его рук. В пользу этой точки зрения свидетельствует факт наличия среди женских статуэток стоянки Барма Гранде (северо-запад Италии) фигурки так называемой монашки, изготовленной из плоской гальки подовальных очертаний (рис. 5: *3*). Стилистически, а также иконографически она отличается от статуэтки из Пятра Нимц 1. Тем не менее их сближает сам факт изготовления женской скульптуры на плоской речной гальке. Кроме того, их внешний контур, несмотря на всю разницу в размерах, сходен: статуэтка из Барма Гранде, как и фигурка из Пятра Нимц 1, может быть вписана в двояковыпуклую линзу.

К сожалению, у нас нет исчерпывающих данных о возрасте статуэтки из Барма Гранде. Точка зрения М. Биссона и соавторов о том, что все женские статуэтки, найденные при раскопках этого памятника археологии, должны быть отнесены к позднему верхнему палеолиту (*Bisson et al.*, 1996), представляется неверной. Ей противоречат данные о характере каменной индустрии верхнепалеолитических слоев и культурной стратиграфии стоянки, приведенные в статье Ж. Онoратини и соавторов (*Onoratini et al.*, 2012), которые показывают, что обнаруженные в Барма Гранде культурные слои относились к ориньяку, раннему, развитому и позднему граветту, а также раннему и позднему эпиграветту.

Стилистический анализ всей серии статуэток из Барма Гранде еще предстоит провести, но уже сейчас, даже при беглом взгляде на весь корпус представленных произведений искусства из раскопок этого памятника (*White, Bisson*, 1998), можно выдвинуть гипотезу, что они относятся к разным периодам верхнего палеолита. К такому предположению подводят два наблюдения. Во-первых, чрезвычайное стилистическое разнообразие статуэток. Во-вторых, наличие среди женской скульптуры из Барма Гранде таких, которые по своему внешнему облику имеют явные аналогии среди антропоморфной пластики развитого граветта Центральной и Восточной Европы и среди женских изображений позднего

верхнего палеолита. К первым необходимо отнести статуэтку из желтого стеатита, ко вторым – фигурку из бивня в красной охре. Однако уверенно судить о том, являются ли очертания уплощенных статуэток из Пятра Нимц 1 и Барма Гранде признаком, однозначно связанным с определенным периодом развития верхнепалеолитической женской скульптуры, пока преждевременно.

Выводы

Категории изделий из кости и бивня, найденные при раскопках таких стоянок как Костёнки 2, Костёнки 11 (сл. Ia), Оболонье, Киево-Кирилловская, свидетельствуют о сохранении в материальной культуре граветтских традиций. «Женские знаки» на мотыге из Костёнок 11 (сл. Ia), на бивне из Оболонья, волнообразный мотив с поперечной штриховкой полей на Кирилловском бивне – все они имеют аналогии среди произведений искусства восточно- и центральноевропейского граветта. В этой связи важно подчеркнуть сходство между волнообразным мотивом с поперечной штриховкой, нанесенным на бивень из Кирилловской, и орнаментом на ребре из стоянки Пшедмости I (*Oliva*, 2015. P. 81). В то же время на обоих орнаментированных бивнях, Оболоньевском и Кирилловском, выделяются знаки, которые могут быть сопоставлены с условными женскими изображениями более поздних, эпиграветтских, стоянок: Мезинской и Межиричской, расположенных буквально поблизости. По-видимому, первым, кто выдвинул идею о связи орнамента Кирилловского бивня с искусством Пшедмости, с одной стороны, и орнаментов более поздних стоянок, в частности – Мезина, был П. П. Ефименко (*Ефименко*, 1938. С. 550). В своих выводах он опирался на общую сложность и абстрактный характер графической композиции, вырезанной на поверхности бивня из Кирилловской стоянки, сравнивая ее с изображением женщины на бивне из стоянки Пшедмости I и орнаментами мезинских фигурок, однако не сопоставлял его с волнообразным орнаментом на ребре из Пшедмости. Межиричская стоянка была открыта значительно позже, поэтому вывод П. П. Ефименко, сделанный во многом интуитивно, не получил дальнейшего развития в работах отечественных специалистов.

В свою очередь, обнаружение в 2019 г. при раскопках стоянки Пятра Нимц 1 женской статуэтки не является просто находкой одной из теперь уже достаточно многочисленных скульптурных изображений верхнего палеолита. Ее стилистические и иконографические особенности убедительно свидетельствуют в пользу культурной преемственности на территории Восточных Карпат между средним (развитый граветт) и поздним верхним палеолитом (эпиграветт).

Семантическая нагруженность женских знаков и условных изображений, а также антропоморфной скульптуры в ряду рассмотренных произведений первобытного искусства дает основания для гипотезы о том, что на территории Центральной и Восточной Европы прослеживается прямая преемственность в духовной культуре населения верхнего палеолита, жившего во время MIS2. В центральных районах Русской равнины она фиксируется преимущественно в графике, реже – в скульптуре, при этом в изображениях сохраняются стилистические черты, характерные как для среднего и позднего верхнего палеолита, так и для переходного между ними периода LGM.

Эти произведения искусства – своеобразные свидетели перемен, происходивших в культуре первобытных сообществ в течение длительной истории в условиях позднеледниковья.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З. А., 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 86 с. (САИ; вып. А4-3.)

Амирханов Х. А., 2000. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 248 с.

Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С. Ю., Мащенко Е. Н., 2009. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф. 466 с.

Амирханов Х. А., Лев С. Ю., 2009. Произведения палеолитического искусства стоянки Зарайск А // Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005 / Ред. Х. А. Амирханов. М.: Палеограф. С. 289–339.

Ахметгалеева Н. Б., Дудин А. Е., 2017. Новые произведения искусства с верхнепалеолитической стоянки Костёнки 11, 1А культурный слой: технологический анализ и предварительные трасологические наблюдения // Каменный век и начало эпохи раннего металла. Технология изготовления и функции костяных изделий в древних культурах Евразии. Казань. С. 31–54. (Археология евразийских степей; 2.)

Бессуднов А. А., 2019. Замятнинская археологическая культура поздней поры верхнего палеолита: миф или реальность? // Camera praehistorica. 1 (2). С. 36–69.

Борисковский П. И., 1953. Палеолит Украины. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 463 с. (МИА; № 40.)

Борисковский П. И., Дмитриева Т. Н., 1982. Костенки 2 (стоянка Замятнина) // Палеолит Костёнковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред.: Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев. Л.: Наука. С. 67–71.

Верхний палеолит: образы, символы, знаки: каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016. 384 с.

Гаврилов К. Н., 2008. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2. М.: Таус. 256 с.

Гаврилов К. Н., 2009. Женщина – зверь – орнамент. Культурная специфика в искусстве эпиграветта на Русской равнине // РА. № 4. С. 66–80.

Гаврилов К. Н., 2023. Переход от средней к поздней поре верхнего палеолита в центре Русской равнины: реколонизация или автохтонное развитие? // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. № 1. С. 47–67.

Гаврилов К. Н., Хлопачев Г. А., Еськова Д. К., 2022. Новая антропоморфная статуэтка верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2 (пункт В, раскопки 2020 года) // КСИА. Вып. 269. С. 7–21.

Григорьев Г. П., 1970. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР / Отв. ред. А. А. Формозов. М.: Наука. С. 43–63. (МИА; № 166.)

Ефименко П. П., 1938. Первобытное общество. 2-е изд. Л.: Соцэкгиз. 636 с.

Ефименко П. П., 1958. Костёнки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 485 с.

Ефименко П. П., Борисковский П. И., 1953. Палеолитическая стоянка Боршево II // Палеолит и неолит СССР. Т. 2 / Ред. А. П. Окладников. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 56–110. (МИА; № 39.)

Линниченко И. А., Хвойко В. В., 1901. О новѣйшихъ раскопкахъ г. Хвойка // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. XXIII. Одесса: Экономическая тип. и литогр. С. 68–76.

Лисицын С. Н., Дудин А. Е., 2019. Граветт / эпиграветт в Костёнковско-Борщевском районе на Дону: критерии разделения, культурная интерпретация и периодизация // Camera praehistorica. 1 (2). С. 70–107.

Палеолит Костенковского-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред.: Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев. Л.: Наука, 1982. 288 с.

Столяр А. Д., 1972. К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита // Палеолит и неолит СССР. Т. 7 / Ред.: З. А. Абрамова, Н. Д. Праслов. Л.: Наука. С. 202–219. (МИА; № 185.)

Столяр А. Д., 1985. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство. 299 с.
Ступак Д. В., Хлопачев Г. А., 2014. Оброблений бивень зі стоянки Оболоння // Археологія і давняя історія України. Вип. 1 (12). Київ. С. 127–136.
Ступак Д. В., Хлопачев Г. А., Грибченко Ю. Н., Комар М. С., 2014. Нова верхньопалеолітична стоянка Оболоння // Епіграветські пам'ятки Середнього Подніпров`я / Ред.: Д. В. Ступак, Г. А. Хлопачев. Київ: Видавець Олег Філюк. С. 9–30. (Археологічний альманах; 31.)
Хвойка В. В., 1903. Киево-Кирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи Мадлен // Археологическая летопись Южной России. № 1. Киев. С. 26–36.
Чабай В. П., Ступак Д. В., Весельский А. П., Дудник Д. В., 2020. Культурно-хроно-логічна варіабельність епігравету Середнього Подніпров'я // Археологія. 2. С. 5–31.
Яковлева Л., 2013. Найдавніше мистецтво України. Київ: Стародавній світ. 288 с.

Bisson M. S., Tisnerat N., White R., 1996. Radiocarbon Dates from the Upper Paleolithic of the Barma Grande // CA. Vol. 37. № 1. P. 156–162.
Clark P. U., Dyke A. S., Shakun J. D., Carlson A. E., Clark J., Wohlfarth B., Mitrovica J. X., Hostetler S. W., McCabe A. M., 2009. The Last Glacial Maximum // Science. Vol. 325. P. 710–714.
Demidenko Yu. E., 2020. Magdalenian in Eastern Europe: is it really there? // Anthropologie. Vol. LVIII. № 2–3. P. 227–249.
Demidenko Yu. E., Škrdla P., Rios-Garaizar J., 2018. European perspectives of the East European LGM Epi-Aurignacian with Sagaidak-Muralovka-type microliths // Multas per gentes et multa per saecula. Amici magistro et collegae suo Ioanni Christopho Kozłowski dedicant / Ed. P. Valde-Nowak et al. Krakow: Institute of Archaeology. P. 85–92.
Demidenko Yu. E., Škrdla P., Rios-Garaizar J., 2019. In between Gravettian and Epigravettian in Central and Eastern Europe: a peculiar LGM Early Late Upper Paleolithic industry // Přehled výzkumů. 60. 1. P. 11–41.
Gvozdover M., 1995. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo. Oxford: Oxbow. 189 p. (Oxbow Monograph; 49.)
Klein K., Wegener Ch., Schmidt I., Rostami M., Ludwig P., Ulbrich S., Richter J., Weniger G.-Ch., Shao Y., 2021. Human existence potential in Europe during the Last Glacial Maximum // QI. Vol. 581–582. P. 7–27.
Marshack A., 1979. Upper Paleolithic symbol systems of the Russian Plain: cognitive and comparative analysis // CA. Vol. 20. № 2. P. 271–311.
Niţu E.-C., White R., Cârciumaru M., Cîrstina O., Ionuţ-Lupu F., Leu M., Straticiuc M., Sava Tiberiu B., Bălăşescu A., Manea M., Grigore S., Sîrbu R., 2023. A new Palaeolithic female figurine from Piatra Neamţ, Romania // L'Anthropologie. Vol. 127. Iss. 1. 103103.
Oliva M., 2015. Palaeolithic art of Moravia. The Anthropos Collection of the Moravian Museum. Brno: Moravské zemské muzeum. 172 p.
Onoratini G., Arellano A., Lucchese A. Del, Moullé P. E., Serre F., 2012. The Barma Grande cave (Grimaldi, Vintimiglia, Italy): From Neanderthal, hunter of «Elephas antiquus», to Sapiens with ornaments of mammoth ivory // QI. Vol. 255. P. 141–157.
Rau S., Naumann D., Barth M., Mühleis Y., Bleckmann C., 2009. Eiszeit: Kunst und Kultur. Ostfildern: Thorbecke. 396 p.
Soffer O., Adovasio J. M., Hyland D. C., 2000. Textiles, Basketry, Gender, and Status in the Upper Paleolithic // CA. Vol. 41. № 4. P. 511–537.
White R., 2006. The Women of Brassempouy: A Century of Research and Interpretation // Journal of Archaeological Method and Theory. Vol. 13. № 4. P. 251–304.
White R., Bisson M. S., 1998. Imagerie féminine du Paléolithique: l'apport des nouvelles statuettes de Grimaldi // Gallia préhistoire. T. 40. P. 95–132.

Сведения об авторе

Гаврилов Константин Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

K. N. Gavrilov

WITNESSES OF CHANGES: WORKS OF PRIMITIVE ART FROM EASTERN AND CENTRAL EUROPE DURING THE LATE GLACIAL AGE

Abstract. The article examines the works of art from the sites of Eastern and Central Europe that existed during the Late Glacial period. An iconographic and stylistic analysis of graphic images carved on the tusks was carried out for the materials from the sites Kostenki 11 (level IA), Obolonye, Kiev-Kirillovskaya, and also the works of minor plastic art retrieved when excavating the sites of Zamyatnin archaeological culture, Mezin and Mezhirichi sites, Piatra Neamţ 1, Przedmost and Willendorf II. The cultural relationship between the art of the Middle and Late Upper Paleolithic of the Center of the Russian Plain, as well as Central Europe in the areas of modern Austria, Romania and southeastern region of Czech Republic is shown.

Keywords: Upper Paleolithic, Gravette, Epigravette, Epiorignac, LGM, art.

REFERENCES

Abramova Z. A., 1962. Paleoliticheskoe iskusstvo na territorii SSSR [Paleolithic art in territory of the USSR]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 86 p. (SAI.)

Akhmetgaleeva N. B., Dudin A. E., 2017. Novye proizvedeniya iskusstva s verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Kostenki 11, 1A kul'turnyy sloy: tekhnologicheskiy analiz i predvaritel'nye trasologicheskie nablyudeniya [New works of art from Upper Paleolithic site of Kostenki 11, 1A cultural layer: technological analysis and preliminary traceological observations]. *Kamennyy vek i nachalo epokhi rannego metalla. Tekhnologiya izgotovleniya i funktsii kostyanykh izdeliy v drevnikh kul'turakh Evrazii [Stone Age and the beginning of Early Metal Age. Manufacturing technology and functions of bone items in ancient cultures of Eurasia]*. Kazan, pp. 31–54. (Arkheologiya evraziyskikh stepey, 2.)

Amirkhanov H. A., 2000. Zarayskaya stoyanka [Zaraysk site]. Moscow: Nauchnyy mir. 248 p.

Amirkhanov H. A., Akhmetgaleeva N. B., Buzhilova A. P., Burova N. D., Lev S. Yu., Mashchenko E. N., 2009. Issledovaniya paleolita v Zarayske. 1999–2005 [Paleolithic studies in Zaraysk. 1999–2005]. Moscow: Paleograf. 466 p.

Amirkhanov H. A., Lev S. Yu., 2009. Proizvedeniya paleoliticheskogo iskusstva stoyanki Zaraysk A [Works of Paleolithic art of Zaraysk A site]. *Issledovaniya paleolita v Zarayske. 1999–2005 [Paleolithic studies in Zaraysk. 1999–2005]*. H. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Paleograf, pp. 289–339.

Bessudnov A. A., 2019. Zamyatninskaya arkheologicheskaya kul'tura pozdney pory verkhnego paleolita: mif ili real'nost'? [Zamyatnin archaeological culture of Late Upper Paleolithic: myth or reality?]. *Camera praehistorica*, 1 (2), pp. 36–69.

Boriskovskiy P. I., 1953. Paleolit Ukrainy [Paleolithic of Ukraine]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 463 p. (MIA, 40.)

Boriskovskiy P. I., Dmitrieva T. N., 1982. Kostenki 2 (stoyanka Zamyatnina) [Kostenki 2 (Zamyatnin site)]. *Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo rayona na Donu. 1879–1979. Nekotorye itogi polevykh issledovaniy [Paleolithic of Kostenki-Borshchevo region on the Don. 1879–1979. Some results of field research]*. N. D. Praslov, A. N. Rogachev, eds. Leningrad: Nauka, pp. 67–71.

Chabay V. P., Stupak D. V., Vesel'skiy A. P., Dudnik D. V., 2020. Kul'turno-khronologichna variabel'nist' epigravetu Seredn'ogo Podniprov'ya [Cultural and chronological variability of Epigravette of Middle Don region]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 2, pp. 5–31.

Efimenko P. P., 1938. Pervobytnoe obshchestvo [Prehistoric society]. 2nd ed. Leningrad: Sotsegiz. 636 p.

Efimenko P. P., 1958. Kostenki I [Kostenki I]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 485 p.

Efimenko P. P., Boriskovskiy P. I., 1953. Paleoliticheskaya stoyanka Borshevo II [Borshevo II Paleolithic site]. *Paleolit i neolit SSSR [Paleolithic and Neolithic of the USSR]*, 2. A. P. Okladnikov, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 56–110. (MIA, 39.)

Gavrilov K. N., 2008. Verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Khotylevo 2 [Upper Paleolithic site of Khotylevo 2]. Moscow: Taus. 256 p.

Gavrilov K. N., 2009. Zhenshchina – zver' – ornament. Kul'turnaya spetsifika v iskusstve epigravetta na Russkoy ravnine [Woman – animal – ornament. Cultural specificity in the art of Russian Plain Epigravette]. *RA*, 4, pp. 66–80.

Gavrilov K. N., 2023. Perekhod ot sredney k pozdney pore verkhnego paleolita v tsentre Russkoy ravniny: rekolonizatsiya ili avtokhtonnoe razvitie? [Transition from Middle to Late Upper Paleolithic in the center of Russian Plain: recolonization or autochthonous development?]. *Pervobytnaya arkheologiya: zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Prehistoric archaeology: A journal of interdisciplinary research]*, 1, pp. 47–67.

Gavrilov K. N., Khlopachev G. A., Es'kova D. K., 2022. Novaya antropomorfnaya statuetka verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Khotylevo 2 (punkt V, raskopki 2020 goda) [New anthropomorphic figurine from Khotylevo 2 Upper Paleolithic site (location B, 2020 excavations)]. *KSIA*, 269, pp. 7–21.

Grigor'ev G. P., 1970. Verkhniy paleolit [Upper Paleolithic]. *Kamennyy vek na territorii SSSR [Stone Age in territory of the USSR]*. A. A. Formozov, ed. Moscow: Nauka, pp. 43–63. (MIA, 166.)

Khvoyka V. V., 1903. Kievo-Kirillovskaya paleoliticheskaya stoyanka i kul'tura epokhi Madlen [Kiev-Kirillovskaya Paleolithic site and culture of the Madeleine time]. *Arkheologicheskaya letopis' Yuzhnoy Rossii [Archaeological chronicle of Southern Russia]*, 1. Kiev, pp. 26–36.

Linnichenko I. A., Khvoyko V. V., 1901. O noveyshikh" raskopkakh" g. Khvoyka [On the latest excavations of Mr. Khvoyka]. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey [Notes of Imperial Odessa Society of history and antiquities]*, XXIII. Odessa: Ekonomicheskaya tipografiya i litografiya, pp. 68–76.

Lisitsyn S. N., Dudin A. E., 2019. Gravett/epigravett v Kostenkovsko-Borshchevskom rayone na Donu: kriterii razdeleniya, kul'turnaya interpretatsiya i periodizatsiya [Gravett/Epigravett in Kostenki-Borshchevo region on the Don: criteria of separation, cultural interpretation and periodization]. *Camera praehistorica*, 1 (2), pp. 70–107.

Paleolit Kostenkovskogo-Borshchevskogo rayona na Donu. 1879–1979. Nekotorye itogi polevykh issledovaniy [Paleolithic of Kostenki-Borshchevo region on the Don. 1879–1979. Some results of field research]. N. D. Praslov, A. N. Rogachev, eds. Leningrad: Nauka, 1982. 288 p.

Stolyar A. D., 1972. K voprosu o sotsial'no-istoricheskoy deshifrovke zhenskikh znakov verkhnego paleolita [On the issue of socio-historical deciphering of female symbols of Upper Paleolithic]. *Paleolit i neolit SSSR [Paleolithic and Neolithic of the USSR]*, 7. Z. A. Abramova, N. D. Praslov, eds. Leningrad: Nauka, pp. 202–219. (MIA, 185.)

Stolyar A. D., 1985. Proiskhozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva [The origin of figurative art]. Moscow: Iskusstvo. 299 p.

Stupak D. V., Khlopachev G. A., 2014. Obrobleniy biven' zi stoyanki Obolonnya [Processed tusk from Obolonye site]. *Arkheologiya i davnyaya istoriya Ukraïni [Archaeology and early history of Ukraine]*, 1 (12). Kiïv, pp. 127–136.

Stupak D. V., Khlopachev G. A., Gribchenko Yu. N., Komar M., 2014. Nova verkhn'opaleolitichna stoyanka Obolonnya [New Upper Paleolithic site Obolonye]. *Epigravets'ki pam'yatki Seredn'ogo Podniprov`ya [Epigravette sites of Middle Dnieper region]*. D. V. Stupak, G. A. Khlopachev, eds. Kiïv: Oleg Filyuk, pp. 9–30. (Arkheologichniy almanakh, 31.)

Verkhniy paleolit: obrazy, simvoly, znaki: katalog predmetov iskusstva malykh form i unikal'nykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniya MAE RAN [Upper Paleolithic: images, symbols, signs: catalog of minor art objects and unique finds of Upper Paleolithic from archaeological collection of MAE RAN]. G. A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: Ekstraprint, 2016. 384 p.

Yakovleva L., 2013. Naydavnishe mistetstvo Ukraïni [The earliest art of Ukraine]. Kiïv: Starodavniy svit. 288 p.

About the author

Gavrilov Konstantin N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

Л. И. Авилова

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ СОСУДЫ МЕСОПОТАМСКОГО РЕГИОНА IV–III тыс. до н. э. (ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВА И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ)[1]

Резюме. В статье представлены результаты исследования металлической посуды из археологических памятников бронзового века Месопотамии кон. IV – III тыс. до н. э. Материал рассматривается как индикатор экономических, культурных и общественных процессов, происходивших на Ближнем Востоке. В основе работы БД из 1980 металлических сосудов. Представлен ее статистический анализ по ряду признаков. Применяемые методы включают формально-типологический анализ посуды, статистический анализ их распределения по хронологии, типам археологических памятников и материалу изготовления. Особое внимание обращено на археологический и культурный контексты находок. Металлическая посуда рассмотрена с позиций ее социальной значимости. Автор предлагает реконструкцию практик использования металлических сосудов в общественных ритуалах, в особенности в погребальном обряде. Распространение металлической посуды в элитарных комплексах Месопотамии в кон. IV – III тыс. до н. э. отражает процессы сложения цивилизации ближневосточного типа и является одним из ее признаков. Ее изучение позволяет понять динамику формирования и развития сложных/иерархических сообществ на Ближнем Востоке с точки зрения значения металлопроизводства и его роли в общественном развитии.

Ключевые слова: Месопотамия, бронзовый век, база данных, металлическая посуда, элитарные комплексы, хронология, морфология, статистический анализ, социальные функции, ранние государства, цивилизация ближневосточного типа.

Статья продолжает исследования металлической посуды из памятников Ближнего Востока эпохи раннего металла (V–II тыс. до н. э.). Ранее были опубликованы работы, посвященные металлическим сосудам Анатолии и сравнению

[1] Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.27-46

металлической посуды анатолийского и месопотамского регионов (*Авилова*, 2020; 2023). В данной статье внимание автора сосредоточено на металлических сосудах из памятников Месопотамии конца IV – III тыс. до н. э.

Металлические сосуды – одна из категорий инвентаря Циркумпонтийской историко-культурной и производственной зоны (провинции), существовавшей в раннем (РБВ) и среднем (СБВ) периодах бронзового века (*Chernykh*, 1992. P. 140–171). В 1980-е гг. в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН был выполнен ряд проектов по созданию компьютерных баз данных (БД) по металлическим изделиям Циркумпонтийской провинции. Автором данной статьи были созданы БД по 4 регионам Ближнего Востока (*Авилова, Черных*, 1989; *Černyh et al.*, 1991; *Авилова*, 1996; 2001; 2008; 2013; *Авилова, Орловская*, 2001; *Chernykh et al.*, 2002; *Черных и др.*, 2002). Месопотамская БД (*Авилова*, 2008. Табл. 10–14; 2013) стала основой настоящего исследования. В результате целенаправленного сбора данных на настоящий момент учтено 1980 металлических сосудов.

Цель автора – изучение металлической посуды из археологических памятников Месопотамии. Сосуды рассматриваются как продукция одной из отраслей производства и как маркеры процессов историко-культурного развития. Задачи статьи: статистический анализ БД; характеристика динамики использования металлической посуды во времени; установление связи находок с теми или иными типами памятников; статистика материала изготовления сосудов; обзор морфологии сосудов по периодам; уточнение их функционального назначения и социального контекста.

В энеолите (позднем Убейде) освоение металла на Ближнем Востоке шло чрезвычайно медленно, но в IV тыс. до н. э. был достигнут достаточно высокий уровень металлопроизводства: освоена выплавка меди из разных типов руд; началось массовое производство мышьяковых бронз; был выработан обширный репертуар изделий. Постепенно металлические изделия начинают играть важную роль в технологическом, социальном, культурном развитии общества. Контекст ранних металлических находок свидетельствует, что стимулом для их изготовления было стремление создать отличительные знаки лиц/групп высокого социального статуса (*Авилова, Антонова*, 2009; *Авилова*, 2010; 2018; 2020; *Roberts et al.*, 2009). Основанием для интерпретации объекта как престижного являются сложность его производства, высокие трудозатраты, ценность и редкость материала. Эти особенности использования металлических сосудов отчетливо проявляются в эпоху формирования раннегосударственных структур на Ближнем Востоке в конце IV – III тыс. до н. э.

Хронологические рамки исследования

Хронологические рамки исследования охватывают IV и III тыс. до н. э. Месопотамская периодизационная шкала основана на исторической хронологии. Последовательность историко-культурных комплексов IV–II тыс. до н. э. отражена в табл. 1, построенной в системе средней хронологии радиоуглеродных датировок с учетом хронологических схем, опубликованных в работах Э. Порады и др. (*Porada et al.*, 1992), Н. Постгейта (*Postgate*, 1992), Дж. Рида (*Reade*, 2001), М. Ван де Мироп (*Van De Mieroop*, 2007).

Таблица 1. Хронологическая последовательность культурных комплексов Месопотамии в рамках IV–II тыс. до н. э.

Месопотамские культурные комплексы	Датировка	Период
Урук ранний/средний	4000–3500	Поздний энеолит
Урук поздний/Джемдет Наср	3500–2900	Поздний энеолит – РБВ
Раннединастический I	2900–2750	РБВ I
Раннединастический II	2750–2600	РБВ II
Раннединастический III	2600–2350	РБВ III
Аккадский	2350–2150	СБВ
3-я династия Ура	2112–2004	СБВ
Древневавилонский/Исин-Ларса	2004–1595	СБВ

Основные направления изучения металлических сосудов

В IV–III тыс. до н. э. на Ближнем Востоке происходит ряд культурных трансформаций, отразившихся в урбанизации культуры и ландшафта, прогрессе в объеме и технологии металлопроизводства, формировании межрегиональных систем обмена (*Jablonka*, 2014; *Massa, Palmisano*, 2018; *Авилова*, 2017). Происходит количественный рост и расширение репертуара металлических изделий за счет распространения новых категорий инвентаря (*Frangipane et al.*, 2001; *Zimmerman*, 2009; *Di Nocera*, 2010; *Авилова*, 2008; *Ковалев*, 2020). Одна из инновационных категорий – металлическая посуда.

Типология месопотамских металлических сосудов была разработана К. Л. Вулли на богатейших материалах некрополя Ура (*Woolley*, 1934). Она же положена в основу всех последующих классификаций, включая наиболее полную сводку М. Мюллера-Карпе (*Müller-Karpe*, 1993). Большое место занимают сосуды в рассуждениях С. Хансена об использовании золота и серебра в майкопской культуре (*Hansen*, 2014. P. 391–392), причем автор вслед за Мюллером-Карпе (*Müller-Karpe*, 1993. S. 12 ff.) подчеркивает уникальность майкопской серии сосудов и отсутствие прямых параллелей с синхронными урукскими материалами (IV тыс. до н. э.).

Следует упомянуть работу Н. В. Рындиной (2017) о технологии изготовления майкопских металлических сосудов. Применение микроструктурного анализа позволило ее автору выделить несколько технологических схем, использовавшихся ремесленниками-профессионалами Северного Кавказа в IV тыс. до н. э. Автор доказала, что на Ближнем Востоке нет материалов, отражающих столь высокий уровень производства сосудов из меди/бронзы. Можно сожалеть, что в настоящее время подобного исследования металлических сосудов из Ближневосточного региона не было осуществлено.

Ряд авторов делает акцент на социальной роли металлической посуды как категории престижного инвентаря, отражающей процессы имущественной

и социальной дифференциации обществ, формирования элиты (*Reeves*, 2003; *Zimmerman*, 2009).

Металлическим сосудам из анатолийских кладов эпохи бронзы уделено внимание в монографии и отдельных статьях автора (*Авилова*, 2018; 2020). В них представлено хронологическое распределение и морфология сосудов в анатолийском регионе, уточняется их назначение, социальные и ритуальные функции. Опубликовано сравнение анатолийских и месопотамских сосудов (*Авилова*, 2023). Автор рассматривает металлическую посуду как признак иерархической структуры раннегосударственного общества, сложения цивилизаций ближневосточного типа.

Проблема источников минерального сырья

В Месопотамии, в особенности южной, практически отсутствуют рудные источники, как и другие минеральные ресурсы (*Авилова, Терехова*, 2006; *Авилова*, 2017; *Massa, Palmisano*, 2018. Fig. 15). Металл импортировался и одновременно служил каналом распространения месопотамского воздействия на соседние территории. Период позднего Урука – Джемдет Насра (3500–2900 до н. э.) отмечен прорывом в социально-политическом развитии регионов, входивших в зону месопотамского культурного влияния. В Восточной Анатолии, Юго-Западном Иране локализуются городские центры, которые функционировали как урукские колонии на путях обмена и специализировались на поставках металла в Месопотамию. Открыты городские поселения со следами производства металла Арслантепе и Норшунтепе на Верхнем Евфрате, Хассек-Хююк на Среднем Евфрате (*Schmitt-Strecker et al.*, 1992; *Мунчаев*, 2005; *Di Nocera*, 2010). В результате городской цивилизации Урука с ее обширными связями (*Algaze*, 1989) и организационными возможностями удалось обеспечить широкую доставку металла извне путем обмена (*Moorey*, 1994; *Авилова*, 2017).

В IV тыс. до н. э. применялась в основном мышьяковая бронза, в III тыс. до н. э. ведущим сплавом становится оловянная (*Авилова*, 2008. С. 140–142). Источники олова упоминаются в шумерских текстах III тыс. до н. э. (*Moorey*, 1994. P. 298–300). Вероятна его доставка с территории современного Афганистана; возможно, что для импорта олова использовались пути поставок лазурита из Бадахшана (*Crawford*, 1974. P. 242–243. Fig. 43).

В урукский период разрабатывались месторождения меди и свинецсодержащих серебряных руд на Верхнем Евфрате (*Ryan*, 1960; *Yener*, 1983). На северо-восточном побережье Анатолии также размещается обширный район месторождений медных и серебряных руд (*Pernicka et al.*, 1984), он также имел развитые связи с Верхней Месопотамией в плане обмена металлом (*Maxwell-Hyslop*, 1974; *Yener*, 1983).

Серебро в Передней Азии и в Восточном Средиземноморье получали в основном из свинцовых руд, что подтверждается находками свинцового глета (PbO), образующегося при купелировании (окислительном отделении свинца от серебра). Обнаружение свинцового глета в поселении Хабуба Кабира на Среднем Евфрате доказывает, что уже в IV тыс. до н. э. серебро получали из свинцовых руд (*Muhly*, 1993. P. 130–136). Свинец как побочный продукт

добычи серебра благодаря своей пластичности широко использовался для производства сосудов, о чем свидетельствует их большая серия из Царского некрополя Ура времени позднего Урука (*Woolley*, 1955).

Что касается золота, то свинцово-изотопные исследования золотых изделий из Царского некрополя Ура показали, что оно доставлялось в Южную Месопотамию из Ирана или Афганистана (*Janson et al.*, 2016. P. 105).

Материалы

Первые металлические сосуды появляются в Месопотамии в конце IV тыс. до н. э. (поздний Урук – Джемдет Наср), причем они достаточно многочисленны. Из некрополя Ура нами учтено 38 сосудов этого времени, из Телло – 8, из Хафадже – 5 (Woolley, 1955; *Müller-Karpe*, 1993). Эти ранние материалы указывают на специфическую черту урукской эпохи в Южной Месопотамии – высокую встречаемость металлических сосудов в погребениях.

Общее число учтенных металлических сосудов по Месопотамии – 1980 экз. Основой коллекции стали крупные серии из Ура, Киша, Телло, Хафадже и др. (*Woolley*, 1934; 1955; *Mackay*, 1925; 1929; *Müller-Karpe*, 1993). Классификации металлических сосудов опубликованы Л. Вулли и М. Мюллером-Карпе (*Woolley*, 1934; *Müller-Karpe*, 1993). Они очень близки по принципам выделения типов и их количественной представительности: первая схема включает 53 типа, вторая – 51. Поэтому в данной работе автор пользуется ими как единой классификацией, не предлагая собственной.

Хронологическое распределение находок

В нашей БД представлены сосуды позднего Урука, Джемдет Насра, Раннединастических (РД) I, II и III, Аккадского, 3-й династии Ура, Древневавилонского периодов. Часть материала датируется узко, в рамках одного исторического периода, а для части находок хронологическая позиция определяется в границах не одного, а двух или даже трех соседних периодов, например, РД I – РД II; РД III – Аккад; Аккад – 3-я династия Ура – Древневавилонский период. Во избежание неопределенности и излишней дробности в картине распределения находок автором была предложена укрупненная хронологическая группировка находок (*Авилова*, 2023).

Поздний Урук – Джемдет Наср (3500–3000 до н. э.) традиционно составляют один период. Соответствующие находки рассматриваются как единая хронологическая **группа 1**.

Для раннединастического времени не всегда удается разграничить РД I и II, тогда как РД III выделяется отчетливо. Периоды РД I и II непродолжительны и в археологическом материале улавливаются плохо, основой для их выделения служит стиль изображений на цилиндрических печатях. Учитывая сказанное, а также невысокую насыщенность находками сосудов, материалы РД I и РД II (3000–2600 до н. э.) объединены в **группу 2**.

Находки РД III объединены с материалами, имеющими широкую датировку: РД II–III и РД III – Аккад (2600–2350 до н. э.) – **группа 3**.

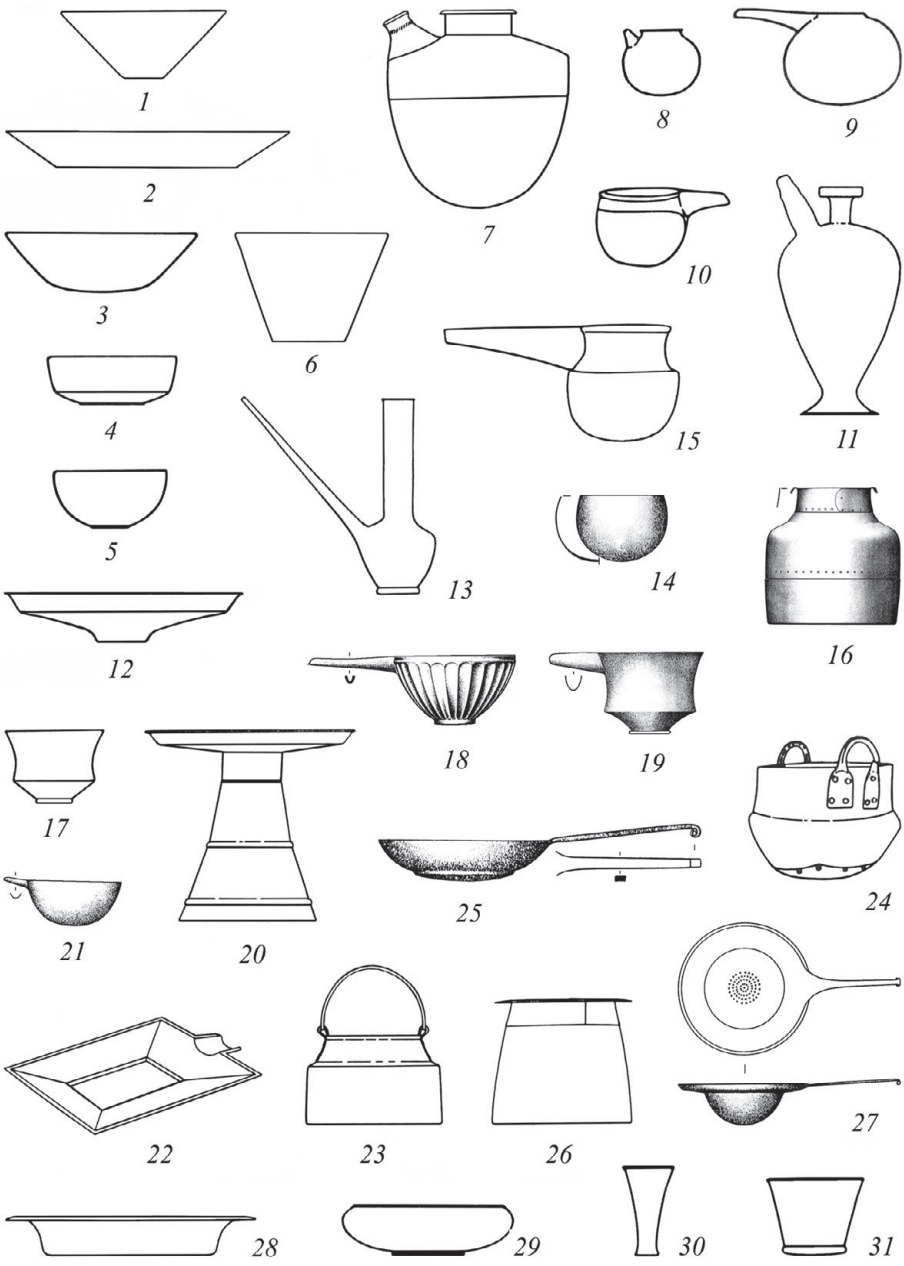


Рис. 1. Месопотамия. Металлические сосуды

1, 8 – Телло; *2, 3, 5, 7, 17, 21* – Хафадже; *4, 6, 12, 13, 15, 16, 18, 20, 22–24, 26, 28, 30, 31* – Ур; *9* – Урук, клад; *10* – Телль Адджуль; *11, 14, 19, 25* – Киш; *27* – Телль Асмар; *29* – Ниппур

1–9 – поздний Урук – Джемдет Наср; *11, 14* – РД I; *10, 21* – РД II; *12, 13, 15–20, 22, 25* – РД III; *27* – РД III-Аккад; *23, 24, 26, 28–31* – Аккад

9, 18 – золото; *12* – серебро; *3–6* – свинец; остальное – медь/бронза

Находки с широкой датировкой Аккад – 3-я династия Ура – Древневавилонский период (2350–2000 до н. э.) отнесены к единой **группе 4**. Такое распределение материалов, на наш взгляд, не вносит серьезных искажений и при этом позволяет оперировать более представительными сериями и получить более доверительную статистику распределения.

Морфология месопотамских сосудов чрезвычайно разнообразна (*Woolley*, 1934; *Müller-Karpe*, 1993). Отчетливо прослеживается общая линия эволюции форм сосудов. В хронологической группе 1 набор типов ограничен коническими чашами, округлыми мисками (рис. 1: *1–6*) и сосудами сферических очертаний с носиками и сливами (рис. 1: *7–9*).

В количественно небольшой группе 2 появляются высокие кувшины (рис. 1: *11*).

Группа 3 количественно и морфологически представительна. В нее входят профилированные миски различных пропорций, сосуды с носиками и сливами, кубки на поддоне (рис. 1: *13, 15, 18, 19*), стаканы, низкие чаши (рис. 1: *12*), сосуды на высокой подставке, «сковороды», подносы (рис. 1: *20, 22, 25*) и др. Парадные сосуды из драгоценных металлов роскошно декорированы каннелюрами (рис. 3: *2–5*). На их донцах встречается гравированный орнамент в виде цветка-розетки (рис. 3: *3, 4*) – одного из древних и значимых символов в искусстве Двуречья (*Авилова*, 2022. С. 292–293).

В 4-й группе набор типов значительно сокращается, продолжают бытовать миски, стаканы, сковороды, цедилки (рис. 1: *27–31*). Появляются глубокие сосуды с высокой петельчатой ручкой и двумя ручками (рис. 1: *23, 24*), а формы с носиком и сливом выходят из обращения. Сосуды в основном не орнаментированы, орнамент каннелюрами не встречается.

В целом эволюция форм сосудов идет от конических и полусферических мисок к сложным кувшинообразным формам и кубкам и чашам середины III тыс. до н. э. с богатой орнаментацией.

Статистический анализ коллекции

Хронологическое распределение металлических сосудов. Не все 1980 учтенных сосудов имеют хронологическую привязку. Датировка установлена для 1436 экз. Их распределение по четырем хронологическим группам весьма неравномерно. Группа 1 представлена 46 сосудами (3,2 % находок). Группа 2 – 110 экз. (7,6 %). Группа 3 насчитывает 972 экз. (67,7 %). Группа 4 – 308 экз. (21,4 %) (рис. 2: *A*). На графике пик соответствует массовым находкам сосудов времени РД III – Аккада, которые происходят прежде всего из Царского некрополя Ура.

Распределение по типам памятников. Типов памятников, из которых происходят сосуды, всего 4 – погребения, клады, поселения, случайные находки. Их представительность различна. Связь с определенным памятником установлена не для всех сосудов: место находки известно для 1681 экз. По этому признаку выборка распадается на 4 неравноценные группы: сосуды из погребений – 1546 экз. (78 %); из кладов (их известно всего 5) – 99 экз. (5 %); из поселенческих слоев – 36 экз. (2 %). Еще в 299 случаях это случайные находки, чаще

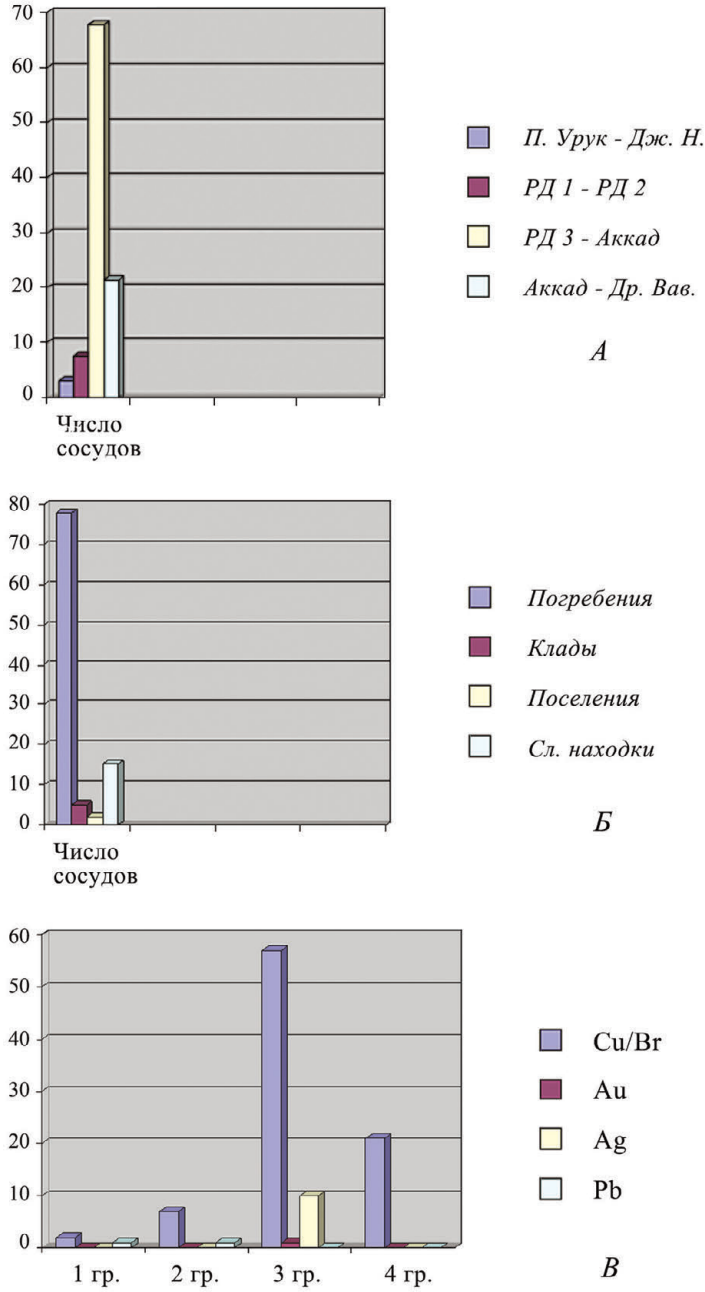


Рис. 2. Месопотамия. Статистика распределения металлических сосудов

А – распределение сосудов по периодам (1436 экз.); *Б* – распределение сосудов по типам памятников (1980 экз.); *В* – распределение сосудов по периодам и материалу (1436 экз.)

Рис. 3. Металлические сосуды из Царского некрополя Ура (по: Jerald Jack Starr, https://sumerianshakespeare.com/1340001.html)

1–4, 6, 7, 11, 12, 14 – золото; *5, 8–10, 13, 15* – серебро; *16* – бронза

всего они происходят с рынка антиквариата, их доля составляет 15 % коллекции (рис. 2: *Б*). Подавляющее большинство сосудов происходит из погребальных комплексов, прежде всего из некрополя Ура. Преобладание сосудов из погребений отмечено и в Анатолии – 66 % (*Авилова*, 2023).

Распределение сосудов по материалу и хронологии. По материалу изготовления находки делятся на 4 группы – медь/бронза, золото/электр, серебро, свинец. Учтен 21 золотой сосуд (1,1 % коллекции), серебряных 167 (8,4 %), свинцовых 69 (3,5 %), медно-бронзовых 1723 (87 %). Однако без учета хронологии эти цифры недостаточно информативны. Значительно более выразительный результат получаем при рассмотрении представительности по материалу не суммарно, а в динамике, в рамках четырех хронологических групп. Поскольку датировка установлена для 1436 находок, абсолютные цифры и процентные показатели по данному признаку отличаются от приведенных выше суммарных цифр для всей коллекции. Полученная картина распределения весьма динамична (рис. 2: *В*).

1-я хронологическая группа включает 46 сосудов. Основным материалом их изготовления является медь/бронза (28 экз., или 61 %), при этом доля свинцовых изделий чрезвычайно высока (16 экз., или 35 %). Интересно, что в рамках данного хронологического отрезка наблюдаются изменения в статистике использованных металлов: из памятников позднего Урука известно 13 сосудов, все из меди/бронзы, а среди находок времени Джемдет Насра представлены все материалы: 15 медно-бронзовых сосудов, 1 золотой, 1 серебряный и 16 свинцовых. Сосуды из драгоценных металлов найдены в Уруке, в кладе храмовой утвари (*Heinrich*, 1936. Taf. 30d; 35d; 29).

Ко 2-й группе относятся 110 сосудов. При общем количественном росте находок представлено два металла – медь/бронза (95 экз., или 86 %) и свинец (15 экз., или 14 %). Изделий из драгоценных металлов нет, доля свинцовых сосудов уменьшается по сравнению с ранней группой, но остается заметной.

3-я группа самая многочисленная – 972 сосуда. Сосуды широко распространяются, как медно-бронзовые, так и из драгоценных металлов. Количественное доминирование и яркая морфологическая репрезентативность этой группы обусловлена тем, что к ней относятся богатейшие захоронения Царского некрополя Ура. Представлены все металлы. Медно-бронзовые сосуды составляют подавляющее большинство (811 экз., или 83 %). Заметна доля изделий из драгоценных металлов: золотых сосудов 19 (2 %), серебряных 140 (14 %). Свинцовых сосудов всего два, это означает, что данный материал практически выходит из употребления.

4-я группа также представительна, учтено 308 экз. Она исключительно монолитна по материалу: почти все сосуды изготовлены из меди/бронзы (302 экз., или 98 %), золотой всего один, серебряных пять (1,5 %). Свинец в это время не представлен.

Сосуды в культурном контексте Месопотамии

Религия и связанные с ней ритуалы были важнейшей частью жизни жителей Двуречья. Наши знания в этой области базируется на сведениях, относящихся к элите, поскольку данные письменных источников отражают в основном

практики и верования высших слоев общества; наиболее выразительные археологические материалы также происходят из элитарных комплексов, тогда как информация о культовых и обрядовых практиках сельского населения ограничена. Поэтому нижеприведенные соображения основаны на материалах наиболее представительного памятника, откуда происходит выразительная коллекция металлических сосудов – Царского некрополя Ура.

Некрополь Ура с момента открытия стал известен роскошью инвентаря 16 гробниц, которые в настоящее время датируются временем РД IIIA (2600–2450 до н. э.). Они были обозначены Л. Вулли как царские по «особенностям структуры и ритуала», выделявшим их среди остальных могил, которых насчитывалось около 2000 (*Woolley*, 1934. P. 33). Среди особенностей – подземные камеры из сырца или камня, следы многоэтапных сложных ритуальных действий и множественные погребения («человеческие жертвоприношения»), сопровождавшие центрального покойника. Исходя из упорядоченного расположения костяков в сохранных гробницах и отсутствия признаков борьбы и насилия, исследователь утверждал, что эти люди шли на смерть добровольно. Это было связано с тем, что те, кого хоронили в обстановке роскоши, характерной для царских гробниц, являлись членами царской семьи и представителями их свиты (Ibid. P. 35, 41–42). Высказывались и мнения о том, что центральные захоронения могли принадлежать ритуальным исполнителям роли царя, представителям религиозной верхушки (верховные жрицы и жрецы) или неопределенным высокопоставленным лицам (*Frankfort*, 1978. P. 400–401).

Тезис Вулли о добровольном характере смерти сопровождающих погребенных получил широкое распространение (см. *Reade*, 2001; *Marchesi*, 2004), чему способствовало длительное отсутствие антропологических данных, поскольку костяки имели зачастую плохую сохранность. Недавние исследования с применением современных методов выявили на черепах молодой женщины из погр. 1237 (Great death pit) и воина из царской гробницы 789 следы ударных травм, нанесенных тупым орудием (*Baadsgaard*, *Zettler*, 2014. P. 112).

Кроме 16 царских гробниц к РД IIIA относят 137 так называемых частных могил (PG – private graves) (*Pollock*, 1985), в которых сопровождающие захоронения отсутствуют. В них нет погребальных сооружений, умершие уложены в простых ямах в гробах или завернуты в циновки. Почти все захоронения одиночные. В некоторых из них был богатый инвентарь, но большинство обставлены гораздо менее пышно, чем царские гробницы. Несомненно, на этом этапе развития погребального ритуала важнейшим моментом была демонстрация различий в социально-имущественном положении погребенных.

Царское кладбище с самого начала функционирования было местом погребения избранных. С. Поллок приводит доводы демографического характера: число погребенных слишком мало для населения Ура времени РД IIIA. При площади ок. 50 га в раннединастическом Уре одномоментно должно было проживать минимум 5000 жителей, а вероятно, и больше. Считая поколение в 30 лет, за это время в городе должно было умереть минимум 15 000 человек. Поллок насчитывает всего 509 погребенных, которых можно отнести к этапу РД IIIA. Эта цифра складывается из 137 покойников в «частных могилах» плюс 372, захороненных в 16 царских гробницах. Даже если увеличить число умерших

в 10 раз с учетом недатированных и невыявленных захоронений, полученная цифра – 5090 – будет намного ниже 15 000, т. е. минимальной предполагаемой численности умерших (*Pollock*, 2007. P. 100).

При обсуждении контекста и роли металлических сосудов следует подчеркнуть важность темы пиршества в культуре Месопотамии (*Авилова*, 2010). Коллективными трапезами сопровождались все значительные события. Показательно, что для обозначения народного собрания в письменности использовалось изображение сосуда (*Дьяконов*, 1959. С. 138).

В погребальных церемониях, связанных с царскими похоронами, участвовали лица высшего общественного слоя: умерший – центральный погребенный и те, кто удостоился чести принимать участие в его последнем земном пиршестве или в пирах в загробном мире. Материалы царских гробниц указывают на важность погребального пира, независимо от того, действительно ли сопровождающие лица в гробницах принимали участие в ритуальной трапезе перед смертью или же припасы предназначались для обитателей загробного мира или для путешествия туда (*Cohen*, 2005). Это следует из детальных совпадений многочисленных изображений празднеств и жертвоприношений в мире живых и материальных свидетельств из царских гробниц. Тема путешествия в подземный мир и загробной трапезы присутствует в шумерском тексте «Нисхождение Ур-Намму», посвященном смерти и посмертной судьбе первого царя 3-й династии Ура (*Емельянов*, 2003. С. 110–111).

В. В. Емельянов пишет: «Текст о нисхождении Ур-Намму сохранился плохо, далеко не все его части поддаются однозначной интерпретации. После смерти царь прибывает в Подземный мир. Сперва он приносит дары и жертвы семи подземным божествам в их дворцах. Затем он одаряет жрецов и чиновников–писцов, от которых, по-видимому, будет зависеть его дальнейшая участь. Добираясь до центра Подземного мира, Ур-Намму встречается с Гильгамешем, который объясняет ему правила жизни в стране мертвых» (*Емельянов*, 2003. С. 110–111, со ссылкой на *Flückiger-Hawker*, 1999). В английском переводе текста «Нисхождение Ур-Намму» говорится, что царь подносит дары семи привратникам Подземного царства. Появление Ур-Намму вызывает всеобщее волнение. Затем царь устраивает большой пир. Для него заколото много быков и овец, причем в тексте подчеркивается, что пища в подземном мире горькая, а вода соленая. Ур-Намму подносит подарки богам: Нергалу – булаву, лук и кинжал; Гильгамешу, царю Подземного мира, – копье, булаву и щит, Нингизиду – колесницу. Всем богам он жертвует много быков без порока, козлят без порока, откормленных овец. Сведения приводятся мною по английскому переводу текста о нисхождении Ур-Намму – Ur-Namma Descend (I am Ur-Namma – https://sumerianshakespeare.com/27601.html – ЛА).

Кратко рассмотрим место некоторых категорий инвентаря погребений в ритуале, сопоставив их с изобразительными материалами.

Исследование археологических комплексов Месопотамии с металлической посудой позволяет рассматривать ее с позиций социальной значимости. Важный аспект функционирования металлических сосудов – их использование в общественных ритуалах: торжественных трапезах, погребальных церемониях, храмовых жертвоприношениях. На широкое распространение обычая коллектив-

ных пиршеств указывает и нахождение сосудов в погребениях: они помещались в могилу, поскольку умерший, видимо, мыслился как участник трапезы, объединявшей мертвых и живых родичей. В письменных источниках упоминается потребление пищи, напитков и возлияния в контексте похорон (*Wright*, 1969. P. 83; *Forest*, 1983. P. 136). Детальный анализ соответствующих текстов был проведен Э. Коэном. В них упоминается раздача хлеба и пива плакальщикам и певцам на царских похоронах. Приношение еды и напитков умершим было важной обязанностью живых и одним из основных аспектов общения между мертвыми и живыми (*Cohen*, 2005).

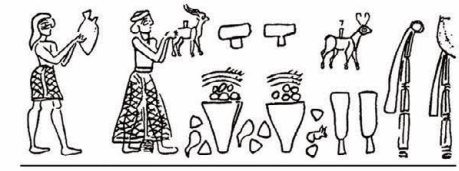
Контекст находок демонстрирует их стабильную связь с определенными типами памятников, в большинстве – с элитарными погребениями (*Авилова*, 2018; 2020; 2023). Формы и размеры сосудов, наличие стабильных наборов указывают, что они использовались при манипуляциях с жидкостями, причем не при их хранении, а в социальном контексте: при смешивании, разливании, питье. На это указывают малые и средние размеры сосудов, а также их формы: ложки, черпаки и цедилки для перемешивания и переливания из больших контейнеров в кувшины или сосуды для питья (кубки различных форм). Такие формы, как бронзовые глубокие миски и блюда, скорее всего использовались для обжаривания и разогревания пищи в ходе парадной трапезы (*Cohen*, 2005; *Авилова*, 2010; 2020).

Приношения, включавшие еду и питье, составляли центральную часть системы храмовой экономики, с подношениями от храмовой администрации и царской семьи храмам и поставками продуктов работниками храмовых хозяйств (*Авилова*, 2012). На печатях, рельефах и инкрустированных композициях часто встречаются сцены пира: люди (изображенные чаще всего парами) держат в поднятых руках кубки (рис. 4: *5, 8, 10*) или пьют из высоких кувшинов через трубочку (рис. 4: *3, 13, 14*) (*Amiet*, 1980; *Schmandt-Besserat*, 2000). Иконография этих сцен имеет стандартизованный характер: главные участники пира изображаются более крупными, сидящими в парадных одеяниях, прислужники в короткой одежде подносят им сосуды; часто присутствуют музыканты. Интересно, что печати со сценами пира особенно распространены в Уре (*Amiet*, 1980. P. 123).

Важно не только количество и типы сосудов, но и их расположение в могиле. Часто погребенные в царских гробницах держали чашу в руке, поднятой перед грудью или ко рту (*Woolley*, 1934. P. 35–36). У погребенного в могиле 755 (Мескаламдуг) золотая чаша находилась в руках (Ibid. Fig. 35). Этот жест типичен для участников пиршеств на произведениях изобразительного искусства. В некоторых гробницах присутствуют большие кувшины, а в гробнице Пуаби (№ 800) – золотые и серебряные трубочки для питья, такие, какими пользуются пирующие в сценах на печатях (рис. 4: *13, 14*).

Сцены пира изображают людей, несущих в руках животных, грузы и сосуды с продуктами питания или напитками (рис. 4: *1, 4, 6, 12*). Все это, по-видимому, следует считать подношениями/припасами для пиршеств. В сосудах из захоронений Ура найдены остатки пищи: определены зерна пшеницы, ячменя, гороха, нут, яблоки, финики, хлеб, кости мелкого рогатого скота, коровы, возможно, свиньи, птиц, рыб (*Ellison et al.*, 1978).

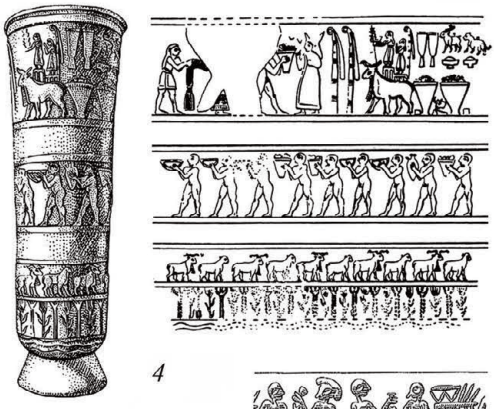
В могилах есть свидетельства возлияний жидкостей, что также известно по текстам и изображениям. Для этой цели могли использоваться металлические



1

2

3



4

5

6

9

8

7

10

11

12

13

14

15

16

кувшины с высоким горлом (рис. 1: *13*; 3: *8, 9*; 4: *9, 12*) и плоские открытые сосуды с носиками, названные Вулли «светильниками» (*Pollock*, 2007. P. 103) (рис. 3: *13*). Нередко сосуды на изображениях божеств и царей фонтанируют (рис. 4: *11, 16*), что можно связать с представлениями об ирригации как одной из важнейших функций древневосточных государств.

Сцены пира включают изображения музыкантов с лирами и арфами – инструментами, которые реально присутствуют в нескольких царских гробницах (рис. 4: *6, 8*). В гробницы помещали повозки или сани, что также находит параллели в изобразительных материалах. Колесницы и повозки обычно применялись для войны (Урский «штандарт»), и можно полагать, что некоторые пиршества представляли собой празднования победы. Очевидно, что повозки, использовавшиеся для транспортировки умерших к месту погребения, ассоциировались с путешествием в загробный мир.

Центральное место пиршеств и подношений пищи и напитков в ритуальной жизни элиты раннединастической Месопотамии демонстрировало и закрепляло структуру правящих групп, а точное следование правилам торжественного застолья было частью этикета поведения. Демонстрация сосудов – символов престижа по ходу пира имела целью укрепление власти и авторитета лидеров местных общин.

Заключение

Исследование месопотамской металлической посуды позволяет сделать ряд выводов. Главная особенность металлопроизводства Месопотамии – чрезвычайно высокий уровень развития, достигнутый при отсутствии собственной сырьевой базы за счет импорта металла. Решающую роль в развитии цивилизации Двуречья сыграло развитое производство пищевых продуктов, создававшее ресурсы для обмена на различное сырье, в том числе металлы.

Самыми ранними типами металлических сосудов в Месопотамии являются миски, они входят в употребление в позднеурукское время (кон. IV тыс. до н. э.). Наибольшее морфологическое разнообразие металлической посуды относится к середине – второй пол. III тыс. до н. э. и связано с расцветом металлопроизводства в раннегосударственных образованиях эпохи РД III.

В III тыс. до н. э. резко возрастает производство металлических изделий и сосудов в частности, в том числе из драгоценных металлов. Это во многом обусловлено ростом потребности обществ государственного типа в обозначении

Рис. 4 (с. 40). Изображения сосудов в памятниках искусства Месопотамии

1, 2 – оттиски цилиндрических печатей, поздний Урук; *3* – расписной сосуд из Хафадже, РД I–II; *4* – каменная ваза из Урука, поздний Урук; *5* – «штандарт» из Царского некрополя Ура, РД III; *6* – известняковый рельеф из Хафадже, РД III; *7* – оттиск цилиндрической печати из р-на Диялы, Джемдет-Наср; *8, 10, 14* – оттиски цилиндрических печатей, некрополь Ура, РД III; *9* – перламутровый рельеф из Ура, РД III; *11* – Гудеа перед богом Энки, оттиск цилиндрической печати, 3-я династия Ура; *12* – известняковый рельеф из Ура, РД III; *13* – оттиск цилиндрической печати из р-на Диялы, РД III; *15* – оттиск цилиндрической печати из Ассура, аккадская эпоха; *16* – статуя Гудеа, кальцит, 3-я династия Ура

наивысших социальных рангов (*Авилова*, 2020. С. 36). Заказчиком и потребителем предметов роскоши была элита, обладавшая возможностями для интенсификации производства, накопления продукции для обмена, организации и охраны торговых путей. Анализ комплексов показывает, что металлическая посуда маркирует формирование элитарных групп в догосударственных и раннегосударственных обществах Месопотамии.

Распространение металлических сосудов в элитарных комплексах отражает социальные процессы, связанные с феноменом сложения цивилизации ближневосточного типа, и является одним из ее признаков. Изучение металлической посуды в контексте позволяет лучше понять динамику фундаментальных изменений, связанных с формированием и развитием сложных/иерархических сообществ в таком крупном историко-культурном регионе, как Двуречье, с точки зрения роли, которую играли металлопроизводство и его продукция в общественном развитии.

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Л. И., 1996. Металл Месопотамии в раннем и среднем бронзовом веке // ВДИ. № 4. С. 68–81.

Авилова Л. И., 2001. Древние бронзы Леванта // РА. № 1. С. 15–26.

Авилова Л. И., 2008. Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники исторической мысли. 227 с.

Авилова Л. И., 2010. К изучению социокультурного развития земледельческих обществ Древнего Востока // Вестник Дагестанского научного центра. № 37. С. 35–49.

Авилова Л. И., 2012. К характеристике храмовых комплексов Ближнего Востока в IV–III тыс. до н. э. // Проблемы археологии Кавказа / Отв. ред.: Р. М. Мунчаев, С. Н. Кореневский. М.: Таус. С. 10–21.

Авилова Л. И., 2013. Компьютерные базы данных и исследования металлопроизводства на Древнем Востоке // КСИА. Вып. 229. С. 91–105.

Авилова Л. И., 2017. О циркуляции металла в эпоху энеолита – бронзы (слитки, заготовки и весовые системы Ближнего Востока) // SP. № 2. С. 75–100.

Авилова Л. И., 2018. Анатолийские клады металлических изделий: Очерки металлопроизводства и культурного контекста. М.: ИА РАН. 248 с.

Авилова Л. И., 2020. К изучению металлических сосудов Анатолии (III тыс. до н. э.): морфология и контекст находок // КСИА. Вып. 260. С. 21–42.

Авилова Л. И., 2022. …Возложил на голову его венец из чистого золота // SP. № 2. С. 279–302.

Авилова Л. И., 2023. Металлические сосуды Месопотамско-Анатолийского региона в эпоху раннего и среднего бронзового века (IV–III тыс. до н. э.). Морфология и социальный контекст // И бронзы век, и век железный…: к юбилею Наталии Николаевны Тереховой / Отв. ред. В. И. Завьялов. М.: ИА РАН. С. 37–60.

Авилова Л. И., Антонова Е. В., 2009. Древняя Евразия: интерпретации свидетельств культурных перемен // КСИА. Вып. 223. С. 3–12.

Авилова Л. И., Орловская Л. Б., 2001. Историко-металлургические и радиоуглеродные базы данных по Циркумпонтийской металлургической провинции // КСИА. Вып. 211. С. 23–29.

Авилова Л. И., Терехова Н. Н., 2006. Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху энеолита – бронзового века // КСИА. Вып. 220. С. 14–33.

Авилова Л. И., Черных Е. Н., 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии / Отв. ред. В. Н. Черных. М.: Наука. С. 31–83.

Дьяконов И. М., 1959. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М.: Вост. лит. 308 с.

Емельянов В. В., 2003. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.: Азбука-классика: Петербургское Востоковедение. 203 с.

Ковалев А. А., 2020. Хронология переднеазиатских и закавказских аналогий «украшениям» культур Предкавказья первой половины III тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 258. С. 75–94.

Мунчаев Р. М., 2005. Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // РА. № 4. С. 13–24.

Рындина Н. В., 2017. О технологии производства металлических сосудов майкопской культуры Северного Кавказа // SP. № 2. С. 101–118.

Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В., 2002. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. № 1. С. 5–23.

Algaze G., 1989. The Uruk expansion: cross-cultural exchange in early Mesopotamian civilization // CA. Vol. 30. P. 571–608.

Amiet P., 1980. La glyptique mesopotamienne archaique. 2nd ed. Paris: Editions du Centre national de la recherché scientifique. 522 p.

Baadsgaard A., Zettler R. L., 2014. Royal Funerals and Ruling Elites at Early Dynastic Ur // Contextualising Grave Inventories in the Ancient Near East / Ed. P. Pfälzner et al. Wiesbaden: Harrasovitz Verlag. P. 105–121.

Černyh E. N., Avilova L. I., Barceva T. B., Orlovskaja L. B., Tenejsvili T. O., 1991. The Circumpontic metallurgical province as a system // East and West. Vol. 41. № 1–4. P. 11–45.

Chernykh E. N., 1992. Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age. Cambridge: Cambridge University Press. 335 p.

Chernykh E. N., Avilova L. I., Orlovskaya L. B., 2002. The Circumpontic metallurgical province: from unification to disintegration // Anatolian metal II / Ed. Ü. Yalçin. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. S. 83–100. (Der Anschnitt; Beih. 15.)

Cohen A., 2005. Death Rituals, Ideology, and the Development of Early Mesopotamian Kingship: Towards a New Understanding of Royal Cemetery of Ur. Leiden: Brill. 244 p.

Crawford H. E. W., 1974. The problem of tin in Mesopotamian bronzes // World Archaeology. Vol. 6. № 2. P. 242–247.

Di Nocera G. M., 2010. Metals and metallurgy. Their place in the Arslantepe society between the end of the 4th and beginning of the 3rd millennium BC // Economic Centralisation in Formative States. The Archaeological Reconstruction of the Economic System in 4th Millennium Arslantepe / Ed. M. Frangipane. Roma: Sapienza universita di Roma. P. 255–274. (Studi di Preistoria Orientale; vol. 3.)

Ellison R., Renfrew J., Brothwell D., Seeley N., 1978. Some Food Offerings from Ur. Excavated by Sir Leonard Woolley, and Previously Unpublished // JAS. Vol. 5. Iss. 2. P. 167–177.

Flückiger-Hawker E., 1999. Urnamma of Ur in Sumerian Literary Tradition. Freiburg: University Fribourg Switzerland; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 383 p. (Orbis Biblicus et Orientalis; 166.)

Forest J.-D., 1983. Les pratiques funéraires en Mésopotamie du 5e millénaire au début du 3e: Étude de cas. Paris: Recherche sur les civilisations. 245 p.

Frangipane M., Di Nocera G., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T., 2001. New symbols of a new power in a «Royal» tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // Paléorient. Vol. 27. 2. P. 105–139.

Frankfort H., 1978. Kingship and the gods. Chicago: University of Chicago Press. 470 p.

Hansen S., 2014. Gold and silver in the Maikop Culture // Metals of power – Early gold and silver: 6th Archaeological Conference of Central Germany (October 17–19, 2013 in Halle (Saale). Halle: Landesmuseum für Vorgeschichte. P. 389–410.

Heinrich E., 1936. Kleinfunde aus den archaischen Tempelschichten in Uruk. Leipzig: Harrassowitz. 54, 37 S. (Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka; 1.)

I am Ur-Namma [Электронный ресурс]. URL: https://sumerianshakespeare.com/27601.html (дата обращения: 21.12.2023.)

Jablonka P., 2014. Globalisierung im 3. Jahrtausend v. und n. Chr. – Interpretationen archäologisch sichtbarer Kontakte von der Ägäis bis zum Indus von der nordwestlichen Peripherie aus betrachtet // Altorientalische Forschungen. 41. 1. S. 41–62.

Janson M., Hauptmann A., Klein S., 2016. Where does the gold from the Cemetery of Ur come from? – Provenancing gold sources using analytical methods // Metalla. № 22.1. P. 98–106.

Mackay E. J. H., 1925. Report on the excavations of the «A» cemetery at Kish, Mesopotamia. Chicago: Field Museum of Natural History. 84 p. (Field Museum of Natural History, Anthropology, Memoires; vol. I, № 1.)

Mackay E. J. H., 1929. A Sumerian palace and the «A» cemetery at Kish Chicago: Field Museum Press. 215 p. (Field Museum of Natural History, Anthropology, Memoires; vol. I, № 2.)

Marchesi G., 2004. Who Was Buried in the Royal Tombs of Ur? The Epigraphic and Textual Data // Orientalia. Vol. 73. № 2. P. 153–197.

Massa M., Palmisano A., 2018. Change and continuity in the long-distance exchange networks between western/central Anatolia, northern Levant and northern Mesopotamia, c. 3200–1600 BCE // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 49. P. 65–87.

Maxwell-Hyslop R., 1974. Western Asiatic Jewellery ca. 3000–612 B.C. London. LXVI. 286 p.

Moorey P. R. S., 1994. Ancient Mesopotamian materials and industries. The archaeological evidence. Oxford; New York: Clarendon Press. 414 p.

Muhly J. D., 1993. Metalle. B: Archäologisch // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatische Archäologie. VIII / Hrsg. D. O. Edzard. Berlin: De Gruyter. P. 119–136.

Müller-Karpe M., 1993. Metallgefässe im Iraq I (von den Anfangen bis zur Akkad-Zeit). Stuttgart: Steiner. 352 S. (Prähistorische Bronzefunde; Abt. II. Bd. 14.)

Pernicka E., Seeliger T. C., Wagner G. A., Begemann F., Schmitt-Strecker S., Eibner C., Öztunali O., Baranyi I., 1984. Archäometallurgische Untersuchungen in Nordwestanatolien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Vol. 31. S. 533–599.

Pollock S., 1985. Chronology of the Royal Cemetery of Ur // Iraq. Vol. 47. P. 129–158.

Pollock S., 2007. The Royal Cemetery of Ur: Ritual, Tradition, and the Creation of Subjects // Representations of Political Power Case Histories from Times of Change and Dissolving Order in the Ancient Near East / Eds.: M. Heinz, M. H. Feldman. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns. P. 89–110.

Porada E., Hansen D. P., Dunham S., Babcock S. H., 1992. The chronology of Mesopotamia, ca. 7000–1600 B.C. // Chronologies in Old World archaeology / Ed. R. W. Ehrich. 3rd ed. Chicago; London: University of Chicago Press. Vol. I. P. 74–124; Vol. II. P. 90–124.

Postgate J. N., 1992. Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History. London: Routledge. 367 p.

Reade J. E., 2001. Assyrian King-Lists, the Royal Tombs of Ur, and Indus Origins // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 60. P. 1–29.

Reeves L. C., 2003. Aegean and Anatolian Bronze Age Metal Vessels: a Social Perspective. Vol. I. Text. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy, University of London, Institute of Archaeology. London. 297 p.

Roberts B. W., Thornton C. P., Pigott V. C., 2009. Development of metallurgy in Eurasia // Antiquity. Vol. 83. P. 1012–1022.

Ryan C. W., 1960. A guide to the known minerals of Turkey. Ankara: Operations Mission to Turkey, International Cooperation Administration. 196 p.

Schmandt-Besserat D., 2000. Feasting in the Ancient Near East // Feasts: Archaeological and Ethnographic Perspectives on Food, Politics, and Power / Eds.: M. Dietler, B. Hayden. Washington, DC: Smithsonian Institution Press. P. 391–403.

Schmitt-Strecker S., Begemann F., Pernicka E., 1992. Chemische Zusammensetzung und Bleiisotopenverhältnisse der Metallfunde vom Hassek Höyük // Hassek Höyük. Naturwissenschafliche Untersuchungen und lithische Industrie / Ed. M. R. Behm-Blancke. Tübingen: Wasmuth. S. 107–123. (Istanbuler Forschungen; 38.)

Van De Mieroop M., 2007. A history of the ancient Near East: ca. 3000–323 B.C. Malden (MA): Blackwell. 359 p.

Woolley L., 1934. Ur Excavations. Vol. II. The Royal Cemetery. A Report on the Predynastic and Sargonid Graves Excavated between 1926 and 1931. London: Trustees of the British Museum. 604 p., 274 pls.

Woolley L., 1955. Ur Excavations. Vol. IV. The Early Periods. A Report on the Sites and Objects Prior in Date to the Third Dynasty of Ur Discovered in the Course of the Excavations. London: Trustees of the Two Museums. 225 p., 83 pls.

Wright H., 1969. The Administration of Rural Production in an Early Mesopotamian town. Ann Arbor: University of Michigan Museum of Anthropology. 178 p. (Anthropological Papers; 38.)

Yener A., 1983. The production, exchange and utilization of silver and lead metals in ancient Anatolia // Anatolica. № X. P. 1–15.

Zimmerman Th., 2009. Fruhmetallzeitliche Eliten zwischen Ostagais und Taurusgebirge im 3. Jahrtausend v. Chr. – Versuch einer kritischen Bestandsaufnahme // Aufstieg und Untergang / Hrsg.: M. Egg, D. Quast. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum. S. 1–30. (Monographien des Römisch-Germanisches Zentralmuseums; Band 82.)

Сведения об авторе

Авилова Людмила Ивановна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: aviloval@mail.ru

L. I. Avilova

METAL VESSELS OF MESOPOTAMIA FROM THE 4th–3rd MILLENNIA BC (PRODUCTION DYNAMICS AND THE CULTURAL CONTEXT)

Abstract. The paper presents result of the research of metalware from archaeological sites of the Bronze Age Mesopotamia dating to the late 4th–3rd millennia BC. The material is regarded to be an indicator of economic, cultural and social processes that took place in the Near East. The research builds on a dataset of 1980 metal vessels. The paper contains their statistical analysis based on a number of attributes. The methods employed include a formal morphological characteristics of the vessels, statistical analysis of their chronological distribution, distribution by types of archaeological sites and material they were shaped from. The author is particularly interested in the archaeological and cultural contexts of the finds. Metalware has been examined from the perspective of its social symbolism. The author suggests a reconstructed practice of using metal vessels in social rituals, first of all, the funerary rite. The occurrence of metal vessels in the elite complexes of Mesopotamia dating to the late 4th–3rd millennia BC reflects the processes associated with shaping of the civilization of the Near Eastern type and serves as one of its attributes. Its study offers an opportunity to understand the dynamics of emergence and development of complex/hierarchical societies in the Near East from the point of view of metal production importance and its role in social development.

Keywords: Mesopotamia, Bronze Age, dataset, metal vessels, elite complexes, chronology, morphology, statistical analysis, social functions, early state structures, civilization of the Near Eastern type.

REFERENCES

Avilova L. I., 1996. Metall Mesopotamii v rannem i srednem bronzovom veke [Mesopotamian metal in Early and Middle Bronze Ages]. *VDI*, 4, pp. 68–81.

Avilova L. I., 2001. Drevnie bronzy Levanta [Ancient bronzes of the Levant]. *RA*, 1, pp. 15–26.

Avilova L. I., 2008. Metall Blizhnego Vostoka. Modeli proizvodstva v eneolite, rannem i srednem bronzovom veke [Metal of the Near East. Models of production in Eneolithic, Early and Middle Bronze Ages]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 227 p.

Avilova L. I., 2010. K izucheniyu sotsiokul'turnogo razvitiya zemledel'cheskikh obshchestv Drevnego Vostoka [On study of social-cultural development of agricultural societies in ancient Near East]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra [Bulletin of Dagestan scientific center]*, 37, pp. 35–49.

Avilova L. I., 2012. K kharakteristike khramovykh kompleksov Blizhnego Vostoka v IV–III tys. do n. e. [On the characteristic of temple complexes in the Near East in the 4th–3rd millennia BC]. *Problemy*

arkheologii Kavkaza [Issues of the Caucasus archaeology]. R. M. Munchaev, S. N. Korenevskiy, eds. Moscow: Taus, pp. 10–21.

Avilova L. I., 2013. Komp'yuternye bazy dannykh i issledovaniya metalloproizvodstva na Drevnem Vostoke [Computer databases and investigations of metal production in Ancient Near East]. *KSIA*, 229, pp. 91–105.

Avilova L. I., 2017. O tsirkulyatsii metalla v epokhu eneolita – bronzy (slitki, zagotovki i vesovye sistemy Blizhnego Vostoka) [On circulation of metal in the epoch of Chalcolithic – Bronze Age (ingots, blanks and weight systems of the Near East)]. *SP*, 2, pp. 75–100.

Avilova L. I., 2018. Anatoliyskie klady metallicheskikh izdeliy: Ocherki metalloproizvodstva i kul'turnogo konteksta [Anatolian metalwork hoards (Essays on metal production and cultural contexts)]. Moscow: IA RAN. 248 p.

Avilova L. I., 2020. K izucheniyu metallicheskikh sosudov Anatolii (III tys. do n. e.): morfologiya i kontekst nakhodok [The study of metal vessels from Anatolia (III millennium BC): morphology and the finds context]. *KSIA*, 260, pp. 21–42.

Avilova L. I., 2022. …Vozlozhil na golovu ego venets iz chistogo zolota […Thou settest a crown of pure gold on his head]. *SP*, 2, pp. 279–302.

Avilova L. I., 2023. Metallicheskie sosudy Mesopotamsko-Anatoliyskogo regiona v epokhu rannego i srednego bronzovogo veka (IV–III tys. do n. e.). Morfologiya i sotsial'nyy kontekst [Metal vessels of Mesopotamian – Anatolian region in epoch of the Early and Middle Bronze Ages (IV–III mill. BC). Morphology and social contexts]. *I bronzy vek, i vek zheleznyy… [The Age of Bronze, the Age of Iron…]*. V. I. Zavyalov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 37–60.

Avilova L. I., Antonova E. V., 2009. Drevnyaya Evraziya: interpretatsii svidetel'stv kul'turnykh peremen [Ancient Eurasia: interpretation of evidences of cultural changes]. *KSIA*, 223, pp. 3–12.

Avilova L. I., Chernykh E. N., 1989. Malaya Aziya v sisteme metallurgicheskikh provintsiy [Asia Minor in the system of metallurgical provinces]. *Estestvennonauchnye metody v arkheologii [Natural science methods in archaeology]*. V. N. Chernykh, ed. Moscow: Nauka, pp. 31–83.

Avilova L. I., Orlovskaya L. B., 2001. Istoriko-metallurgicheskie i radiouglerodnye bazy dannykh po Tsirkumpontiyskoy metallurgicheskoy provintsii [Historical metallurgical and radiocarbon databases for Circumpontic metallurgical province]. *KSIA*, 211, pp. 23–29.

Avilova L. I., Terekhova N. N., 2006. Standartnye slitki metalla na Blizhnem Vostoke v epokhu eneolita – bronzovogo veka [Standard ingots of metal in the Near East in the Eneolithic and the Bronze Age]. *KSIA*, 220, pp. 14–33.

Chernykh E. N., Avilova L. I., Orlovskaya L. B., Kuz'minykh S. V., 2002. Metallurgiya v Tsirkumpontiyskom areale: ot edinstva k raspadu [Ancient metallurgy in Circumpontic area: from unity to disintegration]. *RA*, 1, pp. 5–23.

D'yakonov I. M., 1959. Obshchestvennyy i gosudarstvennyy stroy drevnego Dvurech'ya. Shumer [Social and state system of Ancient Mesopotamia. Sumer]. Moscow: Vostochnaya literatura. 308 p.

Emel'yanov V. V., 2003. Ritual v Drevney Mesopotamii [Ritual in Ancient Mesopotamia]. St. Petersburg: Azbuka-klassika: Peterburgskoe Vostokovedenie. 203 p.

I am Ur-Namma (Electronic resource). URL: https://sumerianshakespeare.com/27601.html

Kovalev A. A., 2020. Khronologiya peredneaziatskikh i zakavkazskikh analogiy «ukrasheniyam» kul'tur Predkavkaz'ya pervoy poloviny III tys. do n. e. [Chronology of Western Asian and Transcaucasian artifacts similar to the Fore-Caucasus bronze adornments of the first half of III millennium BC]. *KSIA*, 258, pp. 75–94.

Munchaev R. M., 2005. Mesopotamiya, Kavkaz i Tsirkumpontiyskaya metallurgicheskaya provintsiya [Mesopotami, the Caucasus and the Circumpontic metallurgical province]. *RA*, 4, pp. 13–24.

Ryndina N. V., 2017. O tekhnologii proizvodstva metallicheskikh sosudov maykopskoy kul'tury Severnogo Kavkaza [On production technology of metal vessels of Maykop culture (the North Caucasus)]. *SP*, 2, pp. 101–118.

About the author

Avilova Lyudmila I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: aviloval@mail.ru

Н. А. Макаров, А. М. Красникова, В. А. Шевченко

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК ГНЕЗДИЛОВО: НАХОДКИ ИЗ ПАХОТНОГО СЛОЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕКРОПОЛЯ[1]

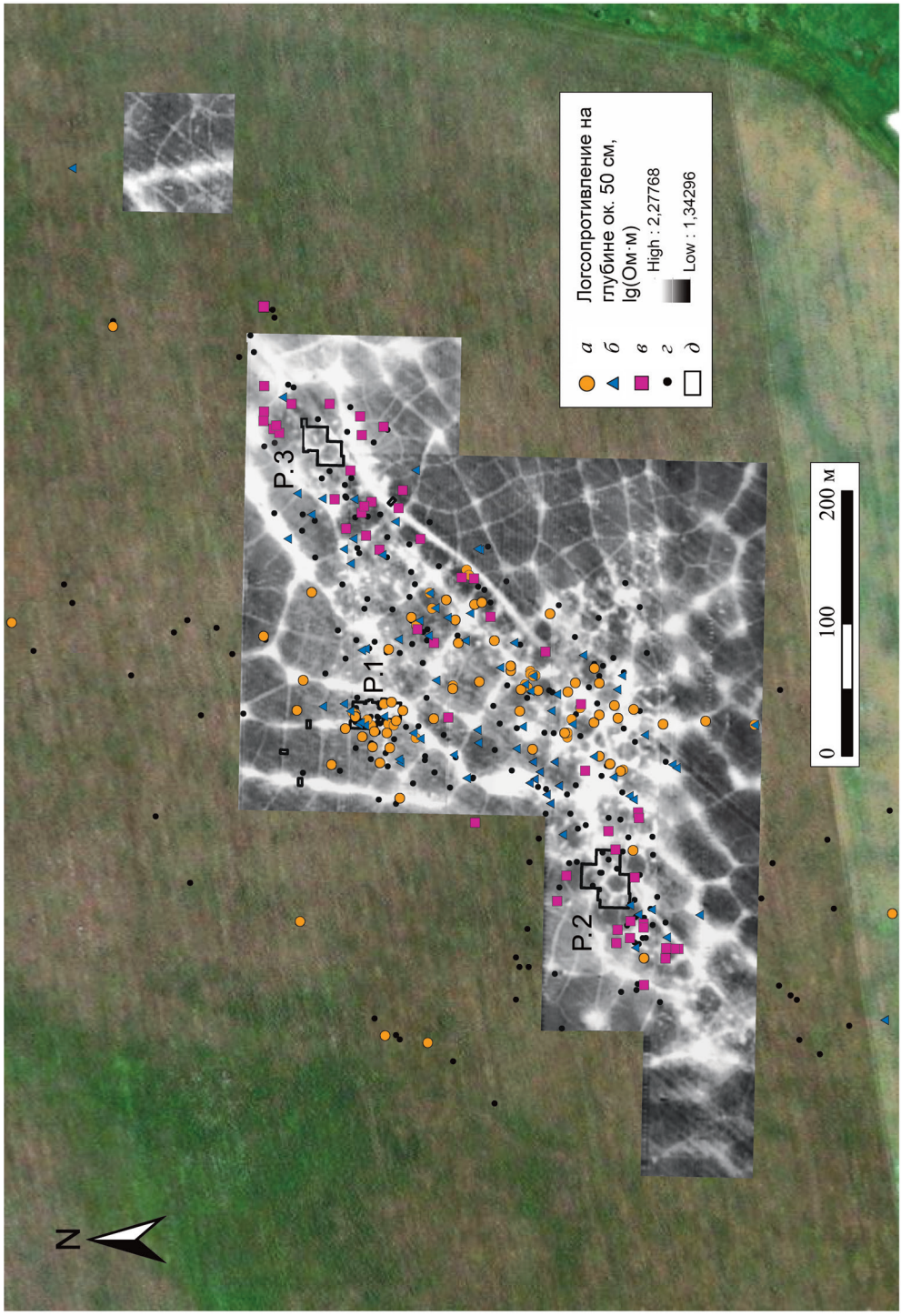
Резюме. В статье предпринята попытка использования средневековых предметов из пахотного слоя, собранных при обследовании одного из могильников в Суздальском Ополье, как материала для определения территории некрополя, реконструкции его пространственной структуры, выделения его древнейшего ядра и характеристики погребального обряда. Пахотный слой со средневековыми находками из разрушенных погребений рассматривается как отдельный компонент подобных памятников, трансформированный продолжительной сельскохозяйственной деятельностью, но не утративший информационный потенциал. Общая картина пространственного развития могильника Гнездилово и многообразия практиковавшихся здесь погребальных обрядов воссоздается с привлечением материалов геофизических исследований и выборочных раскопок на отдельных участках.

Ключевые слова: средневековая Русь, Суздальская земля, погребальный обряд, курганы, геофизические методы в археологии.

Исследование средневековых могильников в Суздальском Ополье в новейшее время показало, что находки из пахотного слоя, собранные на площадках этих памятников, составляют значимую часть общего объема вещевых коллекций и являются важным материалом для определения территории, датирования могильников и характеристики погребального обряда. Пахотный слой, содержащий эти находки, перекрывающий непотревоженные погребения в материковых ямах, основания курганов и курганные ровики, правомерно рассматривать как отдельный компонент этих памятников, трансформированный продолжительной

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00538 «Средневековые некрополи в изменяющихся ландшафтах: исследование древнерусских могильников с утраченными курганными насыпями».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.47-64


Логсопротивление на глубине ок. 50 см, lg(Ом·м)
High : 2,27768
Low : 1,34296
а
б
в
г
д
P.1
P.2
P.3
0
100
200 м
N

сельскохозяйственной деятельностью, но не утративший информационный потенциал (*Захаров*, 2014). Очевидно, основная часть этих находок первоначально входила с состав погребальных комплексов, находившихся на небольшой глубине, или была использована для устройства внутримогильных конструкций, отдельные предметы могли попасть на площадку могильника в ходе посещения могил, совершения поминальных обрядов или иных ритуальных действий на территории некрополя.

Средневековые артефакты из распашки, собранные при обследовании могильников Шекшово, Гнездилово, Сельцо и Шелебово, – некрополей с утраченными курганными насыпями – послужили основой для повторного выявления этих памятников, ныне не выраженных в ландшафте. Наиболее яркие из этих находок были оперативно введены в научный оборот и использованы для первичной характеристики могильников (*Макаров и др.*, 2021а; *Макаров и др.*, 2021б; *Макаров и др*., 2022; *Макаров, Красникова*, 2023). С продолжением сбора средневековых предметов на площадках могильников с использованием металлодетекторов и ростом коллекций становится очевидным, что эта группа находок заслуживает более подробной систематизации и анализа с перспективой более полного обзора их категориального состава, уточнения их хронологии, возможного использования их для прояснения особенностей погребального обряда и реконструкции динамики формирования некрополей. При этом очевидно, что предметы, собранные в пахотном слое, в большинстве своем не могут быть связаны с отдельными погребениями, но являются надежным материалом для выявления той части общей территории могильников, которая оказалась задета распашкой и затронута старыми раскопками.

Для этих задач более всего подходит вещевая коллекция из сборов на могильнике Гнездилово 12. Здесь, к востоку от села Гнездилово, в урочище Нови, А. С. Уваровым в 1851 г. было исследовано 29 курганов (*Макаров и др.*, 2021а). Площадка могильника в настоящее время не имеет следов земляных работ, в том числе нарушений недавнего времени и следов грабительских посещений. Вся она и прилегающие участки оказались доступны для обследования, которое производилось в течение четырех полевых сезонов (2019–2022 гг.), с использованием металлодетектора с полным извлечением из культурного слоя всех металлических предметов и фиксацией их координат в системе глобального позиционирования (рис. 1). Коллекция включает 497 предметов, 385 из них по морфологическим признакам определяются как средневековые артефакты и могут быть отнесены ко времени функционирования могильников с курганными насыпями в центре Суздальской земли. Остальные артефакты не могут быть хронологически атрибутированы (63 экз.) или относятся к позднему Средневековью и Новому времени (49 экз.).

Рис. 1 (с. 48). Могильник Гнездилово 12: распространение ножей, гвоздей и оплавленных находок из поверхностных сборов на карте геофизической съемки

а – предметы со следами пребывания в огне; *б* – ножи; *в* – гвозди; *г* – остальные средневековые находки; *д* – границы раскопов

Раскопками 2020–2022 гг. на могильнике вскрыта площадь почти 740 кв. м, исследовано 36 погребений по обряду ингумации рубежа X–XI – начала XII в. Два погребения были полностью переотложены, часть комплекса одного из погребений можно частично реконструировать (*Макаров и др.*, 2021б). В 26 взрослых и 3 детских погребениях присутствовали украшения, бытовые вещи и металлические детали внутримогильных конструкций. За три года раскопок в пахотном слое, заполнении погребений и других углубленных в материк объектах собрано 657 предметов из железа, цветного металла, серебра, стекла, камня, глины, янтаря, кости и кожи, 29 из них несут следы пребывания в огне. 598 артефактов можно с уверенностью отнести к X–XII вв. Остальные найденные в пахоте и ровиках 59 предметов – это уплощенный камень с процарапанным на одной из сторон крестом и разнообразные железные пластины и стержни, датировка которых неясна или может быть определена в рамках позднего Средневековья и Нового времени. Таким образом, мы располагаем достаточным материалом, характеризующим облик непотревоженных погребений этого времени, и возможностью сопоставления коллекции из сборов на поверхности могильника и находок из непотревоженных погребальных комплексов. Рассматривая коллекцию из раскопок, мы намеренно отказались от объединения присутствующих в ней средневековых предметов из пахотного слоя с находками из сборов. Суммирование этих данных дает понимание общего количества находок из разрушенных погребений (563 экз.), однако не дает в полной мере оценить возможный потенциал коллекции из сборов (рис. 2).

В коллекции средневековых предметов из сборов в Гнездилове 30 предметов из серебра, 161 предмет из цветного металла и 193 предмета из железа. Среди вещей из серебра и цветного металла 148 – металлические украшения и детали костюма (рис. 3). Еще 19 предметов – оплавки и капли бронзы и серебра, остатки металлических предметов, полностью утративших свою форму под воздействием высоких температур при совершении кремаций. Представлены также дирхем и четыре фрагмента дирхема без ушек, призматическая гирька, обкладка сумочки, 14 пластин и два стержня. Наиболее распространенные категории украшений и деталей костюма из цветного металла и серебра: браслеты (25 экз.), подвески (20 экз.), монеты, использовавшиеся в качестве подвесок (11 экз.), ременные накладки (19 экз.), привески (10), пряжки (10 экз.), перстни (8 экз.), височные кольца (7 экз.) и пуговицы (6 экз.).

Среди железных вещей из сборов (рис. 4) наиболее многочисленными являются целые ножи (40 экз.) и их фрагменты (43 экз.). Большой серией представлены кованые гвозди (53 экз.), на многих из которых прослеживаются отпечатки волокон дерева. В составе набора бытовых вещей кресала (7 экз.), фитильные трубки (2 экз.), шилья (4 экз.), резец, сверла (2 экз.), гирьки для малых взвешиваний (7 экз.), ключи от замков типа А и В (4 экз.), ушко от ведра и обоймица. Среди предметов вооружения – боевые топоры (4 экз.), наконечники копий (2 экз.), вток, наконечники стрел (5 экз.) и накладка от колчана. Единственный предмет конского снаряжения – фрагмент удил. В составе коллекции также пряжка и язычок от пряжки, железные пластины различной формы (3 экз.) и стержни (5 экз.).

В составе коллекции из раскопов 50 предметов из серебра, 90 предметов из цветного металла, 203 предмета из железа, 233 предмета из стекла и фаянса.

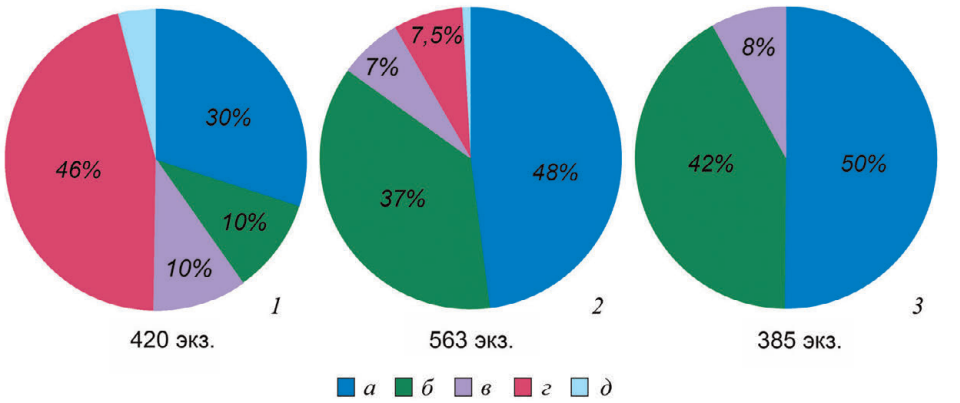


Рис. 2. Могильник Гнездилово 12:
распределение средневековых находок по материалам (2019–2022 гг.)

1 – находки из непотревоженных погребальных комплексов (420 экз.); *2* – находки из сборов и пахотного горизонта (563 экз.); *3* – находки из сборов (385 экз.)

а – железо; *б* – цветной металл; *в* – серебро; *г* – стекло, фаянс; *д* – глина, камень; кость, кожа

В непотревоженных распашкой погребениях собрано 42 серебряных предмета, 8 отмечено в пахотном слое. Среди находок из серебра – 29 монет (21 арабская, 7 западноевропейских и 1 неопределимая), 7 из них найдено в распашке, 22 происходят из 7 погребений (*Макаров, Красникова*, 2022. С. 111. Рис. 4; *Макаров и др.*, 2021б. С. 18. Рис. 4). В погребениях отмечены три широкосрединных перстня с завязанными концами (в двух погребениях) и один фрагмент пластинчатого перстня, щитообразная подвеска с «сегнеровым колесом» и восемь височных колец (в четырех погребениях). Среди них два кольца с одной серебряной бусиной, в одном случае дополненной золотостеклянной бусиной (*Макаров*, 2023. Рис. 185), четыре трехбусинных (Там же. Рис. 186) и два перстнеобразных проволочных. Единственный найденный крестик «скандинавского» типа происходит из пахотного слоя.

Среди находок из цветного металла 43 отмечены в погребениях, 33 происходят из пахоты, остальные найдены в заполнении ровиков и материковых ям. Из 19 перстнеобразных проволочных височных колец, одно из которых с нанизанными стеклянными бусами, три найдены в распашке, остальные распределены по 10 погребениям. Среди найденных семи браслетов четыре пластинчатых: один экземпляр с сужающимися концами, с расширяющимися концами, с декором «волчий зуб» и треугольного сечения, все они найдены в распашке. Из погребений происходят витой браслет из двух проволок и два браслета с завязанными концами – один витой из двух проволок и один плетеный из тонкой проволоки. Среди деталей поясного набора семь бронзовых пряжек с железными язычками, шесть найдены в пяти погребениях, одна – в распашке. В трех погребениях найдены пять поясных бронзовых замкнутых колец округлого и подквадратного сечения, в двух погребениях найдены также пять незамкнутых

Рис. 3. Могильник Гнездилово 12:
находки – хроноиндикаторы X в., найденные при поверхностных сборах
1–35 – цветной металл

Рис. 4. Могильник Гнездилово 12:
предметы из железа, найденные при поверхностных сборах

тонкопроволочных колец. Шесть фрагментов шумящих украшений собрано в пахотном слое, только одна привеска-лапка найдена в погребении. Кроме того, среди предметов из цветного металла четыре фрагментированных бубенчика, два из которых найдены в распашке, два в одном из женских погребений; два фрагмента гривны треугольного сечения с декором «волчий зуб» и петлевидно загнутым зооморфным (?) окончанием, найденных среди скопления предметов в раскопе 1 и за год до этого – в распашке на соседнем участке; два перстня – круглопроволочный с несомкнутыми концами в погребении и ложновитой из пахоты, где, кроме того, отмечены еще два выплеска и два оплавленных украшения.

Находки из железа происходят из распашки (68 экз.), из погребений (127 экз.) и из прочих объектов, в том числе ровиков (9 экз.). Среди них 118 гвоздей: 47 найдены в пахоте, 70 происходят из восьми погребений. Количество гвоздей в одном погребении колеблется от 1–5 экземпляров (в пяти погребениях) до 18–20 единиц (в трех погребениях). Ножей найдено 26, из них 15 были отмечены в 14 погребениях, в одном случае нож использован в качестве крепежного элемента для деревянной погребальной конструкции. Кроме того, в погребениях отмечены находки 15 неопределимых железных пластинок, предметов и стержней, часть из которых могла использоваться в качестве гвоздей. Все 11 гирек для малого взвешивания (10 из железа, 1 из сплава на основе свинца) найдены в трех погребениях. Четыре топора происходят из четырех мужских погребений (*Макаров, Красникова*, 2023. Рис. 6). Железные поясные кольца округлого сечения (2 экз.) и пряжка зафиксированы в одном погребении, подпружная пряжка отмечена в погребении 19 (*Макаров, Красникова*, 2022. Рис. 4: *12*). Два железных кольца прямоугольного сечения встречены в распашке, язычки от пряжек (?) также найдены в пахоте и одном из погребений. Удила отмечены в двух случаях – в комплексе погребения 19 (Там же. Рис. 4: *15*) и в ровике, окружавшем площадку, на которой было совершено это погребение, там же найдено одно кольчужное колечко. Четыре кресала встречены в распашке и в двух погребениях (Там же. Рис. 4: *9*), две фитильные трубки – в распашке, один ромбовидный наконечник стрелы со следами пребывания в огне также найден в распашке. Единичные находки в погребениях – игла и железный браслет округлого сечения с незамкнутыми концами.

Около 39 % коллекции из раскопов составляют изделия из стекла и фаянса (229 экз. и 4 экз. соответственно). 24 бусины найдены в пахотном слое[2], остальные 192 происходят из 16 погребений и объектов (16 экз.). Количество бус в погребениях варьирует от 2 до 45 (*Макаров*, 2023. Рис. 185, 186). Не менее 170 бусин изготовлено в технике навивки, среди них более 35 бочонковидных и цилиндрических золотостеклянных, 36 битрапецоидных синих, 13 пятнистых красно-коричневых четырехгранных призматических бусин, 5 синих четырехгранных белоромбических, остальные представлены меньшими сериями или неопределимы из-за плохой сохранности. Бирюзовые ребристые фаянсовые бусы встречены в скоплении предметов в одном из объектов раскопа 1, заполнении

[2] При промывке найдено 15 бус, однако отсутствие постоянного источника воды в непосредственной близости от памятника дало возможность промыть очень небольшой объем земли из раскопа.

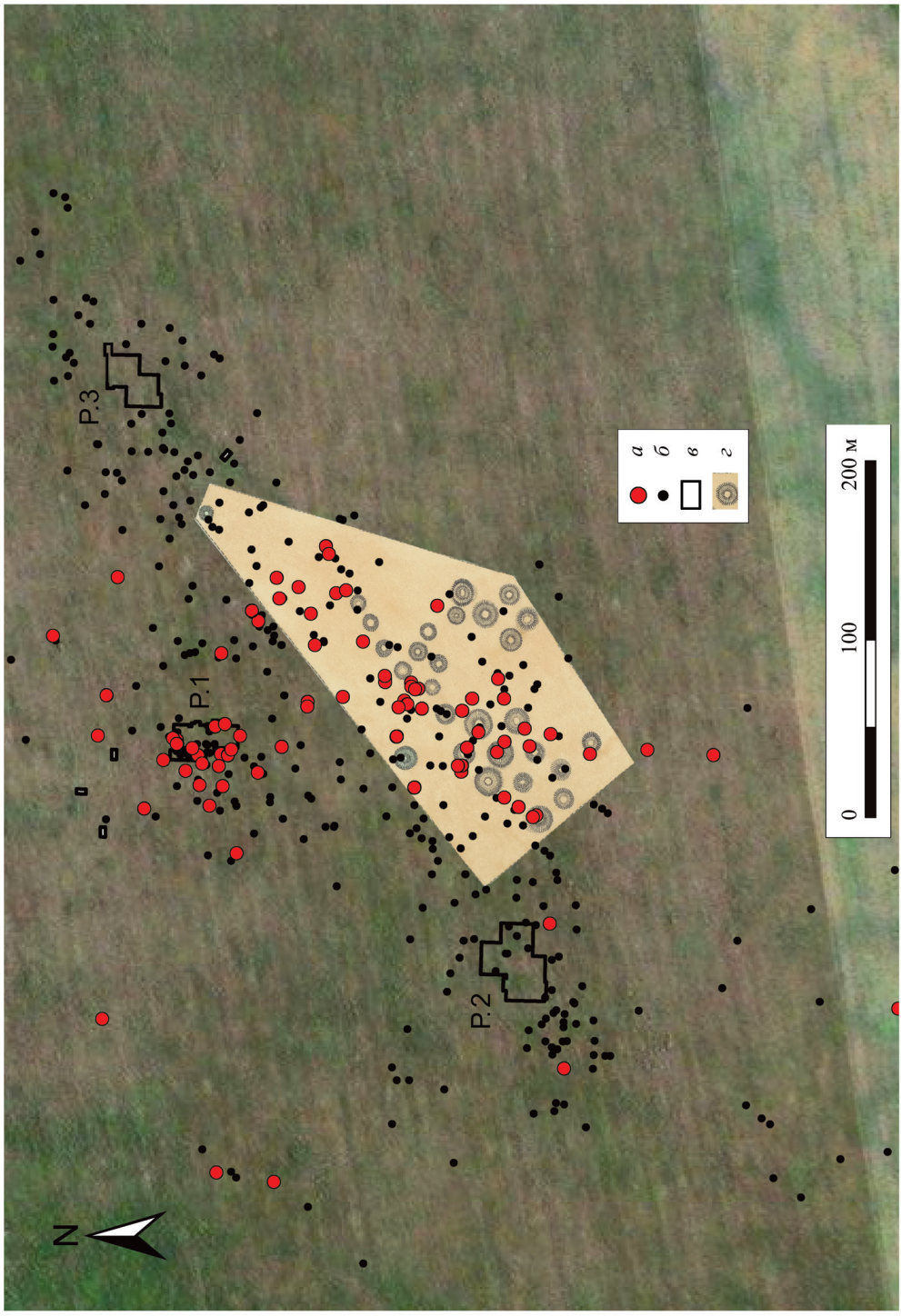
могильной ямы погребения и пахотном слое на том же участке. В этой же зоне отмечено и скопление желтых, синих и золотостеклянных бус-лимонок из тянутой трубочки (12 экз.). Кроме того, зеленые, желтые, серебростеклянные бусины-лимонки встречены в составе комплексов пяти погребений.

Находки из глины, кроме 9 сосудов из погребений и 34 керамических развалов из ровиков и ям, которые не входят в обзор коллекции, представлены всего двумя пряслицами, найденными в пахотном слое и в объекте 1 раскопа 1. Среди восьми находок из камня – три оселка, один из которых найден в погребении, и шарообразная хрустальная бусина.

Всего из могил происходит 420 средневековых предметов, и можно заметить, что состав коллекции из раскопов отличается количеством стеклянных бус и наличием небольшого числа изделий из других материалов по сравнению с коллекцией из сборов (рис. 2).

Близок состав наборов украшений и металлических деталей костюма. Среди предметов из пахоты, входивших в состав женского и мужского уборов, представлены артефакты, которые не были встречены в захоронениях: фрагменты шейных гривен и скорлупообразных фибул, ременные накладки и наконечники, металлическая обкладка сумочки, подвеска-уточка. Единственным экземпляром представлены в захоронениях и шумящие подвески (подвеска-конек типа XVII, по классификации Е. А. Рябинина (*Рябинин*, 1981. С. 32–35)), тогда как в пахотном слое собрано около полутора десятков шумящих подвесок и десяток привесок к ним. Железные ножи, кресала, топоры зафиксированы как в пахотном слое, так и в погребениях. Однако наконечники копий, наконечники стрел, накладки от колчана, ключи, шилья и фитильные трубки ни разу не встречены в погребениях. Некоторые из этих категорий, известных по находкам из сборов, представлены также в раскопах в пахотном слое. В целом набор предметов из сборов отличается бóльшим разнообразием категорий и типов, чем коллекция из погребений, исследованных раскопками.

Общая зона распространения средневековых металлических предметов в Гнездилове составляет около 2,2 га. Она перекрывает всю зону распространения выявленных электротомографической съемкой кольцевидных аномалий, интерпретированных как основания курганов, и частично выходит за ее пределы. На основной части этой зоны находки распределены достаточно равномерно. Выделяется два участка с повышенной концентрацией находок в северной и юго-западной частях площадки, и небольшие обособленные группы находок на западной и северо-западной периферии площадки. Совмещение современной карты могильника с планом 1851 г., составленным В. Аляевым (ГИМ 65397, ГО-3662, л. 9–25), показывает, что средневековые предметы присутствуют как на участке, где находились вскрытые А. С. Уваровым и его сотрудниками курганные насыпи, так и за его пределами. Не менее двух третей всех находок собрано на участках, не затронутых раскопками 1851 г. Вполне вероятно, что часть коллекции представляет собой предметы из погребений, оставшихся невыявленными сотрудниками А. С. Уварова при раскопках курганов или попавших в отвалы. Однако большая часть ее происходит из погребений на участках, которые не были идентифицированы как территория некрополя во время экспедиционной кампании 1851 г.


Р.3
Р.1
Р.2
а
б
в
г
0
100
200 м
N

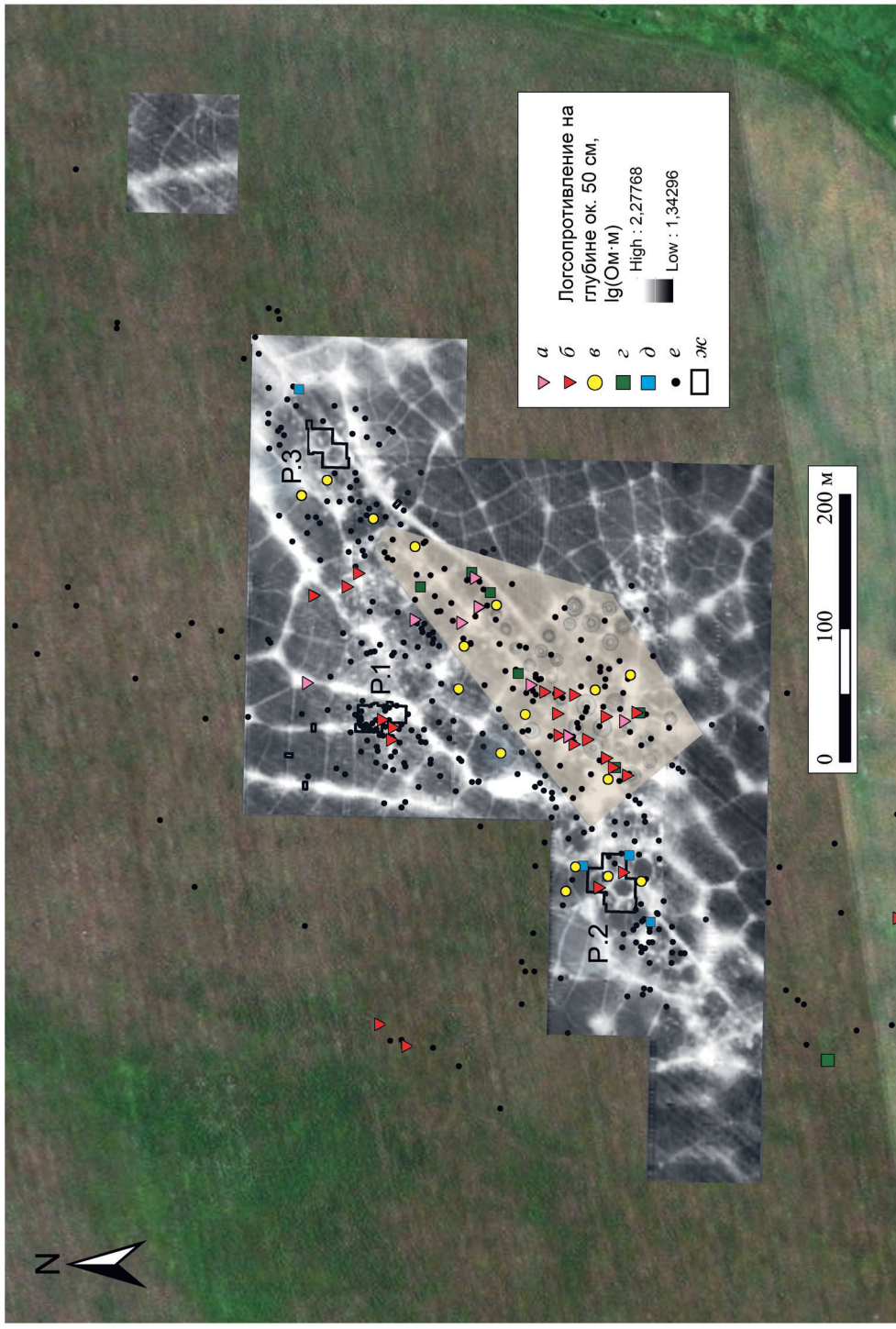
В коллекции из сборов 89 предметов со следами пребывания в огне, это оплавки и капли металла, – предметы из цветного металла и серебра, деформированные под воздействием огня, и предметы из железа с темной патиной. Они составляют около 23 % всех средневековых артефактов из сборов. Оплавленные вещи из раскопок немногочисленны – всего 29 экземпляров, 26 из них найдены в заполнении могильных ям и объектов, отрытых в раскопе 1 (2020–2021 гг.). В раскопах на площадке могильника не выявлены компактные скопления кальцинированных костей в материковых ямах или на древнем пахотном горизонте. Общий вес собранных костей составляет чуть более 370 граммов. Кальцинированные кости в небольшой концентрации присутствуют в раскопах в пахотном слое и в заполнении некоторых могильных ям. Наиболее высокая концентрация кремированных костей и присутствие в четырех объектах единичных фрагментов костей человека отмечены в раскопе 1 и в ровике кургана 1 в раскопе 2 2021 г.

Зона распространения предметов со следами пребывания в огне в Гнездилове составляет около 0,6–0,7 га и охватывает лишь часть всей зоны распространения средневековых предметов. Эти находки концентрируются на двух участках в центральной части могильника. Один из них соответствует месту расположения курганов, раскопанных в 1851 г., обозначенных на плане В. Аляева (рис. 5). На этом участке на плане электротомографической съемки прослеживается ряд кольцевидных аномалий, соотносимых с насыпями на плане 1851 г. и интерпретированных как основания курганов (рис. 6). Другой участок с находками оплавленных предметов локализован примерно в 50 м к северу, за пределами зоны аномалий, соответствующих курганным площадкам. Оба они приурочены к краю возвышенности, представлявшей собой доминирующую точку в ландшафте, хорошо просматривавшуюся со стороны поселения.

Для определения количества погребений, остатки которых присутствуют в пахотном слое, важно оценить количество предметов тех категорий, которые в соответствии с традициями погребального обряда и составом погребального костюма чаще всего помещались в могилы по одному. Наиболее распространенной категорией предметов в составе древнерусских погребальных инвентарей являются ножи. Они присутствуют в женских, мужских и детских погребениях и часто бывали единственными предметами, помещавшимися в захоронения. Известны случаи, когда в могилы помещалось два ножа, однако в целом такие комплексы редки. Присутствие в пахотном слое 40 целых ножей и почти такого же количества фрагментов дает основание полагать, что распашкой могло быть разрушено несколько десятков погребений. Находки ножей отмечены на всей территории могильника и распределяются достаточно равномерно, что вполне соответствует ожидаемому размещению погребений с этими предметами на всей площадке некрополя (рис. 1).

Рис. 5 (с. 56). Могильник Гнездилово 12: основная зона распространения средневековых находок из поверхностных сборов на фоне плана А. С. Уварова

а – предметы со следами пребывания в огне; *б* – остальные предметы; *в* – границы раскопов; *г* – зона раскопок 1851 г.


Логсопротивление на глубине ок. 50 см, lg(Ом·м)
High : 2,27768
Low : 1,34296
а
б
в
г
д
е
жс
P.1
P.2
P.3
0
100
200 м
N

Другие предметы, которые помещались в погребения по одному, представлены скромными сериями. В сопровождающем инвентаре мужских погребений это кресала (7 экз.) и боевые топоры (4 экз.), среди металлических деталей мужского костюма – поясные пряжки (7 экз.). Пряжки – распространенные находки в мужских погребениях конца X – начала XII в. В Гнездилове они представлены в шести ненарушенных погребениях. Кресала и топоры присутствуют в ненарушенных мужских погребениях в могильниках Шекшово и Гнездилово значительно реже, чем ножи. Соотношение этих категорий в составе находок из пахотного слоя примерно соответствует соотношению в ненарушенных мужских погребениях. Находки украшений женского костюма трудно использовать для оценки примерной численности разрушенных женских погребений, поскольку количество браслетов, перстней, подвесок и височных колец в ненарушенных погребениях сильно варьирует. Тем не менее общая численность этих находок и присутствие их на значительной площади дает основание полагать, что они входили в состав убора 10–20 погребений.

Большинство украшений, бытовых вещей и предметов вооружения в коллекции из сборов принадлежит к типам, бытовавшим в течение широкого хронологического периода – X–XI вв. или второй половины X – XI в., или имеет еще более широкую датировку. Все ненарушенные погребения по обряду ингумации, открытые в Гнездилове раскопками 2020–2023 гг., относятся ко времени от рубежа X–XI вв. до начала XII в. Для прояснения времени начала функционирования могильника и локализации его древнейшей части существенно присутствие в коллекции небольшой серии предметов – хроноиндикаторов X в. или второй половины X в., верхняя дата бытования которых не выходит за рубеж X–XI вв. Таких предметов всего 35 (рис. 3). В их числе фрагменты овальных скорлупообразных фибул (рис. 3: *1–8*), ременные накладки (рис. 3: *15–30*), ременные наконечники (рис. 3: *32, 33*), ременная пряжка с овальным приемником и треугольным щитком, дротовое кольцо, завязанное на два конца (рис. 3: *11*), ладьевидный браслет (рис. 3: *31*) и фрагменты шумящих украшений (рис. 3: *9, 10, 12–14*). Фрагментов скорлупообразных фибул всего 8, среди них три обломка внешнего ободка, два фрагмента внешнего покрытия с плетеным орнаментом и три ажурных шипа, два из которых могут быть атрибутированы как фрагменты фибул типа P51, хронология которых подробно разработана (*Jansson*, 1985; *Андрощук*, 1999). Среди ременной гарнитуры две гладкие сердцевидные плоские накладки с отогнутым вниз бортиком класса I, вида 1Б, по классификации В. В. Мурашевой, одна пятиугольная двускатная накладка с прямоугольным отверстием в основании класса I, вида 2б, семь подквадратных и пятиугольных накладок с трилистником (лотосом) класса X вида 1з и четыре круглые накладки с четырехлепестковым цветком класса XX, вида 1а, по той же классификации.

Рис. 6 (с. 58). Могильник Гнездилово 12: распространение «статусных» находок и находок – хроноиндикаторов X в. на карте геофизической съемки и плане А. С. Уварова

а – фибулы; *б* – остальные находки – хроноиндикаторы X в.; *в* – монеты; *г* – гирьки; *д* – топоры; *е* – остальные средневековые находки; *ж* – границы раскопов

Датировка накладок всех этих видов определена в рамках второй половины X в. (*Мурашева*, 2000. С. 16. Рис. 27; С. 106; С. 27. Рис. 28; С. 107; С. 36. Рис. 42; С. 111; С. 43. Рис. 54; С. 114). Этим же временем исследовательница датирует наконечники поясов с гладким щитком, орнаментированным круглыми вырезами по центральной оси класса IV, вида 1а и с орнаментальной композицией в виде ромбов, образующих центральную ось, класса X, вида 2б (*Мурашева*, 2000. С. 58–59. Рис. 87; С. 122; С. 62. Рис. 93). Среди шумящих украшенийв качестве хроноиндикаторов X в. можно рассматривать бутылковидные привески и фрагмент треугольной подвески с рамкой, декорированной «косичкой» и шариками зерни. 19 предметов, отнесенных к этой группе, деформированы под воздействием высоких температур.

Находки предметов, время бытования которых не выходит за рубеж X–XI вв., локализуются в центральной части могильника на площади не менее 1,2 га (рис. 6). Распределение их в целом соответствует распределению предметов со следами воздействия огня, составляющих более многочисленную группу. Фрагменты овальных фибул собраны на месте курганов, исследованных раскопками 1851 г., и на двух участках в северной части могильника, где электротомографическая съемка не выявила основания курганных насыпей. Находки ременных накладок с трилистником локализуются в основном на месте раскопок 1851 г. (5 экз.), на участке, где на плане отмечены наиболее крупные курганные насыпи, однако одна из этих накладок обнаружена за пределами этой зоны, значительно западнее, на месте раскопа 2. Две сердцевидные накладки образуют обособленные находки на западной периферии могильника, далеко за пределами основной зоны распространения артефактов ранних типов.

Кованые гвозди (53 экз.) составляют вторую по численности категорию железных предметов в коллекции из сборов. Можно полагать, что большинство из них было использовано для скрепления досок гробов или иных погребальных сооружений, в которые помещались захоронения. Гвозди присутствуют в погребениях, датированных в широком интервале XI – начала XII в., но не встречены в наиболее ранних ингумациях рубежа X–XI – первой четверти XI в. Картирование гвоздей, происходящих из сборов, показывает, что они присутствуют на всей площадке могильника (рис. 1). Однако в центральной и северной его частях находки немногочисленны. Концентрация их отмечена в юго-западной и северо-восточной частях площадки могильника, ближе к краям некрополя, за пределами распространения артефактов ранней группы и предметов со следами воздействия огня.

Монеты (16 экз.), гирьки для малых взвешиваний (9 экз.) и предметы вооружения (11 экз.) представлены в коллекции немногочисленными сериями, однако пространственное распределение этих находок заслуживает специального внимания (рис. 6). Находки монет присутствуют почти на всей площади могильника, за исключением крайних участков на севере, северо-востоке и юго-западе, пять монет происходят с участка, на котором находились курганы, раскопанные в 1851 г. Близкое распределение демонстрируют и весовые гирьки. Находки боевых топоров и наконечников копий зафиксированы на периферии могильника, на северо-восточном и юго-западном участках, один из наконечников копий найден в северной части могильника, в зоне высокой концентрации средневековых металлических вещей, оплавленных и не тронутых огнем. Остальные

предметы вооружения (наконечники стрел, колчанная петля, вток) относительно равномерно распределены по всей территории могильника и отсутствуют лишь в северо-восточной его части.

Выводы

Анализ вещевой коллекции, собранной в пахотном слое на могильнике Гнездилово, позволяет прояснить их происхождение и частично реконструировать облик утраченной части некрополя и общую динамику его пространственного развития. Большинство этих артефактов происходит из погребений по обряду кремации и ингумации, находившихся на незначительной глубине, под невысокими курганными насыпями или на открытых площадках и полностью разрушенных длительной распашкой. Можно полагать, что число таких погребений составляло несколько десятков, не менее 40, судя по количеству ножей. Большая часть этих находок не связана с курганами и погребальными комплексами, исследованными А. С. Уваровым в 1851 г. Облик утраченной части могильника был несколько отличен от ненарушенных погребений XI – начала XII в., вскрытых в Гнездилове раскопками последних лет. Наряду с ингумациями XI – начала XII в., распашка разрушила кремации X в., а возможно, также – ранние ингумации, находившиеся в неглубоких ямах.

Пространственное распространение артефактов – хроноиндикатров X в. – и оплавленных металлических предметов показывает, что для устройства погребений первоначально был выбран край возвышенности, склон которой был обращен к северо-востоку, в направление поселения Гнездилово 2. Эта точка хорошо просматривалась со стороны поселения и визуально выделялась в ландшафте. Участок, использовавшийся для размещения погребений, изначально имел значительную площадь, охватывавшую около 0,7 га. Судя по дневниковым записям раскопок 1851 г. и локализации части оплавленных металлических предметов из сборов последних лет, обряд кремации в некоторых случаях сопровождался сооружением курганных насыпей, в которые помещались остатки трупосожжений. Однако существенная часть оплавленных металлических предметов локализуется за пределами зоны геофизических аномалий, соответствующих снивелированным курганам. Концентрация их отмечена в северной части могильника, на месте раскопа 1 и рядом с ним. Очевидно, остатки кремаций на этом участке размещались вблизи поверхности земли, возможно, в неглубоких ямках или рассеянно, без компактного захоронения кальцинированных костей и погребального инвентаря. Отметим, что местонахождение части фрагментов скорлупообразных фибул указывает на связь их с бескурганными кремациями.

Находки железных гвоздей, широко использовавшихся в конструкциях гробов и иных погребальных сооружений в XI–XII вв., маркируют участки, использовавшиеся для размещения погребений в более поздний период. Концентрация их в юго-западной и северо-восточной частях площадки отражает постепенное расширение некрополя в этих направлениях, по оси юго-запад – северо-восток, на возвышенном участке и вниз по склону, ближе к поселению.

Картирование предметов вооружения, торгового инвентаря и монет, собранных на площадке могильника, выявляет присутствие их практически на всей

территории некрополя, в центре и на краях, без тяготения к какому-либо одному участку. Существенно при этом, что находки статусных предметов вооружения – боевых топоров и наконечников копий – происходят с периферийных участков некрополя.

Если рассматривать эти категории находок как маркеры погребений той части общества, которая выделялась более высоким благосостоянием и социальным положением, то приходится признать, что они не составляют единое пространственное ядро могильника и топографически не обособлены. Эта картина несколько противоречит тому, что отмечалось М. В. Седовой, выделявшей в центре Мжарского могильника группу погребений представителей суздальской аристократии (*Седова*, 1997. С. 163), но в целом соответствует отдельным наблюдениям над локализацией погребений со статусными вещами в других древнерусских могильниках (*Недошивина, Зозуля*, 2012. С. 187) и основывается на репрезентативном материале, полученном при полном охвате полевыми работами всей территории некрополя.

Таким образом, сочетание систематического сбора вещевых находок из пахотного слоя, геофизических исследований и выборочных раскопок на отдельных участках могильника Гнездилово дает целостное видение пространственной структуры средневекового некрополя, разнообразия форм погребального обряда и основной линии его развития. Находки из сборов на площадке могильника играют в этой реконструкции важнейшую роль.

ЛИТЕРАТУРА

Андрощук Ф. А., 1999. К датировке скандинавских фибул типа Petersen-51 // Vita Antiqua. № 1. С. 89–94.

Захаров С. Д., 2014. Информационный потенциал культурного слоя, пострадавшего от распашки // КСИА. Вып. 233. С. 100–112.

Макаров Н. А., 2023. Заключение // Археология Суздальской земли. Т. 2. Культура, общество, идентичность. М.; Вологда: Древности Севера. С. 354–370.

Макаров Н. А., Красникова А. М., 2022. Суздальская знать: погребение с оружием и всадническим снаряжением в могильнике Гнездилово // РА. № 4. С. 110–120.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Ерохин С. А., 2021а. Первые результаты новых исследований могильника Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 264. С. 7–29.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Шевченко В. А., 2022. Могильник Сельцо: потерянный некрополь X–XI вв. под Суздалем // КСИА. Вып. 269. С. 162–179.

Макаров Н. А., Красникова А. М., 2023. Суздальские могильники X–XII вв. в современной археологической картине средневековой Руси // АВ. Вып. 40. СПб. С. 108–125.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Угулава Н. Д., 2021б. Первые результаты раскопок могильника Гнездилово под Суздалем // АВСЗ: материалы науч. семинара. Вып. 11 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 7–20.

Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС. 134 с.

Недошивина Н. Г., Зозуля С. С., 2012. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера. С. 178–193.

Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука. 124 с. (САИ; вып. Е1-60.)

Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.: Русский мир. 320 с.

Jansson I., 1985. Ovala spännbucklor: en studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fynden. Uppsala: Institutionen för arkeologi Gustavianum. 238 s.

Сведения об авторах

Макаров Николай Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: nmakarov10@yandex.ru;

Красникова Анна Михайловна, Государственный исторический музей, Красная пл., д. 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: krasnikova.an@yandex.ru;

Шевченко Владимир Анатольевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: shevchenkov.a@yandex.ru

N. A. Makarov, A. M. Krasnikova, V. A. Shevchenko

THE MEDIEVAL CEMETERY OF GNEZDILOVO: FINDS FROM THE TOPSOIL AND SPATIAL ORGANIZATION OF THE CEMETERY

Abstract. The paper has attempted to use medieval items from the topsoil collected during the survey of one of the cemeteries in Suzdal Opolye as material for determining the area occupied by the cemetery, reconstructing its spatial structure and identifying its oldest core as well as characteristics of the funerary rite. The topsoil containing medieval finds from disturbed graves is considered to be a separate component of such sites which, though transformed by continued agricultural activity, has not lost its informational potential. The overall picture of the Gnezdilovo cemetery spatial development and diversity of funerary rites practiced has been recreated using materials of geophysical studies and excavations in some sections.

Keywords: Medieval Rus, Suzdal land, funerary rite, kurgans, geophysical methods in archaeology.

REFERENCES

Androshchuk F. A., 1999. K datirovke skandinavskikh fibul tipa Petersen-51 [On dating of Scandinavian fibulae of Petersen-51 type]. *Vita Antiqua*, 1, pp. 89–94.

Makarov N. A., 2023. Zaklyuchenie [Conclusions]. *Arkheologiya Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Suzdal land], 2. Kul'tura, obshchestvo, identichnost [Culture, society, identity]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 354–370.

Makarov N. A., Krasnikova A. M., 2022. Suzdal'skaya znat': pogrebenie s oruzhiem i vsadnicheskim snaryazheniem v mogil'nike Gnezdilovo [Suzdal nobility: burial with weapons and equestrian equipment in Gnezdilovo cemetery]. *RA*, 4, pp. 110–120.

Makarov N. A., Krasnikova A. M., 2023. Suzdal'skie mogil'niki X–XII vv. v sovremennoy arkheologicheskoy kartine srednevekovoy Rusi [Suzdal cemeteries of X–XII centuries in modern archaeological picture of medieval Rus]. *AV*, 40. St. Petersburg, pp. 108–125.

Makarov N. A., Krasnikova A. M., Erokhin S. A., 2021a. Pervye rezul'taty novykh issledovaniy mogil'nika Gnezdilovo pod Suzdalem [First results of new studies of Gnezdilovo cemetery near Suzdal]. *KSIA*, 264, pp. 7–29.

Makarov N. A., Krasnikova A. M., Shevchenko V. A., 2022. Mogil'nik Sel'tso: poteryannyy nekropol' X–XI vv. pod Suzdalem [The Se'ltso cemetery: the missing Late Viking Age necropolis in the vicinities of Suzdal]. *KSIA*, 269, pp. 162–179.

Makarov N. A., Krasnikova A. M., Ugulava N. D., 2021b. Pervye rezul'taty raskopok mogil'nika Gnezdilovo pod Suzdalem [First results of excavations of Gnezdilovo cemetery near Suzdal]. *AVSZ*, 11. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 7–20.

Murasheva V. V., 2000. Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniya (X–XIII vv.) [Ancient Russian belt-mounted decorations (X–XIII cc.)]. Moscow: URSS. 134 p.

Nedoshivina N. G., Zozulya S. S., 2012. Kurgany Yaroslavskogo Povolzh'ya [Kurgans in Yaroslavl Volga region]. *Rus' v IX–X vv.: arkheologicheskaya panorama [Rus in IX–X centuries: an archaeological panorama]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 178–193.

Ryabinin E. A., 1981. Zoomorfnye ukrasheniya drevney Rusi X–XIV vv. [Zoomorphic decorations of ancient Rus, X–XIV cc.]. Leningrad: Nauka. 124 p. (SAI.)

Sedova M. V., 1997. Suzdal' v X–XV vv. [Suzdal in X–XV cc.]. Moscow: Russkiy mir. 320 p.

Zakharov S. D., 2014. Informatsionnyy potentsial kul'turnogo sloya, postradavshego ot raspashki [Information potential of the cultural deposit disturbed by ploughing]. *KSIA*, 233, pp. 100–112.

About the authors

Makarov Nikolay A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: nmakarov10@yandex.ru;

Krasnikova Anna M., The State Historical Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: krasnikova.an@yandex.ru;

Shevchenko Vladimir A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: shevchenkov.a@yandex.ru

Д. В. Ожерельев, Т. Б. Мамиров,
В. Д. Воловенко, А. И. Ферапонтов

ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ НОВОЙ СТОЯНКИ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА УЗЫНАГАШ 1 В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ[1]

Резюме. Верхний палеолит казахстанской части Центральной Азии является одним из наименее изученных в регионе. В 2018–2022 гг. активные исследования здесь проводятся в предгорных областях Северного Тянь-Шаня в районе хребта Заилийский Алатау. В 2021 г. был обнаружен новый комплекс стратифицированных стоянок верхнего палеолита Узынагаш 1–9. В 2022 г. были проведены первые раскопки на стоянке Узынагаш 1. В ходе раскопок было установлено, что стоянка содержит не менее трех культурных слоев, залегающих in situ. В каждом культурном слое были обнаружены каменные находки (дебитаж и орудия) и остатки очагов. Общая каменная коллекция насчитывает 4396 экз. Каменная индустрия принадлежит к единому культурному комплексу ранней поры верхнего палеолита. В целом устанавливается, что в предгорьях Северного Тянь-Шаня в раннем верхнем палеолите существовал крупный самобытный культурный центр с каменными индустриями, содержащими выразительный ориньякоидный компонент.

Ключевые слова: верхний палеолит, Тянь-Шань, стоянка Узынагаш 1, кареноидные нуклеусы, скребки, каменная индустрия.

Введение

С 2018 г. на территории Юго-Восточного Казахстана проводятся комплексные археологические исследования палеолитических памятников. Эти исследования осуществляются совместной палеолитической экспедицией Института

[1] Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-18-00329 «Культурная динамика в эпоху среднего и верхнего палеолита на территории внутренних бассейнов аридной зоны Казахстана в контексте изменений окружающей среды».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.65-82

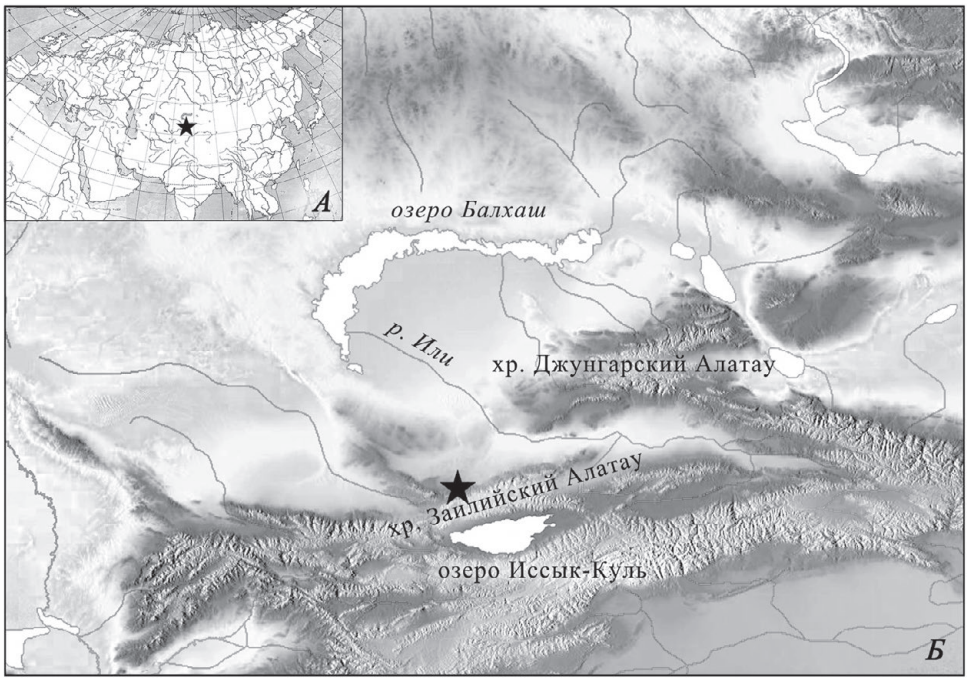


Рис. 1. Расположение стоянок Узынагаш 1–9 на схематической карте Евразии (*А*) и на карте горных систем Южного и Юго-Восточного Казахстана (*Б*)

археологии РАН (Москва) и Института археологии им. А. Х. Маргулана (Алматы). Основные работы экспедиции сосредоточены на раскопках многослойной верхнепалеолитической стоянки Рахат, расположенной в 30 км к востоку от г. Алматы (*Ожерельев и др.*, 2019; 2021; 2023а). Другое направление исследований связано с поиском и изучением новых памятников каменного века в предгорных зонах Заилийского и Джунгарского Алатау. В 2021 г. в западной части Заилийского Алатау был открыт ряд местонахождений с подъемным палеолитическим материалом. Среди них такие местонахождения, как Бесмойнак, Актерек, Архарлы, Сарыжазык 1 и 2 и Узынагаш 1–9.

Местонахождения Узынагаш 1–9 представляют один из наиболее интересных и перспективных комплексов стоянок верхнего палеолита на территории Юго-Восточного Казахстана. Памятники расположены в 52 км к западу – юго-западу от г. Алматы (Жамбылский район Алматинской области) в долине одноименной реки в устьевой части при выходе ее из ущелья (рис. 1: *А, Б*). Здесь на расстоянии около одного километра на правом и левом берегах были обнаружены девять пунктов находок.

Для северных предгорий Заилийского Алатау характерно двухступенчатое строение рельефа (в литературе ступени-уступы известны как «прилавки»), генетически связанное с тектоническими процессами продолжающегося роста Тянь-Шаня. Ступени протянулись вдоль северной оконечности хребта

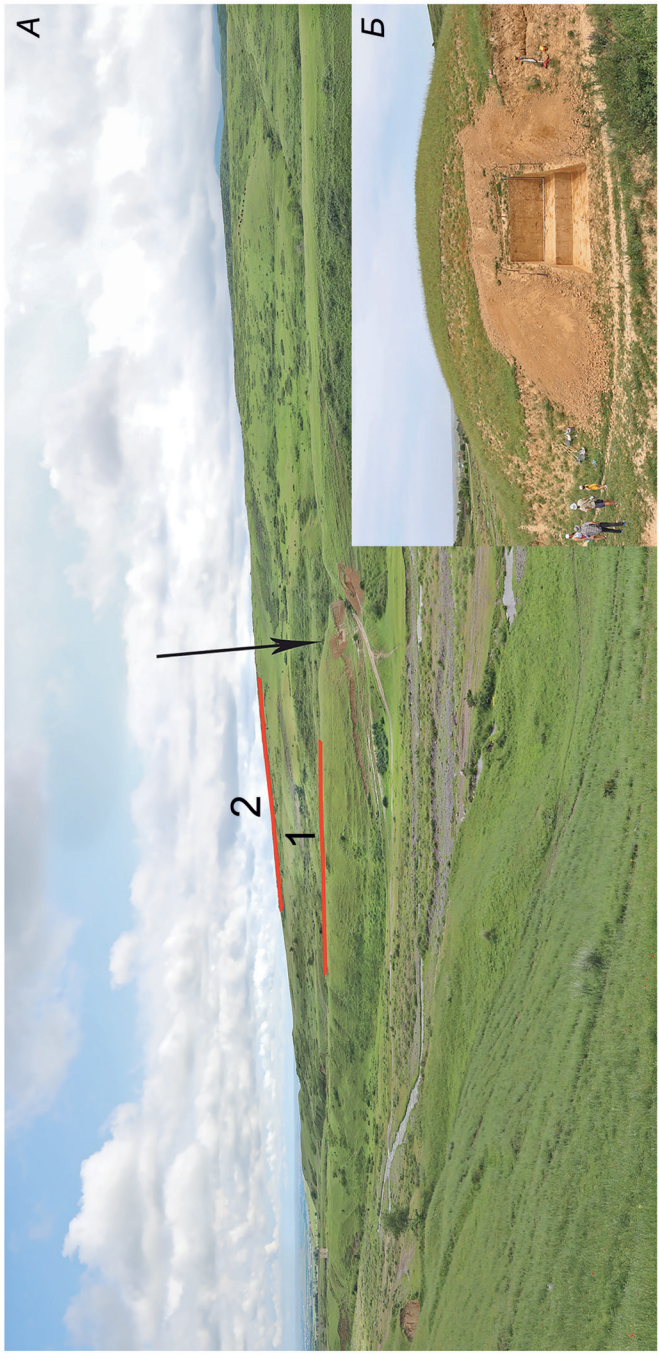


Рис. 2. Геоморфологическая позиция стоянки Узынагаш 1 (показано стрелкой) в долине р. Узынагаш. Красными линиями выделены два террасовых уровня реки (*А*). Вид на стоянку в конце раскопок 2022 г. (*Б*). Фото Д. В. Ожерельева

в широтном направлении с запада на восток (*Додонов*, 2002). Место стоянок соотносится с нижней ступенью предгорий. В меридиональном направлении с юга на север хребет прорезают многочисленные горные и предгорные реки – притоки р. Или бассейна озера Балхаш. При выходе из гор реки формируют галечные конусы выноса. В предгорной зоне у рек отмечается несколько террасовых уровней, формировавшихся на разновременных конусах выноса и соответствующих различным горообразовательным и климатическим циклам (*Жандаев*, 1972). В основании террасовые уровни сложены галечниками, верхняя их часть покрыта лёссами. Лёссы перекрывают все формы рельефа предгорий. В обследованном районе отмечается два террасовых уровня реки Узынагаш, разница между которыми по высоте превышает 20 м. Обнаруженные палеолитические памятники приурочены к лёссам первой надпойменной террасы (рис. 2: *А*). Данная терраса формировалась во второй половине позднего плейстоцена и представлена локально в предгорной зоне реки, распространяясь только около 2 км от равнины вглубь долины. Абсолютная высота местонахождений равняется 1100–1125 м над уровнем моря.

Археологические разведки 2021 г.

Всего в небольших лёссовых обнажениях и в осыпях было зафиксировано девять местонахождений, каждое из которых, по всей видимости, является стоянкой. Реальное их количество, конечно, может быть гораздо больше. Выборочная коллекция находок включала 125 предметов. Среди находок первичного расщепления представлены различные категории изделий: пренуклеус (1 экз.), нуклеусы (6 экз.), скол оживления плоскости расщепления (1 экз.), пластины ребристые (3 экз.), пластины (4 экз.), пластинки (1 экз.), фрагменты пластин (13 экз.), фрагменты пластинок (1 экз.), отщепы (36 экз.), обломки отщепов (38 экз.), обломки (6 экз.), осколки (1 экз.). Орудийный набор содержит 14 находок: скребки (6 экз.), долотовидное орудие (1 экз.), орудие с выемкой (1 экз.), фрагмент пластины с ретушью (1 экз.), отщепы с ретушью (3 экз.), обломки отщепов с ретушью (2 экз.). В целом индустрия собранного материала носит пластинчатый характер. По метрическим показателям ширины пластинчатые сколы подразделяются на микропластины (ширина менее 0,7 см), пластинки (ширина 1,2–0,7 см), пластины (ширина более 1,2 см).

По общим технико-типологическим показателям каменный инвентарь из всех местонахождений можно отнести к верхнему палеолиту без более детального пока уточнения. Стоянки образуют крупный компактный комплекс, представляющий большую исследовательскую перспективу. Комплекс указывает на высокую степень заселенности долины в определенные этапы верхнего палеолита. Следует отметить, что на местонахождении Узынагаш 3 было обнаружено два нуклеуса более архаичного облика – с центростремительным раскалыванием. Подобные нуклеусы могут говорить о наличии на этом местонахождении и более ранних индустрий, предшествующих пластинчатым индустриям местонахождений. В то же время существование подобных нуклеусов отмечалось для некоторых других стоянок раннего верхнего палеолита Южного и Юго-Восточного Казахстана (стоянка им. Ч. Ч. Валиханова, Майбулак), где они являются

составной частью единой каменной индустрии верхнего палеолита (*Таймагамбетов, Ожерельев*, 2009).

Раскопки на стоянке Узынагаш 1

После предварительной оценки местонахождений узынагашской группы в 2022 г. на двух перспективных пунктах (Узынагаш 1 и 2) были проведены площадные раскопки. Наиболее крупные и значимые результаты, в том числе по количеству каменных находок, были получены на стоянке Узынагаш 1. На памятнике в месте скопления подъемного материала был заложен раскоп в виде врезки в склон. В результате в лёссовидной толще на глубинах -6,05/-6,8 м от условного нулевого репера, расположенного на вершине террасы, было обнаружено три культурных слоя с многочисленными каменными изделиями. Раскопом вскрывались лёссовые отложения террасы на глубинах -5,0/-7,5 м. Общая площадь составила 20 кв. м (рис. 2: *Б*). Поскольку раскоп закладывался на склоне, то культурные слои вскрывались на разной площади (например, слой 1 был представлен на площади ~ 13,5 кв. м; слой 3 – на ~ 18 кв. м). Вскрытые лёссы вне культурных слоев и в культурных слоях визуально слабо различимы. Культурные слои имеют горизонтальное залегание. Их уровни маркируются сплошным залеганием каменных находок (слой 1) либо крупными локализованными скоплениями с немногочисленными находками вне скоплений (слой 2), либо в целом немногочисленными рассеянными находками (слой 3). Все культурные слои содержат поселенческие объекты. В слое 1 были обнаружены слабо углубленный (объект 1) и углубленный (объект 2) очаги с углистыми прослоями и горизонтами красного прокала. С очагами связаны многочисленные каменные находки. В слое 2 был выявлен углубленный объект (объект 3), заполненный в нижней части пеплово-углистой массой и перекрытый сверху красным прокаленным суглинком. Следующий объект (№ 4) из слоя 3 является красноватым слабо выраженным прокалом подовальной формы. Возле него обнаруживается большинство находок слоя 3.

Каменная индустрия стоянки Узынагаш 1

Общая коллекция каменных находок стоянки Узынагаш 1 включает 4396 предметов (табл. 1). Каменное сырье, использовавшееся на стоянке, имеет большое разнообразие. Здесь представлены порфириты, различные эффузивные породы (туффиты), кварц, халцедон, яшмы, мергель, алевролиты, кремень, песчаник, риолиты, граниты. Большая часть сырья добывалась здесь же в русле реки. Другая часть (яшмы, кремень, мергель) могла быть принесена на стоянку из других мест.

Таблица 1. Категориальный состав каменного инвентаря стоянки Узынагаш 1. Раскопки 2022 г.

№ п/п	Наименование изделия	слой 1	слой 2	слой 3	единич. находки	подъемн. материал	ВСЕГО
ГРУППА ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ И ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА							
1	Пренуклеусы	1				1	***2***
2	Нуклеусы	7	3				***10***
3	Кареноидные нуклеусы-скребла, кареноидные нуклеусы-скребки (и их фрагменты и заготовки)	17	2	1		1	***21***
4	Кареноидные нуклеусы-резцы	1					***1***
5	Нуклевидные обломки	8					***8***
6	Сколы оживления плоскости расщепления (и их фрагменты)	6					***6***
7	Сколы подправки ударной площадки (и их фрагменты)	14	2	1			***17***
8	Сколы ребристые	11	5	1		1	***18***
9	Пластины (и их фрагменты)	118	24	6	1		***149***
10	Пластинки (и их фрагменты)	165	18				***183***
11	Микропластины (и их фрагменты)	65	10				***75***
12	Отщепы (их фрагменты)	912	244	38	7	3	***1204***
13	Обломки	138	59	1			***198***
14	Осколки	318	49	2			***369***
15	Чешуйки	1700	274	3			***1977***
16	Отбойники (и их фрагменты)	18	1				***19***
17	Отбойник-нуклеус	1					***1***
18	Валуны, гальки, обломки галек	21	10				***31***
19	Технические сколы с галек	24	9				***33***

Окончание табл. 1

№ п/п	Наименование изделия	слой 1	слой 2	слой 3	единич. находки	подъемн. материал	ВСЕГО
ОРУДИЙНЫЙ НАБОР							
20	Скребла	4					***4***
21	Скребки	22	1	3			***26***
22	Скребки (фрагменты и заготовки)	5					***5***
23	Скребок-резец	1					***1***
24	Орудие с шипом – скребок	1					***1***
25	Резцы	2	1				***3***
26	Нож с обушком	1					***1***
27	Долотовидное орудие				1		***1***
28	Орудия с выемкой	4					***4***
29	Пластины и их фрагменты с ретушью	10	2	2			***14***
30	Пластинки и их фрагменты с ретушью	4				1	***5***
31	Фрагменты микропластин с ретушью	2	1				***3***
32	Отщепы и их фрагменты с ретушью	4		2			***6***
ИТОГО – ГРУППА ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ И ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА		***3545***	***710***	***53***	***8***	***6***	***4322***
ИТОГО – ГРУППА ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ И ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА (без чешуек, обломков и осколков)		**1389**	**328**	**47**	**8**	**6**	***1778***
ИТОГО – ОРУДИЙНЫЙ НАБОР		**60**	**5**	**7**	**1**	**1**	***74***
ВСЕГО		***3605***	***715***	***60***	***9***	***7***	***4396***
ВСЕГО (без чешуек, осколков и обломков)		**1449**	**333**	**54**	**9**	**7**	**1852**

Наиболее многочисленная коллекция каменных находок, насчитывающая 3605 экз., была получена в слое 1. В коллекции представлены как предметы первичного расщепления, отходы производства, так и орудия. В группе первичного расщепления содержатся пренуклеус (1 экз.), нуклеусы (7 экз.), кареноидные формы нуклеусов-скребков, нуклеусов-скребел, их заготовки и фрагменты (17 экз.), кареноидный нуклеус-резец (1 экз.), нуклевидные обломки (8 экз.), сколы оживления плоскости расщепления (6 экз.), сколы подправки ударных площадок (14 экз.), различные ребристые сколы (пластинчатые и непластинчатые – 11 экз.), целые и фрагментированные пластины (118 экз.), пластинки (165 экз.), микропластины (65 экз.), отщепы и обломки отщепов (912 экз.), обломки (138 экз.), осколки (318 экз.), чешуйки (1700 экз.), отбойники и их фрагменты (18 экз.), отбойник-нуклеус (1 экз.), валуны, гальки, обломки галек (21 экз.) и сколы (отщепы) с этих категорий находок (24 экз.). Орудия включают достаточно разнообразный набор (всего 60 экз.), среди которых скребла (4 экз.), скребки, их фрагменты и заготовки (27 экз.), скребок-резец (1 экз.), орудие с шипом-скребок (1 экз.), резцы (2 экз.), нож с обушком (1 экз.), орудия с выемкой (4 экз.), пластины и их фрагменты с ретушью (10 экз.), пластинки и их фрагменты с ретушью (4 экз.), фрагменты микропластин с ретушью (2 экз.), отщепы и их обломки с ретушью (4 экз.).

По типу расщепления и характеру орудийных заготовок каменная индустрия стоянки Узынагаш 1 относится к пластинчатым призматическим индустриям. В коллекции раскопок 2022 г. отсутствуют нуклеусы с центростремительным (дисковидным) или леваллуазским расщеплением. В первичном раскалывании фиксируются две основные технологические линии, направленные на получение целевых заготовок двух разновидностей. Первая линия направлена на получение крупных–средних пластин и удлиненных широких отщепов (в данному случае вполне уместен термин «пластинчатые отщепы»). Для этих целей расщеплялись главным образом одно- и двуплощадочные нуклеусы призматического принципа расщепления. Одноплощадочные нуклеусы для крупных удлиненных сколов имеют один фронт (3 экз.) и два смежных фронта скалывания (1 экз.). Двуплощадочные нуклеусы могли быть как односторонние, так и двусторонние (со смежными площадками и фронтами). Для нуклеусов в целом характерен широкий фронт скалывания, иногда переходящий на более узкие боковые стороны (рис. 3: *1*). Имеется одноплощадочный нуклеус для пластин в высокой степени сработанности, у которого на второй площадке сделана попытка переориентации нуклеуса в кареноидную форму для пластинок (рис. 3: *2*). Размеры всех имеющихся нуклеусов для пластин от 10,3 × 6,6 × 3,6 см до 5,1 × 5,1 × 4,8 см. Характерно, что среди необработанных целых пластин преобладают мелкие (в среднем 3,5–4,5 см в длину). В то же время среди обработанных в орудия пластинах и близких им по размерным показателям отщепах (скребки, пластины с ретушью) преобладают заготовки свыше 5 см в длину (от 5 до 11,7 см). Таким образом, наиболее крупные пластины и пластинчатые отщепы использовались для изготовления орудий – скребел, скребков, пластин с ретушью и, вероятно, ножей.

Вторая технологическая линия направлена на получение пластинок и микропластин. Эти заготовки получались с различных форм кареноидных нуклеусов-скребков (17 экз.) и кареноидных нуклеусов-резцов (1 экз.). Первые из них

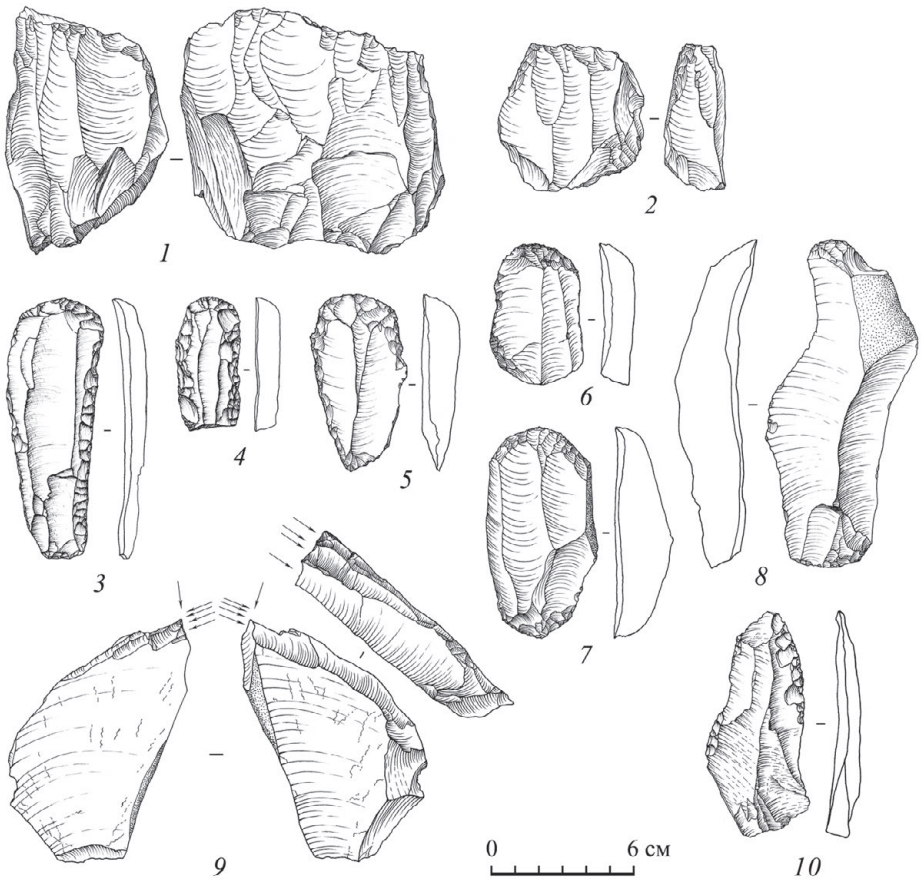


Рис. 3. Каменные изделия стоянки Узынагаш 1.
Рисунки Д. В. Ожерельева, К. Д. Ожерельевой

1, 2 – нуклеусы; *3–8* – скребки; *9* – кареноидный многофасеточный нуклеус-резец на массивном отщепе; *10* – пластина с ретушью

могли использоваться как в качестве нуклеусов, так и в качестве скребков/скребел. В общих чертах эта технология для стоянки Узынагаш 1 (слой 1) выглядит следующим образом. В качестве заготовок для таких нуклеусов могли использоваться различные виды отдельностей и сколов. По типу заготовки выделяются кареноидные нуклеусы-скребки на небольших гальках (рис. 4: *5*), на массивных отщепах, на технических сколах (на сколах оживления и подправки нуклеусов, ребристых сколах) (рис. 4: *4*) и на крупных утолщенных пластинах (рис. 4: *1, 2*). Последняя разновидность представляется яркой специфической формой индустрии. Одной из основных характеристик всех заготовок являлась их достаточная толщина. Кареноидные нуклеусы-скребки имеют широкий размерный ряд – от 11,2 × 8,4 × 4,1 см до 1,5 × 2,3 × 0,6 см. В целом же преобладают предметы свыше 4 см. В индустрии также выделяется крупная кареноидная форма,

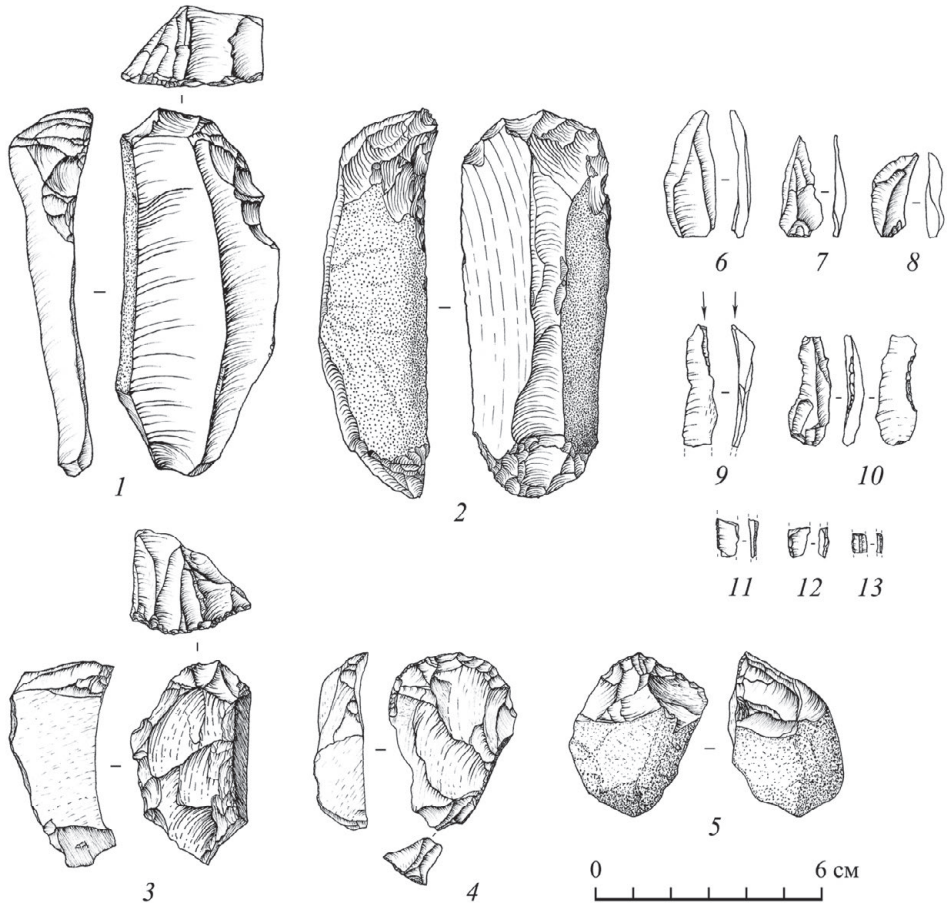


Рис. 4. Каменные изделия стоянки Узынагаш 1.
Рисунки Д. В. Ожерельева, К. Д. Ожерельевой

1 – кареноидный нуклеус-скребок на пластине; *2, 4* – двухконцевые скребки; *3, 5* – кареноидные нуклеусы-скребки; *6–8* – мелкие пластинчатые сколы; *9* – резец на пластинке; *10* – пластинка с ретушью на брюшке; *11, 12* – фрагменты микропластин с ретушью на брюшке; *13* – фрагмент микропластины с ретушью на спинке

которая благодаря размерам заготовок (12,8 × 9,5 × 4,3 см) и вторичной крупной обработке (отщеповые снятия) относится к кареноидным нуклеусам-скреблам. Общими технологическими признаками практически всех кареноидных изделий является выделение или заужение фронта скалывания, которое производилось различными способами. В одних случаях это могло быть частичное приспособление изделия к форме заготовки (например, вертикальная сторона участка ударной площадки скола оживления плоскости расщепления) (рис. 4: *4*). На некоторых крупных сколах отмечается преднамеренное вертикальное усечение сторон заготовки с целью выделить фронт. В других случаях это достигалось через

оформление выемок (выемки) на сторонах, примыкающих к фронту обработки и формирующих «плечико». Причем фронт обработки на таких кареноидных изделиях мог оставаться достаточно широким. Более интенсивное выделение фронта скалывания в виде выемок и уплощающих боковых сколов приводило к выделению узкого в виде «мордочки» конца, непосредственно с которого производились снятия пластинок и микропластин. Важнейшим технологическим показателем кареноидных изделий является достаточно острый угол между площадкой и фронтом. Учитывая вариации самих кареноидных форм, углы скалывания также разнообразны – от 83 до 47°, однако наиболее часто отмечаются углы в 60–70°.

Единичным, но ярким образцом представлен массивный кареноидный нуклеус-резец на крупном отщепе (рис. 3: *9*). Фронт скалывания у изделия оформлен на дистальном конце заготовки, площадка подготовлена на левой стороне отщепа. Снятие мелких пластин и пластинок производилось диагонально относительно продольной оси заготовки и во всю ее толщину. Длина фронта была специально ограничена крупной выемкой, сделанной на правой стороне спинки. Данное изделие является характерной формой раннего верхнего палеолита. Предметы, выполненные в схожей технологической манере, но более мелких размеров, фиксируются в слое 6 стоянки Майбулак (*Ожерельев и др.*, 2023б), в памятниках барадоста (загросского ориньяка) (*Otte, Kozłowski*, 2007; *Olszewski, Dibble*, 1994) и в памятниках ориньякского круга западной части Евразии (*Demars*, 1982; *Pesesse, Michel*, 2006; *Bon*, 2002; *Dinnis et al.*, 2009).

Среди мелких пластинчатых сколов преобладают пластинки и их фрагменты – 169 экз. Микропластины и их фрагменты включают 67 экз. (рис. 4: *6–8*). Подобное соотношение соответствует и относительно крупной морфологии кареноидных нуклесов-скребков. Среди всех целых и фрагментированных пластинок и микропластин, в том числе с ретушью (всего 236 экз.), прямой профиль имеют 43 экз. (из них 38 экз. – фрагменты изделий). Остальные образцы имеют изогнутый (102 экз.), скрученный (41 экз.) или изогнуто-скрученный (50 экз.) профили. Для индустрии Узынагаша 1 (слой 1) отмечается крайне низкое число пластинок и микропластин с ретушью, всего насчитывается 6 экз. изделий, которые несут в той или иной степени мелкую вторичную подработку (рис. 4: *10, 12, 13*). Наиболее ярким орудием из них является изогнуто-скрученная пластинка с ретушью на брюшке на левой стороне заготовки. Ретушь мелкая, однорядная, представлена в средней части латерали и формирует выемчатое лезвие (рис. 4: *10*).

Характерной особенностью орудийного набора слоя 1 выступает исключительное преобладание скребков. Характерно также, что в слое фиксируются даже компактные, преднамеренно уложенные скопления этих орудий. Всего в коллекции насчитывается целых скребков 22 экз., фрагментированных и в виде заготовок – 5 экз. Также примыкают к этой категории орудий комбинированные формы – скребок-резец (1 экз.) и орудие с шипом – скребок (1 экз.). Скребки изготовлялись главным образом на пластинах и удлиненных отщепах (пластинчатых отщепах). Среди скребков представлено несколько разновидностей. Наиболее характерны концевые скребки (рис. 3: *6*). Отмечаются также двухконцевые

(двойные) скребки (рис. 3: *7*), скребки со скошенным рабочим краем, скребки с плечиком, скребки на ретушированных пластинах (рис. 3: *4*), веерообразный скребок (рис. 3: *5*), крупные скребки на отщепах и некоторые другие формы, сочетающие в себе разные типы скребков, например – двойные с кареноидным и концевым лезвиями (рис. 4: *2, 4*). Размеры скребков достаточно крупные, менее 5 см в длину имеется лишь одно орудие, остальные целые формы имеют размеры от 5 до 11,5 см по длинной оси. Размерам орудий отвечает и ретушь – крупная или средняя, крутая-полукрутая, часто многорядная. У нескольких концевых скребков также имеется регулярная, крупная, чешуйчатая ретушь на боковых сторонах.

Часть предметов благодаря своей массивности, размеру лезвия и характеру ретуши (более 5 см в длину) относится к скреблам (4 экз.). Два из них изготовлены на крупных округлых отщепах с несколькими разделенными рабочими лезвиями по всему периметру заготовок. Ретушь разнообразная, но отличается крупными размерами и многорядностью нанесения. Два скребла являются концевыми на крупных отщепах (9,5 × 10,8 × 1,8 см и 9,7 × 7,2 × 2,4 см). Ретушь крупная, крутая и полукрутая, многорядная.

В коллекции присутствует два резца – угловой резец на сломе отщепа и плоский резец на дистальном фрагменте пластинки (рис. 4: *9*). В орудийном наборе выделяется нож с обушком на крупном широком пластинчатом сколе (13,2 × 5,4 × 1,1 см). Лезвие орудия поперечно-продольное, выпуклое, ретушь крупная, плоская. Обушок, приспособленный на сломе, расположен на правой стороне. Орудия с выемкой (4 экз.) представлены разными формами изделий с выемками на различных сторонах пластинчатых фрагментах и отщепах. Выемки у всех ретушные.

Пластины (3 экз.) и их фрагменты (7 экз.) с ретушью содержат как крупную чешуйчатую, многорядную ретушь на одной или двух сторонах заготовок (рис. 3: *10*), так и, что встречается чаще, мелкую, регулярную/нерегулярную ретушь. Пластины с тщательным, специально оформленным перехватом («удушенные» пластины) в коллекции отсутствуют.

Каменный инвентарь из слоя 2 стоянки Узынагаш 1 содержит 715 находок (табл. 1). По своим технико-типологическим характеристикам он в редуцированном виде повторяет инвентарь из слоя 1. Подавляющее большинство находок относится к группе первичного расщепления и отходам производства. В коллекции содержатся три нуклеуса для получения пластин длиной 6–8 см. Один нуклеус многоплощадочный, двусторонний; второй нуклеус – двуплощадочный встречного скалывания, односторонний; третий нуклеус – одноплощадочный, односторонний. Все три нуклеуса имеют высокую степень сработанности. Кареноидные нуклеусы-скребки включают 2 экз. Они изготовлены на массивном отщепе и на сколе оживления плоскости расщепления (рис. 4: *3*). Предназначались они для получения пластинок и микропластин. Нуклеусам соответствует наличие пластинчатых сколов и их фрагментов – пластин (24 экз.), пластинок (18 экз.), микропластин (10 экз.). Остальные категории первичного расщепления включают сколы подправки ударной площадки (2 экз.), ребристые сколы (5 экз.), отщепы и их фрагменты (244 экз.), обломки (59 экз.), осколки (49 экз.), чешуйки (274 экз.), отбойник (1 экз.), валуны и гальки (10 экз.) и технические

сколы с них (9 экз.). В отличие от слоя 1 в слое 2 обнаружено всего пять орудий: концевой скребок на ретушированной пластине (1 экз.) (рис. 3: *3*), угловой резец на сломе пластины (1экз.), пластина с ретушью (1 экз.), обломок пластины с ретушью (1 экз.) и фрагмент микропластины с ретушью на брюшке (1 экз.) (рис. 4: *11*).

Структура комплекса культурного слоя 2 и характер каменного инвентаря предполагают, что раскопками был вскрыт лишь участок поселения, связанный со специфическим видом хозяйственно-бытовой деятельности. Об этом говорит углубленный объект 3 с прокалом и пеплово-углистой массой в заполнении, рядом с которым также производилась компактная эвакуация отходов расщепления (крупное скопление дебитажа). Более точную интерпретацию пространственной структуры поселения и его типа на уровне слоя 2 можно будет проводить лишь при дальнейших исследованиях.

Ниже, в слое 3 было обнаружено 60 каменных находок: первичное расщепление – отходы производства (53 экз.) и орудия (7 экз.) (табл. 1). Среди находок имеются кареноидный нуклеус-скребок на дистальном обломке утолщенного отщепа (1 экз.), скол подправки ударной площадки (1 экз.), скол ребристый (1 экз.), пластины и их фрагменты (6 экз.), отщепы и их фрагменты (38 экз.), обломок (1 экз.), осколки (2 экз.), чешуйки (3 экз.). Примечательно отсутствие мелких пластинчатых сколов. Следует отметить высокий процент орудий в каменном инвентаре слоя 3 (11,7 %). В орудийном наборе содержатся скребки (3 экз.), фрагменты пластин с ретушью (2 экз.), отщепы с ретушью (2 экз.). Выделяется крупный скребок на изогнутой пластине, сочетающий концевой скребок со скошенным лезвием и выделенным плечиком и кареноидный нуклеус-скребок на противоположном (проксимальном) конце (рис. 3: *8*). По своим характеристикам индустрия слоя 3 соответствует индустриям вышележащих слоев. Предварительно культурный слой 3 может определяться как кратковременное поселение.

Дискуссия

Таким образом, по результатам исследований 2022 г. для стоянки Узынагаш 1 устанавливаются следующие общие характеристики. Стоянка является многослойной, три культурных слоя расположены компактно на глубине -6,05/-6,8 м от условного нулевого репера в средней части покровной лёссовой толщи первой надпойменной террасы р. Узынагаш. Вполне допустимо, что в ходе дальнейших раскопок будут обнаружены другие культурные слои. Каждый из культурных слоев обозначается скоплениями каменных находок и различными объектами, представляющими остатки очагов (наземных и углубленных). Небольшая вскрытая площадь поселения позволяет пока предположительно определять тип стоянки на уровне каждого из культурных слоев. В рамках изученной площади можно предполагать, что культурный слой 1 характеризует базовую, относительно долговременную стоянку с полным циклом первичного расщепления и изготовления орудий. Культурный слой 2 представляет собой специфический участок другой, более ранней стоянки. На данном участке фиксируется необычный углубленный объект с «обратной» стратиграфией

и расположенное рядом крупное скопление отходов расщепления. Допускается, что стоянка на этом уровне также была долговременной, но основной ее участок располагается к востоку – северо-востоку от раскопа. Культурный слой 3 характеризует собой, по всей видимости, кратковременную стоянку. Первоначальный анализ находок определяет, что каменная индустрия из всех слоев выглядит единокультурной. Но, учитывая несомненную разновременность существования стоянок на трех уровнях, не исключается выявление в будущем определенных различий (этапов, фаций) внутри этого культурного комплекса. Еще одной особенностью стоянки является практически полное отсутствие крупных (более 2 см) костных останков. Незначительный костный материал, собранный в ходе исследований, представлен в виде мелких обломков. Наиболее вероятной причиной незначительного количества органических останков является химически агрессивная среда лёссов, разрушившая подверженные эрозии кости.

Каменная индустрия стоянки Узынагаш 1 выделяется крупными размерами нуклеусов, заготовок и орудий. Наличие доступного крупноразмерного и достаточно качественного сырья в виде галек и валунов из русла реки позволяло использовать экстенсивные стратегии расщепления, что отражалось в общих параметрах изделий. Некоторую «архаичность» инвентарю также придают и разновидности каменного сырья, где значительно преобладают вулканогенные и вулканогенно-осадочные породы. В целом для каменной индустрии стоянки в первичном расщеплении намечаются две основные технологические линии: получение крупных и средних пластин из нуклеусов параллельного призматического принципа раскалывания и получение пластинок и микропластин из кареноидных нуклеусов. Часть кареноидных нуклеусов могла также использоваться в качестве скребков. Крупные и средние пластины использовались для изготовления различных категорий орудий: скребков, скребел, ножей с обушком, резцов, ретушированных пластин и т. д. Для стоянки Узынагаш 1 отмечается преобладающее доминирование скребков различных модификаций, что в свою очередь, видимо, связано с особенностями экономической деятельности ее обитателей. В коллекции имеется значительное число пластинок и микропластин, включая их фрагменты. Однако изделий со вторичной обработкой на этих заготовках насчитываются единицы, ретушь на них непритупливающая, наносилась чаще на брюшке.

Хронология и культурная атрибуция памятника представляются важнейшими вопросами изучения. О возрасте пока можно судить на основании сравнительных исследований. Археологический материал стоянки Узынагаш 1 имеет определенные аналогии с индустриями памятников, содержащих ориньякский или ориньякоидный инвентарь ранней поры верхнего палеолита. Среди общих признаков выделяются следующие:

1. Технологическая диверсификация на крупнопластинчатое и мелкопластинчатое расщепление.

2. Наличие значительного количества кареноидных нуклеусов-скребков, часть из которых близка скребкам с «рыльцем».

3. Присутствие единичных кареноидных нуклеусов-резцов (резцы высокой формы) на отщепах.

4. Применение вторичной обработки пластин чешуйчатой полукрутой и крутой ретушью.

5. Большая часть пластинок и микропластин имеет непрямой (изогнутый, скрученный или изогнуто-скрученный) профиль, причем в плане эти заготовки часто имеют подтреугольную форму.

6. Наличие единичных пластинок и микропластин с ретушью, преобладает ретушь на брюшке.

Если проводить ближайшие географические корреляции, то они обнаруживаются с каменным инвентарем слоев 3–5 стоянки Майбулак (*Ожерельев и др.*, 2023б), расположенной в 18 км к востоку от стоянки Узынагаш 1. На Майбулаке также обнаружены многочисленные скребки на крупных заготовках, кареноидные нуклеусы-скребки, пластины с ретушью. Но в индустрии Майбулака также выявляется и более архаичный компонент в виде нуклеусов с центростремительной (дисковидной) обработкой и с техникой расщепления, близкой к леваллуазской. Возраст находок из этих слоев ~ 31 000–28 000 некал. л. н. (~ 35 000–31 000 кал. л. н.). Другая аналогия определяется с памятником Кызылауз-2, расположенном в 4 км к юго-западу от Узынагаша 1 (*Kunitake*, 2019). Возраст находок из культурных слоев 2–3 (всего 4 слоя) определяется в пределах ~ 33 000–30 000 кал. л. н. Судя по предварительным публикациям и первичному знакомству авторов статьи с коллекцией Кызылауза-2, индустрии обозначенных выше стоянок могут представлять единый культурный комплекс в рамках раннего верхнего палеолита. Вполне допустимо, что к этому же комплексу принадлежит самый нижний культурный слой (слой 12) многослойной стоянки Рахат, расположенной в устье одноименной реки в 100 км к востоку – северо-востоку от узынагашских памятников. В слое 12 обнаружен характерный скребок на пластинчатом отщепе, кареноидные нуклеусы-скребки, пластинки, микропластины (*Ожерельев, Мамиров*, 2023).

Заключение

Изучение стоянок узынагашской группы находится в начальной стадии. Тем не менее полученные в ходе исследований 2021–2022 гг. данные и материалы предшествующих работ на других стоянках позволяют устанавливать, что в предгорьях Северного Тянь-Шаня очерчивается новый крупный культурный комплекс памятников ранней поры верхнего палеолита. Каменные индустрии стоянок этого комплекса имеют схожие технико-типологические характеристики. Стоянка Узынагаш 1 представляется на данный момент одним из ведущих памятников комплекса. В рамках технологий расщепления и в орудийном наборе на общем сравнительном уровне каменный инвентарь стоянки обнаруживает определенные параллели с индустриями ориньякского круга памятников раннего верхнего палеолита. В то же время каменная индустрия стоянки выделяется значительной оригинальностью. Дальнейшие исследования позволят детализировать хронологию, культурное содержание и периодизацию ранней поры верхнего палеолита предгорий Северного Тянь-Шаня, а также очертить ареал индустрий этого круга по отношению к соседним культурным областям.

ЛИТЕРАТУРА

Додонов А. Е., 2002. Четвертичный период Средней Азии: стратиграфия, корреляция, палеогеография. М.: ГЕОС. 250 с.

Жандаев М. Ж., 1972. Геоморфология Заилийского Алатау и проблемы формирования речных долин. Алма-Ата: Наука. 164 с.

Ожерельев Д. В., Джасыбаев Е. А., Мамиров Т. Б., 2019. Первые данные о стратиграфии и культурной атрибуции многослойной стоянки верхнего палеолита Рахат (Юго-Восточный Казахстан) // КСИА. № 254. С. 57–70.

Ожерельев Д. В., Джасыбаев Е. А., Мамиров Т. Б., 2021. Особенности культурного слоя и поселенческие объекты на стоянке верхнего палеолита Рахат (слой 2) в Юго-Восточном Казахстане // КСИА. Вып. 262. С. 7–26.

Ожерельев Д. В., Лев С. Ю., Столпникова Е. М., 2023а. Проблемы верхнего палеолита предгорий Северного Тянь-Шаня: новейшие открытия и дальнейшие перспективы // Вестник МГУ. Серия XXIII: Антропология. № 1. С. 118–128.

Ожерельев Д. В., Мамиров Т. Б., 2023. Комплекс многослойных стоянок верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня: общие данные и перспективы исследований // АЭАЕ. Т. 51. № 3. (В печати.)

Ожерельев Д. В., Успенская О. И., Таймагамбетов Ж. К., 2023б. Начальные этапы раннего верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня, Казахстан (по материалам многослойной стоянки Майбулак) // SP. № 1. С. 129–152.

Таймагамбетов Ж. К., Ожерельев Д. В., 2009. Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы: Казахский национальный ун-т. 256 с.

Bon F., 2002. L'Aurignacien entre mer et océan. Réflexion sur l'unité des phases anciennes de l'Aurignacien dans le sud de la France. Paris: Société Préhistorique Française. 253 p.

Demars P.-Y., 1982. Les grattoirs carénés et à museau, les burins busqués et carénés, les pièces nucléiformes dans le bassin de Brive. Approche stylistique // Bulletin de la Société Préhistorique Française. Vol. 79 (10–12). P. 341–368.

Dinnis R., Pawlik A., Gaillard C., 2009. Bladelet cores as weapon tips? Hafting residue identification and micro-wear analysis of three carinated burins from the late Aurignacian of Les Vachons, France // JAS. Vol. 36. Iss. 9. P. 1922–1934.

Kunitake S., 2019. The excavation of a newly discovered Upper Palaeolithic Kyzylaus-2 site in the Southern Kazakhstan // Proceeding International Scientific and Practical Conference «Methods and methodology of natural sciences in archaeological field research», 18 september 2019. Almaty: Kazakh University. P. 148–149.

Olszewski D. I., Dibble H. L., 1994. The Zagros Aurignacian // Current Anthropology. Vol. 35. P. 68–75.

Otte M., Kozłowski J. K., 2007. L'Aurignacien du Zagros // Études et recherches archéologiques de l'université de Liége. Vol. 118. 204 p.

Pesesse D., Michel A., 2006. Le burin des Vachons: apports d'une relecture technologique à la compréhension de l'Aurignacien récent du nord de l'Aquitaine et des Charentes // PALEO: Revue d'Archéologie Préhistorique. Vol. 18. P. 143–159.

Сведения об авторах

Ожерельев Дмитрий Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: dmit.ozherelyev@gmail.com;

Мамиров Талгат Базарбаевич, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, ул. Достык, 44, Алматы, A25D9KO, Казахстан; e-mail: talgatmamirov@gmail.com;

Воловенко Вадим Дмитриевич, Институт археологии им. А. Х. Маргулана, ул. Достык, 44, Алматы, A25D9KO, Казахстан; e-mail: valovenko.vadim@gmail.com;

Ферапонтов Антон Ильич, Исторический факультет Государственного академического университета гуманитарных наук, Мароновский пер., 26, Москва, 119049, Россия; e-mail: ferapontov00@inbox.ru

D. V. Ozherelyev, T. B. Mamirov, V. D. Volovenko, A. I. Ferapontov

THE DISCOVERY AND EXCAVATION OF UZYNAGASH 1, A RECENTLY DISCOVERED EARLY UPPER PALEOLITHIC SITE IN THE SOUTHEASTERN KAZAKHSTAN

Abstract. The Upper Paleolithic period in Kazakhstan in Central Asia is one of the least studied periods in the region. In 2018–2022 active investigations were carried out in the piedmont areas of the Northern Tien Shan near the Zailiysky Alatau Range (Trans-Ili Alatau). Uzynagash 1–9, a recently discovered complex of Upper Paleolithic stratified sites, was discovered in 2021 and the first excavations at Uzynagash 1 were carried out in 2022. The excavation found that the site had not less than three occupation layers *in situ*. Each occupation layer revealed lithic finds (debitage and tools) and remains of hearths remains of hearths. The overall stone assemblage consists of 4396 items. Lithic industry belongs to the single cultural complex dating dating to the Early Upper Paleolithic. On the whole, the investigations reveal that in the Early Upper Paleolithic a large, distinctive cultural center with lithic industries containing a component of the Aurignacian type existed in the Northern Tien Shan piedmont.

Keywords: Upper Paleolithic, Tien Shan, Uzynagash 1 site, carinated cores, scrapers, lithic industry.

REFERENCES

Dodonov A. E., 2002. Chetvertichnyy period Sredney Azii: stratigrafiya, korrelyatsiya, paleogeografiya [Quaternary period of Central Asia: stratigraphy, correlation, paleogeography]. Moscow: GEOS. 250 p.

Ozherelyev D. V., Dzhasybaev E. A., Mamirov T. B., 2019. Pervye dannye o stratigrafii i kul'turnoy atributsii mnogosloynoy stoyanki verkhnego paleolita Rakhat (Yugo-Vostochnyy Kazakhstan) [First data on stratigraphy and cultural attribution of Rakhat, a multi-layer Upper Paleolithic site in Southeastern Kazakhstan)]. *KSIA*, 254, pp. 57–70.

Ozherelyev D. V., Dzhasybaev E. A., Mamirov T. B., 2021. Osobennosti kul'turnogo sloya i poselencheskie ob"ekty na stoyanke verkhnego paleolita Rakhat (sloy 2) v Yugo-Vostochnom Kazakhstane [Distinctive features of the occupation layer and aettlements at the Upper Paleolithic Rakhat site (layer 2) in Southeastern Kazakhstan]. *KSIA*, 262, pp. 7–26.

Ozherelyev D. V., Lev S. Yu., Stolpnikova E. M., 2023a. Problemy verkhnego paleolita predgoriy Severnogo Tyan'-Shanya: noveyshie otkrytiya i dal'neyshie perspektivy [Problems of Upper Paleolithic in foothills of Northern Tien Shan: recent discoveries and future prospects]. *Vestnik MGU. Seriya XXIII: Antropologiya [Bulletin of MGU. Series XXIII: Anthropology]*, 1, pp. 118–128.

Ozherelyev D. V., Mamirov T. B., 2023. Kompleks mnogosloynykh stoyanok verkhnego paleolita v predgor'yakh Severnogo Tyan'-Shanya: obshchie dannye i perspektivy issledovaniy [Complex of multilayered sites of the Upper Paleolithic in the Northern Tien Shan foothills: general data and research prospects]. *AEAE*, vol. 51, no. 3, pp. 67–74.

Ozherelyev D. V., Uspenskaya O. I., Taymagambetov Zh. K., 2023b. Nachal'nye etapy rannego verkhnego paleolita v predgor'yakh Severnogo Tyan'-Shanya, Kazakhstan (po materialam mnogosloynoy stoyanki Maybulak) [Initial stages of the Early Upper Paleolithic in the Northern Tien Shan foothills, Kazakhstan (based on materials from Maybulak multilayer site)]. *SP*, 1, pp. 129–152.

Taymagambetov Zh. K., Ozherel'ev D. V., 2009. Pozdnepaleoliticheskie pamyatniki Kazakhstana [Late Paleolithic sites of Kazakhstan]. Almaty: Kazakhskiy natsional'nyy universitet. 256 p.

Zhandaev M. Zh., 1972. Geomorfologiya Zailiyskogo Alatau i problemy formirovaniya rechnykh dolin [Geomorphology of the Trans-Ili Alatau and issues of river valleys formation]. Alma-Ata: Nauka. 164 p.

About the authors

Ozherelyev Dmitriy V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: dmit.ozherelyev@gmail.ru;

Mamirov Talgat B., Margulan Institute of Archaeology, ul. Dostyk, 44, Almaty, A25D9KO, Kazakhstan; e-mail: talgatmamirov@gmail.com;

Volovenko Vadim D., Margulan Institute of Archaeology, ul. Dostyk, 44, Almaty, A25D9KO, Kazakhstan; e-mail: valovenko.vadim@gmail.com;

Ferapontov Anton I., State Academic University of Humanities, Maronovsky per., 26, Moscow, 119049, Russian Federation; e-mail: ferapontov00@inbox.ru

С. Ю. Лев

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ И УРОВНИ ОБИТАНИЯ НА ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКЕ[1]

Резюме. За годы исследований на Зарайской стоянке сложилась методика по выявлению уровней обитания, «жилых поверхностей». Археологический анализ культурного слоя ведется в тесной связи с естественнонаучной составляющей формирования отложений. Выявление специфики хозяйственно-бытовых комплексов, выяснение причин их вариабельности и непосредственный анализ составляющих их компонентов позволяет раскрывать особенности эксплуатации, специфики разных участков поселения.

Ключевые слова: верхний палеолит, культурный слой, костёнковско-авдеевская культура, пространственный анализ.

Выявление уровней обитания, т. н. жилых поверхностей, является одной из первостепенных задач при анализе культурного слоя поселения. К постановке этой проблемы и техническим путям ее решения исследователи каменного века пришли далеко не сразу. Так, в отечественном палеолитоведении на протяжении XX в. сосуществовали различные подходы к изучению культурного слоя, существенно отличавшиеся в плане идеологии и технических приемов раскопок памятников (*Александрова*, 1990; 1998). Осознание того, что же именно может стать источником дополнительной информации в массе культурных отложений на различных типах поселений, у разных специалистов приобретало индивидуальные формы. Далеко не на всех памятниках технически возможно выявление реальных уровней древних жилых поверхностей. Это зависит от многих факторов, включая тип вмещающих отложений, наличие постдепозиционных процессов, разного рода смещений, криотурбаций, биотурбаций, методики раскопок и фиксации материала и т. п. При этом корреляция с древностью памятника

[1] Работа выполнена в рамках плановой темы № НИОКТР 122011200271-7.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.83-92

отсутствует – уровни обитания могут присутствовать на стоянках олдована и отсутствовать на верхнепалеолитических.

На материалах Зарайской стоянки за многие годы исследований была разработана методика анализа культурного слоя не только как археологического объекта, но и в тесной связи с естественнонаучной составляющей формирования отложений. Используемый коллективом исследователей термин «криостратиграфия», наряду с собственно археологическими, геологическими, литологическими, палеопедологическими, палинологическими и палеозоологическими методами, в полной мере характеризует подход к анализу отложений, вмещающих культурные останки. В рамках данной методики равное внимание уделяется изучению как непосредственно культурного слоя, под которым понимается «структурное единство предметов, объектов и других остатков человеческой деятельности, залегающих в погребенном состоянии» (*Амирханов*, 2000; *Амирханов и др.*, 2009), так и природных факторов формирования отложений. Под последними понимаются тафономические особенности залегания культурных останков и естественные структуры различного генезиса, в первую очередь криогенного, а также эрозионного, так или иначе воздействовавшие на площадку, выбранную древним коллективом для поселения. Такого рода воздействия на памятниках костёнковско-авдеевской культуры предшествовали строительству поселений, были синхронны им в археологическом смысле или же возникали после окончания бытования стоянки. Так, на Зарайской стоянке отмечено наличие всех трех вариантов природных структур. Изучению их соотношения с объектами культурного слоя уделялось особое внимание, что в результате дало возможность выделить две генерации природных структур, связанных с мерзлотными и иными природными процессами. Мерзлотные трещины второй генерации служат четким маркером, позволяющим стратиграфически различать объекты второго и третьего культурных слоев многослойной стоянки Зарайск А. При отсутствии явных стерильных прослоек это оказалось одним из существенных факторов в построении стратиграфической картины поселения. Вычленение структур и объектов слоя возможно и в отсутствии таких явных маркеров, как стерильные прослойки. Применение микростратиграфического анализа плотно вошло в методику исследования палеолитических поселений (*Лев*, 2016). Последний обычно понимается как анализ высотного распределения находок, рабочим инструментом которого является построение вертикальных проекций артефактов (*Леонова*, 1990).

В ходе исследований многослойной стоянки Зарайск А на протяжении ряда лет вырабатывались подходы к фиксации уровней «жилых поверхностей» в процессе раскопок, их связи с находками и иными объектами культурного слоя, включая углубленные. Исходная посылка «формулируется в виде правила – синхронность функционирования одного объекта с другим должна являться предметом доказательства, а не априорным допущением. Другими словами, геологическая одновременность объектов (приуроченность к одному и тому же литологическому горизонту) не является доказательством единовременности их существования…» (*Амирханов*, 2005. С. 94).

Решать вопрос о продолжительности накопления культурных остатков помогает тщательный подход к отбору образцов на радиоуглеродное и датирование.

«Каждый образец (а следовательно, и дата) должен иметь четкие стратиграфические, планиграфические и контекстуальные характеристики» (*Амирханов*, 2005. С. 97, 98). На сегодняшний день в распоряжении исследователей имеется почти 60 дат, относящихся к разным пунктам Зарайской стоянки и к разным слоям многослойных поселений. В результате на материалах радиоуглеродной аналитики Зарайска оказалась построена его новейшая хронология, согласно которой четыре этапа функционирования памятника определяются по ^{14}C в пределах 23–16 тыс. л. н. (Человек и мамонт…, 2019. С. 36–40). При этом инверсии и прямые противоречия сведены к минимуму. Вместо отбрасывания «неудобных» дат как ущербных, ставится задача найти причины их несогласованности с другими датами.

Так же показательны результаты пространственного анализа, в частности – материалы слоя 1, который связан с первичным заселением современного кремлевского мыса. Микростратиграфические признаки долгое время являлись единственным основанием для вычленения объектов слоя 1, однако в процессе работ была выявлена выразительная информация планиграфического характера. Ключевым элементом структуры поселения на данном этапе являлась группа спущенных с уровня материка однотипных очагов, выстроенных по оси северо-запад – юго-восток. Перед тем, как покинуть поселение, его обитатели намеренно засыпали каждый очаг охрой, т. е. нами была прослежена явная символическая активность.

Наибольший интерес с планиграфической точки зрения представляют объекты второго культурного слоя, которые соотносятся с линией больших очагов костёнковского типа и предшествуют формированию системы мерзлотных трещин второй генерации. Природные нарушения первой генерации к этому времени были частично заполнены, на памятнике выявлены свидетельства их активного использования и приспосабливания к различным хозяйственным нуждам. Одними из наиболее показательных объектов второго культурного слоя являются пять однотипных крупных углубленных очагов с прокаленными стенками и обилием «очажных» камней в заполнении, окруженных «приочажными» ямками. В диаметре очаги около 1 м, глубиной до 50 см. Линия очагов ориентирована в направлении северо-запад – юго-восток, что традиционно для жилищно-хозяйственных комплексов культуры. Они располагаются параллельно очагам слоя 1.

Ко второму слою отнесены также объекты, описываемые как «большие ямы». Традиционно на памятниках костёнковско-авдеевской культуры подобные объекты расцениваются обычно как остатки полуземлянок. Борта объектов прослеживаются с уровня уже накопившегося (примерно на 5 см) культурного слоя. В плане они отстоят на 2,5–4,5 м к юго-западу от линии больших очагов костёнковского типа, со временем функционирования которых они связаны. Объекты имеют вытянутые очертания в направлении, перпендикулярном оси очагов; ширина и глубина ям составляет порядка 1 м (рис. 1). Длина единственного полностью сохранившегося и раскопанного объекта (яма А) – 460 см. Дно ровное, плоское, в некоторых случаях фиксируется «ступенька» – возвышение придонной части в сторону, обращенную к очагам. Обычно в привходовой части наблюдается плотное углисто-охристое пятно диаметром 50 см. Всего было

Рис. 1. Зарайск А. Полуземлянки Е, С, В (слева направо)

обнаружено шесть уверенно идентифицируемых ям подобного типа, получивших латинские буквенные обозначения.

Кроме углубленных объектов, большую часть которых составляют ямы-хранилища, встречаются углистые линзы, состоящие из мелкодисперсной крошки костного угля. Они связаны с функционированием больших очагов костёнковского типа и кое-где перекрывают природные нарушения первой генерации, частично западая в них. По всей видимости, линзы являются результатом выброса (эвакуации) углистой массы из очагов в процессе их регулярной очистки (рис. 2).

Не менее показательны материалы слоя 3, связанные с литологическим горизонтом коричневатой (местами красноватой) супеси. Относящиеся к нему объекты перекрывают слой 1, слой 2 (классическая жилая площадка костёнковского типа) и две генерации природных деформаций, связанных в том числе с происходившими мерзлотными процессами. Наиболее выразительными структурными элементами слоя 3 являются большие слабо углубленные конструкции, характеризующиеся повышенной концентрацией фаунистических останков, охрой на дне и еще целым рядом признаков. С этим слоем связаны небольшие ямы, очаг, линзы угля охристой окрашенности и значительное количество кремневых находок.

Слой 4 залегает в верхней погребенной почве. На Зарайске А в нем фиксируются скопления кремневых изделий и один очаг линзовидной формы. Наиболее

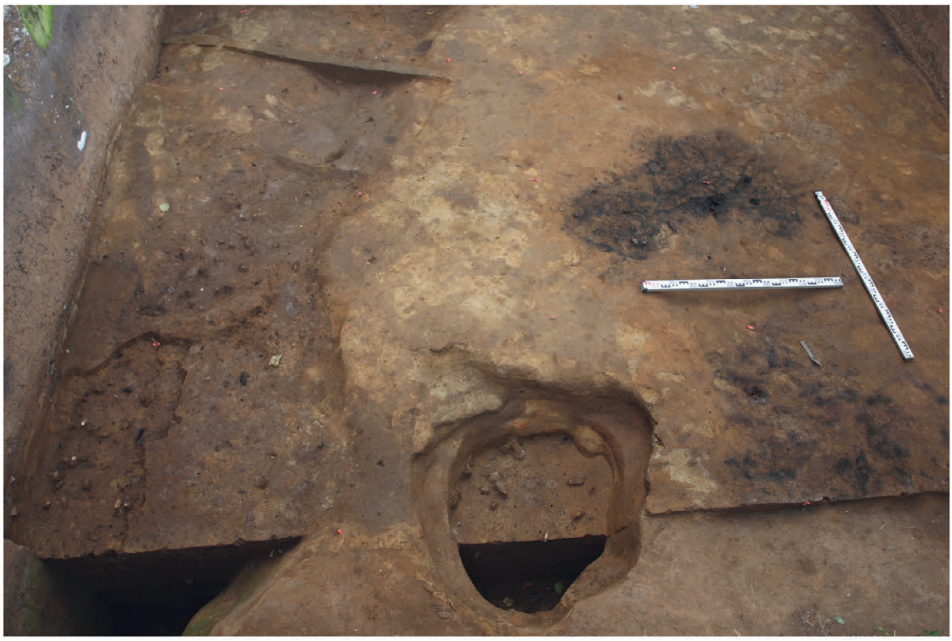


Рис. 2. Зарайск А.
Полуземлянка Е, углистости за пределами полуземлянок и яма 88

ярко этот материал представлен на стоянке Зарайск В. На этом памятнике мы имеем дело с однослойным поселением, дающим возможность детально проследить специфику хозяйственно-бытовой активности и с большой долей уверенности вычленить участки, на которых велась та или иная деятельность. Существенными характеристиками памятника являются непотревоженность культурного слоя и структурированность планиграфического распределения находок (рис. 3). Слой залегает исключительно в верхней погребенной почве и может быть соотнесен со слоем 4 Зарайска А, имеющим сходную стратиграфическую позицию и датировки. Нижележащие слои, описанные на Зарайске А, тут отсутствуют, вместо супесей и песков верхнюю погребенную почву подстилают суглинистые отложения с еще двумя гумусовыми горизонтами без находок.

Изучение культурного слоя подразумевает анализ соотношения культурных горизонтов, вмещающих предметы, объекты и т. п., с литологическим заполнителем, которое предлагается рассмотреть подробнее. Верхний культурный слой 4 литологически связан с верхней погребенной почвой. На Зарайске А она отчетливо читается в виде гумусированного горизонта в основании лёссовидного суглинка, мощность которого доходит до 10 см. Ярче всего палеопочва выражена на однослойном Зарайске В. Мощность горизонта доходит до 20 см, выделяются коричневато-серый гумусированный, сероватый опесчаненный горизонты, подстилаемые желтовато-серой супесью (горизонт вымывания). Нижележащие

Рис. 3. Зарайск В. Культурный слой в верхней погребенной почве

три культурных слоя включены в горизонт коричневатой супеси. Коричневатый оттенок она приобрела благодаря насыщению культурными остатками – угольками, охрой, фаунистическим материалом – и несохранившейся органикой. Ее мощность доходит до 35–40 см на центральных участках поселения. В естественном залегании за пределами распространения культурного слоя этот горизонт встречается в виде стерильной красноватой супеси мощностью до 10 см, подстилающей погребенную почву. Столь существенное увеличение мощности данного литологического горизонта связано еще и с тем, что центральная часть жилой площадки изобилует углубленными объектами. Это ямы разных типов, включая глубокие ямы-хранилища, очажные и жилищные. Последние известны как полуземлянки, для создания подземной части которых требовалось выкопать от 4 до 5 куб. м грунта. Яма большого очага костёнковского типа имеет стандартизированные размеры: ширина 1 м и глубина 0,5 м, ямы-хранилища при диаметре 0,5–0,6 м бывают глубиной до 1,5 м. Таким образом, объем извлекаемого грунта колебался от 0,3 до 0,5 куб. м из одной ямы. Если учесть, что количество очагов на костёнковской жилой площадке иногда доходит до восьми, ям-хранилищ может быть несколько десятков, а полуземлянок в пределах десятка; объем переработанной и извлеченной на дневную поверхность породы составлял не менее 65 куб. м только для слоя 2 Зарайска А. Вряд ли древние обитатели поселения утруждали себя дальней транспортировкой грунта. В ряде случаев такие выбросы фиксируются в культурном слое центральной части поселения. Это связано с тем, что материковые отложения на Зарайске А

имеют слоистую структуру, в основании которой находятся сеноманские пески, имеющие характерную структуру и зеленоватый оттенок. Линзы этого песка многократно наблюдались в культурном слое, т. е. вне своего естественного стратиграфического положения. Представляется, что за счет такого рода выбросов грунта происходило существенное нарастание культурного слоя и его модификация.

Особое значение для расчленения культурных отложений Зарайска по вертикали имеют палеокриогенные образования в виде мерзлотных трещин. Выделялось две генерации таких трещин, каждая из которых образует свою систему. Формирование первой генерации природных нарушений предшествует времени заселения стоянки, их генезис требует уточнения, а вторая образовалась до начала формирования третьего культурного слоя. Связанные с этими природными деформациями криостратиграфические показатели служат четкими маркерами археолого-стратиграфического расчленения культурных отложений.

Природные деформации, эрозия и частичный смыв оказали серьезное, но не критическое влияние на сохранность культурного слоя поселения (*Амирханов*, 2000. С. 102). Данные факторы требуют отдельного подробного рассмотрения. Этапы аккумулирования культурного слоя на памятнике чередовались с периодами размыва и сноса, происходившими в перерывах функционирования поселений. Особенно явно снос культурных отложений прослежен в заполнении полуземлянок.

Необходимо отметить еще один существенный фактор увеличения культурных напластований. На стоянку приносился большой объем фаунистических останков крупных млекопитающих. Речь идет в первую очередь о костях мамонта. На основном раскопе Зарайска А фиксируется наличие останков как минимум сорока особей мамонта (суммарно для всех культурных слоев), и с увеличением площади раскопок это число будет расти (*Амирханов и др.*, 2009. С. 381). Отмечено использование крупных костей и бивней для различных хозяйственных нужд. Так, более чем в десятке случаев лопатки мамонта с намеренно проделанным отверстием по центру использовались как крышки для перекрытия ям-хранилищ. Бивни и длинные кости конечностей служили конструктивными элементами при сооружении полуземлянок. В третьем культурном слое отмечены выкладки из костей, в том числе нескольких нижних челюстей и бивней мамонта, связанными, по всей видимости, с наземными жилыми конструкциями (Там же. С. 31, 35). Кроме вышеперечисленных функций кости животных выполняли еще одну, не менее важную: они служили основным топливом. На момент ухода со стоянки обитателей второго культурного слоя (костёнковская площадка с очагами и землянками) большие очаги были оставлены забитыми костным углем, который возвышался над ними своего рода «шапками», обнаруженными в перекрывающих отложениях. Причем, как удалось установить, эти очаги использовались многократно, в том числе с сезонными перерывами (*Амирханов*, 2000. С. 119–121). Углистая масса регулярно вычищалась и эвакуировалась за пределы очагов, однако не очень далеко. Максимальное удаление углистых линз фиксируется за линией землянок и составляет 15 м по прямой до линии очагов. Обычно же линзы костного угля приходятся на участки между полуземлянками. Дальний край таких линз расположен на расстоянии 7–10 м

от очагов, а ближний доходит до привходовой части полуземлянок, т. е. в 3–4 м от линии очагов. Разумеется, и вокруг самих очагов костный уголь образует мощные линзы. Учитывая объем очагов, вмещавших до 0,5 куб. м пережженных костей, и их регулярную очистку, можно получить некоторые прикидки об объемах костного угля, ставшего одним из факторов увеличения мощности культурного слоя. Также представляется возможным экспериментальным путем вычислить, какой объем костей уходил для полного заполнения углем очажной ямы и сколько времени могло на это уйти.

Встреченные в культурном слое камни тоже влияют на увеличение мощности и объема отложений. Большую их часть составляют артефакты, от желваков до мелких чешуек. Число кремневых изделий на Зарайске А перешагнуло за двести тысяч предметов. Немалую часть в весе и объеме составляют манупорты – крупные необработанные камни, принесенные на стоянку и использованные в очагах. Из одного очага может происходить несколько десятков таких камней, несущих следы теплового воздействия, а их суммарный вес (на один очаг) доходит до 20–30 кг. Обнаруживаются «очажные камни» и вне очагов, например – на дне полуземлянок слоя 2. Можно предположить, что камни приносились в жилища в разогретом виде и служили источником тепла. В единичном случае фиксируется склад таких камней, приуроченный к борту наземного объекта (возможно, жилища) в слое 3.

Промывка культурного слоя дает объективное представление о его содержании. Коричневатая супесь промывается достаточно легко и не требует дополнительного механического воздействия при проливе струей воды. Кроме костного угля, фаунистических останков, расколотого кремня встречается множество мелких окатанных камней (2–5 мм в диаметре), охра в виде небольших окатанных фрагментов и железистые конкреции (лимонитовые жеоды с корочками гётита). Последние бывают довольно крупными (до 10 см) нерегулярных очертаний (хотя чаще всего их форма близка к округлой), имеют плотные стенки и полость с рыхлым заполнением в центральной части. Такие конкреции фиксируются в культурном слое наряду с остальными артефактами, мелкие же попадают в промывку.

Культурный слой, являясь объектом самостоятельного анализа, ставит вопросы о его генезисе, накоплении и разного рода модификациях, включая как природные, так и антропогенные факторы. При этом поиск и внимательное отношение к фиксации древних поверхностей обитания, отражающих кратковременные этапы накопления культурных остатков, должны присутствовать в качестве изначальной установки исследователя.

Подобная установка исследователей памятника на выявление в поле и тщательную фиксацию древних поверхностей, уровней обитания, как в плане, так и в стратиграфической последовательности, позволяет проследить не только особенности накопления культурных отложений, но и соотнести между собой различные объекты слоя антропогенного и природного происхождения, несмотря на отсутствие стерильных прослоек. А это, в свою очередь, выводит на следующий уровень анализа – сопоставление различных этапов формирования слоя, каждый из которых может оказаться отдельным памятником со своей сложной структурой организации жилого пространства.

Цель работы по воссозданию истории поселения видится в изучении закономерностей пространственного распределения культурных остатков на его площади, в плане и по вертикали. Необходимо также исследование особенностей структуры поселений, каждого из имеющихся типов углубленных объектов, их представленности на том или ином этапе функционирования стоянки. Ставятся задачи выявления специфики хозяйственно-бытовых комплексов, выяснения причин их вариабельности и, собственно, определения составляющих их компонентов.

Анализ этих закономерностей позволяет выявлять особенности эксплуатации, специфику разных участков поселения, а в некоторых случаях даже дает возможность вычленять одномоментный акт хозяйственной активности, что, в свою очередь, позволяет хоть немного приблизиться к пониманию мотивации поступков, психологии древних обитателей стоянки.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова М. В., 1990. Некоторые замечания по теории палеолитического культурного слоя // КСИА. Вып. 202. С. 4–8.

Александрова М. В., 1998. «Идеология» раскопок и приоритеты археологического исследования // Восточный граветт / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир, С.142–150.

Амирханов Х. А., 2000. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 248 с.

Амирханов Х. А., 2005. К методике исследования палеолита: уроки Зарайска и Авдеево (по поводу одной рецензии) // РА. № 2. С. 93–101.

Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С. Ю., Мащенко Е. Н. 2009. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф. 466 с.

Лев С. Ю., 2016. Выявление уровней «жилых поверхностей» в культурном слое (на примере Зарайской стоянки) // Каменный век Северной Евразии: актуальные проблемы и исследования: материалы науч. конф., проведенных Отделом археологии каменного века ИА РАН в 2016 г. / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: ИА РАН. С. 30–31.

Леонова Н. Б., 1990. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях // КСИА. Вып. 202. С. 13–17.

Человек и мамонт в палеолите Европы. Ч. II. Днепро-Донская историко-культурная область. Памяти М. В. Аниковича / Отв. ред.: С. Н. Лисицын, Н. И. Платонова. СПб.: Ars longa, 2019. 388 с.

Сведения об авторе

Лев Сергей Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: zaraysk@yandex.ru

S. Yu. Lev

THE OCCUPATION LAYER AND THE HABITATION LEVELS AT THE ZARAYSK SITE

Abstract. Over the years of research a specific methodology for identifying habitation levels, i. e. «residential space», was developed at the Zaraysk site. The archaeological analysis of the occupation layer is performed in close connection with the scientific analysis of the deposit formation. Understanding the distinctive features of domestic economy and household activity complexes as well as the reasons of their variability and direct

analysis of their components makes it possible to reveal characteristics and specific traits of various sections at the site.

Keywords: Upper Paleolithic, occupation layer, Kostenki–Avdeevo culture, spatial analysis.

REFERENCES

Aleksandrova M. V., 1990. Nekotorye zamechaniya po teorii paleoliticheskogo kul'turnogo sloya [Some remarks on the theory of Paleolithic cultural deposit]. *KSIA*, 202, pp. 4–8.

Aleksandrova M. V., 1998. «Ideologiya» raskopok i prioritety arkheologicheskogo issledovaniya [«Ideology» of excavations and priorities of archaeological research]. *Vostochnyy gravett [Eastern Gravette]*. H. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 142–150.

Amirkhanov H. A., 2000. Zarayskaya stoyanka [Zaraysk site]. Moscow: Nauchnyy mir. 248 p.

Amirkhanov H. A., 2005. K metodike issledovaniya paleolita: uroki Zarayska i Avdeevo (po povodu odnoy retsenzii) [On methodology of Paleolithic research: lessons from Zaraysk and Avdeevo (in relation to one review)]. *RA*, 2, pp. 93–101.

Amirkhanov H. A., Akhmetgaleeva N. B., Buzhilova A. P., Burova N. D., Lev S. Yu., Mashchenko E. N., 2009. Issledovaniya paleolita v Zarayske. 1999–2005 [Paleolithic research in Zaraysk. 1999–2005]. Moscow: Paleograf. 466 p.

Chelovek i mamont v paleolite Evropy [Man and mammoth in the Paleolithic of Europe], II. Dnepro-Donskaya istoriko-kul'turnaya oblast' [Dnieper-Don historical and cultural region]. S. N. Lisitsyn, N. I. Platonova, eds. St. Petersburg: Ars longa, 2019. 388 p.

Leonova N. B., 1990. Vozmozhnosti planigrafii i mikrostratigrafii pri sovremennykh polevykh issledovaniyakh [Possibilities of planigraphy and microstratigraphy in modern field research]. *KSIA*, 202, pp. 13–17.

Lev S. Yu., 2016. Vyyavlenie urovney «zhilykh poverkhnostey» v kul'turnom sloe (na primere Zarayskoy stoyanki) [Identification of levels of «residential surfaces» in cultural deposit (on example of Zaraysk site)]. *Kamennyy vek Severnoy Evrazii: aktual'nye problemy i issledovaniya [Stone Age of Northern Eurasia: current issues and research]*. H. A. Amirkhanov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 30–31.

About the author

Lev Sergey Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: zaraysk@yandex.ru

Д. К. Еськова, О. И. Успенская

ОТЖИМНАЯ ТЕХНИКА ПЛАСТИНЧАТОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ В РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕРХНЕГО СЛОЯ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ)

Резюме. В статье обсуждается возможная взаимосвязь между техникой отжима и спецификой использования полученных с ее помощью пластинчатых сколов в раннем голоцене Северо-Западного Кавказа. Рассматривается выборка (96 предметов) из коллекции каменного инвентаря верхнего мезолитического слоя пещеры Двойной (литологический слой 4/5), сформированная в результате технологического анализа коллекции каменного инвентаря. Трасологический анализ позволил установить, что преобладающей функцией отжимных заготовок было их использование в качестве вкладышей составного метательного вооружения, колющих наконечников стрел, а также единично в качестве инструментов для обработки кости/рога, дерева и разделочных ножей. Результаты исследования позволяют предположить, что в раннем голоцене Северо-Западного Кавказа техника отжима использовалась, преимущественно, при производстве высокостандартизированных заготовок для оснащения составных пазовых орудий.

Ключевые слова: каменный век, мезолит, Северо-Западный Кавказ, пещера Двойная, технология расщепления камня, трасология, техника отжима, функция, вкладыши, составное метательное вооружение.

Введение

Последние десятилетия активно продолжается работа по картированию появления и распространения техники отжима пластинчатых сколов в различных регионах мира и определения относительной и абсолютной хронологии этого процесса (*Inizan, Lechevalier*, 1994; *Binder*, 2007; The Emergence…, 2012; *Sørensen et al.*, 2013; и др.). Специфический интерес исследователей, направленный на отжимную технику скола, объясняется тем, что она в ряде случаев может

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.93-109

являться убедительным маркером социальных процессов, таких как интенсивные контакты различных групп населения, включающие передачу технологических умений, или даже процессы миграции (*Pelegrin*, 2012; *Sørensen et al.*, 2013). Малоизученными на настоящий момент являются способы и движущие причины распространения техники отжима пластинчатых сколов между регионами. Было ли распространение способа серийно изготавливать морфологически и метрически стандартизованные пластинчатые сколы связано с определенной функциональной потребностью человеческих коллективов? Или новые умения встраивались в существующую хозяйственную систему?

На основании анализа каменных индустрий стратифицированных памятников Северо-Западного Кавказа удалось определить хронологические рамки появления в регионе инновационной технологии. Самый ранний пример применения техники отжима зафиксирован в слое 4/5 пещеры Двойной и слоях 3–5 навеса Чыгай, датируемых 10–8,5 и 9,1–8,5 кал. тыс. л. до н. э. соответственно (*Еськова, Леонова*, 2023). Анализ выявленного в слое 4/5 пещеры Двойной полного технологического контекста получения отжимных пластинок и микропластинок позволил сделать вывод о распространении в регионе мода 3 (отжима сидя) (*Еськова и др.*, 2022), сложного варианта техники, вероятность независимого изобретения которого в обществах, незнакомых с более простыми вариантами отжима, близка к нулю (*Pelegrin*, 2012). Анализ времени распространения в соседних регионах техники отжима не позволил, на настоящий момент, установить точный источник инновации: ранний возраст появления отжима сидя на Северо-Западном Кавказе совпадает с временем бытования наиболее ранних памятников млефаатской и немриканской культур на юге и стоянок ранней стадии бутовской культуры на севере (*Еськова, Леонова*, 2023).

Для сколов без вторичной обработки, происходящих из культурных отложений конца верхнего палеолита – мезолита пещеры Двойная, ранее были получены данные о функциях на основе представительных по числу выборок, однако прежде принцип формирования выборок не был обусловлен результатами технологического анализа (*Александрова*, 2015; *Еськова и др.*, 2018; *Леонова, Успенская*, 2018; 2020; *Успенская*, 2019а). Эти данные позволили сделать выводы об основных предпочтениях в использовании тех или иных заготовок в повседневной жизни древних насельников, а также сопоставить состав функциональных групп на стоянках в хронологическом срезе (*Успенская*, 2019б). Изучение при помощи трасологии сколов, полученных технологически новым для материалов стоянок пещеры Двойная способом, представляется актуальным для выявления возможной их функциональной специализации. Поставленная цель обусловила комплексное использование технологического и трасологического методов.

Материалы

Пещера Двойная – многослойный стратифицированный памятник с представительными коллекциями каменного и костяного инвентаря. В результате полевых работ 2007–2022 гг. в пещере Двойная в Губском ущелье (Северо-Западный Кавказ, Краснодарский край, Мостовской район) выделено три разновременных

культурных слоя, материалы которых отражают три волны заселения Губского ущелья на Северо-Западном Кавказе на рубеже плейстоцена и голоцена (*Леонова*, 2015; *Александрова, Леонова*, 2017). Технологический контекст отжима был выявлен только в верхнем культурном слое 4/5 (*Еськова и др.*, 2022; *Еськова, Леонова*, 2023). Для материалов слоя получена серия AMS-дат, определившая его возраст в диапазоне 10–8,5 тыс. л. до н. э. (*Еськова, Леонова*, 2023).

Из верхнего культурного слоя пещеры Двойная происходит чуть менее 3800 изделий из камня (*Леонова*, 2015)[1]: нуклеусов всего 52 и 14 нуклевидных обломков; отщепов и чешуек – 1321, осколков – 546; технологических сколов и сколов подправки лезвий орудий – 58. Пластинчатые заготовки в коллекции насчитывают 1317 ед. (в том числе 615 пластин, 587 пластинок и 115 микропластинок). Морфологически выраженных орудий чуть менее 450.

В результате технологического анализа всей коллекции каменного инвентаря верхнего мезолитического слоя пещеры Двойная (литологический слой 4/5) была сформирована выборка – 96 пластинок и микропластинок, с высокой и очень высокой вероятностью относящихся к отжимному технологическому контексту. Она стала предметом изучения в данной статье.

Методы

Поставленные задачи обусловили применение комплексного подхода, подразумевающего последовательное использование двух методов анализа каменного инвентаря: технологического и трасологического.

С методической точки зрения работа строится на представлении о том, что определенная доля пластинчатых сколов, полученных при помощи отжима, может быть диагностирована с высокой степенью точности, что обеспечивает возможность осуществления дальнейшего трасологического анализа конкретных предметов.

В настоящее время существует два подхода в определении пластинчатых сколов, относящихся к отжимному технологическому контексту. Оба подхода базируются на экспериментальных данных. Первый основан на специфике физического процесса распространения волн при осуществлении скола, существенно отличающемся при отжиме и ударе. Пока этот подход нашел применение только в анализе пластинчатых сколов из обсидиана (*Takakura*, 2021). Второй подход, основанный на морфологическом анализе продуктов расщепления, имеет более широкое применение (*Inizan, Lechevalier*, 1994; *Pelegrin*, 2006; *Astruc et al.*, 2007; *Binder*, 2007; *Sørensen et al.*, 2013; и др.).

В ряде работ предложен список значений признаков, описывающих типичную морфологию сколов, полученных при помощи отжима: прямые и параллельные друг другу края и ребра сколов; тонкое сечение; меньшая ширина площадки скола относительно его максимальной ширины, равномерная толщина скола, прямой или очень слабо изогнутый профиль скола, угол скалывания близкий к прямому; короткий и относительно сильно выраженный ударный бугорок,

[1] В подсчете не учитываются данные последних раскопок пещеры Двойная в 2014 и 2022 гг., а также разведочных работ 2020 г.

редуцированный карниз (*Волков, Гиря*, 1990; *Гиря*, 1997; *Inizan et al.*, 1999; *Pelegrin*, 1988; 2006; *Sørensen et al.*, 2013).

Статистический анализ убедительно показал, что каждый морфометрический признак по отдельности имеет большую или меньшую вариабельность, значения признаков формируют полностью или существенно перекрывающие друг друга диапазоны значений для сколов, полученных при помощи различных техник (*Damlien*, 2015; *Radinovîc, Kajtez*, 2021). Между тем использование совокупности признаков, существенно увеличивает точность определения техник (*Radinovîc, Kajtez*, 2021). На настоящий момент следует констатировать отсутствие одного морфометрического признака или даже группы признаков, которые позволили бы достоверно отличать ***все*** сколы (вне зависимости от степени их фрагментации), полученные при помощи отжима, от сколов, полученных при помощи ударных техник.

Существуют, однако, физические ограничения возможностей ударных техник скола, которые могут быть преодолены благодаря отличительной особенности отжима – очень высокой степени контроля над распространением скалывающей технологии. Фактически доказательным может являться лишь определение в качестве полученных при помощи отжима *тех сколов, которые не могли быть получены при помощи ударных техник*.

В результате экспериментов по расщеплению при помощи отжима и различных ударных техник, включая удар с использованием посредника, было установлено, что:

– только отжим позволяет осуществлять скалывание удлиненных сколов с угла, превышающего прямой (*Callahan*, 1984; *Гиря*, 1997. С. 69; *Binder et al.*, 2012. P. 200);

– при помощи удара невозможно получение пластинчатых сколов тонкого сечения, имеющих равномерную на протяжение всей длины (кроме дистальной части) толщину, прямой или очень слабо изогнутый профиль и чрезвычайно регулярную огранку дорсальной поверхности одновременно (*Pelegrin*, 2006);

– предел возможного отношения толщины скола, полученного ударом, к его длине для большинства разновидностей кремня не превышает значения 1 к 30 (*Гиря*, 1997. С. 69).

Следует отметить, что использование двух последних критериев, один из которых описывает сочетание качественных характеристик сколов, другой – метрические, предполагает наличие целых сколов или как минимум их очень длинных фрагментов.

Учитывая высокую степень фрагментации пластинчатых сколов, характерную для многих коллекций каменного инвентаря, доля сколов, которые могут быть доказательно определены как полученные при помощи отжима, может быть крайне невелика. Так, для коллекции пещеры Двойной с полным технологическим контекстом получения пластинок и микропластинок при помощи отжима и представительной в количественном отношении в качестве «определенно отжимных» были определены всего 14 сколов (рис. 1: *15, 16, 18–20, 22, 25, 27– 31*). Из них 9 – на основании угла площадки (угол между поверхностью площадки и дорсальной поверхностью скола (*Callahan*, 1984. P. 90. Fig. 13: *b*)) и превышающего 90° (рис. 1: *15, 16, 22, 25, 27– 29*; 2).

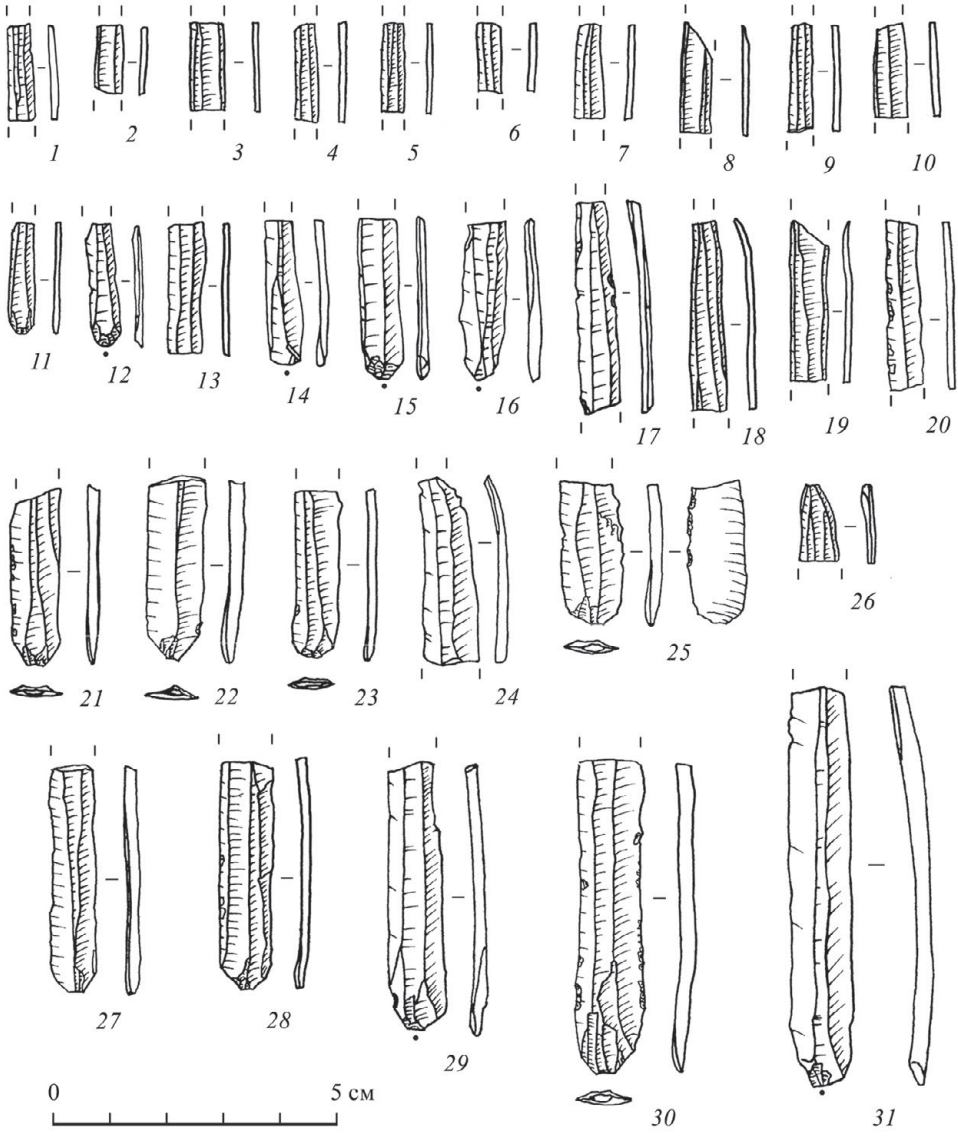


Рис. 1. Пещера Двойная, верхний мезолитический слой (литологические слои 4/5)

1–14, 17, 21, 23, 24, 26 – пластинки и микропластинки, *вероятно*, полученные отжимом; *15, 16, 18–20, 22, 25, 27–31* – пластинки и микропластинки, *определенно* полученные отжимом

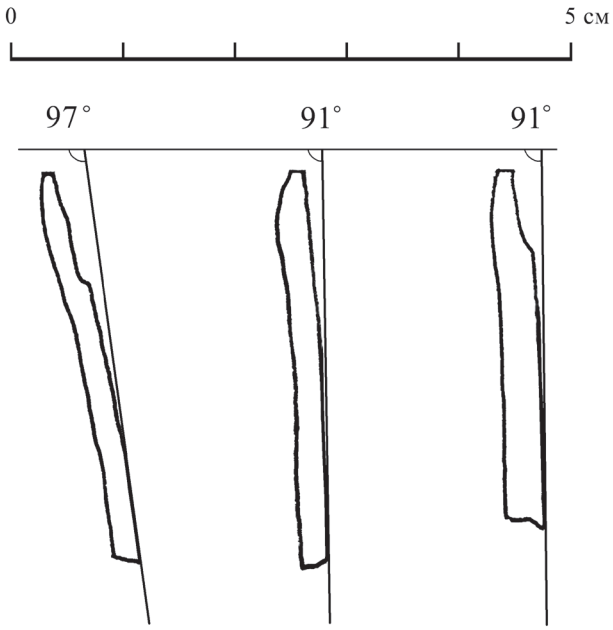


Рис. 2. Схема измерения угла площадки пластин слоя 4/5 пещеры Двойная

В слое 4/5 пещеры Двойная было зафиксировано существование полного технологического контекста получения пластинок и микропластинок при помощи отжима (*Еськова и др.*, 2022). В коллекции каменного инвентаря представлено два типа нуклеусов с очень регулярной «каннелированной» поверхностью расщепления: конические и подконические с точечным концом и фасетированной площадкой нуклеусы преобладают (5 экз.) (Там же. Рис. 4: *1, 2, 4*). Одним экземпляром представлен нуклеус с плоской поверхностью расщепления и гладкой площадкой (Там же. Рис. 4: *5*). Высота истощенных нуклеусов не превышает 4 см, ширина последних негативов пластинчатых снятий равняется 4–5 мм. В случае, когда установлен полный технологический контекст отжима, однако численность сколов, с очень высокой степенью уверенности определенных как отжимные, невелика, мы считаем возможным сформировать дополнительную выборку. В ее состав могут быть включены средней длины фрагменты сколов, ни один из признаков которых не противоречит тому, что они получены при помощи отжима: имеющие одновременно тонкое сечение, равномерную толщину, прямой профиль и высокую регулярность огранки. Эта часть выборки получает наименование «вероятно, отжим». При анализе функциональных параметров сохраняется разделение массива исследования на отдельные группы, имеющие наименования «определенно отжим» и «вероятно, отжим».

В основу реконструкций функционального использования сколов положены предшествующие трасологические и экспериментальные работы, использовалась традиционная методика макро- и микроанализа (*Коробкова, Щелинский*,

1996; *Щелинский*, 2015). Признаки метательного износа детально описаны, верифицированы многочисленными экспериментальными разработками, анализом археологического материала и освещены в ряде зарубежных и отечественных исследований (*Fischer et al.*, 1984; *Нужний*, 2008; *Лозовская*, 1994; *Суворов, Васильева*, 2003; *Yaroshevich*, 2010; *Ахметгалеева, Демиденко*, 2017; и др.).

Диагностирующими признаками при определении метательной функции были макроследы следующих конфигураций: выломы и микрорезцовые сколы, среди которых наиболее характерны фасетки выкрошенности с неконическим началом и ступенчатым окончанием, а также конические фасетки – «spin-off», резцовые сколы и плоские фасетки на углах вкладышей от контакта нескольких вкладышей друг с другом и оправой (*Fischer et al.*, 1984. P. 22–27; *Лозовская*, 1994. С. 159).

На микроуровне для наконечников и вкладышей метательного вооружения характерно отсутствие развитой заполировки (*Лозовская*, 1994. С. 164). Наблюдается комплекс следов, состоящий из скругления острия, легкой «мясной» заполировки, редких грубых царапин и линейных заполировок, появление которых связывается с контактом лезвия наконечника с твердым материалом (*Fischer et al.*, 1984. P. 22–27).

Трасологический анализ проводился при помощи стереоскопического микроскопа МБС-9 (увеличение в 3–100 крат), а также металлографического микроскопа Olympus (увеличение в 50–200 крат), встроенное, проходящее через объектив освещение. Сколы проходили предварительную обработку поверхности чистым спиртом. Микрофотографии делались с помощью зеркального фотоаппарата Canon EOS 1100D, производилась мультифокусная съемка с обработкой изображений в программе Helicon Focus.

Результаты

Для изучаемой выборки характерна высокая степень сохранности поверхности, повреждения, связанные с постдепозиционными процессами, единичны. Наиболее частые повреждения поверхности связаны с термическим воздействием – 11 сколов (41 % от всех сколов с повреждениями).

Следы функционального использования удалось обнаружить на 70 сколах (72 % от выборки), всего было зафиксировано 73 рабочих лезвия. Установлено, что пластинчатые сколы из верхнего мезолитического культурного слоя пещеры Двойная (литолог. сл. 4/5), полученные при помощи отжима, в большинстве своем (61 % от всех выявленных орудий) использовались как вкладыши составного метательного вооружения – 43 экз. (4 скола в группе «*определенно отжим*» и 39 сколов в группе «*вероятно отжим*»), и еще 11 заготовок (16 % от всех орудий) отнесены к обломкам колющих наконечников стрел на основании наличия признаков метательного износа (1 + 10) (рис. 4: *В*). Еще две пластинки использовались в качестве разделочных ножей (2 + 0), а в качестве лезвий выступали боковые стороны заготовок ближе к проксимальным концам (рис. 3: *В, Г*).

Следы, связанные с обработкой шкуры/кожи, обнаружены на одной пластинке (1 + 0), одна из боковых сторон которой несет интенсивный износ вследствие контакта с мягким органическим материалом (рис. 3: *В, Г*).

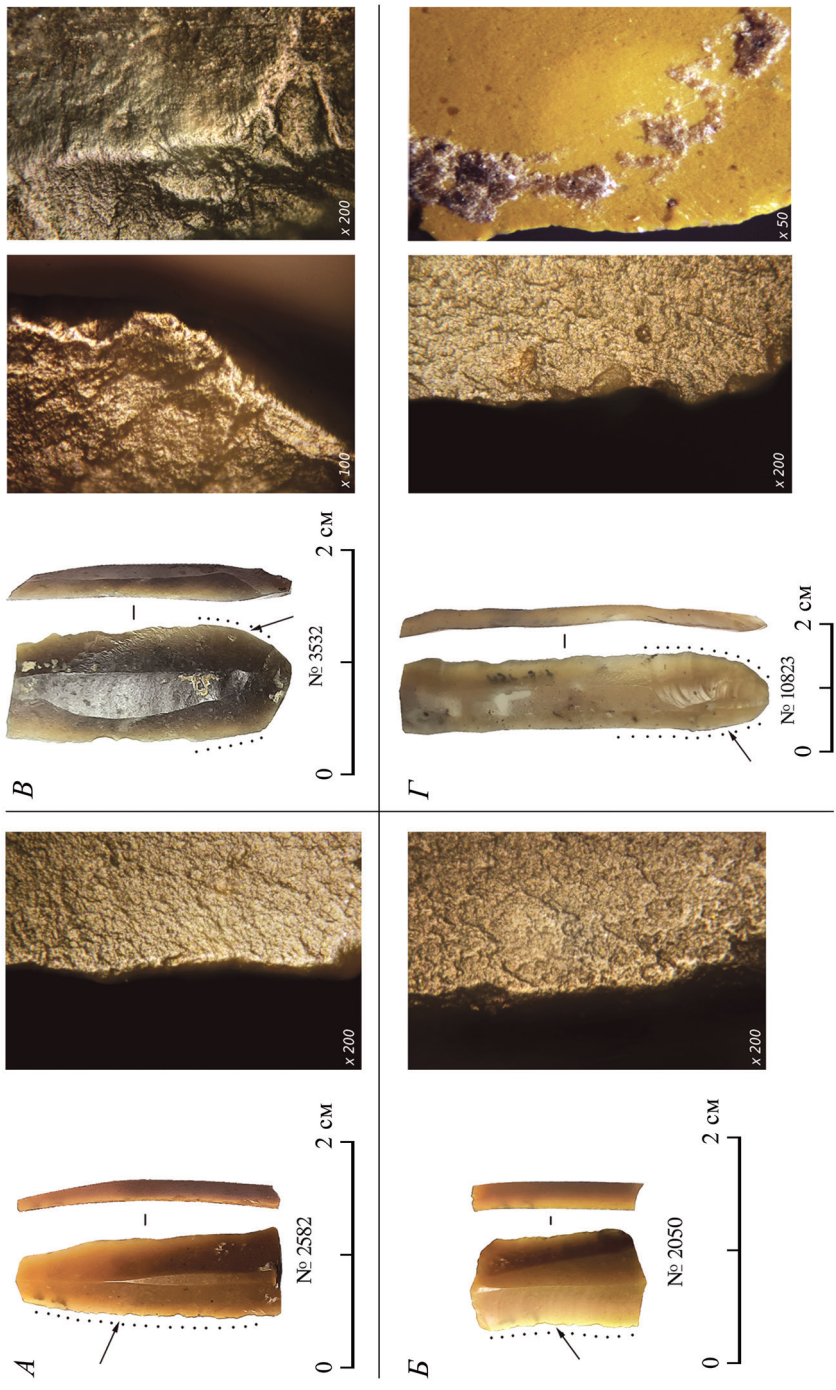


Рис. 3. Пластинки из литологического слоя 4/5 пещеры Двойная, полученные при помощи техники отжима

А, Б – со следами обработки дерева; *В, Г* – со следами обработки шкур/кожи. Стрелками указаны участки со следами износа, справа приведены микрофотографии этих участков

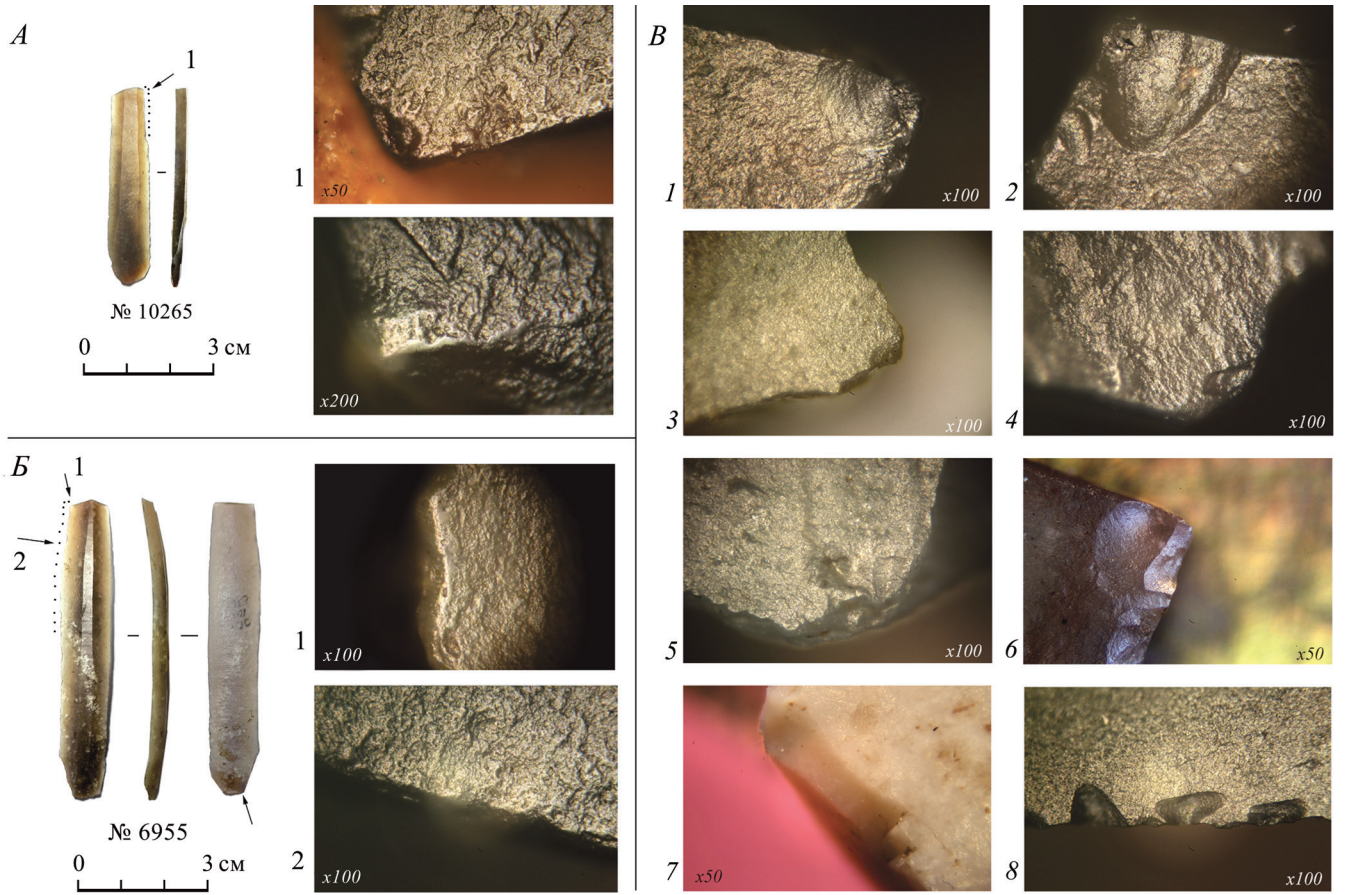


Рис. 4. Пластинки из верхнего мезолитического слоя пещеры Двойная, полученные при помощи техники отжима со следами обработки кости/рога

Стрелками указаны участки со следами износа, справа приведены микрофотографии этих участков (*А, Б*); *В* – признаки метательного износа на сколах без вторичного оформления, полученных при помощи техники отжима

1–6 – плоские фасетки и заломы на углах вкладышей; *7* – резцовые сколы на углу вкладыша; *8* – микровыкрошенность на краю вкладыша

Еще на 7 (1 + 6) пластинчатых сколах (всего 8 рабочих лезвий) обнаружены следы обработки кости/рога (5 резцов и 2 скобеля) (рис. 4: *А, Б*). В качестве резцов использовались углы сломов пластинок, в качестве скобелей – их длинные края.

Следы на поверхности, связанные с обработкой растительных материалов (строгание дерева), в исследуемой группе сколов обнаружены на двух пластинках (0 + 2) (рис. 3: *А, Б*). Оба скола оформлены мелкой ретушью по брюшку по одному краю, противолежащий край имеет чешуйчатую выкрошенность, сформировавшуюся в результате утилизации предметов. Оба орудия изготовлены из непрозрачного кремня медового цвета, имеют схожий износ и комплекс признаков, позволяющий говорить об их фиксации в оправе, вероятно, в качестве вкладышей одного лезвия.

Помимо сколов, имеющих явные и диагностичные следы использования, среди рассматриваемой выборки была выделена группа изделий (1 + 3), не несущих определимый функциональный износ, но имеющих следующий комплекс следов: скругление межфасеточных ребер, серии мелких выемок-заломов, а также пятна и полосы клея, позволивший предположить их назначение в качестве аккомодационных частей орудий.

Распределение морфометрических параметров заготовок, полученных при помощи техники отжима и использовавшихся древними насельниками в качестве вкладышей составного охотничьего вооружения, демонстрирует определенную их стандартизацию: преобладают фрагменты пластинчатых сколов длиной 17–27 мм (с диапазоном 11–35 мм), шириной 5–8 мм (с диапазоном 4–12 мм) и толщиной 1–2 мм (с диапазоном 0,5–3 мм). Распределение морфометрических параметров остальных заготовок, использовавшихся в других хозяйственно-бытовых операциях, отличается большей вариабельностью: преобладают пластинчатые сколы длиной 22–41 мм (с диапазоном 12–69 мм), шириной 7–11 мм (с диапазоном 5–12 мм) и толщиной 1–3 мм (с диапазоном 1–4 мм).

Определение значительного числа кремневых вкладышей для оснащения вооружения среди пластинчатых заготовок в верхнем мезолитическом культурном слое пещеры Двойная согласуется с наличием в коллекции этого слоя четырех фрагментов костяных оправ с пазом для вкладышей, две из которых имеют сколы утилизации, характерные для метательного вооружения (*Александрова, Леонова*, 2017).

Таким образом, для сколов, полученных при помощи техники отжима, определены следующие хозяйственно-бытовые операции, в которых они использовались: скобление/резание кости/рога, разделка охотничьей добычи, обработка растительных материалов, шкур/кожи. Также наблюдаются признаки аккомодации в виде серии мелких выемок, единичных фасеток и заломов. На поверхности 43 сколов (44 % от выборки) были зафиксированы пятна и полосы коричневатого и красно-коричневого смолянистого состава с включениями, происхождение которых предположительно связано с остатками растительных клеев из смол хвойных растений, живицы косточковых и отпечатками растительных волокон, которые были определены для аналогичных остатков во втором культурном слое (литолог. сл. 6) пещеры Двойная, датируемом финальным плейстоценом (*Еськова,*

Леонова, 2023). Расположение этих остатков частично подкрепляет выводы трасологического анализа о положении орудий, а также дают информацию о способах их крепления с использованием клеящих составов.

Обсуждение

Из всей изученной выборки 72 % сколов имели следы износа, что позволяет сделать вывод о том, что полученная заготовка не нуждалась во вторичной обработке, поскольку ее изначальная морфология соответствовала требуемым параметрам вкладышей в оснащении составного метательного вооружения и колющих наконечников стрел (эта функциональная категория составляет почти 80 % от всех сколов со следами в исследуемой выборке).

Использование нескольких заготовок в качестве резцов и скобелей по кости/рогу представляется закономерным, поскольку среди ранее изученных каменных артефактов из позднемезолитического культурного слоя пещеры Двойная достаточно высок процент орудий для обработки кости, что согласуется и с наличием серии костяных пазовых оправ, составляющих основу метательного вооружения (*Александрова*, 2015; *Александрова, Леонова*, 2017).

В контексте приведенных данных наиболее вероятным представляется вывод об отсутствии для материалов слоя раннего голоцена пещеры Двойная прямой взаимосвязи между отжимом как технологической новацией и определенной функциональной специализацией заготовок, полученных при его помощи. Ранее проведенные трасологические исследования для каменных индустрий широкого круга памятников конца верхнего палеолита и мезолита Восточной Европы демонстрируют, что заготовки без вторичной обработки использовались древним человеком в различных видах хозяйственной деятельности, а также в качестве орудий охоты и разделки охотничьей добычи (*Галимова*, 2003; *Горащук*, 2007; *Васильева*, 2013). Регулярность сколов, полученных при помощи техники отжима, является основной причиной их активного использования в качестве вкладышей охотничьего вооружения. Это подтверждается частотой их использования в этой функции (61 %), что существенно превышает долю применения в аналогичной функции пластинчатых сколов в выборках, сформированных случайным образом, без учета технологических характеристик. Так, только 27 % пластинчатых сколов со следами утилизации использовались как вкладыши метательного вооружения в культурном слое 2 пещеры Двойная (литологический слой 6) и 21 % в верхнем культурном слое (литологический слой 4/5) (*Александрова*, 2015; *Успенская*, 2019б).

На настоящий момент существует лишь несколько работ, где применение трасологического метода анализа позволило определить специфику использования пластинчатых сколов, полученных при помощи отжимной техники (*Astruc et al.*, 2007; *Gassin et al.*, 2010; *Maeda et al.*, 2016). Л. Астрюк с соавторами приводят данные относительно функциональной поливалентности отжимных обсидиановых пластинок из слоев докерамического неолита Б телля Дамишлийа I (Сирия), отмечая, что функция резания мягкого материала (мяса, кожи и растительного) преобладает в спектре (*Astruc et al.*, 2007). О. Маэда с соавторами проанализировано распространение одомашненных злаков в раннем голоцене

на Ближнем Востоке в связи с частотой обнаружения в каменном инвентаре такой функциональной группы, как вкладыши серпов; а также суммирована информация по специфике заготовок и технологии их производства в различных регионах Ближнего Востока. И если взаимосвязь роста доли вкладышей серпов с увеличением доли домашних растений в спектре пыльцы выявлена, то корреляция между техникой и методом производства пластинчатых заготовок и высоким процентом вкладышей серпов в орудийном наборе не установлена. Более того, в регионах раннего распространения отжима пластинчатых сколов заготовки, полученные при помощи этой техники, также демонстрируют функциональную поливалентность (*Maeda et al.*, 2016). Таким образом, даже в регионе Плодородного полумесяца динамика распространения отжимной техники не совпадает с динамикой перехода к производящему хозяйству.

Выводы

Ранее было установлено, что появление техники отжима в индустрии верхнего культурного слоя в пещере Двойная, датируемого ранним голоценом, было связано с технологическим влиянием извне (*Еськова и др.*, 2022; *Еськова, Леонова*, 2023). Заимствованию техники могла способствовать определенная перестройка в деятельности древних обществ, произошедшая в начале эпохи голоцена. Результаты трасологического анализа группы сколов, полученных при помощи технологии отжима, позволяют говорить, что при отсутствии их строгой функциональной специализации, преобладающая функция в спектре – использование фрагментов пластинок, полученных отжимом, в качестве вкладышей метательного вооружения.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова О. И., 2015. Функциональный анализ каменного инвентаря стоянок конца верхнего палеолита и мезолита Губского ущелья: автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 32 с.

Александрова О. И., Леонова Е. В., 2017. Реконструкция охотничьего вооружения культур поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа (по материалам пещеры Двойная) // SP. № 1. С. 255–270.

Ахметгалеева Н. Б., Демиденко Ю. Э., 2017. Комплексный анализ морфологии и типологии, технологии, следов износа по определению функционального назначения и индустриальной роли треугольников позднего верхнего палеолита стоянок Быки (Посеймье) // Древний человек и камень: технология, форма, функция / Отв. ред.: С. А. Васильев, В. Е. Щелинский. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 198–208.

Васильева Н. Б., 2013. Каменная индустрия мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 15 с.

Волков П. Е., Гиря Е. Ю., 1990. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств / Отв. ред.: А. И. Соловьев, С. А. Гладышев. Новосибирск. С. 38–56.

Галимова М. Ш., 2003. Функциональная типология кремневых пластин Алан-Бексерской стоянки // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: в честь юбилея Г. Ф. Коробковой / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 214–222.

Гиря Е. Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.: ИИМК РАН. 198 с.

Горащук И. В., 2007. Каменные орудия мезолита – раннего неолита Северного Прикаспия: автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург. 24 с.

Еськова Д. К., Леонова Е. В., 2023. Время появления техники отжима пластинчатых заготовок на Северо-Западном Кавказе и хронология ее распространения на сопредельных территориях // Вестник МГУ. Серия 23: Антропология. № 1. С. 138–149.

Еськова Д. К., Леонова Е. В., Успенская О. И., 2018. Характеристика пластинчатых сколов нижнего слоя пещеры Двойная // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Материалы Междунар. науч. конф. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т. С. 80–82.

Еськова Д. К., Леонова Е. В., Федорова А. Ю., 2022. Появление техники отжима пластинчатых сколов на Северо-Западном и Центральном Кавказе // Микролиты в позднем палеолите и мезолите Восточной Европы и Кавказа: типология, технология, трасология / Отв. ред. М. Г. Жилин. М.: ИА РАН. С. 44–72.

Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е., 1996. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН. 80 с.

Леонова Е. В., 2015. К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума РАН / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М.: Отд. ист.-филолог. наук РАН: ИЭА РАН. С. 77–87.

Леонова Е. В., Успенская О. И., 2018. Свидетельства собирательства и использования непищевых природных ресурсов в конце верхнего палеолита и мезолите Северо-Западного Кавказа (по материалам из раскопок пещеры Двойная и навеса Чыгай) // Самарский научный вестник. Т. 7. № 4 (25). С. 153–161.

Леонова Е. В., Успенская О. И., 2020. Памятники Северо-Западного Кавказа рубежа плейстоцена – голоцена с геометрическими микролитами в виде сегментов // Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез: Междунар. конф.: тез. докл. / Отв. ред.: К. Н. Гаврилов, Е. В. Леонова. М.: ИА РАН. С. 55.

Лозовская О. В., 1994. К вопросу о трасологических признаках составного метательного оружия // Экспериментально-трасологические исследования в археологии / Отв. ред. Г. Ф. Коробкова. СПб.: Наука. С. 157–167.

Нужний Д. Ю., 2008. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. Київ: КНТ. 308 с.

Суворов А. В., Васильева Н. Б., 2003. Два вкладышевых орудия из погребения III памятника Минино II на Кубенском озере // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: в честь юбилея Г. Ф. Коробковой / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 287–292.

Успенская О. И., 2019а. К вопросу о сохранности поверхности орудий каменного века в свете трасологических наблюдений // Культурный слой и реконструкция структуры поселений каменного века: к 85-летию со дня рождения А. М. Микляева: Междунар. конф. (17–18 октября 2019 г., Гос. Эрмитаж): тез. СПб.: ГЭ. С. 24–25.

Успенская О. И., 2019б. Результаты трасологического анализа сколов без вторичной обработки из верхнепалеолитического культурного слоя в пещере Двойная // Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта: Междунар. конф. – полевой семинар: тез. докл. М.: ИА РАН. С. 132–133.

Щелинский В. Е., 2015. Трасологический метод изучения функций первобытных изделий: следы износа на орудиях, их интерпретация и информативные возможности // АВ. Вып. 21. С. 31–51.

Astruc L., Gratuze B., Pelegrin J., Akkermans P., 2007. From production to use: a parcel of obsidian bladelets at Sabi Abyad II // Technical Systems and Near Eastern PPN Communities: proceedings of the 5th international Workshop / Eds.: L. Astruc, D. Binder, F. Briois. Antibes: Association pour la promotion et la diffusion des connaissances archeologiques. P. 327–341.

Binder D., 2007. PPN Pressure Technology: views from Anatolia // Technical systems and and Near Eastern PPN Communities: proceedings of the 5th international Workshop / Eds.: L. Astruc, D. Binder, F. Briois. Antibes: Association pour la promotion et la diffusion des connaissances archeologiques. P. 235–243.

Binder D., Collina C., Guilbert R., Perrin T., Garcia-Pichol O., 2012. Pressure-Knapping Blade Production in the North-Western Mediterranean Region During the Seventh Millennium cal B.C. // The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modem Experimentation. New York: Springer. P. 199–218.

Callahan E. I., 1984. Hate to Bicker, But…: A Study of Microblade Cores With Obtuse Platform Angles // Lithic Technology. Vol. 13. № 3. P. 84–97.

Damlien H., 2015. Striking a difference? The effect of knapping techniques on blade attributes // JAS. Vol. 65. P. 122–135.

Fischer A., Vemming H. P., Rasmussen P., 1984. Macro and micro wear traces on lithic projectile points: Experimental results and prehistoric examples // Journal of Danish Archaeology. Vol. 3. P. 19–46.

Gassin B., Léa V., Astruc L., Linton J., 2010. Lithic Management in the Chassey Culture Neolithic // Human Evolution. Vol. 25. № 1–2. P. 125–142.

Inizan M.-L., Lechevallier M., 1994. L'adoption du debitage laminaire par pression au Proche orient // Neolithic Chipped Stone industries in the Fertile Crescent / Eds.: H. G. Gebel, S. K. Kozlowski. Berlin: Ex Oriente. P. 23–32.

Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J., 1999. Technology and Terminology of Knapped Stone followed by a multilingual vocabulary (Arabic, English, French, German, Greek, Italian, Portuguese, Spanish). Nanterre: C.R.E.P. 191 p.

Maeda O., Lucas L., Silva F., Tanno KI., Fuller DQ., 2016. Narrowing the harvest: Increasing sickle investment and the rise of domesticated cereal agriculture in the Fertile Crescent // Quaternary Science Reviews. Vol. 145. P. 226–237.

Pelegrin J., 1988. Débitage expérimental par pression: du plus petit au plus grand // Technologie préhistorique / Ed. J. Tixier. Paris: Centre national de la recherche scientifique. P. 37–53. (Notes et Monographies Techniques du Centre de recherches archéologiques; 25.)

Pelegrin J., 2006. Long Blade Technology in the Old World: An Experimental Approach and Some Archaeological Results // Skilled Production and Social Reproduction. Uppsala: Societas Archaeologica Upsaliensis. P. 37–68.

Pelegrin J., 2012. New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques // The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modem Experimentation. New York: Springer. P. 237–259

Radinovic M., Kajtez I., 2021. Outlining the knapping techniques: Assessment of the shape and regularity of prismatic blades using elliptic Fourier analysis // JAS: Reports. Vol. 28. P. 1–15.

Sørensen M., Rankama T., Kankaapää J., Knutsson K., Knutsson H. et al., 2013. The first eastern migrations of people and knowledge into Scandinavia: evidence from studies of Mesolithic technology, 9–8 millennium BC // Norwegian Archaeological Review. Vol. 46. P. 19–56.

Takakura J., 2021. Towards improved identification of obsidian microblade and microblade-like debitage knapping techniques: A case study from the Last Glacial Maximum assemblage of Kawanishi-C in Hokkaido, Northern Japan // QI. Vol. 596. P. 65–78.

The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modem Experimentation. New York: Springer, 2012. 533 p.

Yaroshevich A., 2010. Microlithic variability and design and performance of projectile weapons during the Levantine Epipaleolithic: experimental and archaeological evidence: thesis submitted for the degree «doctor of philosophy» / University of Haifa. Haifa.244 p.

Сведения об авторах

Еськова Дарья Кирилловна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: bdims@mail.ru;

Успенская Олеся Игоревна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: adamena@mail.ru

D. K. Eskova, O. I. Uspenskaya

THE PRESSURE BLADEMAKING TECHNIQUE IN THE NORTHWESTERN CAUCASUS IN THE EARLY HOLOCENE: FUNCTIONAL ASPECT (A CASE STUDY OF THE MATERIALS FROM THE DVOYNAYA CAVE UPPER LAYER)

Abstract. The paper discusses possible correlation between the use of pressure technique use and the function of pressure-made bladelets / microbladelets in the Early Holocene of the Northwestern Caucasus. The sample of 96 pieces from the Upper Mesolithic layer of the Dvoynaya Cave (lithological layer 4/5) was studied. The sample was formed by means of the technological analysis. It was established that the pressure-made blanks were mainly used as the lateral inserts for composite slotted arrowheads, pointed arrowheads, and sometimes used as the tools for bone/antler and wood processing or cutting knives. The study results suggest that in the Early Holocene of the Northwestern Caucasus the pressure blademaking technique was mainly used for the production of highly standardized blanks for the composite slotted bone tools equipment. composite arrowheads with lateral insets или composite projectile tools with lateral inserts.

Keywords: Stone Age, Mesolithic, Northwestern Caucasus, Dvoynaya Cave, lithic technology, pressure technique, inserts, slotted weaponry.

REFERENCES

Akhmetgaleeva N. B., Demidenko Yu. E., 2017. Kompleksnyy analiz morfologii i tipologii, tekhnologii, sledov iznosa po opredeleniyu funktsional'nogo naznacheniya i industrial'noy roli treugol'nikov pozdnego verkhnego paleolita stoyanok Byki (Poseym'e) [Comprehensive analysis of morphology and typology, technology, tracewear to determine functio and industrial role of the triangles from Late Upper Paleolithic sites Byki (Seim region)]. *Drevniy chelovek i kamen': tekhnologiya, forma, funktsiya [Ancient man and stone: technology, form, function]*. S. A. Vasil'ev, V. E. Shchelinskiy, eds. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 198–208.

Aleksandrova O. I., 2015. Funktsional'nyy analiz kamennogo inventarya stoyanok kontsa verkhnego paleolita i mezolita Gubskogo ushchel'ya: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Functional analysis of stone inventory from sites of the end of Upper Paleolithic and Mesolithic in Gubs gorge: PhD Thesis]. Moscow. 32 p.

Aleksandrova O. I., Leonova E. V., 2017. Rekonstruktsiya okhotnich'ego vooruzheniya kul'tur pozdney pory verkhnego paleolita i mezolita Severnogo Kavkaza (po materialam peshchery Dvoynaya) [Reconstruction of hunting weapons of Late Upper Paleolithic and Mesolithic cultures in North Caucasus (based on materials from Dvoynaya cave)]. *SP*, 1, pp. 255–270.

Eskova D. K., Leonova E. V., 2023. Vremya poyavleniya tekhniki otzhima plastinchatykh zagotovok na Severo-Zapadnom Kavkaze i khronologiya ee rasprostraneniya na sopredel'nykh territoriyakh [The time of the appearance of the pressure technology of plate blanks in Northwestern Caucasus and chronology of its spread in adjacent territories]. *Vestnik MGU. Seriya 23: Antropologiya [Bulletin of MGU. Series 23: Anthropology]*, 1, pp. 138–149.

Eskova D. K., Leonova E. V., Fedorova A. Yu., 2022. Poyavlenie tekhniki otzhima plastinchatykh skolov na Severo-Zapadnom i Tsentral'nom Kavkaze [The emergence of technique of pressing plate chips in Northwestern and Central Caucasus]. *Mikrolity v pozdnem paleolite i mezolite Vostochnoy Evropy i Kavkaza: tipologiya, tekhnologiya, trasologiya [Microliths in Late Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe and the Caucasus: typology, technology, traceology]*. M. G. Zhilin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 44–72.

Eskova D. K., Leonova E. V., Uspenskaya O.I., 2018. Kharakteristika plastinchatykh skolov nizhnego sloya peshchery Dvoynaya [Characteristic of the lamellar chips from lower layer of Dvoynaya

cave]. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and Middle Ages. XXX Krupnov readings on archaeology of North Caucasus]*. U. Yu. Kochkarov, ed. Karachaevsk: Karachaevo-Cherkesskiy gos. universitet, pp. 80–82.

Galimova M. Sh., 2003. Funktsional'naya tipologiya kremnevykh plastin Alan-Bekserskoy stoyanki [Functional typology of flint plates from Alan-Bekser site]. *Peterburgskaya trasologicheskaya shkola i izuchenie drevnikh kul'tur Evrazii [St. Petersburg traceological school and study of Eurasia ancient cultures]*. V. M. Masson, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 214–222.

Girya E. Yu., 1997. Tekhnologicheskiy analiz kamennykh industriy: Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudiy truda [Technological analysis of stone industries: Methods of micro-macroanalysis of ancient tools], 2. St. Petersburg: IIMK RAN. 198 p.

Gorashchuk I. V., 2007. Kamennye orudiya mezolita – rannego neolita severnogo Prikaspiya: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Stone tools of Mesolithic – Early Neolithic of the North Caspian region: PhD Thesis]. Ekaterinburg. 24 p.

Korobkova G. F., Shchelinskiy V. E., 1996. Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudiy truda [Methods of micro-macroanalysis of ancient tools], 1. St. Petersburg: IIMK RAN. 80 p.

Leonova E. V., 2015. K probleme khronologii i kul'turnoy variabel'nosti kamennykh industriy kontsa verkhnego paleolita i mezolita Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam navesa Chygay i peshchery Dvoynaya) [On the problem of chronology and cultural variability of stone industries of Late Upper Paleolithic and Mesolithic of Northwestern Caucasus (based on materials from Chygai shelter and Dvoynaya cave)]. *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma RAN [Traditions and innovations in history and culture: fundamental research program of Presidium of RAS]*. A. P. Derevyanko, V. A. Tishkov, eds. Moscow: Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk RAN: IEA RAN, pp. 77–87.

Leonova E. V., Uspenskaya O. I., 2018. Svidetel'stva sobiratel'stva i ispol'zovaniya nepishchevykh prirodnykh resursov v kontse verkhnego paleolita i mezolite Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam iz raskopok peshchery Dvoynaya i navesa Chygay) [Evidence of gathering and use of nonfood natural resources at the end of Upper Paleolithic and Mesolithic in Northwestern Caucasus (based on materials from excavations of Dvoynaya cave and the Chygai shelter)]. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara scientific bulletin]*, vol. 7, no. 4 (25), pp. 153–161.

Leonova E. V., Uspenskaya O. I., 2020. Pamyatniki Severo-Zapadnogo Kavkaza rubezha pleystotsena – golotsena s geometricheskimi mikrolitami v vide segmentov [Northwestern Caucasus sites of Pleistocene–Holocene turn with geometric microliths in the shape of segments] *Vostochnaya Evropa, Kavkaz, Blizhniy Vostok v kamennom veke: khronologiya, istochniki i kul'turogenez [Eastern Europe, Caucasus, Near East in the Stone Age: chronology, sources and cultural genesis]*. K. N. Gavrilov, E. V. Leonova, eds. Moscow: IA RAN, p. 55.

Lozovskaya O. V., 1994. K voprosu o trasologicheskikh priznakakh sostavnogo metatel'nogo oruzhiya [On traceological indications of composite throwing weapons]. *Eksperimental'no-trasologicheskie issledovaniya v arkheologii [Experimental traceological research in archaeology]*. G. F. Korobkova, ed. St. Petersburg: Nauka, pp. 157–167.

Nuzhnyy D. Yu., 2008. Rozvytok mikrolitychnoï tekhniky v kam'yanomu vitsi: udoskonalennya zbroï pervisnykh myslyvtsiv [Development of microlithic technique in Stone Age: improvement of ancient hunters' weapons]. Kyïv: KNT. 308 p.

Shchelinskiy V. E., 2015. Trasologicheskiy metod izucheniya funktsiy pervobytnykh izdeliy: sledy iznosa na orudiyakh, ikh interpretatsiya i informativnye vozmozhnosti [Traceological method in studying functions of ancient artefacts: tracewear on tools, their interpretation and informative possibilities]. *AV*, 21. St. Petersburg: Nauka, pp. 31–51.

Suvorov A. V., Vasil'eva N. B., 2003. Dva vkladyshevykh orudiya iz pogrebeniya III pamyatnika Minino II na Kubenskom ozere [Two insert tools from burial III of Minino II site on Kubenskoe Lake]. *Peterburgskaya trasologicheskaya shkola i izuchenie drevnikh kul'tur Evrazii [St. Petersburg traceological school and study of Eurasia ancient cultures]*. V. M. Masson, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 287–292.

Uspenskaya O. I., 2019a. K voprosu o sokhrannosti poverkhnosti orudiy kamennogo veka v svete trasologicheskikh nablyudeniy [On the issue of preservation of Stone Age tools surface in light of traceological observations]. *Kul'turnyy sloy i rekonstruktsiya struktury poseleniy kamennogo*

veka [Cultural deposit and reconstruction of Stone Age settlements structure]. St. Petersburg, pp. 24–25.

Uspenskaya O. I., 2019b. Rezul'taty trasologicheskogo analiza skolov bez vtorichnoy obrabotki iz verkhnepaleoliticheskogo kul'turnogo sloya v peshchere Dvoynaya [Results of traceological analysis of chips without secondary treatment from Upper Paleolithic cultural layer in Dvoynaya cave]. *Kul'turnaya geografiya paleolita Vostochno-Evropeyskoy ravniny: ot mikoka do epigravetta [Cultural geography of Paleolithic of East European Plain: from Mycoc to Epigravette]*. Moscow: IA RAN, pp. 132–133.

Vasilieva N. B., 2013. Kamennaya industriya mezoliticheskikh stoyanok Mologo-Sheksninskogo mezhdurech'ya: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Stone industry of Mesolithic sites of Mologa – Sheksna interfluve: PhD Thesis]. Moscow. 15 p.

Volkov P. E., Girya E. Yu., 1990. Opyt issledovaniya tekhniki skola [Experience in study of the chipping technique]. *Problemy tekhnologii drevnikh proizvodstv [Issues of technology of ancient industries]*. A. I. Solov'ev, S. A. Gladyshev, eds. Novosibirsk, pp. 38–56.

About the authors

Eskova Darya K., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: bdims@mail.ru;

Uspenskaya Olesya I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: adamena@mail.ru

Н. О. Викулова, М. Г. Жилин

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИГЛ ИЗ СЛОЕВ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ УСТЬ-МЕНЗА 2 В ЗАБАЙКАЛЬЕ[1]

Резюме. В статье представлены предварительные результаты трасологического изучения игл из культурных слоев 21 и 26 стоянки Усть-Менза 2. Материалы публикуются впервые. Важно отметить, что изученные иглы выявлены в аллювиальных плейстоценовых горизонтах возрастом ок. 17–20 тыс. радиоуглеродных лет. В условиях максимума оледенения наличие швейного инвентаря было важнейшим фактором выживания для обитателей таежного Забайкалья. Работа по изучению игл была проведена на базе оборудования ЦКП ИА РАН. Целью статьи является введение в научный оборот не опубликованных ранее материалов и результатов их исследования.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, верхний палеолит, Усть-Менза 2, швейный инвентарь, игла, трасология.

Введение

Вопрос происхождения, культурной и хронологической интерпретации швейного инвентаря и иглы с ушком, в частности, активно изучается российскими (*Царева*, 2014; *Деревянко и др*., 2016; *Демещенко*, 2017; *Питулько, Павлова*, 2019; *Рукина*, 2020; *Федорченко, Белоусова*, 2021) и зарубежными исследователями (*Gilligan*, 2010; *Adovasio et al*., 1996; *Hoffecker*, 2005; *Tejero*, 2014; *Goutas, Tejero*, 2016). Хронология и культурная атрибуция древнейших костяных игл верхнего палеолита Сибири была подробно рассмотрена А. Ю. Федорченко (*Федорченко, Белоусова*, 2021). Однако в рамках этой работы для территории

[1] Статья подготовлена в рамках реализации проекта госзадания Института археологии РАН «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления» (№ НИОКТР 122011200271–7).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.110-121

Забайкальского края упоминаются только две стоянки. Это Толбага и Куналей (шило и игла).

Верхнепалеолитические комплексы каменных индустрий и жилищ Забайкалья изучены достаточно детально, однако блок находок швейных инструментов из кости ранее специально не освещался. В этом регионе зафиксированы одни из наиболее ранних в Сибири костяных индустрий раннего верхнего палеолита. По образцам кости из слоя 4 стоянки Толбага за многие годы исследований получена серия радиоуглеродных дат. Среднее вероятностное значение 47 160 BC (cal.) (UCIAMS-143220) 43 900 ± 1 800 BP (uncal.) и среднее вероятностное значение 28 110 BC (cal.) (UCIAMS-143239) 24 070 ± 150 BP (uncal.) (*Васильев*, 2005; *Васильев, Рыбин*, 2009, *Buvit et al*., 2016), по слою 3 стоянки Куналей даты 27 990 ± 410 (UCIAMS-143222) (*Константинов*, 1994; *Buvit et al.*, 2016). Несмотря на то что опубликована лишь малая часть находок швейного инвентаря с территории Забайкалья, их уникальность и возраст, в частности материалы стоянки Толбага, позволяют исследователям соотносить эти данные с находками из пещеры Страшной на Алтае (*Шалагина и др*., 2018. С. 84). Швейный инвентарь также был выявлен на стоянках Сухотино 4 (*Кириллов*, 2003), Студеное 2 (*Константинов*, 1994). В рамках данной работы мы рассмотрим не опубликованные ранее находки швейных игл со стоянки Усть-Менза 2, а также предлагаем вариант реконструкции их использования и производства.

Основная часть

Поселение Усть-Менза 2, расположенное в среднем течении бассейна реки Чикой на территории Юго-Западного Забайкалья, было открыто в 1980 г. во время разведки археологического отряда Читинского пединститута (рис. 1). С 1984 г. на памятнике ведутся стационарные работы силами Чикойской археологической экспедиции Забайкальского государственного университета под руководством М. В. Константинова. На памятнике выявлен 31 культурный слой, в диапазоне от эпохи бронзы до средней поры верхнего палеолита (*Маслодудо*, 2017).

Разрез Усть-Мензы 2 в основании представлен галечником, перекрывающим его аллювиальными отложениями и покровными супесями. Нижняя часть аллювиальных отложений определяется как нормальный позднекаргинский аллювий (вторая половина МИС-3). Нормальный аллювий перекрывает перегляциальный сартанского времени (МИС-2) и горизонты погребенных почв, выраженные в двух сближенных прослойках беллинга и аллереда, с кровли которых заложены устья мерзлотных клиньев норильского времени.

В общей сложности за годы исследований изучена площадь 1196 кв. м. Культурные слои 1–4 связаны с покровными отложениями, 5–27 – с аллювиальными отложениями (рис. 2). На основании стратиграфической позиции и технолого-типологических характеристик археологического материала слои 1, 2 были отнесены исследователями к бронзовому веку, слой 3 – к мезолиту, слои 4–8, 9а, б, 10а, б, в, г, 11–27 – к позднему палеолиту. Для некоторых слоев получены радиоуглеродные датировки. Обратим внимание на максимально близкие

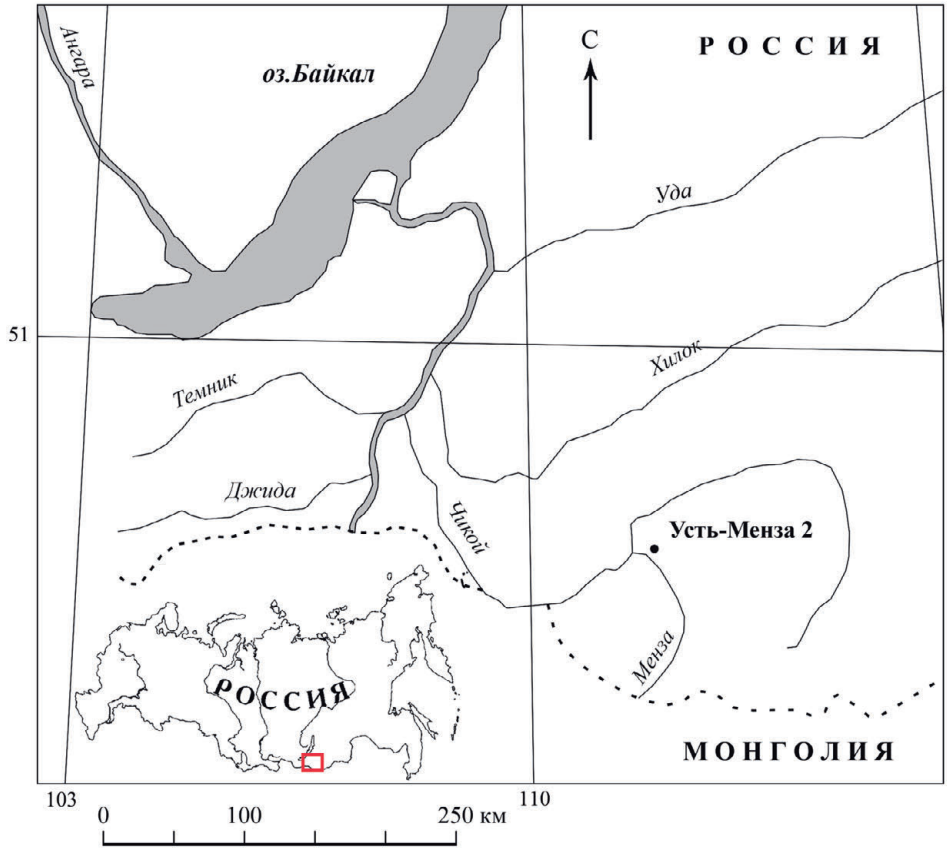


Рис. 1. Стоянка Усть-Менза 2. Место расположения

к изучаемому периоду: слой 20 – среднее вероятностное значение 20 480 BC (cal.) (ГИН-5465) 16980 ± 150 BP (uncal.); слой 21 – среднее вероятностное значение 20740 BC (cal.) (ГИН-5464) 17190 ± 120 BP (uncal.); среднее вероятностное значение 21 280 BC (cal.) (ГИН-5464); 17600 ± 250 BP (uncal.) (*Buvit et al.*, 2016).

Нами исследованы 3 изделия из культурных слоев 20, 21 и 26 стоянки Усть-Менза 2, описание которых приведено ниже. В культурном слое 20 в 1987 г. был найден обломок стержня длиной 7,7 см, вырезанного продольно резцом из пластины (кости?), интерпретированный автором раскопок как шило. Оба конца изделия обломаны. Поверхность эродирована, что делает непригодным данный обломок для трасологического анализа. В результате удалось провести полноценное трасологическое исследование только для двух предметов.

Большинство зарубежных исследователей в той или иной степени при описании швейных игл придерживаются принципов, разработанных Г. Кэмпс-Фабрер в 1966 г., выделяя дистальный (острый) и проксимальный (с отверстием) концы, среднюю часть, внешнюю (верхнюю) и внутреннюю (нижнюю) плоскости

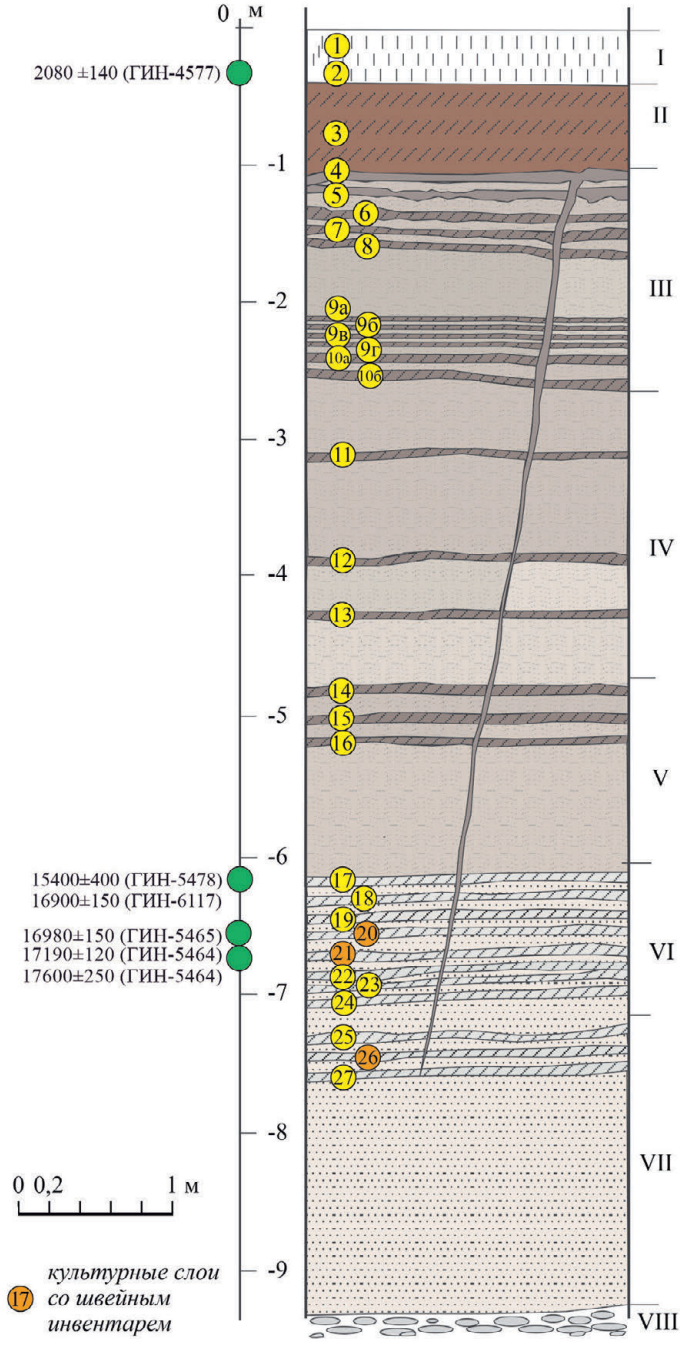


Рис. 2. Стоянка Усть-Менза 2. Профиль

иглы (*Camps-Fabrer*, 1966). Е. А. Стоун, проработавшая эти вопросы наиболее детально, избегает терминов «дистальный» и «проксимальный» и выделяет следующие элементы при описании костяных швейных игл: острие, средняя часть, отверстие (*Stone*, 2011. P. 208–209. Fig. 6: *1*). Единый протокол для описания и анализа швейных игл в настоящий момент не разработан. Большинством исследователей измеряется длина, максимальная ширина, максимальная толщина иглы, ширина у отверстия, указывается сечение иглы у острия, в средней части и у отверстия, расположение и диаметр отверстия (Ibid. P. 210, 221). В таблицах данных (datasheets – приложение III) отмечаются видимые макросследы использования и ремонта, состояние поверхности, подвергался ли предмет консервации, заполировки/-а и линейные следы использования. В приложении IV Е. А. Стоун приведены термины, используемые автором при описании артефактов и следов на них, большая часть которых имеет соответствия и используется в русскоязычной литературе.

Трасологический анализ проводился при помощи тринокулярного микроскопа High Cloud с увеличением от 7 до 190 крат со встроенной камерой и микроскопа TESCAN VEGA Compact LMH со встроенной камерой в Центре коллективного пользования ИА РАН.

Швейный инвентарь на стоянке был выявлен в 1985 и 1987 гг. Работа с полевыми отчетами Чикойской археологической экспедиции под руководством М. В. Константинова позволила вернуться к изучению уникальных находок.

Игла № 1. УМ-2. КС. 21. Культурный слой 21 изучен на ограниченной площади 70 кв. м, представлен одноочажным жилищем с обкладкой (*Константинов*, 2001. С. 53). «Выявленная структура имеет овальную форму с видимыми размерами 2,6 на 4 м. Северо-западная часть ее уходит в стенку раскопа. Тем не менее большая часть конструкции вскрыта, вполне уверенно можно судить о ее характере. В нее входит очаг, углистое пятно, камни обкладки, артефакты из камня, кости и фаунистические остатки» (Там же. С. 54). Площадь жилища – около 8 кв. м. При изучении этой поверхности обитания выявлено более 200 каменных изделий. Также в культурном слое 21 в 1987 г. была найдена игла с ушком.

Определить вид животного, из кости которого выполнена игла, не удалось. Кончик острия иглы обломан, сечение дистальной и медиальной частей иглы округлое, проксимальный конец с ушком уплощен. Ось изделия слегка искривлена (рис. 3: *1*). Длина – 75 мм, диаметр в середине иглы – 2,5 мм, ширина проксимального конца на уровне ушка – 2,8 мм, толщина – 1,4 мм. Преформа была вырезана и выровнена косыми срезами углом резца, срезы четко видны на обеих сторонах на проксимальном конце иглы (рис. 3: *6–9*). Ближе к острию остались только наиболее глубокие участки косых срезов резцом (рис. 3: *2–3*). После этого чистовая обработка стержня и дистального конца иглы выполнена продольным строганием. На проксимальном конце выструганы только боковые стороны. Длинные ровные срезы (рис. 3: *3–4*) говорят о предварительном размягчении материала, из которого сделана игла. После чистового строгания поверхность обработана тонкой поперечной и косой шлифовкой с помощью абразивного инструмента с очень мелким зерном. Следы этой обработки в виде очень тонких царапин, перекрывающих следы резца и строгального ножа,

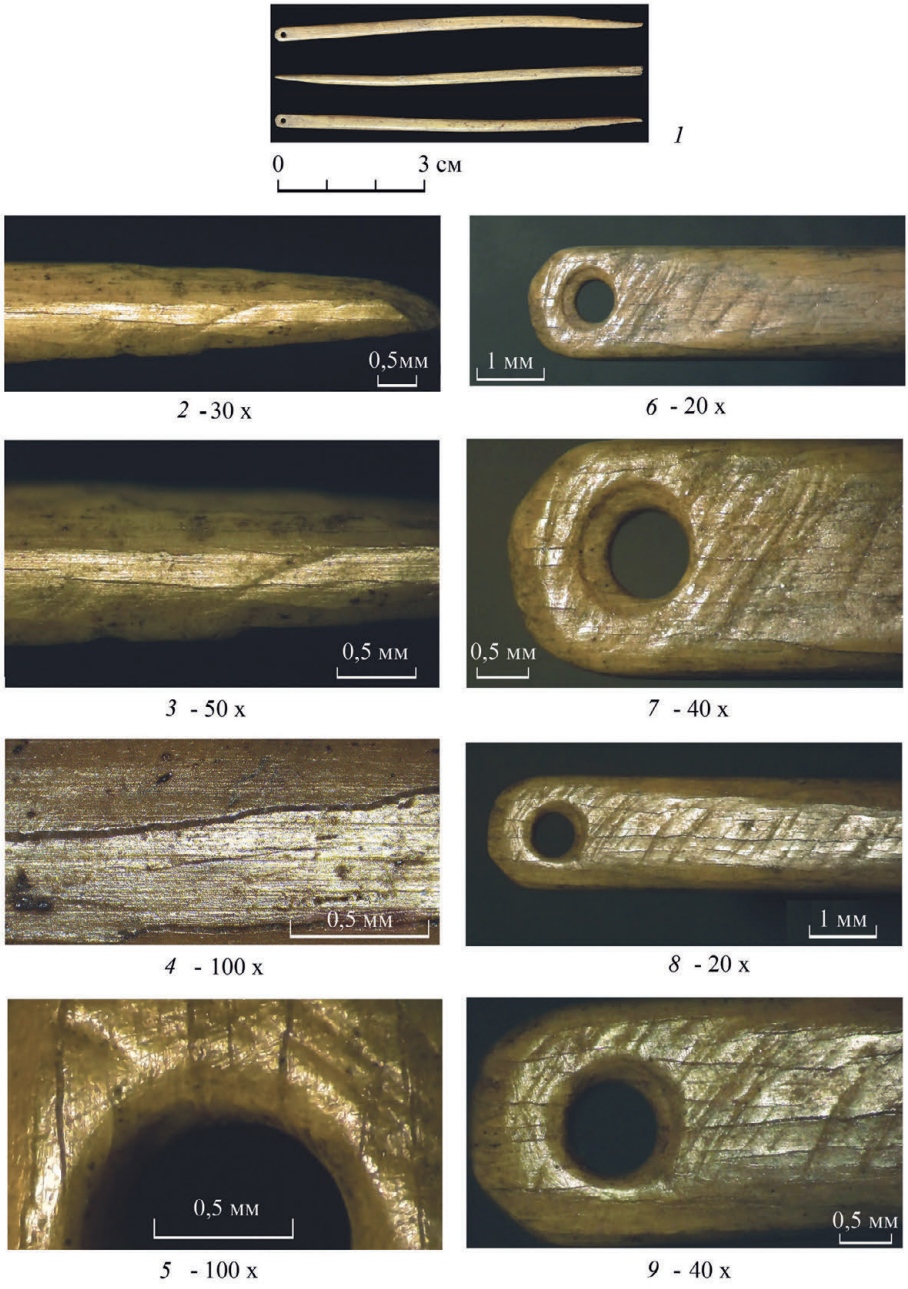


Рис. 3. Культурный слой 21

1 – фото общего вида иглы. Выполнено М. Ю. Федосеевым; *2–9* – фото следов обработки использования. Выполнено М. Г. Жилиным

идущих под углами от 45° до 90° к оси иглы, сглаженных в результате работы иглой, хорошо видны в стереомикроскоп, заметны и на микрофотографиях (рис. 3: *3–5*). Ушко просверлено с двух сторон ручным кремневым сверлом с очень тонким концом. Внешний диаметр отверстия – 1,4 мм, внутренний – 0,9 мм (рис. 3: *5–9*).

Выявлены следующие следы использования данной иглы. Длинная фасетка, в начале изогнутая, переходящая в плоскую с петлеобразным окончанием, идет с левого края обломанного острия на правый край иглы (рис. 3: *1*); от слома вдоль левого края идет короткая плоская фасетка с петлеобразным окончанием (рис. 3: *2*). Поверхность иглы сглажена, кромки срезов от резца, ребра срезов от строгального ножа скруглены, края тонких царапин от шлифовки стерты (рис. 3: *3–5*). Заполировка покрывает всю поверхность иглы. Поверх следов строгания и резания по всей длине иглы идут длинные тонкие параллельные друг другу царапины, направленные вдоль оси иглы от острия к ушку (рис. 3: *2–4*). Противоположный острию край отверстия слабо разношен (рис. 3: *5*), стертость отмечена с двух сторон. В пределах стертых участков видны короткие тонкие параллельные друг другу царапины, идущие от края ушка к проксимальному концу иглы, – следы, оставленные нитью, вероятно, сухожильной (рис. 3: *5*). Игла использовалась для сшивания кожи или шкур. Строгая параллельность длинных линейных следов и заполировка всей поверхности изделия свидетельствуют о хорошо отработанных движениях и высоком профессионализме мастера.

Игла № 2. УМ-2. КС. 26. Культурный слой 26 изучен на ограниченной площади в 24 кв. м. Среди находок – около 60 колотых фрагментов костей и каменный инвентарь 46 экз. в виде фрагментов пластинок, отщепов, сколов декортикации из темно-серого кремня В культурном слое 26 обломок иглы был выявлен в 1985 г. В качестве сырья для изделия послужила трубчатая кость.

Большая часть с острием утрачена. Сохранились часть стержня эллипсоидного сечения и уплощенный проксимальный конец иглы, обломанный примерно посередине ушка (рис. 4: *1*). Длина сохранившейся части – 28 мм, диаметр стержня – 2,2 мм, ширина проксимального конца у ушка – 2,5 мм, толщина – 1,5 мм. На обеих сторонах проксимального конца и на прилегающих участках стержня хорошо видны следы косой грубой шлифовки среднезернистым абразивом в виде довольно длинных, глубоких параллельных друг другу борозд, идущих под углом около 30° к оси иглы (рис. 4: *4, 5*). На них накладываются следы завершающей тонкой поперечной и косой шлифовки мелкозернистым абразивом в виде тонких мелких коротких параллельных друг другу царапин, пересекающих борозды грубой шлифовки почти под прямым углом (рис. 4: *6*). На проксимальном конце сохранилась половина ушка, высверленного с двух сторон (рис. 4: *1, 4, 5*). Внешний диаметр отверстия – 2 мм, внутренний диаметр – 0,9 мм. На поверхности обломка иглы хорошо видны равномерная заполировка (рис. 4: *2*) и длинные тонкие параллельные друг другу царапины, направленные вдоль оси иглы от острия к ушку (рис. 4: *3*). Игла использовалась для сшивания кожи или шкур.

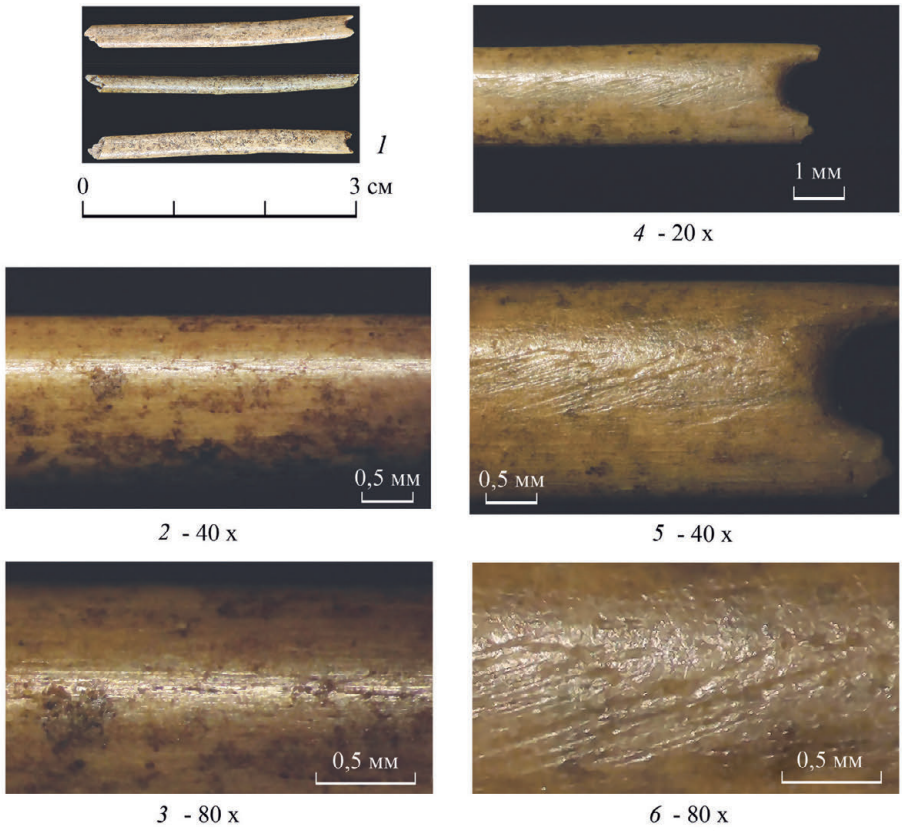


Рис. 4. Культурный слой 26

1 – фото общего вида фрагмента иглы. Выполнено М. Ю. Федосеевым; *2–6* – фото следов обработки и использования. Выполнено М. Г. Жилиным

Дискуссия

Степень деформации исходного материала для игл не позволяет точно определить, из какого материала они были сделаны. Согласно определениям А. М. Клементьева, для культурных слоев 21–25 Усть-Мензы 2 отмечены фрагмент ребра и фрагменты костей восьми экз. крупных копытных. В культурном слое 26 выявлен фрагмент нижней челюсти с зубами сибирского горного козла.

Имеющиеся материалы не позволяют определить способы получения исходной заготовки для игл на стоянке Усть-Мензa 2. Возможно, применялось размягчение кости или рога перед работой. Прослеженная технологическая цепочка включала следующие операции: черновая обработка преформы резцом, оформление иглы продольным строганием или косой шлифовкой, двустороннее сверление отверстия каменным сверлом, финальная обработка поверхности при

помощи тонкой шлифовки. После этого иглы использовались для сшивания кожи или подсохших шкур.

Скобление с последующей шлифовкой является наиболее распространенной технологией трансформации игл из преформы в готовые изделия (*D'Errico et al*., 2018). Получение готового изделия из преформы при помощи вырезания резцом с последующим продольным строганием и формообразующая грубая косая шлифовка являются специфическими приемами, использованными обитателями стоянки Усть-Менза 2 при изготовлении игл.

Следы износа от сшивания материалов животного происхождения в виде заполировок и линейных следов выявлены на иглах с ушком из позднемадленских слоев стоянок Эль Перро (*Stone*, 2011. P. 418–419. Figure 10.29) и Ла Пена де Эстебанвела (*Tejero et al.*, 2013) в Испании, на обломке иглы с ушком из эпиграветтского слоя стоянки Бистрициоара-Лютэр III в Румынии (*Anghlinu et al*., 2017). По сравнению с ними следы износа в виде четких длинных тонких параллельных друг другу царапин, идущих вдоль оси иглы, образовавшихся от протягивания иглы при сшивании кожи или шкуры, на иглах из Усть-Мензы 2 более четкие и равномерные. Такие же следы использования, как на наших иглах, отмечены на швейных иглах с ушком из слоев раннего и среднего мезолита торфяниковых стоянок Ивановское 7 (*Жилин*, 2018) и Становое 4 (*Жилин, Аверин*, 2022) в Волго-Окском междуречье.

Результаты трасологического исследования позволяют говорить о развитой технологии изготовления игл в позднем палеолите Забайкалья и отработанных навыках их применения.

Заключение

В суровых условиях Забайкалья в период LGM важно было не только добыть зверя, но и максимально использовать добычу. Без теплой одежды существование первобытных коллективов в это время в указанном регионе, как и на большей части Северной Евразии, было невозможно. Широкое распространение швейных игл, отработанная технология их изготовления и четко выраженные следы длительного использования свидетельствуют об успешной адаптации человека к суровым климатическим условиям.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев С. Г., 2005. Поселение Толбага: технология обработки кости и костяные орудия // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы) / Отв. ред. Л. В. Лбова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 56–68.

Васильев С. Г., Рыбин Е. П., 2009. Стоянка Толбага: поселенческая деятельность древнего человека в ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья // АЭАЕ. № 4 (40). С. 13–34.

Демещенко С. А., 2017. Происхождение «искусства» шитья и плетения в контексте технологий верхнего палеолита // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии / Ред. Н. М. Калашникова. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышл. технологий и дизайна. С. 78–81.

Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б., Федорченко А. Ю., Павленок Г. Д., Белоусова Н. Е., 2016. Костяная игла начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам раскопок 2016 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири

и сопредельных территорий. Т. XXII / Ред. А. П. Деревянко и др. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 72–75.

Жилин М. Г., 2018. Мезолитические изделия из кости и рога из нижнего слоя стоянки Ивановское 7 в собрании МАЭ РАН // Camera praehistorica. № 1. С. 24–63.

Жилин М. Г., Аверин В. А., 2022. Многослойная торфяниковая стоянка Становое 4 в Верхнем Поволжье. М.; СПб.: Нестор-История. 332 с.

Кириллов И. И., 2003. Хозяйственно-бытовые комплексы и некоторые группы артефактов как свидетельства развития духовной культуры и зарождения научных знаний в позднем палеолите (на примере многослойного поселения Сухотино-4) // Культурно-исторические формы поведения человека. Чита: Поиск. С. 3–11.

Константинов М. В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ: Бурятский науч. центр Сибирского отд. РАН. 180 с.

Константинов А. В., 2001. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука. 224 с.

Маслодудо С. В., 2017. Многослойное поселение Усть-Менза-2 (Новый этап изучения) // Гуманитарный вектор. № 4. С. 153–161.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю., 2019. Верхнепалеолитическое швейное производство на Янской стоянке, Арктическая Сибирь // SP. № 1. С. 157–224.

Рукина Н. С., 2020. Швейный инвентарь на палеолитических стоянках России // АЕС. № 5. С. 33–38.

Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., 2021. Хронология и культурная атрибуция древнейших костяных игл верхнего палеолита Сибири // SP. № 1. С. 217–257.

Царева Е. Г., 2014. Текстильный бестиарий: роль нити в освоении сапиенсами умеренных и северных широт Евразии // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме / Отв. ред. М. А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН. С. 4–28.

Шалагина А. В., Боманн М., Колобова К. А., Кривошапкин А. И., 2018. Костяные иглы из верхнепалеолитических комплексов Страшной пещеры (Северо-Западный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. № 1 (21). С. 89–98.

Adovasio J. M., Soffer O., Klima B., 1996. Upper Palaeolithic fibre technology: interlaced woven finds from Pavlov I, Czech Republic, c. 26,000 years ago // Antiquity. Vol. 70. Iss. 269. P. 526–534.

Anghelinu M., Mărgărit M., Niţă L., 2017. A Paleolithic eyed needle from Bistricioara – Lutărie III (Ceahlău Basin, Northeastern Romania) // Studii de Preistorie, 14, p. 27–35.

Buvit I., Izuho M., Terry K., Konstantinov M. V., Konstantinov A. V., 2016. Radiocarbon dates, microblades and Late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido Kuril Peninsula // QI. Vol. 425. P. 100–119.

Camps-Fabrer H., 1966. Matiere et art mobilier dans la prehistoire nord-africaine et saharienne. Paris: Arts et Metiers graphiques. 573 p. (Mémoires du Centre de recherches anthropologiques, préhistoriques et ethnographiques; 5.)

D'Errico F., Doyon L., Zhang S., Baumann M., Lazni M., Lázničková-Galetová M., Gao X., Chen F., Zhang Y., 2018. The origin and evolution of sewing technologies in Eurasia and North America // Journal of Human Evolution. Vol. 125. P. 71–86.

Gilligan I., 2010. The Prehistoric Development of Clothing: Archaeological Implications of a Thermal Model // Journal of Archaeological Method and Theory. Vol. 17. P. 15–80.

Goutas N., Tejero J.-M., 2016. Osseous technology as a reflection of chronological, economic and sociological aspects of Palaeolithic hunter-gatherers: Examples from key Aurignacian and Gravettian sites in South-West Europe // QI. Vol. 403. P. 79–89.

Hoffecker J. F., 2005. Innovation and Technological Knowledge in the Upper Palaeolithic of Northern Eurasia // Evolutionary Anthropology. 14. P. 186–198.

Stone E. A., 2011. Through the eve of Needle: Invertigtions of Ethnographic, Experimental, and Archaeological bone tool use wear from perishable technologies.: Dissertation submitted in Parital Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy Anthropology. New Mexico: University of New Mexico. 588 p.

Tejero J.-M., 2014. Towards complexity in osseous raw material exploitation by the first AMH in Europe: Aurignacian antler working // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 36. P. 72–92.

Tejero J. M., Avezuela B., Maicas R., Cacho C., 2013. Osseous Material Industry from the Magdalenian Levels of La Peña de Estebanvela (Segovia) // The Sound of Bones: Proceedings of the 8th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group in Salzburg 2011 / Ed. F. Lang. Salzburg. P. 237–249.

Сведения об авторах

Викулова Наталья Олеговна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: natasha_vikulova@mail.ru;

Жилин Михаил Геннадьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: mizhilin@yandex.ru

N. O. Vikulova, M. G. Zhilin

PRELIMINARY RESULTS OF STUDYING NEEDLES FROM THE UPPER PALEOLITHIC LAYERS OF THE UST'-MENZA 2 SITE IN TRANSBAIKALIA

Abstract. The article presents preliminary results of a study of needles from cultural layers 21 and 26 of the Ust'-Menza 2 site. These finds are published for the first time. It is important to note that the studied needles were identified in alluvial Pleistocene horizons dated about 17–20 millennia BP. In conditions of maximum glaciation, the presence of sewing equipment was one of the most important factors of survival for the inhabitants of the Transbaikalian taiga. The research was carried out with the help of equipment of the Shared Use Center of the Institute of Archaeology, the Russian Academy of Sciences. Also experimental production of a needle carried out. The purpose of this article is to introduce previously unpublished materials and research results into scientific discourse.

Keywords: Western Transbaikalia, Upper Paleolithic, Ust'-Menza 2, sewing equipment, needle, awl, traceology, experiment.

REFERENCES

Demeshchenko S. A., 2017. Proiskhozhdenie «iskusstva» shit'ya i pleteniya v kontekste tekhnologiy verkhnego paleolita [Origin of the «art» of sewing and weaving in context of Upper Paleolithic technologies]. *Moda i dizayn: istoricheskiy opyt – novye tekhnologii [Fashion and design: historical experience – new technologies]*. N. M. Kalashnikova, ed. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. universitet promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, pp. 78–81.

Derevyanko A. P., Shunkov M. V., Kozlikin M. B., Fedorchenko A. Yu., Pavlenok G. D., Belousova N. E., 2016. Kostyanaya igla nachala verkhnego paleolita iz tsentral'nogo zala Denisovoy peshchery (po materialam raskopok 2016 goda) [Bone needle of the beginning of Upper Paleolithic from central hall of Denisova cave (based on materials of 2016 excavations)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]*, XXII. A. P. Derevyanko, ed. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 72–75.

Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E., 2021. Khronologiya i kul'turnaya atributsiya drevneyshikh kostyanykh igl verkhnego paleolita Sibiri [Chronology and cultural attribution of the earliest bone needles of Upper Paleolithic of Siberia]. *SP*, 1, pp. 217–257.

Kirillov I. I., 2003. Khozyaystvenno-bytovye kompleksy i nekotorye gruppy artefaktov kak svidetel'stva razvitiya dukhovnoy kul'tury i zarozhdeniya nauchnykh znaniy v pozdnem paleolite (na primere mnogosloynogo poseleniya Sukhotino-4) [Household complexes and some groups of artifacts as

evidence of development of spiritual culture and emergence of scientific knowledge in Late Paleolithic (on the example of multilayer settlement of Sukhotino-4)]. *Kul'turno-istoricheskie formy povedeniya cheloveka [Cultural and historical patterns of human behavior]*. Chita: Poisk, pp. 3–11.

Konstantinov M. V., 1994. Kamennyy vek vostochnogo regiona Baykal'skoy Azii [Stone Age of the Eastern region of Baikal Asia]. Ulan-Ude: Buryatskiy nauchnyy tsentr SO RAN. 180 p.

Konstantinov A. V., 2001. Drevnie zhilishcha Zabaykal'ya (paleolit, mezolit) [Early dwellings of Transbaikal region (Paleolithic, Mesolithic)]. Novosibirsk: Nauka. 224 p.

Maslodudo S. V., 2017. Mnogosloynoe poselenie Ust'-Menza-2 (Novyy etap izucheniya) [The multilayered settlement Ust'-Menza-2 (new stage of study)]. *Gumanitarnyy vektor [Humanities vector]*, 4, pp. 153–161.

Pitulko V. V., Pavlova E. Yu., 2019. Verkhnepaleoliticheskoe shveynoe proizvodstvo na Yanskoy stoyanke, Arkticheskaya Sibir' [Upper Paleolithic sewing production at Yanskaya site, Arctic Siberia]. *SP*, 1, pp. 157–224.

Rukina N. S., 2020. Shveynyy inventar' na paleoliticheskikh stoyankakh Rossii [Sewing equipment at Paleolithic sites in Russia]. *AES*, 5, pp. 33–38.

Shalagina A. V., Bomann M., Kolobova K. A., Krivoshapkin A. I., 2018. Kostyanye igly iz verkhnepaleoliticheskikh kompleksov Strashnoy peshchery (Severo-Zapadnyy Altay) [Bone needles from Upper Paleolithic associations of Strashnaya cave (Northwestern Altai)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological research]*, 1 (21), pp. 89–98.

Tsareva E. G., 2014. Tekstil'nyy bestiariy: rol' niti v osvoenii sapiensami umerennykh i severnykh shirot Evrazii [Textile bestiary: the role of thread in development of temperate and northern latitudes of Eurasia by sapiens]. *Bestiariy III. Zoomorfizmy v traditsionnom universume [Bestiary III. Zoomorphisms in traditional universe]*. M. A. Rodionov, ed. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 4–28.

Vasiliev S. G., 2005. Poselenie Tolbaga: tekhnologiya obrabotki kosti i kostyanye orudiya [Tolbaga settlement: bone processing technology and bone tools]. *Paleoliticheskie kul'tury Zabaykal'ya i Mongolii (novye pamyatniki, metody, gipotezy) [Paleolithic cultures of Transbaikalia and Mongolia (new sites, methods, hypotheses)]*. L. V. Lbova, ed. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 56–68.

Vasiliev S. G., Rybin E. P., 2009. Stoyanka Tol-baga: poselencheskaya deyatel'nost' drevnego cheloveka v ranney stadii verkhnego paleolita Zabaykal'ya [Tolbaga: Upper Paleolithic settlement patterns in Transbaikal region]. *AEAE*, 4 (40), pp. 13–34.

Zhilin M. G., 2018. Mezoliticheskie izdeliya iz kosti i roga iz nizhnego sloya stoyanki Ivanovskoe 7 v sobranii MAE RAN [Mesolithic bone and antler items from the lower layer of Ivanovskoe 7 site in collection of MAE RAS]. *Camera praehistorica*, 1, pp. 24–63.

Zhilin M. G., Averin V. A., 2022. Mnogosloynaya torfyanikovaya stoyanka Stanovoe 4 v Verkhnem Povolzh'e [Multilayer peat-bog site Stanovoe 4 in Upper Volga region]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 332 p.

About the authors

Vikulova Natalya O., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: natasha_vikulova@mail.ru;

Zhilin Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: mizhilin@yandex.ru

А. А. Симоненко, Н. А. Хайкунова,
М. Г. Жилин, Е. А. Константинов

СООТНОШЕНИЕ СТРУКТУР ТРЕТЬЕГО СЛОЯ СТОЯНКИ ТРЕТИЙ МЫС[1]

Резюме. Соотношение разнотипных неоднородных структур обитания, имеющих четкие границы и разнесенных в плане, залегающих в одной стратиграфической позиции и близких хронологически, – одна из актуальных проблем палеолитоведения. При условии идентичности технико-типологических характеристик кремневого материала возникает вопрос: считать подобные структуры остатками одного поселения или разновременными посещениями данной территории с интервалом в один/несколько сезонов родственными группами охотников? При работе с материалами третьего слоя позднепалеолитической стоянки Третий Мыс основной задачей было сравнение различных характеристик и признаков двух неоднородных структур с целью установления их одновременности или разновременности.

Ключевые слова: Третий Мыс, верхний палеолит, планиграфический анализ, ремонтаж, соотношение структур.

Верхнепалеолитическая стоянка Третий Мыс (Каменная Балка 3) расположена на пологом мысу правого борта балки Каменная, к СВ от хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области. Стоянка открыта М. Д. Гвоздовер в 1962 г. (*Гвоздовер*, 1964), исследовалась ею в 1967–1970 гг. и была отнесена к каменнобалковской археологической культуре. С 1990 г. раскопки ведутся экспедицией Исторического музея под руководством Н. А. Хайкуновой (*Хайкунова*, 1996, 2011; *Хайкунова, Симоненко*, 2014; *Симоненко, Александрова*, 2014;

[1] Исследования проведены в рамках выполнения НИР по теме «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления» (№ НИОКТР 122011200271–7).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.122-138

Симоненко, Хайкунова, 2017). Третий культурный слой впервые был зафиксирован в 2003 г., выявлен и изучен на площади 198 кв. м, при общей раскопанной площади 557 кв. м. В западной и северной частях памятника третий слой пока не представлен.

Стратиграфия

Третий слой приурочен к нижней части пачки палевого лессовидного суглинка позднеплейстоценового времени. Он залегает компактной линзой толщиной 2–7 см с небольшим уклоном на ВСВ на контакте с красноватым суглинком. Палевый суглинок биотурбирован. Он содержит следы корнеходов и кротовины с заполнителем из вышележащего чернозема. Также встречаются обратные кротовины с заполнителем из нижележащего красно-бурого горизонта. Встречаемость отдельных находок выше и ниже слоя объясняется несколькими факторами: воздействием склоновых процессов, биотурбациями, растрескиванием за счет усыхания. От вышележащего второго слоя третий слой отделен стерильным суглинком мощностью 20–35 см.

Под пачкой палевых суглинков фиксируется резкая граница по литологии. Материал ниже этой границы представлен красно-бурым тяжелым суглинком. Красно-бурый суглинок имеет высокие значения магнитной восприимчивости (0,61–0,64 × 10^{-3} СИ). На глубине около 1,2–1,5 м ниже кровли суглинка встречено скопление крупных карбонатных конкреций. Все эти признаки позволяют интерпретировать красно-бурый суглинок как мощную красноцветную палеопочву, относящуюся, вероятно, к воронскому педокомплексу (*Величко и др*., 2012; *Panin et al*., 2018). Этап формирования воронского педокомплекса соотносится по схеме А. А. Величко (*Величко, Морозова*, 2015) с МИС 13–15 (~ 480–620 тыс. л. н.).

Очевидно, что на границе с красно-бурым суглинком имеет место крупный перерыв. Вероятно, он связан с размывом части лессовых отложений среднего и позднего плейстоцена в результате склоновой эрозии. По существующим представлениям, последняя крупная фаза овражной и склоновой эрозии в Северо-Восточном Приазовье приходилась на МИС 2 (*Konstantinov et al*., 2018). В позднеледниковье и раннем голоцене овражно-балочная сеть начала стабилизироваться, а в днищах и на пологих склонах балок сформировался слой делювия – продукта плоскостного смыва. В голоцене на делювиальных и эолово-делювиальных отложениях балочных склонов сформировалась черноземовидная почва. Исходя из геологических данных, палевый лессовидный суглинок, содержащий культурный слой 3, можно отнести к эолово-делювиальным отложениям, сформировавшимся на границе МИС 2 и МИС 1.

На площади, исследованной экспедицией Исторического музея, не фиксировались случаи интерстратификации объектов или структур третьего слоя. Предметы, объекты и другие остатки человеческой деятельности залегают в одной стратиграфической позиции. Построение микропрофилей находок позволило установить существование неглубокой (15–25 см) ложбины, протянувшейся с СЗ на ЮВ, к правому борту которой приурочена структура 2.

Планиграфия

В рамках третьего слоя были зафиксированы две неоднородные структуры (комплекса), залегающие пятнами. Структуры выделяются визуально и имеют четкие границы распространения остатков разного вида (кремневые артефакты, фаунистические остатки, угольки), объектов, различную площадь и насыщенность материалом. Исследованную площадь третьего слоя можно разделить на пять зон: структура № 1; структура № 2; межструктурное пространство (шлейф из единичных находок между структурами); пространство без находок; участок с переотложенными материалами[2] (рис. 1). Участок с переотложенными материалами имеет четкие границы и связан с разрушением (промоиной), возникшим после времени формирования третьего слоя; культурные остатки третьего и второго слоев в границах промоины залегают во взвешенном состоянии. Методика, применяемая при исследовании памятника (*Миньков*, 1990), позволяет проследить распределение на площади третьего слоя микродебитажа (кремневые осколки, обломки и чешуйки меньше 5 мм), так как вся вмещающая порода промывается. Показательно, что границы распространения микродебитажа совпадают с границами структур, выявленными по распределению находок и объектов (рис. 2). Вне структур микродебитаж не зафиксирован. Большая часть разнонаправленных связей по ремонтажу также связана с пространством внутри каждой отдельной структуры, длинные связи со сколами/обломками, зафиксированными вне границ структур, единичны (рис. 3), за исключением одной технологической цепочки, которая будет описана отдельно.

Структуры третьего слоя неоднородны, но включают несколько схожих структурных элементов: очаги, вокруг которых происходит наиболее интенсивная и разнообразная хозяйственная деятельность; пятна золы и охры, концентрации дебитажа. В рамках структуры № 2 зафиксирована ямка с костями. По ряду значимых признаков структуры № 1–2 отличаются, поэтому стоит остановиться на более детальном описани каждой из них.

Структура № 1 находится в СЗ части исследованной площади третьего слоя. Она представляет собой подпрямоугольное пятно из остатков различного вида (фрагментированных костей, угольков, кремневых артефактов), сориентированное по оси СЗ – ЮВ, площадью около 9 кв. м (рис. 1: *а*). По данным микростратиграфии, структура была связана с небольшим округлым углублением дневной поверхности. В ее южной части располагается небольшой подокруглый очаг (кв. Ч39) диаметром 20 см, к северу от которого двумя «рукавами» распространяется зольное пятно. В СВ «углу» зафиксирована концентрация дебитажа. Всего в рамках структуры № 1 обнаружено 2290 кремневых предметов, 1651 из которых – микродебитаж (табл. 1, все табл. см. в конце статьи). Состав кремневых находок отражает полный технологический цикл от подготовки нуклеуса для получения заготовок (различные технические сколы, сколы с коркой) до изготовления

[2] Количественные данные по зоне с переотложенными материалами и по шурфам М. Д. Гвоздовер 1962 и 1967 гг. не учитывались при написании статьи.

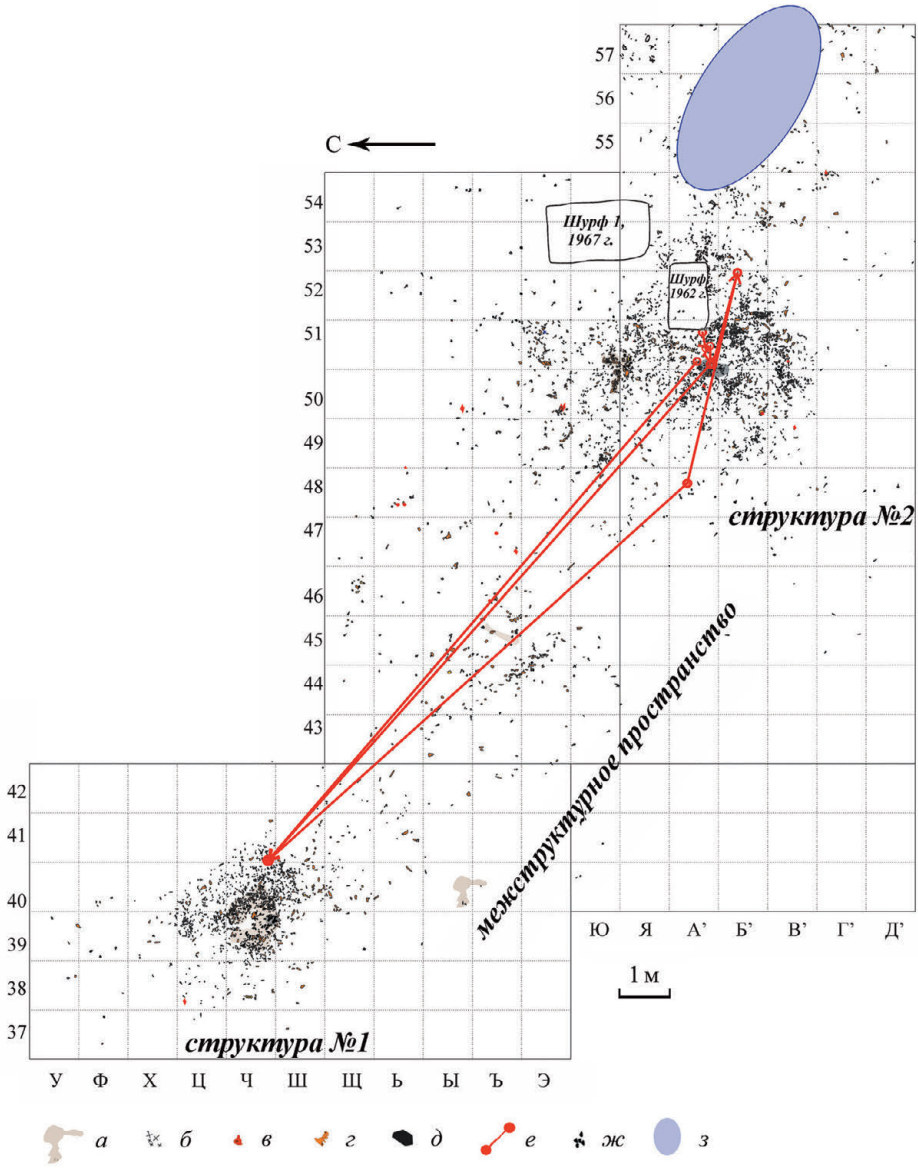
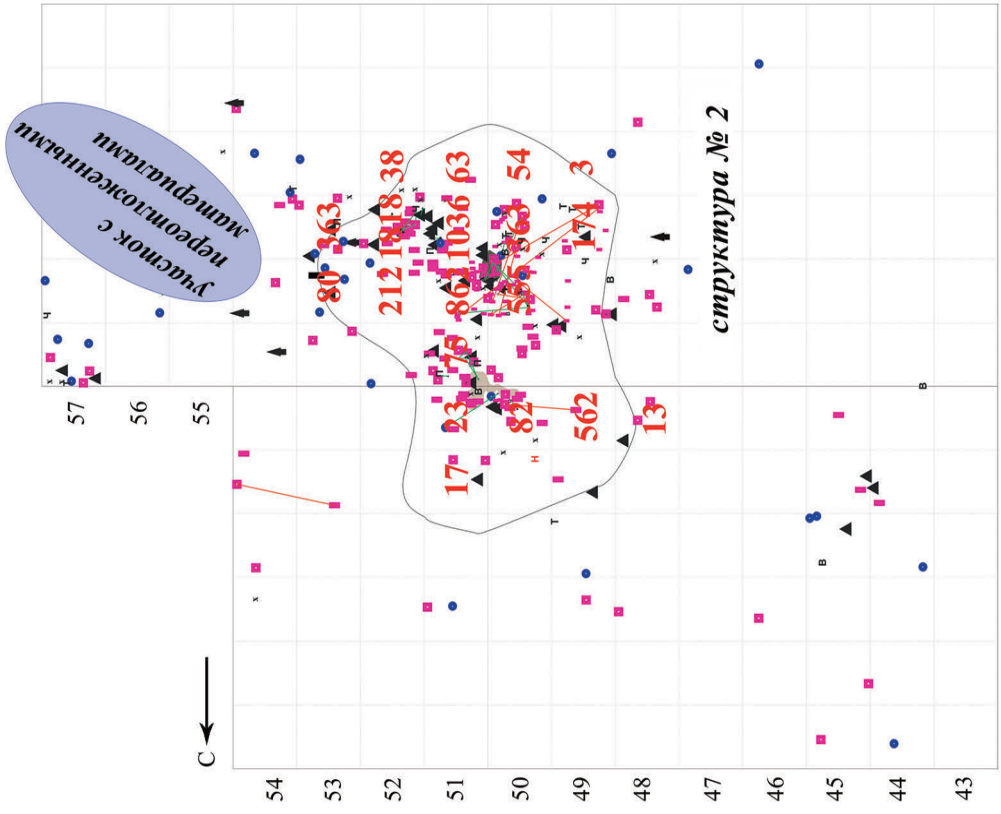


Рис. 1. Стоянка Третий Мыс. Сводный план третьего слоя. Соотношение структур № 1–2

а – зольное пятно; *б* – кремневые артефакты; *в* – кость; *г* – зуб/челюсть; *д* – очаг; *е* – связи по ремонтажу между структурами; *ж* – уголь; *з* – зона с переотложенными материалами


Участок с
перспективными
материалами
структура № 2
С
57
56
55
54
53
52
51
50
49
48
47
46
45
44
43

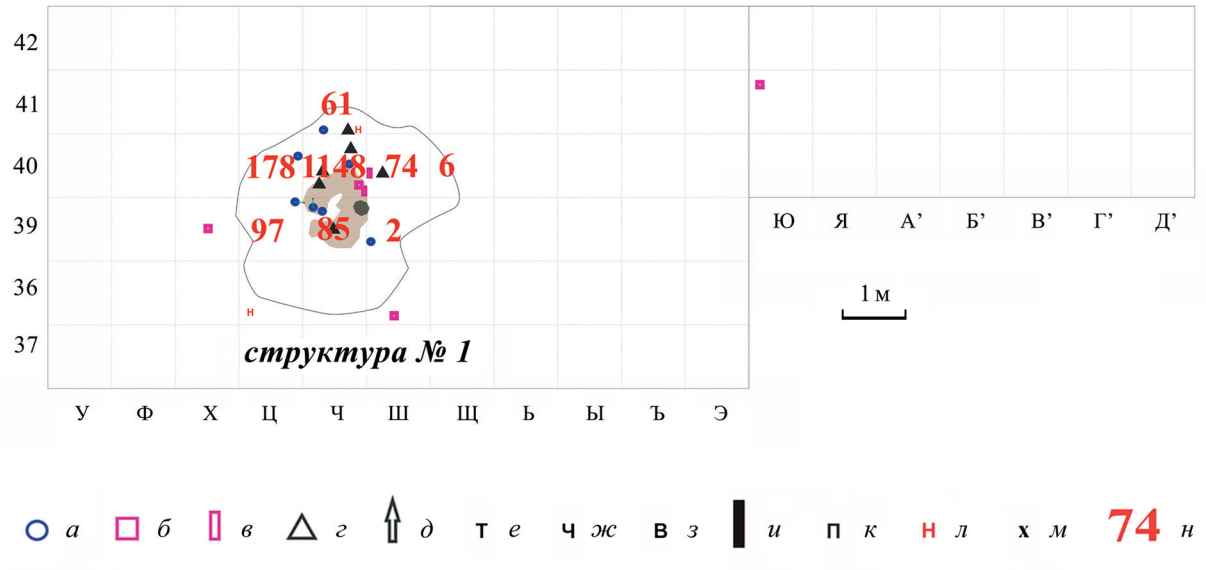


Рис. 2 (с. 126–127). Стоянка Третий Мыс, третий слой.
Распределение основных категорий орудий и микродебитажа

а – скребок; *б* – резец; *в* – резцовый отщепок; *г* – ппк; *д* – острие; *е* – тронке; *ж* – стамеска; *з* – анкош; *и* – ретушер; *к* – проколка; *л* – нуклеус; *м* – прочие орудия; *н* – количество микродебитажа на квадрат

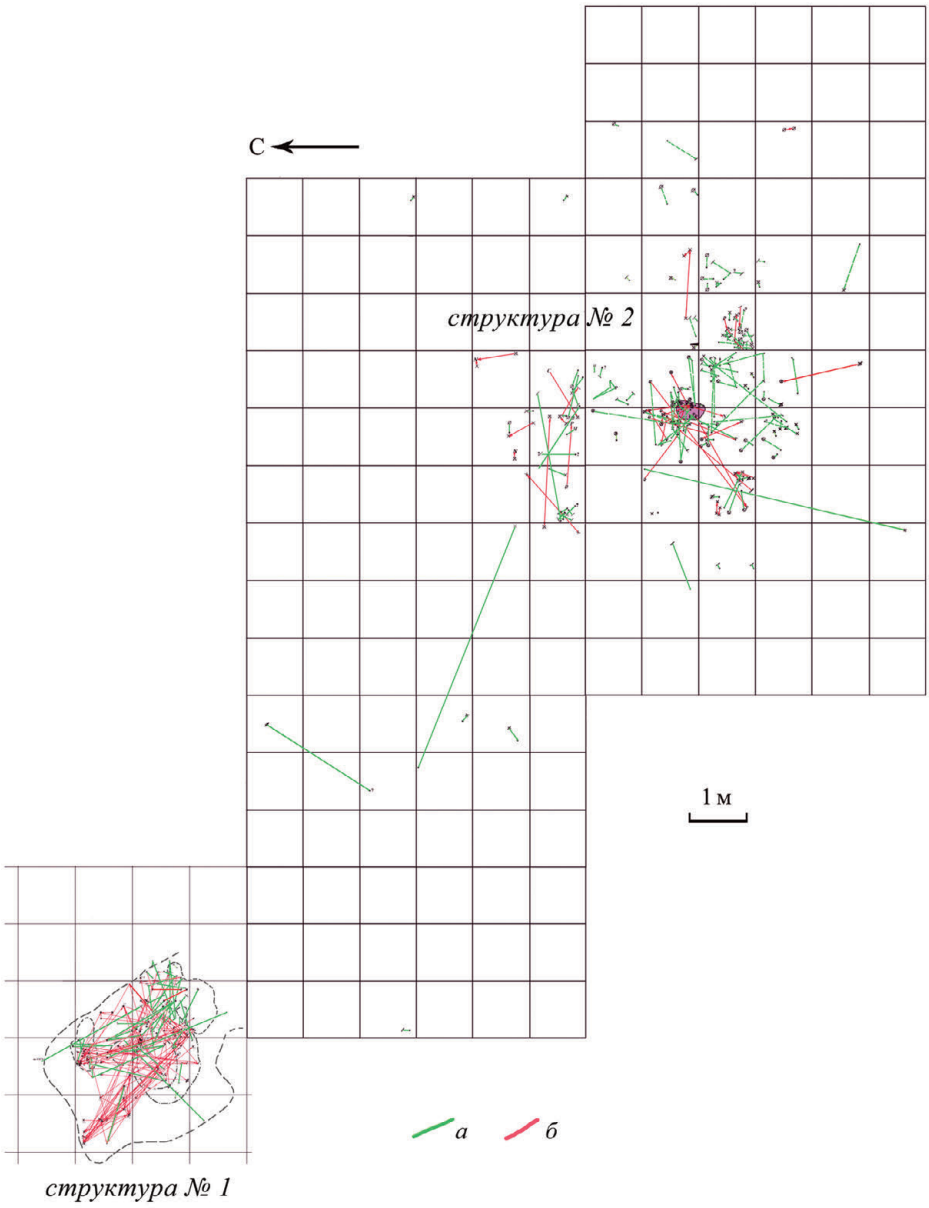


Рис. 3. Стоянка Третий Мыс, третий слой. Распределение связей по ремонтажу
а – связи по слому; *б* – связи по раскалыванию

и подживления рабочих кромок орудий (табл. 1). Отщепы – самая многочисленная категория дебитажа (вместе с первичными – 67 %[3]), из пластинчатых заготовок преобладают пластинки и микропластинки. Процент орудий составляет 3 %. Орудия представлены тремя основными категориями (табл. 2): скребками (39 %), пластинками и микропластинками с притупленным краем (25 %) и резцами (18 %). Большая часть орудий связана с приочажным пространством, показательно, что на квадрате к востоку от очага (кв. Ч40) было обнаружено максимальное для структуры количество микродебитажа – 1148 предметов (рис. 2). В рамках структуры № 1 зафиксированы многочисленные разнонаправленные связи по ремонтажу, как по слому, так и по раскалыванию (рис. 3). Связи по раскалыванию относятся к двум эпизодам расщепления: к неудачной попытке оформить площадку и фронт скалывания нуклеуса (к отдельности мелового кремня аппликированы 28 отщепов) и к оформлению и многократным подживлениям нуклевидного резца (к резцу аппликированы 14 сколов). Остальные связи – по слому заготовок либо орудийных форм.

На площади структуры № 1 и ее ближайшей периферии обнаружены десятки костных остатков: преднамеренно расколотых костей, отдельных зубов, челюсть. Видовой состав представлен плейстоценовым бизоном (Bison priscus), дикой лошадью (Equus caballus latipes) и одним костным фрагментом, принадлежащим лисе или шакалу (определения сделаны В. В. Титовым).

Структура № 2 зафиксирована в ЮВ части исследованной площади третьего слоя. Это подпрямоугольное пятно из остатков различного вида и объектов. Структура № 2 отличается от структуры № 1 большей площадью (около 28 кв. м), сориентирована по оси ССЗ – ЮЮВ и приурочена к правому борту древней ложбины (рис. 1). Границы распространения различных культурных остатков в рамках структуры № 2 чуть менее четкие, нежели в структуре № 1, но в совокупности с данными по микродебитажу и связям по ремонтажу их выявление не вызывает вопросов. Соотношение различных структурных элементов также имеет специфику: очаг (кв. А’-Б’ 51–52) подовальной формы крупнее, чем в структуре № 1, большое зольное пятно расположено отдельно в двух метрах к северу от очага, в южной части зафиксирована ямка с фрагментированными костями (кв. Э50), по восточной стороне – две концентрации мелких отщепов, в приочажном пространстве – четыре пятна охры. Состав кремневой коллекции, аналогично ситуации, описанной для структуры № 1, отражает полный технологический цикл. Всего зафиксировано 9726 каменных артефактов, из которых 6363 – это микродебитаж. Наиболее многочисленной категорией являются отщепы (вместе с первичными – 54 %), на втором месте разнообразные пластинчатые сколы (34 %), преобладают пластинки и микропластинки (табл. 3). Процент орудий немного выше, чем в структуре № 1–5 %. Орудийный набор более разнообразный (14 категорий против 7), но основные категории отличаются

[3] В таблицах с составом находок указаны проценты как с учетом, так и без учета количества микродебитажа. В связи с тем, что микродебитаж – самая многочисленная категория находок, некоторые важные категории, если не отбрасывать число чешуек и мелких осколков, статистически будут близки или равны нулю. Поэтому в тексте проценты для категорий указаны без учета микродебитажа.

от представленных в структуре № 1 только соотношением: на первом месте по количеству резцы (31 %), на втором – пластинки и микропластинки с притупленным краем (17 %), на третьем – скребки (12 %). Отдельно стоит отметить большое количество резцовых отщепков (109 предметов) и присутствие отходов производства пластинок с притупленным краем (1 предмет). 90 % орудий сосредоточены в приочажном пространстве и в зоне зольного пятна (рис. 2), при этом количество орудий на периферии структуры больше, чем в случае структуры № 1. Квадраты, наиболее насыщенные микродебитажем, расположены, как и в структуре № 1, восточнее очага (кв. А' 51 – 862 пр., Б' 51 – 1036 пр., Б' 52 – 1818 пр.), и связаны с концентрацией резцовых отщепков (рис. 2). Характер связей по ремонтажу отличается от ситуации, описанной для структуры № 1. Преобладают связи по слому, среди них есть и единичные длинные связи, когда один из обломков удален на несколько метров от границ структуры № 2. Связей по раскалыванию меньше, они представлены несколькими вариантами: нуклеус и три аппликированных пластинчатых скола; два или несколько последовательно снятых скола; резцовые отщепки, аппликированные к резцам (рис. 3). Необходимо отдельно остановиться на описании наиболее длинной технологической цепочки, связанной с обеими структурами: к нуклеусу с периферии приочажного скопления структуры № 1 были аппликированы 7 сколов, обнаруженных в структуре № 2 (рис. 1)[4].

В качестве сырья использована окатанная галька мелового кремня (рис. 4: *8*). Первичная обработка, судя по отсутствию первых сколов на стоянке, была проведена, предположительно, на выходах сырья. Первоначально двумя сколами с торца гальки была оформлена горизонтальная ударная площадка, которая в дальнейшем не подправлялась. Вероятно, на торце было оформлено ребро пренуклеуса, которое было также сделано на стороне (ребристая пластина в коллекции отсутствует, как и отщепы оформления ударной площадки). Часть корки была сколота на месте расщепления (рис. 4: *2*, *6*). После снятия ребра и отщепов карниз был редуцирован серией мелких сколов отбойником из мягкого камня, вероятно, тем же, который использовался и для снятия пластин. После редуцирования карниза кромка ударной площадки выровнена и затуплена тем же отбойником. Пластины снимались ударом отбойника из мягкого камня, о чем говорит форма ударной площадки в виде вытянутой линзы, отсутствие четких точек удара, слабо выраженный ударный бугорок и в той или иной степени выраженная губа. На двух пластинах (рис. 4: *1*, *5*) ударных бугорков два с трещиной между ними. После снятия пластины карниз подправлялся. Судя по отсутствию некоторых сколов (не считая первичных, сколотых на выходах кремня), минимум три пластины были забраны, после чего нуклеус, скорее всего, был выброшен и попал в структуру № 1. Возможно, он был отнесен туда специально

[4] Длинные связи по раскалыванию, представленные на рис. 1 и иллюстрирующие технологическую цепочку, относящуюся как к структуре № 1, так и к структуре № 2, не представлены на рис. 3 в связи с акцентом на характере связей по ремонтажу внутри структур и желанием подчеркнуть единичность подобных длинных связей для материалов третьего слоя.

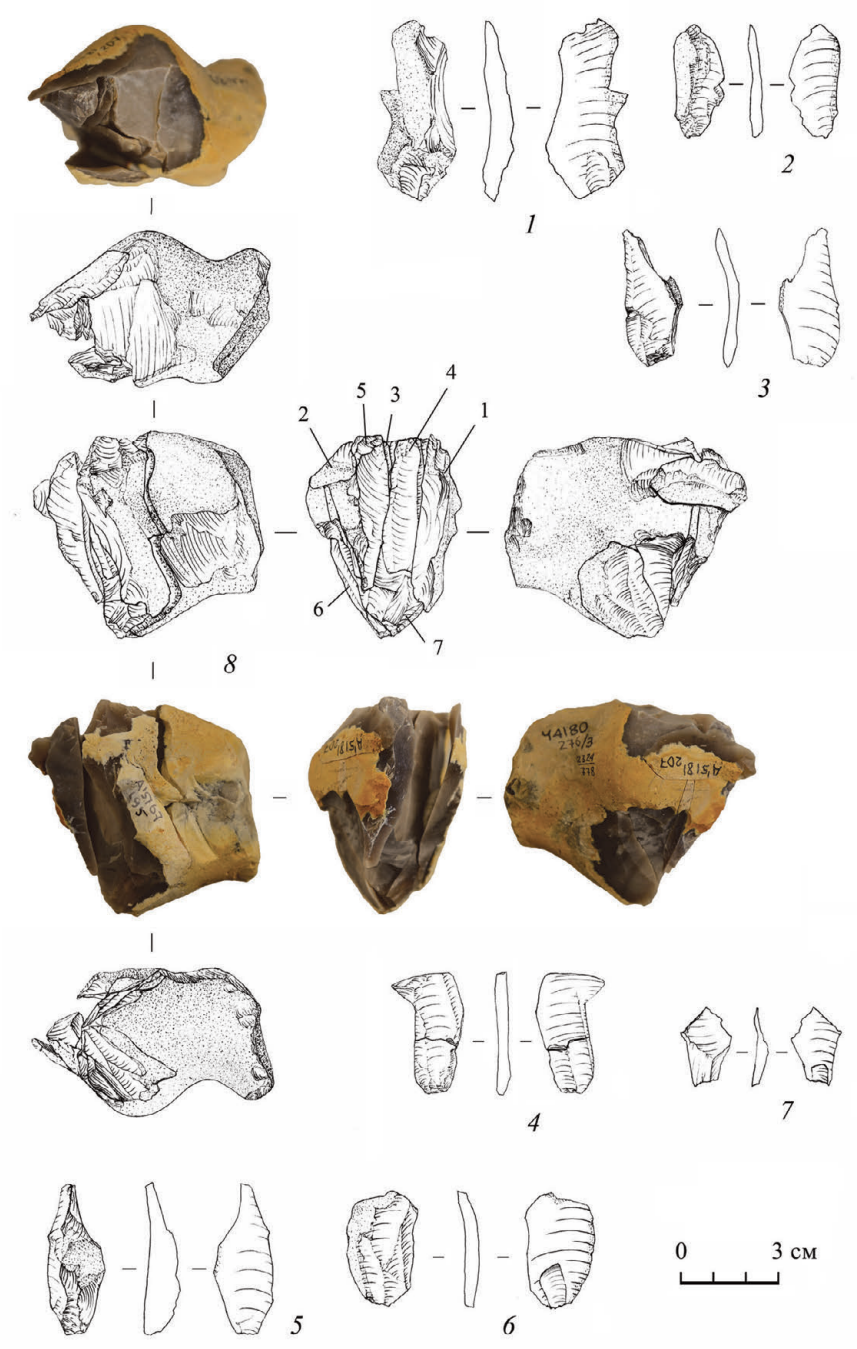


Рис. 4. Стоянка Третий Мыс. Нуклеус из структуры № 1 и аппликированные сколы из структуры № 2

для дальнейшего использования. Все сколы, аппликированные к нуклеусу, зафиксированы в структуре № 2, где было основное место расщепления.

В рамках структуры № 2 были обнаружены многочисленные костные остатки, прежде всего преднамеренно расколотые кости бизона и лошади, что аналогично ситуации, описанной для структуры № 1. В зольном пятне (кв. Ю51) была зафиксирована кость волка. Большое количество костных остатков, в том числе ямка с фрагментированными костями, предположительно, может быть связано с интенсивной работой резцами.

Межструктурное пространство представляет из себя шлейф из единичных кремневых находок и костных фрагментов, которые залегают в одной стратиграфической позиции со структурами № 1–2 (рис. 1). Расстояние между границами двух структур – около 10 м по прямой, с этой зоной связаны 179 кремневых артефактов, чуть меньше 80 фрагментов костей животных и два зольных пятна (кв. Ъ45 и Ы40). Показательно, что зольные пятна, насыщенные разнообразными и многочисленными находками в границах структур, в межструктурном пространстве оказались без артефактов. На всей площади межструктурного пространства в результате промывки вмещающей породы не выявлен микродебитаж. При этом состав кремневой коллекции включает все основные категории (кроме микродебитажа), характерные для материалов третьего слоя: отщепы (60 предметов – 33 %), пластинки (34 предмета – 19 %), микропластинки (15 предметов – 8 %), технические сколы, резцовые отщепки, нуклеусы. Процент орудий заметно выше, чем в рамках структур, – 10 % (18 предметов), представлены помимо единичных зубчато-выемчатых форм три основные категории: резцы (8 предметов – 36 %), пластинки с притупленным краем (4 предмета – 18 %), скребки (4 предмета – 18 %). Часть орудийных форм сконцентрирована рядом с зольным пятном на кв. Ъ45. В составе фауны помимо плейстоценовых бизона и дикой лошади определен северный олень.

Радиоуглеродная хронология

По материалам третьего слоя получена серия радиоуглеродных датировок по образцам двух видов: костному углю из очага структуры № 1 и фрагментам раздробленных костей. К результатам датирования, полученным по костным фрагментам, авторы относятся с большей долей осторожности, чем к результатам, полученным по образцу из объекта (очага), так как для достижения необходимого веса образца на датирование собирались костные фрагменты с нескольких близлежащих квадратов. По материалам третьего слоя получены следующие даты: *структура № 1* по костному углю из очага (кв. Ч40) – SPb-530 14410 +/-150 BP[5]; по фрагментам раздробленных костей с квадратов Ц39 и Ч39 – SPb-518 13870+/-100 BP; *структура № 2* по фрагментам раздробленных костей с квадратов Б`-Д`/53–54 – SPb-519 14200+/-100 BP; по фрагментам раздробленных костей с квадратов Я-Д`/55–57 – SPb-520 14800+/-150 BP. Калиброванный возраст (программа OxCal v4.4.4) структуры № 1 укладывается

[5] Даты некалиброванные.

в интервал 18000–16500 л. н., структуры № 2 – 18300–17000 л. н. (*Bronk Ramsey*, 2009), что соотносится с геологическими данными, но не позволяет разрешить проблемы единовременности/разновременности структур третьего слоя.

Типология

Материалы третьего слоя относятся к каменнобалковской археологической культуре, одной из позднеплейстоценовых культур юга Русской равнины с граветтийской традицией. Раскалывание (в основном мягким минеральным отбойником) было нацелено на получение пластинок (редко микропластинок) с однофронтальных одно/двухплощадочных нуклеусов. Из полученных заготовок делали микролиты (пластинки с притупленным краем и приостренными концами, реже с притупленным концом) – руководящее ископаемое для данной культуры. Различные сколы (пластины и отщепы, в том числе первичные, технические сколы), полученные в результате подготовки нуклеуса к скалыванию пластинок/микропластинок, использовались для оформления резцов, скребков и других орудийных форм. Крупных предметов среди дебитажа и орудий больше, чем во втором слое. Можно выделить три основные категории орудий: микролиты, боковые резцы (ретушные и на сломе) и концевые скребки. Статистическое соотношение категорий может отличаться и зависит от специфики участка культурного слоя/структуры.

Отдельно отметим, что при оформлении микролитов третьего слоя использовался ряд специфических приемов: при обработке заготовок толщиной > 3 мм применялась встречная ретушь; конец/концы микролитов приострялись вентральной полукрутой и плоской ретушью.

Технико-типологический анализ кремневых артефактов свидетельствует об однородности материалов третьего слоя.

Обсуждение

Подводя итоги, можно привести ряд аргументов и один контраргумент по вопросу об одновременности или разновременности существования структур № 1–2:

1. Две разнотипные неоднородные структуры зафиксированы в одной стратиграфической позиции без признаков интерстратификации объектов.
2. Наличие «шлейфа» из единичных находок, тянущегося от одной структуре к другой.
3. Принадлежность материалов к одной археологической культуре.
4. Связи по ремонтажу между структурами № 1–2.
5. Структуры отличаются друг от друга по ряду признаков, что говорит об определенной специализации деятельности на разных участках; это характерно для планировки поселений охотников.
6. В данном микрорегионе в позднеплейстоценовое время чередовались периоды интенсивного осадконакопления и существования стабильных поверхностей, на которые приходили древние охотники. Разница в один/несколько сезонов (может быть, и более продолжительные временные интервалы) никак

не отражается в археологической стратиграфии. Можно предположить, что структуры № 1–2 оставлены в разные посещения данного мыса родственными группами охотников, но связаны с одной дневной поверхностью, при этом структура № 1 находилась во время функционирования структуры № 2 в процессе руинирования/археологизации и использовалась в качестве помойки.

Выводы

Данные стратиграфии, распределение культурных остатков и объектов как в рамках каждой структуры, так и на всей площади третьего слоя с привязкой радиоуглеродных датировок, технико-типологические и статистические данные, ремонтаж сломанных предметов, последовательно снятых сколов и других технологических цепочек, – анализ доступной информации по данному источнику (третий слой) не позволяет однозначно ответить на вопрос о соотношении структур обитания. Достаточно ли связей по ремонтажу в рамках одной технологической цепочки для вывода об одновременности структур? Какие данные могут сделать подобный вывод более достоверным? Проблема соотношения структур в рамках слоя имеет источниковедческий характер: если доказано, что совокупность остатков и структур является культурным слоем, т. е. «структурным единством предметов, объектов и других остатков человеческой деятельности, залегающих в погребенном состоянии» (*Амирханов*, 2000. С. 43), и в основных археологических измерениях (хронологическом, стратиграфическом и планиграфическом) равным одному поселению, то возможна постановка вопроса о планировке этого поселения, выявлении зон, связанных с различными видами деятельности, статистических подсчетах по поселению в целом и т. д. В противоположном случае необходимо оперировать данными по каждой конкретной структуре, не объединяя их в один массив.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х. А., 2000. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 248 с.

Величко А. А., Морозова Т. Д., 2015. Основные черты почвообразования в плейстоцене на Восточно-Европейской равнине и их палеогеографическая интерпретация // Эволюция почв и почвенного покрова. М.: ГЕОС. С. 321–337.

Величко А. А., Морозова Т. Д., Борисова О. К., Тимирева С. Н., Семенов В. В., Кононов Ю. М., Курбанов Р. Н., 2012. Становление зоны степей юга России (по материалам строения лессово-почвенной формации Доно-Азовского региона) // Доклады Академии наук. Т. 445. № 4. С. 464–467.

Гвоздовер М. Д., 1964. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Палеолит бассейна Днепра и Приазовья / Ред.: П. И. Борисковский, Н. Д. Праслов. М.; Л.: Наука. С. 37–41. (САИ; вып. А1-5.)

Миньков Е. В., 1990. Методика полевых исследований на верхнепалеолитических памятниках Каменная Балка 1 и Каменная Балка 2 // КСИА. Вып. 202. С. 17–20.

Симоненко А. А., Александрова О. И., 2014. Функционально-планиграфический анализ материалов комплекса № 2 первого слоя стоянки Третий мыс // КСИА. Вып. 235. С. 211–225.

Симоненко А. А., Хайкунова Н. А., 2017. Костяной инвентарь стоянки Третий мыс // КСИА. Вып. 246. С. 185–194.

Хайкунова Н. А., 1996. Культурный слой на стоянке Третий Мыс // Археологический альманах. № 5. Донецк. С. 175–184.

Хайкунова Н. А., 2011. Комплексы стоянки Третий Мыс: проблемы объединения // Палеолит и мезолит Восточной Европы: сб. ст. в честь 60-летия Х. А. Амирханова / Отв. ред. и сост. К. Н. Гаврилов. М.: Таус. С. 383–396.

Хайкунова Н. А., Симоненко А. А., 2014. Третий Мыс (Каменная Балка-3) – многослойный памятник конца позднего палеолита // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1 / Отв. ред.: А. Г. Ситдиков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 172–176.

Bronk Ramsey C., 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. Vol. 51. № 1. P. 337–360.

Konstantinov E. A., Velichko A. A., Kurbanov R. N., Zakharov A. L., 2018. Middle to Late Pleistocene topography evolution of the North-Eastern Azov region // QI. Vol. 465. Part A. P. 72–84.

Panin P. G., Timireva S. N., Morozova T. D., Kononov Y. M., Velichko A. A., 2018. Morphology and micromorphology of the loess-paleosoil sequences in the south of the East European plain (MIS 1 – MIS 17) // Catena. Vol. 168. P. 79–101.

Сведения об авторах

Симоненко Антон Анатольевич, Государственный Исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия; Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: simonenkoaa@shm.ru;

Хайкунова Нина Анатольевна, Государственный Исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: ninonkh@gmail.com;

Жилин Михаил Геннадьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: mizhilin@yandex.ru;

Константинов Евгений Александрович, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, стр. 4, Москва, 119017, Россия; e-mail: eakonst@igras.ru

A. A. Simonenko, N. A. Khaykunova,
M. G. Zhilin, E. A. Konstantinov

SPATIAL PATTERNING OF THE THIRD LAYER STRUCTURES AT THE TRETIY MYS SITE

Abstract. Among the relevant issues of the Paleolithic archaeology there is spatial patterning of heterogeneous habitation structures of various types, which have clear borders and are separated from each other within the plan. The structures are revealed in the same stratigraphic position, their chronology being similar. Given flint materials have identical technical and typological characteristics, the question arises: should such habitation structures be considered remains of one site or should they be regarded as traces of multiple visits by some kin groups of hunters in different periods at intervals of one season or several seasons? Examining the materials retrieved from the third layer at the Tretiy Mys Late Paleolithic site, the aim of the research team was to compare various characteristics and traits of two heterogeneous habitation structures in order to identify if they were synchronous or asynchronous.

Keywords: Tretiy Mys, Upper Paleolithic, spatial analysis, refitting, spatial patterning of habitation structures.

REFERENCES

Amirkhanov H. A., 2000. Zarayskaya stoyanka [Zaraysk site]. Moscow: Nauchnyy mir. 248 p.

Gvozdover M. D., 1964. Pozdnepaleoliticheskie pamyatniki Nizhnego Dona [Late Paleolithic sites of Lower Don]. *Paleolit basseyna Dnepra i Priazov'ya [Paleolithic of Dnieper basin and Azov Sea region]*. P. I. Boriskovskiy, N. D. Praslov, eds. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 37–41. (SAI.)

Khaykunova N. A., 1996. Kul'turnyy sloy na stoyanke Tretiy mys [Cultural deposit at the Tretiy Mys site]. *Arkheologicheskiy almanakh [Archaeological miscellany]*, 5. Donetsk, pp. 175–184.

Khaykunova N. A., 2011. Kompleksy stoyanki Tretiy mys: problemy ob"edineniya [Associations of Tretiy mys site: problems of unification]. *Paleolit i mezolit Vostochnoy Evropy [Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe]*. K. N. Gavrilov, ed., comp. Moscow: Taus, pp. 383–396.

Khaykunova N. A., Simonenko A. A., 2014. Tretiy Mys (Kamennaya Balka-3) – mnogosloynyy pamyatnik kontsa pozdnego paleolita [Tretiy Mys (Kamennaya Balka-3) – multilayer site of the final stage of Late Paleolithic]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani [Proceedings of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan]*, 1. A. G. Sitdikov, N. A. Makarov, A. P. Derevyanko, eds. Kazan: Otechestvo, pp. 172–176.

Min'kov E. V., 1990. Metodika polevykh issledovaniy na verkhnepaleoliticheskikh pamyatnikakh Kamennaya Balka 1 i Kamennaya Balka 2 [Methodology of field research at Upper Paleolithic sites Kamennaya Balka 1 and Kamennaya Balka 2]. *KSIA*, 202, pp. 17–20.

Simonenko A. A., Aleksandrova O. I., 2014. Funktsional'no-planigraficheskiy analiz materialov kompleksa № 2 pervogo sloya stoyanki Tretiy mys [Functional and spatial analysis of materials from complex No. 2 in the first level of the Tretiy mys site]. *KSIA*, 235, pp. 211–225.

Simonenko A. A., Khaykunova N. A., 2017. Kostyanoy inventar' stoyanki Tretiy mys [Bone industry from the Tretiy Mys site]. *KSIA*, 246, pp. 185–194.

Velichko A. A., Morozova T. D., 2015. Osnovnye cherty pochvoobrazovaniya v pleystotsene na Vostochno-Evropeyskoy ravnine i ikh paleogeograficheskaya interpretatsiya [Basic features of soil formation in Pleistocene on East European plain and their paleogeographic interpretation]. *Evolyutsiya pochv i pochvennogo pokrova [Evolution of soils and soil cover]*. Moscow: GEOS, pp. 321–337.

Velichko A. A., Morozova T. D., Borisova O. K., Timireva S. N., Semenov V. V., Kononov Yu. M., Kurbanov R. N., 2012. Stanovlenie zony stepey yuga Rossii (po materialam stroeniya lessovo-pochvennoy formatsii Dono-Azovskogo regiona) [Formation of steppe zone in the South of Russia (based on materials of the structure of loess-soil formation of Don-Azov region)]. *Doklady Akademii nauk [Reports of Academy of Sciences]*, vol. 445, no. 4, pp. 464–467.

About the authors

Simonenko Anton A., The State Historical Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: simonenkoaa@shm.ru;

Khaykunova Nina A., The State Historical Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: ninonkh@gmail.com;

Zhilin Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: mizhilin@yandex.ru;

Konstantinov Evgeniy A., Institute of Geography RAS, Staromonetnyy per., 29, bld. 4, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: eakonst@igras.ru

Таблица № 1. Структура № 1. Состав находок

Категория	Количество	% без учета микродебитажа	% с учетом микродебитажа
Нуклеусы	2	0	0
Сколы оживления ударной площадки	9	1	1
Ребристые сколы	17	3	1
Первичные пластины	27	4	1
Первичные отщепы	93	15	4
Пластины	4	1	0
Пластинки	50	8	2
Микропластинки	76	12	3
Отщепы	333	52	15
Резцовые отщепки	7	1	0
Орудия	21	3	1
Микродебитаж	1651	–	72
Всего	2290	100	100

Таблица 2. Структура № 1. Орудия

Категория	Количество	%
Скребки	11	39
МППК и ППК	7	25
Резцы	5	18
Сколы с ретушью	3	11
Острия	2	7
Всего	28	100

Таблица 3. Структура № 2. Состав находок

Категория	Количество	% без учета микродебитажа	% с учетом микродебитажа
Нуклеусы	5	0	0
Нуклевидные обломки	10	0	0
Сколы оживления ударной площадки	41	1	0
Ребристые сколы	103	3	1
Первичные пластины	180	6	2
Первичные отщепы	311	9	3
Пластины	120	4	1
Пластинки	463	14	5
Микропластинки	332	10	3
Отщепы	1519	45	16
Резцовые отщепки	109	3	1
Орудия	172	5	2
Камни/отбойники	7	0	0
Ретушеры	1	0	0
Микродебитаж	6363	–	65
Всего	9726	100	100

Таблица 4. Структура № 2. Орудия

Категория	Количество	%
Резцы	54	31
МППК и ППК	30	18
Скребки	21	12
Сколы с ретушью	16	9
Тронке	8	5
Острия	7	4
Пластины с ретушью	7	4
Стамески	7	4
Пластины с ретушью конца	5	3
Зубчато-выемчатые	5	3
Фрагменты орудий	4	2
Проколки	3	2
Ножи	2	1
Комбинированные орудия	2	1
Отходы производства МППК	1	1
Всего	172	100

И. В. Шмидт

РЫБОЛОВНЫЙ КРЮЧОК ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА СО СТОЯНКИ ЧЕРНООЗЕРЬЕ II. ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИЗДЕЛИЯ

Резюме. В научный оборот водится фрагмент костяного изделия, типологически и согласно следам износа соответствующий рыболовному крючку. Артефакт обнаружен в 2022 г. в ходе археологического исследования подсектора 3.2 стоянки финального палеолита Черноозерье II в Среднем Прииртышье. Ее культурные горизонты скрыты в эоловых отложениях одноименной гривы, развившейся на останце первой надпойменной террасы р. Иртыш. Сухая грива и затапливаемая пойма могли вызывать интерес у групп охотников-собирателей к освоению речных ресурсов. Фаунистические коллекции памятника подтверждают, а обнаруженный фрагмент крючка конкретизирует представления о способах реализации данного интереса. Небольших размеров изделие выполнено из стенки диафиза крупной трубчатой кости, повреждено в нескольких местах, что лишает нас информации об особенностях его крепления к бичеве и тактике подсечки добычи. Но большая часть изделия хорошо сохранилась, демонстрирует оригинальную форму и следы интенсивного износа. На поверхности изделия фиксируются следы зубов различных видов рыб. Кости и чешуя ихтиофауны обнаружены в большом количестве на территории стоянки, но пока не получили качественного анализа. Для отложений Черноозерской гривы и культурных горизонтов стоянки получены новые калиброванные даты – 10,5–11 тыс. л. до н. э. – позволяющие принять обнаруженное изделие самым древним рыболовным крючком из известных в Западной Сибири.

Ключевые слова: юг Западной Сибири, Черноозерская грива, стоянка Черноозерье II, финальный палеолит – эпипалеолит, рыболовный крючок, следы утилизации.

Введение

Интерес к потреблению рыбы древний человек начал проявлять очень рано. Несмотря на то что ее добыча требовала определенных навыков, в том числе и технической подготовки, костные остатки ихтиофауны фиксируются

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.139-152

на стоянках, возраст которых достигает более 2 млн л. н. Потребление рыбы в эпоху палеолита подтверждают результаты изотопного анализа зубного камня отдельных представителей европейских и азиатских групп *Homo sapiens*; остеологические остатки различных видов рыб и разнообразные примеры их утилизации (от пошива одежды из шкуры рыбы до набора бус из ее позвонков); их изображения как в наскальном искусстве, так и в формате мобильной пластики известны на стоянках Франции, Италии, Испании (*Stewart*, 1994; *Braun, Harris et al*., 2010). Недостает, пожалуй, самого ожидаемого – рыболовного инвентаря. Кости рыб оказались более устойчивыми к тафономическим испытаниям, чем орудия их добычи, к примеру, интересующие нас рыболовные крючки. Причина данного дисбаланса отчасти объяснима:

– не требуется большого количества усилий, как и специфического сырья, для его изготовления. Все, что для этого нужно, всегда находилось «под ногами», и в контексте материалов стоянки выделить «праформы» и «комплектующие» крючков непросто;

– для того чтобы обеспечить пропитание группы (обычно обращающей внимание на различные источники пищи), не нужно большое количество крючков; к тому же рыбу ловят не только крючками;

– данные орудия, как правило, небольших размеров, что включает их в список предметов «обязательного сопровождения» человека;

– его утрата, как правило, случалась в стихии, которую археолог не может охватить своим пристальным вниманием (ныне это русла древних высохших рек и озер либо древняя береговая линия, скрытая под водой).

Доисторические рыболовные снасти столь редки в коллекциях палеолитических памятников, что данный материал принято считать технологическим маркером мезолита и последующих эпох, когда его обнаружение становится регулярным. Но согласно данным, ловля рыбы на крючок практиковалась на различных континентах уже в период верхнего палеолита (*Борисковский*, 1953; *Рогачев*, 1955; *Ошибкина*, 1991; *O'Connor et al.*, 2011; *Zohar, Biton*, 2011; *Conard et al.*, 2013; *Fujitaa et al.*, 2016; *Starkovich et al.*, 2018; *Langley et al.*, 2021; *Pedergnana et al.*, 2021; *Bicho, Esteves*, 2022). Незначительное количество палеолитических/эпипалеолитических рыболовных крючков позволило провести их типологическую упорядоченность. Цельнокроеные палеолитические крючки включаются в группы «V», «U», «J» и «C» типов, с вариациями переходов и дополнительных деталей. Известны замечания о материале и технике их производства, реконструкции процессов использования, анализе следов утилизации. В материалах памятников, как правило, они представлены редкими единичными находками, но есть и группы изделий, зафиксированные в одном культурном горизонте, иллюстрирующие внутреннее типологическое разнообразие (рис. 3: *Б, В*) (*Pedergnana et al.*, 2021).

Отечественные сибирские материалы пока слабо вписаны в данную проблематику. Палеолитические цельнокроеные рыболовные крючки, происходящие с территории Западной Сибири, автору данного сообщения остаются неизвестны. На юге Западного Забайкалья они обнаружены в финально-плейстоценовых отложениях стоянки Усть-Кяхта 17 (3-й культурный горизонт) и Усть-Кяхта 3 (1 слой); фрагменты четырех крючков известны из раннеголоценовых отложений

стоянки Студеное 1 (гор. 10–11) (*Ташак*, 2005. С. 57–58; *Павленок*, 2014. С. 17; *Константинов*, 1994. С. 80–81; см. рис. 3: *В*). Благодаря обилию остеологического материала (костей рыб), сопровождающего многие сибирские памятники, и редким фрагментам изделий, предупреждающих о существовании крючков, можно предположить, что палеолитические сибиряки использовали рыболовные снасти (*Аксенов*, 1980. С. 56–57; *Ошибкина*, 1991. С. 203).

Таким образом, появление новых типологически и тематически близких артефактов в археологической коллекции Сибири является событием, достойным обсуждения. Данное сообщение посвящено презентации фрагмента костяного артефакта № 500 (ЧЗ II.22.500), напоминающего крючок для ловли рыбы, обнаруженного на стоянке Черноозерье II (Саргатский район Омской области) в ходе полевых работ сезона 2022 г. Его презентация сопровождается поиском аргументов, обосновывающих данную ему предварительную функциональную интерпретацию.

Методы

Отмеченная редкость обнаружения подобных изделий требует приемлемого алгоритма их презентации. Она проведена с опорой на морфологию современного рыболовного крючка и, частично, стратегию презентации материала стоянки Иордан Дурейят (JRD) (р. Верхний Иордан, долина Хула, Северный Израиль) (*Pedergnana et al.*, 2021), где была обнаружена самая многочисленная на данный момент серия подобного типа изделий (рис. 3: *Б*). Описанию подлежит материал изготовления, технология, форма, полнота и особенности фрагментации, следы износа. Аргументация интерпретации изделия выстраивается на его сопоставлении с типологически разнообразными фрагментами крючков финально-палеолитического/ранне-голоценового возраста и специфики следов износа на его поверхности.

Артефакт зафиксирован при помощи макросъемки, проведенной камерой Canon EOS 850D (размеры матрицы 22,3 × 14,9 мм, разрешение 24,2 млн пикс.) и макрообъективом Canon EF 100 mm f/2.8 Macro USM (с использованием удлинительных колец для Canon EOS) при косо направленном внешнем освещении. Для усиления контрастности следов износа поверхность изделия напылялась оксидами магния (жженая магнезия – MgO) марки МГ-95. Обработка снимков проведена методом стекинга в программах Canon EOS Utility и Helicon Focus.

Зафиксированные повреждения поверхности изделия соотнесены с результатами, полученными в ходе экспериментального моделирования процесса ловли рыбы на костяной крючок, представленными Е. Ю. Гирей, Й. Мэгро, И. Клементе Конте, В. М. Лозовским, О. В. Лозовской в сборнике «Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги» (*Гиря и др.*, 2013. С. 110–119) и замечаниями на данный счет в ряде других произведений.

Основная часть

Стоянка Черноозерье II расположена в южной части Западносибирской равнины, на левобережной части долинного комплекса р. Иртыш. Долина Иртыша состоит из поймы и серии надпойменных террас, урез реки в районе стоянки ныне составляет 62,5 м над у. м., высота поймы 5–7 м, первой надпойменной террасы, где расположен памятник, 9–12 м над урезом воды. Черноозерская грива сформировалась на останце первой надпойменной террасы и возвышается над ее поверхностью на 1–3 м. Максимальная абсолютная высота гривы составляет 77 м над у. м. (рис. 1) (*Осинцева и др*., 2020. С. 338).

Описываемая грива обладает цокольным строением. Цоколь сложен аллювиальными осадками первой надпойменной террасы – тонкозернистыми песками, супесями, суглинками с включениями гравия и мелкой гальки (*Осинцева*, 2017). Прибровочная возвышенная часть террасы представляет собой древний прирусловой вал преимущественно песчаного состава. Он стал основанием для накопления эоловых отложений, дав начало развитию продольной береговой дюны. В формировании отложений гривы принимали участие тонко- и мелкозернистые пески, супеси и суглинки желто-серого и желто-бурого цвета (Геологическая карта, 1975), а также алевритовые частицы, принесенные ветром во взвешенном состоянии из далеко расположенных источников – «холодный» лесс, который накапливался в перигляциальных условиях во время похолодания и усиления интенсивности ветра, связанного с сартанской фазой зырянского оледенения[1]. Накопление эоловых осадков происходило в период 14,9 ± 1,5 кал. тыс. л. до н. э. (OSL cal BC, L-Eva 1975) по 11 ± 1,2 кал. тыс. л. до н. э. (OSL cal BC, L-Eva 1972). В процессе сложения гривы наблюдались периоды умеренной динамики переноса частиц и оптимальных условий для формирования почвенных горизонтов (относительное потепление и увлажнение климата). На данный момент выделено два из них: сформированный около 15–14 кал. тыс. л. до н. э. и 11–10,5 кал. тыс. л. до н. э. (*Осинцева и др.*, 2022), нас будет интересовать последний из обозначенных, включающий культурные отложения.

Изделие под № 500 (ЧЗ II.22.500) обнаружено в кв. 1998/138, на глубине -155 см от условного нуля в отложениях 5-го слоя (культуросодержащий

[1] Гранулометрический и геохимический анализы выполнены в Лаборатории геоэкологии географического института Лейпцигского университета (Германия). Определение гранулометрического состава осуществлялось путем просеивания и анализа скоростей частиц в гравитационном поле при помощи рентгеновского гранулометра SediGraph III 5120 с MasterTech MT 052 фирмы Micromeritics. Измерение pH производилось электрометрическим способом с помощью стеклянного электрода. Определение карбонатов проведено кальциметром ФА. Eijkelkamp по методу Scheibler. Рентгенофлюоресцентная спектрометрия (RFA) осуществлялась с помощью рентгеновского флуоресцентного анализатора XEPOS (ED-XRF) фирмы SPECTRO. Из отложений гривы были получены даты методом OSL (Институт эволюционной антропологии Макса Планка, Лейпциг, Германия). Радиоуглеродное датирование остеологического материала проведено в Центре археометрии Курта Энгельхорна (MAMS) (г. Майнхайм, Германия) и ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ-ННЦ» (GV) (г. Новосибирск, Россия).

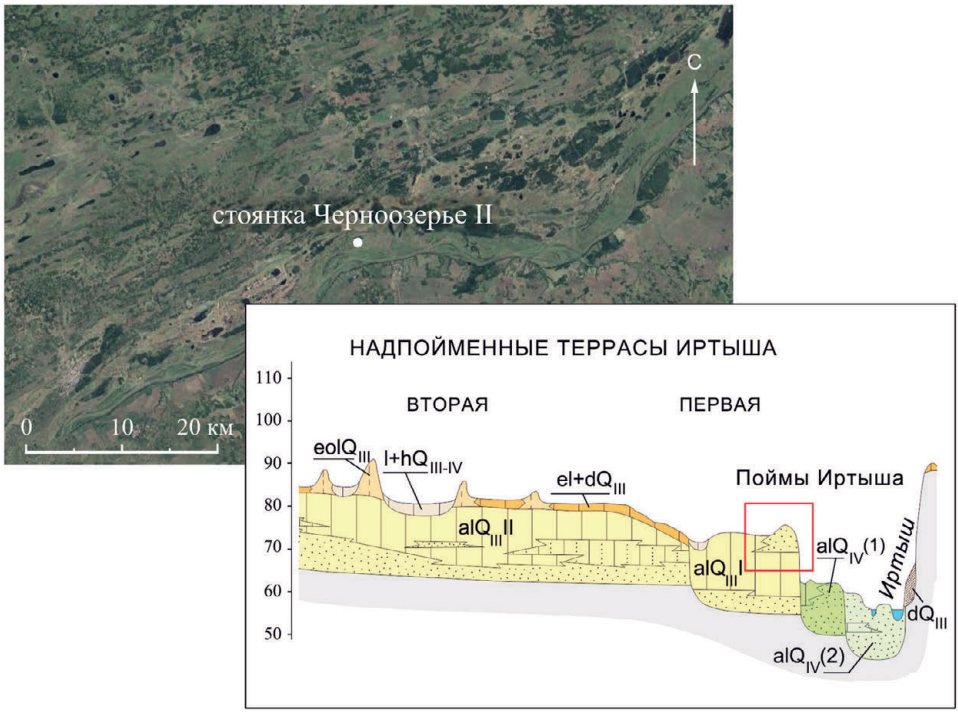


Рис. 1. Ландшафтно-географическое положение стоянки Черноозерье II и гипсометрические данные Черноозерской гривы (ее расположение отмечено красным квадратом)

горизонт). Биотические нарушения (норы, каналы корневых систем и проч.), способные обеспечить вертикальную транспортировку материала, в периметре обнаружения артефакта не зафиксированы (*Шмидт*, 2023. С. 54. Рис. 67; 90; 93).

Происхождение кости установить сложно. Слабо заметный осевой изгиб сохранившейся части говорит лишь об использовании стенки диафиза трубчатой кости крупного животного. Коричневато-серый окрас (заметный сквозь слаборазвитые пятна дендритов) выделяет ее среди прочих находок. Размеры: 20,15 × 7,84 × 2,21 мм. Изделие нарушено в двух зонах, соответствующих зонам головки и лба крючка; таким образом, утрачена информация о способе его крепления к бичеве и форме острия (рис. 2; 4).

Сохранившийся фрагмент изделия демонстрирует плавные переходы к нескольким формам сечений: подовальная в верхней части цевья (за счет снятия острых граней заготовки), пентагональная с несколькими приостренными внешними кантами (при остальных более сглаженных) в нижней зоне цевья и затылке, подвытянутая гексагональная в зоне нарушения поддева и лба изделия (рис. 2). Технологический порядок получения усложненной формы связан с сочетанием вырезания заготовки из стенки диафиза, оструживания граней со смещением некоторых кантов по оси изделия, сглаживания кантов в отдельных

Рис. 2. Фото изделия № 500 (ЧЗ II.22.500), интерпретируемого фрагментом рыболовного крючка и сечения его основных зон. Фото И. В. Шмидт

местах. Продуманному смещению граней внешней стороны изделия в зоне цевья и затылка мастер уделил особое внимание. В результате внешняя сторона изделия получила «ребро прочности» (см. рис. 2 и 4: *Б*). Внутренняя (трабекулярная) сторона изделия тщательно выскоблена, следы остеонов основательно стесаны до гладкой структуры компакты (рис. 4: *А*). Наиболее сложной для обработки оказалась зона поддева, где сохранились незаглаженные следы грубой резки и выскабливания на обеих сторонах изделия. Предмет узок и неширок, сырая кость (обработка сухой кости вряд ли была удобна/возможна) не давала уверенной точки упора для большого пальца, по направлению к которому двигалось скоблящее орудие. Сам участок поддева короток, обрабатывающее орудие либо срывалось с линии снятия, либо прерывисто колебалось между стенками зева, оставляя негативы предыдущих снятий плохо заглаженными. Не исключен и некоторый дефект заготовки в зоне поддева, выравнивание которого не являлось производственной задачей (рис. 4: *А*).

Сохранившиеся технологические следы говорят о том, что внутренняя линия петли поддева формировалась без обращения к сверлению, облегчающему формирование полости между жалом и цевьем; древние мастера часто использовали данный прием (см., напр.: *Cristiani et al.*, 2016; *Langley et al.*, 2021). Тем не менее и внутренний вырез петли, и внешние контуры поддева близки U-форме.

Скобление/выравнивание поверхности изделия производилось ретушированным орудием, оставившим на ней слабоволнистый рельеф. Направление снятий осевое, с незначительными отклонениями в векторах проходов. Местами (в зоне цевья и на внутренней поверхности в зоне поддева, см. рис. 4: *А*)

следы протектора инструмента контрастные, что говорит об отсутствии финальной полировки изделия.

Артефакт может быть отнесен к группе J-образных крючков с сильно вытянутой петлей – параметры ширины зева, судя по сохранившимся зонам и реконструкции линии жала, вряд ли были более 5 мм. Специфика формы и ее нарушений сближает черноозерский крючок с образцами 9 и 14 в коллекции крючков стоянки Иордан Дурейят и одним из фрагментов со стоянки Усть-Кяхта 17 (рис. 3: *Б*, *В* 3).

Справедлив вопрос относительно функции данного изделия; не любой крючок является рыболовным. Для аргументации предложенной функциональной интерпретации изделия обратимся к результатам экспериментов, проведенных в рамках проекта «Recursos olvidados en el estudio de grupos prehistoricos: el caso de la pesca en sociedades meso-neoliticas de la llanura rusa» (HAR2008-04461/HIST), восстанавливающих процессы производства костяного крючка и ужения на него рыбы (различных ее видов) (*Гиря и др*., 2013. С. 110–119). Согласно замечаниям экспериментаторов, уже после первых контактов с добычей на поверхности крючков формируются как зоны заполировки (что можно увидеть только при большом увеличении под микроскопом), так и поперечные царапины, которые более или менее многочисленны, продолжительны, иногда пересекаются, заметны невооруженным глазом. Следы от зубов рыбы имеют несколько неровные края, обычно U-образный профиль сечения и неровное дно, за исключением следов-царапин с гладким дном от зубов сомов и форели (Там же. С. 116). Следы зубов судака и окуня оставляют глубокие, более многочисленные, достаточно широкие, почти макроскопические царапины. Следы от зубов сома и форели, напротив, нитеобразны и едва различимы на поверхности (Там же. С. 114. Рис. 6). Зоны их концентрации – внешний край в нижней трети рыболовных крючков (нижняя часть цевья и поддева).

Специфика заполировки поверхности, участки которой, безусловно, фиксируются на поверхности черноозерского крючка, должна быть проанализирована с привлечением специального оборудования. Для этих целей изделие оставлено без консервации. Механические следы износа – царапины, вмятины, участки выщербленности – фиксируются невооруженным глазом. Заметны как единичные, неглубокие, линейные следы, так и глубоко врезавшиеся, относительно широкие, единичные (редко дублированные) царапины. Привлекают внимание сгруппированные каналы, относительно неглубокие, но с синхронным искривлением русел. Вектор их расположения преимущественно перпендикулярен осевым/продольным технологическим следам, но есть и расположенные параллельно ребру жесткости (рис. 4: *Б*). Их обоюдосторонняя локализация связана с проксимальной зоной цевья и затылком крючка, несколько глубоких царапин фиксируется на поддеве. Грань ребра жесткости демонстрирует несколько глубоких вмятин с расходящимися от них глубокими царапинами – знак зубастости и агрессивности добычи (рис. 4: *Б*). Следы износа, оставленные зубами нескольких видов рыб, обладают различной конфигурацией профиля – от V-образных до широких U-образных с ребристым дном. Им можно подобрать аналогии из обсуждавшихся выше эталонных образцов. Из четырех видов рыб, в контакте с которыми находились модели крючков Замостья, близкий в морфологическом

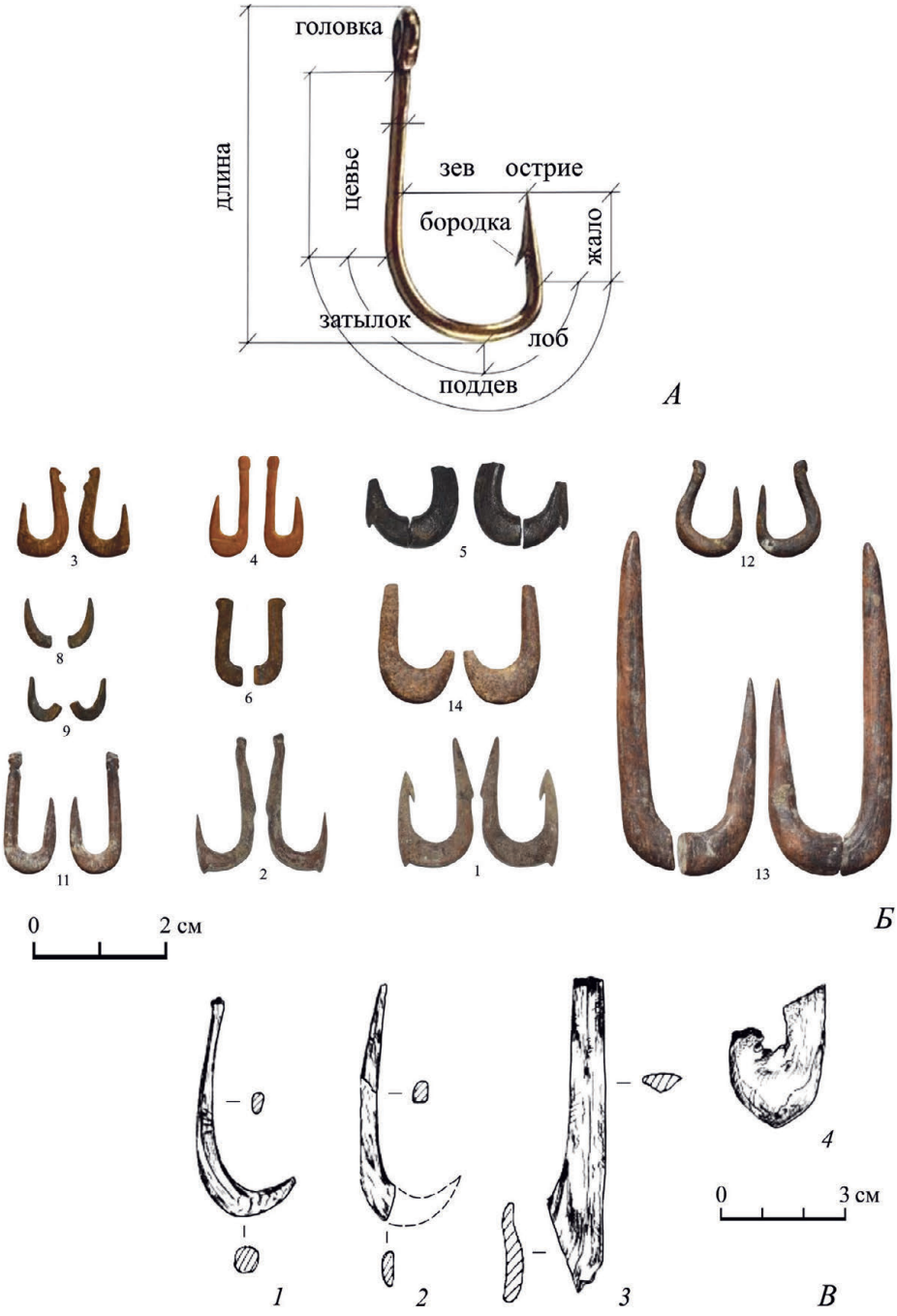


Рис. 3. Рыболовные крючки

А – пример морфологии современного рыболовного крючка; *Б* – экземпляры крючков, обнаруженных в эпипалеолитических отложениях стоянки Иордан Дурейят (JRD) (р. Верхний Иордан, долина Хула, Северный Израиль) (по: *Pedergnana et al*., 2021. Fig. 3); *В* – рыболовные крючки (*1–3*) и фрагмент заготовки (*4*) из финально-плейстоценовых отложений стоянки Усть-Кяхта 17 (3-й к. г.) (по: *Ташак*, 2005. Рис. 29)

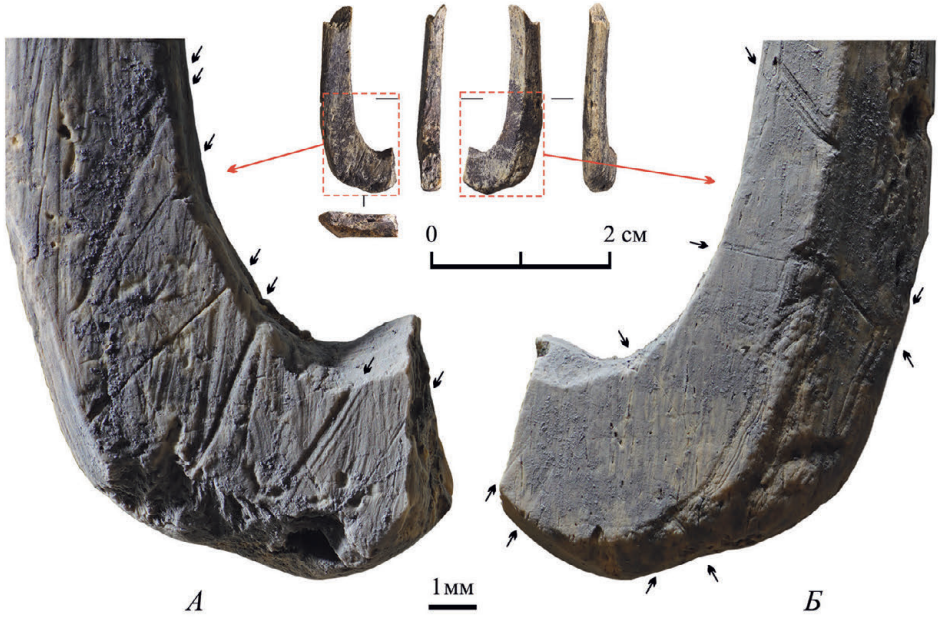


Рис. 4. Крючок с увеличением зон концентрации следов макроизноса. Фиксация разнообразных групп царапин и единичных треков. Фото изделия с магниевым напылением, И. В. Шмидт

А – внутренняя сторона изделия; *Б* – внешняя сторонах изделия

отношении черноозерским износ дали образцы 3 и 4, на которые пойманы окунь и судак, с линейными одиночными, яркими царапинами средней и малой глубины (*Гиря и др*., 2013. С. 114. Рис. 6).

Обсуждение результатов

В 1970-х гг. стоянку Черноозерье II называли «сезонной стоянкой охотников на бизонов» / «типичным зимником». За последние шесть лет работ на памятнике вскрыто 147,5 кв. м. Пришло осознание того, что сезонность обитания на стоянке не была обусловлена паводковым режимом реки; грива на момент обитания на ней человека уже не затапливалась, а Иртыш обладал широкой затопляемой поймой, подбирающейся к ее подножию. Кости бизонов и лошадей в материалах памятника, безусловно, встречаются, но охотникам была также интересна и мелкая дичь: зайцы, птицы, рыбы, речные моллюски (добыча которых в зимний период, скорее всего, была невозможна). В коллективной монографии В. Ф. Генинга и В. Т. Петрина дано краткое описание фауны стоянки по обнаруженным остаткам млекопитающих (*Генинг, Петрин*, 1985. С. 71–79), но «кости и чешуя рыб не определены и еще ждут своего исследования» (Там же. С. 71). За истекшие полвека они его не дождались, несмотря на то, что «на стоянке встречены… значительные скопления костей рыб и чешуи», отдельными зона-

ми помеченные на планах раскопа (*Генинг, Петрин*, 1985. С. 9. Рис. III; С. 28). По устному замечанию П. А. Косинцева, В. Т. Петриным на хранение в ИЭРиЖ УрО РАН было передано около восьми литров чешуи карповых рыб. В коллекциях, полученных за последние годы работ, идентифицируются кости щуки (*Esox lucius*) и представителей карповых. И те, и другие могут быть пойманы на крючок в различное время года (*Сабанеев*, 2018). Усложненная модель крючка, наличие ребра жесткости (который, судя по вмятинам и глубоким следам, свою функцию выполнил), по-видимому, была необходима в контексте обилия крупной и агрессивной добычи в находящихся рядом водоемах.

Частый контакт с различными видами рыб оставил на поверхности изделия не только различные по характеру следы износа, но и способствовал химической консервации кости, чем и объясняется ее хорошее состояние.

Заключение

Черноозерский крючок – не первый палеолитический крючок в отечественных материалах. В коллекциях памятников Восточной Европы, Мезино и Костёнках IV, несколько изделий идентифицированы рыболовными крючками (*Борисковский*, 1953. Рис. 136; *Рогачев*, 1955. С. 46), как указано выше, известны их «сверстники» и в материалах Забайкалья. Но черноозерский экземпляр, безусловно, первый рыболовный крючок столь древнего возраста на территории Западной Сибири. «Сибирская модель» выглядит более объемной по сравнению с уплощенными восточноевропейскими и забайкальскими образцами. Судя по конфигурации сечения цевья, она может быть сопоставима с моделью из Усть-Кяхты 17 (см. рис. 3: *В* 3). Плавно перемещающиеся по корпусу изделия грани, вероятно, улучшали его аквадинамические характеристики; ребро жесткости косвенно свидетельствует о видах рыб, на лов которых оно было ориентировано. Даже с учетом фрагментированности, крючок впечатляет продуманностью модели и интенсивностью использования. Остается лишь надеяться, что со временем сибирские материалы пополнятся оригинальными и полнее сохранившимися экземплярами, что позволит нам детально обсудить особенности (инструментальные, тактические, технологические) палеолитических приемов рыбного промысла данных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов М. П., 1980. Археологическая стратиграфия и послойное описание инвентаря Верхоленской горы I // Мезолит Верхнего Приангарья. Вып. 2. Памятники Иркутского района / Отв. ред. М. П. Аксенов. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та. С. 45–93.

Борисковский П. И., 1953. Палеолит Украины. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 463 с. (МИА; № 40.)

Генинг В. Ф., Петрин В. Т., 1985. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука. 88 с.

Геологическая карта СССР. 1:200000. Серия Ишимская. Лист N-43-II. Объяснительная записка. М.: М-во геологии СССР, 1975. 95 с.

Гиря Е. Ю., Мэгро Й., Конте И. К., Лозовский В. М., Лозовская О. В., 2013. Трасология костяных рыболовных крючков стоянки Замостье 2 (мезолит и неолит центральной части Русской равнины) // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита – неолита

в бассейне Верхней Волги / Отв. ред.: В. М. Лозовский, О. В. Лозовская, И. Клементе-Конте. М.: Изд-во ИИМК РАН. С. 110–119.

Константинов М. В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: к Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ: Ин-т обществ. наук Бурятского науч. центра СО РАН; Чита: Читинский гос. пед. ин-т им. Н. Г. Чернышевского. 179 с.

Осинцева Н. В., 2017. Гривный рельеф юга Западно-Сибирской равнины: морфология и возраст (на примере Черноозерской гривы, Саргатское Прииртышье) // Геосферные исследования. № 3. С. 26–32.

Осинцева Н. В., Шмидт И. В., Горбунова Т. А., Лауэр Т., Шнайдер Б., Tuann X., *Штойбле Х.*, 2020. Палеогеографические условия осадконакопления Черноозерской гривы (долина р. Иртыш) в позднем плейстоцене – раннем голоцене [Электронный ресурс] // VIII Щукинские чтения: рельеф и природопользование: материалы Всерос. конф. с междунар. участием (МГУ им. М. В. Ломоносова, географ. фак., каф. геоморфологии и палеогеографии, Москва, 28 сентября – 1 октября 2020 г.). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44277583_29772317.pdf (дата обращения: 04.11.2023).

Осинцева Н. В., Шмидт И. В., Горбунова Т. А., Лауэр Т., Шнайдер Б., Тинапп Х., Штойбле Х., 2022. Субаэральные отложения Черноозерской гривы (долина р. Иртыш): гранулометрический состав, генезис, динамика осадконакопления // Геоморфология. Т. 53. № 2. С. 50–59.

Ошибкина С. В., 1991. О рыболовстве у населения Восточного Прионежья в эпоху мезолита // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы / Ред. Н. Н. Гурина. Л.: Наука. С. 203–217.

Павленок Г. Д., 2014. Костяная индустрия стоянки Усть-Кяхта-3 (Западное Забайкалье) // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. С. 14–18.

Рогачев А. Н., 1955. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 164 с. (МИА; № 45.)

Сабанеев Л. П., 2018. Все о рыбалке. М.: АСТ. 1600 с.

Ташак И. В., 2005. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН. 129 с.

Шмидт И. В., 2023. Отчет о результатах археологических раскопок на территории объекта культурного наследия федерального значения «Стоянка Черноозерье III» в Саргатском районе Омской области, проведенных в 2022 году // Музей археологии и этнографии Омского государственного университета. Научный архив. Ф. II. Д. 281. 177 с.; Ф. VI, коллекция № 558. Фонд материалов археологических памятников.

Bicho N., Esteves E., 2022. Pleistocene hunter-gatherer coastal adaptations in Atlantic Iberia // Frontiers in Earth Science. Vol. 10. 957214.

Braun D. R., Harris J. W., Levin N. E., McCoy J. T., Herries A. I., Bamford M. K., Bishop L. C., Richmond B. G., Kibunjia M., 2010. Early hominin diet included diverse terrestrial and aquatic animals 1.95 Ma in East Turkana, Kenya // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 107. № 22. P. 10002–10007.

Conard N. J., Kitagawa K., Krönneck P., Böhme M., Münzel S. C., 2013. The Importance of Fish, Fowl and Small Mammals in the Paleolithic Diet of the Swabian Jura, Southwestern Germany // Zooarchaeology and Modern Human Origins: Human Hunting Behavior during the Later Pleistocene. Dordrecht: Springer. P. 173–190. (Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology.)

Cristiani E., Dimitrijević V., Vitezović S., 2016. Fishing with lure hooks at the Late Neolithic site of Vinča – Belo Brdo, Serbia // JAS. Vol. 65. P. 134–147.

Fujitaa M., Yamasakia S., Katagiria C., Oshirob I., Sanoc K., Kurozumid T., Sugawarae H., Kunikitaf D., Matsuzakic H., Kanog A., Okumurag T., Soneg T., Fujitag H., Kobayashii S., Narusej T., Kondok M., Matsu'urak S., Suwac G., Kaifu Y., 2016. Advanced maritime adaptation in the western Pacific coastal region extends back to 35,000–30,000 years before present // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 113. № 40. P. 11184–11189.

Langley M. C., O'Connor S., Kealy S., Mahirta M., 2021. Fishhooks, Lures, and Sinkers: Intensive Manufacture of Marine Technology from the Terminal Pleistocene at Makpan Cave, Alor Island, Indonesia // The Journal of Island and Coastal Archaeology. Vol. 18. № 1. P. 33–52.

O'Connor S., Ono R., Clarkson C., 2011. Pelagic Fishing at 42,000 Years Before the Present and the Maritime Skills of Modern Humans // Science. Vol. 334. P. 1117–1121.

Pedergnana A., Cristiani E., Munro N., Valletta F., Sharon G., 2021. Early line and hook fishing at the Epipaleolithic site of Jordan River Dureijat (Northern Israel) // PLoS ONE. 16, 10. e0257710.

Starkovich B. M., Munro N. D., Stiner M. C., 2018. Terminal Pleistocene subsistence strategies and aquatic resource use in southern Greece // QI. Vol. 465. P. 162–176.

Stewart K. M., 1994. Early hominid utilisation of fish resources and implications for seasonality and behaviour // JHE. Vol. 27. Iss. 1–3. P. 229–245.

Zohar I., Biton R., 2011. Land, lake, and fish: Investigation of fish remains from Gesher Benot Ya'aqov (paleo-Lake Hula) // JHE. Vol. 60. Iss. 4. P. 343–356.

Сведения об авторе

Шмидт Ирина Викторовна, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, пр. Мира 55а, Омск, 644077; Россия; e-mail: rebew@rambler.ru

I. V. Shmidt

THE FISHHOOK FROM THE FINAL STAGE OF THE PALEOLITHIC FROM CHERNOOZERYE II. PRESENTATION OF THE ARTIFACT

Abstract. A fragment of the bone artifact which appears to be a part of a fishhook according to typology and its wear marks is introduced into scientific discourse. The artefact was discovered in 2022 during an archaeological survey of subsection 3.2 of a Final Paleolithic site Chernoozerye II, located in Middle Irtysh land. The cultural horizons of the site are found as hidden in aeolian deposits of a low ridge of the same name that developed on a residual of the first upland fringe of the Irtysh River. The dry ridge and the flood plain may have aroused the hunter-forager groups' interest in the development of fluvial resources. The monument's faunal collections confirm – and the found hook fragment concretises – the views on how this interest was practically realised. The small-size article is made of the wall of a large tubular bone diaphysis; it is damaged in several places, which prevents us from speculating on its fastening to the string and the prey hooking tactics. But for the most part, the item is well-preserved, demonstrating the original shape and traces of intense attrition. Traces of pike teeth (Esox lucius) and representatives of the carp species are recorded on the surface of the artifact. The bones and scales of the fish fauna were found in large numbers on the territory of the site, but have not yet received a qualitative analysis. New dates – 10.5–11 thousand years BC – were agreed on the deposits of Chernoozerye low ridge and the cultural horizons of the site, which made it possible to regard the item as the oldest fish hook known to have been found in Southwestern Siberia.

Keywords: Southwestern Siberia, Chernoozerye low ridge, Chernoozerye II site, Final Paleolithic-Epipaleolithic, Fish hook, Traces of utilization.

REFERENCES

Aksenov M. P., 1980. Arkheologicheskaya stratigrafiya i posloynoe opisanie inventarya Verkholenskoy gory I [Archaeological stratigraphy and layer-by-layer description of the inventory of Verkholenskaya gora I]. *Mezolit Verkhnego Priangar'ya [Mesolithic of Upper Angara region], 2. Pamyatniki Irkutskogo rayona [Sites of Irkutsk region]*. M. P. Aksenov, ed. Irkutsk: Irkutsiy gos. universitet, pp. 45–93.

Boriskovskiy P. I., 1953. Paleolit Ukrainy [Paleolithic of Ukraine]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 463 p. (MIA, 40.)

Gening V. F., Petrin V. T., 1985. Pozdnepaleoliticheskaya epokha na yuge Zapadnoy Sibiri [Late Paleolithic epoch in the South of West Siberia]. Novosibirsk: Nauka. 88 p.

Geologicheskaya karta SSSR. 1:200000. Seriya Ishimskaya. List N-43-II. Ob"yasnitel'naya zapiska [Geological map of the USSR. 1:200000. Ishim series. Sheet N-43-II. Explanatory note]. Moscow: Ministerstvo geologii SSSR, 1975. 95 p.

Girya E. Yu., Megro Y., Konte I. K., Lozovskiy V. M., Lozovskaya O. V., 2013. Trasologiya kostyanykh rybolovnykh kryuchkov stoyanki Zamost'e 2 (mezolit i neolit tsentral'noy chasti Russkoy ravniny) [Trace-wear analysis of bone fishing hooks from Zamostye 2 site (Mesolithic and Neolithic of the central part of the Russian Plain)]. *Zamost'e 2. Ozernoe poselenie drevnikh rybolovov epokhi mezolita – neolita v basseyne Verkhney Volgi [Zamostje 2. Lacustrine settlement of ancient fishers of Mesolithic-Neolithic epochs in Upper Volga basin]*. V. Lozovskiy, O. Lozovskaya, I. Clemente-Conte, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 110–119.

Konstantinov M. V., 1994. Kamennyy vek vostochnogo regiona Baykal'skoy Azii: k Vsemirnomu arkheologicheskomu inter-kongressu [Stone Age of the Eastern region of Baikal Asia: to the World Archaeological Inter-Congress] (1996). Ulan-Ude: Institut obshchestvennykh nauk Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN; Chita: Chitinskiy gos. pedagogicheskiy institut imeni N. G. Chernyshevskogo. 179 p.

Oshibkina S. V., 1991. O rybolovstve u naseleniya Vostochnogo Prionezh'ya v epokhu mezolita [On fishing among the population of Onega Lake Eastern region in Mesolithic]. *Rybolovstvo i morskoy promysel v epokhu mezolita – rannego metalla v lesnoy i lesostepnoy zone Vostochnoy Evropy [Fishing and marine craft in Mesolithic – early metal period in forest and forest-steppe zone of Eastern Europe]*. N. N. Gurina, ed. Leningrad: Nauka, pp. 203–217.

Osintseva N. V., 2017. Grivnyy rel'ef yuga Zapadno-Sibirskoy ravniny: morfologiya i vozrast (na primere Chernoozerskoy grivy, Sargatskoe Priirtysh'e) [Ridge relief of the south of West Siberian Plain: morphology and age (on the example of the Chernoozersk ridge, Sargat Priirtyshye)]. *Geosfernye issledovaniya [Geospheric research]*, 3, pp. 26–32.

Osintseva N. V., Shmidt I. V., Gorbunova T. A., Lauer T., Shnayder B., Tinapp Kh., Shtoyble Kh., 2022. Subaeral'nye otlozheniya Chernoozerskoy grivy (dolina r. Irtysh): granulometricheskiy sostav, genezis, dinamika osadkonakopleniya [Subaerial deposits of the Chernoozerskaya ridge (Irtysh River valley): granulometric composition, genesis, sedimentation dynamics]. *Geomorfologiya [Geomorphology]*, vol. 53, no. 2, pp. 50–59.

Osintseva N. V., Shmidt I. V., Gorbunova T. A., Lauer T., Shnayder B., Tiapp Kh., Shtoyble Kh., 2020. Paleogeograficheskie usloviya osadkonakopleniya Chernoozerskoy grivy (dolina r. Irtysh) v pozdnem pleystotsene – rannem golotsene (Elektronnyy resurs) [Paleogeographic conditions of sedimentation of the Chernoozerskaya ridge (Irtysh River valley) in Late Pleistocene – Early Holocene (Electronic resource)]. *VIII Shchukinskie chteniya: rel'ef i prirodopol'zovanie [VIII Shchukin readings: relief and nature management]*. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44277583_29772317.pdf

Pavlenok G. D., 2014. Kostyanaya industriya stoyanki Ust'-Kyakhta-3 (Zapadnoe Zabaykal'e) [Bone industry of Ust-Kyakhta-3 site (Western Transbaikalia)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2, pp. 14–18.

Rogachev A. N., 1955. Aleksandrovskoe poselenie drevnekamennogo veka u sela Kostenki na Donu [Alexandrovskoe settlement of the Old Stone Age near village Kostenki on the Don]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 164 p. (MIA, 45.)

Sabaneev L. P., 2018. Vse o rybalke [All about fishing]. Moscow: AST. 1600 p.

Shmidt I. V., 2023. Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh raskopok na territorii ob"ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Stoyanka Chernoozer'e III» v Sargatskom rayone Omskoy

oblasti, provedennykh v 2022 godu [Report on the results of archaeological excavations in territory of the cultural heritage site of federal significance «Chernoozerye III site», Sargatsky district, Omsk region conducted in 2022]. *Muzey arkheologii i etnografii Omskogo gos. universiteta. Nauchnyy arkhiv [Museum of archeology and ethnography of Omsk state university. Scientific archive]*. (In Russian, unpublished.)

Tashak I. V., 2005. Paleoliticheskie i mezoliticheskie pamyatniki Ust'-Kyakhty [Paleolithic and Mesolithic sites of Ust'-Kyakhta]. Ulan-Ude: Buryatskiy nauchnyy tsentr SO RAN. 129 p.

About the author

Shmidt Irina V., Dostoevsky Omsk State University, pr. Mira, 55a, Omsk, 644077, Russian Federation; e-mail: rebew@rambler.ru

Э. Б. Зальцман, М. Г. Жилин

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ СЛЕДАХ ПРИСУТСТВИЯ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ШАРОВИДНЫХ АМФОР В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ[1]

Резюме. В статье представлен анализ разнородных поздненеолитических древностей с территории Калининградской области в их связи с культурой шаровидных амфор (далее – КША). Характеристике подвергнуты «чистые» материалы КША, впервые обнаруженные как в пределах местных поселений вблизи побережья, так и в крайней восточной части региона, вне инокультурного контекста. Выявленные в районе Виштынецкого озера остатки ритуального приношения в виде двух кремнёвых топоров и фрагментов сосуда, по всем признакам происходящих из КША, являются, по-видимому, показателем кратковременного присутствия на этом участке группы носителей данной культуры. Также не исключается, если основываться на пока еще редких находках керамики КША, вероятность продвижения небольших групп населения КША в западном направлении. Неудачные попытки проникнуть как можно ближе к побережью связаны с наличием залежей янтаря, сбор которого контролировали сообщества приморской культуры шнуровой керамики. К середине III тыс. до н. э. или даже несколько ранее, судя по обнаруженным на поселениях приморской культуры отдельным фрагментам посуды КША и увеличению числа «амфорных» признаков в приморской керамике, устанавливаются постоянные связи между двумя культурными образованиями, принимая, видимо, разносторонний характер.

Ключевые слова: Калининградская область, культура шаровидных амфор, приморская культура шнуровой керамики, кремнёвые топоры, посуда, орнамент, Виштынецкое озеро, побережье Калининградского залива.

Традиционно исследователями территория Калининградского региона (в довоенное время северная часть бывшей Восточной Пруссии) относительно периода позднего неолита считается внутренней областью распространения приморской

[1] Исследование выполнено в рамках НИОКТР 123011200018-7 «Археологические древности Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.153-165

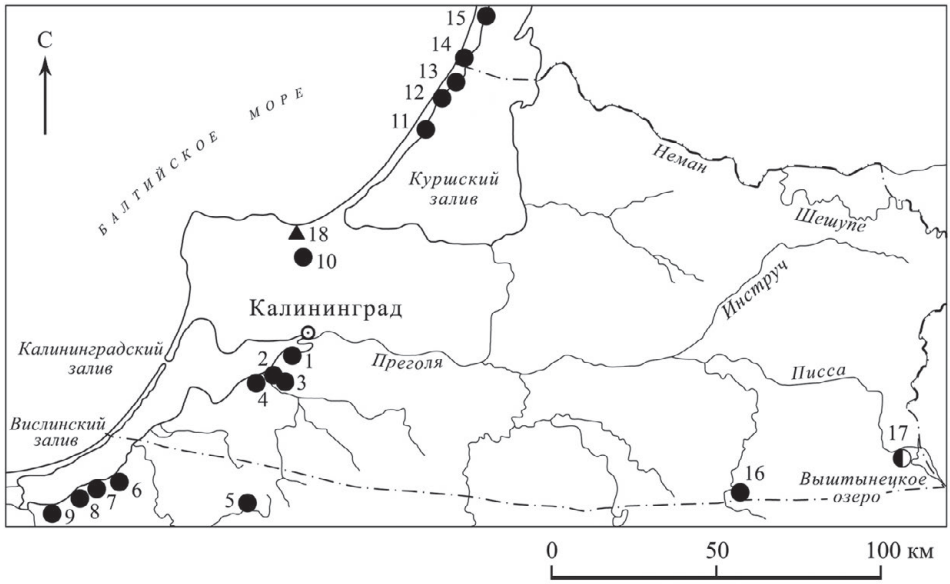


Рис. 1. Памятники позднего неолита Юго-Восточной Прибалтики

1–16 – приморская культура; *17* – культура неманской, шаровидных амфор (КША) и шнуровой керамики (КШК); *18* – общеевропейского горизонта культуры шнуровой керамики

1 – Прибрежное; *2* – Ушаково-1; *3* – Ушаково-2; *4* – Ушаково-3; *5* – Пененжно; *6* – Гарбина; *7* – Свенты-Камень; *8* – Толкмицко; *9* – Сухач; *10* – Безымянка-3; *11* – Рыбачий; *12* – Морское; *13* – Гробшто Рагас; *14* – Нида; *15* – Юодкранте; *16* – Цедмар A, D; *17* – стоянка Виштынецкая; *18* – курган Кауп

культуры шнуровой керамики, население которой контролировало прибрежные районы Юго-Восточной Прибалтики, богатые залежами янтаря (*Зальцман*, 2019) (рис. 1). Приморское образование представляет собой яркий пример культуры смешанного типа, что объясняется сложным процессом ее формирования (*Зальцман*, 2022а; *Kilian*, 1955; *Żurek*, 1954). Среди важнейших черт на этапе протофазы в особенности выделяется компонент культуры шаровидных амфор, что, впрочем, имеет ограниченный характер: черты культуры шаровидных амфор (далее – КША) проявляются только в некоторых видах орнамента и формах посуды (*Зальцман*, 2021; 2022а. С. 153–155). Конструктивные особенности жилых сооружений, специфика погребального обряда, кремневые и каменные изделия приморской культуры не находят аналогий в КША. Важно подчеркнуть, что керамики КША в «чистом» виде на раннем этапе существования приморских поселений не обнаружено, хотя фрагменты посуды неолитических культур цедмарской, гребенчато-ямочной керамики и даже воронковидных кубков в жилищах зафиксированы, тем самым указывая на контакты в данном направлении (*Зальцман*, 2022а. С 153–155).

Не позднее начала III тыс. до н. э. изделия из янтаря постепенно становятся весьма популярными среди сообществ КША (*Czebreszuk*, 2003. P. 169–173).

Предполагается, что янтарь поступал в Среднюю Европу благодаря связям с племенами нарвской культуры, ближайшие стоянки которой размещались на западном побережье современной Литвы (*Rimantienė*, 2005. P. 149). Но прибрежные районы, расположенные южнее и богатые янтарем, оказались под контролем новых переселенцев, основавших на побережье крупные поселенческие центры (рис. 1). Начало новой культуры – приморской, – по последним данным, приходится на рубеж IV–III тыс. до н. э. (*Зальцман*, 2019. С. 62, 63). Не исключается, что одной из главных причин миграции на побережье являлось именно наличие янтаря и возможность эксплуатировать данный ресурс. Прибытие нового населения и постепенное продвижение в северном направлении, скорее всего, сопровождались насилием с обеих сторон. Неоднократные следы пожарищ, обнаруживаемые на ряде приморских поселений, служат тому подтверждением (*Зальцман*, 2022а. С 160). Впрочем, следы пожарищ могут указывать и на безуспешные попытки со стороны сообществ КША перехватить контроль над этой зоной.

Таким образом, ближайший путь к побережью и, соответственно, к местам сбора янтаря для групп населения КША был перекрыт. Однако нельзя исключать, что попытки освоить и эти районы все-таки предпринимались, доказательством чего являются отдельные находки, общее количество которых пока еще невелико. Но они весьма показательны. Древности, имеющие прямое отношение к КША, обнаруживаются как на востоке Калининградской области, так и значительно западнее. Часть этих находок зафиксирована вне связи с приморской или какой-либо иной местной культурой или же, напротив, выявлена среди материалов приморской культуры.

Прежде всего, «чистые» материалы КША, хотя и очень малочисленные, обнаружены в крайней восточной части Калининградской области, в прибрежной части Виштынецкого озера, наиболее крупного в регионе (рис. 1).

Стоянка Виштынецкая-1 расположена в Калининградской области: на дюнном всхолмлении западного берега Виштынецкого озера, в 2,5 км к югу от истока р. Писсы – в 180 км от морского побережья Балтийского моря. Вдоль западного края стоянки проходит русло пересохшего ручья, представляющее собой в настоящий момент четко выраженную ложбину, отделяющую ее от соседней дюны.

В. И. Тимофеевым стоянка Виштынецкая-1 впервые зафиксирована как памятник археологии в 1974 г. В 1981 г. исследователь провел раскопки стоянки на площади 84 кв. м. В полученной в результате раскопок коллекции представлена шнуровая керамика рубежа позднего неолита – ранней бронзы, керамика неманской культуры раннего неолита и кремневые изделия (*Тимофеев*, 2002).

Спустя много лет, в 2012 г. памятник вновь подвергся раскопкам (*Жилин*, 2013; *Zhilin*, 2016). Стоянка расположена в пределах особо охраняемой части Природного парка Виштынецкий. С учетом режима территории, для раскопок годился только участок, свободный от деревьев, находящийся почти на вершине дюны, в 20 м к востоку от раскопа В. И. Тимофеева. Площадь раскопа составила 96 кв. м.

В непотревоженном слое 3 (мощностью 5–30 см) в северо-западной части раскопа помимо кремневых изделий мезолитического облика удалось обнаружить несколько фрагментов от одного сосуда и два кремнёвых топора, относящихся к культуре шаровидных амфор (рис. 2: *7, 10, 11*). По сути, это одна из немногих

находок на территории Калининградской области, связанных напрямую с культурой шаровидных амфор, а не опосредованно, через приморскую культуру.

Судя по разрезам, в древности на этом месте находилась западина естественного происхождения, которая могла использоваться людьми как укрытие, не исключено, в сочетании с ветровым заслоном. Однако следов каких-либо сооружений не прослеживалось. Керамика и топоры залегали на значительной глубине, но, несмотря на очень тщательную зачистку, каких-либо контуров ямы проследить не удалось. Не видно было каких-либо контуров ямы и на разрезе. Не исключено, что это остатки ритуального приношения. В этом случае яма, вырытая в песке, была заполнена тем же песком. В таких условиях следы перекопа читаться не будут. С другой стороны, они могли быть спрятаны и по другим причинам, чтобы впоследствии за ними вернуться. Отдельные находки подобного рода топоров известны неподалеку, в Юго-Западной Литве, где находился удобный миграционный путь к побережью (*Brazaitis, Piličiauskas*, 2005. P. 86, 87).

Фрагменты керамики принадлежат тонкостенному сосуду, вероятно, с воронковидной формы венчиком, украшенному горизонтальными оттисками шнура (рис. 2: *10*). В керамической массе присутствует дресва, которая хорошо заметна и на поверхности сосуда. В наибольшей степени сосуд соответствует технологическим признакам керамики КША, и, если быть более точным, по классификации М. Шмит, он относится к группе IIIа с груботолченой минеральной примесью (*Szmyt*, 1999. P. 19).

Совместно с фрагментом лепного сосуда также обнаружены два крёмневых топора, типологически различающихся между собой. Оба топора тщательно отшлифованы почти по всей поверхности, четырехгранные в поперечном сечении, лезвия отполированы. У первого топора раковины местами остались незаглаженными (рис. 2: *7*). Он уплощенной формы, утончается у обуха, лезвие клиновидной формы. У второго топора раковины имеются только в районе обуха (рис. 2: *11*). Он также относительно уплощенной формы, но стенки слегка выпуклые. Лезвие топора чуть закруглено по краям. В целом, данный топор имеет выраженную трапециевидную форму, в отличие от первого, у которого более прямоугольные очертания.

Помимо одного обломка наконечника стрелы с вогнутым основанием, небрежно обработанного краевой пологой ретушью с двух сторон (рис. 2: *8*) и происходящего из пахотного слоя, каких-либо иных кремневых изделий, кроме мезолитических, в раскопе обнаружить не удалось.

По мнению Ежи Либера (устное сообщение), полосы на первом топоре могут указывать на сырье из долины реки Каменны. Второй топор изготовлен из кремня серо-пятнистой разновидности, встречающегося на Любельщине в Восточной Польше, отдельные топоры из аналогичного материала имеются в коллекции Подляского музея в Белостоке (Северо-Восточная Польша), подобного же рода топоры найдены в районе рудника Красносельский в Белоруссии.

Еще два топорика не столь удлиненных очертаний, изготовленные из ленточного кремня и обнаруженные случайным образом, также происходят из восточной части Калининградской области. Топор более прямоугольной формы найден на окраине пос. Неманское (рис. 2: *1*), а второй топор – в районе пос. Железнодорожный (рис. 2: *4*).

Рис. 2. Находки, обнаруженные на территории Калининградской области

1, 4, 7, 11 – кремнёвые топоры; *2, 3, 5, 9*, *10* – фрагменты посуды КША; *6* – фрагмент керамики цедмарской (?) культуры; *8* – наконечник стрелы

1 – Неманское; *2, 3, 5, 6*, *9* – Исаково; *4* – Железнодорожный; *7, 8, 10, 11* – стоянка Виштынецкая

Аналогичные четырехгранные шлифованные по всей поверхности топоры уплощенной формы регулярно изготавливали и использовали сообщества КША (*Lepionka*, 2018. P. 162). Важнейшим центром, где добывали ленточный кремень и производили из него топоры, являлись шахты вблизи Кшемёнок в Юго-Восточной Польше (*Wisławski*, 1966. S. 38). На долю этого месторождения приходится более 90 % всей известной площади добычи ленточного кремня. И если в малопольской группе культуры воронковидных кубков полосатый кремень имел местное значение, а его использование ограничивалось непосредственной близостью к местам эксплуатации, то в случае с КША топоры из этой разновидности кремня распространялись далеко за пределы ближайших окрестностей обнажений (*Borkowski, Budziszewski*, 1993. P. 79). Основной артерией служила Висла с притоками. Среди инвентаря погребений КША Северо-Западной Польши топоры, сделанные из ленточного кремня, составляют около 75 % от всех рубящих орудий. В Куявии, в центральной группе КША, этот процент достигает почти 60 % (Ibid.).

Если даже не брать в расчет поселения, располагавшиеся в пределах эксплуатации кремня, все равно очевидно их сосредоточение на краю лёссовой зоны вблизи мест разработки. В целом структура данных поселений не отступает от общераспространенной модели КША, однако скопление и концентрация отходов производства изделий из кремня в этих поселенческих комплексах совершенно ясным образом доказывают прямую связь с основной территорией выхода ленточного кремня (Ibid. P. 81). Иными словами, материалы, имеющие отношение к производству и выявленные на этих участках, показывают прямую вовлеченность в переработку сырья.

Характеризуемые топоры, явно стандартизированной формы, совершенно нетипичные для местных неолитических культур. В неманской культуре получили распространение двусторонние кремнёвые топоры (*Brazaitis, Piličiauskas*, 2005. P. 78). В неолитической цедмарской культуре топоры, изготовленные из кремня, почти не встречаются (*Тимофеев*, 1998. С. 274; *Gumiński*, 2001. S. 143). Топоры из кристаллической породы или сланцевые, двусторонние, овальные или почти округлые в сечении, нередко с асимметричным лезвием, чаще всего слабообработанные (*Зальцман*, 2022а. Рис. 2: *14–18*). На поселениях приморской культуры шнуровой керамики обнаруживаются преимущественно топоры трапециевидной формы, изготовленные из твердых пород камня (*Зальцман*, 2019. С. 56). Тщательно отшлифованные, чаще всего по всей поверхности, в поперечном сечении они имеют овальную, округлую, реже прямоугольную форму (*Rimantienė*, 1989. P. 56–60). Подобные формы проникли из Юго-Восточной Прибалтики в Белорусское Понеманье (тип 2 – по В. Л. Лакизе) (*Лакіза*, 2008. С. 134. Табл. 89: *2, 3, 6*). Лишь миниатюрные топорики и стамески, обычно четырехгранные, могли изготавливаться из кремня или яшмы (*Зальцман*, 2019. С. 57; *Engel*, 1931. S. 104. Abb. 11: *a–d*; *Kilian*, 1955. Abb. 246–248).

«Чистые» материалы КША, отнюдь не синкретического характера, впервые удалось зафиксировать среди древностей приморской культуры. Несколько фрагментов керамики залегали в культурном слое поселения, относящегося ко втор. пол. III тыс. до н. э. Крупная часть амфоры с миниатюрными ушками обнаружена в верхней части культурного слоя Ушаково-3 (рис. 3: *7*). Амфора,

по мнению М. Шмит (устное сообщение), является типичной для КША. Сосуд тонкостенный, серого цвета, с воронковидной формы горловиной и туловом, по-видимому, яйцевидных очертаний. Подобное сочетание признаков совершенно не характерно для амфор приморской культуры (*Зальцман*, 2019). Глубокая миска из Ушаково-1, с шейкой, слегка отогнутым наружу венчиком и небольшим по размеру округлым налепом, скорее всего, также имеет прямое отношение к КША, стилистически отличаясь от мисок приморской культуры (рис. 3: *1*). Обломок, принадлежащий глубокой миске, практически без шейки, найден случайно при городских раскопках вблизи реки Преголя (рис. 3: *6*). Поверхность миски неровная и бугристая по причине выступающих близко к поверхности зерен дресвы, что свойственно керамике КША, но не приморской. Еще два незначительных по размеру фрагмента амфор с миниатюрными ушками из Ушаково-3, в одном случае, с орнаментом, состоящим из шнуровых гирлянд, имеют, видимо, аналогичное происхождение (рис. 3: *2, 5*). Шнуровые гирлянды обычны в поморско-прусской подгруппе КША, но крайне редко встречаются в приморской культуре (*La Baume*, 1943. Taf. 2: *c, k*; 5: *e;* 6: *d*). Мелкий фрагмент, происходящий с поселения Ушаково-2, имел декор в виде сдвоенного зигзага в сочетании с вертикальными насечками (рис. 3: *3*). Сдвоенный зигзаг почти неизвестен среди орнаментальных схем местной посуды приморской культуры, но многократно засвидетельствован в соседних группах КША (*La Baume*, 1943; *Wisławski*, 1966). Небольшой по размерам фрагмент из Ушаково-1, видимо, миски, украшенный сочетаниями шнура и столбиками, образующими зигзаг и елочку, происходит из того же культурного круга (рис. 3: *4*).

Учитывая контекст, наличие фрагментов КША среди приморских древностей может служить дополнительным указанием на существование тесных отношений между двумя различными сообществами.

Несомненно, население приморской культуры продолжительное время контролировало побережье и сопредельные внутренние районы Юго-Восточной Прибалтики. Но у нас до сих пор не имеется сколько-нибудь веских доказательств, что области, расположенные далее 130 км от прибрежной зоны, также могут относиться к территории распространения приморской культуры. Все основные приморские поселения приурочены к побережью заливов (*Зальцман*, 2019; *Tetzlaff*, 1970). Мало того, даже находящийся поблизости Самбийский полуостров, берега которого омываются водами Балтийского моря, относительно поселенческой активности приморских сообществ выглядит практически незаселенным (*Зальцман*, 2019). В целом, наиболее перспективными для освоения являлись побережье и акватории заливов, богатые разнообразными биоресурсами и не подверженные разрушительным штормам. Все-таки не исключено, что редкие поселения в позднем неолите существовали и на побережье Самбии, но следы их могли быть давно смыты в море, кромка берега на побережье постоянно изменяется под воздействием волн. Масштабные раскопки, проводимые Институтом археологии РАН с 2005 г., выявили лишь одну и очень позднюю стоянку приморской культуры (Безымянка-3) в 5,6 км от побережья (*Зальцман*, 2019. С. 84). Из памятников культур шнуровой керамики (КШК) на Самбийском полуострове наиболее широкую известность получил курган

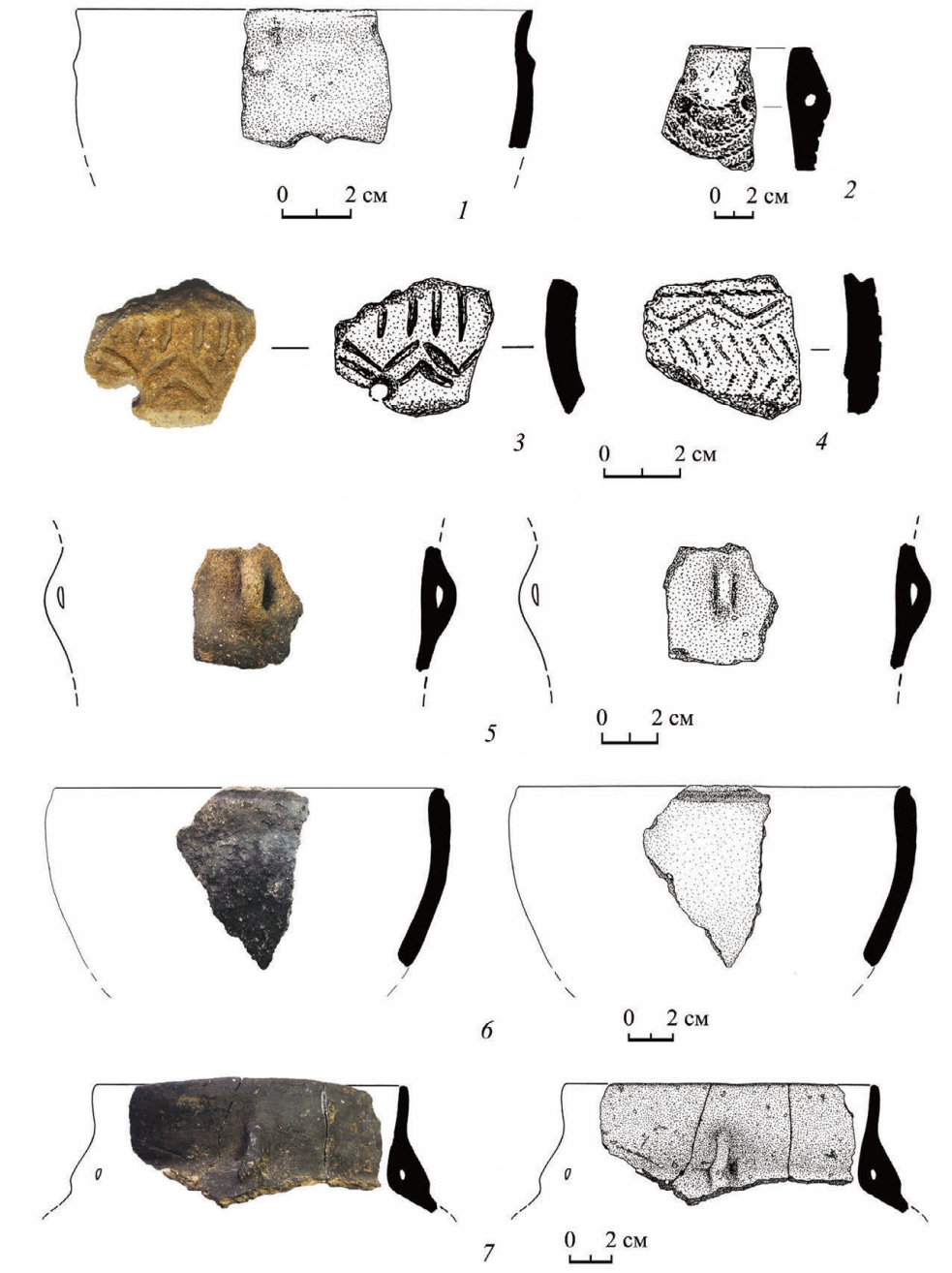


Рис. 3. Керамика культуры шаровидных амфор, происходящая с поселений и стоянок приморской культуры шнуровой керамики. Фото и рисунки

1, 4, 6 – глубокие миски; *2, 3, 5, 7* – амфоры

1, 4 – Ушаково-1; *2, 5, 7* – Ушаково-3; *3* – Ушаково-2; *6* – Калининград, ул. Мариупольская

Кауп (исследованный еще в XIX в.), оставленный, как сейчас представляется, группой населения, имеющего непосредственное отношение к т. н. общеевропейскому горизонту шнуровой керамики (*Heudeck*, 1893). По-видимому, их активность на полуострове была достаточно быстро пресечена местным приморским населением, что объясняет уникальность кургана на данной территории и невозможность их возведения на протяжении всего периода позднего неолита. Каких-либо следов КША здесь, за исключением случайно обнаруженного в довоенное время кремнёвого топора, не зафиксировано, хотя их сообщества всегда проявляли повышенный интерес к балтийскому янтарю (*Engel*, 1935. Taf. 28: *f*).

Все-таки не исключается полностью, что подобные попытки предпринимались, в особенности на раннем этапе, хотя доказательств такого рода действий крайне недостаточно. Пока известен всего лишь один случай возможного присутствия представителей КША вблизи районов, подконтрольных приморской культуре, однако фактов слишком мало, чтобы выдвигать какие-либо утверждения. Речь идет о нескольких фрагментах керамики, поступивших еще в конце 1990-х гг. в областной историко-художественный музей и на долгие годы забытых. Фрагменты, собранные в зоне строительства в крайней восточной части г. Калининграда, вблизи поселка Исаково, происходят из уничтоженного культурного слоя поселения, расположенного на берегу р. Преголя, в 12 км восточнее ее впадения в Калининградский залив. Данный участок давно застроен, и, видимо, дополнительной информации мы больше не получим. Всего этих фрагментов пять, два из них технологически почти идентичны, но относятся к разным сосудам (рис. 2: *2, 3, 5, 6, 9*). В керамической массе сочетание примеси песка и дресвы, что считается редким явлением для приморской культуры, однако известно в КША. Особенностью является орнамент, прямые аналогии которому, прежде всего, видятся в КША. Наиболее крупный обломок, видимо, принадлежал амфоре, покрытой декором, сочетающим в себе двойной зигзаг и горизонтальную линию, образованные штампом в виде столбиков (рис. 2: *2*). Другой мелкий фрагмент был орнаментирован мелкими, неглубокими клиновидными ямками (рис. 2: *9*). Вероятно, подобного рода декор не связан напрямую с КША и имеет местное происхождение. В восточной группе КША декор клиновидной формы известен, но в этих случаях он являются разновидностью столбиков (*Szmyt*, 1999. Pl. 49: *9–11*).

Небольшой по размерам фрагмент имел декор с характерным для КША сочетанием непрерывных горизонтальных линий и зигзага (рис. 2: *3*). В керамической массе отмечается наличие песка и шамота.

Единственный венчик отличался декором, состоящим из неровных рядов штампа трубчатой формы (т. н. птичье перо) (рис. 2: *5*). Данный декор однозначно считается происходящим из КША, как, впрочем, и украшение сосудов столбиками (*Szmyt*, 1999. Fig. 5). Конечно, штамп в виде столбиков возник еще в недрах культуры воронковидных кубков, а затем уже распространился в КША. В свою очередь, такая разновидность орнамента была заимствована гончарами приморской культуры. Однако сочетание тонкостенности, примеси песка и шамота, наличия сдвоенного зигзага из столбиков, наконец, присутствие среди этих крайне малочисленных фрагментов венчика, украшенного

трубчатым декором, нечасто встречающегося среди древностей с побережья, при полной нехватке типичных для приморцев орнаментальных шнуровых схем, подсказывает нам, что данная керамика не имеет никакого отношения к приморской.

Наличие еще одного фрагмента, возможно, является, в некотором смысле, подсказкой. Украшенный рядами мелких ямок обломок имел в керамической массе исключительно растительную примесь и мелкотолченую раковину (рис. 2: *6*). Подобного типа технологическая особенность никак не связана ни с приморской, ни с КША, но встречается в цедмарской и нарвской культурах.

Река Преголя могла служить водной артерией, благодаря которой носители КША пытались проникнуть как можно ближе к побережью. Естественно, нет никаких сведений о продолжительности возможного существования поселения одной из культур «лесного» неолита неподалеку от побережья, но, скорее всего, заселение данной области было остановлено приморскими сообществами. Соответственно, пребывание мигрировавших групп населения КША на данном участке через некоторое время прервалось и более не возобновлялось. Вероятно, попытка укорениться на побережье представителями КША произошла в достаточно ранний период, когда эта территория еще не была полностью захвачена нарождающимся приморским объединением. Сама по себе ситуация, когда небольшие группы носителей КША проникают в пределы расселения цедмарского населения, вступая в различного рода отношения, не является исключительным явлением. В частности, на цедмарских стоянках, расположенных в районе Мазур, они оставили после себя следы сравнительно интенсивной деятельности (*Gumiński*, 1997. P. 184).

Не сумев закрепиться в прибрежных районах, освоенных приморскими сообществами, небольшие группы населения КША завязали отношения с жителями нарвской культуры в Западной Литве (Швянтойи 2/4) (*Piličiauskas et al.*, 2023; *Rimantienė*, 2005. P. 126–133).

Во внутренних районах ситуация складывалась несколько иначе. В перв. пол. III тыс. до н. э. отдельные группы КША просачиваются в Верхнее Понеманье, оставив после себя могильник вблизи пос. Красносельский и погребение рядом с селом Малые Едковичи в Белоруссии (*Вайтович*, 2019). Нет никаких сомнений, что их привлекали расположенные в этой области залежи кремня. С населением КША связывают шахты и мастерские в районе пос. Красносельский и села Карповцы. Заготовки, а также готовые четырехгранные топоры и долота из местного матово-светлого или двухцветного светлого и черного кремня, по форме характерные именно для КША, обнаруживаются повсюду на этих участках, хотя сообщества КШК также спорадически занимались добычей и обработкой кремня.

По всей вероятности, небольшие группы КША проникали и севернее – на современную территорию Юго-Западной Литвы, где в районе Вилкавишкиса и Мариамполя зафиксирована значительная концентрация кремневых четырехгранных топоров (*Brazaitis, Piličiauskas*, 2005. P. 94). Находки охарактеризованных выше топоров соотносятся с близлежащими районами Юго-Западной Литвы. По Неману, скорее всего, движение мигрирующих групп КША шло в направлении литовского побережья Балтийского моря, в обход территории,

контролируемой приморской культурой. Незначительные в количественном отношении группы, предположительно, могли проникнуть и в район Виштынецкого озера, расположенного в самой восточной части Калининградской области. Отсюда по притокам они могли легко достигать р. Преголя, впадающей в Калининградский залив. Несмотря на то что сообщества КША были лишены возможности закрепиться на постоянной основе в прибережных районах, различного рода контакты с населением приморской культуры, несомненно, наличествовали на протяжении большей части существования прибрежных поселений, что в особенности заметно в широком распространении типичных для КША орнаментальных схем и разновидностей орнамента, в несколько меньшей степени форм посуды (*Зальцман,* 2022б). Находки среди материалов приморской культуры собственно керамики КША являются еще одним важным доводом в пользу особого характера связей между этими двумя культурами.

ЛИТЕРАТУРА

Вайтович А. В., 2019. Роль культуры шаровидных амфор в развитии сообществ Верхнего Понеманья // Самарский научный вестник. № 2 (27). С. 106–114.

Жилин М. Г., 2013. Отчет о работах в Калининградской области в 2012 г. // Архив ИА РАН.

Зальцман Э. Б., 2019. Восточная группа приморской культуры. Анализ материалов поселенческих комплексов. Ч. 1. М.: ИА РАН. 318 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 26.)

Зальцман Э. Б., 2021. Культура шаровидных амфор и становление местных поздненеолитических сообществ Юго-Восточной Прибалтики // КСИА. Вып. 265. С. 61–81.

Зальцман Э. Б., 2022а. Восточная группа приморской культуры. Проблемы происхождения и развития. М.: ИА РАН. 287 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 27.)

Зальцман Э. Б., 2022б. «Амфорный» компонент в восточной группе приморской культуры (2800–2200 гг. до н. э.) // КСИА. Вып. 269. С. 49–69.

Лакіза В. Л., 2008. Старажитнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння, Мінск: Беларуская навука. 344 с.

Тимофеев В. И., 1998. Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики // ТАС. Вып. 3. С. 273–280.

Тимофеев В. И., 2002. Находки каменного века с побережья Виштынецкого озера (Калининградская область) // SP. № 1/2001–2002. С. 473–478.

Borkowski W., Budziszewski J., 1993. The use of striped flint in prehistory // Archaeologia Polona. Vol. 33. P. 71–87.

Brazaitis D., Piličiauskas G., 2005. Gludinti titnaginiai kirviai Lietuvoje // Lietuvos archeologija. T. 29. P. 71–118.

Czebreszuk J., 2003. Amber on the Threshold of a World Career // Amber in Archaeology: Proceedings of the Fourth International Conference on Amber in Archaeology, Talsi / Eds.: C. W. Beck, I. B. Loze, J. M. Todd. Riga: Institute of the History of Latvia Publishers. P. 164–179.

Engel C., 1931. Zur Vorgeschichte der Kurischen Nehrung // Mannus. Königsberg, Bd. 8. S. 97–106.

Engel C., 1935. Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Königsberg: Gräfe und Unzer. 347 S. (Untersuchungen über Siedlungsstetigkeit und Kulturgruppen im vorgeschichtlichen Ostpreußen; Bd. 1.)

Gumiński W., 1997. Finds of Funnel Beaker, Globular Amphora, and Corded Ware Cultures in Dudka, the Creat Masurian Lakeland // The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age. Gdańsk. P. 177–185.

Gumiński W., 2001. Kultura Zedmar. Na rubieży neolitu «zachodniego» // Od neolityzacji do początków epoki brązu. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie. S. 133–152.

Heudeck J., 1893. Zwei Steinzeitskelette (liegende Hocher) in dem Prussia-Museum // Sitzungsberichte der Alterthumsgesellschaft Prussia. H. 18. S. 46–60.
Kilian L., 1955. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn: Rudolf Habelt Verlag. 320 S.
La Baume W., 1943. Die jungsteinzeitliche Kugelamphorenkultur in Ost- und Westpreuβen // Prussia. Bd. 35. Königsberg. S. 13–80.
Lepionka H., 2018. Neolithic Flint Axes Made from Cretaceous flint of the Bug and Neman Interfluve in the Collection of the Museum of Podlasie in Bialystok // Archaeologia Polona. Vol. 56. P. 141–164.
Piličiauskas G., Skipitytė R., Oras E., Lucquin A. J., Craig O. E., Robson H. K., 2023. The Globular Amphora Culture in the Eastern Baltic: New Discoveries // Acta Archaeologica. Vol. 92. No. 2. P. 203–227.
Rimantienė R., 1989. Nida. Senųjų baltų gyvenvietė. Vilnius: Mokslas. 211 p.
Rimantienė R., 2005. Akmens amžiaus žvejai prie Pajūrio lagūnos. Vilnius: Išleido Lietuvos nacionalinis muziejus. 527 p.
Szmyt M., 1999. Between west and east people of the Globular amphora Culture in Eastern Europe: 2950–2350 BC. Poznań: Institute of Prehistory. 349 p. (Baltic-Pontic Studies; vol. 8.)
Tetzlaff W., 1970. The Rzucewo Culture // The Neolithic in Poland. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. P. 356–365.
Wisławski T., 1966. Kultura amfor kulistych w Polsce północno-zachodniej. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum. 285 s.
Zhilin M. G., 2016. New excavations of the site Vystinetskaya 1 at Lake Vystitis // Lietuvos Archeologija. T. 42. P. 9–24.
Żurek J., 1954. Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewie, pow. Wejherowski, i kultura rzuzewska // Fontes Archaeologici Posnaniensis. T. 4 (1953). Poznań. S. 1–42.

Сведения об авторах

Зальцман Эдвин Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: edwin_zalcman@mail.ru;

Жилин Михаил Геннадиевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: mizhilin@yandex.ru

E. B. Zaltsman, M. G. Zhilin

THE ISSUE RELATING TO POSSIBLE MATERIAL TRACES OF THE GLOBULAR AMPHORAE POPULATION GROUP PRESENCE IN THE SOUTHEASTERN BALTIC SEA REGION REVISITED

Abstract. The paper analyzes diverse Late Neolithic antiquities from the Kaliningrad region in the context of their links with the Globular Amphorae culture (GAC). «Pure» GAC materials discovered for the first time both at the local settlements near the maritime coast and in the outmost eastern part of the region outside the inocultural context have been characterized. Remains of the ritual offerings, namely, two flint axes and vessel fragments, discovered in the Lake Vištytis region which, based on all characteristics, are attributed to the GAC, suggest a short-term presence of this group individuals in the area. Given still rare finds of the GAC ceramics, we cannot rule out that small GAC groups moved westward. They attempted to reach the coastline area but failed because that area had deposits of amber and the collection of the amber was controlled by the Corded Ware communities. Based on the examined separate fragments of the GAC vessels discovered at the Pomeranian settlements and an increased number of «amphora» traits in the Pomeranian ceramics, it can be inferred that permanent links between these two cultural

communities were established by the middle of 3000 BC or even earlier; apparently, these links were quite diverse.

Keywords: Kaliningrad region, Globular Amphorae culture, Pomeranian culture of the Corded Ware «family» of cultures, flint axes, vessels, ornament, Lake Vištytis, Vistula Lagoon coast.

REFERENCES

Lakiza V. L., 2008. Starazhitnastsi poznyaga nealitu i rannyaga peryyadu bronzavaga veku Belaruskaga Panyamonnya [Late Neolithic and Early Bronze Age antiquities in Belarus Neman region]. Minsk: Belaruskaya navuka. 344 p.

Timofeev V. I., 1998. Tsedmarskaya kul'tura v neolite Vostochnoy Pribaltiki [Zedmar culture in Neolithic of Eastern Baltics]. *TAS*, 3, pp. 273–280.

Timofeev V. I., 2002. Nakhodki kamennogo veka s poberezh'ya Vishtynetskogo ozera (Kaliningradskaya oblast') [Stone Age finds from the coast of Lake Vishtynets (Kaliningrad region)]. *SP*, 1/2001–2002, pp. 473–478.

Vaytovich A. V., 2019. Rol' kul'tury sharovidnykh amfor v razvitii soobshchestv Verkhnego Poneman'ya [Role of globular amphora culture in development of communities in Upper Neman region]. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara scientific bulletin]*, 2 (27), pp. 106–114.

Zaltsman E. B., 2019. Vostochnaya gruppa primorskoy kul'tury. Analiz materialov poselencheskikh kompleksov [Eastern group of Pomeranian culture: analysis of materials from settlement associations], 1. Moscow: IA RAN. 318 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 26.)

Zaltsman E. B., 2021. Kul'tura sharovidnykh amfor i stanovlenie mestnykh pozdneneoliticheskikh soobshchestv Yugo-Vostochnoy Pribaltiki [The Globular Amphorae culture and development of local late Eneolithic communities in Southeastern Baltics region]. *KSIA*, 265, pp. 61–81.

Zaltsman E. B., 2022a. Vostochnaya gruppa primorskoy kul'tury. Problemy proiskhozhdeniya i razvitiya [Eastern group of Pomeranian culture. Issues of origins and development]. Moscow: IA RAN. 287 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 27.)

Zaltsman E. B., 2022b. «Amfornyy» komponent v vostochnoy gruppe primorskoy kul'tury (2800–2200 gg. do n. e.) [The Amphora component in the eastern group of Pomeranian culture (2800–2200 BC)]. *KSIA*, 269, pp. 49–69.

Zhilin M. G., 2013. Otchet o rabotakh v Kaliningradskoy oblasti v 2012 g. [Report on work in Kaliningrad region in 2012]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

About the authors

Zaltsman Edwin B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: edwin_zalcman@mail.ru;

Zhilin Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: mizhilin@yandex.ru

В. Г. Ломан

РИТУАЛЬНЫЕ ОГРАДЫ ПОСЕЛЕНИЯ КЕНТ[1]

Резюме. В конце эпохи бронзы на территории Казахстана и российского Алтая распространилась саргаринско-алексеевская культура (САК), входившая в общность культур валиковой керамики. Крупнейшим поселением САК является Кент (Карагандинская область, Казахстан). На восточной окраине памятника располагаются 3 большие каменные ограды, значительно превышающие своими размерами жилищные постройки. Статья посвящена публикации материалов одной из оград. Рассматриваются конструктивные особенности, дается описание материала. На основании определенных признаков и ряда аналогий делается вывод о ритуальном назначении больших оград поселения Кент.

Ключевые слова: эпоха финальной бронзы, саргаринско-алексеевская культура, Казахстан, поселение, могильник, святилище, ритуальная площадка.

Конец эпохи бронзы ознаменовался в степях Евразии появлением общности культур валиковой керамики (*Черных*, 1983). В эту общность входила саргаринско-алексеевская культура (далее – САК), существовавшая на территории современного Казахстана (*Зданович*, 1979), лесостепного и степного Алтая (*Ситников*, 2015). К настоящему времени выявлены десятки памятников САК, прежде всего поселений. Самым крупным (площадь более 30 га) является поселение Кент, находящееся в 220 км к ВЮВ от г. Караганда (рис. 1: *1*). В течение ряда лет памятник исследовался археологической экспедицией Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова, всего было изучено 11 сооружений. Большая часть из них имела размеры от 6 × 8 м до 8 × 12 м, обычные для жилых построек, поэтому особый интерес представляют три объекта, расположенные на восточной окраине поселения. Размеры их 42 × 58 м, 25 × 55 м и 25 × 60 м, в связи с чем они были условно названы Большими Оградами

[1] Работа выполнена по гранту МНВО РК № AP14869718 «Переход от эпохи бронзы к раннему железному веку на территории Сарыарки: выявление специфики культурного комплекса».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.166-179

1 *2*

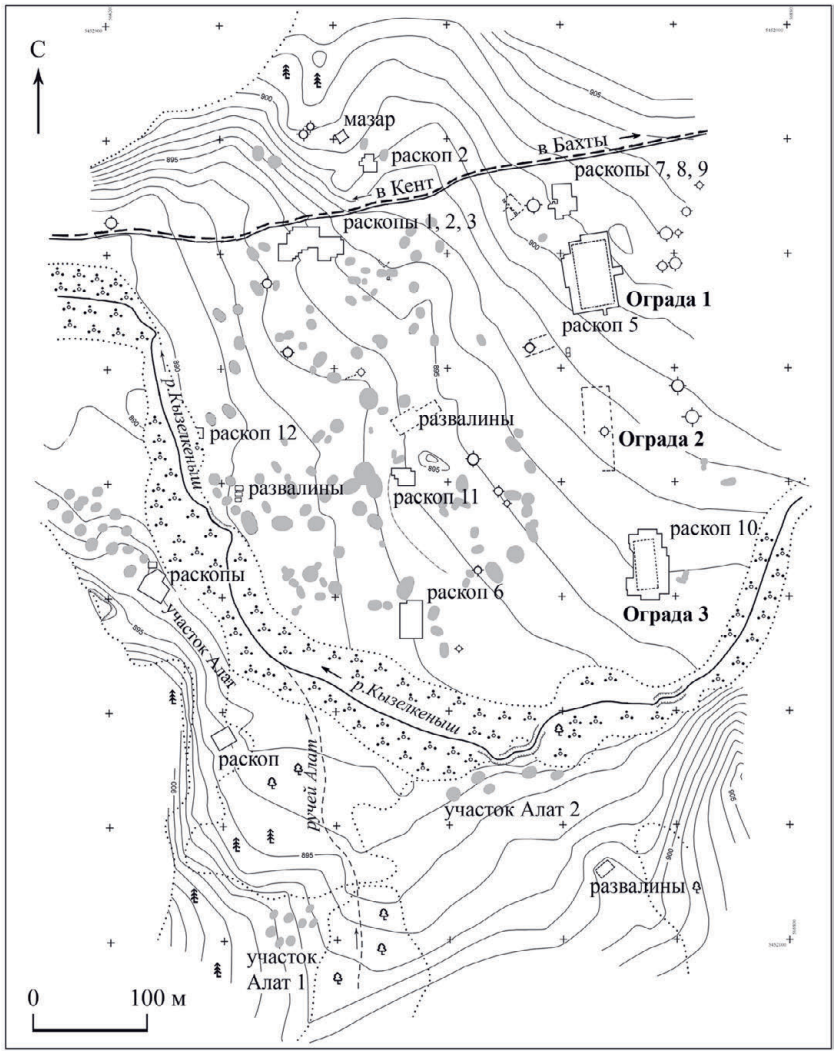


Рис. 1. Поселение Кент

1 – местонахождение; *2* – общий план (по: *Варфоломеев и др.*, 2017. Рис. 3)

(далее – БО), соответственно 1, 2 и 3 (*Варфоломеев и др.*, 2017. С. 14). Раскопками были изучены БО-1 и БО-2, но, к сожалению, по некоторым обстоятельствам в монографии, посвященной памятнику, были изложены результаты исследований только БО-1 (Там же. С. 34–42. Рис. 80–104). Данная публикация призвана восполнить имеющийся пробел.

БО-2 находится в 207 м к Ю от БО-1, на возвышенной ровной площадке, имеющей небольшой уклон к реке Кызылкеныш (рис. 1: *2*). БО-3 расположена между БО-1 и БО-2.

До раскопок на поверхности визуально фиксировались слегка выступающие над поверхностью камни и плиты развала (ширина 1,2–3,5 м) стен Ограды, которая имела в плане прямоугольную форму и была ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Внутренняя площадь Ограды 1000 кв. м, внешние размеры по осевым линиям – 25 × 55 м. Общая площадь раскопа[2] составила 1705 кв. м (рис. 2).

Стены Ограды были сложены двухпанцирной кладкой из крупных (0,5 × 0,75 м – 0,8 × 1,2 м, толщиной 0,1–0,15 м) гранитных плит, положенных плашмя в 3–4 слоя на древнюю поверхность, с забутовкой из земли и мелких камней. Судя по сохранившимся участкам, стены с внутренней стороны были облицованы плитами размерами до 0,7 × 1,3 м, поставленными на ребро. Первоначальная высота стен составляла не менее метра.

Ограда имела два выхода. Основной выход зафиксирован по проему шириной 3,5 м в южной поперечной стене в ЮЮВ углу со стороны реки. В створе выхода зафиксирована подсыпка из дресвяно-галечного слоя толщиной 0,1 м, длиной более 5 м. Второй выход, шириной 1,6 м, расположен в ЮЮЗ углу продольной стены рядом с наружной пристройкой, находящейся в западном углу Ограды. Пристройка в плане прямоугольной формы, ориентирована осями по сторонам света. Выявлены остатки нижнего фундаментного слоя северной, южной и западной стен; восточной стеной служила стена Ограды. Размеры сооружения по внешнему контуру 9,5 × 11,5 м, внутренняя площадь – около 60 кв. м. В камнях стен помещения обнаружено несколько фрагментов керамики, кости животных, изделия из камня – ножевидная пластина (№ 22[3], кв. А-12 – рис. 3: *9*), скребок (№ 23, кв. А-12 – рис. 3: *10*), терочник (№ 25, кв. Б-13 – рис. 3: *24*), пест (№ 24, кв. Б-12 – рис. 3: *25*). В камнях около восточной стены найден бронзовый наконечник стрелы (№ 26, кв. Д-13 – рис. 4: *7*).

К северу от пристройки располагался каменный ящик № 1, неправильной прямоугольной формы, составленный из семи плит, слегка вкопанных на ребро в землю. Южной стороной ящик примыкал к северной стене пристройки, а восточной – к западной стене Ограды. Пространство вокруг ящика было забутовано камнями среднего размера. По своей конструкции ящик аналогичен погребальным сооружениям бегазинского типа.

В северо-западном углу БО-2, на ее периметре, зафиксирован каменный курган диаметром 4 м, с оградкой из крупных валунов по основанию. После снятия насыпи в центре кургана обнаружился разрушенный ящик № 2, из каменных

[2] Раскопки были проведены под руководством В. Г. Ломана, В. В. Евдокимова.

[3] Номер находки в тексте соответствует ее номеру на рис. 2.

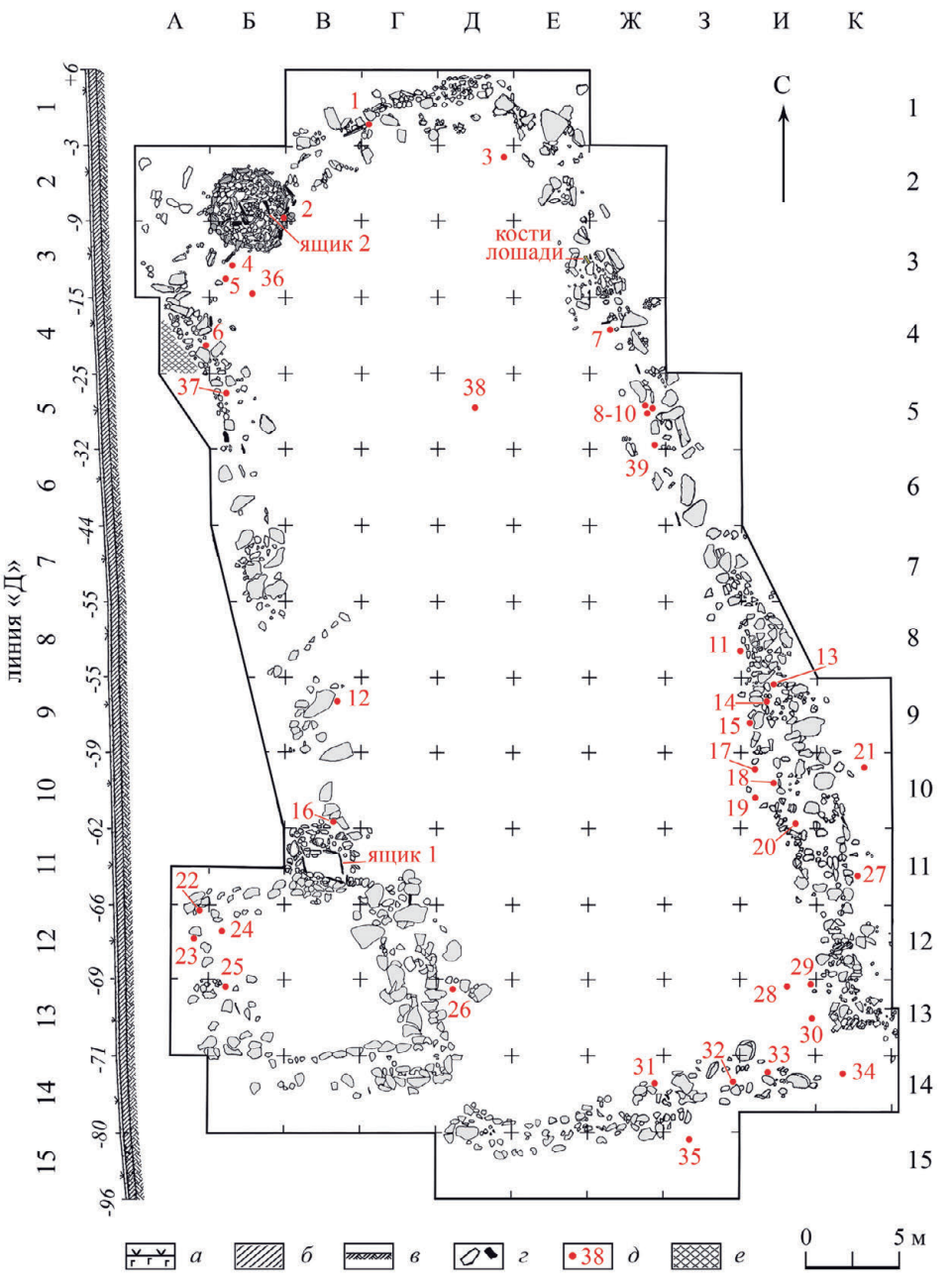


Рис. 2. Большая Ограда-2. План и разрез

а – дерн; *б* – коричневый суглинок; *в* – материк; *г* – камни; *д* – находки; *е* – скопление костей животных

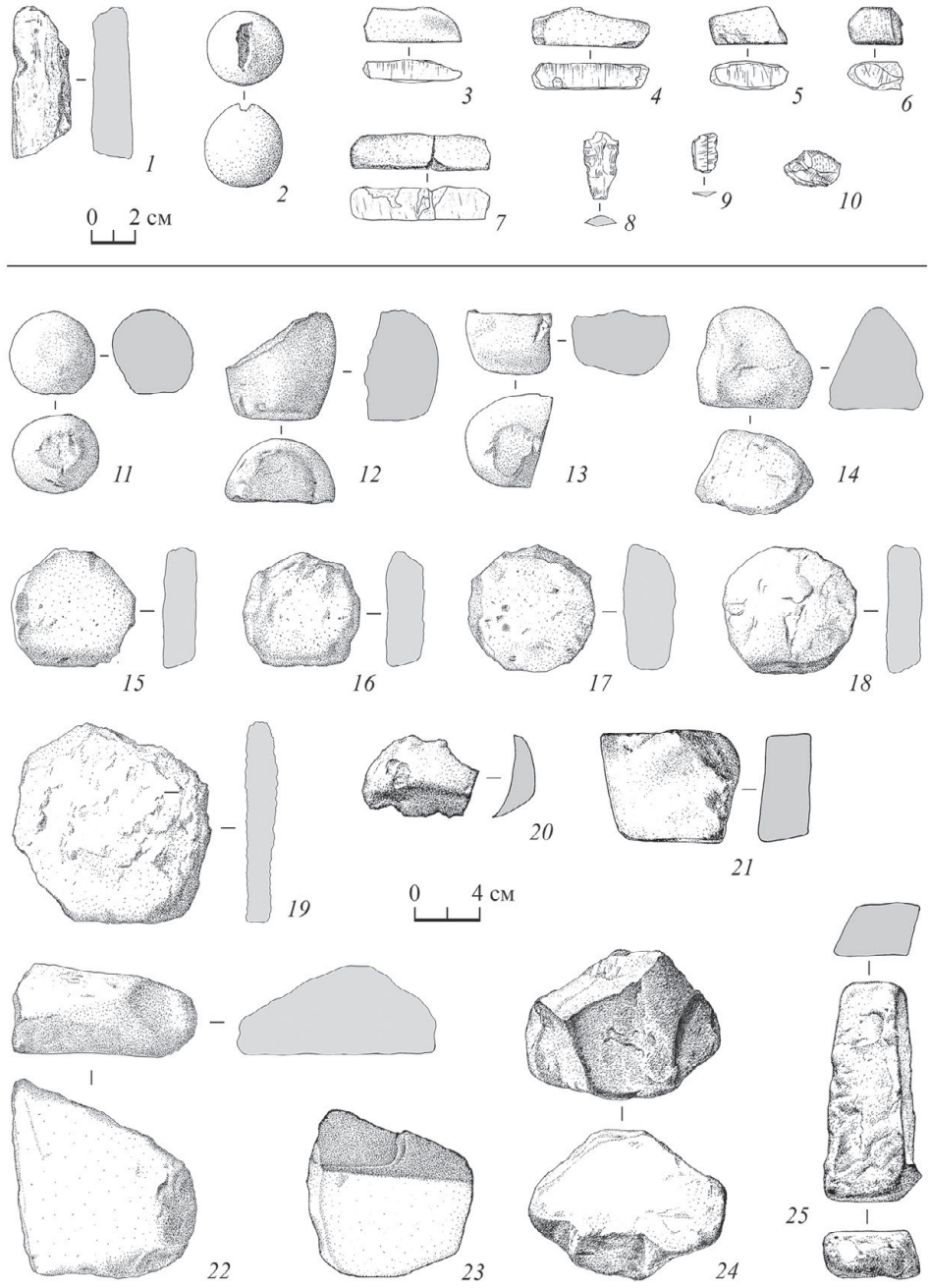


Рис. 3. Большая Ограда-2. Изделия из камня

1–10 – в монографии *Варфоломеев и др.*, 2017. Рис. 88: *2–12* ошибочно отнесены к БО-1

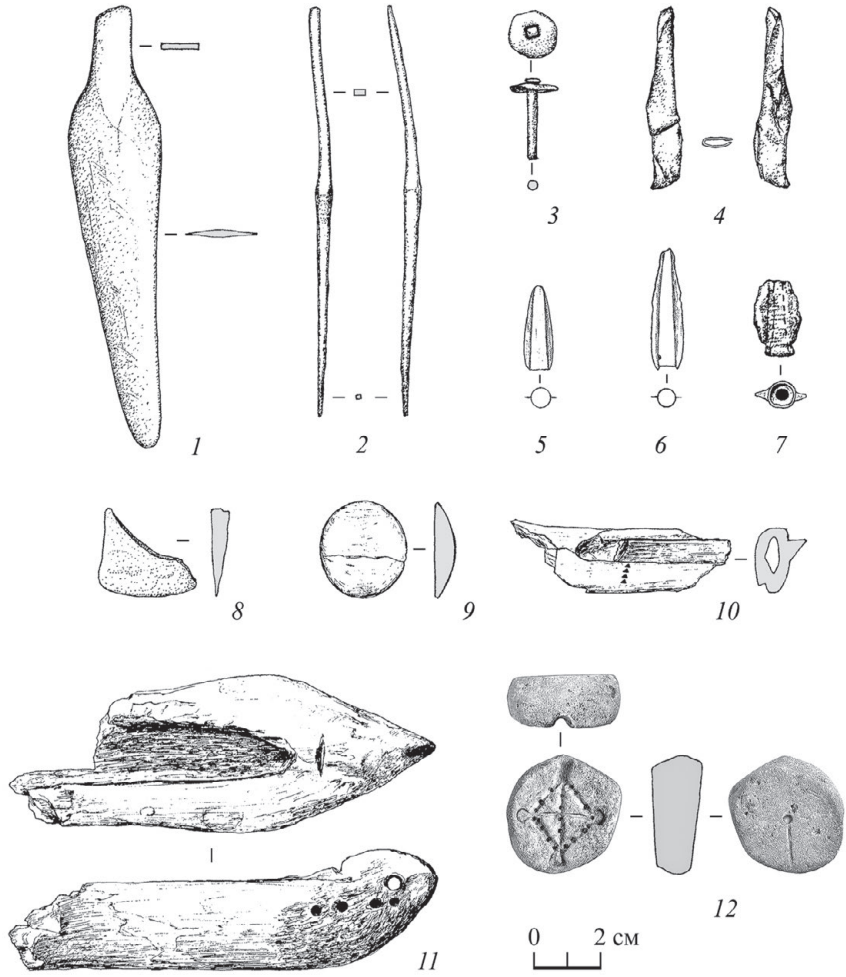


Рис. 4. Большая Ограда-2

1–8 – изделия из бронзы; *9–11* изделия из кости; *12* – каменная литейная форма (в монографии *Варфоломеев и др*., 2017. Рис. 88: *1* ошибочно отнесена к БО-1)

плит, частично вкопанных в землю. Сохранились три его стенки, рядом лежала массивная плита перекрытия, размерами 1,15 × 0,6 × 0,3 м. Ящик был разрушен более поздним вводным погребением, совершенным в узкой щелеобразной могильной яме длиной 1,6 м, шириной 0,55–0,65 м, глубиной 0,4 м, ориентированной по линии З–В. Длинные кости погребенного, компактно сложенные вместе с черепом, были, по-видимому, запакованы в сверток или мешок. Какого-либо вещевого инвентаря в погребении не обнаружено. В камнях насыпи кургана обнаружены фрагмент керамики (рис. 5: *11*) и бронзовый наконечник стрелы (№ 2, кв. Б-2 – рис. 4: 5), относящиеся, скорее всего к более раннему каменному ящику.

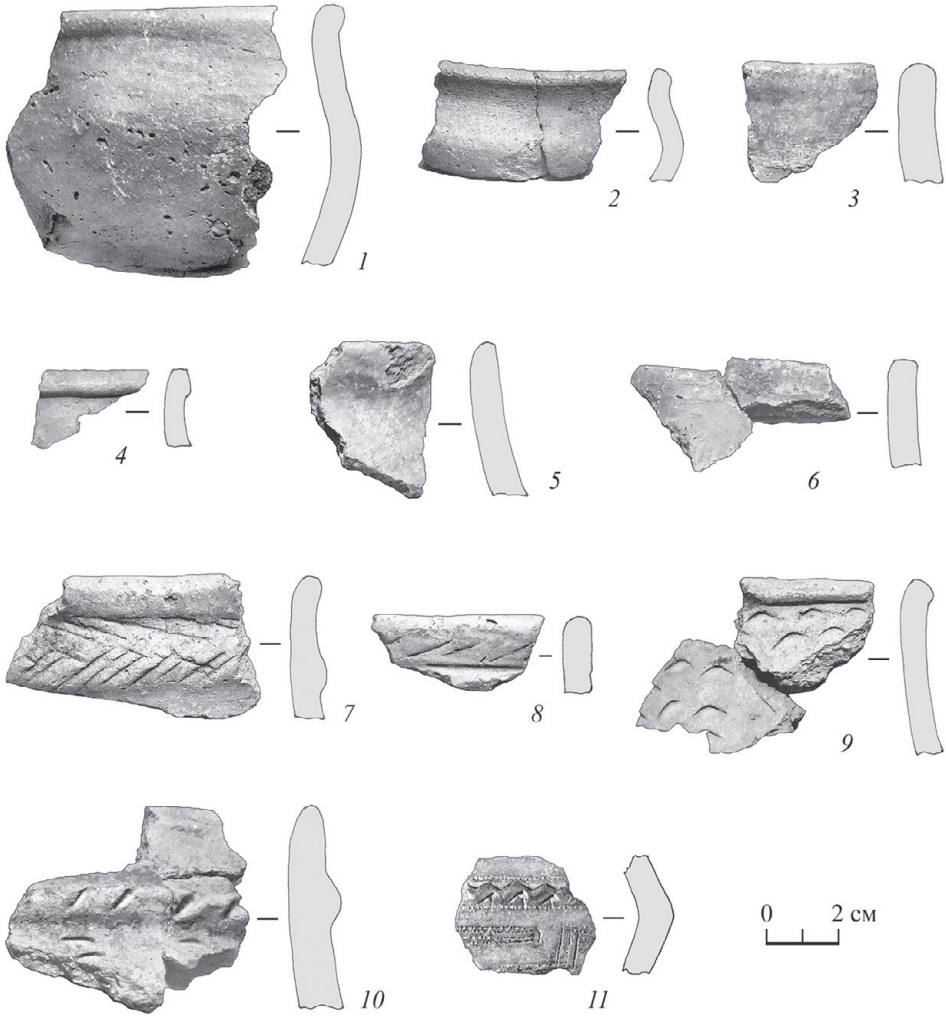


Рис. 5. Большая Ограда-2. Керамика

Возле стен БО-2 и в их развалах найдены немногочисленные фрагменты керамики, кости животных, изделия из бронзы, камня, кости и рога. Планиграфически большая часть находок отмечена вдоль северо-восточной продольной стены. В кв. Е-3 около стены, параллельно ей, лежала в сочленении шейная часть позвоночника лошади, в кв. А-4, снаружи Ограды, зафиксировано значительное скопление костей животных.

Описание находок[4]

Изделия из камня

Литейная форма (окварцованный песчаник), округлая в плане, размером 3,4 × 3 × 0,8–1,2 см (рис. 4: *12*). На плоской нижней стороне имеется круглое углубление диаметром 2 мм. На верхней плоскости вырезан негатив ажурной рамки ромбовидной формы с округлыми выступами по углам и крестовидной перегородкой (3 × 2,6 см), соединяющей противоположные углы рамки. На нижних сторонах рамки расположено по 5 ямок, на верхних – по 3, на вертикали перегородки – 4. Найдена в кв. З-15 (№ 35), снаружи Ограды; **обломок оселка** (яшмоид), с боковым перехватом в верхней трети, одна из широких плоскостей отшлифована (рис. 3: *1*), найден в кв. Б-3 (№ 5); **шаровидный предмет** (известняк) с гладко обработанной поверхностью, на которой отмечена выемка с неровными краями (рис. 3: *2*), в кв. З-14 (№ 32); **2 лощила** для доводки поверхности металлических изделий – одно из окремненного дацита (рис. 3: *4*), в кв. И-10 (№ 20), одно из окремненного алевролита (рис. 3: *5*) в кв. И-14 (№ 33); **2 обломка лощил** из андезита, в кв. В-9 (№ 12, рис. 3: *3*), и в кв. Б-5 (№ 37, рис. 3: *6*). Еще одно **лощило** из туфа (рис. 3: *7*) составилось из двух обломков, найденных на разных участках ограды, в 45 м один от другого, в кв. Б-3 (№ 36) и К-11 (№ 27); **осколок от шлифовального камня** (андезит), подретушированный под форму скребка (рис. 3: *8*), в кв. И-10 (№ 17); **ножевидная пластина** из яшмоида (рис. 3: *9*), в кв. А-12 (№ 22); кварцитовый **скребок** (рис. 3: *10*), в кв. А-12 (№ 23); **отбойник** (дацит) сферической формы, имеет уплощенную рабочую площадку с выщерблинами (рис. 3: *11*), найден в кв. И-13 (№ 30); **обломки двух пестов** (мелкозернистый песчаник) для растирания мелкодисперсного сырья, в кв. Б-3 (№ 4, рис. 3: *12*) и в кв. И-13 (№ 28, рис. 3: *13*); **4 терочника (?)** – риолито-дацитовый, в кв. А-4 (№ 6, рис. 3: *23*), сиенитовые в кв. Ж-4 (№ 7, рис. 3: *14*) и в кв. Б-13 (№ 25, рис. 3: *24*), андезитовый в кв. К-10 (№ 21, рис. 3: *20*); **5 дисков** (сиенит) диаметром 7–12 см, толщиной 1,5–3 см (№ 8–10 в кв. Ж-5 – рис. 3: *15–17*; № 29, в кв. И-13 – рис. 3: *19*; № 38, в кв. Д-5 – рис. 3: *18*); **абразивный (?) камень** (песчаник) трапециевидной формы, имеет мелкозернистую шероховатую поверхность (рис. 3: *21*), в кв. Ж-5 (№ 39); **обломок куранта** (сиенит) для растирания сырья до порошкового состояния (рис. 3: *22*), найден в кв. Г-1 (№ 1); **пест** (окварцованный песчаник) для дробления и растирания средне/мелкочастичного сырья (рис. 3: *25*), в кв. Б-12 (№ 24).

Изделия из кости и рога

Заготовка орудия из продольно расколотого рога лося, в кв. З-8 (№ 11); **заготовка пуговицы или бляшки** (рис. 4: *9*) с залощенной поверхностью, овальной формы, сегментовидная в разрезе, в кв. К-14 (№ 34); **обломок предмета**

[4] Минералогические определения были сделаны СНС Территориального геологического объединения «Центрказнедра» А. В. Павлюцем (г. Караганда). Трасологическое исследование каменного инвентаря проведено к. и. н. Н. Ю. Кунгуровой (г. Барнаул). Определение функций костяных и роговых изделий выполнено к. и. н. А. Н. Усачуком (г. Донецк).

(рис. 4: *10*) с залощенной поверхностью, на одной из сторон имеются 4 треугольные выемки, расположенные в ряд, в кв. И-9 (№ 13); **обломок конька** (рис. 4: *11*) – передняя часть с поперечным отверстием (диаметр 0,5 см) на конце, около которого на боковой поверхности обломка имеется горизонтальный ряд из четырех круглых углублений диаметром по 0,35 см. Нижняя плоскость ровная, залощенная, на верхней плоскости – продольный вырез. Найден в кв. И-9 (№ 15).

Изделия из бронзы

Нож (рис. 4: *1*), двухлезвийный, черенковый. Длина ножа 13 см, наибольшая ширина зауженного к округлому концу клинка 2,7 см, толщина 0,2 см. Клинок имеет наклон относительно вертикальной оси. Найден в кв. И-9 (№ 14); **шило** (рис. 4: *2*), изготовленное из квадратного в сечении прута длиной 12 см, толщиной 0,3 см с упором в средней части. Найдено в кв. В-10 (№ 16); **стержень** (рис. 4: *3*), длиной 2,4 см, с круглой шайбой диаметром 1,4 см. Нижняя часть стержня – круглая в сечении (диаметр 0,3 см), верхняя – квадратная. Найден в кв. И-10 (№ 18); **сверток из пластины** (рис. 4: *4*), в кв. Ж-14 (№ 31); **три наконечника стрел:** 1 – двухперый, со скрытой втулкой (рис. 4: *5*). Длина наконечника 2,5 см, диаметр основания втулки 0,4 см. Найден в камнях насыпи кургана, в кв. Б-3 (№ 2); 2 – двухперый, со скрытой втулкой и пером, обломленным в верхней части (рис. 4: *6*). Длина наконечника 3,6 см, диаметр основания втулки 0,5 см. В нижней части стенки втулки отверстие диаметром 0,1 см, лопасти выходят за край втулки, образуя жальца. Найден в кв. Д-2 (№ 3); 3 – двухперый, втульчатый, с обломленным на 1/3 бойком (рис. 4: *7*). Длина оставшейся части 1,1 см, диаметр выступающей на 0,2 см гофрированной втулки – 0,7 см. Найден в кв. Д-13 (№ 26); **обломок бронзового предмета, возможно, ножа** (рис. 4: *8*), в кв. И-10 (№ 19).

Коллекция керамики содержит 140 обломков, найденных в развале камней стен ограды на глубине 0,1–0,2 м, в том числе: фрагменты с венчиками от 10 горшковидных сосудов, 3 донышка, 1 экземпляр от посуды, изготовленной с помощью гончарного круга. Форма и орнаментация сосудов обычна для керамики саргаринско-алексеевской культуры (рис. 5). Из общей массы выделяется фрагмент с андроноидным орнаментом, найденный в камнях насыпи кургана в северо-западном углу ограды (рис. 5: *11*).

Большие Ограды поселения Кент могли функционировать в качестве площадок для совершения ритуальных действий. К такому выводу приводит ряд их отличительных признаков:

1 – обособленное расположение. Все три Большие Ограды размещены на восточной окраине поселения на небольшой возвышенности, доминирующей над памятником, примерно на одной линии (БО-1 – БО-3 – БО-2), как бы ограничивая жилую территорию. Далее от них к востоку жилищные конструкции отсутствуют, отмечено лишь несколько поздних каменно-земляных курганов;

2 – конструктивные особенности. Так, размеры их значительно превышают параметры жилых сооружений, которые «варьируются от 6 × 8 до 8 × 12 м» (*Варфоломеев и др.*, 2017. С. 14). Кроме того, в периметр западных стен БО-1 и БО-2 были встроены погребальные ящики бегазинского типа. Отсутствие ямок

от столбов говорит о том, что Большие Ограды представляли собой, по сути, огороженные невысокими стенами площадки без перекрытия.

3 – отсутствие выраженного культурного слоя. Глубина раскопов от современной поверхности редко превышает 0,2 м, тогда как внутри жилищ поселения она составляет до 1,5 м.

4 – слабая насыщенность культурного слоя костями домашнего скота, керамикой и вещевыми находками. Со всей площади в БО-2 было собрано всего 140 фрагментов керамики и 39 находок. При этом местонахождение большинства вещей привязано к развалам стен.

5 – наконец, на несомненный ритуальный характер БО-1 указывают специальные помещения в ее западном углу (рис. 6: *1*). В одном из них (камера «А») обнаружено кольцо из 9 камней, диаметром 1,25 м. В кольце отмечено 3 ямки, в самой большой из которых находилось заостренное основание деревянного столба. К северу от кольца было расчищено скопление разнообразных находок из бронзы, кости и рога, в том числе роговой орнаментированный «жезл» (рис. 6: *2*). Такой же предмет был подложен под один из камней кольца (рис. 6: *4*). Само скопление располагалось на россыпи мелких обломков кальцинированных костяных и роговых орнаментированных изделий. Из части обломков удалось реконструировать фрагменты роговых «жезлов» (рис. 6: *7*) и роговое «зеркало» (рис. 6: *12*). В камерах «Б» и «В» было найдено еще несколько «жезлов» и «зеркал» – предметов, не имевших утилитарного значения (рис. 6: *3, 5, 6, 8–11, 13*). «Жезлами» и «зеркалами» они названы условно, по внешнему подобию формы.

В БО-2 таких изделий не обнаружено, но практически все находки керамики (117 фрагментов из 140) концентрировались в северной части сооружения, что планиграфически соответствует месторасположению особых камер БО-1. По-видимому, основные ритуальные действия совершались в обеих Оградах в их «верхних» частях, наиболее удаленных от реки.

Подобные ограды (рис. 7) были впервые выявлены А. Х. Маргуланом на ряде однокультурных памятников Центрального Казахстана – поселении Бугулы I, комплексах Шлым, Кобдык (*Маргулан*, 1979. С. 357), Ортау III (*Маргулан*, 2010. С. 40). Отметим, что на поселениях Бугулы I и Шлым эти сооружения так же, как и на поселении Кент, были расположены на возвышенности к востоку от жилой части памятников.

К сожалению, они не изучались раскопками, но на некоторых была проведена шурфовка, результаты которой, по мнению А. Х. Маргулана, говорят об их ритуальном предназначении. Так, в «святилище» Ортау III им был обнаружен «толстый слой золы – следы жертвенного костра и костей животных», в Бугулы I – «каменные вымостки, служившие алтарем… двойные каменные выкладки… место поклонения и жертвоприношения у входа…» (*Маргулан*, 1979. С. 190).

Две большие (60 × 60 м и 50 × 45 м) прямоугольные ограды, только не каменные, а земляные, были исследованы на могильнике Северный Тагискен в Приаралье (*Итина*, 1984). Скорее всего, они были возведены несколько позже стоящих рядом мавзолеев времени поздней бронзы и относятся к началу раннего железного века (Там же. С. 83). Эти ограды сопоставляются в статье с подобными сооружениями сарматского могильника Шиханы, названными К. Ф. Смирновым «святилищами огня» (*Смирнов*, 1969).

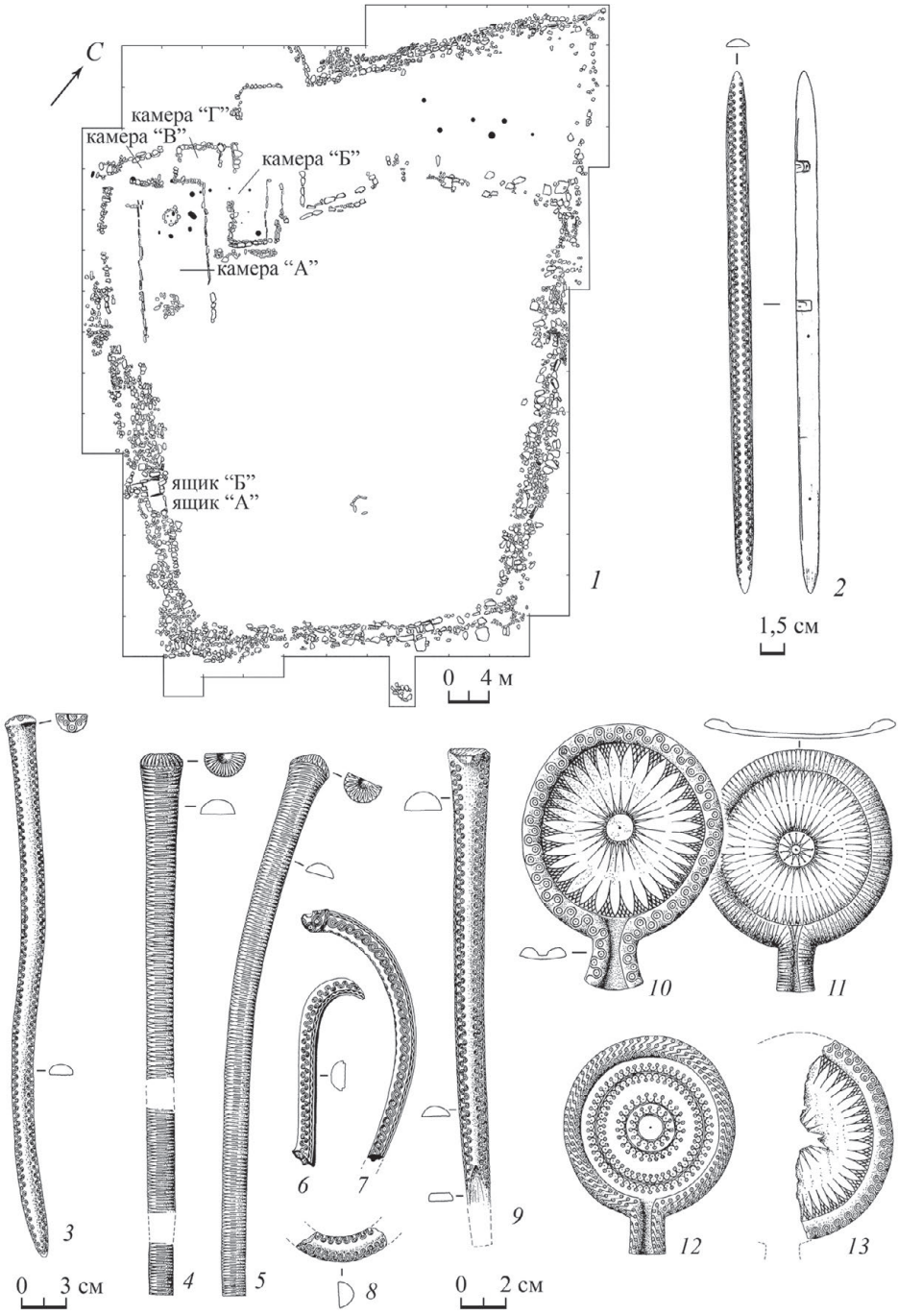


Рис. 6. Большая Ограда-1

1 – план; *2–13* – ритуальные изделия из рога (по: *Варфоломеев и др.*, 2017. Рис. 81; 87: *15*; 93–95)

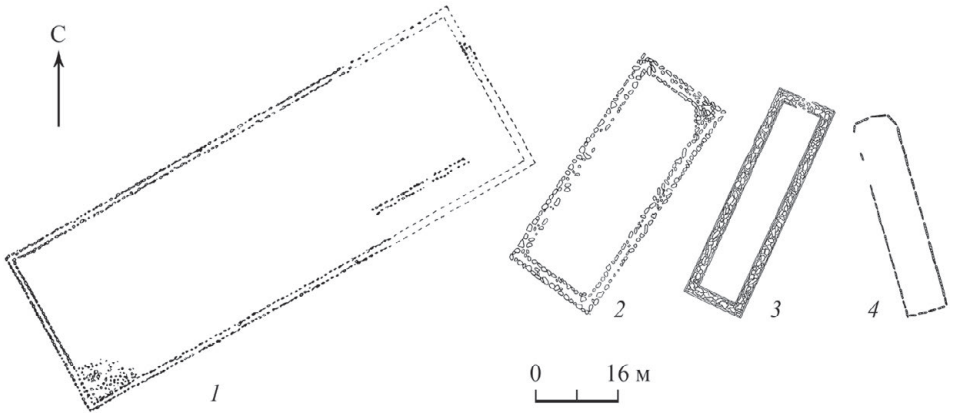


Рис. 7. Аналогии Большим Оградам поселения Кент

1, 2 – поселение Бугулы I; *3* – комплекс Ортау III; *4* – комплекс Кобдык

1, 2, 4 – по: *Маргулан*, 1979. С. 357; *3* – по: *Маргулан*, 2010. С. 40

В поисках аналогий М. А. Итина обратилась к могильнику Чаш-тепе (Туркмения) середины I тыс. н. э. На территории этого памятника было обнаружено 20 объектов «в виде большого прямоугольного двора, ограниченного валом» (*Рапопорт, Трудновская*, 1979. С. 151), размерами 100 × 50 м, без культурного слоя. В них «могли совершаться какие-то символические, магические обряды» (Там же. С. 156). Насчет назначения тагискенских оград у автора раскопок не сложилось однозначного мнения, что явствует и из названия статьи, однако на основе указанных сопоставлений более вероятной представлялась их связь «с каким-то погребальным культом» (*Итина*, 1984. С. 83).

Сходство и конструкций, и назначения всех оград (тагискенских, шиханских и чаштепинских), по мнению М. А. Итиной, объясняется, прежде всего, сходством идеологии, возникшим на основе общего индоиранского происхождения их создателей (Там же. С. 83–84).

Носителей саргаринско-алексеевской культуры, к которой относится поселение Кент, также связывают с индоиранцами (*Черных*, 1983. С. 97–98; *Кузьмина*, 2008. С. 209, 212). В этой связи не исключено, что более поздним оградам ираноязычных кочевников, в которых совершались погребальные ритуалы, предшествуют ограды на поселениях эпохи финальной бронзы, предназначенные для проведения общественных церемоний и обрядов.

ЛИТЕРАТУРА

Варфоломеев В. В., Ломан В. Г., Евдокимов В. В., 2017. Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана: Казахский науч.-исслед. ин-т культуры. 338 с.

Зданович С. Я., 1979. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Казахстане: автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 19 с.

Итина М. А., 1984. Загадочные ограды на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука. С. 78–84.

Кузьмина Е. Е., 2008. Арии – путь на юг. М.; СПб.: Летний Сад. 558 с.
Маргулан А. Х., 1979. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука. 360 с.
Маргулан А. Х., 2010. Сочинения. Т. 8. Алматы: Алатау. 472 с.
Рапопорт Я. А., Трудновская С. А., 1979. Курганы на возвышенности Чаш-Тепе // Кочевники на границах Хорезма / Отв. ред. М. А. Итина. М.: Наука. С. 151–166. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; 11.)
Ситников С. М., 2015. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул: Алтайский гос. пед. ун-т. 254 с.
Смирнов К. Ф., Попов С. А., 1969. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы / Ред. Л. А. Евтюхова. М.: Наука. С. 210–217. (МИА; № 169.)
Черных Е. Н., 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Башкирский гос. ун-т. С. 81–99.

Сведения об авторе

Ломан Валерий Григорьевич, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, ул. Университетская, 28, Караганда, 100028, Казахстан; e-mail: lvg7@yandex.ru

V. G. Loman

RITUAL ENCLOSURES OF THE KENT SETTLEMENT

Abstract. At the final stage of the Bronze Age the Sargary-Alekseevskaya culture (SAC) that formed part of the Roller Ceramics cultural entity spread across Kazakhstan and the Russian part of the Altai. Kent (Karaganda region, Kazakhstan) is the largest SAC settlement. Three stone enclosures that are much larger and higher than the dwellings are located on the eastern fringe of the site. The paper is devoted to the publication of the materials from one of the enclosures. The constructive features are considered and a description of the material is presented. Proceeding from the analysis of certain features and a number of analogies the conclusion is made that the large enclosures at Kent functioned as ritual structures.

Keywords: final stage of the Bronze Age, Sargary-Alekseevskaya culture, Kazakhstan, settlement, burial ground, sanctuary, ritual site.

REFERENCES

Chernykh E. N., 1983. Problema obshchnosti kul'tur valikovoy keramiki v stepyakh Evrazii [The problem of roller ceramics entity in Eurasia steppes]. *Bronzovyy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya [Bronze Age of the steppe strip of the Ural-Irtysh interfluve]*. G. B. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Bashkirskiy gos. universitet, pp. 81–99.
Itina M. A., 1984. Zagadochnye ogrady na kurgannykh gruppakh nizov'ev Syrdar'i i Yuzhnogo Priural'ya [Enigmatic enclosures on kurgan groups in lower reaches of the Syr Darya and the Southern Urals]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya [Antiquities of Eurasia in Scythian-Sarmatian time]*. A. I. Melyukova, ed. Moscow: Nauka, pp. 78–84.
Kuzmina E. E., 2008. Arii – put' na yug [Aryans – the way to the south]. Moscow; St. Petersburg: Letniy Sad. 558 p.
Margulan A. Kh., 1979. Begazy-Dandybaevskaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana [Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. 360 p.

Margulan A. Kh., 2010. Sochineniya [Works], 8. Almaty: Alatau. 472 p.
Rapoport Ya. A., Trudnovskaya S. A., 1979. Kurgany na vozvyshennosti Chash-Tepe [Kurgans on the Chash-Tepe height]. *Kochevniki na granitsakh Khorezma [Nomads on the borders of Khorezm]*. M. A. Itina, ed. Moscow: Nauka, pp. 151–166. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, 11.)
Sitnikov S. M., 2015. Kul'tura sargarinsko-alekseevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya [Culture of the Sargary-Alekseevskaya population of the forest-steppe and steppe Altai]. Barnaul: Altayskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 254 p.
Smirnov K. F., Popov S. A., 1969. Sarmatskoe svyatilishche ognya [Sarmatian sanctuary of fire]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy [Antiquities of Eastern Europe]*. L. A. Evtyukhova, ed. Moscow: Nauka, pp. 210–217. (MIA, 169.)
Varfolomeev V. V., Loman V. G., Evdokimov V. V., 2017. Kent – gorod bronzovogo veka v tsentre kazakhskikh stepey [Kent – a Bronze Age city in the center of Kazakh steppes]. Astana: Kazakhskiy NII kul'tury. 338 p.
Zdanovich S. Ya., 1979. Sargarinskaya kul'tura – zaklyuchitel'nyy etap bronzovogo veka v Kazakhstane: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Sargary culture – the final stage of Bronze Age in Kazakhstan: PhD Thesis]. Moscow. 19 p.

About the author

Loman Valeriy G., Buketov Karaganda University, ul. Universitetskaya, 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan; e-mail: lvg7@yandex.ru

О. С. Советова, О. О. Шишкина,
И. В. Аболонкова, И. В. Сирюкин

ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ УСТЬ-ТУБЫ В 2021–2022 гг.[1]

Резюме. Несмотря на длительную историю изучения памятников наскального искусства Минусинской котловины, некоторые до сих пор остаются до конца неизученными. Одним из таких памятников является Тепсей, изображения которого в последние годы обследуют и документируют специалисты кафедры археологии КемГУ. В 2021–2022 гг. в весенне-летний период, когда уровень воды в Красноярском водохранилище из-за сброса воды был как никогда низким, авторам удалось провести обследования прибрежных скал Тепсея у реки Тубы (Усть-Туба) (рис. 1). В результате разведок удалось выявить несколько участков с ранее неизвестными наскальными изображениями: фигуры быков раннего пласта, гравированное изображение животного в скифском стиле, гравированные рисунки коней, рунические знаки, тамги и пр. Наибольшее количество найденных рисунков относится к т. н. народному искусству и датируется Новым временем (XVII – нач. XX в.) – это изображения коней, всадников, верблюдов, оленей, собак, парохода и пр. Открытия «позднего» пласта изображений позволяют расширить имеющиеся представления о некоторых сторонах жизни обитателей этих территорий и их соседей, окружавший их животный мир, мифологические и эпические представления, занимавшие умы древних художников, а также отдельные страницы истории края.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы, рисунки раннего пласта, нового времени, Тепсей, Усть-Туба, Минусинская котловина.

Особенностью многих памятников наскального искусства Минусинской котловины, таких как Оглахты, Суханиха, Тепсей и др., является неисчислимое количество разновременных наскальных рисунков, сосредоточенных в разных частях

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00974, https://rscf.ru/project/23-28-00974/

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.180-193

горного массива от прибрежной зоны до вершин. Документирование рисунков таких памятников требует огромных усилий и времени, и часто, несмотря на длительную историю их изучения, они остаются полностью необследованными. То же можно сказать и о Тепсее – двуглавой горе, расположенной в своеобразном «междуречье»: между реками Енисеем и Тубой в Краснотуранском районе Красноярского края. История изучения наскального искусства Тепсея длится уже не одно десятилетие (*Шер*, 1980. С. 61; *Советова и др.*, 2021. С. 18, 28; и др.), но до сих пор далеко не все рисунки выявлены, задокументированы и опубликованы. Создание искусственного моря, повлекшее за собой активную переработку берега, губительно сказывается на состоянии многих плоскостей с петроглифами, поэтому задача полного документирования всех без исключения рисунков актуальна как никогда.

Некоторые рисунки Тепсея, расположенные в самом устье р. Тубы, были известны уже в XIX в. как «Тепсинские начертания». Зарисовки шести скоплений «Тепсинской писаницы» были опубликованы Г. И. Спасским в 1857 г. (*Спасский*, 1857. С. 148. Табл. IV). Первые научные исследования начались с работ А. В. Адрианова в 1904 г., а затем были продолжены Каменским отрядом Красноярской АЭ ЛОИА СССР под руководством Я. А. Шера в 1960–1970 гг. (*Шер*, 1980. С. 38). До настоящего времени материалы Каменского отряда, опубликованные в «Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale», остаются самым полным сводом петроглифов Усть-Тубы (*Blednova et al.*, 1995). Э. Б. Вадецкая отмечала, что, к сожалению, при работе этого отряда «не было в достаточной степени использовано исследование предшественника, его описания писаниц и копии. Они не сопоставлены с новыми материалами и не всегда ясно, какие рисунки открыты заново, а какие перекопировались, тем более что описания местонахождений писаниц, где производили работы А. В. Адрианов и Я. А. Шер, совпадают лишь приблизительно» (*Вадецкая*, 1986. С. 158). Поскольку наши исследования предполагают проведение сплошного копирования, описания и фотофиксации всех выявляемых рисунков, очень важны материалы всех исследователей. Более чем десятилетние разведки в Тепсейском археологическом микрорайоне позволили нам полностью обследовать весь юго-западный и северо-восточный склоны горы Тепсей, выходящие на правый берег Енисея (местонахождения Тепсей I–VI по индексации Я. А. Шера) (*Советова и др.*, 2021).

В последние годы наши исследования переместились в другую часть Тепсейского горного массива – на южный склон горы Тепсей и прибрежный кряж, тянущийся от Тепсея вдоль правого берега реки Тубы до деревни Листвягово. Это местонахождения петроглифов, индексированных Я. А. Шером как Усть-Туба I–VI, где работал Каменский отряд (*Шер*, 1980. С. 150). Пока нами не обследованы пункты Усть-Туба I и II. Основные разведки проводились во внутренних логах, в том числе на всем протяжении большого Широкого лога, осмотрены также рисунки скалы Забочинской (Усть-Туба III), доступные лишь при низком уровне воды в водохранилище и, соответственно, в р. Тубе.

В целом петроглифы Усть-Тубы не обделены вниманием исследователей (*Шер*, 1980. С. 38, 146, 147; *Blednova et al.*, 1995; *Миклашевич*, 2019. Рис. 5; 6; *Миклашевич и др.*, 2016; и др.), но слабая публикация материалов не дает цельной картины наскального искусства этого грандиозного памятника, хотя

к настоящему времени здесь уже выявлено более десятка отдельных местонахождений с петроглифами, и открытия продолжаются.

К сожалению, при подготовке публикации рисунков с местонахождений Усть-Туба I–VI, выполненных участниками Каменского отряда, для «Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale» (*Blednova et al.*, 1995), изображения компоновались произвольно, отчего порой из композиций «вырваны» отдельные фрагменты и фигуры, что искажает представления о цельности сцен, палимпсестах и т. д. Тем не менее имеющиеся прорисовки и фотографии востребованы при проведении разведок и мониторингов состояния рисунков.

Документированием изображений Усть-Тубы занимались также исследователи из местных научных центров, краеведы, художники, эпизодически публиковавшие отдельные композиции. Самые полные публикации микалентных копий и художественных прорисовок, выполненных местными краеведами и художниками, вошли в такие издания, как «Петроглифы древней Сибири» с копиями художника В. Ф. Капелько (Петроглифы…, 2010. С. 26, 27, 38–50, 69–71, 108, 128, 179, 180) и «Наскальное искусство Среднего Енисея» (Наскальное искусство…, 2007. С. 122–155), также с художественными прорисовками. Копии В. Ф. Капелько относительно точны и остаются полезными для исследований. Фотографии 1990-х гг. в издании «Наскальное искусство Среднего Енисея» дают представление о ряде композиций и их состоянии тридцатилетней давности, что помогает понять, в какие промежутки времени произошли разрушения тех или иных петроглифов.

В 1983 г. наскальные изображения Усть-Тубы и Широкого лога исследовала группа ленинградских археологов под руководством Н. А. Боковенко. Результаты этих работ отражены в его отчете, где приводятся отдельные композиции, выявленные на местонахождениях Тепсей II, Усть-Туба III–V (*Боковенко*, 1983. Рис. 63–72); и к сожалению, опубликованы лишь единичные рисунки с этих памятников.

Несколько композиций с фигурами, выполненными гравировкой, зафиксированы И. Л. Кызласовым в 1987 г. на одной из вершин горы Тепсей (*Кызласов*, 2012. Рис. I; II; IV–VII; IX). К слову сказать, проведенные нами разведки показали, что гравированных рисунков на вершинах горы очень много (в основном это изображения таштыкской эпохи, Средневековья и Нового времени), их выявление и обработка требуют дополнительных усилий, поэтому они еще ждут своего часа.

В 1996 г. в Широком логу и в прибрежной части реки Тубы работал А. Л. Заика со школьниками из поселка Подгорный (Железногорск) (Наскальное искусство…, 2007).

Исследования Ю. Н. Есиным петроглифов Тепсея пока не нашли должного отражения в научной литературе, опубликованы лишь отдельные изображения (*Есин, Скобелев*, 2020. Рис. 6 и др.). Ю. Н. Есин совместно с японским исследователем Такаши Осавой обследовал т. н. пещеру Адрианова, в результате вышла публикация рунических надписей пещеры с интерпретациями японского специалиста (*Осава*, 2014).

На самом высоком научном уровне уже на протяжении ряда лет исследует петроглифы Усть-Тубы Е. А. Миклашевич (совместно с Л. Л. Бове и другими

археологами). Основным объектом ее исследований являются древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины. Используя лодку, при помощи бинокля проводится осмотр береговой линии и недоступных участков верхних ярусов, подход к которым в настоящее время чаще всего отсутствует. Документирование труднодоступных или вовсе недоступных изображений осуществляется при помощи фотосъемки с использованием длиннофокусного объектива (*Миклашевич и др.*, 2015. Цв. вкл. III-1: *3*. Рис. 4; *Миклашевич*, 2015. С. 68, 69. Рис. 4: *2*; 5: *1*; 6). Таким образом исследователи обнаруживают незафиксированные ранее композиции и одиночные фигуры, располагающиеся порой очень высоко, нередко на отвесных скалах. Среди выявленных персонажей есть образы вымерших и изменивших ареал животных: диких лошадей, быков, лосей, кабанов, архаров и др. Не так давно серия таких животных зафиксирована в одной из многофигурных сцен (неплохой сохранности), выполненной очень реалистично и разными техническими приемами: выбивкой, выбивкой с прошлифовкой, гравировкой, а также усложненная палимпсестами (*Миклашевич*, 2019. Рис. 5).

Тепсейским отрядом КемГУ в 2021 и 2022 гг. были проведены разведки прибрежных скал, а также участков на вершинах кряжа. Особенно интенсивными были работы в весенне-летние месяцы 2021–2022 гг., когда уровень воды в Красноярском водохранилище из-за сброса воды был как никогда низким. В результате нам удалось осмотреть и оценить состояние затопленных рисунков прибрежных скал у реки Тубы от ее устья до деревни Листвягово (рис. 1). Обычно эти плоскости находятся под водой, обнажаясь только в редкие годы, почему и остаются практически недоступными для изучения. Для мониторинга были использованы фотографии и прорисовки Я. А. Шера, выполненные более полувека назад, и публикации других исследователей. Поиск усложнялся тем, что после пребывания в воде скальные плоскости затянуты белесым налетом, поэтому без расчистки не всегда удается обнаружить рисунки. Нередко грани с изображениями оказываются под завалами щебня или камней. Порой изображения не удается обнаружить по причине их полной или частичной утраты: многие плоскости пострадали из-за долгого нахождения в воде, ударов волн либо камнепадов. На протяжении двух лет (исключительно из-за низкого уровня воды) мы смогли наблюдать за состоянием двух хорошо известных по публикации Я. А. Шера плоскостей: на одной была представлена т. н. роженица, запечатленная на фоне быка в многофигурной сцене (*Шер*, 1980. Рис. 81; 125), на другой – выразительная сцена с персонажами, выполненными в скифо-сибирском стиле (Там же. Рис. 2).

Судя по снимкам 1996 г., предоставленным А. Л. Заикой, рисунки уже тогда были разрушены. Учитывая, что Я. А. Шер снимал эту сцену в 1967 г., то можно говорить, что повреждена она была в промежутке между 1967 и 1996 гг. Если учитывать, что до создания искусственного моря, влияющего и на уровень воды в реке Тубе, рисунки в сохранности просуществовали несколько тысячелетий, остро встает вопрос об их скорейшем и полном документировании, хотя справедливости ради следует добавить, что все же определенное количество граней с изображениями остаются в относительно стабильном состоянии. С исчезновением деревьев и кустарников, а также из-за частых камнепадов подход

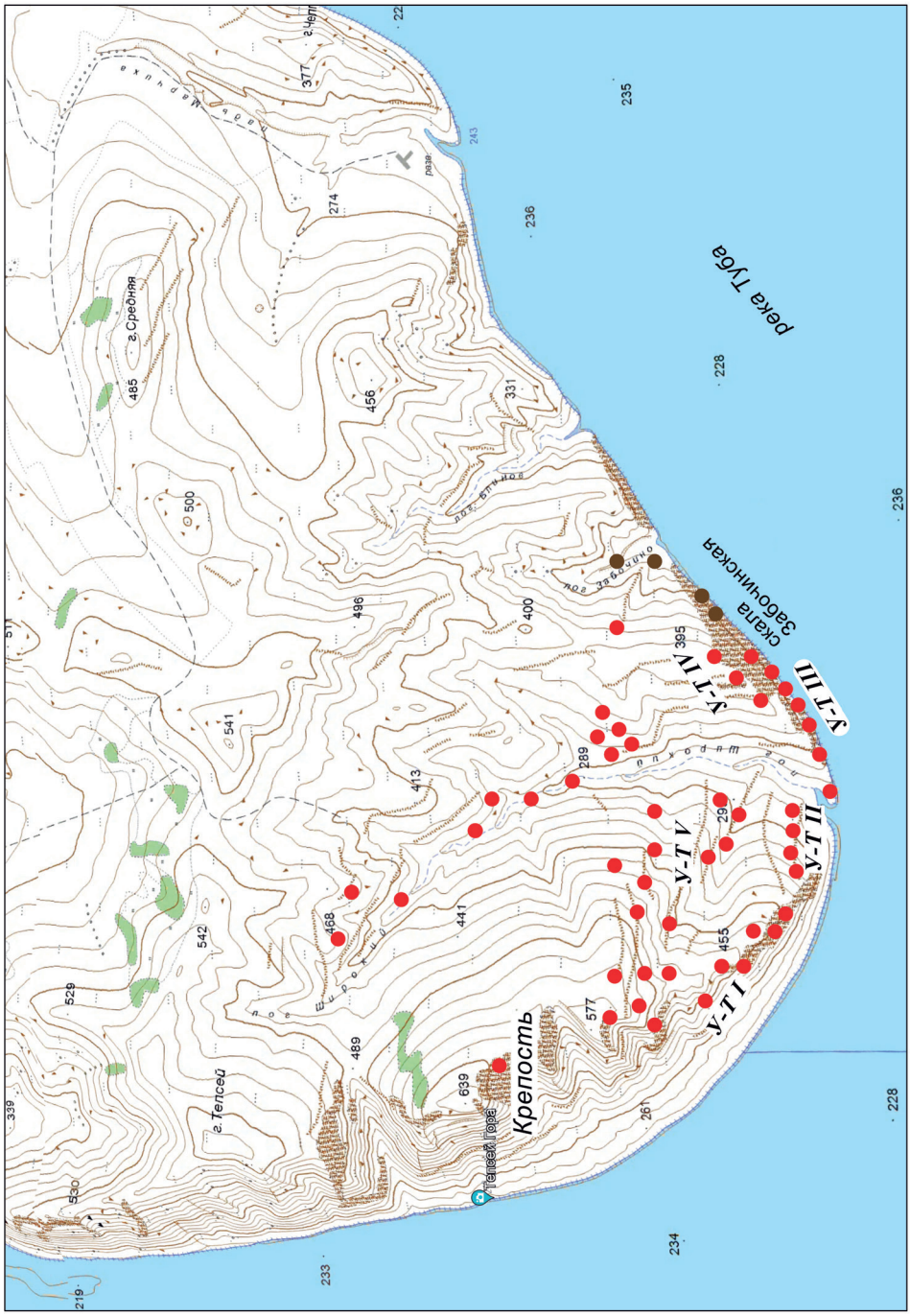


Рис. 1. Усть-Туба. Топографическая карта с указанием района разведок и выявленных плоскостей с наскальными изображениями в 2021–2022 гг.

к рисункам чрезвычайно усложнился, разрушены некогда удобные карнизы под многими плоскостями с рисунками, поэтому их документирование чрезвычайно затруднено.

По причине относительной доступности тех или иных плоскостей с изображениями исследователями, как правило, фиксируются в основном одни и те же композиции. В данном случае мы бы хотели обратить внимание на те петроглифы, которые пока не опубликованы. В свое время Э. Б. Вадецкой было отмечено, что рисунки покрывают скалы Тепсея от самого устья Тубы и до деревни Листвягово на протяжении 15 км (*Вадецкая*, 1986. С. 162). В результате проведенных нами разведок прибрежной части горного кряжа (отчасти с лодки) были осмотрены все доступные прибрежные участки. Можно констатировать, что рисунки встречаются на прибрежных скалах на протяжении по меньшей мере 7–8 км от Широкого лога в сторону Листвягово – на скале Забочинской, а также в логах Забочино и Блинов (рис. 1). Многие из участков с воды представляются малоперспективными из-за сильных обрушений или своеобразной структуры пород. Однако предварительный осмотр верхних ярусов скальных выходов пород желтых оттенков близ деревни Листвягово показал, что и на таких довольно сильно разрушенных выходах рисунки есть. Стало понятно, что изображения можно найти буквально везде и что искать их необходимо не только на песчаниках привычного красноватого оттенка, но и на желтых, серых и иных и даже на «малоперспективных» плоскостях: неровных, слоистых и прочих. Так, летом 2022 г. случайно на песчанике серого цвета было выявлено прежде неизвестное гравированное изображение животного, выполненного в скифском стиле с характерными завитками в передней и задней частях корпуса. Фигура довольно крупная, выполнена твердой рукой размашистой линией. До настоящего времени подобные изображения не только на этом, но и на других памятниках нам не встречались.

В логу Забочино удалось выявить несколько новых персонажей: в устье лога обнаружены два древних изображения быков плохой сохранности. У одного из них корпус в центральной части разрушен и в настоящее время частично покрыт кальцитовым натеком (рис. 2: *1*). В этом месте сверху шел водоток, оставивший большой след с выкрашивающимся шлейфом. Животное ориентировано головой вправо, голова его с не совсем обычным рогом опущена. Туловище грузное, с четко прорисованным горбом, с двумя ногами и довольно длинным хвостом с кисточкой (?). Второе животное ориентировано в противоположную сторону, и сохранность его также оставляет желать лучшего. Животное массивное, его передняя часть сильно выветрена. Изображены две передние и две задние ноги, одна из передних поставлена так, чтобы передать ритм шага. Фигура поджарая, задние ноги с явно обозначенными копытами (рис. 2: *2*). Эти быки дополняют серию древних изображений, но имеют свои особенности. Не исключено, что они представляют либо отдельную «промежуточную» группу раннего пласта изображений (т. е. сочетающих признаки как «минусинского», так и «ангарского» стилей) (*Миклашевич*, 2015. Рис. 5), либо выполнены чуть позднее. На этом же небольшом участке на других плоскостях зафиксировано несколько тамг и, возможно, остатки рунических надписей (выбитые рунические надписи уже известны на Усть-Тубе).

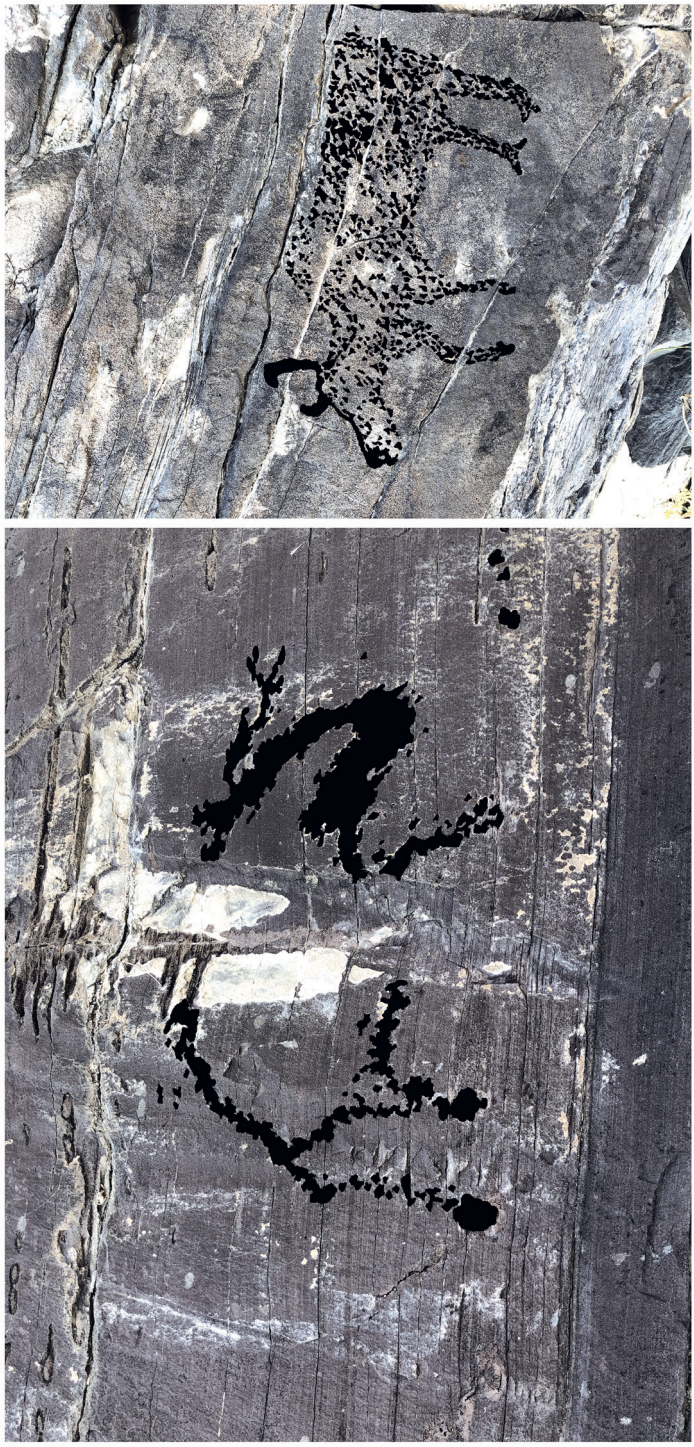


Рис. 2. Лог Забочино. Изображения быков раннего пласта, обнаруженные в 2022 г. Прорисовка на фото

Кроме того, мы пополнили коллекцию все еще слабо изученных рисунков Нового времени (XVII – нач. XX в.), характерных практически для всех памятников Минусинской котловины. Эти многочисленные, технически, стилистически и сюжетно разнообразные изображения традиционно называют «этнографическими» или «народными». Нам удалось выявить несколько своеобразных образов и сюжетов, расширивших репертуар наскального искусства этого времени. Многие персонажи и сцены интересны тематически и композиционно, а некоторые знаки и тамги вообще встречены впервые. Например, на одной из небольших плоскостей, расположенных на крутом склоне, близ блока с древними фигурами животных, зафиксированных Е. А. Миклашевич с лодки, изображены две собаки с закрученными спиралью хвостами, с двух сторон нападающие на оленя (рис. 3). Собаки вообще являются одним из излюбленных персонажей поздних петроглифов – они изображались как самостоятельно, так и подбивались к более ранним рисункам. В целом сцена выбита довольно профессионально, чем не всегда отличаются «этнографические» рисунки. У оленя рот приоткрыт, на голове два высоких рога. На соседней, довольно крупной грани (130 × 110 см) нанесены разновременные фигуры – разнообразные тамги, полные и парциальные фигуры животных, среди которых изображения верблюда, всадника, птицы (или тамги) и др. Складывается впечатление, что на этой плоскости рисунки выбивались в разное время и разными художниками, так как с поздними соседствуют фигуры или эскизы явно более раннего времени: например, к эпохе бронзы относится небольшая антропоморфная профильная фигурка с лучами на голове. Определенного композиционного единства здесь нет. Сама поверхность камня чистая, без биообрастателей, что связано с ее удачным расположением. Определенные трудности при датировке рисунков создает отсутствие палимпсестов.

Любопытна сценка с Усть-Тубы IV, где человек в поводу ведет верблюда, который тащит повозку. В наскальном искусстве Минусинской котловины встречаются разновременные изображения верблюдов. Они датируются, как правило, от VII до нач. XIX в. Хакасы довольно продолжительное время задействовали верблюдов в быту для перевозки грузов и перестали использовать их на рубеже XVIII–XIX вв. (*Бутанаев*, 1996. С. 48). В. Я. Бутанаев писал, что еще путешественники XVIII в. отмечали разведение верблюдов хакасами Койбальской степи, а в хакасском фольклоре довольно часто упоминаются верблюды, которых применяли в зажиточных хозяйствах в качестве тягловой силы при перекочевках или при отправке с караванами в далекие пути (Там же). Фигуры верблюдов запечатлены также в наскальном искусстве соседних памятников Оглахты, Турана, несколько фигурок верблюдов обнаружено на Тепсее в Волчьем логу. В усть-тубинской сцене реалистичнее всего выглядит повозка, передняя часть которой имеет просветы, будто она сколочена из досок, а круглое колесо выбито сплошь. Изображения повозок популярны в «народных рисунках» многих народов, отображавших жизненные реалии. Считается, что жители Южной Сибири не знали колесного транспорта и заимствовали повозки у русских переселенцев. Первые хакасские повозки В. Я. Бутанаев описывает так: «…делались сплошь из дерева, а колеса из массивных чурок. При движении все это визжало и скрипело» (Там же). Учитывая, что разведение верблюдов на территории Минусинской

Рис. 3. Усть-Туба III. Сцена Нового времени с изображениями собак, нападающих на оленя. Микалентная копия

котловины прекратилось в XIX в., а заселение русскими данной территории произошло в XVIII в., можно предположить, что запечатленное на горе Тепсей изображение верблюда, запряженного в повозку, может датироваться примерно втор. пол. XVIII – перв. пол. XIX в.

Одним из редких является изображение парохода с трубой, по-видимому, отображающее знакомство местного населения с самыми первыми образцами этого вида транспорта. А. В. Адрианов в своих «Очерках Минусинского края» пишет, что паровое движение по Енисею возникло лишь в 1881 г. и в течение нескольких лет совершалось на маленьком, очень плохом пароходе (*Адрианов*, 1904. С. 25). В Красноярске первый пароход под названием «Москва» появился в мае 1882 г. Он был построен в германском городе Штеттине и приобретен купцом Н. Г. Гадаловым у барона Кноппа (Путеводитель…, 1900. С. 238). А. В. Адрианов писал: «В настоящий момент по Енисею ходит до шести пароходов, из которых два совершают рейсы между Минусинском и Красноярском, а остальные между Минусинском и Енисейском; кроме того, ходят два казенных парохода, выполняющих специальные функции… что касается притоков Енисея, то за исключением Тубы в нижнем течении они совсем не судоходны…» (*Адрианов*, 1904. С. 25, 26). То есть Туба в то время была судоходной, и мест-

ные художники могли видеть пароходы. Этот новый вид транспорта, очевидно, оказал на местное население столь сильно впечатление, что был запечатлен на скальной поверхности.

Наши исследования показали, что большое количество изображений, выполненных гравировкой, не были скопированы Каменским отрядом и не вошли в итоговое издание (*Blednova et al.*, 1995). Нам удалось только на скалах прибрежной линии зафиксировать множество фигур коней и других животных, сделанных мастерски, твердой рукой, фактически «без помарок». И это может свидетельствовать, что «народные рисунки» выполнялись не только, как отмечал А. В. Адрианов, «неумелыми пастухами, которые занимали свой досуг подобными упражнениями» (*Адрианов*, 1904. С. 3), но и настоящими художниками. Представленные изображения демонстрируют главным образом разные породы коней, которые, очевидно, встречались в зажиточных хозяйствах наряду с местными породами низкорослых лошадок.

Таким образом, изучение наскального искусства только одного из многочисленных памятников Минусинской котловины – Тепсея – дает чрезвычайно обширный, разновременный и стилистически разнообразный материал, расширяющий наши представления о духовной и материальной культуре создателей этих изображений.

Наличие большого комплекса археологических памятников в Тепсейском микрорайоне, многие из которых были раскопаны в 1960–1970-х гг. Красноярской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М. П. Грязнова, дали огромный разновременный материал, способствовавший формированию представлений об истории края (начиная с эпохи камня и до средневековья). А наскальные изображения существенно дополняют археологическую информацию. Открытия новых серий изображений позволяют углубить имеющиеся представления о некоторых сторонах жизни обитателей этих территорий и их соседей: окружавшем их животном мире; мифологических и эпических сюжетах и образах, занимавших умы древних художников; а также отдельных страницах их истории. Например, несмотря на немногочисленность памятников окуневской культуры, выявленных в Тепсейском археологическом микрорайоне, на скалах зафиксированы многие характерные темы окуневского искусства: личины, роженицы, быки и др. Нынешний сезон позволил выявить неизвестные здесь ранее образы – солнцеголового персонажа, а также профильную мужскую фигуру, сопутствующую роженице. Очевидно, Минусинская котловина является самой северной границей распространения таких персонажей (наряду со сценами «священного брака»), столь популярных в наскальном искусстве Средней и Центральной Азии.

Самые поздние находки, которые дали раскопки, относятся к Средневековью, когда под горой Тепсей прекращают хоронить умерших, но материалы наскального искусства представляют и последующие эпохи, причем демонстрируя очень интересные и разнообразные изображения, со своими характерными образами и темами.

Наскальное искусство было популярно на протяжении многих тысячелетий, о чем свидетельствует практически непрерывное использование каменных поверхностей для нанесения рисунков. К настоящему времени на Тепсее выявлено

более 14 отдельных местонахождений рисунков, из них исследования проведены на 10. Складывается впечатление, что изображения есть везде: от прибрежной зоны до вершин гор. При помощи беспилотников была установлена приблизительная площадь с зафиксированными наскальными рисунками – это более 27 кв. км. Разведки показывают, что необходимо проводить сплошное обследование и не игнорировать т. н. бесперспективные участки с выветренными или заросшими лишайниками плоскостями, горизонтальные поверхности, где тоже часто обнаруживаются рисунки, а также опасные участки (которые можно изучать с применением современной техники). Сплошное обследование всех без исключения изображений памятников наскального творчества позволяет изучить историю этого вида искусства и (наряду с другими вопросами) выяснить, как со временем менялись побуждающие мотивы для создания рисунков на скалах. Как правило, их нанесение сопровождало различные мероприятия: сезонные праздники, погребение и поминки умерших и др.

Позднее, особенно в Новое время, произойдут существенные перемены, рисунки будут наноситься не только по случаю важных мероприятий, но и, как отмечал А. В. Адрианов, «пастухами», занимающими свое свободное время. Наскальное искусство станет более «народным»: на каменных поверхностях (скалах, отдельных плитках и т. д.) наряду с картинками, посвященными темам эпоса, шаманства и т. п., появятся картинки быта, многочисленные тамги. Местные художники (как в свое время, очевидно, тагарцы) будут беззастенчиво использовать «полотна» древних художников, выбивая рядом или поверх них «отважных человечков», кардинально меняя первоначальный смысл композиций. Плитки с «народными» рисунками, основное скопление которых известно в урочище Кизань на Оглахты, обнаружены нами в расположенных на вершинах горного кряжа Тепсей обó.

Исследования, проведенные за последние два года, имели свою специфику: из-за низкого уровня воды в водохранилище обнажились затопленные рисунки, в результате чего стало возможным не только проводить мониторинг их состояния, выявлять произошедшие утраты, но и открыть новые участки с изображениями.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианов А. В., 1904. Писаницы Енисейской губернии (Отчет 1904 г.) // Архив ИА РАН. Ф. 12. № 151. 129 л.

Боковенко Н. А., 1983. Отчет об обследовании петроглифов в Новоселовском, Краснотуранском районах Красноярского края и в Хакасской АО в 1983 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 18036. 192 л.

Бутанаев В. Я., 1996. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакасское кн. изд-во. 224 с.

Вадецкая Э. Б., 1986. Археологические памятники в степях Енисея. Л.: Наука. 180 с.

Есин Ю. Н., Скобелев С. Г., 2020. Петроглифы эпохи поздней бронзы на горе Унюк в Минусинской котловине // АЭАЕ. Т. 48. № 1. С. 70–80.

Кызласов И. Л., 2012. Таштыкские рисунки на вершине горы Тепсей // Археология Южной Сибири. Вып. 26. К 80-летию А. И. Мартынова. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 103–108.

Миклашевич Е. А., 2015. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // УЗМЗТП. Вып. 3. Кемерово. С. 66–78.

Миклашевич Е. А., 2019. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2018 году // УЗМЗТП. Вып. 9. Кемерово. С. 66–81.

Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л., 2015. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2012–2014 гг. // УЗМЗТП. Вып. 2. Кемерово. С. 29–52.

Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л., 2016. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2015 году // УЗМЗТП. Вып. 2. Кемерово. С. 66–78.

Наскальное искусство Среднего Енисея. От каменного века до средневековья: альбом по материалам коллекции эстампажей Е. С. Аннинского. Железногорск: Фонд «Память о Решетнёве», 2007. 224 с.

Осава Т., 2014. Новые рунические источники горы Тепсей и музея Полтакова // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Хакасского науч.-исслед. института языка, литературы и истории (24–26 сентября 2014 г.). Абакан: Хакасское кн. изд-во. С. 54–60.

Петроглифы древней Сибири. Альбом. М.: Галарт, 2010. 191 с.

Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге / Ред.: А. И. Дмитриева-Мамонова, А. Ф. Здзярского. СПб.: М-во путей сообщения, 1900. 600 с.

Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В., 2021. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт. 288 с.

Спасский Г. И., 1857. О достопримечательных памятниках сибирских древностей // Записки Императорского Русского Географического общества. Кн. XII. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 111–181 с.

Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 328 с.

Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P., 1995. Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris. 153 p.

Сведения об авторах

Советова Ольга Сергеевна, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; e-mail: olgasovetova@yandex.ru;

Шишкина Ольга Олеговна, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; e-mail: olgashishkina145@gmail.com;

Аболонкова Ирина Васильевна, Кузбасский историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница», ул. Томская, 5а, Кемерово, 650099, Россия; e-mail: abolonirina@mail.ru;

Сирюкин Иван Витальевич, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; e-mail: ivansiryukin@mail.ru

O. S. Sovetova, O. O. Shishkina,
I. V. Abolonkova, I. V. Siryukin

THE STUDIES OF THE UST-TUBA PETROGLYPHS IN 2021–2022

Abstract. While the studies of rock art sites in the Minusinsk Depression have a long history, some of such sites have not yet been fully examined. Tepsei is one of these sites; it is one of the largest in the Middle Yenisei region. In recent years the specialists of the Archaeology Department at Kemerovo State University have been examining and documenting its rock art images. In 2021–2022 during the spring–summer period, when the level in the Krasnoyarsk storage reservoir was record low because of water discharge, the authors succeeded in conducting a survey of the Tepsei rocks on the Tuba river banks (Fig. 1). The reconnaissance identified several areas with earlier unknown rock images,

namely, figures of the bulls from the earlier layer; an engraved figure of an animal made in a Scythian style; engraved drawings of horses; runic signs and symbols, and tamgas, etc. Most found drawings refer to the so called 'folk' art dating to the Modern Period (17th – early 20th centuries). This group of drawings includes images of horses, horse riders, camels, deer, dogs, a steamboat, etc. The discoveries of the 'later' layer of images have greatly added to our understanding of some aspects of life of people who inhabited these areas as well as their neighbors, the animal world, mythological and epical ideas of ancient artists as well as understanding of specific chapters of history related to this region.

Keywords: rock art, petroglyphs, drawings of the earlier layer, drawings of the Modern Period, Tepsei, Ust-Tuba, Minusinsk Depression.

REFERENCES

Adrianov A. V., 1904. Pisanitsy Eniseyskoy gubernii (Otchet 1904 g.) [Rock-art sites of Yenisei province (Report for 1904)]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Bokovenko N. A., 1983. Otchet ob obsledovanii petroglifov v Novoselovskom, Krasnoturanskom rayonakh Krasnoyarskogo kraya i v Khakasskoy AO v 1983 godu [Report on survey of petroglyphs in Novoselovskiy, Krasnoturanskiy districts of Krasnoyarsk Krai and in Khakass Autonomous Region in 1983]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Butanaev V. Ya., 1996. Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov [Traditional culture and life of the Khakas]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatelstvo. 224 p.

Esin Yu. N., Skobelev S. G., 2020. Petroglify epokhi pozdney bronzy na gore Unyuk v Minusinskoy kotlovine [Late Bronze Age petroglyphs on the Unyuk mountain in Minusinsk depression]. *AEAE*, vol. 48, no. 1, pp. 70–80.

Kyzlasov I. L., 2012. Tashtykskie risunki na vershine gory Tepsey [Tashtyk drawings on the top of Tepsey Mountain]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology of South Siberia]*, 26. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 103–108.

Miklashevich E. A., 2015. Drevneyshie naskal'nye izobrazheniya Minusinskoy kotloviny: problemy i perspektivy issledovaniya [Earliest rock art of Minusinsk depression: problems and perspectives of research]. *UZMZTP*, 3, pp. 66–78.

Miklashevich E. A., 2019. Issledovaniya petroglificheskoy ekspeditsii muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» v 2018 godu [Research of the petroglyphic expedition of «Tomsk Pisanitsa» museum-reserve in 2018]. *UZMZTP*, 9, pp. 66–81.

Miklashevich E. A., Mukhareva A. N., Bove L. L., 2015. Issledovaniya petroglificheskoy ekspeditsii muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» v 2012–2014 gg. [Research of the petroglyphic expedition of «Tomsk Pisanitsa» museum-reserve in 2012–2014]. *UZMZTP*, 1, pp. 29–52.

Miklashevich E. A., Mukhareva A. N., Bove L. L., 2016. Issledovaniya petroglificheskoy ekspeditsii muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» v 2015 godu [Research of the petroglyphic expedition of «Tomsk Pisanitsa» museum-reserve in 2015]. *UZMZTP*, 2, pp. 66–78.

Naskal'noe iskusstvo Srednego Eniseya. Ot kamennogo veka do srednevekov'ya: al'bom po materialam kollektsii estampazhey Evgeniya Sergeevicha Anninskogo [Rock art of Middle Yenisei. From Stone Age to Middle Ages: an album based on the materials of the collection of prints by Evgeniy Sergeevich Anninskiy]. Zheleznogorsk: Fond «Pamyat' o Reshetneve», 2007. 224 p.

Osava T., 2014. Novye runicheskie istochniki gory Tepsey i muzeya Poltakova [New runic sources of Mount Tepsey and Poltakov museum]. *Narody i kul'tury Yuzhnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Peoples and cultures of South Siberia and adjacent territories]*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatelstvo, pp. 54–60.

Petroglify drevney Sibiri: albom [Petroglyphs of ancient Siberia: album]. Moscow: Galart, 2010. 191 p.

Putevoditel' po Velikoy Sibirskoy zheleznoy doroge [A guide to Great Siberian railway]. A. I. Dmitriev-Mamonov, A. F. Zdzyarskiy, eds. St. Petersburg: Ministerstvo putey soobshcheniya, 1900. 600 p.

Sher Ya. A., 1980. Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka. 328 p.

Sovetova O. S., Shishkina O. O., Abolonkova I. V., 2021. Naskal'noe iskusstvo Tepseyskogo arkheologicheskogo mikrorayona [Rock art of Tepsey archaeological microregion]. Kemerovo: Vektor-Print. 288 p.

Spasskiy G. I., 1857. O dostoprimechatel'nykh pamyatnikakh sibirskikh drevnostey [On remarkable sites of Siberian antiquities]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Notes of Imperial Russian Geographical society]*, XII. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, pp. 111–181.

Vadetskaya E. B., 1986. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Eniseya [Archaeological sites in the Yenisei steppes]. Leningrad: Nauka. 180 p.

About the authors

Sovetova Olga S., Kemerovo State University, ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: olgasovetova@yandex.ru;

Shishkina Olga O., Kemerovo State University, ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: olgashishkina145@gmail.com;

Abolonkova Irina V., Kuzbass Historical, Cultural and Natural Museum-reserve «Tomsk Pisanitsa», ul. Tomskaya, 5a, Kemerovo, 650099, Russian Federation; e-mail: abolonirina@mail.ru;

Siryukin Ivan V., Kemerovo State University, ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: ivansiryukin@mail.ru

В. Е. Маслов[1], П. С. Успенский

GLADIUS HISPANIENSIS ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ В ПРИКУБАНЬЕ

Резюме. В статье рассматриваются материалы воинского сарматского погребения, впущенного в курган эпохи бронзы. В число сопровождающего инвентаря входили керамический кувшин и меч, который по морфологическим характеристикам можно отнести к типу «Gladius Hispaniensis». Появление данного типа клинкового вооружения в Прикубанье, очевидно, относится к эпохе митридатовых войн.

Ключевые слова: Прикубанье, сарматская культура, гладиус.

Весной 2021 г. археологическим отрядом ИА РАН совместно с ООО «Кубаньархеология» в Тимашевском районе Краснодарского края были проведены охранные раскопки «Курганной группы 8 насыпей». Исследования проводились на основании Открытого листа № 0207–2021 от 23.03.2021 г., выданного Минкультуры России к. и. н. П. С. Успенскому (2021).

Памятник расположен к СЗ от г. Тимошевск, близ пос. Кирпичный. Два скопления курганных насыпей находились на надпойменной террасе р. Кирпили, примерно в 0,5 км к северу от речного русла.

В ходе исследования кургана 5, созданного в эпоху ранней-средней бронзы было открыто п. № 10 в котором был найден редкий образец клинкового оружия, публикации которого посвящена данная статья.

Погребение было выявлено в центральной части кургана, при разборке бровки. Оно располагалось в 2,4 м к ССЗ от R_0, на уровне -118…–125 кв. см[2]. Могильная яма не прослежена (рис. 1).

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ССЗ. Череп покоился на затылочных костях и был слегка развернут лицевыми костями влево. Под ним было зафиксировано пятно черного органического тлена. Руки

[1] Статья подготовлена при выполнения темы НИОКТР № 122011200269-4.

[2] Отсчет глубин приводится от R_0.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.194-205

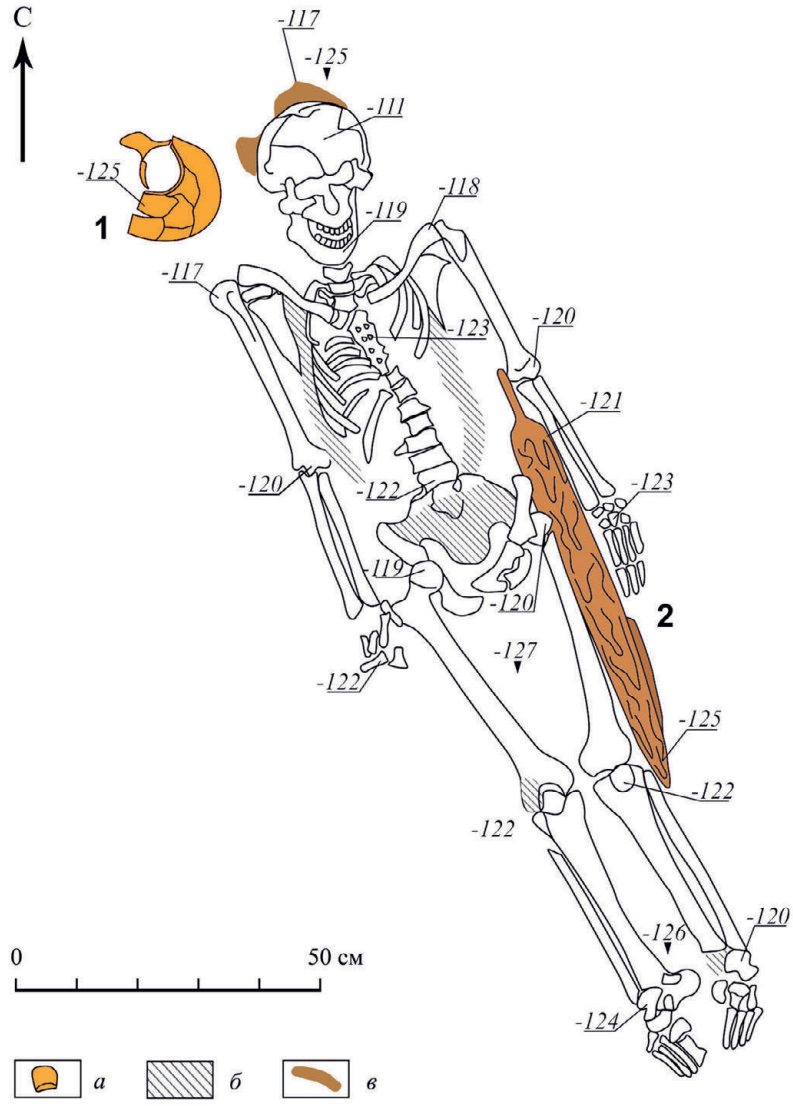


Рис. 1. План п. № 10 кургана 5 «Курганной группы 8 насыпей»

1 – кувшин красноглиняный; *2* – железный меч

а – фрагменты керамики; *б* – костный тлен; *в* – коричневый органический тлен

погребенного были уложены вытянуто вдоль туловища, левая кисть – развернута ладонью вниз; ноги находились в вытянутом положении, стопы вытянуты по оси тела. Скелет хорошей сохранности принадлежал мужчине старше 50 лет[3]. Наряду с зубными патологиями на костях удалось проследить признаки артроза и остеопороза, а также заживший перелом левой пятой пястной кости.

К западу от черепа, над плечом был установлен красноглиняный кувшин (рис. 3: *1*). С левой стороны был расчищен железный меч с остатками ножен. Окончание его штыревой рукояти размещалось у локтевого сустава, клинок находился под крылом таза, прижатый к латеральной поверхности бедренной кости, острие – немного ниже левого коленного сустава (рис. 1; 3: *2*).

Для уточнения культурно-хронологической атрибуции п. № 10 следует учитывать также материалы впускного п. № 6, открытого в насыпи этого же кургана примерно в 5 м к ССЗ от него. Оба погребения можно с высокой долей вероятности отнести к погребениям сарматской культурной группы. В бассейне р. Кирпили обычное число впускных сарматских погребений в курганы эпохи бронзы составляет от одного до пяти (*Шевченко*, 2013. С. 78).

Женское по инвентарю п. № 6, имело ЮЗ ориентировку и содержало в составе заупокойного инвентаря гончарный красноглиняный кувшин, фрагменты сероглиняного лепного сосуда, бронзовую проволочную серьгу, агатовую (?) бусину и бронзовое зеркало без декора (*Успенский*, 2021. С. 41, 42, 149, 150) (рис. 2)[4]. Зеркало является важным хронологическим индикатором: оно относится к 1-му варианту типа IV, по классификации А. М. Хазанова – И. И. Марченко, первоначально датированного по совместным находкам с античными импортами концом III – II в. до н. э. (*Марченко*, 1996. С. 17–19. Рис. 3). По материалам богатого меотского Тенгинского могильника, подобные зеркала встречены в группе захоронений конца III – первой половины II в. до н. э. (*Беглова, Эрлих*, 2018. С. 161, 162. Рис. 189: *1–3*; 198). Недавно была предложена корректировка хронологии бытования данной разновидности зеркал, основанная на новых определениях амфорных клейм, в пределах второй четверти – конца II в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2023. С. 117–119. Рис. 3).

Рассмотрим подробно инвентарь п. № 10.

Красноглиняный гончарный кувшин: поверхность заглажена, керамическое тесто с примесью песка и слюды, а также мелких белых частиц. Обжиг равномерный, цвет – светло-оранжевый, черепок в изломе однослойный. Утолщенный венчик отогнут наружу, его губа скруглена, горло цилиндрическое. Покатые плечики в месте наибольшего расширения стенок сосуда переходят в шаровидное тулово. Дно на кольцевом поддоне. Под венчиком и в месте перехода плечиков в тулово закреплена коленчатая ручка, сечение ручки близко к овальному. На горле сосуда сделано несколько отверстий, являющихся следами ремонта. Размеры: высота – 22,5 см, наибольший диаметр – 17,5 см, диаметр поддона – 7,9 см, сечение ручки – 2,7 × 1,15 см (рис. 3: *1*).

[3] Определение выполнено в Лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН м.н.с. Н. Г. Свиркиной.

[4] Детальное рассмотрение погребального инвентаря из этого комплекса не входит в задачи данной статьи.

Рис. 2. Инвентарь п. № 6 кургана 5 «Курганной группы 8 насыпей»

1 – зеркало бронзовое; *2* – серьга бронзовая; *3* – бусина агатовая (?); *4* – кувшин красноглиняный; *5* – фрагмент сосуда сероглиняного

Рис. 3. Инвентарь п. № 10 кургана 5 «Курганной группы 8 насыпей»

1 – кувшин красноглиняный; *2* – железный меч с остатками ножен; *3* – железный меч из погребения в Иерихоне (по: *Stibel*, 2004)

Хронологическая привязка данного сосуда затрудняется тем, что различные модификации кувшинов данной формы характерны для всего периода эллинизма (*Малышев*, 2007. С. 154, 155. Рис. 101). На территории Боспорского царства и его культурной периферии встречаются как сероглиняные, так и красноглиняные варианты таких кувшинов (*Капошина*, 1959. С. 137. Рис. 42; 43), некоторые из которых, очевидно, производились меотским населением (*Носкова, Кожухов*, 1989. С. 125. Рис. 2: *3*). Сходные кувшины представлены в материалах погребений из мавзолея Неаполя Скифского, узко датирующихся концом II в. до н. э. (*Зайцев*, 2003. С. 15. Рис. 91: *5, 8, 9*), но изредка встречаются и в комплексах первой половины I в. н. э.: в п. 59/XVI/2002 в некрополе Танаиса, датированном по воинской фибуле и набору бус (*Толочко*, 2017. С. 48. Рис. 3: *1*); в п. 26 1979 г. некрополя Горгиппии, где схожий сосуд был найден вместе с импортным краснолаковым кувшином с декором в технике «барботин» (*Алексеева*, 1982. С. 38, 39. Рис. 21).

Кроме того, во второй половине I в. до н. э. появляются боспорские краснолаковые сосуды близкой формы (*Сокольский*, 1976. Рис. 53: *6*; *Журавлев, Ломтадзе*, 2022. С. 87, 88. Рис. 14).

Н. Ф. Шевченко отметил резкое увеличение боспорской красноглиняной посуды в сарматских погребениях в памятниках среднего течения р. Кирпили около рубежа II–I вв. до н. э. в связи с основанием боспорских торговых факторий на меотских городищах в низовьях реки, где, по его предположению, проводилась вербовка наемников для войска Митридата VI (*Шевченко*, 2013. С. 68). Таким образом, датировку данного сосуда в пределах второй половины II – первой половины I в. до н. э. с учетом расположения памятника и материалов п. № 6 можно считать достаточно вероятной.

Железный меч, находившийся в ножнах. Клинок меча обоюдоострый линзовидного сечения[5], плавное сужение к подчеркнутому острию начинается в нижней трети клинка. Основание клинка переходит в штырь рукояти через покатые плечики. Штырь рукояти немного расширяется к пяте клинка; он имеет прямоугольное сечение размерами 1,1–1,8 × 1,2 см, а на его окончании прослеживалась шляпка. От ножен сохранились фрагменты дерева на клинке, а по всей длине клинка боковые U-образные в сечении железные обоймы, составлявшие каркас ножен, уцелевшие частично. К сожалению, нижнее завершение ножен утрачено.

Размеры: общая длина меча – 75,5 см, ширина клинка – 5,5 см, толщина – до 1,5 см, высота острия – 12,5 см, длина черенка – 12,5 см (рис. 3: *2*).

По морфологическим характеристикам данный меч можно отнести к римскому клинковому оружию или подражаниям ему. Находки образцов такого оружия на Юге России крайне немногочисленны и относятся к периоду раннего принципата: на территории Боспорского царства меч типа «Майнц» найден в слое военного разгрома на городище Артезиан, а в некрополе Горгиппии в погр. 1а на раскопе по ул. Терская, 84 (2002 г.) был обнаружен меч типа «Помпеи» (*Miks*, 2007. Vortaf. B; C: *3, 9*; *Горончаровский*, 2018. С. 4–6. Илл. 1; 2: *1*).

[5] Возможно, на клинке было намечено ребро, но настаивать на этом нельзя из-за плохой сохранности находки.

В Херсонесе был найден фрагмент костяной рукояти меча типа «Помпеи» и фрагменты ножен кинжала (*Дорошко*, 2012. С. 35–39. Рис. 1: *1*; 2: *1*).

В варварских памятниках подобные находки также редки: фрагменты ножен, две гарды и обломки лезвия от 3–4 мечей типа «Майнц» происходят из святилища Гурзуфское Седло (*Новиченкова*, 2015. С. 69. Рис. 117: *1–9*; 132: *1*)[6], гарда римского меча, сходная с гардой знаменитого «меча Тиберия», найденного в XIX в. близ Майнца (*Miks*, 2007. Taf. 14: A465), обнаружена в погр. 57 Тенгинского могильника в Закубанье (*Беглова, Эрлих*, 2018. С. 150, 151. Рис. 180: *11*).

В склепе 520 Усть-Альминского некрополя обнаружено серебряное окончание ножен меча типа «Майнц», а близ Краснозоренского городища – окончание ножен меча типа «Помпеи» (*Дорошко*, 2012. С. 39, 40, 42, 43. Рис. 5: *1*).

Публикуемый экземпляр по длине и оформлению плеч клинка отличается от основного типа раннего имперского пехотного меча периода Августа – Клавдия типа «Майнц». Его можно причислить к разрозненной группе находок вне территории Апеннинского полуострова (*Feugère*, 1994. P. 1. Fig. 10: *1*; *Bishop, Coultston*, 2006. P. 54–56. Fig. 25; *Miks*, 2007. P. 38–51. Abb. 12), которую объединяют в группу «Gladius Hispaniensis», о генезисе и атрибуции которых не прекращаются дискуссии. Поскольку археологические образцы не соответствуют представлениям о гладиусе, сформировавшимся по сведениям античных письменных источников, издатель корпуса находок римского имперского клинкового оружия Кристиан Микс, отнес мечи республиканской эпохи, имеющие длину клинка более 600 мм, к спатам, которыми была вооружена союзная римлянам кавалерия. Исследователь считает, что эти мечи имеют латенское происхождение, но испытали опосредованное воздействие Gladius Hispaniensis (*Miks*, 2007. P. 19–23, 43–51). Но пока в целом преобладает точка зрения о том, что данную группу, в отсутствие других находок, следует относить к Gladius Hispaniensis, которые, скорее всего, являются модифицированными латенскими мечами, нежели воспроизведением кельтиберийских прототипов (*Quesada Sanz*, 1997. P. 266, 268. Fig. 12–16; *Rapin*, 2001; *Istenič*, 2019. P. 31–40. Fig. 14–17).

Вместе с мечом эволюционировал и латенский тип ножен, превратившихся в металлический каркас с деревянными или кожаными стенками.

Появление нового типа мечей в период позднего эллинизма, наполненного жестокими войнами, способствовало его быстрому и широкому распространению, о чем свидетельствует география находок. Так, публикуемый экземпляр по размерным параметрам и морфологическим характеристикам можно сопоставить с мечом с остатками каркаса ножен, найденным в погребении в Иерихоне, датированном по угвентариям в пределах II в. до н. э. (очевидно, не ранее 159 г. до н. э. – времени появления селевкидских войск в Иерихоне) (*Stibel*, 2004) (рис. 3: *3*). Гладиус с подобными ножнами был найден в Моссаде, где, возможно, хранился в арсенале Ирода Великого (*Stibel, Mageness*, 2007. P. 3–4. Pl. 4).

Меч, найденный вместе с остатками каркаса железных ножен с бронзовыми деталями, который уверенно можно отнести к числу республиканских гладиусов, происходит из п. J/21 некрополя в Богазкёе. Ю. П. Зайцев датирует его

[6] Найденный здесь кинжал длиной немногим более 20 см имеет все черты римского меча, отличаясь он него лишь размерами (*Новиченкова*, 2015. Рис. 132: *2*; 134).

временем непосредственно после крушения державы Митридата VI (*Зайцев*, 2008. С. 9, 11. Рис. 4: *1*).

Вместе с мечом из Иерихона было найдено одно железное кольцо, которое, вероятно, служило для подвески ножен (*Stibel*, 2004. Ill. 266). В нашем случае следов приспособлений для подвески не было обнаружено. Возможно, они были утрачены или не сохранились.

В Прикубанье данный меч, очевидно, мог попасть в период митридатовых войн, вместе с воином-наемником. Возможно, он является трофеем. Однако по сообщению Плутарха, Митридат перед второй войной приказал ковать мечи по римскому образцу (Plut. Luc. 7.4). Соответственно, такие мечи могли получить и союзные варвары.

Следует отметить, что расположение данного меча у бедра, рукоятью над поясом, также скорее связано с античным влиянием. Рядовые римские воины носили меч на правой стороне, поскольку так было удобнее выхватывать его из-под большого щита. Центурионы и вышестоящие офицеры носили меч на поясе слева, что являлось признаком их звания (*Miks*, 2007. Taf. 301; *Конноли*, 2009. С. 298). Эллинистический способ ношения меча кавалеристами подразумевал его ношение на левой стороне на перевязи через плечо, с рукоятью на уровне живота (*Miks*, 2007. Taf. 299). Так, например, носит его Александр на знаменитой помпейской мозаике из дома Фавна, изображающей кульминацию битвы при Иссе (*Конноли*, 2009. С. 69).

К сожалению, датировка публикуемой находки целиком основана на косвенных данных: можно ее обозначить как вторую половину II в. до н. э. – I в. до н. э. Следует подчеркнуть, что это первая находка римского оружия республиканского времени не только в Прикубанье, но и на территории России. Ее интерпретация, как, впрочем, и многих других предметов вооружения, является гипотетической.

Следует отметить, что достоверных находок латенских мечей в Прикубанье пока нет. В качестве такого оружия рассматривают меч из «Острого» кургана близ хут. Зубовского, опубликованный А. М. Хазановым, который отнес его к 1-му типу мечей «без металлического навершия с прямым перекрестием» (*Хазанов*, 1971. С. 17, 21. Табл. XIII: *4*; *Раев*, 1979. С. 262). Этот меч не был издан исследователем кургана – Н. И. Веселовским, опубликовавшим лишь золотое с зеленым камнем «навершие кинжала» (ОАК за 1900 г. С. 44. Рис. 104). Указанные в монографии А. М. Хазанова размеры находки также соответствуют кинжалу (*Хазанов*, 1971. С. 113. Прилож. 4. № 79). Откуда получено полное изображение меча – остается неизвестным. Не исключено, что это результат путаницы, которая часто сопровождает издание плохо документированных материалов дореволюционных раскопок[7].

Возможно, как латенский меч можно рассматривать находку из п. № 1 кургана. 16 у с. Брилевка в Херсонской области: с узким клинком, длиной 64[8] см, с покатыми плечиками пяты клинка и округлым штырем рукояти (*Симоненко*,

[7] В одной таблице с данным мечом в качестве сарматского меча помещена средневековая сабля (*Хазанов*, 1971. Табл. XIII: 5).

[8] Здесь и далее указывается длина клинка без рукояти.

1993. С. 15, 25. Рис. 4: *2*). В этом погребении была обнаружена фибула среднелатенской схемы: вариант 1, 1-я серия – не позднее середины I в. до н. э. (*Кропотов*, 2010. С. 44, 45). Меч с остатками деревянных ножен был уложен на правую руку погребенного.

Определенные параллели латенскому/римскому клинковому оружию можно также увидеть в мече из п. № 10 кургана 40 могильника у хут. Арпачин на Нижнем Дону: меч с длиной клинка около 70 см, почти прямоугольными плечиками, с длинной штыревой рукоятью имеет вогнутые в центральной части лезвия, расширяющиеся к окончанию (*Раев*, 1979. С. 260–262. Рис. 1: *1*; *Quesada Sanz*, 1997. Fig. 8). Однако клинок не имеет подчеркнутого острия. Датировка погребального комплекса по «неапольской» фибуле среднелатенской схемы: вариант 2, 1-я серия – не позднее середины I в. до н. э. (*Кропотов*, 2010. С. 50, 53). Меч с остатками деревянных ножен был уложен «вдоль правого бока погребенного».

Что касается предполагаемых находок собственно римского клинкового оружия или подражаний ему в степной зоне Северного Причерноморья, то, весьма вероятно, к ним следует отнести меч из п. № 3 кургана 8 близ с. Водославка в Херсонской области (*Симоненко*, 1993. С. 40, 80, 81. Рис. 11: *1*). Его клинок длиной 59 см имеет хорошо выделенное острие, плечики пяты клинка покатые, а длинная штыревая рукоять на конце имеет маленькое квадратное бронзовое окончание (*Симоненко*, 2010. С. 42. Рис. 28: *4*). На лезвии и рукояти – следы дерева, но металлических деталей ножен нет. Датировка комплекса по железной проволочной подвязной фибуле раннего первого варианта 1-й серии относится ко времени около последней четверти I в. до н. э. – не позднее середины I в. н. э. (*Кропотов*, 2010. С. 71, 72, 81). Как и меч из Прикубанья, он был уложен вдоль левого бока погребенного, между телом и рукой, с рукоятью на плече на уровне груди. По размерам и морфологии данный экземпляр вполне соответствует республиканским гладиусам.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М., 1982. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. II. Материалы Анапской археологической экспедиции / Под ред. И. Т. Кругликовой. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во. С. 5–116.

Беглова Е. А., Эрлих В. Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М.; СПб.: Нестор-История. 384 с.

Горончаровский В. А., 2018. Элементы римского военного снаряжения в боспорской армии первых веков нашей эры // История военного костюма: от древнего мира до наших дней: материалы III Междунар. воен.-ист. конф. (Санкт-Петербург, 23 ноября 2017 г.) / Под ред. А. В. Арановича, Д. Ю. Алексеева. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышл. технологий и дизайна. С. 3–13.

Дорошко В. В., 2012. Поход Плавтия Сильвана в Таврику: мифы и реалии // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию создания заповедника «Калос Лимен» и 25-летию открытия Черноморского ист.-краевед. музея / Сост. А. Р. Кемалова. Черноморское; Симферополь: Н. Оріанда. С. 34–46.

Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А., 2022. Столовая посуда и светильники из Резиденции Хрисалиска // ДБ. Т. 27. М.: ИА РАН. С. 59–100.

Зайцев Ю. П., 2003. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в н. э.). Симферополь: Универсум. 212 с.

Зайцев Ю. П., 2008. Шлемы типа Монтефортино и один несуществующий комплекс галатского некрополя в Богазкёе // РА. № 2. С. 5–12.

Капошина С. И., 1959. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // Некрополи боспорских городов / Ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 108–153. (МИА; № 69.)

Коннолли П., 2009. Греция и Рим: эволюция военного искусства на протяжении 12 веков / Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. М.: Эксмо. 312 с. (Военная история человечества.)

Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина. 384 с.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2023. О некоторых категориях меотского импорта в раннесарматских погребениях // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти А. С. Скрипкина / Отв. ред. М. В. Кривошеев. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 114–127.

Малышев А. А., 2007. Погребальный обряд и планиграфия Раевского некрополя // Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К. С. 142–176. (Некрополи Черноморья; т. I.)

Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Краснодарский гос. ун-т. 340 с.

Новиченкова Н. Г., 2015. Горный Крым: II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь: Н. Оріанда. 216 с.

Носкова Л. М., Кожухов С. П., 1989. Меотские погребения Ново-Вочепшийского могильника (по материалам раскопа 1985–1986 гг.) // Меоты – предки адыгов / Отв. ред. Н. В. Анфимов. Майкоп: Адыгейский науч.-исслед. ин-т экономики, языка, литературы и истории. С. 119–139.

ОАК за 1900 г. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1902. 173 с.: табл.

Раев Б. А., 1979. Сарматское погребение из кургана у хут. Арпачин // СА. № 1. С. 260–262.

Симоненко А. В., 1993. Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка. 144 с.

Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ: Нестор-История. 328 с. (Historia Militaris.)

Сокольский Н. И., 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука. 128 с.

Толочко И. В., 2017. Об одной разновидности погребений из некрополя Танаиса // Вестник Танаиса. Вып. 4. С. 45–55.

Успенский П. С., 2021. Отчет о проведении археологических раскопок курганов 4, 5, 7 в составе Курганной группы (8 насыпей), курганов 1, 8 в составе курганной группы Кирпичный 1 и курганов 1–3 в составе курганной группы Кирпичный 2, в Тимашевском районе Краснодарского края в 2021 г. // Архив ИА РАН.

Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука. 172 с.

Шевченко Н. Ф., 2013. Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. Ростов-на-Дону: Альтаир. 151 с. (Тр. Приазовской археолог. экспедиции; т. 1.)

Bishop M. C., Coultston J. C. N., 2006. Roman Military Equipment. From the Punic Wars to the Fall of Rome. Second Edition. Oxford: Oxbow Books. 321 p.

Feugère M., 1994. L'équipement militaire d'époque républicaine en Gaule // Journal of Roman Military Equipment Studies. 5. P. 3–23.

Istenič J., 2019. Roman Military Equipment from the river Ljubljanica: Typology, Chronology and Technology. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije. 394 p. (Katalogi in monografije; 43.)

Miks C., 2007. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. 937 S.: Taf. (Kölner Studien zur arhäologie der Römischen Provinzen; Bd. 8.)

Quesada Sanz F., 1997. Gladius hispaniensis: an archaeological view from Iberia // Journal of Roman Military Equipment Studies. 8. P. 251–270.

Rapin A., 2001. Des epees romaines dans la collection d'Alise-Sainte-Reine // Gladius. XXI. P. 31–56.

Stibel G. D., 2004. A Hellenistic Gladius from Jericho // Hasmonean and Herodian Palaces at Jericho. Final Reports of the 1973–1987 Excavations. Vol. II. Stratigraphy and Architecture / Eds.: E. Netzer, R. Laureys-Chachy. Jerusalem: Israel Exploration Society. P. 229–232.

Stibel G. D., Mageness J. M., 2007. The Military Equipment from the Masada // Masada VIII: The Yigael Yadin Excavations 1963–1965, Final Reports / Ed. J. Aviram et al. Jerusalem: Israel Exploration Society. P. 1–94.

Сведения об авторах

Маслов Владимир Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maslovlad@mail.ru;

Успенский Павел Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: uspenskiy07@mail.ru

V. E. Maslov, P. S. Uspenskiy

THE *GLADIUS HISPANIENSIS* FROM A BURIAL IN THE KUBAN REGION

Abstract. The paper describes artifacts from a Sarmatian warrior grave that was a secondary burial in a Bronze Age kurgan. The funerary assemblage included a ceramic jar and a sword that can be attributed to the *Gladius Hispaniensis* type based on its morphological characteristics. It is clear that this type of bladed weaponry appeared in the Kuban region during the Mithridatic wars.

Keywords: Kuban region, Sarmatian culture, *gladius*.

REFERENCES

Alekseeva E. M., 1982. Yugo-vostochnaya chast' nekropolya Gorgippii [Southeastern part of Gorgippia necropolis]. *Gorgippiya [Gorgippia], II. Materialy Anapskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Materials of Anapa archaeological expedition]*. I. T. Kruglikova, ed. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 5–116.

Beglova E. A., Erlikh V. R., 2018. Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya (po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika) [Maeotae of Trans-Kuban region in Sarmatian period (based on materials from Tenginskaya ground cemetery)]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 384 p.

Doroshko V. V., 2012. Pokhod Plavtiya Silvana v Tavriku: mify i realii [Plautius Silvanus' raid to Taurica: myths and realities]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Tarkhankuta: novye tendentsii razvitiya, novye vozmozhnosti: II konferentsiya [Historical and cultural heritage of Tarkhankut: new development trends, new opportunities: II conference]*. A. R. Kemalova, comp. Chernomorskoe; Simferopol: N. Orianda, pp. 34–46.

Goroncharovskiy V. A., 2018. Elementy rimskogo voennogo snaryazheniya v bosporskoy armii pervykh vekov nashey ery [Elements of Roman military equipment in Bosporus army in first centuries of our era]. *Istoriya voennogo kostyuma: ot drevnego mira do nashikh dney: III konferentsiya (2017 g.) [History of military costume: from Antiquity to the present day: III Conference (2017)]*. A. V. Aranovich, D. Yu. Alekseev, eds. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. universitet promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, pp. 3–13.

Kaposhina S. I., 1959. Nekropol v rayone poselka im. Voykova bliz Kerchi [Necropolis in the area of Voykov village near Kerch]. *Nekropoli bosporskikh gorodov [Necropolises of Bosporan cities]*. V. F. Gaydukevich, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 108–153. (MIA, 69.)

Khazanov A. M., 1971. Ocherki voennogo dela sarmatov [Essays on warfare of the Sarmatians]. Moscow: Nauka. 172 p.

Connolly P., 2009. Gretsiya i Rim: evolyutsiya voennogo iskusstva na protyazhenii 12 vekov [Greece and Rome: evolution of military art over the course of 12 centuries]. Moscow: Eksmo. 312 p. (Voennaya istoriya chelovechestva.)

Kropotov V. V., 2010. Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibulae of Sarmatian time]. Kiev: ADEF-Ukraina. 384 p.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2023. O nekotorykh kategoriyakh meotskogo importa v rannesarmatskikh pogrebeniyakh [On some categories of Maeotian imports in early Sarmatian burials]. *Regional'nye osobennosti khronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskikh kul'tur: XI konferentsiya [Regional*

features of chronology and periodization of Sauromatian and Sarmatian cultures: XI conference]. M. V. Krivosheev, ed. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 114–127.

Malyshev A. A., 2007. Pogrebal'nyy obryad i planigrafiya Raevskogo nekropolya [Burial rite and planigraphy of Raevskoe necropolis]. *Yugo-vostochnaya periferiya Bospora v ellinisticheskoe vremya: po materialam Raevskogo nekropolya [Southeastern periphery of Bosporus in the Hellenistic period: based on materials of Raevskoe necropolis]*. A. A. Malyshev, ed. Moscow: Grif i K, pp. 142–176. (Nekropoli Chernomor'ya, I.)

Marchenko I. I., 1996. Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani) [The Kuban Siracs (Based on materials from the Lower Kuban kurgan burials)]. Krasnodar: Krasnodarskiy gos. universitet. 340 p.

Noskova L. M., Kozhukhov S. P., 1989. Meotskie pogrebeniya Novo-Vochepshiyskogo mogil'nika (po materialam raskopa 1985–1986 gg.) [Meotian burials of Novo-Vochepshiyskiy cemetery (based on materials of 1985–1986 excavation trench)]. *Meoty – predki adygov [Meotians – ancestors of the Adygs]*. N. V. Anfimov, ed. Maykop: Adygeyskiy NII ekonomiki, yazyka, literatury i istorii, pp. 119–139.

Novichenkova N. G., 2015. Gornyy Krym: II v. do n. e. – II v. n. e. Po materialam raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo [Mountainous Crimea: II c. BC – II c. AD. Based on materials from excavations of sanctuary at the Gurzufskoe Sedlo pass]. Simferopol: N. Orianda. 216 p.

OAK za 1900 g. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1902. 173 p.: tabl.

Raev B. A., 1979. Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana u khut. Arpachin [Sarmatian burial from the kurgan at farmstead Arpachin]. *SA*, 1, pp. 260–262.

Shevchenko N. F., 2013. Plemena Vostochnogo Priazov'ya na rubezhe ery [Tribes of Eastern Azov region at the turn of the era]. Rostov-na-Donu: Altair. 151 p. (Trudy Priazovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 1.)

Simonenko A. V., 1993. Sarmaty Tavrii [Tauria Sarmatians]. Kiev: Naukova dumka. 144 p.

Simonenko A. V., 2010. Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya [Sarmatian horsemen of North Pontic region]. St. Petersburg: Fakultet filologii i iskusstv SPbGU: Nestor-Istoriya. 328 p. (Historia Militaris.)

Sokol'skiy N. I., 1976. Tamanskiy tolos i rezidentsiya Khrisaliska [Taman tholos and residence of Chrysalisc]. Moscow: Nauka. 128 p.

Tolochko I. V., 2017. Ob odnoy raznovidnosti pogrebeniy iz nekropolya Tanaisa [On one type of burial from Tanais necropolis]. *Vestnik Tanaisa [Tanais bulletin]*, 4, pp. 45–55.

Uspenskiy P. S., 2021. Otchet o provedenii arkheologicheskikh raskopok kurganov 4, 5, 7 v sostave kurgannoy gruppy (8 nasypey), kurganov 1, 8 v sostave kurgannoy gruppy Kirpichnyy 1 i kurganov 1–3 v sostave kurgannoy gruppy Kirpichnyy 2, v Timashevskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2021 g. [Report on archaeological excavations of kurgans 4, 5, 7 as part of kurgan group (8 mounds), kurgans 1, 8 as part of Kirpichnyy 1 kurgan group and mounds 1–3 as part of Kirpichnyy 2 kurgan group, Timashevskiy district, Krasnodar Krai in 2021]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Zaytsev Yu. P., 2003. Neapol Skifskiy (II v. do n. e. – III v n. e.) [Scythian Neapolis (II c. BC – III c. AD)]. Simferopol: Universum. 212 p.

Zaytsev Yu. P., 2008. Shlemy tipa Montefortino i odin nesushchestvuyushchiy kompleks galatskogo nekropolya v Bogazkee [Helmets of Montefortino type and one non-existent complex from Galatian necropolis in Bogazkei]. *RA*, 2, pp. 5–12.

Zhuravlev D. V., Lomtadze G. A., 2022. Stolovaya posuda i svetil'niki iz Rezidentsii Khrisaliska [Tableware and lamps from the residence of Chrysalisc]. *DB*, 27. Moscow: IA RAN, pp. 59–100.

About the authors

Maslov Vladimir E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: maslovlad@mail.ru;

Uspenskiy Pavel S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: uspenskiy07@mail.ru

О. А. Хомякова, И. Н. Сходнов, Е. А. Клещенко

«СЛЕД ЭКСПЕДИЦИИ РИМЛЯН ЗА ЯНТАРЕМ В ПРИБАЛТИКУ»: МОГИЛЬНИК ЯКОВЛЕВО (ILISCHKEN) САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Резюме. Представлены результаты исследований могильника Яковлево/Ilischken самбийско-натангийской культуры. Некрополь, известный с конца XIX в. по уникальной для Юго-Восточной Прибалтики находке римского кинжала-*pugio*, ранее не изучался археологически. Установлено, что погребения на могильнике представлены индивидуальными кремациями, перекрытыми концентрическими каменными конструкциями. Инвентарь погребений содержит предметы провинциально-римского импорта и дериваты, датированные серединой – концом I – началом II в. н. э. Некрополь располагается в пределах одного из центров расселения восточной части самбийско-натангийской культуры на путях транспортных коммуникаций «янтарной» торговли[1].

Ключевые слова: Юго-Восточная Прибалтика, самбийско-натангийская культура, могильник, погребальный обряд, римское время, межкультурные контакты, римский импорт.

Введение

Могильник, получивший свое название в XIX в. от н. п. Илишкен/Ilischken Восточной Пруссии, выделяется на фоне многочисленных погребальных памятников самбийско-натангийской культуры (другое название – культура Доллькайм-Коврово), соотносимой с эстиями (Aestii) из античных источников. С ним связана уникальная для Юго-Восточной Прибалтики находка римского кинжала-*pugio* (рис. 1: *3*; 2: *1 – пункт 1*), оружия ближнего боя, которое в I в. н. э. было частью экипировки легионеров и ауксилариев. Такие кинжалы фиксируются

[1] Археологическая часть статьи написана по плановой теме ИА РАН НИОКТР 122011200267-0, антропологическая – по теме ИА РАН НИОКТР 122011200264-9.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.206-228

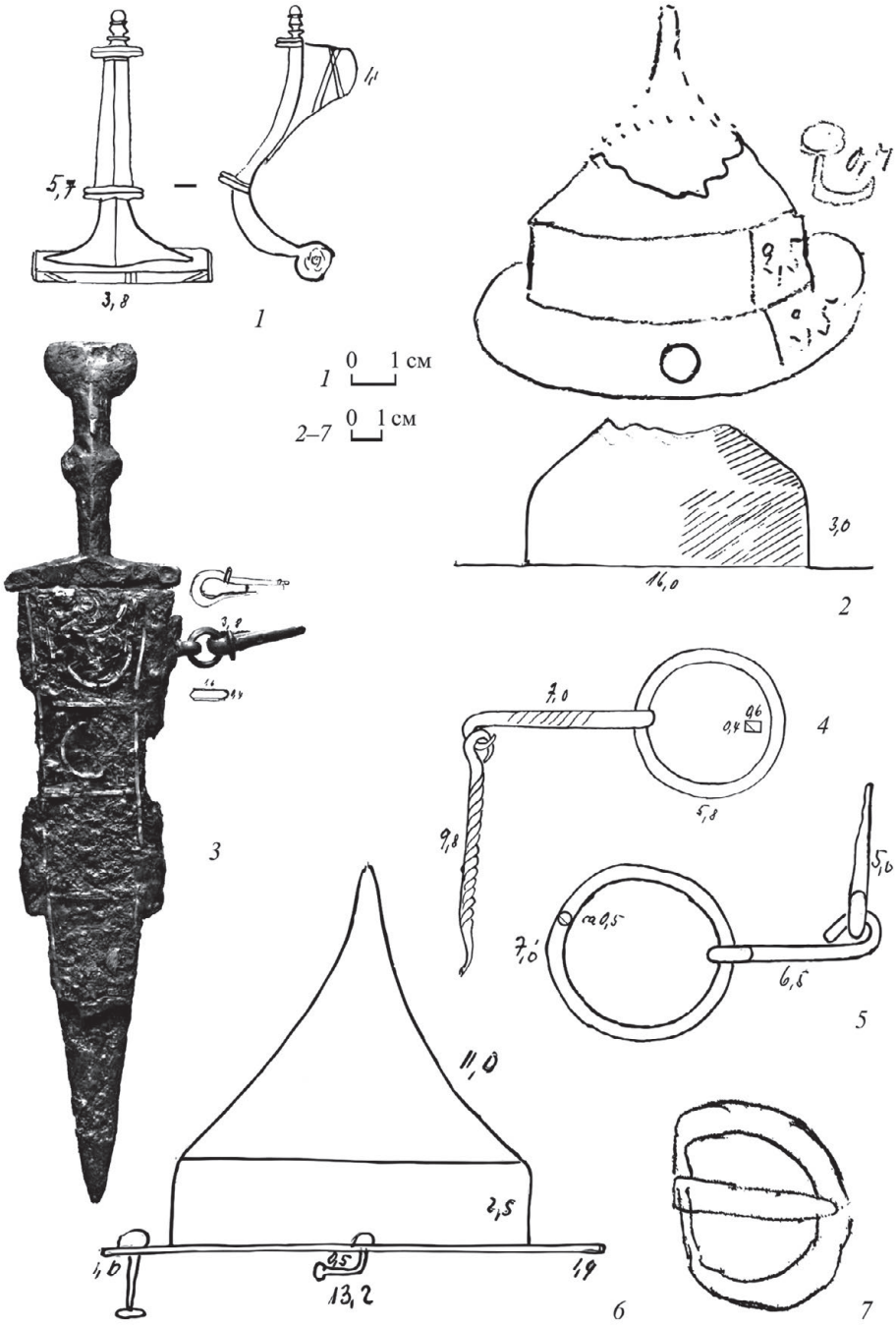
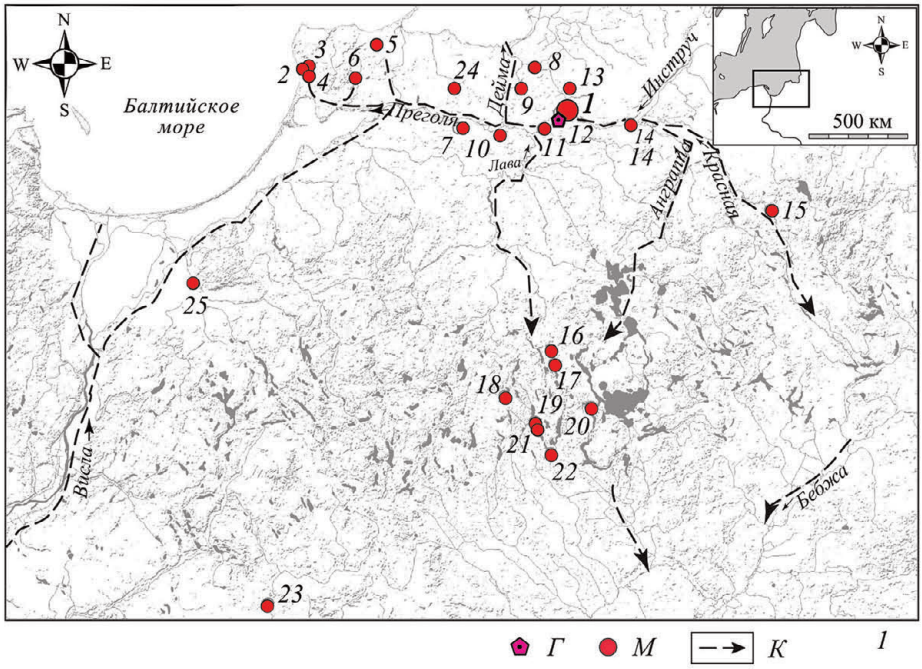


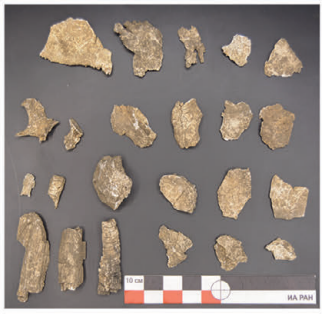
Рис. 1. Находки с могильника Яковлево/Ilischken конца XIX в.

1 – фибула; *2, 6* – умбоны щитов; *3* – кинжал-*pugio*; *4, 5* – удила; *7* – пряжка (по: Архив Герберта Янкуна: *1–5* – PM IV. 402. 5944; *6–7* – PM IV. 313. 5710)


N
W
E
S
Балтийское море
Преголя
Дейма
Инструч
Лава
Ангерапа
Красная
Висла
Бебжа
500 км
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
Г
М
К

10 см
ИА РАН

2


10 см
ИА РАН

3

10 см
ИА РАН

4

на территории Римской империи, Рейнской области, Дунайского Лимеса и Нижней Британии (*Saliola, Casprini*, 2012. P. 132–133), на территории варварского мира их находки единичны.

Кинжал из Илишкен/Ilischken входит в нарратив об эпохе римских влияний в Прибалтике и Янтарной торговле, считаясь символом рассказа, изложенного в «Естественной истории» Плиния Старшего (см.: *Kolendo*, 2016. P. 136–138) о дипломатической миссии представителя римской администрации, отправленной из Карнунта в эпоху императора Нерона с целью получения янтаря, и собственно этой «платой за янтарь» (*Щукин*, 1998. С. 199; *Кулаков*, 2016. С. 122–123; *Новаковский*, 2020. С. 387 – там литература).

Подтвердить или опровергнуть данный сюжет из античного письменного источника не представлялось возможным, поскольку археологические исследования на самом памятнике, где был обнаружен кинжал, не проводились. Данные о нем и обстоятельствах находки содержались лишь в краткой публикации конца XIX в. (*Bujack*, 1891; *Jaskanis*, 1977. P. 278 – см. список довоенной литературы) и архивах немецких исследователей, которые затем были многократно процитированы в ряде публикаций (напр.: *Eggers*, 1955. S. 102; *Nowakowski*, 1996. Taf. 92: *1*; *Кулаков*, 2016. С. 161–162; *Chilińska-Früboes, Kontny*, 2018. P. 81). Точное местоположение могильника также оставалось неизвестным.

В 2014–2015 гг. нам удалось выявить данный памятник и затем в 2020 г. его исследовать (подробно – *Хомякова*, 2020. Л. 26–28). Публикации результатов нашего исследования и посвящена данная статья.

Предыстория. Материалы XIX в.

Могильник впервые упомянут в отчетах о заседаниях Общества «Пруссия» в 1890 г. за авторством Г. Буйяка (*Bujack*, 1891. S. 12), где указано, что в 1888 г. местным рабочим Алаком (нем. Alack), копавшим могилу на кладбище Илишкена, были найдены предметы погребального инвентаря древнего захоронения: бронзовая фибула, железные – кинжал, две пары двухчастных удил, умбон щита с обломанной верхней частью – и два конских зуба (рис. 1: *1–5*). Обществу «Пруссия» они были переданы помещицей Фарнов (нем. Farnow) из соседнего

Рис. 2 (с. 208). Могильник Яковлево/Ilischken

1 – расположение памятника; *2–4* – анатомически определимые фрагменты костей человека из кремаций

2 – погребение 1; *3, 4* – погребение 2 (*1* – сост. О. А. Хомякова, *2–4* – фото Е. А. Клещенко)

Памятники, упоминаемые в статье: *1* – Яковлево/Ilischken; *2* – Поваровка/Kirpehnen; *3* – Окунево; *4* – Путилово/Corjeiten; *5* – Коврово/Dollkeim; *6* – Хрустальное/Wiekau; *7* – Березовка/Gross Ottenhagen; *8* – Петино/Perdollen; *9* – Изобильное/Klein Fliess; *10* – Ровное/Imten; *11* – Ливны/Stobingen; *12* – Кудрявцево/Kuglacken; *13* – Полесский лес / Drusker Forst; *14* – Альтхоф/Althof (Gaitzuhnen); *15* – Радужное/Rominten; *16* – Вышемборг/Wyszembork; *17* – Мунтово / Alt Muntowen; *18* – Мойтыны/Moythienen; *19* – Махары/Macharen; *20* – Гасьор II («Jez. Jaśkowskie») / Jaskowska See; *21* – Бабита/Babienten; *22* – Шпуховко / Klein Puppen; *23* – Любовидз; *24* – Заречье/Caymen; *25* – Гроново Горне / Gronowo Górne

Условные обозначения: см. рис. 3

н. п. Куглакен/Kuglacken, а затем отданы на хранение почетному члену Общества Теодору Блелю в Лихтерфельде под Берлином (нем. Herrn Theodor Blell).

До 1940 г. кинжал находился на выставке в Королевском замке Кёнигсберга среди предметов римского импорта. После 1945 г. его судьба неизвестна. До настоящего времени из числа вышеперечисленных предметов сохранилась лишь фибула, которая хранится в коллекции музея До- и Праистории Государственных музеев Берлина (далее – SMB–PK/MVF) (см.: *Chilińska-Früboes, Kontny*, 2018. Rys. 5: *1c*).

По архивным данным, на могильнике были сделаны и другие находки: умбон щита и пряжка (рис. 1: *6, 7*). Упоминается ряд предметов, изображения которых отсутствуют: железные пряжка, стремя (?), фрагментированные удила, наконечник копья.

Результаты современных работ

В 2014–2015 гг. могильник был локализован нами недалеко от хутора Яковлево, на берегу притока реки Преголя – Подлесной (Рагуппе) (рис. 2: *1* – пункт 1; 3: *2*). Определить его местоположение нам удалось на основании описания местности, которое содержалось в архиве SMB–PK/MVF[2].

Памятник расположен на вершине и южном склоне локальной моренной возвышенности, «песчаного холма», в северной части, разработанной под карьер (подробно – *Хомякова*, 2020. Л. 28–29). Могильник характеризуют небольшие размеры: его периметр составляет около 450 м, максимальная ширина – около 80 м. На вершине и склоне холма сохранились следы кладбища и остатки склепа конца XIX – начала XX в. (рис. 3: *1, 2*). В юго-восточной части памятника прослежены следы большой западины – ямы, откуда, судя по всему, был взят грунт для строительства насыпи склепа (рис. 3: *1*). В северной, южной и центральной частях могильника на поверхности зафиксированы камни, относящиеся к надпогребальным конструкциям могильника.

В 2020 г. на могильнике был заложен раскоп площадью 19,6 кв. м (рис. 3: *1, 3, 4*), в котором были обнаружены и полностью исследованы два погребения, предметы инвентаря и кремированные человеческие кости (Там же. Рис. 115–116) (рис. 3: *3, 4*; 4; 5).

Описание объектов

Погребение 1 (рис. 4). Кремация человека (предположительно, с помещением останков в урну), сверху перекрытая округлой каменной конструкцией диаметром 3,1–3,2 м (рис. 4: *1, 2*). Погребение было ограблено. *In situ* сохранились камни, расположенные по краям конструкции (рис. 4: *1*). Первоначально данная конструкция представляла собой внешнее кольцо из крупных камней, служивших ограничителями (рис. 4: *2*), в центре заполненное средними

[2] Сохранилось несколько страниц переписки 1937 г. директора музея «Пруссия» В. Герте с учителем из Альт-Илишкена, в которой он безуспешно пытался выяснить месторасположение памятника (SMB–PK/MVF, PM-A 041/1).

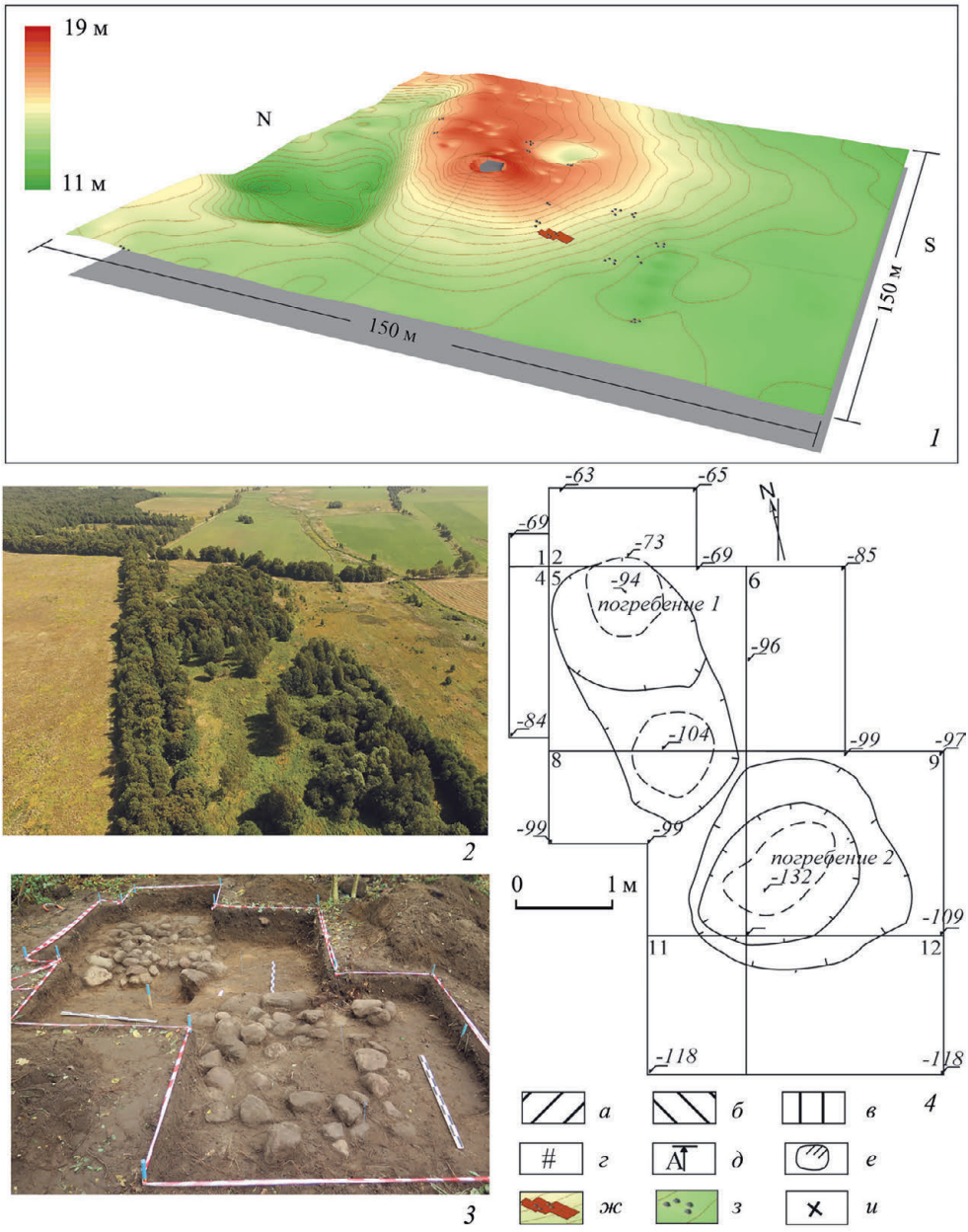


Рис. 3. Могильник Яковлево/Ilischken

1 – 3D-модель могильника; *2* – вид могильника с запада по данным аэрофотосъемки; *3, 4* – раскоп 2020 г. (подготовил И. Н. Сходнов)

Условные обозначения: *а* – серая супесь; *б* – темно-серая супесь; *в* – светло-серая супесь; *г* – кремированная кость; *д* – линия сечения; *е, з* – камень; *ж* – раскоп; *и* – находки

Г – городище; *М* – могильник; *К* – пути коммуникаций

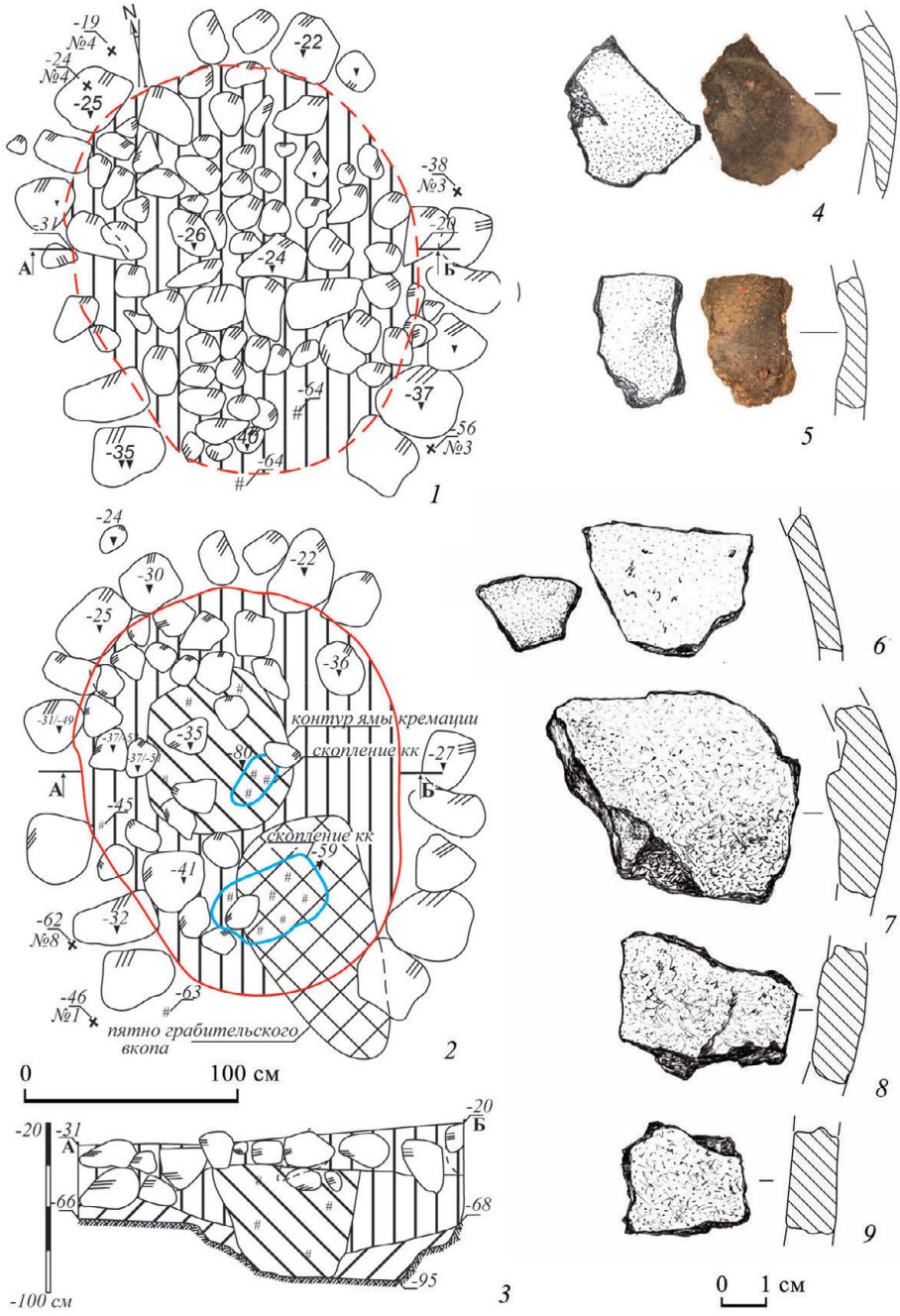


Рис. 4. Погребение 1

1–3 – планы и разрез объекта; *4–9* – фрагменты керамических сосудов (*1–3* – подготовил И. Н. Сходнов, *4–9* – рис., фото – О. А. Хомякова)

Условные обозначения: см. рис. 3

по размеру камнями, размещенными в один-два слоя (рис. 4: *1, 2*). Камни находились в заполнении из серой гумусированной супеси мощностью до 0,3–0,4 м.

Весь комплекс был углублен в материк на 0,7 м ниже уровня выявления (рис. 4: *3*). В его центральной части находилась кремация, заполнение которой представляло собой темно-серую супесь с включениями кремированных костей. В южной части погребения было обнаружено место грабительского вкопа и наибольшее количество камней (рис. 4: *2, 3*).

В ходе исследования объекта были выявлены останки в виде кремированных костей, присутствовавших в переотложенном состоянии в месте первоначального расположения кремации. Небольшое их скопление было зафиксировано на глубине 0,85 м от нулевого репера (рис. 4: *2*). Вероятно, первоначально кости могли быть помещены в погребение в очищенном состоянии, так как остатки погребального костра в данном слое обнаружены не были.

Находки в объекте также не были обнаружены в положении *in situ*. По фрагментам керамики можно предположить, что в погребение были помещены три сосуда, один из которых представлял собой погребальную урну (рис. 4: *4–9*). Других предметов не сохранилось.

Погребение 2 (рис. 5). Урновая кремация, которую, аналогично погребению 1, перекрывала каменная конструкция диаметром 3,4–3,6 м с внешним «кольцом». Центральная часть конструкции была заполнена камнями средних размеров, уложенных в один-два слоя (рис. 5: *1*). Комплекс тоже подвергся ограблению, но лишь частично. Каменная кладка в северной части объекта, включая крупные камни-ограничители, и сама кремация сохранились *in situ* (рис. 5: *1*).

Глубина ямы, в которую был помещен комплекс, составляла до 0,8–0,9 м ниже уровня выявления (рис. 5: *2*). Заполнение объекта представляло темно-серую супесь. В центре ямы на глубине -0.89 м от нулевого репера располагалась погребальная керамическая урна, раздавленная камнем (рис. 5: *1–3*).

В нижней часть урны *in situ* в виде плотного скопления находились кремированные кости, очищенные от погребального костра. Кости черепа были преимущественно зафиксированы в верхней части заполнения, но в остальном анатомический порядок расположения костей прослежен не был.

В погребении 2 было обнаружено несколько находок в верхней части урны: бронзовые накладка и крючок фибулы, а также фрагмент железного предмета, который мог принадлежать к числу элементов личного убора или сопровождающего инвентаря (рис. 6).

Антропологический материал[3]

Изученные фрагменты кремированных останков из погребений 1–2 имеют цвет от светло-серого до белого (рис. 2: *2–4*). На поверхности некоторых костей зафиксированы параболические деформационные трещины, возникшие вследствие термического воздействия. Согласно цветовым шкалам и показателям

[3] Исследование антропологических материалов проведено по комплексной методике, включающей в себя оценку пола и возраста, остеометрию, а также программу фиксации признаков кремированных останков (*Добровольская*, 2010; *Клещенко, Решетова*, 2019).

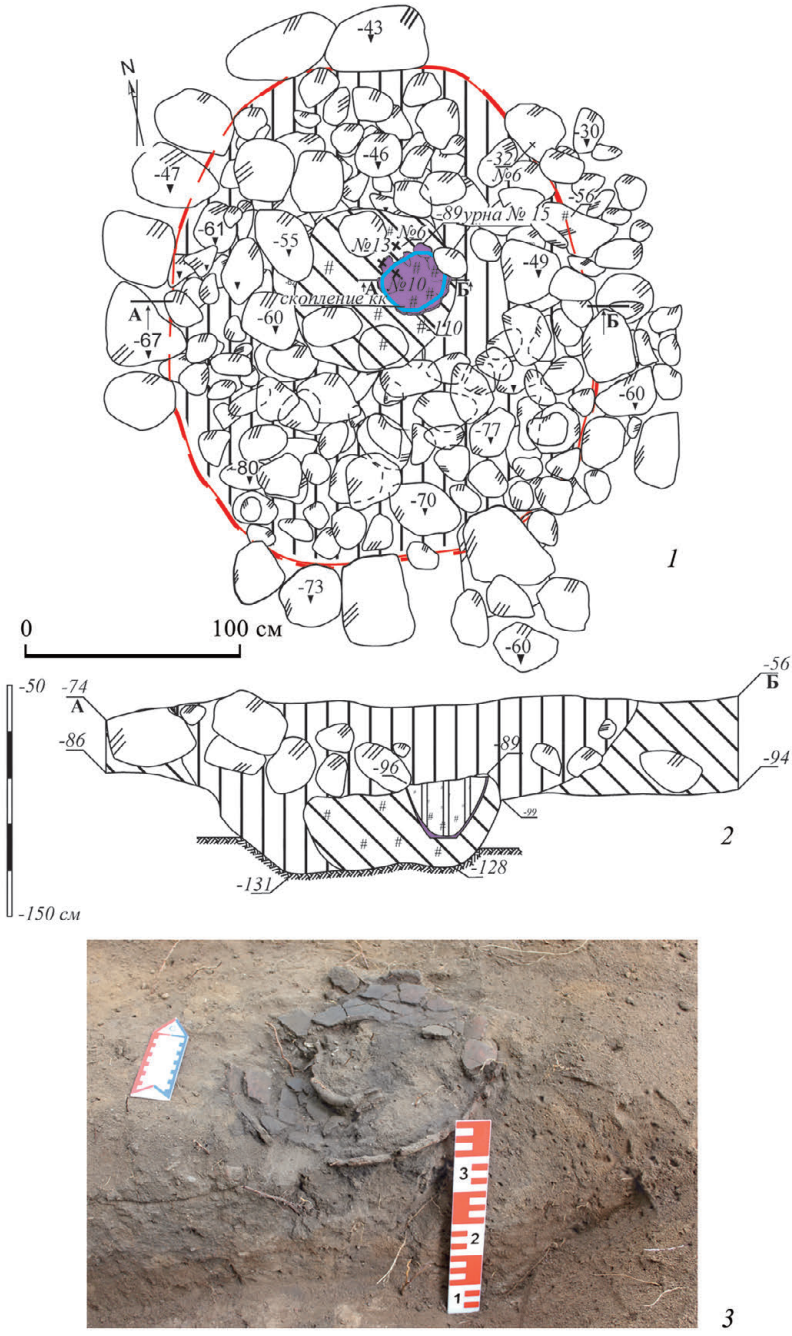


Рис. 5. Погребение 2

1–3 – план и разрез объекта (*1, 2* – подготовил И. Н. Сходнов; *3* – фото О. А. Хомякова)

Условные обозначения: см. рис. 3

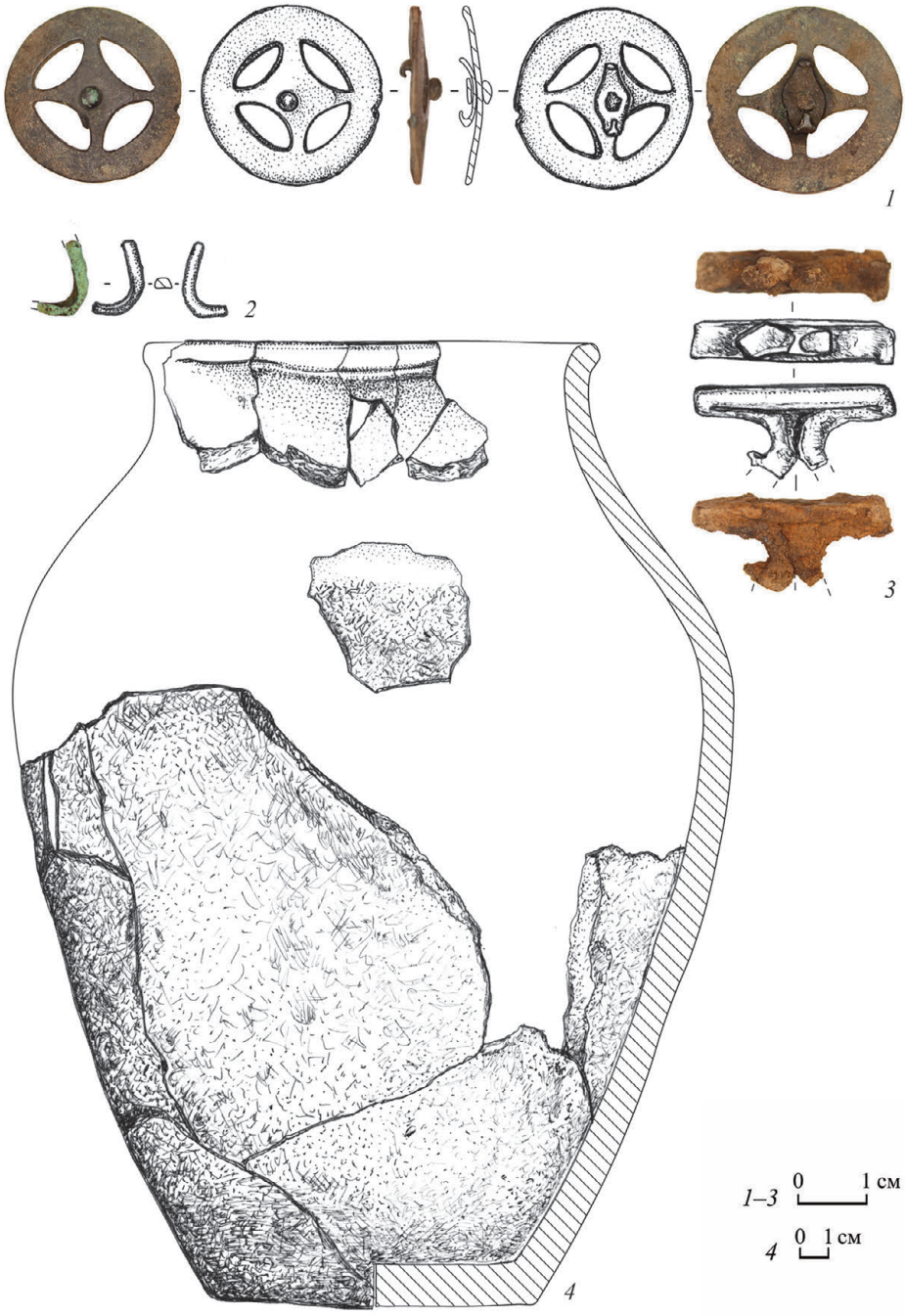


Рис. 6. Находки из погребения 2

1 – ажурная накладка; *2* – крючок фибулы; *3* – фрагмент предмета; *4* – урна
1–2 – бронза; *3* – железо; *4* – керамика. Рис., фото – О. А. Хомякова

на основе экспериментальных данных, можно предположить, что температура горения погребального костра была неравномерна и могла варьироваться от 650 до 800–850 °С (*Клещенко, Решетова*, 2019. С. 25). Данные об останках, массе, количестве определимых фрагментов представлены в *Приложении*.

Оба погребения являются индивидуальными, кремированные останки животных в них не зафиксированы.

В погребении 1 находилось незначительное количество костей. Их малая масса, вероятнее всего, является следствием ограбления комплекса. Однако также возможно, что в объект могла быть депонирована лишь часть костей. В отличие от первого захоронения погребение 2 содержало значительное количество останков.

Определение возраста для останков из погребения 1 сделано на основе степени облитерации швов свода черепа и состояния фаланг кисти. Погребенный является взрослым индивидом без признаков возрастных изменений. Пол неопределим (рис. 2: *2*).

Для останков из погребения 2 возраст также определялся на основе степени облитерации швов свода черепа и состояния фаланг кисти. Определение пола сделано на основании размерности костей кисти, стопы и шейного позвонка. Погребенная – женщина, *adultus*, до 40 лет (рис. 2: *3, 4*).

Анализ археологических предметов

Находки конца XIX в.[4]

Кинжал-pugio (PM IV.402. 5944) железный, в ножнах, инкрустированных серебром (рис. 1: *3*). Длина кинжала составляла 33 см, а длина рукояти – 9,5 см. Нижняя часть ножен не сохранилась. Отмечается, что на кинжале присутствовали следы пребывания в огне, что может указывать на то, что он мог представлять собой предмет из погребального инвентаря кремации.

В качестве аналогии клинку ранее была приведена находка из Дунафёльдваре в Нижней Паннонии. Датировка кинжала из Яковалево/Ilischken относится к середине I в. н. э., эпохе императора Нерона (*Nowakowski*, 1985. P. 80–82. Rys. 5; 1996. S. 69–70; *Saliola, Casprini*, 2012. P. 117). М. Б. Щукин отмечает, что подобные кинжалы в Среднем Подунавье использовались в вооружении армии в 30–70-х гг. н. э., и один из них несколько позднее мог попасть на территорию Прибалтики (1998. С. 199). Б. Контны приводит три места находок кинжалов-*pugio* за пределами Римской империи, помимо Яковлево/Ilischken (см.: *Chilińska-Früboes, Kontny*, 2018. Map. 9): Розенбек/Rösenbeck в Нижней Германии в течении Рейна, где находилась Колония Агриппины; Тухиня/Tuchyňa на Дунае в Западной Словакии, где были обнаружены самые северные следы присутствия римского легиона Лаугарицио; и, наконец, Западная Ютландия, где

[4] В архиве М. Яна упоминаются также железные пряжка, стремя (?), фрагментированные удила, наконечник копья. Поскольку изображения их отсутствуют, выводы о типологии и хронологии данных предметов (см.: *Chilińska-Früboes, Kontny*, 2018. P. 80) мы считаем необоснованными.

такой кинжал был найден на могильнике Хедегард/Hedegård в составе инвентаря кремации погр. A4103, датированной первой половиной I в. н. э.

Вместе с кинжалом[5] были найдены следующие предметы, имевшие в коллекции музея «Пруссия» номер PM IV.402. 5944:

– сильно профилированная *фибула* формы 72, по О. Альмгрену (далее – *A*) (*Almgren*, 1923. Taf. IV: *72*), вариант – с футляром для пружины (*Nowakowski*, 1996. S. 98) (рис. 1: *1*). В самбийско-натангийской культуре такие фибулы встречаются в основном на могильниках Калининградского п-ва (исторической Самбии) (подробно – *Хомякова*, 2022. С. 20) и относятся к рубежу фаз 0/ I (рубежа B1/B2 и B2a[6]) (Там же. Прилож. 2: *1*; прилож. 3; рис. 91: *1*). Находят их и в захоронениях на могильниках в долине реки Преголя, например, в погр. 23 могильника Березовка/Gross Ottenhagen (рис. 2: *1 – пункт 7*) (*Ibsen*, 2003. Taf. 24: *1*);

– две пары кольчатых *удил*: одни – с *витыми/тордированными* (рис. 1: *4*), а другие – с *простыми* грызлами (рис. 1: *5*), имеют аналогии на северо-германских территориях среди находок из мест жертвоприношений в Нидаме, Иллерупе и Скетемёззе раннеримского времени (тип T2, по классификации С. Вильберс-Рост – см.: *Wilbers-Rost*, 1994. S. 67–68). В Юго-Восточной Прибалтике аналогичные предметы были обнаружены в западной части Мазурского Поозерья: в погр. 45 могильника Мунтово/Alt Muntowen (рис. 2: *1 – пункт 17*), датированном фазой B2, и погр. 243 могильника Гасьор II («Jez. Jaśkowskie») / Jaskowska See (кремация с помещением останков в урну) (рис. 2: *1 – пункт 20*), относящемся к фазе B2/C1 (Ibid. S. 188. Taf. 5B; *Nowakowski*, 2013. Taf. 183).

Удила с *простыми грызлами* (рис. 1: *5*) в древностях региона многочисленны. Они были найдены и на соседних с Яковлево/Ilischken могильниках, таких как Ливны/Stobingen (архивы Янкуна и Гренца. PM VI. 35. 4065) и Заречье/ Caymen (архив Г. Янкуна, PM V.143.7719 и PM V, 486, 9028) в качестве случайных находок, и Березовка/Gross Ottenhagen в погр. 85 (*Ibsen*, 2003. Taf. 68: *C*) (рис. 2: *1 – пункты 7, 11, 24*). В Мазурском Поозерье удила с простыми грызлами представлены на могильниках (см. рис. 2: *1 – пункты 18, 19, 21, 22*) Бабита/ Babienten, Шпуховко / Klein Puppen (случайные находки), в погр. 109 могильника Махары/Macharren и погр. 17, 93, 94 могильника Мойтыны/Moythienen. Все они датируются фазами B2 и B2/C1 (*Wilbers-Rost*, 1994. S. 189–191; *Nowakowski*, 2013. Taf. 206: *7*).

[5] План и подробное описание объекта отсутствуют. Объединять эти предметы в единый комплекс (как в: *Nowakowski*, 1996. Taf. 92: 1–4; *Кулаков*, 2016. С. 105 – и более ранняя литература) можно лишь в качестве одного из возможных вариантов. В музее «Пруссия» единый номер не всегда присваивался предметам, входившим в один комплекс. Он мог быть присвоен и коллекции предметов, происходящих с одного памятника, поступивших в музей единовременно.

[6] Абсолютные даты приводимых в статье периодов центральноевропейской хронологии (подробно см.: *Хомякова*, 2022. С. 97–105. Рис. 89): B1 – около 0–50/70 гг.; B2 – около 70/80–150 гг.; B2/C1 – около 150–200/225; C1 – около 200/225–250 гг.

Найденный вместе с кинжалом *умбон щита* (рис. 1: *2*) с обломанной верхней частью, вероятно, относится к типу цилиндроконических (с низкой шейкой и высоким коническим куполом). Аналогичную форму имел также умбон щита с номером РМ IV. 313.5710 из числа случайных находок (рис. 1: *6*). Оба умбона принадлежат к типу 7a, по М. Яну (*Jahn*, 1916. Taf. III: *7a*; *Kontny*, 2019. Fig. 4), или типу 3a, по Й. Илькеру (*Ilkjær*, 1990. Abb. 22), или типу C2, по Н. Цилингу (*Zieling*, 1989. Taf. 5: *C2*). Датировки умбонов щитов данного типа относятся к фазам B1 и B2a. Умбоны этого типа были распространены в Центральной Европе в пшеворской культуре и эльбско-германском круге, на о-ве Фюн (Ibid. S. 62–64), а также на могильниках вельбаркской культуры Пита/Pita, Гроново Горне / Gronowo Górne (рис. 2: *1 – пункт 25*) (*Kontny*, 2019. P. 103, Fig. 14: *3, 4*). Цилиндроконические умбоны также были найдены в погребениях на нескольких могильниках Мазурского Поозерья (подробно – *Nowakowski*, 2013. S. 217–218). В самбийско-натангийских древностях такие умбоны представлены в погр. IV могильника Поваровка/Kirpehnen, погр. 23 могильника Хрустальное и погр. 23 могильника Березовка/Gross Ottenhagen (*Радюш, Скворцов*, 2008. С. 135, 136, 137) (рис. 2: *1 – пункты 2, 6, 7*).

Среди определимых находок, сделанных в конце XIX – первой трети XX в., содержится железная *пряжка* с номером РМ IV.313.5711, которая характеризуется полукруглой одночастной цельной рамкой без обоймицы и принадлежит к типу D1, по Р. Мадыде-Легутко (*Madyda-Legutko*, 1987. Tab. 7) (рис. 1: *7*). Аналогии таким пряжкам на памятниках Юго-Восточной Прибалтики многочисленны (подробно – *Хомякова*, 2022. С. 53–54). В самбийско-натангийской культуре полукруглые пряжки появляются в погребениях фазы Ia (B2a) и встречаются до фазы IIa (B2/C1) (Там же. С. 54. Рис. 39: *1, 3*. Прилож. 3; группы 4–5).

Находки из раскопок 2020 г.

Керамика, найденная в *погребениях 1–2*, представлена фрагментированными погребальными сосудами. Наиболее комплектная урна (№ 15) из *погребения 2* лепная, серо-коричневого цвета, имеет равномерный обжиг. В состав примесей входят слюда, дресва и песок (рис. 6: *4*), Урна имеет горшковидную форму и отогнутый венчик. В центральной части поверхность урны ошершавлена, донная часть и венчик – лощеные.

Фрагменты аналогичной керамики серо-коричневого цвета с шероховатой внешней поверхностью (№ 1–3) также были обнаружены и в *погребении 1* (рис. 4: *6–9*).

Сосуды горшковидной формы с ошершавленной нижней и заглаженной верхней частью известны в Юго-Восточной Прибалтике начиная с эпохи раннего железного века. Они встречаются на поселениях и могильниках предримского времени оксывской культуры, преимущественно в северной части современной Польши (см. тип IV по: *Hoffmann*, 1998. P. 22, 24. Ryc. 4: *1, 2*). По данным Р. Волангевича, такие сосуды найдены более чем на 30 могильниках вельбаркской культуры в погребениях фаз B1, B2 и B2/C1 (см. тип IB – по: *Wołągiewicz*, 1993. P. 12, 82–83; Tabl. 2). Ближайшие аналогии урне из Яковлево происходят из погр. 189 и погр. o.N (II) могильника Любовидз (*Wołągiewicz*, 1995. Taf. XXII, XXXIV) (рис. 2: *1 – пункт 23*).

Сосуды с ошершавленным туловом были распространены и в западной части Мазурского Поозерья. Например, на могильнике Вышемборг/Wyszembork TVa, который содержит материалы эпохи римских влияний и раннего железного века, такой сосуд обнаружен в погр. 21а (*Szymański*, 2005. Taf. XVI: *1*). Урны с ошершавленной нижней частью и лощеным/заглаженным венчиком также присутствуют на могильниках в долине реки Преголя и ее притоков, например, в погр. 8 и 9 могильника Радужное/Rominten (*Bezzenberger*, 1896. Tabl. II: *2–4, 7*; III: *2*), а также на могильнике Ровное/Imten (*Engel*, 1935. Taf. 32: *b*) (рис. 2: *1 – пункты 10, 15*).

В заполнении *погребения 1* также обнаружены стенки двух лепных тонкостенных сосудов с лощеной поверхностью (№ 4): серо-коричневого и черного цвета (рис. 4: *4–6*).

В *погребении 2* найдена *ажурная литая бронзовая накладка* (№ 6) округлой формы (диаметр – 2,6 см, толщина накладки – 0,2 см, вес – 3,3 г). Изделие украшено прорезным орнаментом в виде ромба, вписанного в круг. С обратной стороны находится механизм для крепления в виде кованной скобы, соединенной с пластиной при помощи заклепки (рис. 6: *1*).

Накладка относится к элементам женского убора и представляет собой деталь, которая могла быть частью головного убора типа венчика/шапочки (подробно – *Хомякова*, 2022. С. 68–70. Рис. 55; 56). Она относится к особой группе предметов, воспроизводящих форму провинциально-римских фибул-брошей типа 24с, по М. Фожеру (*Feugère*, 1985. P. 184. 341, 347–348. Fig. 50). Импортные фибулы данного типа и их имитации представлены в древностях Юго-Восточной Прибалтики: на могильнике Мойтыны/Moythienen, погр. 28, в погр. 1 могильника Петино/Perdollen (рис. 7: *5*), и погр. 30 могильника Альтхоф/Althof (Gaitzuhnen) (подробно – *Хомякова*, 2022. С. 43. Рис. 32: *2*) (рис. 2: *1 – пункты 8, 14, 18*).

Такие накладки представлены и на могильниках Калининградского п-ва (рис. 2: *1 – пункты 3, 4, 5*): в погр. 400 могильника Путилово/Corjeiten (рис. 7: *1*) и погр. 30 могильника Коврово/Dollkeim (рис. 7: *2*), а также в числе случайных находок 2010-х гг. с могильника Окунево (*Chilińska-Früboes, Skvorcov*, 2022. Fig. 9: *2, 3*) (рис. 7: *3, 4*). Хронология этих накладок, имитирующих провинциально-римские фибулы-броши с ажурным орнаментом указанного выше типа, в самбийско-натангийских древностях соответствует фазе I (B2) (*Хомякова*, 2017. С. 150. Рис. 1: *9, 27, 34*; 2: *16*; 3: *3*; 2022. С. 70. Прилож. 2: *18*; прилож. 3: группы 2–4).

В *погребении 2* также был выявлен фрагмент бронзового предмета (№ 10) длиной около 1,0 см, полукруглого в сечении (рис. 6: *2*). Наиболее вероятно, что он может представлять собой крючок для тетивы «глазчатой» фибулы группы III, по О. Альмгрену (*Almgren*, 1923. S. 29–33. Taf. III: *57, 61–63*), которые встречаются в погребальных комплексах самбийско-натангийской культуры фазы I (B2) (подробно – *Хомякова*, 2022. С. 18–19, 98–100 – там литература).

Аналогии для фрагмента железного предмета из погребения 2 (№ 13), сохранившимися размерами 3,1 × 1,9 см, толщиной 0,6 см (рис. 6: *3*), нам найти не удалось.

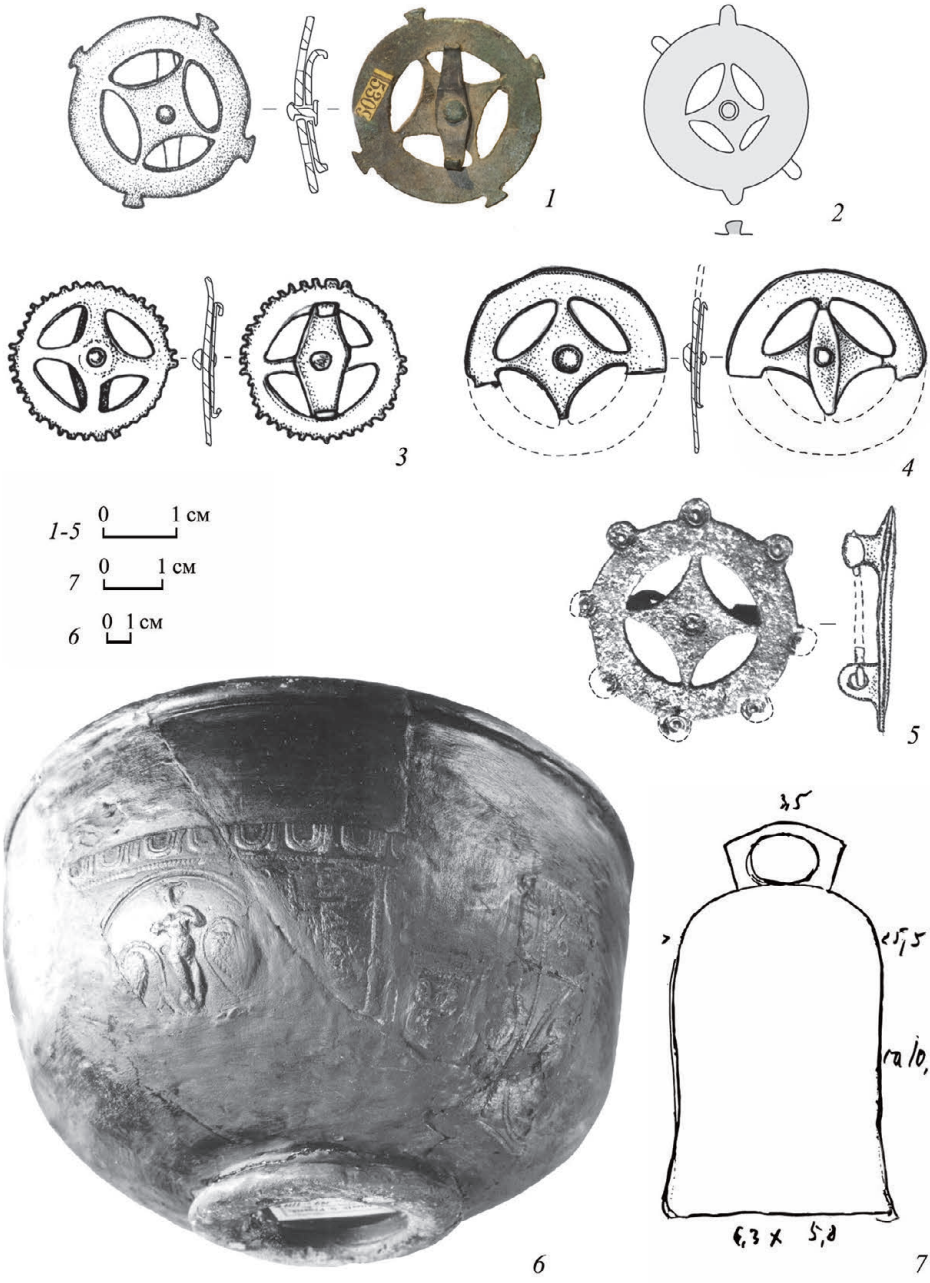


Рис. 7. Аналогии украшениям провинциально-римского облика и предметы римского импорта с могильников самбийско-натангийской культуры

1–5 – ажурные накладки; *6* – чаша типа *Terra sigillata*; *7* – колокольчик-*tintinnabulum*

1 – Путилово/Corjeiten, погр. 400; *2* – Коврово/Dollkeim, погр. 30; *3, 4* – Окунево, случайные находки; *5* – Петино/Perdollen, погр. 1; *6, 7* – Изобильное/Klein Fliess, случайные находки

1, 3, 4 – рис. О. А. Хомякова; *2, 5–7* – по архивам Г. Янкуна и Р. Гренца

Хронология могильника

Ввиду того, что систематических раскопок на могильнике Илишкен/Ilischken не проводилось, основой для определения хронологии некрополя стала дата, предложенная Э. Холлаком[7]. Он отнес находки с могильника к этапам B (I–II вв.), C (II–IV вв.) самбийско-натангийских древностей по шкале О. Тишлера, Г. Кемке и А. Бецценбергера, и, ссылаясь на наличие материалов «христианского» кладбища, указал на присутствие на памятнике материалов поздних этапов культуры пруссов: G (период IX–X вв.), H (период H: X–XIII вв.) (*Hollack*, 1908. S. 60). Эта характеристика была повторена без изменений в более поздних работах (*Jaskanis*, 1977. P. 278 – там литература).

Наше исследование показывает, что все материалы XIX – начала XX в. и работ 2020 г. относятся к раннеримскому времени. В настоящее время у нас нет достоверных данных о наличии на могильнике объектов культуры пруссов. Раскопанные нами погребения принадлежат к раннему этапу самбийско-натангийской культуры – рубежу фаз 0/1 (B1/B2) и фазе Ia (B2a). Из числа находок XIX – начала XX в. аналогичную датировку имеют кинжал-*pugio* (рис. 1: *3*) и фибула (рис. 1: *1*). Остальные предметы по аналогиям могут датироваться фазами B2 и B2/C1.

Погребальный обряд

По данным работ 2020 г., погребения на могильнике представлены индивидуальными кремациями (с помещением останков в урну), сверху перекрытыми каменными конструкциями концентрической формы диаметром 3,1–3,6 м.

Захоронения с такими надмогильными конструкциями типичны для самбийско-натангийской культуры раннеримского времени в целом (*Jaskanis*, 1974. P. 69–73; *Кулаков*, 2016. С. 21–22; 2017. С. 105–106 – там литература). Однако на могильниках центральной части ее ареала на Калининградском п-ве в указанный период погребальный обряд эстиев биритуален. До 40–50 % захоронений I–II вв. н. э. здесь представлены трупоположениями с северной (с отклонениями) ориентировкой (*Gaerte*, 1928. S. 46–48. Karte 1; *Хомякова*, 2022. С. 12–13. Диаграмма 1: *1–3*).

Согласно нашим полевым исследованиям и архивным данным, в восточной части самбийско-натангийского ареала в долине реки Преголи, на территории исторической Надровии, на фазах I (B2) и IIa (B2/C1) преобладали кремационные погребения. Урновые кремации под каменными конструкциями представлены на могильниках (рис. 2: *1 – пункты 9, 10, 13*) Ровное/Imten (*Хомякова*, 2017. Л. 38–50. Рис. 90–106), Изобильное / Klein Fliess (*Хомякова, Успенский*, 2015. С. 130–132. Рис. 3), Полесский лес / Drusker Forst (*Хомякова*, 2022. С. 150–151 – там литература).

[7] Э. Холлаком для пункта Илишкен также упомянута находка топорика, датированного бронзовым веком. Польские коллеги, реконструируя архивные материалы, считают топорик не связанным с могильником (*Chilińska-Früboes, Kontny*, 2018. P. 79–80. Rys. 2).

Предметы со следами воздействия огня, найденные на могильнике Яковлево/Ilischken в XIX в., также могли происходить из кремаций. Оружие и элементы конского снаряжения (рис. 1: *2–6*) свидетельствуют о присутствии на могильнике воинских погребений в сопровождении конских захоронений.

Общие замечания и заключение

Исследования могильника Яковлево/Ilischken расширяют наши знания о раннем этапе развития самбийско-натангийской культуры.

Присутствие предметов римского импорта и изделий провинциально-римского облика (рис. 1: *3*; 6: *1*) в инвентаре погребений указывает на высокий статус общины, оставившей этот могильник. При этом некрополь расположен в восточной части ареала эстиев (Надровии), за пределами основных скоплений самбийско-натангийских памятников на Калининградском п-ве у мест добычи янтаря (рис. 2: *1 – пункт 1*).

Местоположение могильника позволяет связать его с одним из центров расселения эстиев в долине реки Преголя (рис. 2: *1*). По данным разведок, могильник расположен недалеко от городища Кудрявцево/Kuglacken I тыс. н. э. – начала II тыс. и связан с ним водотоком (*Khomiakova et al*., 2018. P. 81–85. Fig. 3; 4; *Khomiakova*, 2022. P. 42–46. Fig. 4) (рис. 2: *1 – пункты 1, 12*). Данное городище находится в микрорегионе, удобном с точки зрения контроля большого участка реки Преголя (*Khomiakova et al*., 2018. Fig. 13). Вплотную к нему примыкает зона проживания (подробно – *Khomiakova*, 2016. P. 69–71. Fig. 4; 6; *Хомякова*, 2023. С. 108. Рис. 4).

Погребальный обряд и топография могильника Яковлево/Ilischken сближают его с другими могильниками Надровии, такими как упомянутые Изобильное/Klein Fliess и Петино/Perdollen (рис. 2: *1 – пункты 8, 13*). Все они занимают одиночные моренные холмы, имеют небольшие размеры, расположены вблизи водотоков и находятся на удалении от зон проживания (подробно – *Khomiakova*, 2016. P. 69–71. Fig. 6–9; *Хомякова, Сходнов*, 2019) (рис. 3: *1–2*).

В инвентаре погребений этих могильников помимо указанного кинжала-*pugio* (рис. 1: *3*) также содержатся и другие предметы римского импорта: чаша типа *Terra sigillata* (рис. 7: *6*), бронзовый колокольчик-*tintinnabulum* (рис. 7: *7*), детали конской уздечки (*Хомякова, Успенский*, 2015. С. 130. Рис. 7), провинциально-римская фибула-брошь (рис. 7: *5*).

Появление таких предметов в Юго-Восточной Прибалтике связывается с началом действия «Янтарного пути». Помимо основной трассы по реке Висла существовали его ответвления, связывавшие самбийско-натангийский ареал с западной и центральной частью Мазурского Поозерья, и река Преголя играла в этом первостепенную роль (*Okulicz*, 1973. P. 366–367; *Jaskanis*, 1974. P. 27; *Хомякова*, 2022. С. 15 – там литература) (рис. 2: *1*).

На могильниках самбийско-натангийской культуры долины Преголи, как видно по результатам наших исследований, уже с рубежа фаз 0/1 (B1/B2) и Ia (B2a) присутствуют женские погребения с убором эпохи римских влияний, а также мужские комплексы с набором вооружения, сопровождаемые конскими захоронениями (рис. 2: *1 – пункты 7–11*).

Вероятно, социальные процессы, связанные с появлением у эстиев более богатых общин на раннем этапе развития самбийско-натангийской культуры, были характерны не только для сообществ, проживавших непосредственно у мест добычи и сбора янтаря на Самбии, но и на периферийных участках культурного ареала и в межкультурных пространствах западнобалтского круга культур.

Интерес к участкам долины реки Преголя, которые были важны для контроля речного транспортного пути и появления новых центров освоения территории, мог стать причиной переселения в Надровию небольших коллективов из Самбии и/или более удаленных территорий. На это указывает большое количество аналогий найденным предметам инвентаря в Южной и Юго-Восточной Прибалтике, а также на островах центральной части Балтийского моря.

В итоге можно заключить, что кинжал-*pugio* выделяется на фоне остальных римских импортных предметов в регионе редкостью своей находки, но связывать его с присутствием в Юго-Восточной Прибалтике собственно римлян нельзя. Как и находка из погр. А4103 могильника Хедегард, *pugio* из Яковлево/Ilischken происходит из кремации. Раннеримские импортные предметы, найденные в варварских погребениях, принято интерпретировать как дары, призванные завоевать расположение глав верхушек местных сообществ. Но такие предметы необязательно попадали к ним непосредственно от римлян, а могли быть уже результатом обмена между варварскими родами (*Lund Hansen*, 1987. P. 193–195). Кинжалы-*pugio*, найденные вне пределов Римской империи, также могли быть предметами такого дарения (*Kaczanowski*, 1995. P. 171–173; *Bichop, Coulston*, 1993. P. 37).

Как и места, откуда происходят кинжалы-*pugio* из Нижней Германии, Подунавья и Ютландии, долина реки Преголя принадлежала к числу коммуникационных артерий «янтарной» торговли. Поэтому находка кинжала-*pugio* в восточной части самбийско-натангийского ареала, безусловно, неслучайна.

Дальнейшее изучение могильника Яковлево/Ilischken может дать значимый для понимания культурных процессов раннеримского времени в Юго-Восточной Прибалтике материал и позволит изложить затронутые в статье сюжеты в более развернутом виде.

ЛИТЕРАТУРА

Архив Герберта Янкуна // Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig.

Архив Р. Гренца // Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig.

Добровольская М. В., 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.

Клещенко Е. А., Решетова И. К., 2019. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН. 224 с.

Кулаков В. И., 2016. Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н. э. Калининград: Калининградская книга. 360 с.

Кулаков В. И., 2017. Происхождение некоторых элементов погребального обряда эстиев // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А. М. Обломского / Ред.: В. Е. Родинкова, О. С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 103–109. (Раннеславянский мир; вып. 19.)

Новаковский В., 2020. Римляне на побережье Балтийского моря по сообщению Плиния Старшего и надписи из Бульдог // Германия – Сарматия = Germania – Sarmatia. Вып. III. Сборник научных статей по археологии народов Центральной и Восточной Европы / Ред.: О. А. Радюш, А. Блюэнэ, М. В. Любичев. М.: ИА РАН. С. 386–397.

Радюш О., Скворцов К., 2008. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры // Germania – Sarmatia. Вып. I. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов / Ред. О. А. Радюш. Калининград: Янтарный сказ. С. 122–158.

Хомякова О. А., 2017. Отчет о проведении научно-исследовательских работ (археологических раскопок) на территории грунтового могильника и поселения Ровное/Imten в Гвардейском районе Калининградской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 56890.

Хомякова О. А., 2020. Отчет об археологических разведках в Гвардейском и Черняховском районе Калининградской области в 2020 году // Архив ИА РАН. Р-I.

Хомякова О. А., 2022. Женский убор самбийско-натангийской культуры I–IV вв. Анализ компонентов и хронология. М.: ИА РАН. 320 с. (Германия-Сарматия. Монографии; вып. 1.)

Хомякова О. А., 2023. Городища в системе расселения самбийско-натангийской культуры Юго-Восточной Прибалтики I тыс. // РА. № 4. С. 100–114.

Хомякова О. А., Сходнов И. Н., 2019. Методы визуализации в изучении культурного ландшафта памятников Юго-Восточной Прибалтики первой половины I тыс. н. э. [Электронный ресурс] // Археология и геоинформатика. Вып. 9 / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН. URL: https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-9/Khomjakova/page1.html (дата обращения: 15.06.2023).

Хомякова О. А., Успенский П. С., 2015. Могильник римского времени Изобильное (Klein Fliess, Kr. Labiau) в Калининградской области: архивные данные и новые исследования // РА. № 3. С. 122–137.

Щукин М. Б., 1998. Янтарный путь и венеты // История и культура древних и средневековых обществ: сб. ст., посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова / Ред. И. Я. Фроянов и др. СПб.: СПбГУ. С. 198–207. (Проблемы археологии; вып. 4.)

Almgren O., 1923. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig: Habelt. 254 S.

Bezzenberger A., 1896. Das Gräberfeld bei Rominten // Prussia. Bd. 20. S. 35–56.

Bishop M. C., Coulston J. C., 1993. Roman Military Equipment (Shire archaeology. Bd. 59). 76 p.

Bujack G., 1891. Accessionen des Prussia-Museums pro 1890 // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia zu Königsberg i. Pr. im 46. Vereinsjähre, 1890. Königsberg. S. 12.

Chilińska-Früboes A., Kontny B., 2018. Po jantar! Rzymski trop w dalekim kraju albo raz jeszcze o znaleziskach z dawnego Ilischken // Światowit. Vol. XIII–XIV (LIV–LV) (2015–2016). S. 73–106.

Chilińska-Früboes A., Skvorcov K. N., 2022. Openwork Roman Disc Brooches and Mounts and their Local Imitations in the Area of the Western Balts // Rome and the Barbarians: An Interplay Between Two Worlds / Eds.: M. Olędzki, A. Dubicki. Łódź: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego. P. 145–181.

Eggers H. J., 1955. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums. Bd. 2. Mainz. S. 196–244.

Engel K., 1935. Vorgeschichte der altpreußischen Stämme. Untersuchungen über Siedlungsstetigkeit und Kulturgruppen im vorgeschichtlichen Ostpreußen. Bd. I. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag. 351 S.

Feugère M., 1985. Les Fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique. 503 p. (Revue Archéologique de Narbonnaise Supplément; 12.)

Gaerte W., 1928. Skelettgräber zwischen Weichsel und Memel aus der römischen Kaiserzeit // Mannus: Gesellschaft für Deutsche Vorgeschichte. Bd. VI. Leipzig. S. 45–48.

Hoffmann M., 1998. Ceramika z obszaru południowo-wschodniego pobrzeża Bałtyku w I tysiącleciu p. n. e. – próba typologii 1 periodyzacji // Ceramika zachodniobałtyjska od wczesnej epoki żelaza do początków ery nowożytnej / Ed. M. Karczewski. Białystok: Instytut Historii Uniwersytetu w Białymstoku. S. 11–38.

Hollack E., 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. Glogau; Berlin: Flemming. 234 S.

Ibsen T., 2003. Das kaiserzeitliche und völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Berezovka/Groß Ottenhagen im Kaliningrader Gebiet. Eine archivalische Studie: Schriftliche Hausarbeit zur Erlangung des Grades eines Magister Artium (M. A.) der Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität Kiel. Kiel. 365 S.

Ilkjær J., 1990. Illerup Ådal. Bd. 1. Die Lanzen und Speere. Aarhus: Aarhus University press. 404 S. (Jutland Archaeological Society Publications; Bd. XXV/1.)

Jahn M., 1916. Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit, etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr. Würzburg: C. Kabitzsch. 275 S.

Jaskanis J., 1974. Obrządek pogrzebowy zachodnich Bałtów u schyłku starożytności. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 296 s. (Biblioteka archeologiczna / Polskie Towarzystwo Archeologiczne i Numizmatyczne; t. 23.)

Jaskanis J., 1977. Cmentarzyska Kultury zachodniobaltyjskej z okresu rzymskiego // Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. Bd. IV. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. S. 239–350.

Kaczanowski P., 1995. Klasyfikacja grotów broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Warszawa: Instytut archeologii i etnologii Polskiej Akademii Nauk. 77 s. (Klasyfikacje zabytków archeologicznych; 1) (Varia; 342.)

Khomiakova O., 2016. The Landscape and spatial analysis of Roman Period archaeological sites at the Eastern border of Dollkeim-Kovrovo/Sambian-Natangian culture // Archaeologia Baltica. Vol. 23. P. 58–80.

Khomiakova O., 2022. Sambian-Natangian hillforts in the 1st-millennium AD settlement system of the southeastern Baltic region // Fortifications in their Natural and Cultural Landscape: From Organising Space to the Creation of Power / Ed.: T. Ibsen, K. Ilves, B. Maixner, S. Messal, J. Schneeweiß (Schriften des Museums für Archäologie Schloss Gottorf, Ergänzungsreihe, Band 15). P. 35–51.

Khomiakova O., Skhodnov I., Chaukin S., 2018. Hillforts of the Central Nadruvians: a case study of settlement pattern and social organisation in former East Prussia in the first half of the 1st Millennium AD // Archaeologia Lituana. Vol. 19. P. 78–99.

Kolendo E., 2016. Plinius. Naturalis Historia // Vistula amne discreta / Ed. E. Kolendo. Warszawa: Uniwersytet Warszawskij. P. 136–138.

Kontny B., 2019. Archeologia wojny: studia nad uzbrojeniem barbarzyńskiej Europy okresu wpływów rzymskich i wędrówek ludów. Oświęcim: Napoleon V. 226 s.

Lund Hansen U., 1987. Römische Import im Norden. København: Det Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 487 S. (Nordische Fortminder. Serie B; Bd. 10.)

Madyda-Legutko R., 1987. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford. 233 S. (British Archaeological Reports. International series; 360.)

Nowakowski W., 1985. Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodniobałtyjskiego kręgu kulturowego // Archeologia: Rocznik Instytutu Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk. Vol. XXXIV (1983). S. 63–106.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem Römischen Reich und der barbarischen Welt / Ed. C. von Carnap-Bornheim. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität. 169 S. (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg; vol. 10.)

Nowakowski W., 2013. Masuren in der Römischen Kaiserzeit. Auswertung der Archivalien aus dem Nachlass von Herbert Jankuhn. Neumünster: Wachholtz. 306 S. (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete; Bd. 12.)

Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VI w. n. e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 588 s.

Saliola M., Casprini E., 2012. Pugio – gladius brevis est. Oxford: Archaeopress. 144 p. (British Archaeological Reports. International series; 2404.)

Szymański P., 2005. Mikroregion osadniczy z okresu wpływow rzymskich w rejonie jeziora Salęt na Pojezierzu Mazurskim. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. 284 s. (Swiatowit. Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages; X.)

Wilbers-Rost S., 1994. Pferdegeschirr Der Römischen Kaiserzeit in Der Germania Libera: Zur Entstehung, Entwicklung Und Ausbreitung Des «Zaumzeugs Mit Zugelketten». Hannover: Isensee. 229 S. (Veröffentlichungen der Urgeschichtlichen Sammlungen des Landesmuseums zu Hannover; 44.)

Wołągiewicz R., 1993. Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a morzem Czarnym. Szczecin: Muzeum Narodowe. 202 s.

Wołągiewicz R., 1995. Lubowidz: ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1. Jhs. v. Chr. bis zum Anfang des 3. Jhs. n. Chr. Kraków. 124 s. (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. I.)

Zieling N., 1989. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène – und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. III. Oxford. 1076 p. (British Archaeological Reports. International series; 505.)

Сведения об авторах

Хомякова Ольга Алексеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: olga.homiakova@gmail.com;

Сходнов Иван Николаевич, НИЦ «Прибалтийская археология», ул. Аксакова, д. 102В, Калининград, 236001, Россия; e-mail: ivanskhodnov@gmail.com;

Клещенко Екатерина Андреевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru

O. A. Khomyakova, I. N. Skhodnov, E. A. Kleshchenko

«THE TRACE OF THE ROMAN EXPEDITION TO THE BALTICS IN SEARCH OF AMBER»: THE YAKOVLEVO (ILISCHKEN) CEMETERY OF THE SAMBIAN-NATANGIAN CULTURE

Abstract. The paper presents the results of the investigation relating to the Yakovlevo/ Ilischken cemetery of the Sambian-Natangian culture. This cemetery known since the end of the 19th century because of the find of a *pugio*, which is a type of Roman dagger weapon, is unique for the southeastern Baltic region; archaeologically it has never been examined before. Our study found that the graves in this cemetery are represented by individual cremations roofed with concentric stone structures. The funerary assemblage in the graves includes items imported from the Roman provinces as well as their derivates dating to the middle–end of the 1st – startup of the 2nd centuries AD. The cemetery is located within one of the centers inhabited by the eastern population of the Sambian-Natangian culture which settled along the routes of the transport communications related to amber trade.

Keywords: southeastern Baltic region, Sambian-Natangian culture, cemetery, funerary rite, Roman period, intercultural contacts, Roman import.

REFERENCES

Arkhiv Gerberta Yankuna [Herbert Jankun archive]. *Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig*.

Arkhiv R. Grentsa [R. Grentz archive]. *Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig*.

Dobrovolskaya M. V., 2010. K metodike izucheniya materialov krematsii [On methodology of studying cremation materials]. *KSIA*, 224, pp. 85–97.

Khomyakova O. A., 2017. Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skikh rabot (arkheologicheskikh raskopok) na territorii gruntovogo mogil'nika i poseleniya Rovnoe/Imten v Gvardeyskom rayone

Kaliningradskoy oblasti v 2017 g. [Report on conduct of scientific research (archaeological excavations) in territory of ground cemetery and settlement of Rovnoe/Imten in Gvardeyskiy district, Kaliningrad region in 2017]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Khomyakova O. A., 2020. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Gvardeyskom i Chernyakhovskom rayone Kaliningradskoy oblasti v 2020 godu [Report on archaeological exploration in Gvardeyskiy and Chernyakhovskiy districts, Kaliningrad region in 2020]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Khomyakova O. A., 2022. Zhenskiy ubor sambiysko-natangiyskoy kul'tury I–IV vv. Analiz komponentov i khronologiya [Female attire of Sambian-Natangian culture, I–IV cc. Component analysis and chronology]. Moscow: IA RAN. 320 p. (Germaniya-Sarmatiya. Monografii, 1.)

Khomyakova O. A., 2023. Gorodishcha v sisteme rasseleniya sambiysko-natangiyskoy kul'tury Yugo-Vostochnoy Pribaltiki I tys. [Hillforts in the settlement system of Sambian-Natangian culture of Southeastern Baltics i I mill.]. *RA*, 4, pp. 100–114.

Khomyakova O. A., Skhodnov I. N., 2019. Metody vizualizatsii v izuchenii kul'turnogo landshafta pamyatnikov Yugo-Vostochnoy Pribaltiki pervoy poloviny I tys. n. e. (Elektronnyy resurs) [Visualization methods in study of cultural landscape of Southeastern Baltics sites of the first half of I mill. AD (Electronic resource)]. *Arkheologiya i geoinformatika [Archaeology and geoinformatics]*, 9. D. S. Korobov, ed. Moscow: IA RAN. URL: https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-9/Khomjakova/page1.html

Khomyakova O. A., Uspenskiy P. S., 2015. Mogil'nik rimskogo vremeni Izobil'noe (Klein Fliess, Kr. Labiau) v Kaliningradskoy oblasti: arkhivnye dannye i novye issledovaniya [Roman time cemetery Izobilnoe (Klein Fliess, Kr. Labiau) in Kaliningrad region: archival data and new research]. *RA*, 3, pp. 122–137.

Kleshchenko E. A., Reshetova I. K., 2019. Paleoantropologicheskie materialy v rekonstruktsiyakh obraza zhizni i pogrebal'noy obryadnosti rannesrednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy [Paleoanthropological materials in reconstructions of lifestyle and burial rites of Early Medieval population of Eastern Europe]. Moscow: IA RAN. 224 p.

Kulakov V. I., 2016. Sokrovishcha Yantarnogo kraya. Pokazateli inokul'turnykh vliyaniy na drevnosti Sambii i Natangii v I–IV vv. n. e. [Treasures of the Amber land. Indicators of foreign cultural influences on Sambia and Natangia antiquities in I–IV cc. AD]. Kaliningrad: Kaliningradskaya kniga. 360 p.

Kulakov V. I., 2017. Proiskhozhdenie nekotorykh elementov pogrebal'nogo obryada estiev [Origin of some elements of Aestii burial rite]. *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur [Europe from La Tene to Middle Ages: barbarian world and birth of Slavic cultures]*. V. E. Rodinkova, O. S. Rumyantseva, eds. Moscow: IA RAN, pp. 103–109. (RSM, 19.)

Novakovski V., 2020. Rimlyane na poberezh'e Baltiyskogo morya po soobshcheniyu Pliniya Starshego i nadpisi iz Bul'dog [The Romans on the Baltic Sea coast according to Pliny the Elder and the inscriptions from Buldog]. *Germania – Sarmatia*, 3. O. A. Radyush, A. Bliujiene, M. V. Lyubichev, eds. Moscow: IA RAN, pp. 386–397.

Radyush O., Skvortsov K., 2008. Nakhodki detaley shchitov v areale sambiysko-natangiyskoy kul'tury [Finds of shields details in the area of Sambian-Natangian culture]. *Germania – Sarmatia*, 1. O. A. Radyush. Kaliningrad: Yantarnyy skaz, pp. 122–158.

Shchukin M. B., 1998. Yantarnyy put' i venety [Amber Road and the Veneti]. *Istoriya i kul'tura drevnikh i srednevekovykh obshchestv [History and culture of ancient and medieval societies]*. I. Ya. Froyanov, ed. St. Petersburg: SPbGU, pp. 198–207. (Problemy arkheologii, 4.)

About the authors

Khomyakova Olga A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: olga.homiakova@gmail.com;

Skhodnov Ivan N., Scientific Research Center «Baltic Archaeology», ul. Aksakova, 102V, Kaliningrad, 236001, Russian Federation; e-mail: ivanskhodnov@gmail.com;

Kleshchenko Ekaterina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru

Приложение 1

Характеристика кремированных останков из захоронений могильника Яковлево

Погребение	Вес останков (г)			Пол	Возраст	Определимые фрагменты костей
	Неопределимые фрагменты костей	Homo Sapiens	Общая масса			
1	51,8	23,11	74,91	–	до 40 лет (adultus)	фрагменты лицевой части черепа, лобной кости, пирамиды височной кости, свода черепа (в том числе с открытыми швами), нижней челюсти с альвеолярными отверстиями, диафиза бедренной кости, стенок трубчатых костей, фрагмент средней фаланги кисти
2	809,39	221,47	1030,86	жен (?)	до 40 лет (adultus)	фрагменты свода черепа, фрагмент правой височной кости с нижнечелюстной ямкой, венечный и мыщелковые отростки нижней челюсти, гороховидная кость кисти, ладьевидная кость стопы, зуб второго шейного позвонка, нижний эпифиз плечевой кости, фрагменты дистальной и средней фаланги кисти

А. А. Труфанов, Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк

ДВА ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ РАСКОПОК УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ В 2022 ГОДУ

Резюме. Эпоха Великого переселения народов представлена в Западном Крыму редкими захоронениями кочевников-гуннов, открытыми на территории заброшенных позднескифских городищ и могильников. В 2022 г. на южном участке Усть-Альминского некрополя были открыты еще два погребения, относящихся к этой эпохе, впущенные в погребальные камеры позднескифских склепов, переставших к тому времени функционировать. Ввиду того, что подобных объектов до сих пор найдено немного, их публикация представляется целесообразной. Одно из погребений (№ 1293/1), принадлежавшее мужчине, может быть датировано в пределах последней четверти IV – первой половины V в. н. э., другое (№ 1313/1), принадлежавшее женщине монголоидного типа, было совершено в первой половине V в. н. э.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Усть-Альминский некрополь, гуннские захоронения, эпоха Великого переселения народов.

Усть-Альминский некрополь расположен в прибрежной части Юго-Западного Крыма у села Песчаное Бахчисарайского района, на левом возвышенном берегу р. Альма у места ее впадения в Черное море (рис. 1). Памятник изучается более полувека, и к настоящему времени здесь раскопано 1386 погребальных сооружений (склепов и могил разнообразной конструкции) с погребениями людей, а также более сотни конских захоронений. Большая часть погребальных комплексов, выявленных на территории некрополя, соответствует периоду существования расположенного поблизости и связанного с ним позднескифского городища (вторая половина – конец II в. до н. э. – первая половина III в. н. э.). Вместе с тем за минувшие годы здесь было открыто и несколько объектов, относящихся к более позднему времени, в том числе к эпохе Великого переселения народов. Почти все они были впущены в погребальные камеры значительно

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.229-243

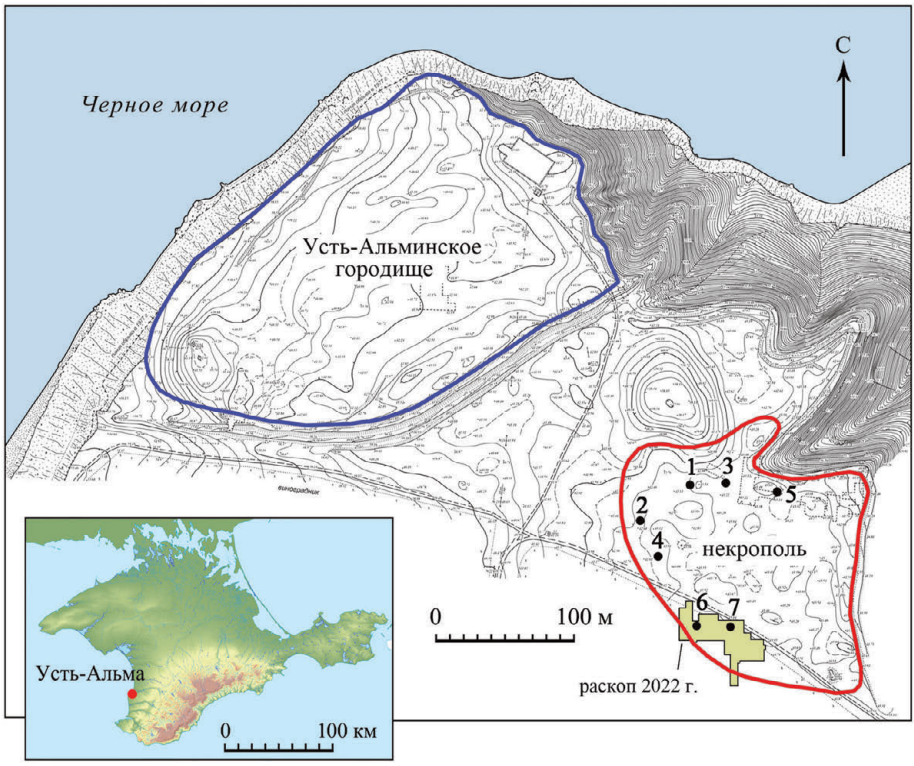


Рис. 1. Местоположение и общий вид территории Усть-Альминского городища и некрополя с обозначением объектов позднеантичного и раннесредневекового времени

1 – склеп 603 (погребение над камерой); *2* – склеп 635/1; *3* – могила 957; *4* – склеп 830/1; *5* – пункт обнаружения раннесредневековой амфоры; *6* – склеп 1293/1 (2022 г.); *7* – склеп 1313/1 (2022 г.)

более ранних позднескифских погребальных сооружений – грунтовых склепов и подбойной могилы. Информация об этих объектах опубликована, вот их краткий перечень.

1. Мужское (?) **захоронение над камерой склепа 603** (рис. 1: *1*), совершенное в яме с каменной забивкой и впоследствии провалившееся в камеру, датировано в рамках IV–V вв. н. э. на основании пряжек с выступающими загнутыми язычками, срезанными в задней части (*Loboda et al*., 2002. P. 303, 304. Abb. 3: *11, 12*; 4: *8*; *Пуздровский*, 2010. С. 30).

2. Богатое мужское **погребение 1 из склепа 635** (рис. 1: *2*) («юноша в возрасте 15–18 лет с признаками монголоидности») было отнесено к концу IV – первой половине V в. н. э., причем допускалась вероятность его совершения во второй четверти V в. н. э. (*Пуздровский и др*., 1999. С. 203; *Пуздровский*, 2010. С. 309; *Пуздровский и др*., 2021. С. 17–19. Рис. 30–36).

3. Богатое мужское **погребение из подбойной могилы 957** (рис. 1: *3*) тоже было причислено к группе памятников конца IV – первой половины V в. н. э., с предположением о том, что оно могло быть совершено в пределах второй четверти – середины V в. н. э. (*Пуздровский*, 2010. С. 309, 310; *Пуздровский, Труфанов*, 2017. С. 102, 103. Рис. 219–224. Табл. 16).

4. Женское **погребение 1 из склепа 830** (рис. 1: *4*), впущенное в камеру через входное отверстие, является более поздним по отношению к прочим, оно датировано первой половиной VI в. н. э. (*Пуздровский*, 2010. С. 309; *Пуздровский, Труфанов*, 2017. С. 9, 10. Рис. 7).

5. **Пункт нахождения раннесредневековой амфоры** причерноморского типа VIII–X вв. н. э. (рис. 1: *5*). Сосуд найден в обломках на глубине 0,55–0,70 м от уровня современной поверхности. По-видимому, он или его фрагменты находились в яме, разрушенной позднейшей распашкой территории, занимаемой могильником (*Пуздровский и др*., 2021. С. 219. Рис. 200).

В 2022 г. в ходе полевых исследований, проведенных совместной археологической экспедицией ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» и ГБУ РК «Историко-археологический музей-заповедник “Неаполь Скифский”», в южной части Усть-Альминского некрополя были выявлены еще два погребения, совершенные, когда расположенное поблизости одноименное позднескифское городище уже прекратило свое существование. Оба захоронения были впущены в погребальные камеры более ранних позднескифских грунтовых склепов (№ 1293 и 1313). Экспертиза костных останков, относящихся к этим захоронениям, проведена Д. С. Ходыревой (НИИ «Музей антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова»), составившей соответствующее антропологическое заключение.

Погребение 1 в склепе 1293 (рис. 1: *6*; 2: *1*; 3). Позднескифский грунтовый склеп состоял из входной ямы со ступенями и примыкающей к ней с северо-востока почти квадратной погребальной камеры. Склеп был ограблен в древности. Закладная плита, закрывавшая входное отверстие, находилась в отваленном положении.

Погребение представляло собой частично разрушенный в результате ограбления скелет взрослого человека, погребенного в северо-восточной части камеры в вытянутом положении на спине головой на северо-восток. Непотревоженной осталась только верхняя часть костяка, кости нижней части были смещены

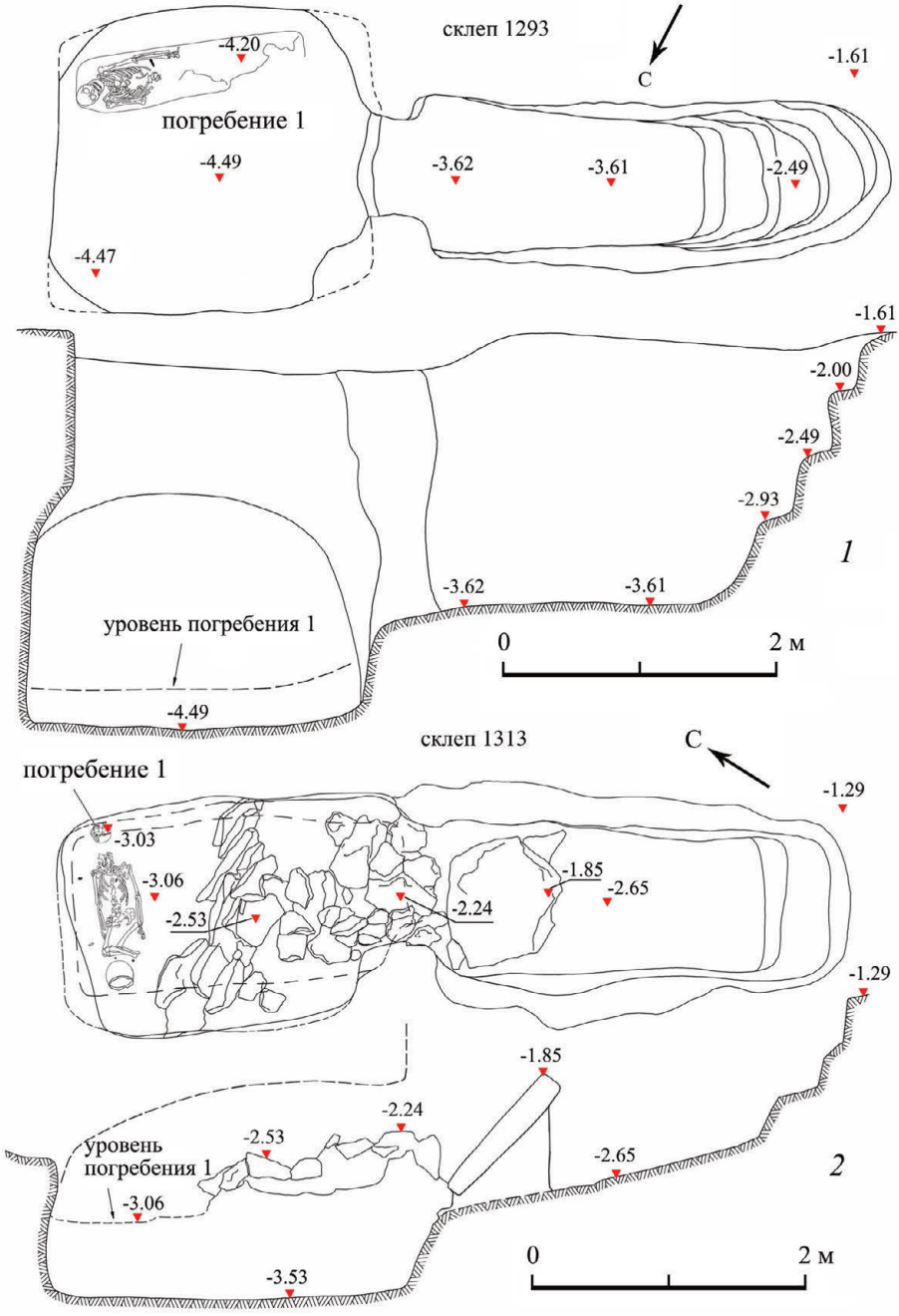


Рис. 2. Склепы 1293 и 1313. Планы, разрезы. Рисунки И. И. Шкрибляк

и располагались хаотично. Некоторые из них размещались поверх грудной клетки погребенного.

Согласно антропологическому заключению, выявленные кости принадлежали молодому мужчине 20–25 лет. Череп имеет признаки искусственной деформации. По краниометрическим характеристикам данный череп нельзя отнести к монголоидному типу.

В области левой половины грудной клетки найден железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 3: *1*). В юго-западной части скопления смещенных костей, в области первоначального расположения ног погребенного найдены две однотипные бронзовые пряжки (рис. 3: *2, 3*), вероятно, имевшие отношение к обуви. Еще одна бронзовая пряжка, несколько отличающаяся по форме, выявлена при разборке костей и просеивании грунта (рис. 3: *4*).

Все пряжки, связываемые с погребением 1, являются изделиями с утолщенным спереди овальным кольцом (иначе – рамкой) и уплощенным в сечении язычком с загнутым за рамку концом и площадкой перед ступенчато срезанной задней частью. Все они снабжены щитками из перегнутой пластины с прямоугольным отверстием, скрепленной заклепкой. Лицевая часть щитков имеет овальные, а тыльная – прямоугольные очертания. Одна из пряжек (рис. 3: *4*) чуть крупнее, а ее рамка, изготовленная из круглого в сечении стержня, вертикально сжата. Две другие пряжки (рис. 3: *2, 3*) относительно меньших размеров, передняя часть их рамок приплюснута в сечении, а лицевая часть щитка имеет зубчатый край. Немного различаются они только язычками: у одного площадка в тыльной части хорошо заметна (рис. 3: *2*), а у другого выражена слабо (рис. 3: *3*).

Близкие по форме пряжки из поволжских погребений А. К. Амброз относил к концу III – IV в. н. э. (*Амброз*, 1989. С. 25. Рис. 1: *25, 26*). Похожие пряжки из расположенных в центральной части предгорного Крыма могильников Дружное (тип I-2а) и Нейзац (тип 9-в/г) выявлены в захоронениях, датированных в пределах IV в. н. э. (*Храпунов*, 2002. С 48. Рис. 68: *2*; 73: *10*; 92: *8*; 143: *1*; 168: *1*; 2016. С. 101. Рис. 7: *11–20*). Впрочем, известны и находки, происходящие из комплексов более позднего времени. Некоторые крымские захоронения с похожими изделиями А. И. Айбабин датировал в рамках второй половины IV – V в. н. э. (*Айбабин*, 1990. С. 28. Рис. 2: *26*; 22: *6*), предполагая их бытование до второй половины V в. н. э. включительно (могильник Лучистое) (*Айбабин, Хайрединова*, 2014. Рис. 7: *4*; 177: *8*).

Погребение 1 в склепе 1313 (рис. 1: *7*; 2: *2*; 4; 5). Позднескифский грунтовый склеп располагался приблизительно в 27 м к востоку от склепа 1293. Он состоял из входной ямы и сооруженной к северо-западу от нее вытянутой трапециевидной погребальной камеры. Погребения, относящиеся к позднескифскому периоду функционирования данного погребального сооружения, были разграблены в древности. Закладная плита, изначально закрывавшая камеру, находилась в отваленном положении. Зона входного отверстия и передняя часть погребальной камеры были заполнены множеством разнокалиберных камней, оформленных в виде своеобразного заклада. Задняя его часть представляла собой ряд плоских известняковых камней, установленных на ребро (рис. 2: *2*).

Погребение 1 представляло собой костяк взрослого человека, погребенного у северо-западной, противоположной от входа стенки камеры на спине, головой

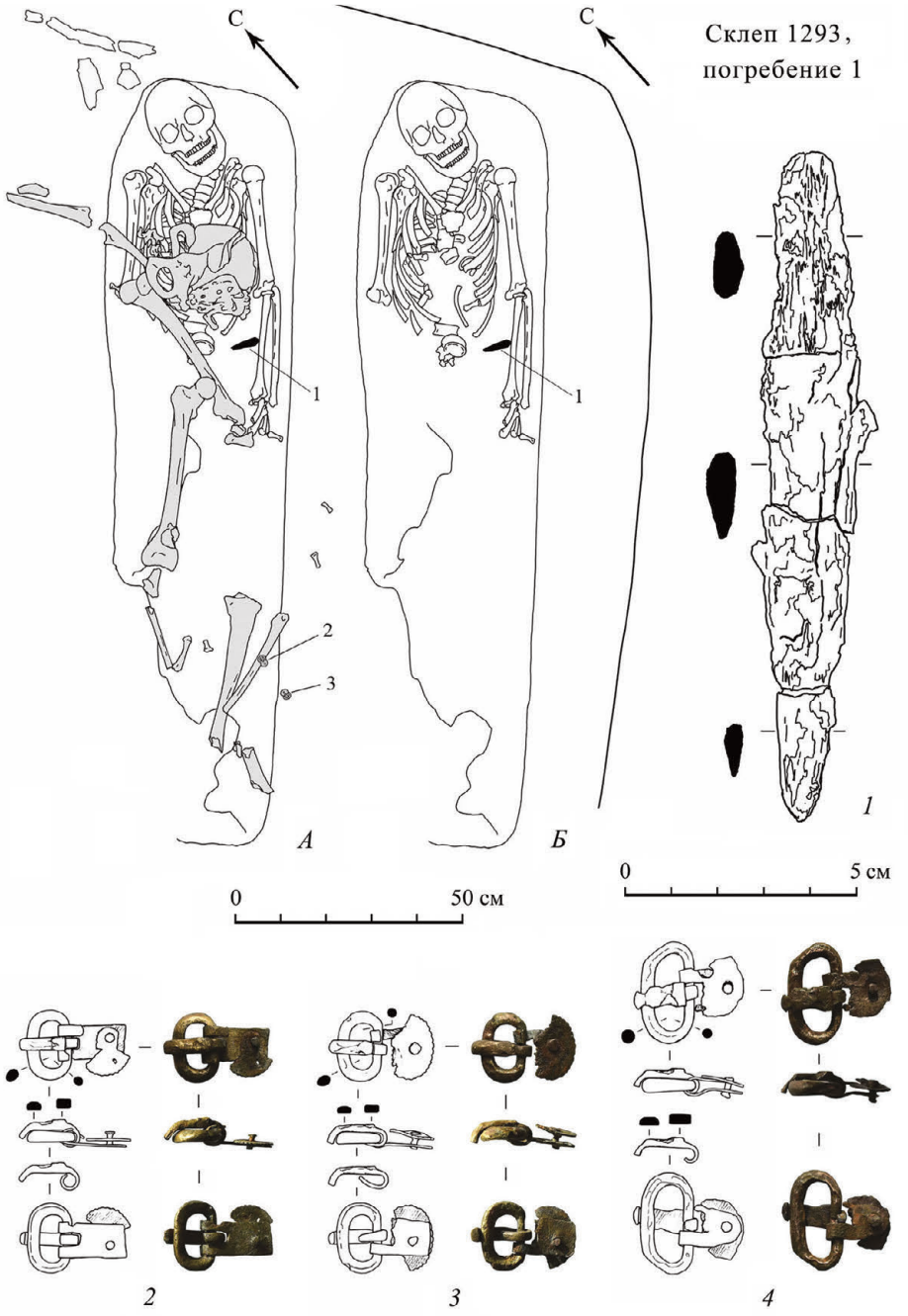


Рис. 3. Погребение 1 из склепа 1293. Общий план (серым цветом отмечены смещенные кости) (*А*), план нижнего уровня залегания костей (*Б*) (рисунки Ю. П. Зайцева), находки

1 – нож (рисунок Ю. П. Зайцева); *2–4* – бронзовые пряжки (фото и рисунки А. А. Труфанова)

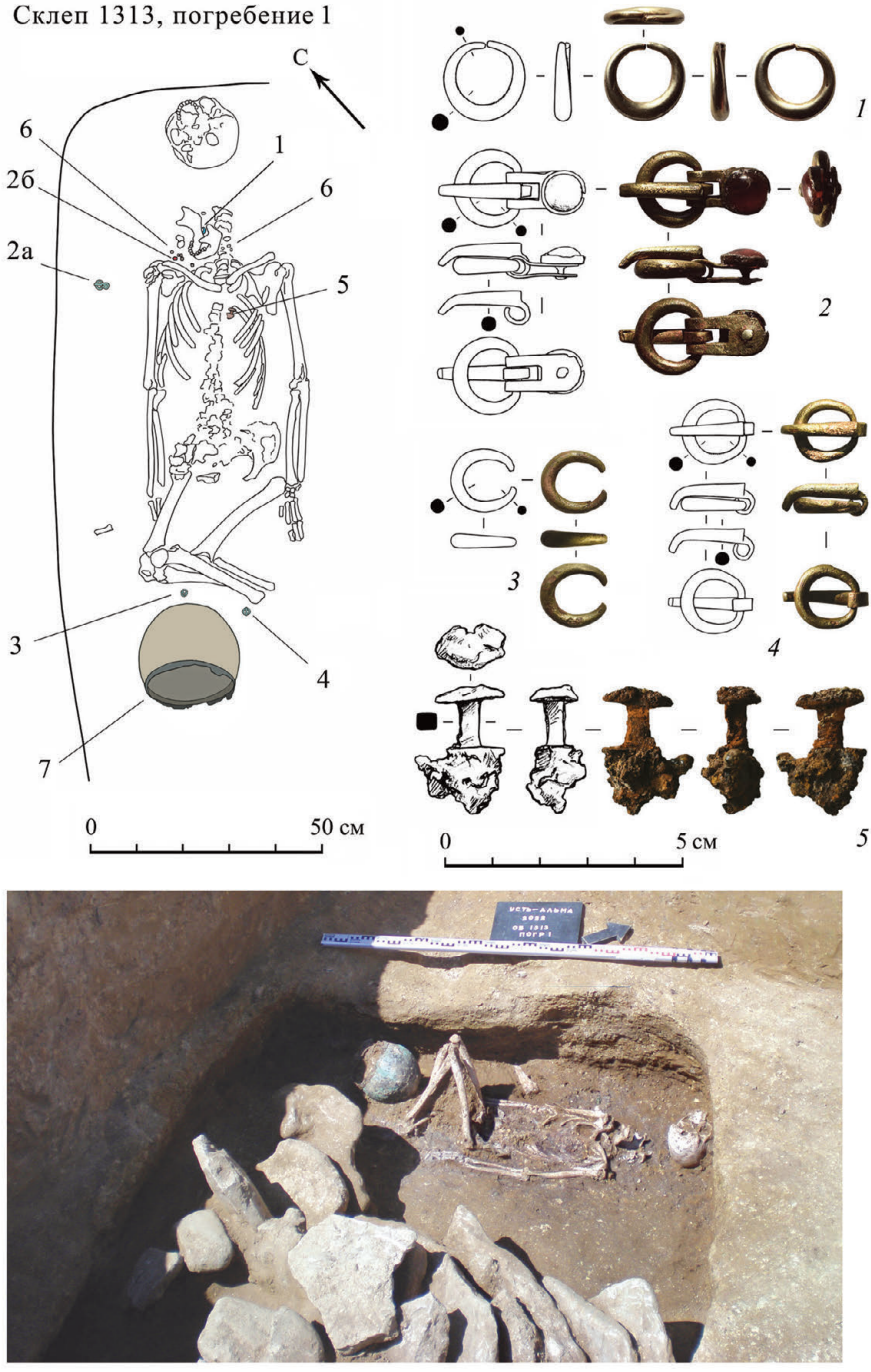


Рис. 4. Погребение 1 из склепа 1313. План, фото, находки. План погребения, фото и рисунки находок А. А. Труфанова, фото погребения Ю. П. Зайцева

1 – кольцо; *2–4* – пряжки; *5* – гвоздь; *6* – бусы; *7* – котелок (*1* – серебро; *2* – бронза, серебро, сердолик; *3, 4* – бронза; *5* – железо)

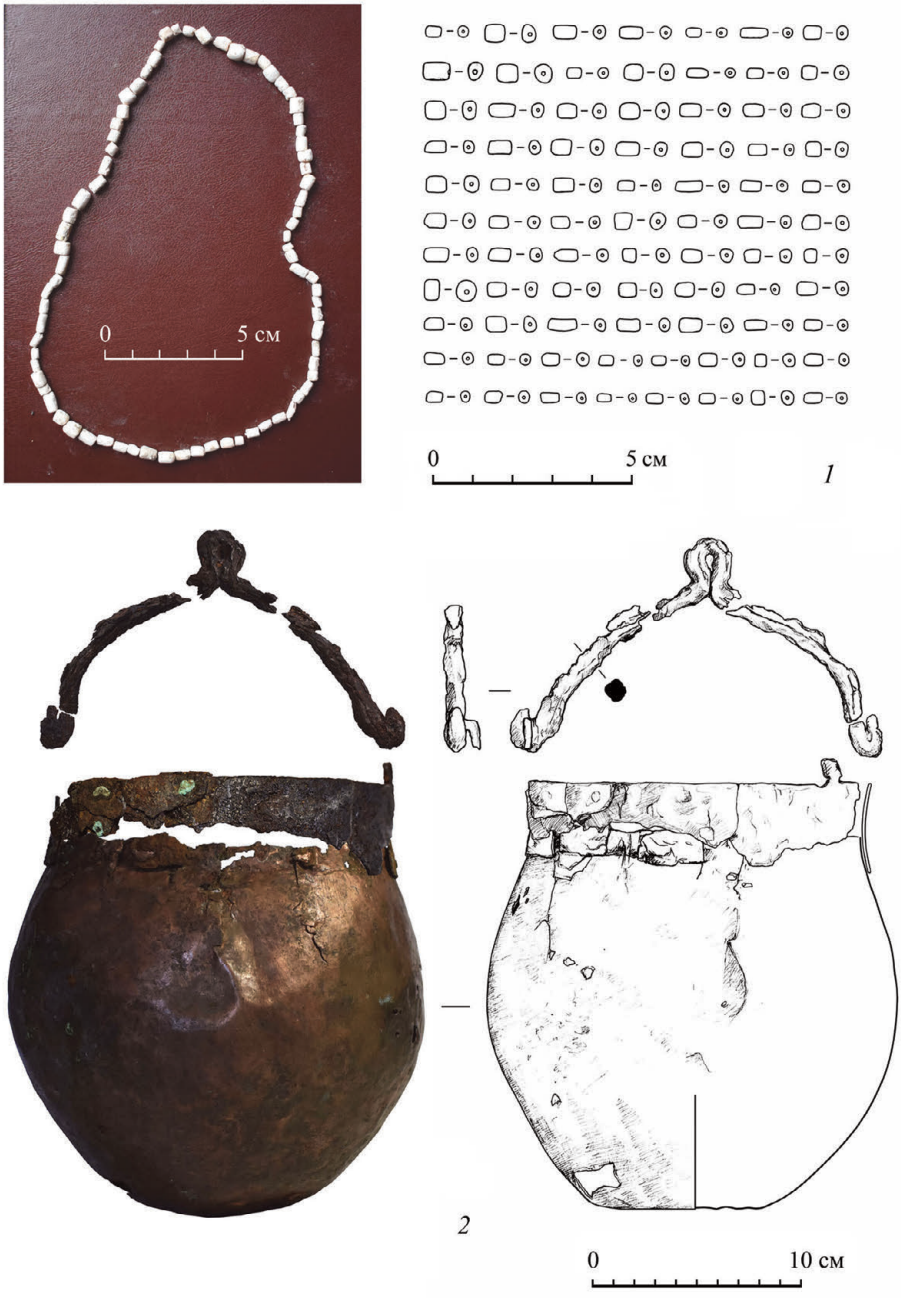


Рис. 5. Погребение 1 из склепа 1313. Находки. Фото и рисунки А. А. Труфанова

1 – бусы; *2* – котелок

1 – коралл; *2* – бронза, железо

на северо-восток (рис. 4). Череп находился в 0,10–0,15 м к северо-востоку от шейных позвонков, основанием кверху. Руки вытянуты вдоль тела, согнутые ноги располагались коленями вверх с наклоном к северо-западу.

Согласно антропологическому заключению, погребение принадлежало пожилой женщине 60–70 лет. Череп имеет признаки искусственной деформации ярко выраженного высокого кольцевого типа. Краниологические характеристики позволяют отнести череп к монголоидному типу.

Под нижней челюстью погребенной лежало кольцо из белого металла с утолщенной нижней частью (рамка пряжки?) (рис. 1: *1*). В области шейных позвонков зафиксировано скопление коралловых бус (79 экземпляров) (рис. 4: *6*; 5: *1*). Здесь же найдена полусферическая сердоликовая вставка, обрамленная кольцом из бронзовой пластины (рис. 4: *2б*), являющаяся украшением щитка бронзовой пряжки. Сама эта пряжка лежала в 0,08 м к северо-западу от правого плеча (рис. 4: *2а*). В районе грудной клетки найдена небольшая железная заклепка (рис. 4: *5*). Возле щиколоток обнаружены две бронзовые пряжки, от одной из которых уцелела только рамка (рис. 4: *3*), а другая сохранилась полностью (рис. 4: *4*). У ног находился бронзовый котелок с железными ободом-венчиком и ручкой (рис. 4: *7*; 5: *2*), повалившийся набок, вероятно, вследствие обрушения грунта.

Кованый котелок (рис. 5: *2*) изготовлен из одного листа медного сплава (условно бронзы) в технике выколотки. Стенки сосуда тонкие, толщиной не более 0,01 см. Венчик вертикальный, прямой. Тулово почти сферическое, слегка сужающееся в нижней части. Дно плоское, с неровностями из-за вмятин. Диаметр венчика – 16,5 см, диаметр тулова – 20,3–20,5 см, высота – 18,4 см, диаметр дна – 8,0 см. Горло бронзового котелка с внешней стороны оборачивала согнутая в кольцо железная пластина шириной 4,3–4,4 см с остатками петель, предназначенных для крепления дужки. Фрагментированная дужка выполнена из плавно согнутого железного стержня с загнутыми краями и петлеобразным изгибом в центральной части.

Металлические кованые котелки относятся к числу элементов вещевого набора, характерного для аланских и гуннских захоронений эпохи Великого переселения народов. Только в Кисловодской котловине найдено около 20 таких изделий, происходящих из 11 могильников, причем предполагается, что импульсами их распространения на Северном Кавказе были «связи с Западом и возвращение участников европейских походов гуннов после разгрома “державы Аттилы” вскоре после 453 г.» (*Савенко*, 2014. С. 132). Однако известны и находки более раннего времени: в частности, разрушенное захоронение под Мелитополем, в состав которого входил кованый «медный» котелок с железной ручкой, относят к хронологической группе 378–425 гг. н. э. (*Засецкая*, 1986. Рис. 1: *1*) или к первой половине V в. н. э. (*Засецкая*, 1994. С. 108, 116. Табл. 7: *10*). Заслуживает внимания упоминание о находке обломков двух бронзовых котелков с ручками и железными ободами в комплексе из Макартета (Поднепровье) (*Комар*, 2013. С. 91, 92).

Бронзовые котелки считаются «походными», служившими для варки пищи на открытом огне (*Рунич*, 1976. С. 265. Рис. 2: *1*), и характеризуются как «посуда походного типа» (*Пуздровский*, 2010. С. 309). Бронзовые сосуды присутствовали и в двух других погребениях гуннского времени, открытых на территории

Усть-Альминского некрополя в минувшие годы. Это котелок из погребения 635/1 (*Пуздровский и др*., 1999. Рис. 4: *13*; 2021. Рис. 32) и бронзовый сосуд типа широкогорлого кувшина без ручки из погребения 957 (*Пуздровский*, 2010. Рис. 3: *1*; *Пуздровский, Труфанов*, 2017. Рис. 220: *15*).

Две полностью сохранившиеся бронзовые пряжки (рис. 4: *2, 4*), сопровождавшие погребение в склепе 1313, похожи в том, что состоят из почти круглых колец (или рамок) с утолщенной передней частью и круглых в сечении язычков с выступающим за край кольца загибающимся концом, со срезанной задней частью. В остальном они различны.

Одна пряжка (рис. 2: *2*) снабжена щитком из перегнутой пластины с отверстием, скрепленной заклепкой из белого металла, предположительно серебра. Лицевая поверхность щитка украшена полусферической вставкой из красного сердолика, закрепленной при помощи оборачивающей ее, согнутой в кольцо бронзовой пластины, напаянной на поверхность щитка и выполняющей таким образом функцию каста.

У второй пряжки (рис. 2: *4*), найденной в районе щиколоток и, по-видимому, выполнявшей функцию обувной застежки, щиток отсутствует. У составлявшей ей пару еще одной пряжки (рис. 2: *3*), тоже найденной возле щиколоток, язычок был утрачен, но можно предположить, что оба изделия изначально были аналогичными.

Упомянутые полностью сохранившиеся пряжки (рис. 2: *2, 4*), если принимать в расчет только форму их рамок и язычков, могут рассматриваться как изделия одного типа, представленного многочисленными находками, выявленными и в Крыму, и за его пределами. Принимая во внимание форму их язычков, такие изделия порой называют хоботовидными пряжками (*Амброз*, 1989. С. 30, 31; *Мастыкова*, 2009. С. 57, 58). Их широкая датировка: конец III – первая половина V в. н. э., притом что наибольшее распространение такие изделия получили в IV в. н. э. (*Храпунов*, 2002. С. 48). Высказывалось предположение и о более узком их датировании в пределах второй половины IV – V в. н. э. (вариант 3) (*Айбабин*, 1990. С. 28. Рис. 2: *26*; 22: *16, 18*). Аналогии из расположенных в центральном предгорном Крыму могильников Дружное (пряжки типа I-1) и Нейзац (тип 9-а/б) в основном происходят именно из захоронений IV в. н. э. (*Храпунов*, 2002. С. 48. Рис. 68: *8*; 73: *6, 7, 11*; 75: *16*; 104: *9, 10, 12, 15*; 114: *31*; 2016. С. 100. Рис. 5: *1–30*; 6: *1–31*). К числу более поздних комплексов с такими же пряжками относятся погребения из некрополя Лучистое, датированные первой половиной V в. н. э. (*Айбабин, Хайрединова*, 2014. Рис. 3: *42, 43, 46*; 8: *3*; 45: *1*; 79: *2*; 80: *2, 3*). Примечательно украшение щитков круглыми и выпуклыми (но выполненными из стекла) вставками у пряжек из погребения (Нальчик, за Вольным Аулом), отнесенного к V в. н. э. (*Амброз*, 1989. С. 35. Рис. 9: *4, 5*).

Относящиеся к погребению мелкие коралловые бусы (рис. 4: *6*; 5: *1*) несколько различаются по размерам, а их форму можно охарактеризовать как более или менее цилиндрическую или бочковидную (типы 2 и 3) (*Алексеева*, 1982. С. 30. Табл. 43: *29, 30*). Они представляют собой короткие, слегка подработанные отрезки веток коралла с продольными сквозными отверстиями. Скорее всего, изначально они были красного цвета, но со временем утратили яркую пигментацию и стали розовато-белыми.

В погребениях варварского населения Крыма первых веков новой эры, в том числе в раскопанных на территории Усть-Альминского некрополя, коралловые бусы иногда встречаются, но лишь эпизодически и в небольших количествах. В выявленных до сих пор гуннских погребениях Западного Крыма коралловые бусы отсутствовали вовсе. Рассматриваемое же погребение примечательно еще и тем, что сопровождалось значительным числом таких бус (79 экз.), причем все ожерелье состояло исключительно из коралловых изделий.

Выводы

Представленные в данной статье захоронения были совершены в грунтовых позднескифских склепах I–III вв. н. э., уже прекративших к моменту этого события свое функционирование. Проникнув в погребальные камеры через входные отверстия, тела умерших расположили у стенок поверх накопившегося к тому времени в камерах грунта: в одном случае – у боковой, в другом – у дальней от входа стенки. В склепе 1293, судя по сохранившимся костным останкам, тело, вероятно, разместили в вытянутом положении на спине, в склепе 1313 – с согнутыми ногами. Оба тела положили головами на северо-восток, но является ли данное обстоятельство значимым признаком погребального обряда или представляет собой случайное совпадение – сказать трудно.

На основании датирующих вещевых находок можно прийти к выводу о том, что погребение, обнаруженное в камере склепа 1313, скорее всего, было совершено в первой половине V в. н. э. Экспертиза костных останков показала, что оно принадлежало пожилой женщине монголоидного облика. Эти данные позволяют относить данное захоронение к числу гуннских памятников Юго-Западного Крыма.

Узкая датировка захоронения из склепа 1293, принадлежавшего молодому мужчине без признаков монголоидности, затруднена из-за отсутствия узко датируемых находок. Пряжки из этого погребения имеют аналогии среди изделий, наиболее распространенных в IV в. н. э., но изредка встречающихся и в захоронениях первой половины V в. н. э. С учетом этого обстоятельства можно предполагать датировку данного захоронения в рамках IV – первой половины V в. н. э. Нельзя исключать, что оно было совершено в пределах первых трех четвертей IV столетия, т. е. до появления гуннов в Крыму, однако косвенные данные позволяют относить его именно к эпохе Великого переселения народов.

В предгорном Крыму в IV в. н. э. функционировали большие грунтовые могильники, состоящие из десятков и даже сотен захоронений, совершенных в склепах и индивидуальных могилах. Памятники этого типа характеризуются своими особенностями, проявляющимися в погребальном обряде и вещевом наборе, который среди прочего отличается самобытным комплексом лепной посуды. Усть-Альминское городище, как и другие населенные пункты Альминской долины, к этому времени перестало существовать и было заброшено. Единичные же более поздние погребения Усть-Альминского некрополя дают все основания считать их принадлежащими кочевникам, жизнедеятельность которых не сопровождалась возникновением стационарных грунтовых могильников, подобных некрополям IV в. н. э. предгорного Крыма.

Судя по имеющимся к настоящему времени данным, погребения кочевников появляются в прибрежной части западного Крыма позже – в эпоху Великого переселения народов (Беляус (*Дашевская*, 2014. Табл. 159; 160: *1–17*; 171–173), Усть-Альма). Усть-Альминские захоронения, выявленные в прежние годы, избежавшие ограбления и сохранившиеся в непотревоженном виде, были совершены не ранее первой половины V в. н. э. Датировка двух ограбленных объектов (захоронения из склепов 603 и 1293) более широка, и на основании находок (пряжек) определяется в широких границах IV – первой половины V в. н. э., однако можно предположить, что и эти погребения были совершены не ранее последней четверти IV столетия.

Напомним, что почти все выявленные к настоящему времени на территории Усть-Альминского некрополя захоронения, совершенные после окончания позднескифского этапа его существования, представляют собой подзахоронения в позднескифские погребальные сооружения (в склепы и в подбойную могилу). Эта же практика использования гуннами ранних погребальных сооружений для совершения в них захоронений своих соплеменников прослежена в некрополе Беляуса (Северо-Западный Крым) (Там же. С. 76, 77. Табл. 160: *1–17*). Однако в отличие от ряда иных погребений этой эпохи, сопровождавшихся золотыми изделиями, свидетельствующими о высоком социальном и/или имущественном положении умерших, открытые в 2022 г. и представленные в данной статье захоронения отличаются довольно скромными наборами вещей. Большую их часть составляют пряжки. Можно допустить, что эти умершие принадлежали к более или менее рядовым представителям кочевого мира, хотя и здесь все относительно, так как наличие в погребальном вещевом наборе одного из погребений металлического котелка можно расценивать как статусный признак.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь: Таврия. С. 3–86, 175–241.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2014. Могильник у села Лучистое. Т. 2. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь: Адеф-Украина. 400 с. (Боспорские исследования. Supplementum; 14.)

Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука. 105 с. (САИ; вып. Г1-12.)

Амброз А. К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа (V–VII вв.). М.: Наука. 134 с.

Дашевская О. Д., 2014. Некрополь Беляуса. Симферополь: Феникс. 284 с.

Засецкая И. П., 1986. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в Южнорусских степях // Археологический сборник. Вып. 27. Л.: Аврора. С. 79–91.

Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс. 224 с.

Комар А. В., 2013. Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Отв. ред.: Н. Н. Крадин, И. Э. Любчанский. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т. С. 88–109.

Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.

Пуздровский А. Е., 2010. Воинское погребение гуннской эпохи из Усть-Альминского некрополя // Археологический альманах. Вып. 22. Донецк: Донбасс. С. 285–310.

Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 1999. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь: Дизайн-студия «КАЛАМО». С. 194–207.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь: Бровко А. А. 372 с.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2021. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 1997–1999 гг. Симферополь: Мандарин. 408 с.

Рунич А. П., 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. № 3. С. 256–266.

Савенко С. Н., 2014. Еще одно захоронение представителя аланской социальной элиты начала раннего средневековья из Кисловодской котловины (по архивным материалам А. П. Рунича) // КСИА. Вып. 234. С. 115–139.

Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skłodowskiej. 313 с.

Храпунов И. Н., 2016. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Вып. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 97–121.

Loboda I. I., Puzdrovskij A. A., Zajcev Ju. P., 2002. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim (Die Ausgrabungen des Jahres 1996) // Eurasia antiqua. Bd. 8. P. 295–346.

Сведения об авторах

Труфанов Александр Анатольевич, Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, 2, Симферополь, 295007, Республика Крым, Россия; e-mail: trufanov.a67@mail.ru;

Зайцев Юрий Павлович, Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», пр. Кирова, 13, Симферополь, 295005, Республика Крым, Россия; e-mail: skilur46@mail.ru;

Шкрибляк Ирина Ивановна, Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», пр. Кирова, 13, Симферополь, 295005, Республика Крым, Россия; e-mail: vejde_v_1@mail.ru

A. A. Trufanov, Yu. P. Zaytsev, I. I. Shkriblyak

TWO BURIALS FROM THE MIGRATION PERIOD FOUND DURING THE EXCAVATIONS OF THE UST'-ALMA CEMETERY IN 2022

Abstract. The Migration Period in western Crimea is represented by rare graves of nomadic Huns which have been discovered in abandoned Late Scythian fortified settlements and cemeteries. In 2022 two more graves dating to this period were discovered in the southern sections of the Ust'-Alma cemetery; these were secondary graves made in the burial chambers of the Late Scythian vaults that were not in operation anymore. Given that such graves have been found on rare occasions, their publication is quite relevant. One of the burials (no. 1293/1) which belonged to a male can be dated to the period from the last quarter of the 4th century to the first half of the 5th century AD, whereas the other burial (no. 1313/1) that belonged to a Mongoloid female was made in the first half of the 5th century AD.

Keywords: southwestern Crimea, Ust'-Alma cemetery, Hun graves, Migration Period.

REFERENCES

Alekseeva E. M., 1982. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Ancient beads of North Pontic region]. Moscow: Nauka. 105 p. (SAI.)

Ambroz A. K., 1989. Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza (V–VII vv.) [Chronology of North Caucasus antiquities (V–VII cc.)]. Moscow: Nauka. 134 p.

Aybabin A. I., 1990. Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Chronology of Crimea cemeteries of Late Roman and Early Medieval times]. *MAIET*, I, pp. 3–86, 175–241.

Aybabin A. I., Khayredinova E. A., 2014. Mogil'nik u sela Luchistoe [Cemetery near village Luchistoe], 2. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 gg. Simferopol: Adef-Ukraina. 400 p. (Bosporskie issledovaniya. Supplementum, 14.)

Dashevskaya O. D., 2014. Nekropol Belyausa [Belyaus necropolis]. Simferopol: Feniks. 284 p.

Khrapunov I. N., 2002. Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. nashey ery) [Cemetery Druzhnoe (III–IV cc. of our era)]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 313 p.

Khrapunov I. N., 2016. Serebryanye i bronzovye pryazhki iz mogil'nika Neyzats [Silver and bronze buckles from Neyzats cemetery]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) [Crimea in Sarmatian epoch (II c. BC – IV c. AD)], II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats [20 years of research on Neyzats cemetery]*. I. N. Khrapunov, ed. Simferopol: Nasledie tysyacheletiy, pp. 97–121.

Komar A. V., 2013. Kompleks iz Makarteta i ritual'nye pamyatniki gunnskogo vremeni [Complex from Makartet and ritual sites of Hunnic period]. *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov [The Hun Forum. Problems of origin and identification of culture of the Eurasian Huns]*. N. N. Kradin, I. E. Lyubchanskiy, eds. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gos. universitet, pp. 88–109.

Mastykova A. V., 2009. Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n. e. [Women's costume of Central and Western Fore-Caucasus in late IV – mid VI c. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.

Puzdrovskiy A. E., 2010. Voinskoe pogrebenie gunnskoy epokhi iz Ust'-Alminskogo nekropolya [A military burial of Hunnic time from Ust'-Alma necropolis]. *Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological miscellany]*, 22. Donetsk: Donbass, pp. 285–310.

Puzdrovskiy A. E., Trufanov A. A., 2017. Polevye issledovaniya Ust'-Alminskogo nekropolya v 2004–2007 gg. [Field research of Ust'-Alma necropolis in 2004–2007]. Simferopol: Brovko A. A. 372 p.

Puzdrovskiy A. E., Trufanov A. A., Zaytsev Yu. P., Nenevolya I. I., 2021. Polevye issledovaniya Ust'-Alminskogo nekropolya v 1997–1999 gg. [Field research of Ust'-Alma necropolis in 1997–1999]. Simferopol: Mandarin. 408 p.

Puzdrovskiy A. E., Zaytsev Yu. P., Nenevolya I. I., 1999. Pogrebenie voina gunnskogo vremeni na Ust'-Al'minskom mogil'nike [Burial of a Hun warrior at Ust'-Alma cemetery]. *Khersonesskiy sbornik [Chersonese collection]*, X. Sevastopol: Dizayn-studiya «KALAMO», pp. 194–207.

Runich A. P., 1976. Zakhoronenie vozhdya epokhi rannego srednevekov'ya iz Kislovodskoy kotloviny [Burial of a chieftain of the Early Middle Ages from Kislovodsk depression]. *SA*, 3, pp. 256–266.

Savenko S. N., 2014. Eshche odno zakhoronenie predstavitelya alanskoy sotsial'noy elity nachala rannego srednevekov'ya iz Kislovodskoy kotloviny (po arkhivnym materialam A. P. Runicha) [Another burial belonging to a representative of the Alanian social elite at the beginning of the Early Medieval period in the Kislovodsk depression (based on archive materials of A. P. Runich)]. *KSIA*, 234, pp. 115–139.

Zasetskaya I. P., 1986. Nekotorye itogi izucheniya khronologii pamyatnikov gunnskoy epokhi v Yuzhnorusskikh stepyakh [Some results of study of the chronology of Hunnic time sites in South Russian steppes]. *Arkheologicheskiy sbornik [Archaeological collection]*, 27. Leningrad: Avrora, pp. 79–91.

Zasetskaya I. P., 1994. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV – V vv.) [The culture of nomads of the South Russian steppes in Hunnic time (late IV – V cc.)]. St. Petersburg: Ellips. 224 p.

About the authors

Trufanov Aleksandr A., Institute of Archeology of Crimea Russian Academy of Sciences, pr. Akademika Vernadskogo, 2, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: trufanov.a67@mail.ru;

Zaytsev Yurij P., Historical and archaeological museum-reserve «Scythian Neapolis», pr. Kirova, 13, Simferopol, 295005, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: skilur46@mail.ru;

Shkriblyak Irina I., Historical and archaeological museum-reserve «Scythian Neapolis», pr. Kirova, 13, Simferopol, 295005, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: vejde_v_1@mail.ru

Е. В. Суханов, У. Ю. Кочкаров

О КЕРАМИКЕ ХУМАРИНСКОГО ГОРОДИЩА[1]

Резюме. В статье рассматривается керамический комплекс Хумаринского городища – одной из наиболее известных крепостей эпохи раннего Средневековья на Северном Кавказе. Анализируется материал из раскопок Карачаевской экспедиции ИА РАН, проведенных на этом памятнике в 2007–2017 гг. Примечательной особенностью исследованной коллекции является доминирование обломков импортных амфор. Состав амфорной тары характерен для памятников VIII – первой половины IX в. Технологический анализ местной керамики свидетельствует об однородности гончарных традиций, в соответствии с которыми изготовлена кухонная и столовая посуда.

Ключевые слова: керамика, амфоры, Северный Кавказ, Хумаринское городище.

Введение

Хумаринское городище – одна из наиболее ярких и известных крепостей эпохи раннего Средневековья на Северном Кавказе. Материалы раскопок, проведенных на этом памятнике в 1960–1980-е гг. экспедициями Карачаево-Черкесского НИИ (рук. Е. П. Алексеева, Х. Х. Биджиев), стали ценным источником для реконструкции культурных процессов на Верхней Кубани в эпоху Хазарского каганата (*Биджиев, Гадло*, 1979; *Биджиев*, 1983). В 2007 г. раскопки Хумаринского городища были возобновлены Карачаевской экспедицией ИА РАН (рук. У. Ю. Кочкаров). За десятилетний период стационарных работ получен большой объем нового материала, который по мере своего изучения и осмысления позволит уточнить, скорректировать и дополнить научные представления об этом археологическим памятнике.

[1] Статья подготовлена в рамках тем НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264–9) и «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКР 122011200267-0).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.244-258

Одну из наиболее многочисленных категорий находок из раскопок 2007–2017 гг. составляет керамика. Цель этой статьи – описание и анализ данной керамической коллекции для получения новой информации о хронологии Хумаринского городища и гончарных традициях населения, обитавшего на этом памятнике.

Характеристика керамики

Коллекция глиняной посуды, полученная в ходе раскопок на Хумаринском городище в 2007–2017 гг., представлена в основном обломками и насчитывает 2446 фрагментов сосудов. Они происходят из раскопов «Е», «Ж», «З». Практически весь этот материал относится к нескольким группам керамики, известным по раннесредневековым археологическим памятникам Причерноморья, Приазовья, Подонья и Северного Кавказа.

Группа 1. Амфоры. Эта группа керамики является самой многочисленной – 2075 обломков и 1 целый экземпляр. Такие сосуды известны в научной литературе как «причерноморские амфоры» или «амфоры причерноморского типа». Центры изготовления этих амфор располагались в Юго-Западном, Южном и Юго-Восточном Крыму (*Паршина и др.*, 2001). Территория распространения причерноморских амфор включает Крым, Таманский полуостров, Приазовье, Поднепровье, Поволжье, Северный Кавказ (*Науменко*, 2009. С. 35–47).

При характеристике амфорной тары из Хумаринского городища мы будем придерживаться систематики, предложенной на основании проведенного ранее статистического анализа сочетаемости объемов причерноморских амфор и способов декора их внешней поверхности. К классу I относятся амфоры объемом 10–25/30 литров с гладким туловом или мелким зональным рифлением и горизонтальным линейным орнаментом на плечиках. К классу II относятся амфоры объемом 4–10 литров, декорированные сплошным и глубоким бороздчатым рифлением по всему тулову (*Суханов*, 2018а. С. 58–61).

Поскольку мы имеем дело с обломками сосудов, соответствие амфор одному из классу определялось на основании особенностей декора внешней поверхности. К классу I отнесено 1957 обломков амфор (рис. 1). Это около 95 % от изученного амфорного материала. Горловины таких амфор обладают высотой 10–12 см, форма близка к цилиндрической с сужением к верху. Венчики отогнуты, края чаще всего горизонтально или наклонно срезаны, реже – закруглены, диаметр – 8–10 см. Ручки верхним краем прикреплены к горлу примерно на середине его высоты, нижним – к плечикам сосуда. Форма ручек в плане – приближенно Г-образная, в сечении – овальная, подтрапециевидная, подпрямоугольная, шириной 3–4 см. Профилировка ручек разнообразна, на них присутствуют продольные ребра и валики. У амфор данного класса «вертикальная» часть ручек несколько длиннее, чем «горизонтальная». Стенки амфор либо гладкие, либо с неглубоким, нерегулярным и слабовыраженным рифлением. Толщина стенок зависит от того, к какой части сосуда они относятся, но в целом колеблется в интервале от 0,5 до 1,5 см. На плечиках амфор присутствует многорядный линейный орнамент, состоящий из двух-трех зон. Донца округлые.

К классу II отнесено 22 обломка, т. е. около 1 % амфорного материала. Фрагменты амфор этого класса обладают меньшими, чем у класса I, значениями

Рис. 1. Амфоры Хумаринского городища

1 – «Ж», яма 1; *2* – «Ж»; *3* – «Ж», кв. 6, шт. 4; *4* – «Ж»; *5* – «Ж», кв. 6, шт. 2; *6* – «Ж», кв. 22, шт. 1; *7* – «Ж», яма 2

1 – масштаб «Б»; *2–7* – масштаб «А»

1 – по фотограмметрической модели, выполненной Лабораторией RSSDA (https://www.archaeolog.ru/ru/online-museum/onlayn-vystavka-svideteli-proshlogo-iskusstvo-i-remesla-v-arkheologicheskikh-nakhodkakh/amfora); *2–7* – фотографии и рисунки авторов

высоты горла, диаметра венчика, диаметра плечиков. На стенках присутствуют глубокие узкие бороздки.

Все остальные фрагменты амфор (около 4 %) не удалось соотнести с одним из двух классов.

Для анализа соотношения разных классов амфор в материалах Хумаринского городища использован еще один способ. Суть его заключается в оценке изначального объема амфоры по крупному фрагменту на основании методики, разработанной ранее одним из авторов этой статьи (*Суханов*, 2018в). Пригодными для такой процедуры оказались 76 крупных фрагментов амфор.

По результатам вычислений выделено 9 вариантов вероятного объема амфор: 4–8 л, 5–9 л, 7–15 л, около 8 л, 8–30 л, 10–30 л, 12–15 л, 12–30 л, 20–30 л (рис. 3: *1*). По двум обломкам определить объем не удалось, поскольку разные параметры дали противоречивые результаты. Еще у шести сосудов показатели вероятного объема нельзя с уверенностью отнести к какому-то из классов – это варианты 7–15 л и 8–30 л.

Если рассматривать только амфоры с установленным объемом, большинство из них – 70,6 % – соответствуют интервалу 12–30 л. Такие показатели объема могут быть только у амфор класса I. К этому классу также относятся интервалы 10–30 л, 12–15 л и 20–30 л – суммарно 22 % амфор с установленным объемом. К классу II достоверно могут быть отнесены обломки от пяти сосудов (7,4 %), соответствующих показателям 4–8 л, 5–9 л и около 8 л (рис. 3: *1*).

Таким образом, почти в 93 % рассмотренных случаев реконструирован объем, соответствующий классу I. Эти данные делают более надежным заключение о доминировании в материалах Хумаринского городища амфор класса I.

В материалах новых раскопок на Хумаринском городище есть одна целая амфора, обнаруженная в яме 1 раскопа «Ж» (рис. 1: *1*) Тулово сосуда обладает яйцевидной формой, неглубоким рифлением, коротким цилиндрическим горлом, валикообразным венчиком. Под горлом – граффито в виде креста или греческой буквы «хи», а под ручкой – граффито в виде греческой буквы «лямбда» и прямого угла под ней. Высота сосуда – 50 см, максимальный диаметр тулова – 31 см, диаметр венчика – 8,3 см.

По размерным особенностям и декору внешней поверхности данный сосуд соответствует классу I. Прямые аналогии этой амфоре нам неизвестны. Крупный обломок похожего сосуда происходит из материалов более ранних раскопок на Хумаринском городище (*Биджиев*, 1983. Рис. 46: *7*). Некоторое сходство с рассматриваемым экземпляром имеют амфоры из поселения Маркина Балка[2] на Нижнем Дону и курганного могильника Урень II на Средней Волге (*Суханов*, 2018а. С. 194, № 102; *Багаутдинов и др.*, 1998. Рис. 40: *3*). По общей пропорциональности и относительной высоте функциональных частей этот сосуд относится к типу I–1/3 в соответствии с предложенной нами ранее систематикой причерноморских амфор. Большинство сосудов такой формы относятся к VIII – первой половине IX в. (*Суханов*, 2018а. С. 78, 82).

[2] Аксайский военно-исторический музей, КП 18122/123.

Результаты технологического анализа амфорной тары из Хумаринского городища свидетельствуют о том, что эти сосуды делались из тех же видов сырья, которые известны по амфорам из памятников VIII–IX вв., расположенных в Подонье (*Суханов*, 2019. С. 94–99). Такой анализ выполнен по обломкам от 23 разных амфор[3]. В 15 образцах зафиксирована глина 1-го вида. Для нее характерна слабая запесоченность (размер песка – 0,2–0,3 мм в поперечном сечении), средняя степень ожелезненности, присутствие окатанного бурого железняка размером около 0,5 мм и большая концентрация известняка размером 0,1–0,3 мм. В семи образцах зафиксирована глина 2-го вида. Для нее характерны железистые и каменистые включения размером 0,5–1,5 мм, более крупный по размеру включений известняк, более крупный слабоокатанный и остроугольный песок (0,5–1 мм). Вид сырья еще одного изученного сосуда не определен.

Группа 2. Кухонная керамика. К этой группе посуды относятся 240 обломков от горшков, которые типичны для керамического комплекса поселенческих памятников VIII – начала X в. из разных районов Причерноморья. Речь идет об изготовленных с помощью гончарного круга горшках шаровидной или яйцевидной формы, украшенных линейным, волнистым или линейно-волнистым орнаментом.

Венчики горшков отогнуты под углом 44–72°, высота – 2–3 см. Край округлый или скошенный с внешней стороны. На некоторых венчиках присутствуют наклонные насечки, нанесенные по краю, наклонные оттиски гребенчатого штампа или овальные вдавления (рис. 2: *1–3, 5*). Диаметр венчиков разный – большинство сосудов укладывается в диапазон от 10 до 22 см. В двух случаях диаметр венчика составляет 26–28 см. Плечики и тулово горшков орнаментированы линейным, волнистым или линейно-волнистым орнаментом (рис. 2: *1, 4*). Толщина стенок – 0,8–1,1 см. Донца горшков в диаметре – 11–16 см.

В соответствии с типологией С. А. Плетнёвой, разработанной на материалах Таманского городища, рассматриваемые горшки относятся к одному таксону – кухонным круговым горшкам типа «А», который датируется VIII – началом X в. (*Плетнёва*, 1963. С. 20–24). Современные исследователи при изучении таких горшков иногда акцентируют внимание на форме их тулова – шаровидной или яйцевидной. Прослеживаются некоторые особенности в распространении горшков с различной формой тулова на разных памятниках Причерноморья (см., например: *Чхаидзе*, 2012. С. 170–171; *Афанасьев*, 2013. С. 17–18). К сожалению, реконструировать форму тулова этих горшков по венчикам невозможно. Можно только предположить, что один из вариантов – с шаровидным туловом – представлен в изученной коллекции (рис. 2: *7*).

Отдельно отметим находки обломков лепной керамики, которая в малых количествах представлена на большинстве поселений, расположенных на территории Хазарского каганата (*Флёров*, 2009. С. 479–480). Обнаружено 10 обломков таких сосудов, в том числе 1 венчик – высокий, с округлыми пальцевыми вдавлениями по верхнему краю, диаметр – 15 см (рис. 2: *6*). На восточном побережье Черного моря похожие сосуды известны, например, по материалам

[3] Подробное описание методики и результатов технологического анализа керамики из Хумаринского городища дано в специальной статье (*Суханов*, 2020).

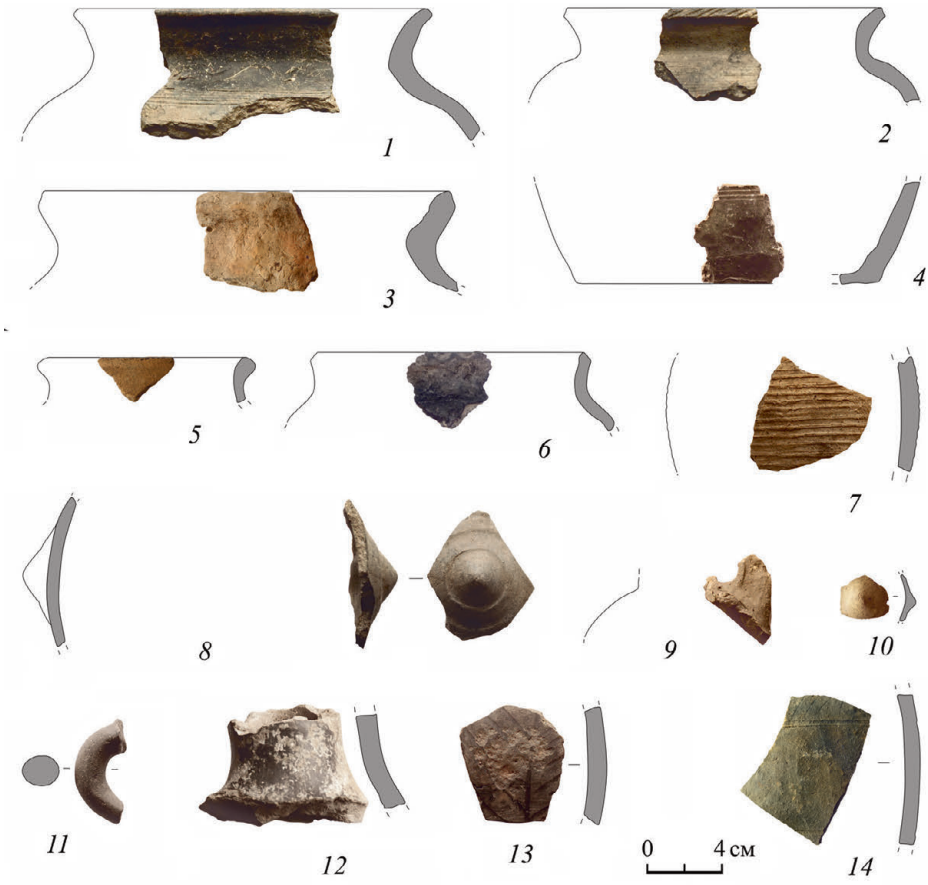


Рис. 2. Керамика Хумаринского городища

1–7 – фрагменты кухонных сосудов; *8–14* – фрагменты столовых сосудов

1 – «Ж», кв. 5, шт. 4; *2* – «Ж», кв. 6–7, шт. 4; *3* – ?; *4* – «Ж», кв. 4, шт. 2; *5* – ?; *6* – «Ж»; *7* – ?; *8* – «Ж», кв. 21, яма 2; *9* – ? (раскопки 2008 г.); *10* – «Ж»; *11* – «Е», кв. Б-1, шт. 1; *12* – «Е»; *13* – «Ж», кв. 15, шт. 3; *14* – «Ж». Фотографии и рисунки авторов

Таманского городища и Фанагории (*Плетнёва*, 1963. Рис. 7; *Чхаидзе*, 2012. Рис. 104–105). Судя по данным, приведенным в монографии Х. Х. Биджиева, на других участках Хумаринского городища, раскопанных ранее, лепная посуда также встречалась редко (*Биджиев*, 1983. С. 67–68).

Группа 3. Столовая керамика. В изученной коллекции к этой группе относятся 129 обломков сосудов. Материал очень фрагментирован, и из-за этого сложно судить о том, каким функциональным категориям посуды он соответствует.

Вероятнее всего, в этой группе присутствуют обломки кувшинов и кружек. Кувшины идентифицированы по фрагментам горла, ручек и стенок тулова (рис. 2: *8–14*). Горловины обладают формой, которая близка цилиндрической (рис. 2: *12*). Ручки в сечении округлой, подовальной или подпрямоугольной

формы, шириной 3–3,5 см, толщиной 1,5–2,5 см. На стенках сосудов присутствуют пролощенные полосы в виде разных композиций и горизонтальные каннелюры (рис. 2: *13, 14*). В коллекции встречен обломок кувшина с коническим налепом на тулове. Его диаметр в месте наибольшего расширения составлял около 20 см (рис. 2: *8*).

Кружки идентифицированы по обломкам более миниатюрных ручек и стенок относительно меньшей толщины. Судя по формам ручек, в коллекции есть обломки от двух типов раннесредневековых кружек: с так называемой зооморфной, двухчастной ручкой (рис. 2: *9*) и с обычной петельчатой ручкой (рис. 2: *11*). Встречен обломок кружки с коническим налепом на стенке, который может соответствовать любому из этих двух типов (рис. 2: *10*).

Завершая характеристику керамики, нужно отметить, что в изученной коллекции встречены еще две разновидности раннесредневековой импортной керамики – это кувшины скалистинского типа и фляги. Наиболее вероятным местом производства скалистинских кувшинов была округа Баклы в Юго-Западном Крыму – именно там обнаружены свидетельства производственного брака при изготовлении таких сосудов (*Романчук, Рудаков*, 1975. С. 221. Рис. 4). Фляги обжигались в крымских гончарных горнах вместе с причерноморскими амфорами и, вероятнее всего, делались мастерами из тех же районов Таврики (*Паршина и др.*, 2001. С. 58, 59, 61, 65, 67).

О технологии изготовления кухонной и столовой керамики

Для реконструкции гончарных традиций населения, обитавшего на Хумаринском городище, проведено технико-технологическое изучение 70 образцов сосудов – 31 от столовых, 39 от кухонных. Исследование выполнено по методике, разработанной А. А. Бобринским (1978).

Установлено, что культурные традиции изготовления кухонной и столовой посуды из Хумаринского городища имеют много общего. Для них характерны использование среднезапесоченных глин средней степени ожелезненности в состоянии естественной влажности, донная программа создания начина, конструирование полого тела из жгутов, применение гончарного круга для заглаживания поверхности сосудов, а также обжиг сосудов в восстановительной газовой среде.

Различия в традициях изготовления столовой и кухонной посуды проявляются только на одной ступени гончарной технологии – это составление формовочных масс. Для кухонной керамики ведущей добавкой является песок (в 76,9 % сосудов), а для столовой – дресва (в 55,2 % сосудов).

Обсуждение

Предметом обсуждения в этом разделе статьи являются две группы информации: 1) статистические данные о соотношении разных групп глиняной посуды в исследованной коллекции из Хумаринского городища; 2) результаты изучения технологии изготовления столовой и кухонной керамики.

Представленные в рассмотренной коллекции группы и типы глиняной посуды характерны для памятников хазарской эпохи, расположенных в самых

разных районах причерноморского бассейна. Все они известны и в материалах более ранних раскопок Хумаринского городища. Однако складывается впечатление, что количественный и качественный составы керамики из раскопок 2007–2017 гг. имеют некоторые отличия от материалов более ранних работ[4]. Наиболее отчетливо они проявляются в двух аспектах.

Во-первых, это количественное соотношение разных групп керамики. В изученной коллекции амфоры существенно преобладают над всеми другими группами посуды – они составляют 84,8 % всей рассмотренной керамики. Анализ статистики керамики по раскопам «Е», «Ж», «З» свидетельствует, что доля амфор везде составляет от 76 до 91 %, кухонной посуды – в пределах 7–10 % и столовой посуды – от 1 до 15 % (рис. 3: *2*). В «старых» раскопах ситуация несколько иная – там доминировала кухонная керамика, а амфоры занимали второе по распространенности место (*Биджиев*, 1983. С. 70–71).

Во-вторых, в «новых» материалах более скудно представлена столовая керамика – как количественно, о чем сказано выше, так и качественно. В «старых» раскопах столовая посуда составляет «значительную часть всей керамики» (Там же. С. 68). Судя даже по текстовому описанию керамики в монографии Х. Х. Биджиева, столовая посуда из ранних раскопок гораздо более разнообразна и репрезентативна для реконструкции форм, чем в коллекции 2007–2017 гг.

Для интерпретации этих различий необходимо обратить внимание на расположение участков, изученных на разных этапах полевых исследований Хумаринского городища, а также особенности его микрорельефа. Площадка городища делится на две выраженные зоны – западную и восточную, отличающиеся разным направлением экспозиции склонов: преимущественно западным для первой, и восточным/северо-восточным для второй. Двухчастное членение площадки косвенно подтверждается разным направлением старой распашки городища, зафиксированной методами дистанционного зондирования (*Кочкаров, Жуковский*, 2020. С. 228).

Работы 1960–1980-х гг. проводились на раскопах «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е», однако насыщенный культурный слой, жилые постройки и хозяйственные ямы, как можно понять из опубликованных данных, исследованы преимущественно на раскопе «А» (*Биджиев, Гадло*, 1979. С. 46; *Биджиев*, 1983. С. 7–14). Данный раскоп относится к восточной площадке Хумаринского городища. Именно с раскопом «А» связано большинство открытых на памятнике жилых сооружений и примыкавших к ним хозяйственных ям (*Биджиев*, 1983. С. 36, 38, 40, 44).

Раскопки 2007–2017 гг. велись на раскопах «Е», «Ж», «З». Большинство керамических изделий происходят из раскопа «Ж», который относится к западной площадке городища. Главный объект, открытый здесь, – это мастерская, в которой обнаружены инструменты для обработки кости и отходы кузнечного производства (*Кочкаров*, 2014).

[4] К сожалению, керамические коллекции из раскопок 1960–1980-х гг. недоступны. Из-за этого заключения о различиях «новых» и «старых» керамических материалов из Хумаринского городища приходится делать на основании опубликованных иллюстраций и статистических сводок (Биджиев, 1983).

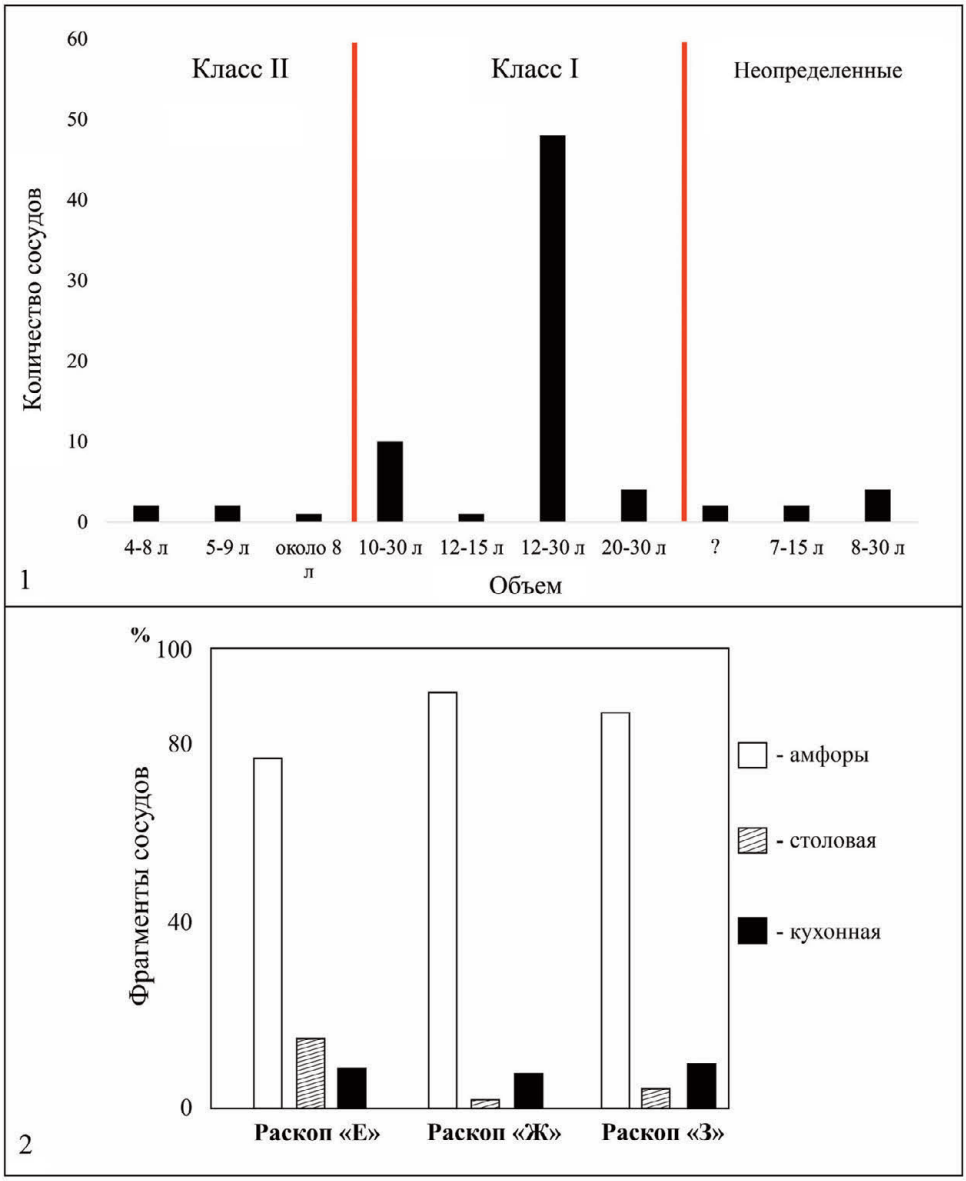


Рис. 3. Аналитические графики

1 – результаты реконструкции объема амфор по фрагментам; *2* – соотношение разных групп керамики в разных раскопах 2007–2017 гг.

Таким образом, можно допустить, что выявленные нами различия в качественном и количественном составе керамического материала отражают особенности функционального использования разных участков Хумаринского городища: преимущественно жилого – на восточной площадке, с преобладанием кухонной и разнообразием столовой посуды, и производственного – на изученной части западной площадки, с минимальным объемом бытовой посуды и доминированием импортной амфорной тары.

Новую информацию о культурных традициях населения, обитавшего в эпоху раннего Средневековья на Хумаринском городище, дают результаты изучения гончарной технологии. Как было отмечено в предыдущем разделе статьи, различия в технологии изготовления кухонной и столовой посуды минимальны и проявляются на уровне формовочных масс. Для кухонной керамики характерна примесь песка, для столовой – дресвы.

Важно, что ни разу не зафиксированы смешанные рецепты формовочных масс, содержащие оба этих вида минеральных примесей. Такие рецепты – явление хорошо известное как по этнографии, так и по археологической керамике. А. А. Бобринским доказано, что возникновение рецептов, в которых присутствуют несколько минеральных добавок, является следствием культурных контактов и смешения носителей разных гончарных традиций (*Бобринский*, 1978. С. 94–99). Навыки составления формовочных масс относятся к числу приспособительных, т. е. в условиях смешения населения с разными гончарными традициями они меняются в первую очередь – в период от нескольких лет до времени жизни одного поколения (Там же. С. 243).

Однородность традиций изготовления кухонной и столовой посуды по большинству исследованных ступеней гончарной технологии, а также отсутствие рецептов формовочных масс, в которых есть оба «популярных» компонента, т. е. песок и дресва, позволяют сделать заключение, что обе эти функциональные группы керамики сделаны представителями какой-то одной культурной или этнической группы населения, обитавшей на Хумаринском городище.

О датировке Хумаринского городища по данным изучения керамики

Основным источником информации по этой теме является импортная посуда – амфоры. За последние десятилетия накоплены данные, указывающие на несовпадение периодов наибольшего распространения амфор классов I и II. В Юго-Восточном Крыму и Керченском полуострове до середины IX в. доминируют амфоры класса I, а после середины IX в. – амфоры класса II (*Майко*, 2000. С. 102–103; 2020. С. 77, 112–113; *Пономарев*, 2003. С. 268–273). Такая же хронологическая динамика зафиксирована в Фанагории (*Голофаст, Евдокимов*, 2019. С. 194–199). Л. А. Голофаст считает, что в Северном Причерноморье амфоры класса I были распространены до начала – середины IX в. (*Голофаст*, 2019. С. 40). Амфоры класса I доминируют в материалах памятников Башанта-I и Башанта-II, расположенных в Калмыкии (*Суханов*, 2018б). По радиоуглеродным датам эти памятники отнесены к середине VII – концу VIII в. (*Очир-Горяева и др.*, 2016). Для Подонья показательны материалы Семикаракорского

городища, существование которого относится к «досаркельскому» времени, т. е. до 830-х гг. (*Флёров*, 2001. С. 68; 2016. С. 391). В этом памятнике амфоры класса I также преобладают (*Суханов*, 2018а. Рис. 158). Почти на всех памятниках Подонья, где зафиксировано преобладание класса I, амфоры чаще всего сделаны из глин 1-го вида (Там же. С. 120–122, 130), т. е. как и в Хумаринском городище.

Важной для уточнения дат средневековых археологических комплексов является еще одна группа керамики – высокогорлые кувшины с плоскими ручками. Такие сосуды имеют надежную хронологию. Они появляются в середине IX в. и массово распространяются во второй половине IX – начале X в. (*Могаричев и др.*, 2017. С. 150). В изученной коллекции нет обломков от таких сосудов. По данным Х. Х. Биджиева, фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками встречены на других участках Хумаринского городища, однако они «представлены слабо и, по сравнению с другими типами керамики, незначительны» (*Биджиев*, 1983. С. 74).

Таким образом, представленные здесь данные свидетельствуют, что керамический комплекс из раскопок 2007–2017 гг. относится, скорее всего, к VIII – первой половине IX в.

Заключение

Завершая эту статью, повторим основные результаты анализа коллекции керамики Хумаринского городища из раскопок 2007–2017 гг.:

1) все рассмотренные группы керамики известны как в материалах более ранних раскопок Хумаринского городища, так и на других раннесредневековых памятниках юга Восточной Европы. Некоторые количественные и качественные особенности изученной коллекции отличают ее от материалов, полученных в ходе раскопок второй половины XX в. Главное различие – это доминирование амфорной тары и малочисленность кухонной и столовой посуды. Можно высказать предположение о том, что данные различия маркируют особенности функционального назначения разных участков Хумаринского городища;

2) состав импортной керамики Хумаринского городища позволяет обсуждать вопрос о дате памятника. Доминирование амфор класса I, сделанных из глин 1-го вида, является основанием для предположения о возможности отнести изученные материалы Хумаринского городища к VIII – первой половине IX в. Такая датировка подтверждается отсутствием в изученной коллекции фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и их малочисленностью в материалах более ранних раскопок;

3) столовая и кухонная посуда изготовлена людьми, обладающими очень близкими гончарными традициями. Нет никаких оснований связывать изготовителей столовой и кухонной посуды с разными культурными или этническими группами населения.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г. Е., 2013. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // РА. № 3. С. 13–25.

Багаутдинов Р. С., Богачёв А. В., Зубов С. Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара. 286 с.

Биджиев Х. Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва. 224 с.

Биджиев Х. Х., Гадло А. В., 1979. Раскопки Хумаринского городища в 1974 году // Археология и этнография Карачаево-Черкесии / Отв. ред. Я. А. Федоров. Черкесск: Карачаево-Черкесский науч.-исслед. ин-т экономики, истории, языка и литературы. С. 27–51.

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Голофаст Л. А., 2019. Комплексы амфор причерноморского типа из Фанагории // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию А. И. Айбабина / Ред.-сост. Э. А. Хайрединова. Симферополь: Антиква. С. 39–43.

Голофаст Л. А., Евдокимов П. А., 2019. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. Вып. XXIV. Симферополь. С. 186–216.

Кочкаров У. Ю., 2014. К развитию ремесла на Хумаринском городище, Карачаево-Черкесия // КСИА. Вып. 236. С. 240–244.

Кочкаров У. Ю., Жуковский М. О., 2020. Некоторые вопросы планиграфии и системы укреплений Хумаринского городища // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25. № 4. С. 225–235.

Майко В. В., 2000. Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная хронология) // Българите в Северното Причерноморие. Т. VII. С. 101–123.

Майко В. В., 2020. Сугдея в конце VII – первой половине X века. Симферополь: Колорит. 312 с.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б., 2017. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): вопросы истории и археологии. М.: Неолит. 744 с.

Науменко В. Е., 2009. Пифосы, высокогорлые кувшины, амфоры, столовая керамика // Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII–X вв. Киев: АДЕФ-Украина. С. 32–63.

Очир-Горяева М. А., Ситдиков А. Г., Кияшко Я. А., Нага Т., 2016. К изучению памятника эпохи раннего средневековья Башанта-II // ПА. № 4 (18). С. 23–36.

Паршина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М., 2001. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье: сб. науч. ст. Киев: Стилос. С. 52–81.

Плетнёва С. А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР. С. 5–72.

Пономарев Л. Ю., 2003. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. Вып. 3. С. 264–282.

Романчук А. И., Рудаков В. Е., 1975. Керамический комплекс IX–X веков Баклинского городища // СА. № 2. С. 217–222.

Суханов Е. В., 2018а. Амфоры как источник изучения торговых контактов населения салтово-маяцкой культуры Среднего и Нижнего Дона: дис. … канд. ист. наук. М. 465 с.

Суханов Е. В., 2018б. Амфоры нижнедонских поселений Башанта-I и Башанта-II (предварительные результаты изучения) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 4. С. 115–122.

Суханов Е. В., 2018в. Стандарты объема средневековых «Причерноморских» амфор и возможности их изучения по фрагментированному // БИ. Вып. 37. С. 139–165.

Суханов Е. В., 2019. Глинистое сырье средневековых причерноморских амфор (к вопросу о районах производства) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24. № 1. С. 47–60.

Суханов Е. В., 2020. Керамика Хумаринского городища (материалы раскопок 2007–2017 годов) // Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. М.: ИА РАН. С. 163–192.

Флёров В. С., 2001. «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. № 2. С. 56–70.

Флёров В. С., 2009. Лепные горшки, котлы и другие виды керамики как индикаторы салтово-маяцкой культуры // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. 30 сентября – 3 октября 2008 г. (Донские древности, вып. 10) / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, А. А. Горбенко. Азов. С. 476–484.

Флёров В. С., 2016. Семикаракорская крепость хазарского каганата // Археология восточноевропейской лесостепи: материалы II Междунар. науч. конф. (Воронеж, 18–20 декабря 2015 г.) / Отв. ред. А. М. Скоробогатов. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. С. 391–399.

Чхаидзе В. Н., 2012. Фанагория в VI–X веках. М. 590 с.

Сведения об авторах

Суханов Евгений Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: sukhanov_ev@mail.ru;

Кочкаров Умар Юсуфович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия, e-mail: umar_k@mail.ru

E. V. Sukhanov, U. Yu. Kochkarov

CERAMICS FROM THE KHUMARA FORTIFIED SETTLEMENT

Abstract. The paper examines the ceramic assemblage from the Khumara fortified settlement which is one of the most well-known medieval fortresses in the northern Caucasus. It analyzes materials from the excavations conducted by the Karachaevo expedition of the Institute of Archaeology (RAS) in 2007–2017. Predominance of imported amphora fragments is a remarkable feature of the examined assemblage. The composition of the transport amphorae is characteristic of the sites dating to the 8th – first half of the 9th centuries. The technological analysis of the local ceramics reveals homogeneity of pottery traditions based on which kitchenware and tableware were made.

Keywords: ceramics, amphorae, Northern Caucasus, Khumara fortified settlement.

REFERENCES

Afanas'ev G. E., 2013. Kukhonnaya posuda saltovo-mayatskoy kul'tury – etnomarkiruyushchiy priznak? [Is kitchenware of Saltovo-Mayatsk culture an ethnomarker?]. *RA*, 3, pp. 13–25.

Bagautdinov R. S., Bogachev A. V., Zubov S. E., 1998. Prabolgary na Sredney Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya) [Prabulgars on the Middle Volga (the origins of history of the Volga-Kama Tatars)]. Samara. 286 p.

Bidzhiev Kh. Kh., 1983. Khumarinskoe gorodishche [Khumara hillfort]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva. 224 p.

Bidzhiev Kh. Kh., Gadlo A. V., 1979. Raskopki Khumarinskogo gorodishcha v 1974 godu [Excavations at Khumara hillfort in 1974]. *Arkheologiya i etnografiya Karachaevo-Cherkesii [Archaeology and Ethnography of Karachay-Cherkessia]*. Ya. A. Fedorov, ed. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskiy NII ekonomiki, istorii, yazyka i literatury, pp. 27–51.

Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.

Chkhaidze V. N., 2012. Fanagoriya v VI–X vekakh [Phanagoria in VI–X centuries]. Moscow. 590 p.

Flyorov V. S., 2001. «Semikarakory» – krepost' Khazarskogo kaganata na Nizhnem Donu [«Semikarakory» – fortress of Khazar Khaganate on Lower Don]. *RA*, 2, pp. 56–70.

Flyorov V. S., 2009. Lepnye gorshki, kotly i drugie vidy keramiki kak indikatory saltovo-mayatskoy kultury [Hand-made pots, cauldrons and other kinds of ceramics as indicators of Saltovo-Mayatsk culture]. *Dialog gorodskoy i stepony kultur na evraziyskom prostranstve. Materialy IV Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati G. A. Fedorova-Davydova. 30 sentyabrya – 3 oktyabrya 2008 g. [Dialogue of urban and steppe cultures in Eurasian space. Materials of IV International conference in memory of G. A. Fedorov-Davydov. 30 September – 3 October 2008]*. L. T. Yablonskiy, A. A. Gorbenko, eds. Azov, pp. 476–484. (Donskie drevnosti, 10.)

Flyorov V. S., 2016. Semikarakorskaya krepost' khazarskogo kaganata [Semikarakory fortress of Khazar Khaganate]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: II konferentsiya (2015 g.) [Archaeology of East European forest-steppe: II Conference (2015)]*. A. M. Skorobogatov, ed. Voronezh: Voronezhskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 391–399.

Golofast L. A., 2019. Kompleksy amfor prichernomorskogo tipa iz Fanagorii [Complexes of amphorae of Pontic type from Phanagoria]. *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma [Problems of history and archeology of medieval Crimea]*. E. A. Khayredinova, ed., comp. Simferopol: Antikva, pp. 39–43.

Golofast L. A., Evdokimov P. A., 2019. K voprosu o vremeni bytovaniya amfor s melkim zonal'nym rifleniem (po materialam raskopok v Fanagorii) [On the issue of the time of existence of amphorae with shallow zonal corrugation (based on materials of Phanagoria excavations)]. *MAIET*, XXIV, pp. 186–216.

Kochkarov U. Yu., 2014. K razvitiyu remesla na Khumarinskom gorodishche, Karachaevo-Cherkesiya [On development of crafts at Khumara hillfort, Karachay-Cherkessia]. *KSIA*, 236, pp. 240–244.

Kochkarov U. Yu., Zhukovskiy M. O., 2020. Nekotorye voprosy planigrafii i sistemy ukrepleniy Khumarinskogo gorodishcha [Some issues of planigraphy and fortification system of Khumara hillfort]. *Vestnik Volgogradskogo gos. universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Volgograd State university. Series 4: History. Regional studies. International relations]*, vol. 25, no. 4, pp. 225–235.

Mayko V. V., 2000. Keramicheskiy kompleks VIII–X vv. prabolgarskogo gorodishcha Tepsen' v Yugo Vostochnom Krymu (predvaritel'naya khronologiya) [Ceramic assemblage of VIII–X cc. of Prabolgar hillfort Tepsen in Southeastern Crimea (preliminary chronology)]. *B"lgarite v Severnoto Prichernomorie [Bulgarians in North Pontic region]*, VII, pp. 101–123.

Mayko V. V., 2020. Sugdeya v kontse VII – pervoy polovine X veka [Sugdea in late VII – first half of X century]. Simferopol: Kolorit. 312 p.

Mogarichev Yu. M., Sazanov A. V., Sorochan S. B., 2017. Krym v «khazarskoe» vremya (VIII – seredina X vv.): voprosy istorii i arkheologii [Crimea in «Khazar» time (VIII – mid X cc.): issues of history and archaeology]. Moscow: Neolit. 744 p.

Naumenko V. E., 2009. Pifosy, vysokogorlye kuvshiny, amfory, stolovaya keramika [Pithoi, high-necked jars, amphorae, tableware]. *Tiritaka. Raskop XXVI [Tiritaca. Excavation trench XXVI], vol. 1. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv. [Archaeological complexes of VIII–X cc.]*. Kiev: ADEF-Ukraina. C. 32–63.

Ochir-Goryaeva M. A., Sitdikov A. G., Kiyashko Ya. A., Naga T., 2016. K izucheniyu pamyatnika epokhi rannego srednevekov'ya Bashanta-II [The study of the site of Early Middle Ages Bashanta-II]. *PA*, 4 (18), pp. 23–36.

Parshina E. A., Teslenko I. B., Zelenko S. M., 2001. Goncharnye tsentry Tavriki VIII–X vv. [Pottery-making centers in Taurica, VIII–X cc.]. *Morskaya torgovlya v Severnom Prichernomor'e [Maritime trade in North Pontic region]*. Kiev: Stilos, pp. 52–81.

Pletneva S. A., 1963. Srednevekovaya keramika Tamanskogo gorodishcha [Medieval ceramics of Taman hillfort]. *Keramika i steklo drevney Tmutarakani [Ceramics and glass of ancient Tmutarakan]*. B. A. Rybakov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 5–72.

Ponomarev L. Yu., 2003. Saltovskoe ukreplenie i svyatilishche u s. Zavetnoe [Saltovo fortification and sanctuary nea village Zavetnoe]. *BI*, 3, pp. 264–282.

Romanchuk A. I., Rudakov V. E., 1975. Keramicheskiy kompleks IX–X vekov Baklinskogo gorodishcha [Ceramic assemblage of IX–X centuries from Baklinskoe hillfort]. *SA*, 2, pp. 217–222.

Sukhanov E. V., 2018a. Amfory kak istochnik izucheniya torgovykh kontaktov naseleniya saltovo-mayatskoy kul'tury Srednego i Nizhnego Dona: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk

[Amphorae as a source for studying trade contacts of the population of Saltovo-Mayatsk culture of Middle and Lower Don: PhD dissertation]. Moscow. 465 p.

Sukhanov E. V., 2018b. Amfory nizhnedonskikh poseleniy Bashanta-I i Bashanta-II (predvaritel'nye rezul'taty izucheniya) [Amphorae of Lower Don settlements of Bashanta-I and Bashanta-II (preliminary results of the study)]. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Kalmyk scientific center, RAS]*, 4, pp. 115–122.

Sukhanov E. V., 2018v. Standarty ob"ema srednevekovykh «Prichernomorskikh» amfor i vozmozhnosti ikh izucheniya po fragmentirovannomu materialu [Volume standards of medieval «Pontic» amphorae and possibility of studying them using fragmented material]. *BI*, 37, pp. 139–165.

Sukhanov E. V., 2019. Glinistoe syr'e srednevekovykh prichernomorskikh amfor (k voprosu o rayonakh proizvodstva) [Clay raw materials of medieval Pontic amphorae (on production areas)]. *Vestnik Volgogradskogo gos. universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Volgograd State university. Series 4: History. Regional studies. International relations]*, vol. 24, no. 1, pp. 47–60.

Sukhanov E. V., 2020. Keramika Khumarinskogo gorodishcha (materialy raskopok 2007–2017 godov) [Ceramics of Khumara hillfort (2007–2017 excavations materials)]. *Khumarinskoe gorodishche. Itogi mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Khumara hillfort. Results of interdisciplinary research]*. U. Yu. Kochkarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 163–192.

About the authors

Sukhanov Evgeniy V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: sukhanov_ev@mail.ru;

Kochkarov Umar Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: umar_k@mail.ru

А. А. Гомзин, О. Л. Прошкин

КЛАД ВОСТОЧНЫХ МОНЕТ С УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ «ЧЁРТОВО ГОРОДИЩЕ»

Резюме. В научный оборот вводится клад серебряных восточных монет с укрепленного поселения «Чёртово Городище». Помещены атрибуции 45 входивших в его состав экземпляров, изучены их династическое, географическое и хронологическое распределения. Руководствуясь полученными данными, время формирования рассматриваемого клада может быть отнесено к середине 810-х гг. Это один из немногих достоверных комплексов, иллюстрирующих начальный период поступления восточного монетного серебра в Поочье по Донскому торговому пути. Сравнение с синхронными опубликованными кладами региона свидетельствует, что рассматриваемый комплекс является важным источником для исследования взаимосвязей населения бассейна Оки с Хазарским каганатом и мусульманским Востоком.

Ключевые слова: Донской торговый путь, Поочье, «Чёртово Городище», клад серебряных восточных монет, драхма, дирхам.

Городище в урочище «Чёртово Городище» расположено в 5 км северо-восточнее г. Сосенский Козельского района Калужской области на мысу правого берега р. Чертовская (правый приток р. Жиздра) при впадении ручья Черногрязка (правый берег последнего). Площадь памятника, защищенная оборонительными сооружениями высотой до 2,5 м, составляет 0,6 га, высота над рекой достигает 15–24 м[1].

Городище открыто и впервые обследовано в 1987 г. А. С. Фроловым (*Фролов*, 1989. С. 2–3). В 1991–2012 гг. с перерывами здесь проводились разноплановые исследования под руководством О. Л. Прошкина (раскопки, разведки), в результате которых изучено 255,6 кв. м площади памятника. Получена большая коллекция индивидуальных находок (441 экз.) и фрагментов глиняной посуды

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.259-272

(4055 экз.), свидетельствующая о значительной насыщенности культурного слоя артефактами[2].

Разрез северо-восточного вала городища выявил остатки оборонительных конструкций, содержавших практически все строительные приемы, характерные для укрепленных поселений роменской культуры IX–X вв. Древо-земляная стена здесь сгорела и частично рухнула вниз по склону. О пожаре свидетельствуют прослойки прокаленного докрасна песка и обожженные камни, составлявшие внутреннее заполнение срубных конструкций. Вероятно, это произошло в первой половине X в. Артефактов более позднего времени здесь пока не обнаружено (*Прошкин*, 2016).

В раскопе № 9 (площадь 28 кв. м), заложенном на северо-восточном склоне городища (рис. 1), под остатками укреплений было сделано большое количество находок, располагавшихся в слоях зольно-углистой (толщина до 30 см) и коричневой (толщина до 60 см) супесей. Сверху все это перекрывали более поздние наносы, оползни и дерн. Среди находок присутствовали многочисленные наконечники стрел, детали поясного набора и конской упряжи.

В 2008 г. здесь же на площади примерно 18 кв. м был собран клад из 45 серебряных восточных монет. Основная масса экземпляров располагалась в южной и восточной частях раскопа в пределах квадратов 2–5 (рис. 2) (*Прошкин*, 2009. С. 8–14; 2010. С. 19)[3]. В целом характер их залегания и выпускные сведения не противоречат классификации находки именно как кладового комплекса, а не просто совокупности одиночных монет. Об этом же свидетельствуют и сплавившиеся экземпляры, позволяющие предполагать, что они помещались в каком-то несохранившемся вместилище и плотно прилегали друг к другу.

В составе клада 22 монеты целые, остальные представлены фрагментами, полученными преимущественно ломкой. Следует отметить заметное количество частей, появившихся в результате сочетания ломки и резки монетных пластин (8 экз.). 30 монет имеют насечки (царапины) на одной или обеих сторонах. У двух дирхамов зафиксированы граффити в виде неясных линий и угла соответственно; еще у двух – по одному отверстию округлой формы. Часть экземпляров несет на себе следы воздействия огня; в четырех случаях они сплавились друг с другом и разделить их не получилось.

Старшая монета клада – Сасаниды, Хосров II (590–628 гг.), WYHC (дискуссионное место чеканки в Фарсе), 38-й год правления (627 г.) (Список монет, № 1); младшая – ‘Аббасиды, ал-Ма’мун, Мадинат Самарканд, 198 г. х.

[2] Подробнее о фортификации городища и находках на нем см. работы О. Л. Прошкина (2011; 2013; 2016).

[3] В следующем году при обследовании северо-восточного склона городища рядом с раскопом были найдены еще две монеты, взаимосвязь которых с комплексом установить не удалось, но, с учетом их выпускных данных, она могла иметь место: а) Испахбады, Хуршид, Табаристан, 95 г. т. э. (746/747 г.), полудрахма (Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 194757). Целая, погнута. На л. с. у края три насечки (царапины); на о. с. у края шесть насечек (царапин); б) Аббасидские наместники Табаристана, ‘Умар б. ал-‘Ала (120–129 г. т. э. / 771–780 гг.), Табаристан, год чеканки утрачен, дирхам табари. Обломок около 1/5.

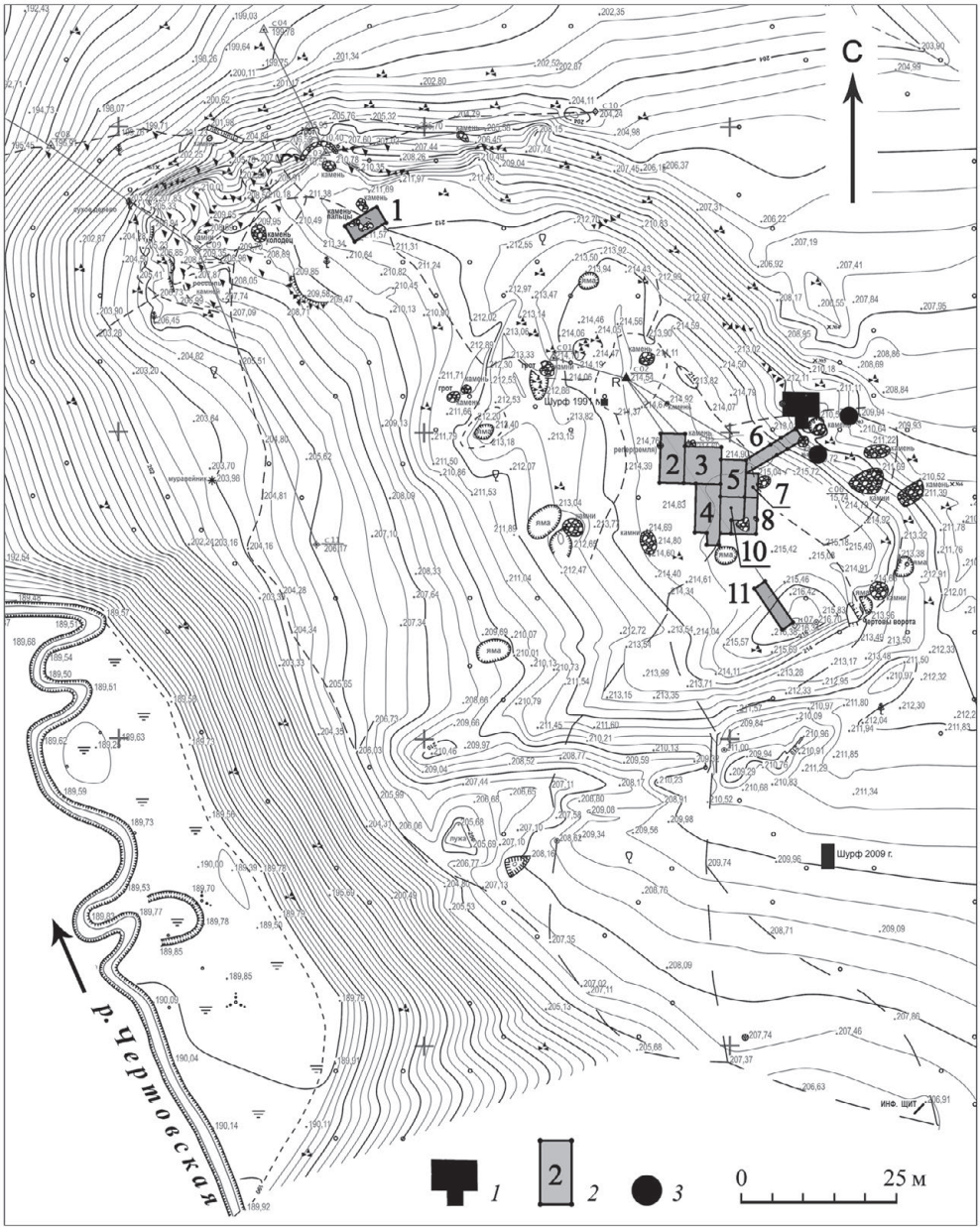


Рис. 1. Городище «Чёртово Городище». Топоплан.
Горизонтали проведены через 0,5 м

1 – раскоп № 9 с находками монет клада 2008 г.; *2* – раскопы 1–8, 10, 11; *3* – места обнаружения одиночных монет в 2009 г. (подъемный материал)

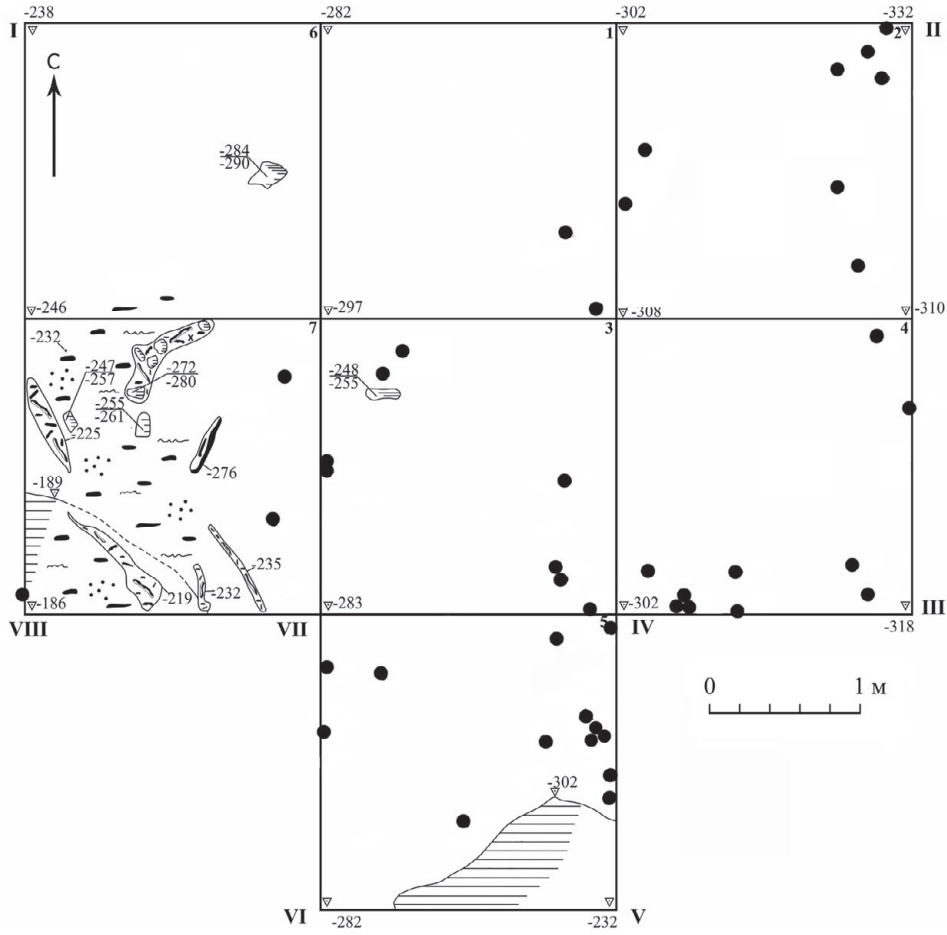


Рис. 2. Городище «Чёртово Городище». Раскоп № 9. Сводный план. Черными кружками показано расположение монет клада

(813/814 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 186. № 1679; *Lowick*, 1996. P. 290, 291. № 2663) (Список монет, № 31)[4].

Династическое распределение комплекса: Сасаниды – 1, монеты арабо-сасанидских типов – 2, ʻАббасиды – 29, аббасидские наместники Табаристана – 6, Аглабиды – 1, Хариджиты и прочие современники Идрисидов – 3, неустановленные североафриканские эмитенты – 3 экз. Как видно, большинство здесь составляют монеты аббасидских эмиссий, которые распределяются по эмитентам следующим образом: ас-Саффах или ал-Мансур – 1, ал-Махди – 11, совокупно периодов правлений от ал-Мансура до Харуна ар-Рашида включительно – 6,

[4] Первичная атрибуция монет клада была выполнена в 2009 г. А. В. Фоминым (ОН ГИМ), окончательная – А. А. Гомзиным.

Харун ар-Рашид – 8, ал-Амин – 1, ал-Ма’мун – 1, неустановленные халифы – 1, наместники Табаристана – 6 экз.

Вместе с тем обращает на себя внимание полное отсутствие дирхамов Харуна ар-Рашида азиатской чеканки после 181 г. х., которые в хронологически более поздних кладах достаточно многочисленны либо, по крайней мере, заметны. Объяснить эту особенность и классифицировать ее как индивидуальную либо групповую пока не представляется возможным из-за небольшого числа синхронных комплексов, известных в Поочье.

Общая номенклатура мест чеканки: ал-‘Аббасийа – 13, ал-‘Аббасийа или Ифрикийа – 3, BYSh (Бишапур) – 1, Ифрикийа – 4, YZ или YZD (Йазд) – 1, Мадинат Джайй – 1, Мадинат ас-Салам – 4, Мадинат ас-Салам или ал-Мухаммадийа – 1, Мадинат Самарканд – 1, Табаристан – 6, Тудга – 5, WYHC – 1, не установлено – 4 экз.

По имеющимся данным, исследуемый клад обладает набором характеристик, присущих ряду комплексов первой четверти IX в.: наличие сасанидской и арабо-сасанидской фракции; доминирование в династическом плане аббасидских монет и преобладание в географическом ракурсе североафриканских дирхамов (ал-‘Аббасийа, Ифрикийа, Тудга), отчеканенных ‘Аббасидами, Аглабидами, Хариджитами и их современниками. Руководствуясь составом и датой младшей монеты, время формирования рассматриваемого клада может быть отнесено к середине 810-х гг.

Для бассейна Оки это один из немногих достоверных комплексов указанного времени, иллюстрирующих начальный период поступления восточного монетного серебра в рассматриваемый регион. Подобрать ему близкую по составу аналогию пока затруднительно из-за небольшого количества известных опубликованных синхронных кладов в Поочье. Козельский комплекс – достаточно крупный, 937 сасанидских драхм и исламских дирхамов (младший 200 г. х. (815/816 г.)), целенаправленно сформированный в течение нескольких лет – в качестве сравнения определенно не подходит. От Лапотково-Покровского клада (младшая монета 201 г. х. (816/817 г.)), в силу давности обнаружения в 1823 г., сохранились только обобщающие характеристики. Оба эти комплекса имели также вещевую компоненту (*Гомзин*, 2013. С. 59, 60, 71, 220, 221, 307. № 5, 54, там же библиография)[5].

Некоторые сходные по составу черты наблюдаются у Венёвского клада с младшим дирхамом 200 г. х. (815/816 г.). Это небольшой сопоставимый по размерам комплекс (46 экз.), в котором аналогично доминировали аббасидские эмиссии, присутствовали сасанидская, арабо-сасанидская, североафриканская и табаристанская составляющие. Однако в нем наличествовали дирхамы Умайадов и Идрисидов, и совсем не было аглабидских монет. Кроме того, не прослеживалось отсутствие азиатских дирхамов Харуна ар-Рашида после 181 г. х.; да и в целом номенклатура мест чеканки монет этой части Венёвского комплекса значительно шире (*Гомзин*, 2022).

[5] Другие клады Поочья первой четверти IX в., о которых можно встретить упоминания в научной литературе, либо не существовали, либо имеют иную, более широкую датировку в рамках указанного столетия (подробнее см.: *Гомзин*, 2013. С. 36, 37, 51, 52; 2022. С. 52).

Как бы то ни было, клад с укрепленного поселения «Чёртово Городище» расширяет наши представления об обращении и использовании восточного монетного серебра в Поочье в первой четверти IX в., поступавшего в рассматриваемый регион в указанное время по Донскому торговому пути, и является значимым источником для исследования взаимосвязей населения бассейна Оки с Хазарским каганатом и мусульманским Востоком.

Список монет клада

Сасаниды

1) (№ 61)[6]. Хосров II (590–628 гг.), WYHC (дискуссионное место чеканки в Фарсе), 38-й год правления (627 г.), драхма. Целая, с трещиной. После чистки образовалась утрата по краю. На л. с. у края две насечки (царапины); на о. с. у края шесть насечек (царапин).

Монеты арабо-сасанидских типов

2) (№ 78). Эмитент не установлен, от л. с. видна только корона, YZ или YZD (Йазд), год чеканки частично утрачен, VII в. Обломок около 1/2, со следами воздействия огня. На о. с. у края одна насечка (царапина). Сплавился с № 37 (№ 77).

3) (№ 72). Эмитент не установлен, видна только о. с., BYSh (Бишапур), год чеканки утрачен, VII в. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/2 (деление по предварительной разметке), со следами воздействия огня. На о. с. у края одна насечка (царапина). Сплавился с № 28 (№ 71).

ʻАббасиды

ас-Саффах или ал-Мансур

4) (№ 81). Место чеканки утрачено, 13х г. х., по типу – 134–139 гг. х. (751–757 гг.). Обломок около 1/2.

ал-Махди

5) (№ 70). ал-ʻАббасийа, 161 г. х. (777/778 г.) (*Lowick*, 1996. P. 48, 49. № 65). Целый. Между первой и второй строками л. с. одна насечка (царапина). Поле о. с. с хаотически расположенными царапинами.

6) (№ 65). Мадинат ас-Салам, 161 г. х. (777/778 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 97. № 907; *Lowick*, 1996. P. 156, 157. № 1218). Целый. На л. с. у края две насечки (царапины) и одна в поле, задевая легенды. Кроме того, на поле нанесены две длинные наклонные тонкие черты. На о. с. у края три насечки (царапины) и одна в поле.

7) (№ 6). Мадинат Джайй, 162 г. х. (778/779 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 100. № 923; *Lowick*, 1996. P. 188, 189. № 1571). Целый, с отверстием округлой

[6] После порядкового номера в круглых скобках указан полевой номер. В описаниях монет приведены династическая принадлежность, эмитент, место, год чеканки и степень сохранности. Когда возможно, помещена ссылка на тип экземпляра по литературе или в онлайн-базах восточных монет. Утраченные выпускные сведения восстанавливались, ориентируясь на содержание легенд, взаимное расположение их элементов, дифференты, особенности палеографии надписей и сверяясь с однотипными и одноштемпельными экземплярами лучшей сохранности. Номера на рис. 3–5 соответствуют порядковым номерам в списке.

формы. На л. с. у края три насечки (царапины); на о. с. одна насечка (царапина) в поле.

8) (№ 14). ал-‘Аббасийа, 163 (779/780 г.) или 166 (782/783 г.) г. х. Вверху поля о. с. – кольцо, внизу – Йазид. Целый, с трещиной. На л. с. у края одна насечка (царапина); на о. с. процарапана длинная неровная линия.

9) (№ 73). ал-‘Аббасийа, 164 г. х. (780/781 г.) (*Lowick*, 1996. P. 52, 53. № 97). Целый. На л. с. у края две насечки (царапины) и три в поле, две из которых концами пересекаются под углом друг с другом; на о. с. у края две насечки (царапины).

10) (№ 52). ал-‘Аббасийа, 166 г. х. (782/783 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 108. № 996; *Lowick*, 1996. P. 56, 57. № 138). Целый. Край немного подрезан. На л. с. у края две насечки (царапины).

11) (№ 45). Ифрикийа, 16х г. х., по типу – 165–168 гг. х. (781–785 гг.). Целый. На л. с. у края две насечки (царапины); на о. с. у края одна насечка (царапина).

12) (№ 85). Место чеканки утрачено, по типу и палеографии – ал-‘Аббасийа, 161–169 гг. х. (777–785 гг.). Вверху поля о. с. – кольцо; нижний дифферент поля о. с. утрачен. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/2. На л. с. у края три насечки (царапины).

13) (№ 57). Место чеканки утрачено, по типу и палеографии – ал-‘Аббасийа, 16х г. х. (776–785 гг.). Верхний дифферент поля о. с. утрачен; внизу – Йазид. Обломок около 2/3. На л. с. у края одна насечка (царапина) и одна у линии слома; на о. с. у края три насечки (царапины).

14) (№ 32). ал-‘Аббасийа, 16х г. х. (776–785 гг.). Верхний дифферент поля о. с. утрачен; внизу – [Йази]д. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/2. На л. с. у края две насечки (царапины) и одна у линии обрезки.

15) (№ 54). Выпускные сведения и дифференты утрачены, по типу и палеографии – ал-‘Аббасийа, 16х г. х. (776–785 гг.). Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/4. На л. с. у края одна насечка (царапина).

Дирхамы периодов правлений ал-Мансура – Харуна ар-Рашида

16) (№ 27). ал-‘Аббасийа, год чеканки и верхний дифферент поля о. с. утрачены, выпущен в период 159–170 гг. х. (775–786 гг.). Внизу поля о. с. – [Йази]д. Обломок около 1/6. На о. с. у края одна насечка (царапина).

17) (№ 43). ал-‘Аббасийа, год чеканки не виден, выпущен в период 161–179 гг. х. (777–796 гг.). Данных о сохранности нет, на рисунках не представлен.

18) (№ 25). Выпускные сведения утрачены, по типу и палеографии – ал-‘Аббасийа или Ифрикийа, отчеканен в период 161–173 гг. х. (777–790 гг.). Вверху поля о. с. – лигатура букв *бā* и *хā*; внизу – [Йази]д. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/2. На каждой стороне по две насечки (царапины) у края.

19) (№ 80). Выпускные сведения и дифферент внизу поля о. с. утрачены, по типу и палеографии – ал-‘Аббасийа или Ифрикийа, отчеканен в период 161–178 гг. х. (777–795 гг.). Вверху поля о. с. – лигатура букв *бā* и *хā*. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/2.

20) (№ 76). Видна только о. с., по типу и палеографии – ал-‘Аббасийа или Ифрикийа, отчеканен в период 161–179 гг. х. (777–796 гг.). Вверху поля о. с. – лигатура букв *бā* и *хā*; дифферент внизу поля о. с. утрачен. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/2. Сплавился с № 37 (№ 77).

21) (№ 64). Видна только л. с., место чеканки утрачено, xx7 или xx9 г. х., по типу и палеографии – 157–189 гг. х. (773–805 гг.). Целый, с утратами поверхностного слоя металла. Край обломан. Сплавился с № 29 (№ 63).

Харун ар-Рашид

22) (№ 53). ал-ʻАббасийа, 171 г. х. (787/788 г.) (*Lowick*, 1996. P. 62, 63. № 212 (?)). Целый. На л. с. у края четыре насечки (царапины); на о. с. у края одна насечка (царапина).

23) (№ 59). ал-ʻАббасийа, 171 г. х. (787/788 г.). Аннулеты и ободки л. с. частично утрачены и не просматриваются. Наличие дифферента вверху поля о. с. неясно; внизу – Йазид. Целый, с трещиной, подрезан по периметру. На л. с. у края одна насечка (царапина); на о. с. у края четыре насечки (царапины).

24) (№ 62). ал-ʻАббасийа, 172 г. х. (788/789 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 128. № 1157; *Lowick*, 1996. P. 64, 65. № 226). Целый. В поле л. с. между первой и второй строками неясное граффити. Между второй и третьей строками процарапаны две длинные черты. На л. с. у края одна насечка (царапина); на о. с. у края одна насечка (царапина) и одна в поле.

25) (№ 75). Ифрикийа, 1xx г. х., по типу – 173 г. х. (789/790 г.) (*Lowick*, 1996. P. 76, 77. № 361). Целый. На о. с. у края две насечки (царапины); в поле хаотически расположенные царапины.

26) (№ 58). Мадинат ас-Салам, 175 г. х. (791/792 г.) (*Lowick*, 1996. P. 164, 165. № 1297). Целый.

27) (№ 69). Ифрикийа, 180 г. х. (796/797 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 143. № 1283; *Lowick,* 1996. P. 82, 83. № 426). Обломок около 5/6. На л. с. у края одна насечка (царапина) и одна у линии слома. В поле о. с. между предпоследней и последней строками процарапаны четыре наклонные почти параллельные короткие черты.

28) (№ 71). Мадинат ас-Салам, 180 г. х. (796/797 г.) (*Lowick*, 1996. P. 166, 167. № 1327). Целый, со следами воздействия огня. На о. с. у края одна насечка (царапина). Сплавился с № 3 (№ 72).

29) (№ 63). Видна только о. с. с упоминанием Мухаммада б. Йахйи в последней строке поля, по типу – Мадинат ас-Салам или ал-Мухаммадийа, 180–181 гг. х. (796–798 гг.). Целый. Край обломан и оплавлен. Сплавился с № 21 (№ 64).

ал-Амин

30) (№ 66). Мадинат ас-Салам, 196 г. х. (811/812 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 179. № 1616; *Lowick*, 1996. P. 172, 173. № 1403). Обломок около 5/6. В поле л. с. между первой и второй строками граффито в виде угла с длинными сторонами и острием вправо. На л. с. у края две насечки (царапины).

ал-Ма'мун

31) (№ 15). Мадинат Самарканд, 198 г. х. (813/814 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 186. № 1679; *Lowick*, 1996. P. 290, 291. № 2663). Целый, с отверстием округлой формы. На л. с. у края три насечки (царапины).

Неустановленные аббасидские халифы

32) Выпускные сведения не установлены, видна только о. с., вторая половина VIII – начало IX в. Мелкий обломок. Сплавился с № 33 (№ 68).

Аббасидские наместники Табаристана

33) (№ 68). ‘Умар б. ал-‘Ала, Табаристан, 128 г. т. э. (779/780 г.), дирхам табари (Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 301045). Целый, со следами воздействия огня. Край согнут. Сплавился с № 32.

34) (№ 51). ‘Умар б. ал-‘Ала, Табаристан, год чеканки частично утрачен, дирхам табари. Обломок около 1/2, погнут.

35) (№ 13). Анонимный чекан, Табаристан, 130 г. т. э. (781/782 г.), дирхам табари. Целый, с крупной утратой по краю.

36) (№ 19). Эмитент не установлен, Табаристан, год чеканки частично утрачен, дирхам табари. Обломок около 1/4, со следами воздействия огня.

37) (№ 77). Эмитент не установлен, Табаристан, год чеканки не виден, просматривается только часть о. с., дирхам табари. Фрагмент (обрезок-обломок) около 1/2, со следами воздействия огня. Сплавился с № 2 (№ 78) и № 20 (№ 76).

38) (№ 82). Эмитент не установлен, Табаристан, год чеканки утрачен, дирхам табари. Обломок около 1/4. На о. с. у края две насечки (царапины).

Аглабиды

39) (№ 12). Ибрахим б. ал-Аглаб, Ифрикийа, 186 г. х. (802 г.) (*Lavoix*, 1891. P. 346. № 824). Целый, с разрывами. На л. с. у края четыре насечки (царапины) и две в поле; на о. с. у края две насечки (царапины).

Современники Идрисидов

40) (№ 74). Хариджиты, Халаф б. ал-Муда’, Тудга, 175 г. х. (791/792 г.) (*Марков*, 1896. С. 80. № 1). Целый, с отслоениями металла. На л. с. у края четыре насечки (царапины); на о. с. у края две насечки (царапины). В поле о. с. нанесена длинная неровная черта.

41) (№ 56). Хариджиты, Халаф б. ал-Муда’, место чеканки не видно, 17х г. х., по типу и палеографии – Тудга, 176 г. х. (792/793 г.) (*Марков*, 1896. С. 80. № 3–7). Целый, погнут. На л. с. у края одна насечка (царапина); на о. с. у края четыре насечки (царапины).

42) (№ 79). «Вариз»[7], Тудга, 177 (793/794 г.) или 179 (795/796 г.) г. х. (ANS. № 1972.170.701). Обломок около 2/3. На л. с. у края одна насечка (царапина) и одна в поле.

Неустановленные североафриканские эмитенты

43) (№ 55). Выпускные сведения утрачены, по типу и палеографии – Тудга, 170-е – 180-е гг. х. Обломок около 1/3.

44) (№ 26). Имя или дифферент внизу поля о. с. не видны, Тудга, хх3 г. х. Обрезок около 1/2.

45) (№ 83). Выпускные сведения утрачены. Мелкий обломок. На л. с. у края две насечки (царапины).

[7] В отношении прочтения этого слова, расположенного внизу поля о. с., у исследователей не сложилось единого мнения, соответственно, неясен и его статус. Следует ли в нем видеть имя эмитента, какое-либо изречение или его часть и т. п., пока не понятно.

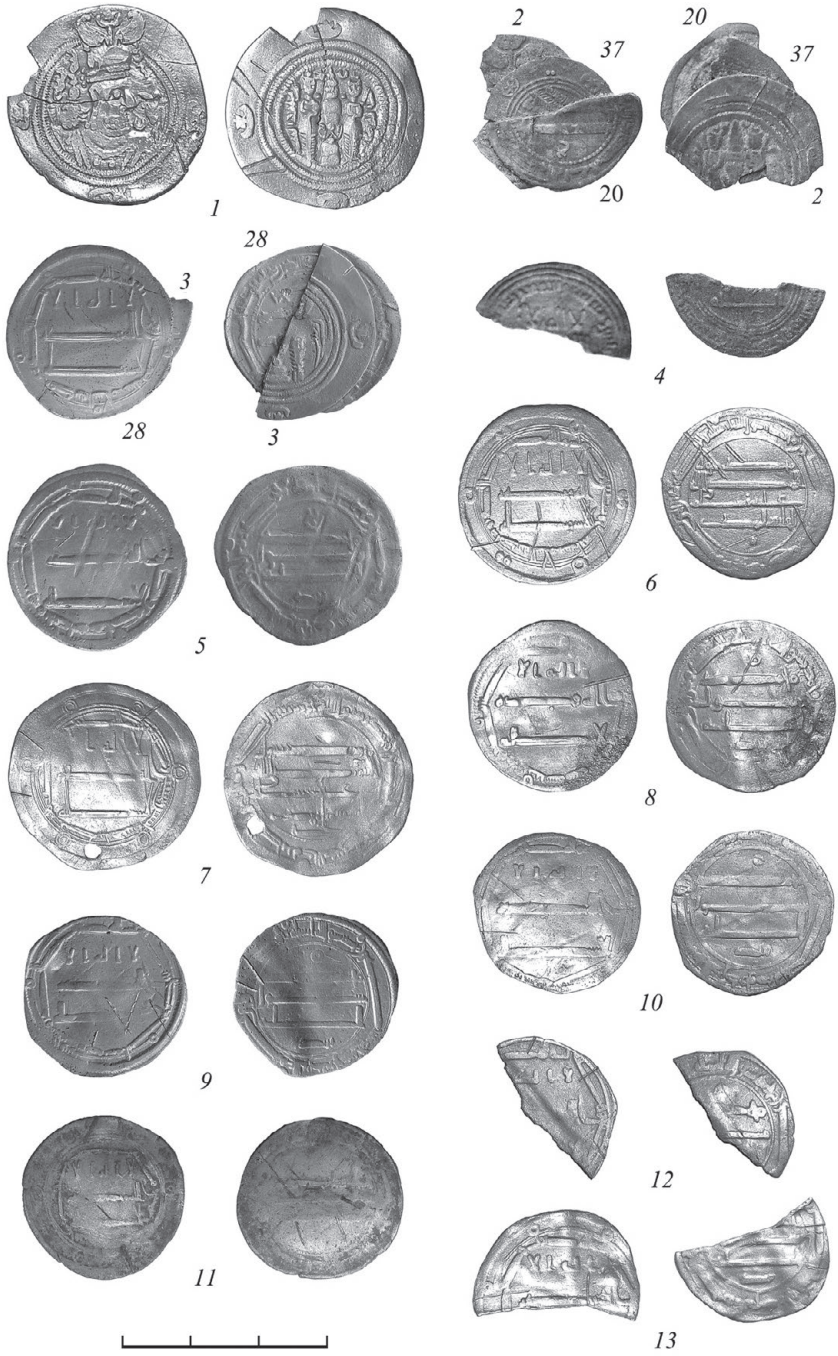


Рис. 3. Монеты клада с укрепленного поселения «Чёртово Городище»

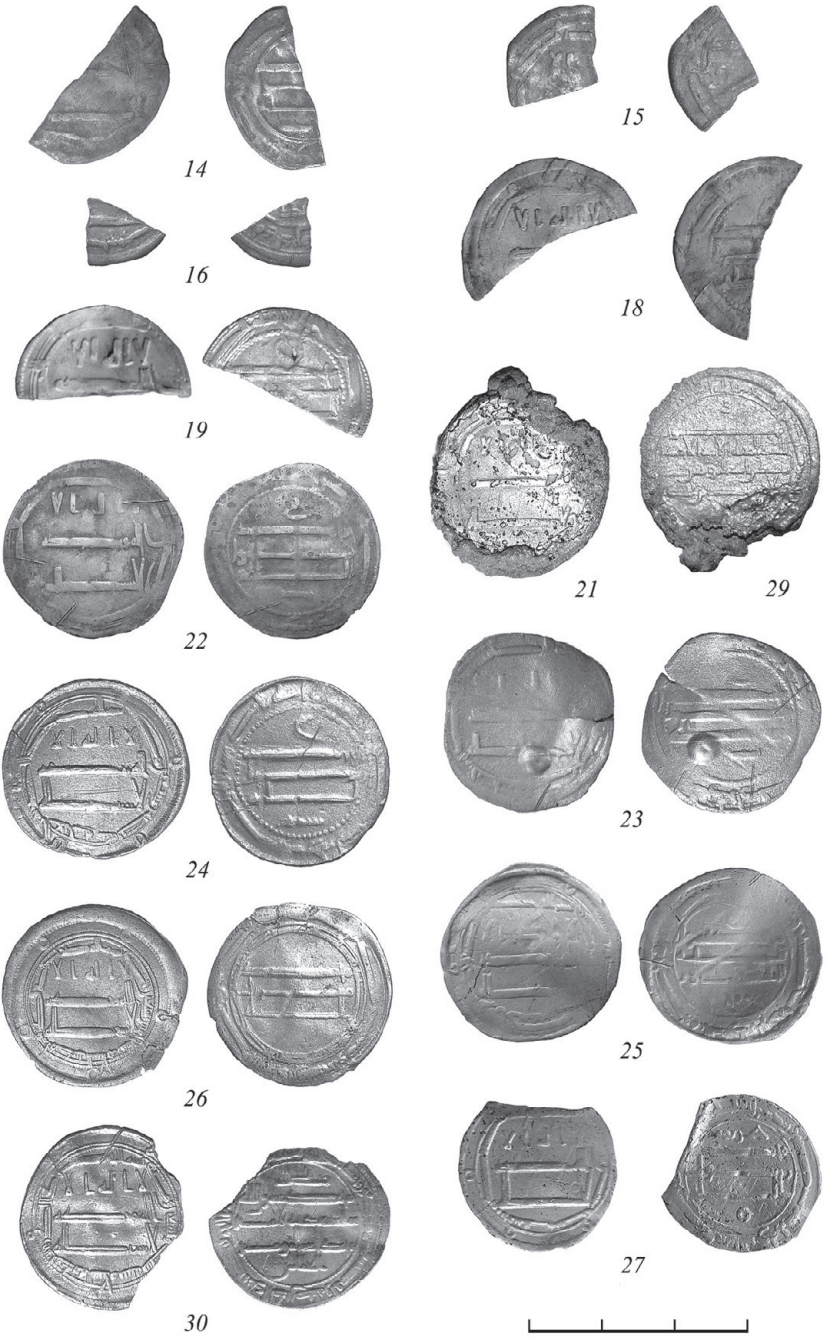


Рис. 4. Монеты клада с укрепленного поселения «Чёртово Городище»

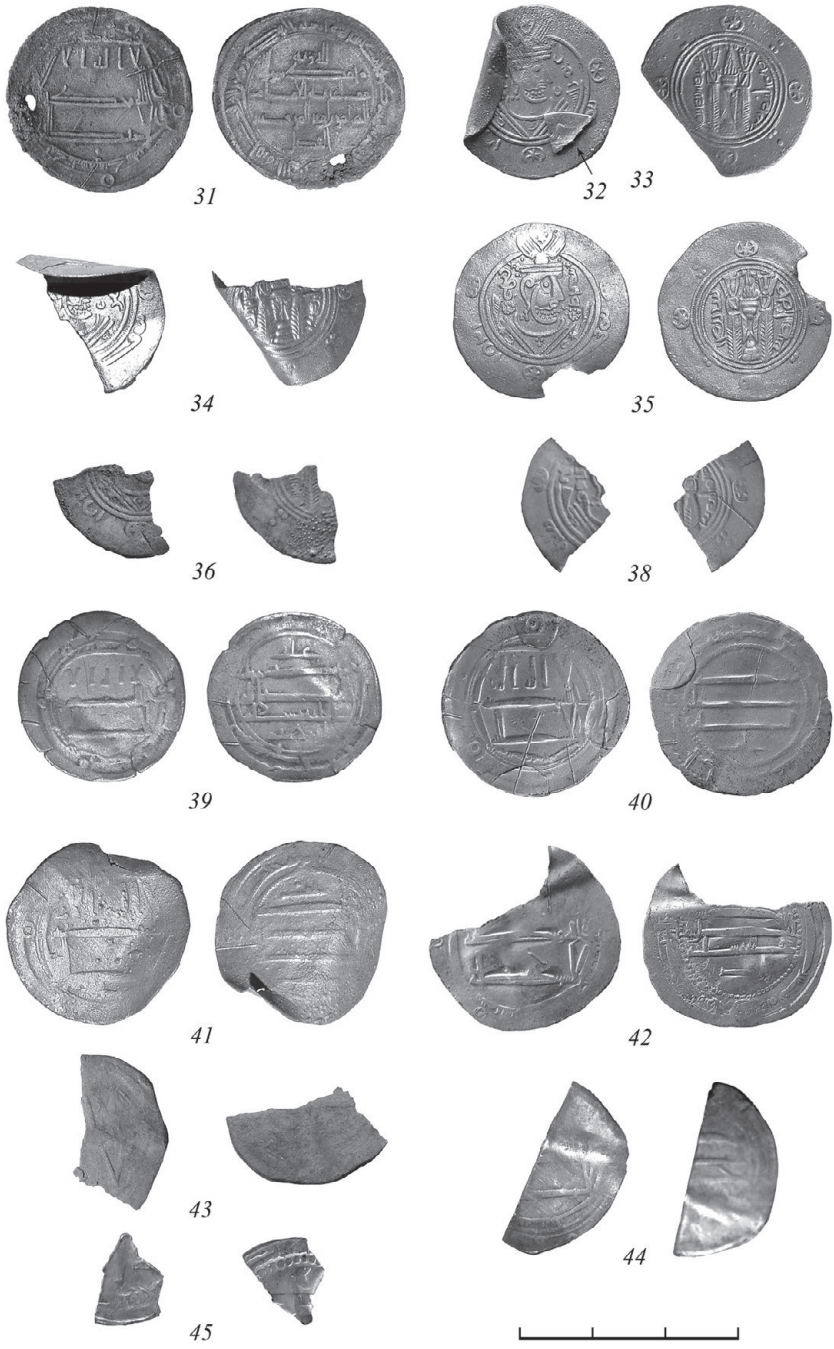


Рис. 5. Монеты клада с укрепленного поселения «Чёртово Городище»

Авторы выражают искреннюю признательность А. В. Акопяну (ИВ РАН) за консультацию по экземпляру № 1.

ЛИТЕРАТУРА

Гомзин А. А., 2013. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье: дис. … канд. ист. наук. М. 499 с.

Гомзин А. А., 2022. Ранний клад восточных монет из окрестностей Венёва // Нумизматические чтения ГИМ 2022 года. К 150-летию Государственного исторического музея: материалы докл. и сообщ. / Отв. ред. Е. В. Захаров. М.: ГИМ. С. 52–60.

Марков А. К., 1896. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб. IV. 873 с.

Прошкин О. Л., 2009. Отчет об археологических исследованиях на городище «Чёртово Городище» Козельского района Калужской области и на объектах новостроек Калужской области. 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Прошкин О. Л., 2010. Отчет об археологических исследованиях на объектах новостроек Калужской области и на городище «Чёртово Городище» Козельского района Калужской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Прошкин О. Л., 2011. Чёртово Городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга: Золотая аллея. 144 с.

Прошкин О. Л., 2013. Предметы вооружения и конского снаряжения с Чёртова Городища // КСИА. Вып. 228. С. 64–76.

Прошкин О. Л., 2016. Оборонительные сооружения Чёртова Городища: результаты археологического изучения // АП. Вып. 12 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 64–81.

Тизенгаузен В. Г., 1873. Монеты Восточного халифата. СПб.: Тип. Акад. наук. LIV, 374 с. IV табл.

Фролов А. С., 1989. Предварительные итоги работ Калужской экспедиции в 1985–1988 гг. // Материалы Боровских чтений. (Археология, история, краеведение) (1988 г.). Боровск. С. 1–4.

Lavoix H. M., 1891. Catalogue des monnaies musulmanes de la Bibliothèque nationale. Vol. 2. Espagne et Afrique. Paris. XLVII. 571 p. 15 tabl.

Lowick N. M., 1996. Early ʻAbbāsid Coinage. A Type Corpus. 132–218 H / AD 750–833. London: British Museum Press. 521 p. 29 pl.

Сведения об авторах

Гомзин Андрей Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: gomzin_a@mail.ru;

Прошкин Олег Леонидович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: oleg.idioma@gmail.com

A. A. Gomzin, O. L. Proshkin

THE HOARD OF ORIENTAL COINS FROM THE CHYORTOVO GORODISHCHE FORTIFIED SETTLEMENT

Abstract. The article introduces the hoard of the oriental silver coins found on the Chyortovo Gorodishche fortified settlement. The authors examined 45 drachmas and dirhams and investigated their dynastic, geographic and chronological distributions. According to the obtained data, the formation of the hoard may be attributed to the mid 810s. This is one of the few reliable deposits illustrating the beginning of the arrival of the oriental coin silver to the Oka region along the Don trade route. Comparison with the synchronous

published hoards of the region indicates that the researched deposite is an important source for studying the contacts between the population of the Oka river basin with the Khazar Khaganate and the Muslim East.

Keywords: Don trade route, Oka river basin, Chyortovo Gorodishche, hoard of the oriental silver coins, drachm, dirham.

REFERENCES

Frolov A. S., 1989. Predvaritel'nye itogi rabot Kaluzhskoy ekspeditsii v 1985–1988 gg. [Preliminary results of the Kaluga expedition work in 1985–1988]. *Materialy Borovskikh chteniy. (Arkheologiya, istoriya, kraevedenie) (1988 g.) [Materials of Borovsk readings. (Archeology, history, local history) (1988)]*. Borovsk, pp. 1–4.

Gomzin A. A., 2013. Vostochnoe monetnoe serebro IX – nachala XI v. v Srednem i Nizhnem Pooch'e: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Oriental coin silver of IX – early XI c. in the Middle and Lower Oka region: PhD dissertation]. Moscow. 499 p.

Gomzin A. A., 2022. Ranniy klad vostochnykh monet iz okrestnostey Veneva [An early hoard of Oriental coins from the vicinity of Venev]. *Numizmaticheskie chteniya GIM 2022 goda [Numismatic readings, GIM 2022]*. E. V. Zakharov, ed. Moscow: GIM, pp. 52–60.

Markov A. K., 1896. Inventarnyy katalog musul'manskikh monet Imperatorskogo Ermitazha [Inventory catalog of Muslim coins of the Imperial Hermitage]. St. Petersburg. IV, 873 p.

Proshkin O. L., 2009. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na gorodishche «Chertovo Gorodishche» Kozel'skogo rayona Kaluzhskoy oblasti i na ob"ektakh novostroek Kaluzhskoy oblasti. 2008 g. [Report on archaeological research at the «Chertovo Gorodishche» hillfort, Kozelsk district, Kaluga region and at the sites in construction zones of the Kaluga region. 2008]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Proshkin O. L., 2010. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na ob"ektakh novostroek Kaluzhskoy oblasti i na gorodishche «Chertovo Gorodishche» Kozel'skogo rayona Kaluzhskoy oblasti v 2009 g. [Report on archaeological research at the sites construction zones in the Kaluga region and at the «Chertovo Gorodishche» hillfort, Kozelsk district, Kaluga region in 2009]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Proshkin O. L., 2011. Chertovo Gorodishche. Osvoenie slavyanami Verkhnego Pooch'ya [«Chertovo Gorodishche». Slavic settlement of the Upper Oka region]. Kaluga: Zolotaya alleya. 144 p.

Proshkin O. L., 2013. Predmety vooruzheniya i konskogo snaryazheniya s Chertova Gorodishcha [Pieces of weaponry and horse harness from the fortified site Chertovo Gorodishche]. *KSIA*, 228, pp. 64–76.

Proshkin O. L., 2016. Oboronitel'nye sooruzheniya Chertova Gorodishcha: rezul'taty arkheologicheskogo izucheniya [Defensive structures of Chertovo Gorodishche: the results of archaeological study]. *AP*, 12. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 64–81.

Tizengauzen V. G., 1873. Monety Vostochnogo khalifata [Coins of the Oriental Caliphate]. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk. LIV, 374 p., IV tabl.

About the authors

Gomzin Andrey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: gomzin_a@mail.ru;

Proshkin Oleg A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: oleg.idioma@gmail.com

И. Л. Кызласов

ПОРЯДОК СОЗДАНИЯ ЕНИСЕЙСКИХ ЭПИТАФИЙ[1]

Резюме. Енисейские рунические эпитафии IX–XI вв. несли текст горестного плача, исходящего от самого умершего, и его крупно высеченный персональный знак – лично-семейную тамгу, графически отмечавшую наследственную принадлежность к знати. Как и сама стела, оба названных элемента выражали убеждение того времени – душа человека вечна и по окончанию жизни она воплощается в камне. Размещение письменных строк и гербовых знаков свидетельствует о том, что тамга наносилась раньше надписи. Приход письма на издревле анэпиграфические поминальные стелы оказывается последним элементом внешнего проявления местного поминального обряда.

Ключевые слова: Древнехакасское государство, поминальные стелы, енисейские руны, лично-семейные тамги.

Три века назад, в августе 1721 г., благодаря экспедиции Д. Г. Мессершмидта енисейские эпитафии открыли науке древнюю грамотность Южной Сибири. С тех пор эти камнеписные памятники никогда не оставались без внимания ни в отечественной, ни в мировой науке. Именно они послужили источником первых, безуспешных попыток дешифровки загадочной, давно забытой письменности и определения языка и народа – былого ее носителя. Через 168 лет сибиряк Н. М. Ядринцев открыл орхонские эпитафии схожего письма, создав условия для произведенной В. Томсеном и В. В. Радловым в 1893 г. дешифровки азиатской рунической письменности (*Кызласов Л. Р.*, 1962; 1969. С. 7–14; 1983; *Кызласов И. Л.*, 1994а. С. 158–160, 166, 167, 289, библиография; 1994б. С. 7–31; 2005. С. 427–430; 2021а. С. 11–38).

За прошедшие 130 лет енисейские надгробные тексты, которых ныне известно более 90, последовательно и успешно изучались тюркологами – прежде всего языковедами, в меньшей мере историками (*Щербак*, 1970; 2001. С. 15–18; *Кормушин*, 1997; 2008). Датировка, этнокультурная принадлежность эпитафий

[1] Работа выполнена в рамках государственного задания № НИОКТР 122011200266-3.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.273-283

и религиозная природа камнеписного поминального обряда были установлены археологами (*Кызласов Л. Р.*, 1960; 1965; *Кызласов И. Л.*, 2013).

Сомнения в неграмотности енисейских текстов, возникшие у лингвистов при сравнении с пространными орхонскими надписями, отпали по выявлению самобытных черт енисейского алфавита (*Кызласов И. Л.*, 1994а. С. 89, 93, 115–124). Однако палеографические особенности не объясняли грубости, необработанности самих вертикально установленных камней, использованных для южносибирских эпитафий, также влиявшей на их негативное восприятие учеными. Ответ на эту историко-культурную загадку отыскался при археологическом взгляде на памятные стелы.

Сплошное обследование показало, что ни один камень в Средневековье не был специально добыт в каменоломнях и не был обработан для создания енисейской надгробной надписи. Эпитафийные тексты были нанесены только на каменные изваяния энеолита, ранней и поздней бронзы да на менгиры раннего железного века – на те монументы, которые стояли в степях Енисея с седой древности, отдаленной от эпохи рунического письма на несколько тысячелетий. Такая картина могла объясняться лишь мировоззренческими установками писавших. Намеренно нанося поминальные надписи лишь на древние камни, каменотесы-писари не позволяли себе изменить их форму и поверхность. Поскольку сами создатели называли эпитафийные стелы 𐰋𐰭𐰜 / 𐰋𐰭𐰏𐰜 / 𐰋𐰭𐰤𐰜 b(e)ŋkü / b(e)ŋgü / b(e)ŋü, т. е. вечными, можно думать, что носители рунического письма связывали появление этих камней с первотворением мироздания (*Кызласов И. Л.*, 2014. С. 39–41. Рис. 2–5; 2017. С. 13, 71, 72, 74, 79, 151; 2021а. С. 16, 75, 76, 78, 83, 153; 2022а).

Другой отличительной особенностью енисейских надмогильных надписей IX–XI вв. являются две их эпиграфические составляющие: текст в форме горестного плача, исходящего от самого умершего, и его крупно высеченный у основания камня персональный знак – лично-семейная тамга, графически отмечающая наследственную принадлежность по мужской линии. Если погребальный обряд и курганный инвентарь позволили определить общие культурно-хронологические рамки эпитафийной традиции, то аристократические гербы, изменявшиеся по поколениям, позволили датировать каждый снабженный ими памятник (*Кызласов Л. Р.*, 1960; 1965; *Кызласов И. Л.*, 2021б; 2022б; 2022в).

Для понимания сути и формы поминального обряда значимым оказалось не только содержание эпитафийных надписей, всегда подчиненное определенному построению, но и обязательное обозначение на камне личных тамговых знаков умерших. Ныне пришла пора обратить специальное внимание на порядок нанесения на стелы двух этих обязательных для указанного времени эпиграфических компонентов.

Согласно композиционным закономерностям поминальных стел восточнотюркских народов раннего Средневековья надпись шла от тамги. В отличие от орхонской в енисейской традиции личный гербовый знак обязательно изображался не наверху, а внизу поминальной стелы и строки текста писались не сверху вниз, а от основания вкопанного камня к вершине (*Кызласов И. Л.*, 1994а. С. 224–228. Рис. 36; 2021а. С. 70, 71, 75, 77). Порядок нанесения тамг на тюркские и уйгурские памятники Орхона определить не удается – они

отделены от текстов деталями оформления. Размещение же древнехакасских письменных строк и гербовых знаков Енисея свидетельствует о том, что тамга наносилась раньше надписи. В ряде случаев вполне очевидна зависимость расположения начальной части надписи от формы знака, уже имевшегося внизу памятника.

Так, буквы то проникают во внутреннее поле тамги (Тува: Барык I (Е 5), Барык II (Е 6), Чаа-Холь VIII (Е 20), Бай-Булун I (Е 42), Хербис-Баары (Е 59), Эль-Бажи (Е 68/2); рис. 1; 2), то перекрывают части герба (Тува: Барык III (Е 7); Хакасия: Означенное II (Е 104); рис. 1; 3), то обходят знак стороной (Хакасия: Оя (Е 27); Тува: Кызыл-Чираа I (Е 43), Кызыл-Чираа II (Е 44), Телэ (Е 46); рис. 4). Особенно показательны стелы, на которых встречается по нескольку подобных признаков (Означенная II, Е 104) (рис. 3) (*Малов*, 1959. С. 4, 68. Рис. 19, 20; *Кызласов Л. Р.*, 1969. Рис. 47: *1*, 48; *Васильев*, 1983. С. 59, 60, 62, 64, 68, 69, 71, 77, 87, 101, 107, 109, 112; *Кызласов И. Л.*, 1994а. Рис. 12; 1998. Рис. 6).

Эти примеры позволяют увидеть цельную картину. Становится понятным, что тамга высекалась ранее надписи во всех случаях. Просто на большинстве стел признаки этого не столь очевидны.

Указывая на первичность и самостоятельную обрядовую значимость тамги, наблюдения объясняют и редкие случаи перекрывания ее эпитафийным текстом. Таковы две стелы – Е 53 (Тува, Элегест III) и Е 47 (Монголия, Суджа). На первой поверх отдельно выбитого близ вершины лично-фамильного знака проходит длинная вертикальная строка (*Малов*, 1959. Рис. 21; *Васильев*, 1983. С. 91). На второй крупно начертанная у основания тамга была целиком покрыта текстом, что сделало ее незаметной для многочисленных исследователей, поначалу не знавших, а потом не учитывавших закономерности енисейской эпитафийной традиции (*Кляшторный*, 2007; *Кормушин*, 2008. С. 74. Рис. 5). Эту тамгу на изданной фотографии открывшего памятник Г. Й. Рамстедта (*Ramstedt*, 1913. Вклейка) заметил лишь Л. Р. Кызласов (рис. 5). В личном рабочем экземпляре ранее вышедшей статьи (1965. Рис. 1) он дополнил ее изображением одного из выстроенных им наследственных родословных древ аристократических семей IX–X вв.

Первоначальность нанесения на стелу и самоценность тамгового знака объясняет и случаи его размещения отдельно от надписи. Так, на другой, противоположной грани поминального камня личные гербовые знаки высечены на памятниках Уюк–Тарлык (Е 1) (*Васильев*, 1983. С. 59, 82; *Кызласов И. Л.*, 1998. Рис. 5), Суглуг-Адыр-Аксы (Е 61) (*Арагачи*, 1963. С. 252) в Туве и Очуры (Е 26) в Хакасии (*Кызласов И. Л.*, 2021б. С. 257. Рис. 4).

Важно, что все перечисленные тамги принадлежали к разным аристократическим фамильным группам, в IX–X вв. владевшим как долинами Среднего, так и Верхнего Енисея (*Кызласов Л. Р.*, 1965. Рис. 1–3; 5; *Кызласов И. Л.*, 2019. Рис. 22). Тем самым отмеченные особенности в нанесении гербовых знаков не вызваны отдельными случайными обстоятельствами, а характеризуют положение общее для господствующей древнехакасской культуры того времени.

В последовательности нанесения на стелу эпиграфических составляющих предстает канон создания енисейских эпитафий: не лично-семейные гербовые знаки сопровождают поминальные надписи, а, напротив, это надписи сопровождают тамги умерших витязей. Чем была вызвана эта последовательность

Рис. 1. Нижняя часть стелы Барык III (E 7). Тува. Фото автора

Рис. 2. Стела Эль-Бажи (Е 68/2). Прорисовка автора

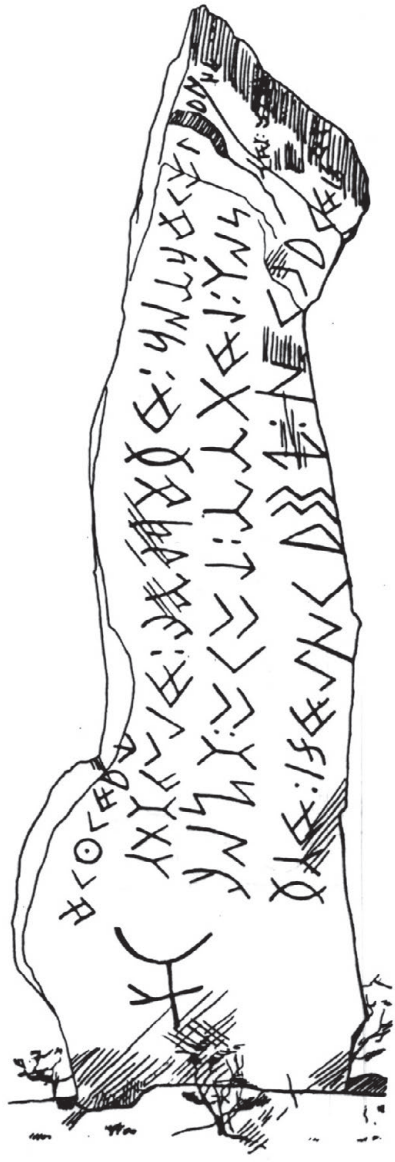


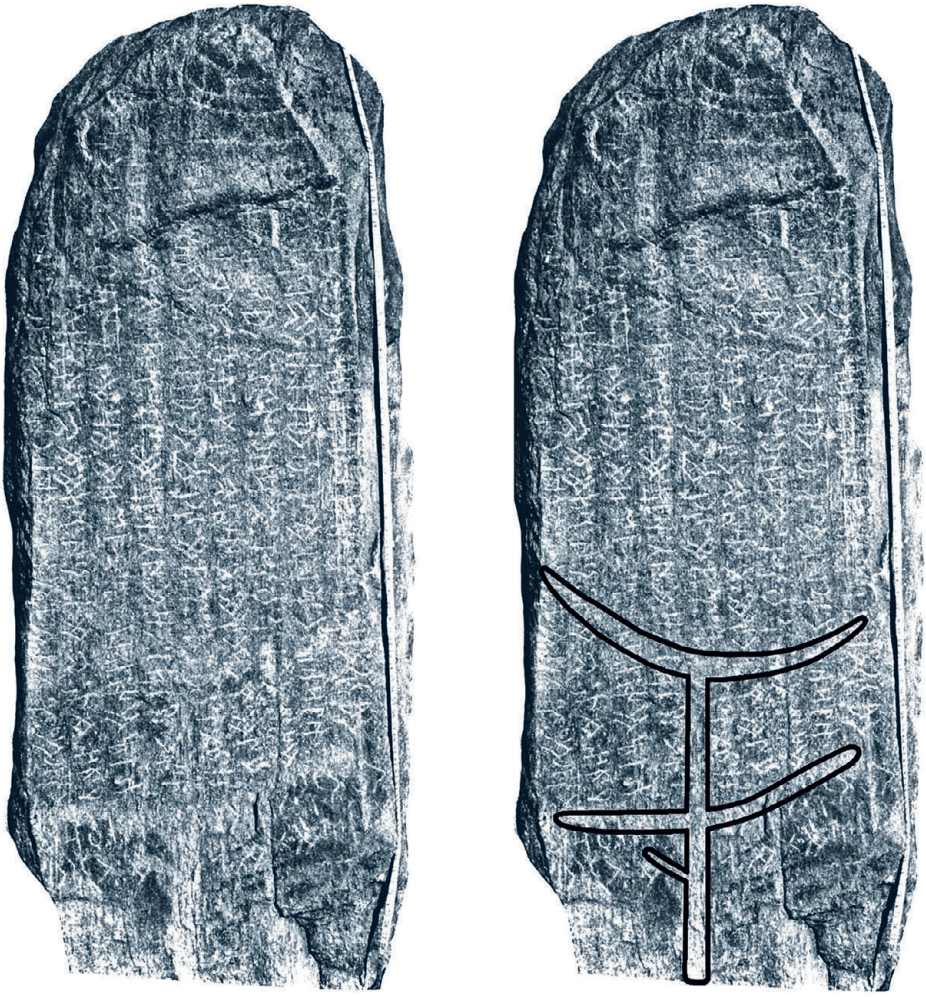
Рис. 3. Стела Кызыл-Чираа I (Е 43). Прорисовка Л. Р. Кызласова

Рис. 4. Стела Означенное II (Е 104). Прорисовка автора

рабочих процедур, строго соблюдаемая при создании эпитафий? Поскольку надгробные надписи относятся к культовым памятникам, встает вопрос о мировоззренческих причинах, сформировавших это непреложное правило.

Анализ внешних признаков эпитафийных стел енисейской традиции выявляет следующий порядок их создания:

– перенос из степи издревле стоявшей там вертикальной стелы (изваяния или менгира) и ее установка близ восточной или юго-восточной стороны каменного кургана, имитировавшего личное жилище и содержавшего погребение по обряду трупосожжения на стороне; на раннем этапе (во второй половине VIII – первой четверти IX в.) эпитафия устанавливалась при сооружении самого кургана среди других обычно многочисленных менгиров, окружавших захоронение типа чаатас по периметру (см.: Е40, Ташебинский чаатас, курган 1) (*Heikel*, 1912. Abb. 2); позднее с восточной или юго-восточной стороны ставилась только одна памятная стела (*Кызласов Л. Р.*, 1960. С. 101. Рис. 1; 4; 5; 1969. Рис. 42);



1 *2*

Рис. 5. Стела из Суджи (Е 47)
1 – фото Г. Й. Рамстедта; *2* – прорисовка тамги (по Л. Р. Кызласову)

– вырезание (иногда высекание) у основания камня крупной личной тамги погребенного, входившей в единую фамильную начертательную традицию; каждая тамга наследственно сохраняла ее, лишь дополняясь одной персональной чертою (отпятнышем); тамга издали указывала, кому поставлен памятник, т. е. чья это могила;

– вырезание (иногда высекание) направленных от тамги к вершине камня строк поминальной надписи, обычно начинающейся с указания личного имени

и воспроизводящей горестный плач самого умершего об утраченной им жизни – стенания души усопшего, воплотившейся в вечном камне; надпись конкретизировала принадлежность кургана, указывая имя, социальное положение (титул) и главные жизненные достижения покойного.

Во всех этих трех строго выдерживаемых последовательных действиях, запечатленных поминальным памятником, явлено одно глубокое убеждение его создателей – душа человека вечна, и по окончанию земной жизни она воплощается в камне. Приход письма на поминальные стелы оказывается последним элементом внешнего проявления этой скрытой от нас изначальной и главной мысли людей той эпохи.

Археологам хорошо известны анэпиграфические поминальные менгиры таштыкской культуры, послужившей основой всей последующей преемственной цепочки местных средневековых культур VI–XVII вв. Отсутствие письменных подтверждений для того изначального времени, близкого к рубежу н. э., возмещается достоверной, многократно показанной раскопками связью каждой такой таштыкской плиты с закопанными перед нею с востока приношениями поминальной тризны – жидкости в сосуде и кусков мясной пищи, надо думать, поставленной на деревянном блюде. На таштыкских могильниках такие персональные стелы устанавливали друг возле друга, со временем образуя ряды, протянувшиеся с юга на север перед входом в коллективные погребальные склепы (*Кызласов И. Л.*, 1975; 2022а. С. 224. Рис. 1; 2; *Грязнов*, 1979. С. 128–142). Каменного памятника удостаивался не каждый умерший – паре сотен людей, погребенных в склепе, обычно сопутствовало около полутора десятков вертикальных стел.

Древнехакасская енисейская традиция установки эпитафийных памятников прямо восходит к таштыкскому поминальному обряду и сохраняет породившее его мировоззрение (*Кызласов И. Л.*, 2013. С. 84–87; 2022а. С. 224, 225). Обычай по-прежнему принадлежит лишь верхушке общества, высоко ставившей личную наследственную принадлежность к правящей знати, удостоверяемую обладанием лично-семейными гербовыми знаками. С утверждением манихейской религии в аристократический поминальный обряд пришла письменность.

ЛИТЕРАТУРА

Арагачи З. Б., 1963. Новые эпиграфические находки в Туве // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. X / Отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл. С. 247–256.

Васильев Д. Д., 1983. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука. 127 с.

Грязнов М. П., 1979. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / Ред. М. П. Грязнов. Новосибирск: Наука. С. 89–146.

Кляшторный С. Г., 2007. Суджинская надпись: этапы интерпретации // Basileus: сб. ст., посвящ. 60-летию Д. Д. Васильева / Отв. ред. И. В. Зайцев. М.: Восточная литература. С. 193–197.

Кормушин И. В., 1997. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука. 303 с.

Кормушин И. В., 2008. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М.: Наука. 342 с.

Кызласов И. Л., 1975. Поминальные памятники таштыкской эпохи // СА. № 2. С. 30–47.

Кызласов И. Л., 1994а. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература. 327 с.

Кызласов И. Л., 1994б. Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. Рассказы археолога. М.: Восточная литература. 100 с.

Кызласов И. Л., 1998. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. № 2. С. 68–84.
Кызласов И. Л., 2005. Особенности тюркской рунологии // Центральная Азия. Источники, история, культура / Отв. ред. Е. В. Антонова, Т. К. Мкртычев. М.: Восточная литература. С. 427–449.
Кызласов И. Л., 2013. Религиозная природа енисейской письменности. I // Российская тюркология. № 2. С. 79–90.
Кызласов И. Л., 2014. Сотворение мира глазами пратюрков (рунологические и археологические приметы) // Проблемы востоковедения. № 2. С. 35–41.
Кызласов И. Л., 2017. Енисейская письменность Древнехакасского государства. Рассказы археолога. М.; Абакан: Хакасское кн. изд-во. 156 с.
Кызласов И. Л., 2019. Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской медиевистики // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова / Отв. ред.: С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. Казань; Кишинев: Stratum Plus. С. 157–177.
Кызласов И. Л., 2021а. Рунические письмена Сибири. Рассказы археолога. М.; Абакан: Хакасское книжное изд-во. 160 с.
Кызласов И. Л., 2021б. Корни башкирской геральдики: аристократические тамги тюркских государств раннего средневековья // Башкиры в контексте междисциплинарных исследований тюркских народов Евразии: Мат-лы науч. сессии по этнической истории и антропологии башкир / Отв. ред. Ю. М. Юсупов. Уфа: Самрау. С. 254–267.
Кызласов И. Л., 2022а. Окаменевшие витязи и миф творения // Степные миры в зеркале археологии: сб. ст., посвящ. 70-летию ученого-археолога М. К. Хабдулиной / Отв. ред. Б. М. Хасенова. Нур-Султан: ARD-Print. С. 223–235.
Кызласов И. Л., 2022б. Почитание военной аристократии в раннем средневековье: свидетельства последующего посещения тюркских мемориалов // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V Международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5 т. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана. Т. 3. С. 15–27.
Кызласов И. Л., 2022в. Отличие тамговедения от геральдики // КСИА. Вып. 269. С. 390–400.
Кызласов Л. Р., 1960. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. № 3. С. 93–120.
Кызласов Л. Р., 1962. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник / Ред.: Д. А. Авдусин, В. Л. Янин. М.: Изд-во Московского ун-та. С. 43–52.
Кызласов Л. Р., 1965. О датировке памятников енисейской письменности // СА. № 3. С. 38–49.
Кызласов Л. Р., 1969. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Московского ун-та. 212 с.
Кызласов Л. Р., 1983. В Сибирию неведомую за письменами таинственными // Путешествия в древность / Ред. В. Л. Янин. М.: Изд-во Московского ун-та. С. 16–49.
Малов С. Е., 1959. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 111 с.
Щербак А. М., 1970. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // Тюркологический сборник / Отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Восточная литература. С. 111–134.
Щербак А. М., 2001. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрок, границы ее распространения и особенности использования. СПб.: Наука. 148 с.

Heikel A. O., 1912. Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tashebá // Zeitschrift der Finnischen Abtertumsgesellschaft. XXVI. S. 59–70.
Ramstedt G. J., 1913. Zwei uigurische runeninschriften in der Nord-Mongolei // Journal de la Société Finno-Ougrienne. T. XXX. Fasc. 3. S. 1–70 (Supplement.)

Сведения об авторе

Кызласов Игорь Леонидович, Институт археологи РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kyzlasovil@mail.ru

I. L. Kyzlasov

THE PROCEDURE OF CREATING YENISEI EPITAPHS

Abstract. The Yenisei runic epitaphs of the 9th–11th centuries contain the text of a sad lamentation made by the deceased person himself, and his large carved personal symbol, i. e. a personal and family tamga, graphically marking that the individual belonged to the ruling elite by right of birth. Like the stele itself, the both of these elements expressed the belief widely spread at that time according to which the soul of man is eternal and when the person dies is embodied in stone. The placement of written lines and stamp marks indicates that the tamga was carved in the stone before the inscription. The appearance of writing on the funerary stele that were anepigraphic since ancient times turns out to be the last element of the external manifestation of the local memorial rite.

Keywords: Old Hakas state, memorial steles, Yenisei runes, personal and family tamgas.

REFERENCES

Aragachi Z. B., 1963. Novye epigraficheskie nakhodki v Tuve [New epigraphic finds in Tuva]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo NIIYaLI [Scientific notes of the Tuvan NIIYaLI]*, X. N. A. Serdobov, ed. Kyzyl, pp. 247–256.

Gryaznov M. P., 1979. Tashtykskaya kul'tura [Tashtyk culture]. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee [Complex of archaeological sites near Tepsei Mountain on the Yenisei]*. M. P. Gryaznov, ed. [Novosibirsk: Nauka, pp. 89–146.

Klyashtornyy S. G., 2007. Sudzhinskaya nadpis': etapy interpretatsii [Sudzhinskaya inscription: stages of interpretation]. *Basileus*. I. V. Zaytsev, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 193–197.

Kormushin I. V., 1997. Tyurkskie eniseyskie epitafii. Teksty i issledovaniya [Turkic Yenisei epitaphs. Texts and research]. Moscow: Nauka. 303 p.

Kormushin I. V., 2008. Tyurkskie eniseyskie epitafii. Grammatika, tekstologiya [Turkic Yenisei epitaphs. Grammar, textology]. Moscow: Nauka. 342 p.

Kyzlasov I. L., 1975. Pominal'nye pamyatniki tashtykskoy epokhi [Memorial monuments of the Tashtyk epoch]. *SA*, 2, pp. 30–47.

Kyzlasov I. L., 1994a. Runicheskie pis'mennosti evraziyskikh stepey [Runic scripts of Eurasian steppes]. Moscow: Vostochnaya literatura. 327 p.

Kyzlasov I. L., 1994b. Drevnyaya pis'mennost' sayano-altayskikh tyurkov. Rasskazy arkheologa [Ancient script of the Sayan-Altai Turks. The archaeologist's stories]. Moscow: Vostochnaya literatura. 100 p.

Kyzlasov I. L., 1998. Materialy k ranney istorii tyurkov, III. Drevneyshie svidetel'stva o pis'mennosti [Materials on early history of Turkic people. III. The earliest evidence of written records]. *RA*, 2, pp. 68–84.

Kyzlasov I. L., 2005. Osobennosti tyurkskoy runologii [Features of Turkic runology]. *Tsentral'naya Aziya. Istochniki, istoriya, kul'tura [Central Asia. Sources. history, culture]*. E. V. Antonova, T. K. Mkrtychev, eds. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 427–449.

Kyzlasov I. L., 2013. Religioznaya priroda eniseyskoy pis'mennosti [The religious nature of the Yenisei script]. I. *Rossiyskaya tyurkologiya [Russian turkology]*, 2, pp. 79–90.

Kyzlasov I. L., 2014. Sotvorenie mira glazami pratyurkov (runologicheskie i arkheologicheskie primety) [Creation of the world through the eyes of the pra-Turks (runological and archaeological signs)]. *Problemy vostokovedeniya [Issues of Oriental studies]*, 2, pp. 35–41.

Kyzlasov I. L., 2017. Eniseyskaya pis'mennost' Drevnekhakasskogo gosudarstva. Rasskazy arkheologa [Yenisei script of the Ancient Khakass state. The archaeologist's stories]. Moscow; Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 156 p.

Kyzlasov I. L., 2019. Arkheologicheskie priznaki gosudarstvennogo mezhevaniya. Metodicheskoe znachenie yuzhnosibirskoy medievistiki [Archaeological indications of state surveying. Methodological significance of South Siberian Medieval studies]. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda*

[Genoese Gazaria and the Golden Horde], 2. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov, eds. Kazan; Kishinev: *SP*, pp. 157–177.

Kyzlasov I. L., 2021a. Runicheskie pis'mena Sibiri. Rasskazy arkheologa [Runic writings of Siberia. The archaeologist's stories]. Moscow; Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 160 p.

Kyzlasov I. L., 2021b. Korni bashkirskoy geral'diki: aristokraticheskie tamgi tyurkskikh gosudarstv rannego srednevekov'ya [Roots of Bashkir heraldry: aristocratic tamgas of the early medieal Turkic states]. *Bashkiry v kontekste mezhdistsiplinarnykh issledovaniy tyurkskikh narodov Evrazii [Bashkirs in context of interdisciplinary studies of the Turkic Peoples of Eurasia]*. Yu. M. Yusupov, eds. Ufa: Samrau, pp. 254–267.

Kyzlasov I. L., 2022a. Okamenevshie vityazi i mif tvoreniya [Petrified knights and the myth of creation]. *Stepnye miry v zerkale arkheologii [Steppe worlds in mirror of archeology]*. B. M. Khasenova, ed. Nur-Sultan: ARD-Print, pp. 223–235.

Kyzlasov I. L., 2022b. Pochitanie voennoy aristokratii v rannem srednevekovye: svidetel'stva posleduyushchego poseshcheniya tyurkskikh memorialov [Veneration of military aristocracy in the Early Middle Ages: evidence of subsequent visits to Turkic memorials]. *Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kulturnaya sreda. Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii Evraziyskikh stepey (g. Turkestan, 11–14 oktyabrya 2022 g). V 5 t. [Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. Materials of V International congress of archaeology of Eurasian steppes (Turkestan, October 11–14, 2022). 5 vols.]*. Almaty; Turkestan: Margulan Institute of Archaeology. Vol. 3, pp. 15–27.

Kyzlasov I. L., 2022c. Otlichie tamgovedeniya ot geral'diki [Differences between tamga-sign studies and heraldry]. *KSIA*, 269, pp. 390–400.

Kyzlasov L. R., 1960. Novaya datirovka pamyatnikov eniseyskoy pis'mennosti [New dating of monuments of Yenisei script]. *SA*, 3, pp. 93–120.

Kyzlasov L. R., 1962. Nachalo sibirskoy arkheologii [The beginning of Siberian archaeology]. *Istoriko-arkheologicheskiy sbornik [Historical and archaeological collection]*. D. A. Avdusin, V. L. Yanin, eds. Moscow: MGU, pp. 43–52.

Kyzlasov L. R., 1965. O datirovke pamyatnikov eniseyskoy pis'mennosti [On dating of monuments of Yenisei script]. *SA*, 3, pp. 38–49.

Kyzlasov L. R., 1969. Istoriya Tuvy v srednie veka [History of Tuva in Middle Ages]. Moscow: MGU. 212 p.

Kyzlasov L. R., 1983. V Sibiriyu nevedomuyu za pis'menami tainstvennymi [To Siberia unknown in search of mysterious writings]. *Puteshestviya v drevnost' [Travels to antiquity]*. V. L. Yanin, ed. Moscow: MGU, pp. 16–49.

Malov S. E., 1959. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti Mongolii i Kirgizii [Monuments of ancient Turkic script of Mongolia and Kirgizia]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 111 p.

Shcherbak A. M., 1970. Eniseyskie runicheskie nadpisi. K istorii otkrytiya i izucheniya [Yenisei runic inscriptions. To the history of discovery and study]. *Tyurkologicheskiy sbornik [Turkological collection]*. A. N. Kononov, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 111–134.

Shcherbak A. M., 2001. Tyurkskaya runika. Proiskhozhdenie drevneyshey pis'mennosti tyurok, granitsy ee rasprostraneniya i osobennosti ispol'zovaniya [Turkic runica. The origin of ancient written language of the Turks, boundaries of its distribution and features of use]. St. Petersburg: Nauka. 148 p.

Vasil'ev D. D., 1983. Korpus tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov basseyna Eniseya [Corpus of Turkic runic monuments of Yenisei basin]. Leningrad: Nauka. 127 p.

About the author

Kyzlasov Igor L., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kyzlasovil@mail.ru

К. А. Ганичев, И. Н. Ершов, Н. А. Кренке, В. А. Раева

СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТНАЯ СТЕНА (1596–1602) В СВЕТЕ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ 2019 г.[1]

Резюме. Статья посвящена изложению результатов археологических наблюдений за 93 шурфами реставраторов по периметру смоленской крепостной стены 1596–1602 гг. Определены параметры валунных кладок, которые существенно варьировали по глубине (от 0,8 до 6,1 м) и ширине (от 6,2 до 9 м) в зависимости от подстилающих грунтов, выявлены и «авторские различия» в кладках. В ходе работ уточнены некоторые важные особенности исторической топографии Смоленска. Так, установлено, что поселенческая территория в древнерусское время выходила за пределы крепостной стены на юго-восток, а в XIV–XVI вв. территория города уменьшилась. Восточный участок стены был возведен на месте городского некрополя, маркировавшего окраину Смоленска того времени.

Ключевые слова: Смоленск, крепостная стена, Федор Конь, валунная кладка, фундамент, древнерусская керамика.

В 2019 г. при подготовке проекта реставрации смоленской крепостной стены были проведены археологические наблюдения за откопкой 93 шурфов реставраторов. Шурфы располагались по всему периметру существующих участков стены с внешней и внутренней стороны, а также внутри башен. Результаты этих обследований, существенно дополняющих единичные наблюдения прошлых лет, представлены в настоящей статье.

Первый осмотр смоленской стены археологом был произведен в 1876 г. Граф А. С. Уваров вместе с архитектором-реставратором Н. А. Артлебеном осматривали стену с целью подготовки проекта ее реставрации (*Покрышкин*, 1904. С. 8). Земляных работ при этом не проводилось.

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье». Руководитель: В. Ю. Коваль (№ НИОКТР 122011200266-3).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.284-296

Первое «вскрытие» основания стены было произведено в 1900 г. при строительстве электрической подстанции трамвая. Котлован охватил прясло между башнями Волковой и Лазаревской, взорванной в 1812 г. Наблюдения за земляными работами вели М. Н. Неклюдов и С. П. Писарев, очень оперативно затем подготовив научную публикацию (*Неклюдов, Писарев*, 1901), сведения из которой вошли в другие издания (*Орловский*, 1902; *Покрышкин*, 1904). В этой публикации достаточно подробно описана конструкция фундамента и цоколя стены. Фундамент, согласно описанию, сложен из камней «огромной величины», в забутовке цоколя, облицованного известняковыми блоками, также использованы валуны размером иногда более 70 см (*Неклюдов, Писарев*, 1901. С. 11). Авторы отмечают, что под фундаментом на глубине около 4 м (очевидно, именно такова была глубина заложения фундамента) встречены различные деревянные сооружения, связанные (водоспуски) и не связанные (мостовая) со стеной. Вопрос о сваях описан противоречиво. Авторы наблюдений 1900 г. исходили из своего предположения, что годуновская стена опиралась на конструкции более ранней стены литовского времени. Поэтому в описании имеется противоречие. С одной стороны, утверждается, что у годуновской стены сваи не были замечены, с другой стороны, описывается, что сваи под фундаментом были и на их удаление домкратами («каторжный труд») уходило по 3 часа на каждую (Там же. С. 13). Скорее всего, сваи относились все же к стене Федора Коня.

Снос нескольких прясел в 1930-е гг. прошел без археологических наблюдений, которые могли бы быть научно документированы. Хотя нужно отметить, что в это время И. М. Хозеров занимался изучением смоленской стены, и в 1939 г. вышла его статья с описанием ее архитектурных особенностей, в том числе фундамента (*Хозеров*, 1939). По Хозерову, фундамент имел глубину заложения 4 м, а ширину 6 м. Сваи набивались на участках с влажным грунтом, а в прочих же местах «закладка фундамента была произведена непосредственно на глинистом грунте» (Там же. С. 241).

Лишь спустя почти 100 лет после первых раскопок произошли новые научные раскопки стены. В 1998 г. участок фундаментов разрушенного в XVIII–XIX вв. прясла стены к востоку от Пятницкой башни был изучен Р. А. Нигматуллиным (держатель открытого листа) и сотрудником Смоленского музея-заповедника В. В. Гараничевым. Результаты этих работ частично опубликованы на интернет-ресурсе (*Гараничев*, 2007), две фотографии воспроизведены в монографии Ф. Э. Модестова (*Модестов*, 2003. Илл. 25; 26). В ходе этих работ было зафиксировано свайное поле под фундаментом стены. Авторы отчета отмечают, что сваи забиты хаотично на расстоянии 0,2–0,6 м друг от друга (*Нигматуллин*, 1998. С. 60). Размеры целых свай составили: от 155 до 238 см в длину, 15–21 см в диаметре. Сваи имели трехгранную заточку и были сделаны из молодых дубов. Особенностью конструкции фундамента являлось то, что наиболее крупные камни помещались в основании фундамента над комлями свай.

В 2010 г. тверской археолог А. М. Салимов провел шурфовку у башен Волковой, Костеревской на набережной, башни Ворониной и прясла № 25 у Копытенской башни. Эти шурфы исследовались в рамках начатых реставрационных

работ и дали наиболее ценные сведения о современном состоянии фундаментов прясел и башен крепости (*Салимов*, 2010; *Салимов и др.*, 2011). В результате работ выяснилось: «фундаменты конструкции Костыревской башни были, по всей видимости, полностью переложены в XIX в. При этом фундаменты башни, составляющие единое целое с фрагментом стены-новодела, имеют глубину заложения около 440 см и находятся в хорошем состоянии, в отличие от фундаментов Волковой башни. Фундаментные конструкции этой башни могли быть также обновлены, но для подтверждения или опровержения данного вывода требуются дополнительные исследования. Фундаменты Ворониной башни и прясла стены № 25 имеют глубину заложения около 220 см, при этом у Ворониной башни сохранились сваи, в то время как на прясле № 25 сваи полностью выгнили. Конструкция фундаментов прясла и башни одинакова – это кладка из валунов на красной плотной глине, с выносом фундамента примерно на 70–80 см… Кроме того, выяснилось, что у Волковой и Костыревской башен сохранились непотревоженные слои XII–XVII вв.» (*Салимов*, 2010. С. 4). По материалам этих полевых работ была подготовлена публикация (*Салимов и др.*, 2011).

В 2012–2013 гг. участок фундамента крепостной стены был зачищен при раскопках между домами 1 и 3 на ул. Б. Краснофлотская (*Воронин*, 2012). В ходе этих раскопок был раскрыт фасад кладки фундамента с внешней стороны стены (сооружение № 10 – по тексту отчета) на протяжении 10 м (Там же). Этот фундамент относился к пряслу стены между Никольской и Пятницкой башнями (сама стена была разобрана в 1930-х гг.). Валуны фундамента были скреплены глиной. Под валунами находился слой мелких камней и серой супеси (Там же. С. 99). По данным авторов отчета, фундамент был впущен в материк на глубину 30–50 см (Там же. С. 110). В кв. 51 и 54 были видны столбы свайного поля под фундаментом стены. В январе 2021 г. законсервированный на время котлован между улицами Б. Краснофлотская и Бакунина стал опять разрабатываться. В его южном борту обнажились ряды прогнивших свай (рис. 1). Эти фото показывают, что свайное поле было шире собственно фундамента стены, камни над сваями отсутствуют. Масштаб на рис. 1 приблизительный, определен по следам от зубьев ковша экскаватора. На фотографии видно, что систему забивки свай нельзя назвать хаотичной. Расстояния между сваями выдерживалось примерно в половину аршина (35 см), но некоторые сваи забивались вплотную друг к другу (сдвоенные).

Наблюдения, проведенные в 2019 г., позволили выяснить следующие параметры фундаментов стены: 1) глубина заложения; 2) вынос фундамента за пределы плоскости стены; 3) структура фундамента. Нужно сразу отметить, что все три параметра сильно варьировали, чувствовалась работа разных бригад мастеров. Нумерация шурфов велась по часовой стрелке (с некоторыми исключениями), начиная от Днепровских ворот (рис. 2).

О глубине заложения валунных фундаментов можно судить по материалам 53 шурфов, достигших основания кладки (табл. 1). Этот параметр варьировал в пределах 0,8–6,1 м.

Таблица 1. Глубина заложения валунных фундаментов Смоленской стены

Шурф, №	Глубина фундамента (м)	Шурф	Глубина фундамента (м)	Шурф, №	Глубина фундамента (м)
6	**6,1**	38	**2,0**	63	**2,0**
13	**3,0**	40	**1,4**	67	**2,8**
15	**1,0**	41	**1,4**	69	**1,0**
16	**2,4**	42	**2,2**	70	**2,2**
17	**2,7**	45	**2,0**	71	**2,4**
18	**2,4**	46	**1,35**	72	**1,8**
20	**2,35**	47	**1,2**	74	**2,1**
21	**2,3**	48	**1.15**	76	**1,8**
23	**2,7**	51	**1,7**	78	**1,7**
24	**2,1**	52	**1,4**	79	**1,5**
26	**1,3**	53	**1,6**	80/81	**1,7**
27	**0,8**	54	**1,9**	83	**2,1**
28	**1,1**	56	**1,85**	91	**2,8**
29	**1,5**	57	**3,3**	93	**3,2**
31	**1,2**	59	**2,1**	97/99	**2,7**
32	**1,8**	60	**2,7**	102	**2,2**
33	**3,0**	61	**1,6**	103	**1,7**
34	**2,0**	62	**1,6**		

Наиболее глубокие фундаменты были у прясел стены, построенных на первой террасе Днепра. Выше по восточному склону мощность фундаментов резко падает (прясло 6) до 1,0 м. На верху мыса у башни Веселуха мощности фундаментов возрастают до 2,1–2,7 м, но затем на протяжении прясла 7 опять резко уменьшаются до 1,2–1,3 м. Далее на юг – к башне Поздняковой – глубина фундаментов существенно увеличивается, так как стена пересекала верховья овражка. Глубина фундаментов здесь достигала 3,0 м. Южнее башни Позднякова фундаменты опять существенно уменьшаются до 1,4–1,6 м. Очень незначительны фундаменты в районе башни Орел – около 1,5 м. Южнее башни Орел на прясле 9 мощность фундамента резко возрастает до 3,3 м (шурф № 57), а далее при приближении к Авраамиевской башне опять падает до 1,6 м. На участке от башни Воронина до башни Зимбулка глубина фундаментов выдержана в пределах около 2 м и чуть менее: в частности, до 1,5 м на прясле 13 у башни Зимбулка. На южном участке стены у башни Донец фундамент имеет мощность около 2 м. Существенно глубина фундаментов возрастает у башни Копытенской – до 3,3 м, а затем опять падает на прясле 26 до 1,7 м (шурф № 103). Такие «волнообразные» изменения мощности фундаментов

Рис. 1. Сваи смоленской крепостной стены в южном борте строительного котлована между ул. Б. Краснофлотская и ул. Бакунина. Фото М. И. Пронина, 20.01.2021

свидетельствуют о том, что строители учитывали особенности микрорельефа и несущих возможностей грунтов. Максимально глубокие фундаменты стены вдоль Днепра были обусловлены тем, что там стремились опереть сваи на устойчивый грунт, пройдя мощные наслоения культурного слоя, состоявшего преимущественно из смеси навоза со щепой. Наименьшая мощность фундаментов на восточном участке, где стена возводилась на водно-ледниковых отложениях, состоявших из песка с камнями. Культурный слой здесь был минимален, строители лишь проходили слой могильных перекопов и забивали сваи на глубине около 1 м от поверхности.

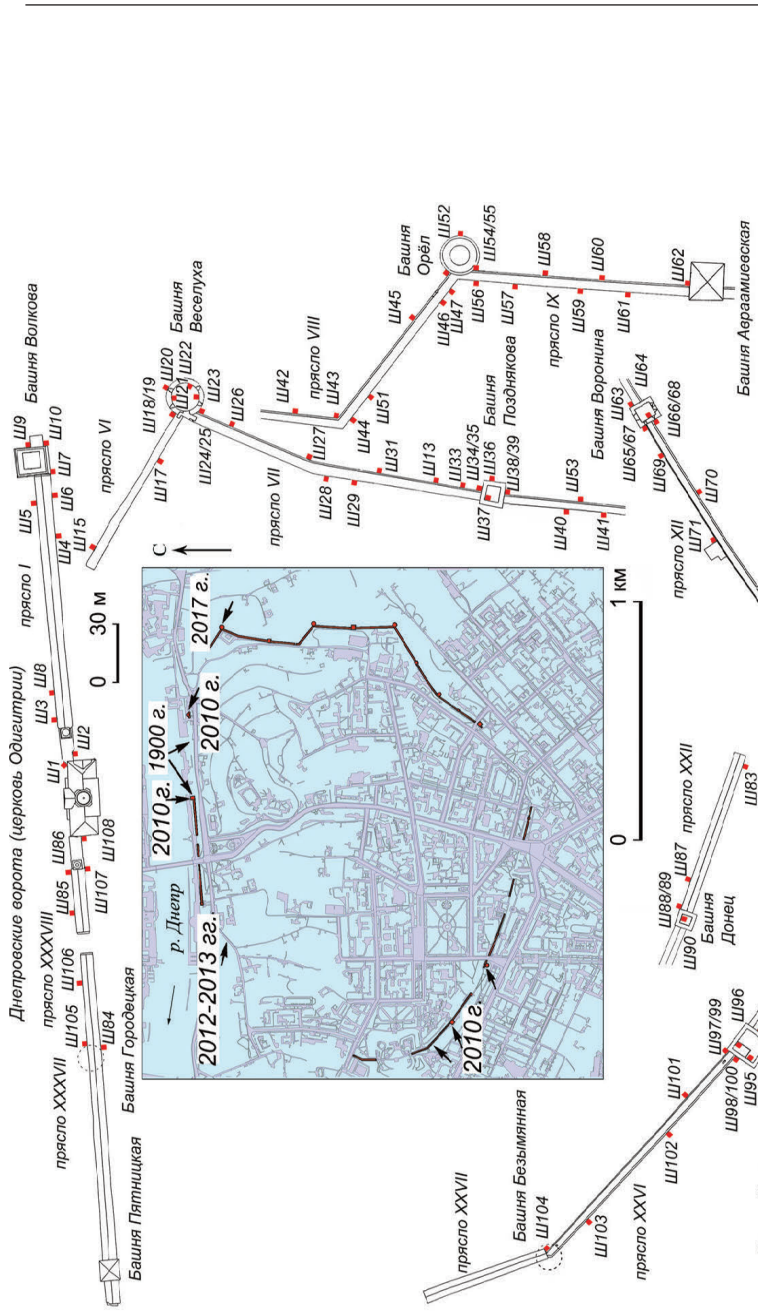


Рис. 2. План смоленской крепостной стены с нанесенными шурфами 2019 г., а также места работ на стене 1900–2017 гг.

Вынос края фундамента за плоскость стены максимальный на участке вдоль Днепра. Причем с наружной стороны стены он достигает 2 м, а с внутренней всего 1 м. Видимо, учитывалось направление уклона поверхности, и для большей устойчивости сооружения стена размещалась не строго по продольной оси фундамента, а с небольшим сдвигом внутрь. Замер толщины кирпичной стены[2] возле ее основания на торце прясла XXXVIII у моста через Днепр показал 6,0 м. Таким образом, общая ширина валунного фундамента здесь около 9 м при глубине около 6 м. Это максимальные значения для всей крепости.

На восточном участке стены асимметрия в выносе фундамента также наблюдалась, но при этом вынос был меньше. Например, в районе Поздняковой башни (шурфы № 40 и 53) с внешней стороны вынос фундамента – 1,7 м, а с внутренней – 0,7 м, т. е. суммарная ширина фундамента (с учетом ширины стены 5,4 м) составляла 7,8 м при глубине 1,6 м. На южном участке в районе Никольских ворот (шурфы № 70, 71), асимметрия выноса фундамента за плоскость стены – в обратную сторону (с внутренней стороны 1,3 м, а с внешней – 0,4 м), общая ширина фундамента 6,2 м при глубине 2,4 м.

Структура фундамента по всему периметру – это камни на глиняном растворе. Различия отмечаются лишь в том, что местами камни укладывали в неаккуратные ряды и сортировки по размерам не было. В некоторых шурфах четко прослеживалась намеренная сортировка – ряды крупных камней чередовались с рядами мелких. На некоторых участках кладка фундамента расширялась книзу (рис. 3) и в разрезе напоминала усеченную пирамиду (это коррелировало с неаккуратными рядами без сортировки). На других участках фасады валунной кладки были почти вертикальными (рис. 4), при этом и ряды были, как правило, аккуратно уложены. То есть в кладках наблюдаются разные «авторские почерки».

Важная выявленная особенность (всеобщая для периметра стены) – это первоочередное непрерывное выкладывание фундамента прясел единой «лентой», к которой в заранее намеченных местах затем «прикладывали» фундаменты башен. Это выяснилось при исследованиях внутри самих башен. Здесь верх фундамента прясла идет прямо через внутреннюю площадь башни всего на глубине 0,7–1,0 м от современной дневной поверхности. Непосредственно после завершения строительства этот верх фундамента становился уровнем пола внутри башни. В шурфе внутри башни Зимбулка на этом уровне отмечены углистые прослойки (следы сильных пожаров), лежащие на 3–5 см выше, чем верх валунной кладки фундамента. Очевидно, это следы пожаров времен осады Смоленска 1609–1611 гг. Существовала ли перевязка кладок прясел и башен друг с другом, установить не удалось, но имеются косвенные признаки того, что такой перевязки не было. И это спустя столетия, возможно, сказалось на своеобразном эффекте «разламывания» – отпадения кладки башен пополам по обе стороны от линии прясла. Особенно опасные трещины в кладке башен идут именно так, по линии кладки прясел.

[2] Замеры проведены Г. О. Моисеенковым, которому авторы крайне признательны.

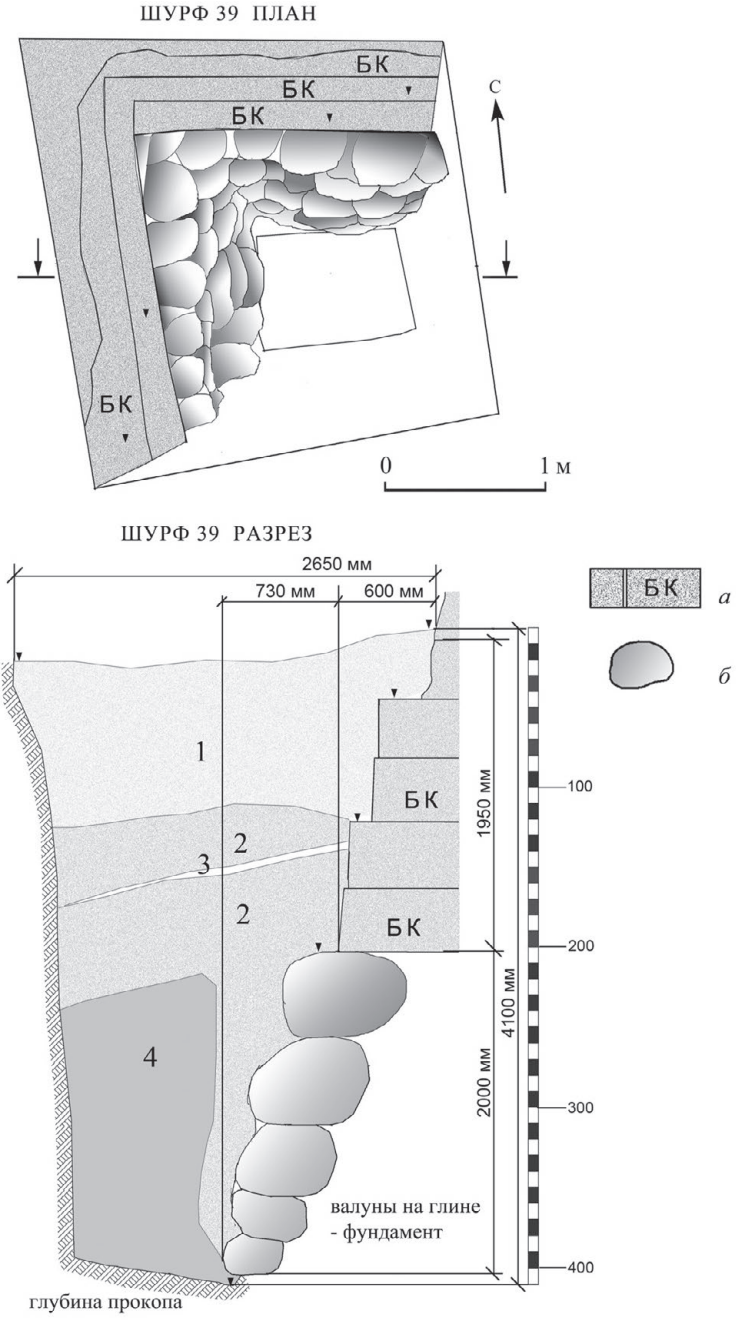


Рис. 3. Чертеж шурфа № 39 у башни Позднякова

1 – слой мусора с кирпичным боем; *2* – мешаная бурая супесь; *3* – известь и отески известняка; *4* – материковая бурая супесь и песок с галькой

а – белокаменные известняковые блоки; *б* – валуны

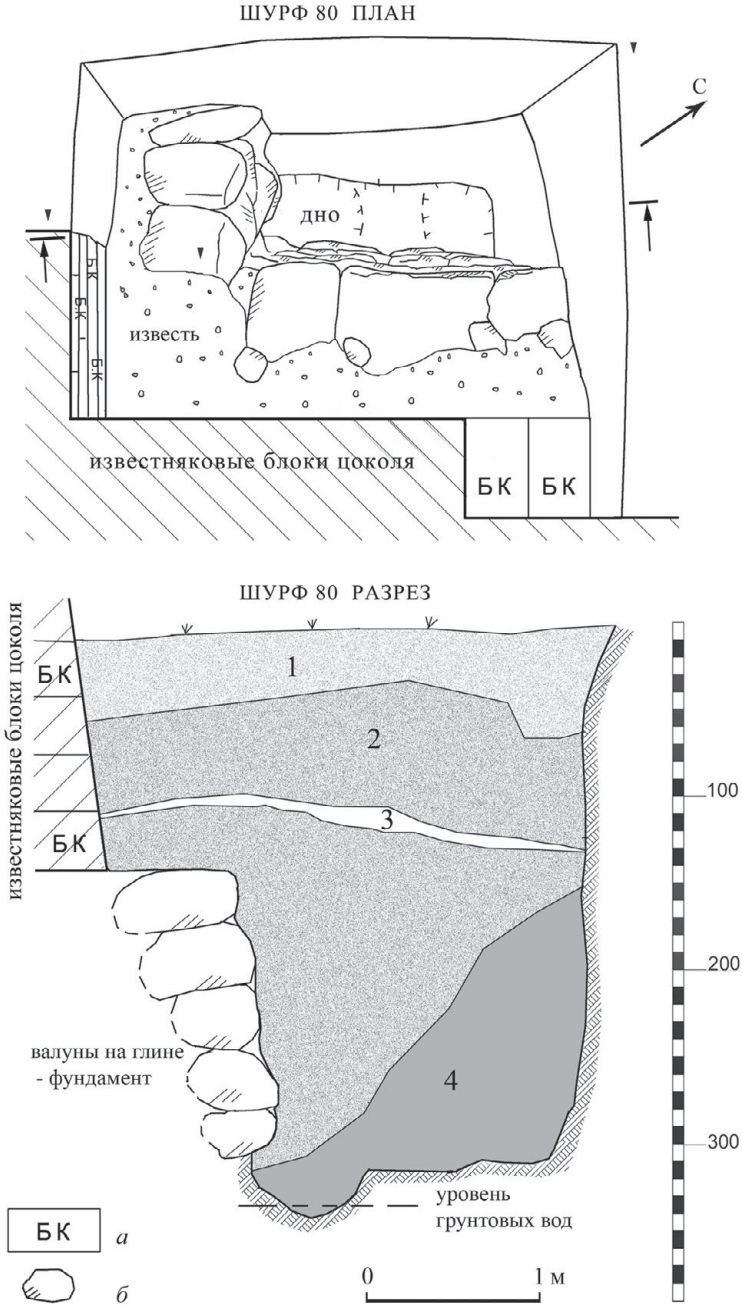


Рис. 4. Чертеж шурфа № 80 у башни Зимбулка

1 – бурый суглинок с кирпичным боем; *2* – бурый суглинок с известью; *3* – известь с кирпичной крошкой; *4* – бурый суглинок (материк)

а – белокаменные известняковые блоки; *б* – валуны

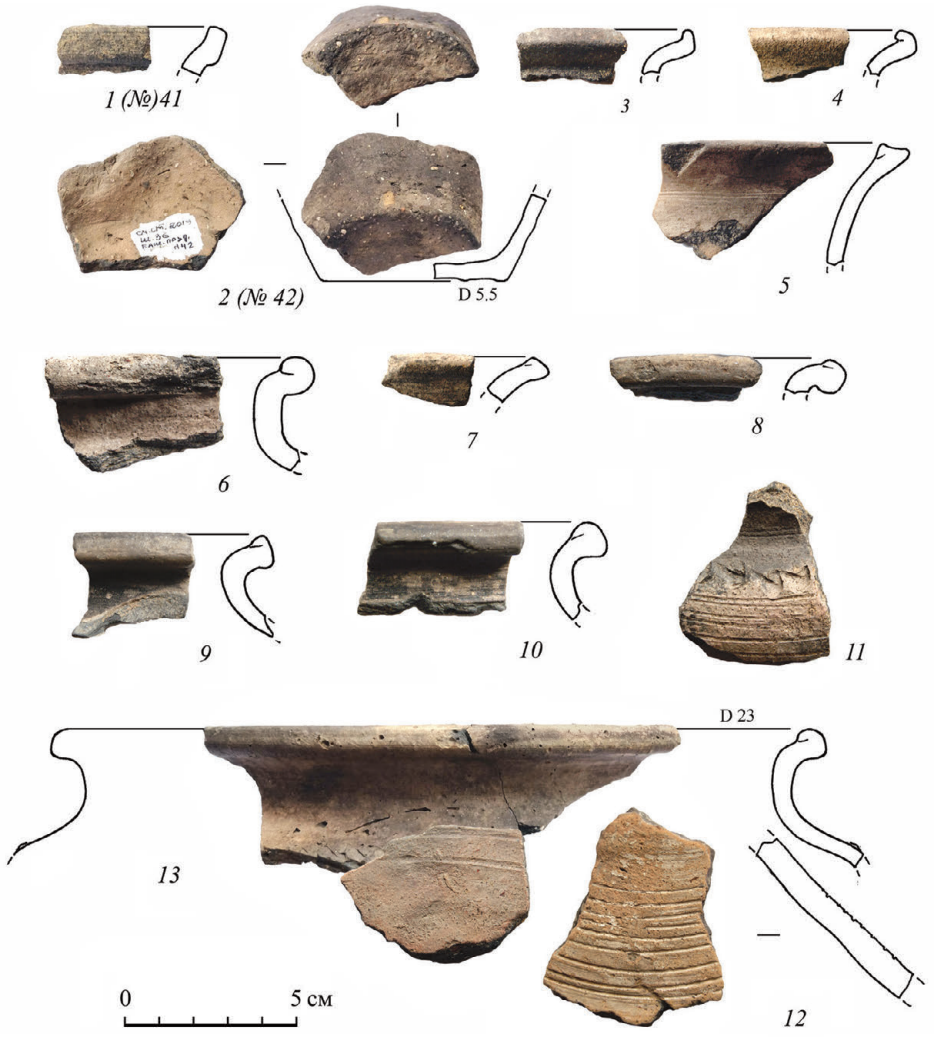


Рис. 5. Древнерусская керамика из культурного слоя в шурфах № 36 (*1, 2*), 72 (*3–12*), 60 (*13*)

Шурфовка, проведенная в 2019 г., дала ценные дополнительные сведения об исторической топографии Смоленска более раннего времени, нежели строительство стены рубежа XVI–XVII вв.

На межсетьевом гребне между долиной Рачевки и ручьем Зеленый в Средневековье располагались обширные кладбища. Могильные перекопы и остатки погребений встречены на участках от башни Веселуха до Авраамиевской. Для одного из погребений на территории Авраамиевского монастыря была получена в лаборатории университета Оттавы методом AMS радиоуглеродная дата по зубу – 329 ± 22 (UOC-8783), что при калибровке указывает на интервал 1510–

1600 гг. (программа OxCal). То есть кладбище было, видимо, действующим к моменту строительства стены. Возможно, это не одно сплошное кладбище, а два, разделенных овражком в районе башни Позднякова. Некрополь очерчивает границу города XIV–XVI вв.

Город древнерусского времени был больше позднесредневекового. На участке от башни Веселуха до башни Долгочевской выявлен поселенческий культурный слой древнерусского времени. Наиболее ранняя керамика конца XI в. встречена в районе башни Поздняковой в шурфе № 36 (рис. 5: *1*), который предшествовал позднесредневековому кладбищу. Лучше всего этот слой сохранился в районе прясла 12 между башнями Воронина и Долгочевской, где не был нарушен позднесредневековым кладбищем. Керамика, найденная в шурфах, типична для XII в. (рис. 5). Видимо, левый берег Рачевки в ее верховьях был довольно плотно заселен.

Исследования смоленской экспедиции ИА РАН 2020–2021 гг. в районе ул. Чаплина, показали, что эта селитебная зона тянулась на ЮВ еще на несколько сотен метров за пределы крепостной стены. Очевидно, это либо окраина, либо пригород древнерусского Смоленска.

ЛИТЕРАТУРА

Воронин К. В., 2012. Отчет о проведении комплекса натурных охранных археологических работ, связанных со строительством жилого комплекса по адресу: г. Смоленск, ул. Б. Краснофлотская, между домами 1 и 3 в 2012 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 38828. Альбомы иллюстраций к отчету: № 38829–38830.

Гараничев В. В., 2007. Особенности фундаментов Смоленской крепостной стены [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusarch.ru/garanichev1.htm

Кренке Н. А., 2019. Отчет об охранных археологических работах (наблюдениях) по открытому листу № 2158–2019 на объекте культурного наследия федерального наследия «Смоленская крепостная стена XVI–XVII вв.» при проведении предпроектных земляных работ в 2019 г. Т. 1–3 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 75346, 75347, 75348.

Модестов Ф. Э., 2003. Смоленская крепость. Смоленск: Центр по охране и использ. памятников истории и культуры Смолен. обл. 143 с.: ил.

Неклюдов М. Н., Писарев С. П., 1901. О раскопках в Смоленске. Смоленск: Смоленский губ. стат. комитет. 33 с.

Нигматуллин Р. А., 1998. Отчет о работах в Смоленской области и г. Смоленске в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22133.

Орловский И. И., 1902. Смоленская стена. 1602–1902: Исторический очерк Смоленской крепости в связи с историей Смоленска. Смоленск: Смоленский губ. стат. комитет. 219 с.: ил.

Покрышкин П. П., 1904. Смоленская крепостная стена // ИАК. Вып. 12. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов. С. 1–25.

Салимов А. М., 2010. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях Смоленской крепости в 2010 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 39499. Альбом иллюстраций к отчету – № 39500.

Салимов А. М., Данилов В. В., Василькив П. Н., 2011. Новые архитектурно-археологические исследования фундаментов Смоленской крепости // ТАС. Вып. 8. С. 317–339.

Хозеров И. М., 1939. Город Смоленск в начале XVII в. // Смоленская оборона 1609–1611 гг. / Ред. В. Мальцев. Смоленск: Смолгиз. С. 227–258.

Сведения об авторах

Ганичев Кирилл Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kirganichev@yandex.ru;

Ершов Иван Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: erchovin@yandex.ru;

Кренке Николай Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: nkrenke@mail.ru;

Раева Вера Александровна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: veraraeva@mail.ru

K. A. Ganichev, I. N. Ershov, N. A. Krenke, V. A. Raeva

THE SMOLENSK CITY FORTIFIED WALL (1596–1602) IN THE LIGHT OF THE 2019 RECONNAISSANCE SURVEY

Abstract. The paper presents results of the archaeological observations of 93 testing pits made by the restorers along the perimeter of the Smolensk city wall built in 1596–1602. These observations revealed characteristics of the boulder walling that substantially varied in depth (from 0,8 to 6,1 m) and width (from 6,2 to 9 m) depending on the undersoil; besides, differences in «uniquely designed» stonework were identified as well. Some important features of the Smolensk historical topography were also clarified during these activities. Thus, the survey found that during the Ancient Rus period the city area was extended to the south-east beyond the city wall whereas in the 14th–16th centuries the area of the city decreased. The eastern section of the wall replaced the city cemetery that used to mark a Smolensk outskirt boundary of that period.

Keywords: Smolensk, city wall, Fedor Kon, boulder walling, foundation pit, Ancient Rus ceramics.

REFERENCES

Garanichev V. V., 2007. Osobennosti fundamentov Smolenskoy krepostnoy steny (Elektronnyy resurs) [Features of foundations of Smolensk fortress wall (Electronic resource)]. URL: http://www.rusarch.ru/garanichev1.htm

Khozerov I. M., 1939. Gorod Smolensk v nachale XVII v. [The city of Smolensk at the beginning of XVII c.]. *Smolenskaya oborona 1609–1611 gg. [Smolensk defense of 1609–1611]*. V. Mal'tsev, ed. Smolensk. Smolgiz, pp. 227–258.

Krenke N. A., 2019. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh rabotakh (nablyudeniyakh) po otkrytomu listu № 2158–2019 na ob"ekte kul'turnogo naslediya federal'nogo naslediya «Smolenskaya krepostnaya stena XVI–XVII vv.» pri provedenii predproektnykh zemlyanykh rabot v 2019 g. T. 1–3 [Report on archaeological protection works (observations) on license No. 2158-2019 issued by Federal Heritage Cultural Heritage site «Smolensk fortress wall of XVI–XVII cc.» during pre-project excavation works in 2019. Vols. 1–3]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Modestov F. E., 2003. Smolenskaya krepost' [Smolensk fortress]. Smolensk: Tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Smolenskoy oblasti. 143 p.: ill.

Neklyudov M. N., Pisarev S. P., 1901. O raskopkakh v Smolenske [On excavations in Smolensk]. Smolensk: Smolenskiy gubernskiy statisticheskiy komitet. 33 p.

Nigmatullin R. A., 1998. Otchet o rabotakh v Smolenskoy oblasti i g. Smolenske v 1998 g. [Report on the work in Smolensk region and Smolensk in 1998]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Orlovskiy I. I., 1902. Smolenskaya stena. 1602–1902: Istoricheskiy ocherk Smolenskoy kreposti v svyazi s istoriey Smolenska [Smolensk wall. 1602–1902: Historical essay of Smolensk fortress in relation with history of Smolensk]. Smolensk: Smolenskiy gubernskiy statisticheskiy komitet. 219 p.: ill.

Pokryshkin P. P., 1904. Smolenskaya krepostnaya stena [Smolensk fortress wall]. *IAK*, 12. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, pp. 1–25.

Salimov A. M., 2010. Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh issledovaniyakh Smolenskoy kreposti v 2010 g. [Report on architectural and archaeological research of Smolensk fortress in 2010]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.) Al'bom illyustratsiy k otchetu [Album of illustrations for the report.]

Salimov A. M., Danilov V. V., Vasil'kiv P. N., 2011. Novye arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniya fundamentov Smolenskoy kreposti [New architectural and archaeological studies of foundations of Smolensk fortress]. *TAS*, 8, pp. 317–339.

Voronin K. V., 2012. Otchet o provedenii kompleksa naturnykh okhrannykh arkheologicheskikh rabot, svyazannykh so stroitel'stvom zhilogo kompleksa po adresu: g. Smolensk, ul. B. Krasnoflotskaya, mezhdu domami 1 i 3 v 2012 g. [Report on the complex of field archaeological protection works related to the construction of a residential complex at the address: Smolensk, B. Krasnoflotskaya str., between houses 1 and 3 in 2012]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.) Al'bomy illyustratsiy k otchetu [Albums of illustrations for the report.]

About the authors

Ganichev Kirill A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kirganichev@yandex.ru;

Ershov Ivan N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: erchovin@yandex.ru;

Krenke Nikolay A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: nkrenke@mail.ru;

Raeva Vera A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: veraraeva@mail.ru

С. И. Баранова

ЧЕРЕПИЦА БАШЕН МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ: НАТУРНЫЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ 1910–1940-х ГОДОВ

Резюме. В статье впервые публикуются сведения об архитектурно-археологических работах на башнях Московского Кремля в первой половине XX в. Они проводились под руководством А. В. Филиппова и стали первым научным исследованием известных во всем мире шатров, венчающих башни архитектурного символа России. Черепичное покрытие башен сходит в основном к XVII в., но в составе изделий, вероятно, оказались и ремонтные экземпляры, которыми заменяли утраченные черепицы уже в XVIII в. Черепица была двух видов: плоская в виде дощечек с уступами и отверстием для прибивания к кладке и полукруглые в сечении для перекрытия ребер шатров. Все черепицы были покрыты глазурью. В материалах архива А. В. Филиппова представлены промеры черепицы отдельных башен и данные об углах наклона их скатов. По материалам исследований ученый готовил большую работу, но не успел ее закончить.

Ключевые слова: архитектурная археология, строительные материалы, история силикатного производства, история реставрации, А. В. Филиппов.

Архитектурная археология, как известно, не сводится к изучению нижней части здания и прилегающего культурного слоя, она стремится охватить постройку целиком. В эту общую картину хорошо вписывается черепица, которую часто обнаруживают при раскопках и (значительно реже) прямо на кровлях. Она принадлежит к маркирующим элементам и с точки зрения технологии производства строительных материалов, и как характерная декоративно-защитная черта сооружения. Для археологии она особенно ценна в качестве датирующего признака. Недаром история русской черепицы отражена именно в трудах археологов, она базируется на материалах реставраций и археологических отчетов (*Рабинович*, 1949; 1971; *Розенфельдт*, 1968; *Хворостова*, 2002, и др.). Это одна из эталонных групп в составе объектов «московской археологической культуры» (см.: *Беляев, Баранова*, 2021. С. 264–276 и др.), что определяет важность представляемых эпизодов для истории науки.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.297-307

Вид черепичных кровель на башнях Кремля знаком, без преувеличения, всему миру. При этом самой черепице не посвящено ни одного исследования. На практике эти покрытия не раз осматривали во второй половине XX в. с целью оценить их состояние и заменить поврежденные детали. Вероятно, есть и материалы фиксации в реставрационных архивах, однако они малодоступны и в науку не введены.

Эпизод научной фиксации, который представлен в статье, выглядит пока что первой попыткой всесторонне и фундаментально изучить керамическое покрытие кремлевских башен. Он связан с заказом на полную реставрацию покрытия, который после Великой Отечественной войны получила известная лаборатория «Керамическая установка», руководитель которой, А. В. Филиппов, работал как всесторонний исследователь истории производства силикатных строительных материалов и готовил общий труд, к сожалению, незаконченный (Керамическая установка, 2017).

Изучение черепицы с башен Кремля в музейных собраниях А. В. Филиппов начал еще в 1913 г. Доступ к шатрам башен А. В. Филиппов получил впервые в апреле 1918 г., когда был приглашен архитектурным отделом Комиссии по охране памятников в качестве эксперта по восстановлению изразцов и черепицы для поврежденных во время обстрела 1917 г. зданий в Московском Кремле (Черепица Московского Кремля). Он отметил, что «впервые приглашен керамический историк» и кратко описал их состояние: «Башни. В настоящее время в Кремле крыты черепицей 16 башен, т. е. все башни, кроме Троицкой, Никольской и Спасской. Вот эти башни: 1) Царская, 2) Набатная, 3) Константиновская, 4) Беклемишевская, 5) Петровская, 6–7) 2.1 Безымянная, 8) Тайницкая, 9) Благовещенская, 10) Водовзводная, 11) Боровицкая, 12) Оружейная, 13) Комендантская, 14–15) Средняя и Угловая Арсенальная, 16) Сенатская. Типы черепицы: чешуйчатая, зубчатая, церковная и башенная» (Черепица Московского Кремля). Заметим кратко, что предпринятая попытка организовать производство реставрационной черепицы на базе мастерских в Абрамцево или в Гжели остались без результата, но, тем не менее, в 1929 г. абрамцевской черепицей с клеймами были перекрыты Сенатская, а в 1930 г. Водовзводная, по разработанным Филипповым образцам (Абрамцевские керамические мастерские. Л. 41–41 об., 42; Хронология развития производства…).

В 1946 г. началась общая реставрация кремлевских башен, причем постановление Совнаркома СССР № 219 обязало Академию архитектуры СССР в двухмесячный срок изготовить образцы черепицы и кирпича для реставрации. Лаборатория «Керамическая установка» в том же году приступила к разработке рецептуры, технологического процесса, технических условий и к изготовлению образцов черепицы для Кремля. Руководил работами А. В. Филиппов, в состав группы входили С. В. Филиппова, инженеры М. М. Гарденина, М. И. Швецова, техник Е. И. Иванова, формовщики П. В. Фокина, В. Д. Веденеев.

Разработка была закончена к марту 1946 г.; образцы, при систематическом контроле и под руководством лаборатории, запущены в производство. В 1947–1948 гг. 14 кремлевских башен были заново перекрыты этой черепицей (Восстановление рецептуры и технологии производства…). Президиум Академии архитектуры СССР признал реставрацию успешной (Выписка из протокола № 7…).

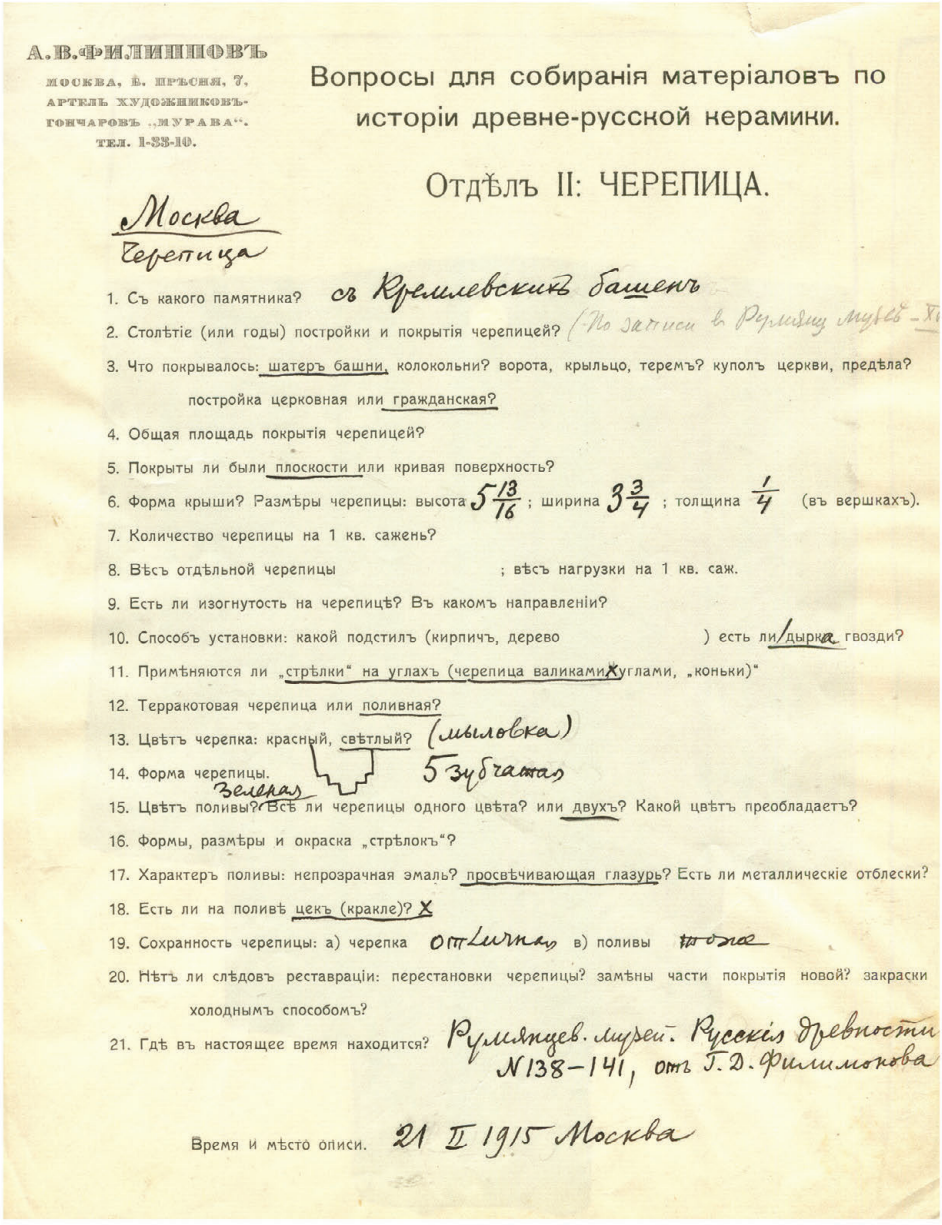
От работ 1946 г. в архиве Филиппова сохранились документы не столько по истории кремлевской черепицы, сколько по технологии ее реставрации. Однако материалы фиксации и их анализ позволяют представить, каким было покрытие на башнях к середине 1940-х гг. Эти материалы состоят из: а) трех «анкет», т. е. заполненных на каждый предмет формуляров, с акварельной отмывкой в натуральную величину (рис. 1: *а, б*); б) обмерных таблиц черепицы всех вариантов по размерам и цветам (2 листка ватмана *in quarto* с детальным обмером 14 черепиц и их отмывкой в цвете, сведенных в один масштаб) (рис. 2: *а, б*) таблицы с промерами углов наклона шатров и, наконец, сводной таблицы с наклонами и обмерами, подготовленной для включения в труд по русской строительной керамике (рис. 3), и фотографий черепичного покрытия башен Кремля.

В составе всевозможных технологических разработок имеются и общие характеристики, в частности: «В настоящее время из 19 кремлевских шатровых башен только три /Троицкая, Никольская и Спасская/ не имеют черепицы, а 16 башен поверх кирпичных шатров имеют черепичные кровли. Все черепицы – плоские, пятизубчатой формы. Их размеры, форма и цвет на отдельных башнях имеют индивидуальные различия: произведенные мною в 1918 г. обмеры черепиц на отдельных башнях установили наличие 14 разновидностей этих черепиц. Их размеры колеблются по длине от 225 до 340 мм и по ширине от 145 до 200 мм. Кроме плоских черепиц углы башен перекрывались коньковой черепицей в виде валика или ребра. Все черепицы снабжались отверстиями для подвешивания их на гвоздях, вбиваемых в швы кирпичной кладки. Плоская кремлевская черепица обычно покрыта зеленой медной прозрачной глазурью, а угловые черепицы имеют окраску двух типов: 1/ такую же, как и плоские черепицы, 2/ непрозрачными эмалями нескольких цветов – белого, бирюзового и желтого и одной прозрачной – красновато-коричневого цвета» (Указания по изготовлению…). Отметим, что примеры коньковой (гуртовой) черепицы представлены в архиве фотографиями, она в последние годы привлекает внимание ряда исследователей (*Мирясова*, 2022. С. 267–273).

Из аналитических материалов наиболее интересна рукописная сводная таблица, в которой посчитаны для каждой башни углы наклона в градусах, процентах и заложении (отношении высоты к ширине), но к самим черепицам она имеет косвенное отношение и здесь не приводится.

В задачи этой публикации не входит уточнение истории черепичных кровель на башнях Кремля. Очевидно, что все они появились не ранее XVII в., когда изменилась конфигурация самих кирпичных завершений. Известно, что в XIX в. и, видимо, ранее черепицу заменяли. На это указывает ряд выписок в рукописи А. В. Филиппова «Хронология развития производства и применения черепицы в России», датируемой 1946 г.: «1857. Москва. Боровицкую башню перекрывал черепицею завод Киселева, находившийся в Каретном ряду на месте Эрмитажа АФ – сведения бывш. ученика этого завода Афанасия Егорова»[1]; «1889. Москва. Черепицу для Московского Кремля исполнял завод Масленникова, с зеленой глазурью в один обжиг АФ – сведения мастера-скульптора Н. В. Анненского,

[1] Так в тексте. Буквами А. Ф. Филиппов отмечал сведения, полученные им непосредственно при опросах или собственные наблюдения.



А. В. ФИЛИППОВЪ
МОСКВА, Б. ПРЪСНЯ, 7,
АРТЕЛЬ ХУДОЖНИКОВЪ-
ГОНЧАРОВЪ „МУРАВА".
ТЕЛ. 1-33-10.

Вопросы для собиранія матеріаловъ по исторіи древне-русской керамики.

Отдѣлъ II: ЧЕРЕПИЦА.

Москва
Черепица

1. Съ какого памятника? съ Кремлевскихъ башенъ
2. Столѣтіе (или годы) постройки и покрытія черепицей? (По записи в Румянц. музее – XV
3. Что покрывалось: шатеръ башни, колокольни? ворота, крыльцо, теремъ? куполъ церкви, предѣла? постройка церковная или гражданская?
4. Общая площадь покрытія черепицей?
5. Покрыты ли были плоскости или кривая поверхность?
6. Форма крыши? Размѣры черепицы: высота $5\frac{13}{16}$; ширина $3\frac{3}{4}$; толщина $\frac{1}{4}$ (въ вершкахъ).
7. Количество черепицы на 1 кв. сажень?
8. Вѣсъ отдѣльной черепицы ; вѣсъ нагрузки на 1 кв. саж.
9. Есть ли изогнутость на черепицѣ? Въ какомъ направленіи?
10. Способъ установки: какой подстилъ (кирпичъ, дерево) есть ли дырка гвозди?
11. Примѣняются ли „стрѣлки" на углахъ (черепица валиками X углами, „коньки)"
12. Терракотовая черепица или поливная?
13. Цвѣтъ черепка: красный, свѣтлый? (мыловка)
14. Форма черепицы. 5 зубчатая
15. Цвѣтъ поливы? Зеленая Всѣ ли черепицы одного цвѣта? или двухъ? Какой цвѣтъ преобладаетъ?
16. Формы, размѣры и окраска „стрѣлокъ"?
17. Характеръ поливы: непрозрачная эмаль? просвѣчивающая глазурь? Есть ли металлическіе отблески?
18. Есть ли на поливѣ цекъ (кракле)? X
19. Сохранность черепицы: а) черепка отличная в) поливы тожа
20. Нѣтъ ли слѣдовъ реставраціи: перестановки черепицы? замѣны части покрытія новой? закраски холоднымъ способомъ?
21. Гдѣ въ настоящее время находится? Румянцев. музей. Русскія древности №138–141, отъ Г. Д. Филимонова

Время и мѣсто описи. 21 II 1915 Москва

Рис. 1*а*. Анкета с описанием и зарисовкой черепицы кремлевской башни из собрания Румянцевского музея. Составлена 21.2.1915. Архив А. В. Филиппова

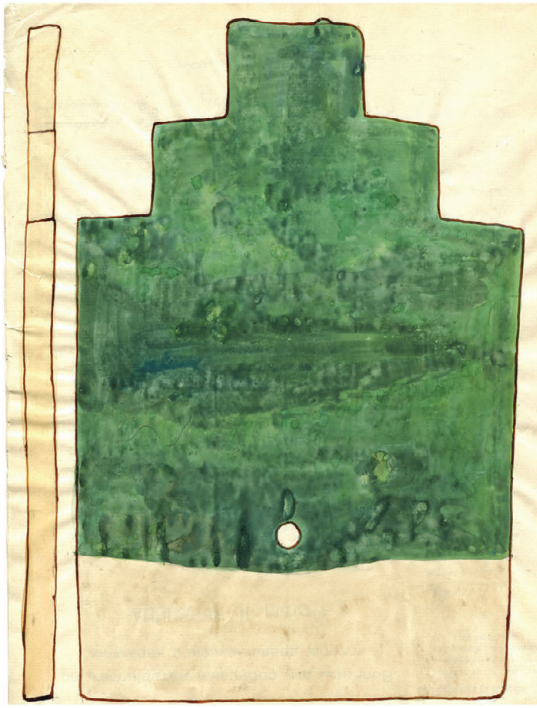


Рис. 1*б*

исполнявшего заказ»; «1911. Москва. Набатная башня кремля перекрыта заново черепицею работы мастерской Абрамцево (АФ)». Так что, хотя в целом комплекс черепицы датировался XVII в., позже он, как и другие облицовочные материалы на памятниках этого времени, не раз ремонтировался.

Работа с покрытием башен Московского Кремля потребовала от А. В. Филиппова значительных усилий по изучению черепицы в целом, история которой еще не была написана. В 1918 г. он отметил: «Ни история русской архитектуры, ни история башен Московского Кремля не дают ответа о времени покрытия Кремлевских башен черепицею. Забелин, Павлинов, Горностаев, Бартенев – ничего положительного по этому вопросу» (Черепица Московского Кремля). А. В. Филиппов изучал гончарную черепицу систематически, особенно в связи с потребностями реставрации. В 1919 г. он выступает на организационном бюро по созыву 1-го Всероссийского съезда по глиняной промышленности с докладом «Из истории русской керамики: древне-русская черепица» (Афиша доклада). А. В. Филиппов намеревался осветить такие вопросы, как своеобразие древнерусских черепичных покрытий; отсутствие исследований по ней, материалы и формы, размеры, вес и нагрузка, свойства глазури и ее технология; различные приемы покрытия, гвозди, а также общая история черепичных покрытий, мастерские и заводы, перечень известных памятников и приемы реставрации их покрытий. Ставился и вопрос об издании специального руководства. Так

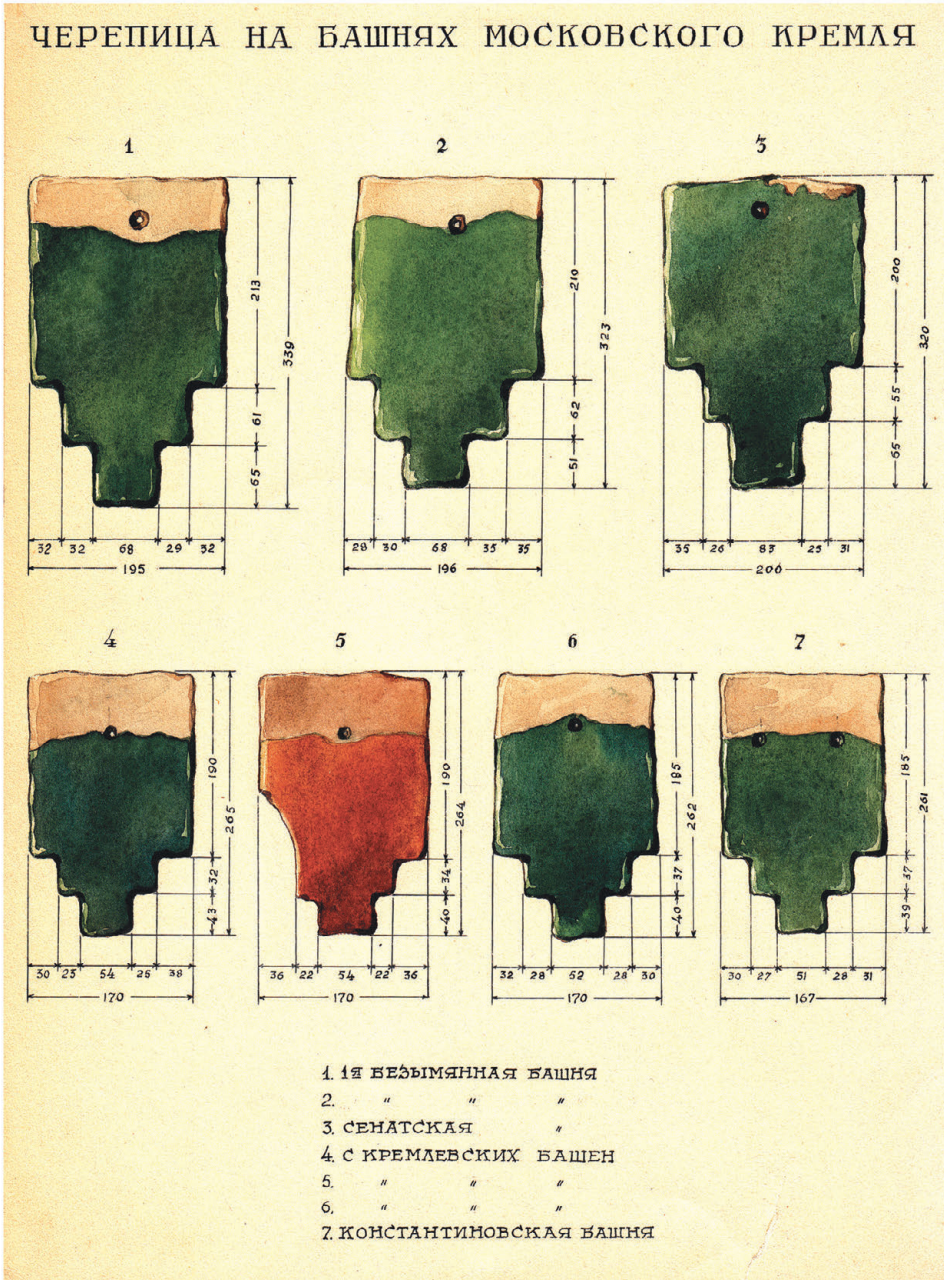


Рис. 2*а*. Черепица на башнях Московского Кремля. Таблица с промерами. Архив А. В. Филиппова

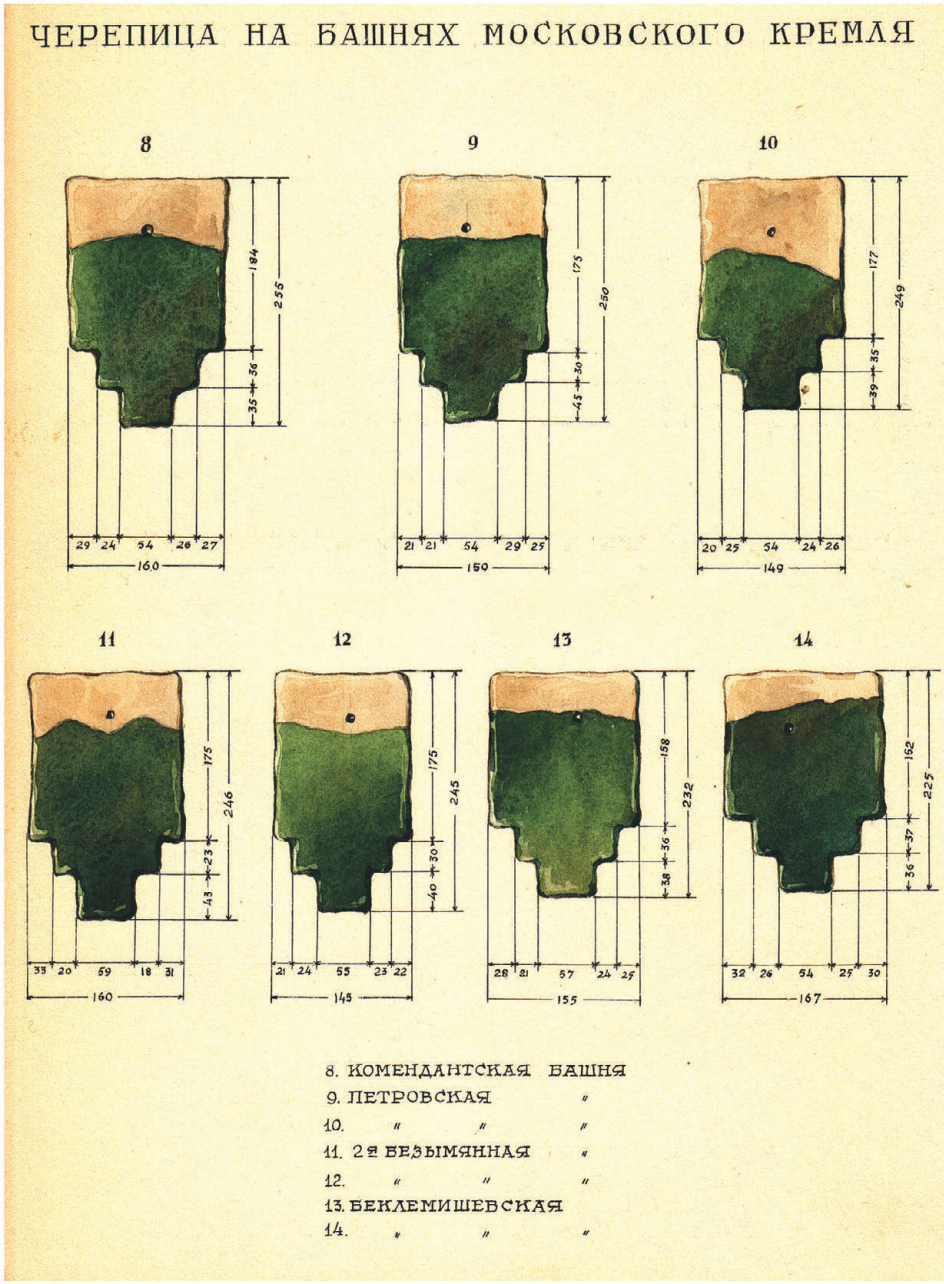

ЧЕРЕПИЦА НА БАШНЯХ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ
8
9
10
11
12
13
14
8. КОМЕНДАНТСКАЯ БАШНЯ
9. ПЕТРОВСКАЯ "
10. " " "
11. 2 Я БЕЗЫМЯННАЯ "
12. " " "
13. БЕКЛЕМИШЕВСКАЯ
14. " " "

Рис. 2*б*

NN	НАЗВАНИЕ БАШЕН	ОТНОШЕНИЕ ВЫСОТЫ К ШИРИНЕ	В ГРАДУСАХ	NN	НАЗВАНИЕ БАШЕН	ОТНОШЕНИЕ ВЫСОТЫ К ШИРИНЕ	В ГРАДУСАХ
1	БОРОВИЦКАЯ	1:0,1	81°	9	КОНСТАНТИНОВСКАЯ	1:0,3	73°
2	ВОДОВЗВОДНАЯ	1:0,2	79°		" "	1:0,3	75°
3	БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ	1:0,3	74°	10	НАБАТНАЯ	1:0,2	78°
	" "	1:0,6	60°	11	ЦАРСКАЯ	1:0,3	73°
4	ТАЙНИЦКАЯ	1:0,4	67°	12	СЕНАТСКАЯ	1:0,2	79°
	" "	1:0,3	74°		" "	1:0,6	62°
5	1я БЕЗЫМЯННАЯ	1:0,2	78°	13	УГЛОВАЯ АРСЕНАЛЬНАЯ	1:0,2	76°
	" "	1:0,7	55°	14	СРЕДНЯЯ АРСЕНАЛЬНАЯ	1:0,2	77°
6	2я БЕЗЫМЯННАЯ	1:0,2	78°		" "	1:0,6	62°
	" "	1:0,4	66°	15	КОМЕНДАНТСКАЯ	1:0,2	80°
7	ПЕТРОВСКАЯ	1:0,3	72°		" "	1:0,6	63°
8	БЕКЛЕМИШЕВСКАЯ	1:0,1	83°	16	ОРУЖЕЙНАЯ	1:0,2	79°
	" "				" "	1:0,4	67°

Рис. 3. Углы наклона шатров, крытых черепицей, на башнях Московского Кремля. Чертеж. Архив А. В. Филиппова

возник план большого историко-технологического и в том числе археологического исследования, материал для которого А. В. Филиппов собирал десятилетиями и которые отложились в его архиве в виде натурных наблюдений, выписок из документов, чертежей, отмывок и т. п., а также подготовленных к публикации, но не вышедших работ (Описания московских кровель XV–XVII вв. Указы о кровлях; Хронология развития производства…, и др.). Интересно, что доведены они как раз до времени работ на башнях Кремля.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Абрамцевские керамические мастерские // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 262.

Архив А. В. Филиппова // Частное собрание Е. А. Бобринской. (В настоящее время осуществляется передача архива в собрание ГНИМА им. А. В. Щусева.)

Афиша доклада. 20.12.1919 // Архив А. В. Филиппова.

Восстановление рецептуры и технологии производства глазурованной древнерусской керамики, внедренной в производство и использованной в реставрации стен и башен Московского Кремля // Рукопись. 1946. Архив А. В. Филиппова.

Выписка из протокола № 7 заседания Президиума Академии архитектуры СССР от 11 апреля 1946 года // Машинопись. Архив А. В. Филиппова.

Описания московских кровель XV–XVII вв. Указы о кровлях. 1926 // Архив А. В. Филиппова.

Указания по изготовлению зеленой глазурованной черепицы кремлевского типа // Рукопись. 1946. Архив А. В. Филиппова.

Хронология развития производства и применения черепицы в России // Рукопись. 1946. Архив А. В. Филиппова.

Черепица Московского Кремля // Рукопись записки от 7. X. 1918. Архив А. В. Филиппова.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Л. А., Баранова С. И., 2021. О керамических кровлях Москвы рубежа XV–XVI веков // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории / Ред. Л. А. Беляев, Е. Л. Конявская. М.: Индрик. С. 264–276.

Керамическая установка. По материалам архива и коллекций А. В. Филиппова / Авт. колл.: С. И. Баранова и др.; науч. ред. С. И. Баранова. М.: Эксмо, 2017. 472 с.; илл.

Мирясова А. А., 2023. Гуртовая поливная черепица из раскопок Новодевичьего монастыря 2018 г. // Московская Русь: археология, история, архитектура. К 75-летию Леонида Андреевича Беляева. М.: ИА РАН. С. 267–273.

Рабинович М. Г., 1949. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. 1949. № 12. С. 5–43 (с. 21).

Рабинович М. Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. МИА. 1971. № 167. С. 9–116 (с. 18).

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968. 124 с., 24 табл. (САИ. Вып. Е1-39.)

Хворостова Е. Л., 2002. Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область) // ТТЗ. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 204–214.

Сведения об авторе

Баранова Светлана Измайловна, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., 6, Москва, 125933, Россия, e-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

S. I. Baranova

THE ROOF TILES OF THE MOSCOW KREMLIN: ON-SITE SURVEYS OF THE 1910s–1940s

Abstract. This paper is the first to publish information on the architectural and archaeological activities carried out to examine the towers of the Moscow Kremlin in the first half of the 20th century. These activities were led by A. V. Filippov and were the first research of the hipped roofs crowning the architectural symbol of Russia. The roof tiles date mainly to the 17th century; however, the tiles examined also included some items used in repair works to replace the lost roof tiles in the 18th century. The tiles were of two types, namely, flat ones shaped as slabs with ledges and holes which were nailed to the masonry; and tiles semi-round in cross-section which were used to cover the ribs of the hipped roofs. All roof tiles were glazed. The materials from A. V. Filippovs archives contain documents with measurements of the tiles covering some towers and data concerning the angles of the roofs slopes. The scholar was preparing an extended scientific work containing the results of the research but this work was not finished.

Keywords: architectural archaeology, construction materials, history of the silicate manufacturing, history of restoration, A. V. Filippov.

ARCHIVAL MATERIALS

Abramtsevskie keramicheskie masterskie [Abramtsevo ceramic workshops]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of Russian Federation]*. (In Russian, unpublished.)

Afisha doklada. 20.12.1919 [The lecture poster. 20.12.1919]. *Arkhiv A. V. Filippova [Archive of A. V. Filippov]*. (In Russian, unpublished.)

Arkhiv A. V. Filippova [Archive of A. V. Filippov]. C*hastnoe sobranie E. A. Bobrinskoy [Private collection of E. A. Bobrinskaya]*. (In Russian, unpublished.)

Cherepitsa Moskovskogo Kremlya. Rukopis zapiski ot 7. X. 1918 [Roof tiles of the Moscow Kremlin. The manuscript of the note dated 7. X. 1918]. *[Archive of A. V. Filippov]*. (In Russian, unpublished.)

Khronologiya razvitiya proizvodstva i primeneniya cherepitsy v Rossii. 1946 [Chronology of development of roof tile production and use in Russia. 1946]. *[Archive of A. V. Filippov]*. (In Russian, unpublished.)

Opisaniya moskovskikh krovel XV–XVII vv. Ukazy o krovlyakh. 1926 [Descriptions of Moscow roofs of XV–XVII cc. Decrees on roofs. 1926]. *[Archive of A. V. Filippov]*. (In Russian, unpublished.)

Ukazaniya po izgotovleniyu zelenoy glazurovannoy cherepitsy kremlevskogo tipa 1946 [Instructions for manufacture of green glazed roof tiles of the Kremlin type. 1946]. *[Archive of A. V. Filippov]*. (In Russian, unpublished.)

Vosstanovlenie retseptury i tekhnologii proizvodstva glazurovannoy drevnerusskoy keramiki, vnedrennoy v proizvodstvo i ispolzovannoy v restavratsii sten i bashen Moskovskogo Kremlya. 1946 [Restoration of formulation and production technology of glazed ancient Russian ceramics, introduced into production and used in restoration of the walls and towers of the Moscow Kremlin. 1946]. *[Archive of A. V. Filippov]*. (In Russian, unpublished.)

Vypiska iz protokola № 7 zasedaniya Prezidiuma Akademii arkhitektury SSSR ot 11 aprelya 1946 goda [Extract from the Minutes No. 7 of the meeting of Presidium of the Academy of Architecture of the USSR dated April 11, 1946]. *[Archive of A. V. Filippov]*. (In Russian, unpublished.)

REFERENCES

Belyaev L. A., Baranova S. I., 2021. O keramicheskikh krovlyakh Moskvy rubezha XV–XVI vekov [On ceramic roofs of Moscow at the turn of XV–XVI centuries]. *Rus v XIII–XV vekakh. Novye*

otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii [Rus in XIII–XV centuries. New discoveries in the field of archaeology and history]. L. A. Belyaev, E. L. Konyavskaya, eds. Moscow: Indrik, pp. 264–276.

Keramicheskaya ustanovka. Po materialam arkhiva i kollektsiy A. V. Filippova [Ceramic installation. According to the materials of the archive and collections of A. V. Filippov]. S. I. Baranova, ed. Moscow: Eksmo, 2017. 472 p.: ill.

Khvorostova E. L., 2002. Keramicheskie pokrytiya krovel XV–XVII vv. (Moskva i Moskovskaya oblast) [Ceramic roof coverings of XV–XVII cc. (Moscow and the Moscow region)]. *TTZ*, 4, pp. 204–214.

Miryasova A. A., 2023. Gurtovaya polivnaya cherepitsa iz raskopok Novodevichego monastyrya 2018 g. [Glazed roof tiles from the excavations of the Novodevichy convent, 2018]. *Moskovskaya Rus: arkheologiya, istoriya, arkhitektura [Moscow Rus: archeology, history, architecture]*. Moscow: IA RAN, pp. 267–273.

Rabinovich M. G., 1949. Raskopki 1946–1947 gg. v Moskve na uste Yauzy [Excavations of 1946–1947 in Moscow at the Yauza River estuary]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy [Materials and investigations on the archaeology of Moscow]*, II. Moscow: AN SSSR, pp. 5–43. (MIA, 12.)

Rabinovich M. G., 1971. Kulturnyy sloy tsentralnykh rayonov Moskvy [Cultural deposit of Moscow central regions]. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of Moscow Kremlin]*. Moscow: Nauka, pp. 9–116. (MIA, 167) (Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy, IV.)

Rozenfeldt R. L., 1968. Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. [Moscow ceramic production in XII–XVIII cc.]. Moscow: Nauka. 124 p., 24 pl. (SAI.)

About the author

Baranova Svetlana I., Russian State University for the Humanities, Miusskaya pl., 6, Moscow, 125933, Russian Federation; e-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

А. А. Казарницкий

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ДАННЫХ КРАНИОЛОГИИ

Резюме. В статье обсуждаются краниологические особенности носителей северокавказской культуры эпохи бронзы Восточной Европы. Используются сравнительные данные о человеческих популяциях ранней бронзы и предшествующих эпох Северной, Центральной и Восточной Европы, Восточного и Южного Кавказа (60 мужских краниологических серий общей численностью около 900 черепов). Межгрупповой анализ проведен с помощью расчета расстояний Махаланобиса с дальнейшим многомерным шкалированием для получения двухмерных графиков. Подтверждается отмечавшееся ранее сходство носителей северокавказской культуры (из северной части ее ареала) с представителями ямной культуры Северо-Западного Прикаспия и отрицается сходство с центральноевропейскими и закавказскими популяциями.

Ключевые слова: краниология, краниометрия, северокавказская культура, популяционная история, эпоха бронзы, археология, Восточная Европа.

Введение

В 1999 г. Калмыцкой археологической экспедицией ГИМ под руководством Н. И. Шишлиной на юге Калмыкии было обнаружено погребение северокавказской культуры, содержавшее мужской скелет хорошей сохранности (м-к Манджикины II, кург. 7, погр. 2). Череп отреставрирован и измерен А. А. Хохловым и хранится в фондах Волго-Уральского центра палеоантропологических исследований Самарского государственного социально-педагогического университета – данные о нем прежде не публиковались[1]. В 2013 г. в восточной части

[1] Выражаю признательность А. А. Хохлову за возможность использования неопубликованных измерений. Краниометрические данные остальных черепов могут быть предоставлены автором при индивидуальном запросе (e-mail: kazarnitski@mail.ru).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.308-322

Ростовской области – в окрестностях села Ремонтное – Степной археологической экспедицией ГИМ, также под руководством Н. И. Шишлиной, был найден еще один хорошо сохранившийся скелет представителя северокавказской культуры (м-к Темрта IV, кург. 1, погр. 6). Спустя еще девять лет, в 2022 г. той же ежегодной экспедицией в том же районе было раскопано парное северокавказское погребение с двумя мужскими скелетами (м-к Песчаный IV, кург. 13, погр. 3). Антропологические материалы были переданы на постоянное хранение в Музей антропологии и этнографии РАН (колл. № СФ-6), черепа отреставрированы и измерены по стандартной краниометрической программе.

На протяжении многих лет была известна лишь одна публикация, в которой упоминались измерения тринадцати мужских черепов носителей северокавказской культуры (*Шевченко*, 1986) – состав этой коллекции в точности не устанавливается, но часть ее находится в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) РАН (колл. № 6699) и происходит из памятников, исследованных в 1960-х гг. на юге Калмыкии экспедициями И. В. Синицына и У. Э. Эрдниева. В 2014 г. вышла вторая статья с измерениями черепов из погребений северокавказской культуры – одного женского (м-к Типки I, кург. 2, погр. 15) и одного неполного мужского (м-к Шарахалсун III, кург. 10, погр. 3) из раскопок ГУП «Наследие» в Ставропольском крае в 1998 г. (*Герасимова, Пежемский*, 2014). Новые краниометрические данные с тех пор в печати не появлялись. При этом на сегодняшний день раскопано более 2300 погребений северокавказской культуры, которым посвящены многочисленные археологические публикации, дискутируются несколько вариантов ее периодизации и происхождения (*Гей, Клещенко*, 2018. С. 113; *Клещенко*, 2020. С. 228).

К сожалению, сохранность человеческих скелетов в археологических памятниках эпохи бронзы Юга России, как правило, очень плоха. Имеет ли смысл в таком случае обращаться к столь малочисленному источнику? Соглашаясь с отрицательным ответом на этот вопрос, все же опишем морфологию северокавказских черепов и сравним эту выборку с краниологическими данными об окружающем синхронном и предшествующем населении.

Материал и методика

Использовались только мужские черепа. Определение пола, измерения и морфологическое описание проводились по общепринятой в России методике (*Алексеев, Дебец*, 1964). Для межгрупповых сопоставлений применялось вычисление квадратов расстояний Махаланобиса между выборками с поправкой на численность наблюдений в программе Canon (*Козинцев*, 2007). Для разных составов сравнительных материалов использовалось разное количество признаков в зависимости от доступных по публикациям: 9 признаков для 60 краниологических серий (продольный, поперечный, скуловой диаметры, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, ширина и высота носа и орбиты), 11 признаков для 45 серий (к перечисленным добавлены назомалярный и зигомаксиллярный углы) и 14 признаков для 35 серий (добавлены высотный диаметр, относительная высота переносья (симотический указатель) и угол выступания носа). В качестве сравнительных привлекались материалы общей численностью более 900 черепов,

среднее/медианное значение количества измерений в выборке для мозгового отдела – 16/14, для лицевого – 12/11. Для визуализации результатов в виде двухмерных графиков применялось многомерное шкалирование матрицы расстояний Махаланобиса по алгоритму Гуттмана в программе Statistica.

Результаты и обсуждение

Ревизия северокавказских материалов, опубликованных А. В. Шевченко, выявила, что среди них, возможно, не все северокавказские и вряд ли все – мужские. Речь идет о проверке только «ранней северокавказской» группы, состав которой еще может быть восстановлен по тексту публикации (*Шевченко*, 1986. С. 167), в то время как состав «поздней северокавказской» группы остается неизвестным. Каким образом исследователь разделял ранние и поздние северокавказские погребения в этом регионе, к сожалению, из публикации узнать также не представляется возможным. Череп из могильника Лола I (кург. 4, погр. 6) был опубликован позднее с раннекатакомбной культурной атрибуцией, а череп из м-ка Восточный Маныч, правый берег (1967 г., кург. 6, погр. 13) – с ямной, к тому же он имеет женские морфологические черты (*Казарницкий*, 2012. С. 158, 160). Определение черепа из погр. 1, кург. 23 м-ка Лола I как мужского, данное А. В. Шевченко, также вызывает сомнения из-за наличия тонкого верхнего глазничного края, слабого надбровного и едва заметного затылочного рельефа, тонких скуловых отростков лобной кости, средних размеров сосцевидных отростков, округлой и нерельефной нижней челюсти (фонды МАЭ РАН, инв. № 6699-2). Культурная атрибуция погр. 2 из кург. 3 могильника Восточный Маныч I (1967 г.) может быть связана с ранним железным веком, по мнению, в том числе, одного из авторов раскопок (*Эрдниев*, 1982. С. 8; *Очир-Горяева*, 2008. С. 79). В итоге лишь два черепа из ранней выборки А. В. Шевченко можно с уверенностью считать мужскими и относящимися к северокавказской культуре (Восточный Маныч I (1965 г., кург. 21, погр. 12) и Восточный Маныч III (1966 г., кург. 12, погр. 8).

Интерпретация морфологических особенностей северокавказских краниологических выборок, предложенная А. В. Шевченко, настолько противоречива, что пересказать ее непросто. Он признавал их сходство с сериями черепов ямной культуры Калмыкии и Астраханской области (*Шевченко*, 1986. С. 165). Одновременно с этим находил в ранней северокавказской выборке три черепа с чертами носителей ямной культуры долины реки Молочной, а также средневолжской абашевской культуры и культуры шаровидных амфор одновременно (Там же. С. 165, 166). И дополнял этот и без того пестрый набор аналогий замечанием, что подобные черты больше свойственны населению Средиземноморья и Балкан, чем Северной или Центральной Европы. Три других черепа в той же выборке он посчитал похожими на череп из новосвободненского погребения в м-ке Эвдык в Калмыкии (Там же. С. 166). Между «ранней» и «поздней» северокавказской выборками очевидно сходство по краниометрическим показателям (Там же. С. 162, 163), в чем легко убедиться читателю, это признавал и сам автор измерений (Там же. С. 172), но отрицал наличие между ними преемственности (Там же. С. 173).

Индивидуально-типологический подход к описанию морфологии черепов позволял А. В. Шевченко находить «подтверждение» любой археологической гипотезе: и о преемственности между майкопско-новосвободненскими и северокавказскими древностями (*Марковин*, 1960), и о влиянии на формирование памятников Северного Кавказа эпохи средней бронзы культуры шаровидных амфор Центральной Европы и куро-араксской культуры Южного Кавказа (*Николаева*, 1980). Давно пора признать за такими выводами лишь историографическую ценность и не заниматься их бессмысленным пересказом. С другой стороны, ни один из них, кажется, не был формально опровергнут с помощью антропологических, а не археологических аргументов. В дальнейшем цитировался лишь один из выводов А. В. Шевченко – о сходстве между северокавказскими и прикаспийскими ямными сериями черепов (*Герасимова*, 2011; *Герасимова, Пежемский*, 2014), который был дополнен предположением о наличии в этом регионе долговременной и относительно изолированной популяции, в облике представителей которой оформились специфические морфологические черты (*Хохлов*, 2006).

После выхода в свет исследований А. В. Шевченко упоминаемые им археологические гипотезы В. И. Марковина и Н. А. Николаевой подверглись критике на основе археологических материалов, были разработаны новые версии происхождения северокавказской культуры – закавказская (*Трифонов*, 1991) и северопричерноморская степная, предполагающая участие представителей квитянской (постмариупольской) культуры второй половины IV тыс. до н. э. (*Клещенко*, 2020). Попробуем взглянуть на все эти версии сквозь призму краниологических материалов.

Воспользуемся индивидуальными измерениями семи мужских черепов из восточной части Ростовской области (Темрта IV и Песчаный IV), южной Калмыкии (Лола I, Вост. Маныч I и III, Манджикины II) и северной части Ставропольского края (Шарахалсун III). Эта выборка в среднем имеет очень длинный, широкий, высокий, мезокранный мозговой отдел с широким и слабо наклонным лбом; очень широкое, средневысокое, резко профилированное и ортогнатное лицо; среднеширокий, низкий, сильно выступающий нос с узким и высоким переносьем; широкие и низкие орбиты; глубокую клыковую ямку (табл. 1).

Таблица 1. Средние краниометрические данные мужских черепов (северокавказская культура)

Признак		n	X	sd
1	Продольный диаметр	6	191,2	5,6
8	Поперечный диаметр	7	149,4	5,2
17	Высотный диаметр	7	137,8	6,0
20	Ушная высота	6	118,1	3,8
5	Длина основания черепа	5	108,8	2,9
9	Наименьшая ширина лба	6	99,6	4,1

Окончание табл. 1

Признак		n	X	sd
11	Ширина основания черепа	6	132,5	6,7
45.	Скуловой диаметр	7	144,0	4,5
40	Длина основания лица	5	104,7	1,7
48	Верхняя высота лица	4	70,1	4,6
43	Верхняя ширина лица	6	110,5	3,7
46	Средняя ширина лица	6	96,9	6,6
55	Высота носа	6	50,0	2,9
54	Ширина носа	6	26,4	0,6
51	Ширина орбиты	6	44,0	1,7
52	Высота орбиты	6	32,2	1,2
77	Назомалярный угол	6	137,9	4,4
zm	Зигомаксиллярный угол	6	126,1	4,3
SC	Симотическая ширина	6	9,2	1,8
SS	Симотическая высота	6	4,9	1,2
FC	Глубина клыковой ямки	5	6,3	1,2
32	Угол профиля лба от назиона	6	85,2	5,8
72	Общий лицевой угол	6	87,3	3,4
75(1)	Угол выступания носа	6	36,0	3,9
8:1	Черепной указатель	6	77,7	2,7
SS:SC	Симотический указатель	6	53,4	6,2

Более тщательный подход к формированию выборки не привел к заметным изменениям средних групповых значений краниометрических признаков, опубликованных А. В. Шевченко. Напомним, что из его более ранней северокавказской группы мы использовали только два черепа и дополнили пятью новыми. Состав поздней северокавказской группы А. В. Шевченко неизвестен, но ее краниометрическая характеристика аналогична публикуемой нами, поэтому обе были использованы для дальнейшего межгруппового анализа.

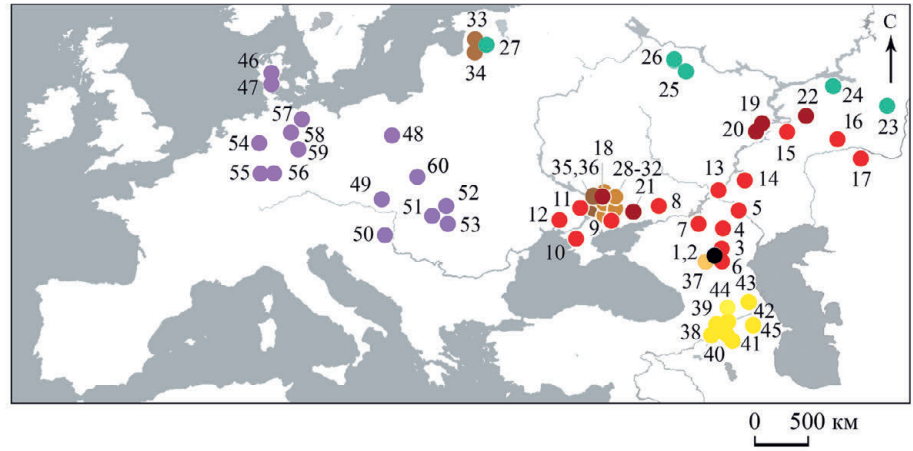
К сожалению, пока невозможно привлечь данные о черепах из нижнемихайловских и постмариупольских памятников Украины (*Потєхіна*, 1994). Каждая из опубликованных И. Д. Потехиной выборок (скорченных на боку, скорченных на спине (нижнемихайловских) и вытянутых на спине (постмариупольских) скелетов) сформирована из очень малого количества черепов плохой сохранности (настолько плохой, что автор дополнила их измерениями одного черепа с Северного Кавказа). О каждой из них известны фактически по три измерения основных диаметров мозгового отдела и ширины лба, об остальных признаках – по одному или по два измерения, о размерах переносья и угле

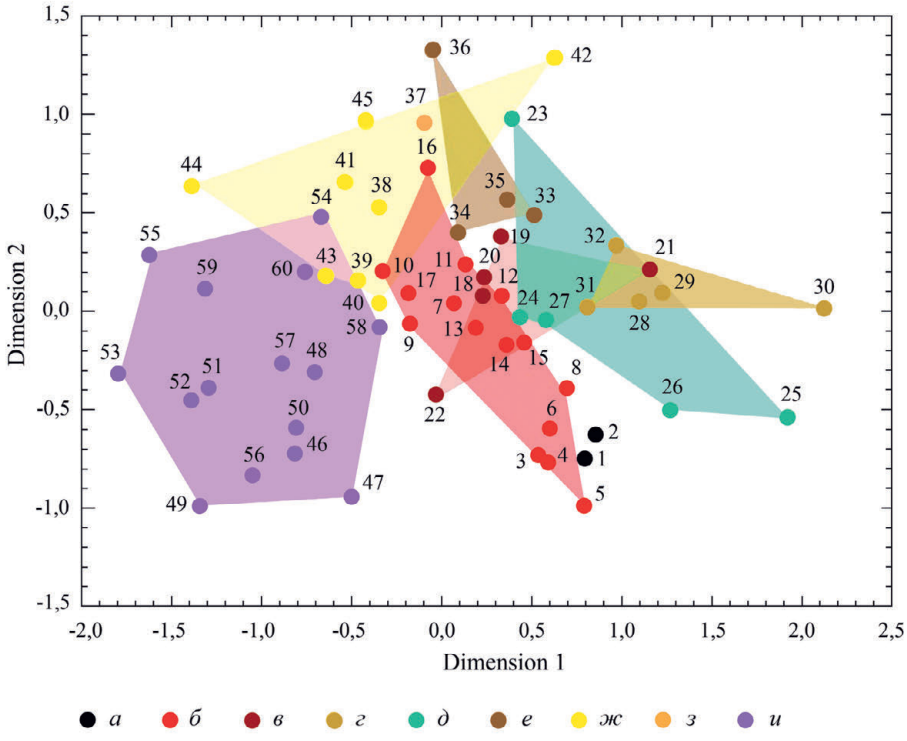
выступания носа – вообще ничего. Во всех трех группах есть как долихокранные, так и мезокранные черепа с широким или очень широким лбом. При столь лаконичной характеристике нельзя оценить степень различий ни между ними, ни в сравнении с другими европейскими сериями. Поэтому население эпохи энеолита представлено в нашем анализе только пятью выборками: новоданиловской (5 черепов); среднестоговской (16 черепов), двумя хвалынскими (11 и 19 черепов) и группой из 6 черепов из энеолитических погребений в могильниках Съезжее и Лебяжинка в Волго-Уралье (*Потехина*, 1999; *Хохлов*, 2010; 2017; и др.).

На первом этапе анализа использовалось наибольшее количество групп (60): две северокавказские выборки (рис. 1: *а, 1, 2*), пятнадцать территориальных групп ямной культуры (на рис. 1: *б, 3–17*), пять энеолитических выборок Восточной Европы (рис. 1: *в, 18–22*), пять выборок из могильников мариупольской культуры (рис. 1: *г, 28–32*), пять – из могильников лесного неолита (рис. 1: *д, 23–27*), четыре выборки эпох мезолита и раннего неолита (рис. 1: *е, 33–36*), восемь закавказских серий преимущественно эпохи бронзы (рис. 1: *ж, 38–45*), одна степная майкопская выборка (рис. 1: *з, 37*) и пятнадцать групп из памятников неолита и энеолита Центральной и Северной Европы (рис. 1: *и, 46–60*). Сравнение проводилось по девяти краниометрическим признакам, которые позволяют описать в целом морфологию черепа по размерам мозгового и лицевого отделов, грушевидного отверстия и глазниц.

Главным результатом этого этапа является демонстрация специфической морфологии, объединяющей северо- и центральноевропейские краниологические серии (рис. 1: *и*), среди которых и выборка культуры шаровидных амфор (рис. 1: *60*), наибольшее сходство имеющая с черепами из неолитических памятников Германии. Все западные группы расположены в левом нижнем квадранте координатного пространства, так как отличаются от остальных меньшими поперечными размерами мозгового и лицевого отделов черепа, меньшей высотой носа и меньшими размерами глазниц (и по высоте, и особенно – по ширине). Северокавказские выборки расположены здесь исключительно в кругу серий, представляющих восточноевропейское население, прежде всего – среди прикаспийских групп ямной культуры (калмыцких, ставропольской, астраханской). Отличия западных групп настолько существенны, что на этом фоне почти не видна разница между популяциями разных эпох и территорий Восточной Европы и Кавказа. Поэтому на втором этапе анализа были исключены пятнадцать серий из Центральной и Северной Европы (рис. 1: *и*), благодаря чему удалось расширить перечень краниометрических признаков с девяти до одиннадцати, дополнив его измерениями углов горизонтальной профилированности лица (рис. 2).

На этот раз ярче всего проявилось своеобразие материалов с территорий Армении, Грузии, Азербайджана и Дагестана (рис. 2: *38–45*), занявших левую часть координатного пространства. При заметном морфологическом разнообразии выборки Восточного и Южного Кавказа отличаются от восточноевропейских меньшей шириной мозгового и лицевого отделов (но не столь сильно, как центральноевропейские) в сочетании с большей горизонтальной профилированностью лица. Все представленные здесь популяции Восточной Европы, как степной, так и лесной зон, меньше отличаются друг от друга, чем от населения Кавказа,


С
0 500 км


Dimension 1
Dimension 2
а б в г д е ж з и

поэтому плохо дифференцируются на графике. Среди восточноевропейских групп наибольшее сходство с закавказскими демонстрирует степная майкопская группа (рис. 2: *37*), в то время как обе северокавказские выборки расположены в противоположной части графика, снова среди прикаспийских ямных.

Краниологическая выборка из могильника Беркабер (рис. 2: *42*), опубликованная с куро-араксской культурной атрибуцией (*Алексеев, Мкртчян*, 1989), отличается от остальных кавказских серий менее высоким и менее клиногнатным лицом и меньшими размерами грушевидного отверстия, но сохраняет типичную для населения Кавказа среднюю в общемировом масштабе ширину лица. Северокавказские выборки, напротив, даже среди сравнительно широколицых восточноевропейских групп выделяются одними из самых больших значений скулового диаметра и расположены на графике одинаково далеко как от майкопской, так и от куро-араксской выборок.

На третьем этапе были исключены все южные материалы (рис. 1: *ж*), включая майкопскую выборку (рис. 1: *з*), чтобы проследить различия между региональными и хронологическими группами населения Восточной Европы. Перечень признаков был дополнен данными о высоте черепа, относительной высоте переносья и угле выступания носа. В пространстве координат шкалированных

Рис. 1 (с. 314). Географическое расположение используемых материалов и результаты первого этапа межгруппового анализа

1 – северокавказская; *2* – поздняя северокавказская; *3* – ямная Восточного Маныча; *4* – ямная калмыцкая; *5* – ямная астраханская; *6* – ямная ставропольская; *7* – ямная нижнедонская левобережная; *8* – ямная нижнедонская правобережная; *9* – ямная нижнеднепровская восточная; *10* – ямная нижнеднепровская южная; *11* – ямная нижнеднепровская западная; *12* – ямная ингульская; *13* – ямная волго-донская; *14* – ямная нижневолжская левобережная; *15* – ямная Самарской Луки; *16* – ямная приуральская (тамар-уткульская) правобережная; *17* – ямная приуральская (тамар-уткульская) левобережная; *18* – среднестоговская; *19* – Хвалынск II; *20* – Хвалынск I; *21* – новоданиловская; *22* – энеолит Волго-Уралья: Съезжее, Лебяжинка; *23* – неолит Волго-Уралья: Лебяжинка, Царево-Алекс., Барановская; *24* – неолит Волго-Уралья: Меллятамак; *25* – волго-окская ямочно-гребенчатая культура; *26* – волосовская; *27* – Звейниеки, средний и поздний неолит; *28* – Вильнянский; *29* – Вовниги; *30* – Васильевка II; *31* – Дереивка; *32* – Никольский; *33* – Звейниеки, ранний неолит; *34* – Звейниеки, мезолит; *35* – Васильевка III, мезолит; *36* – Васильевка I, мезолит; *37* – майкопская Ставрополья и Калмыкии; *38* – Шенгавит, Армения; *39* – Артик и Ором, Армения; *40* – Норадуз и Цамакаберд, Армения; *41* – Лчашен, Армения; *42* – Беркабер, Армения; *43* – Гинчи, Дагестан; *44* – Самтавро, Грузия; *45* – Мингечевир (Мингечаур), Азербайджан; *46* – средний неолит Дании; *47* – поздний неолит Дании; *48* – культура лендьель, Польша; *49* – культура лендьель, Австрия и Словакия; *50* – культура лендьель, Венгрия; *51* – культура Тисаполгар, Венгрия; *52* – культура Бодрогкерештур, Словакия; *53* – культура Тиса, Румыния; *54* – каменные ящики, Германия и Нидерланды; *55* – каменные ящики, Гессен, Германия; *56* – каменные ящики, Альтендорф, Германия; *57* – неолит, Мекленбург, Германия; *58* – неолит, Осторф, Германия; *59* – неолит, культура Вальтерниенбург – Бернбург, Германия; *60* – культура шаровидных амфор (подробнее список источников см.: *Казарницкий*, 2014; 2021; 2022)

Условные обозначения: *а* – выборки северокавказской культуры; *б* – территориальные группы ямной культуры; *в* – энеолитические выбоки Восточной Европы; *г* – выборки из могильников мариупольской культуры; *д* – выборки из могильников лесного неолита; *е* – выборки эпох мезолита и раннего неолита; *ж* – выборки Восточного Кавказа и Закавказья (преимущественно эпоха бронзы); *з* – степная выборка майкопской культуры; *и* – выборки из памятников неолита и энеолита Центральной и Северной Европы

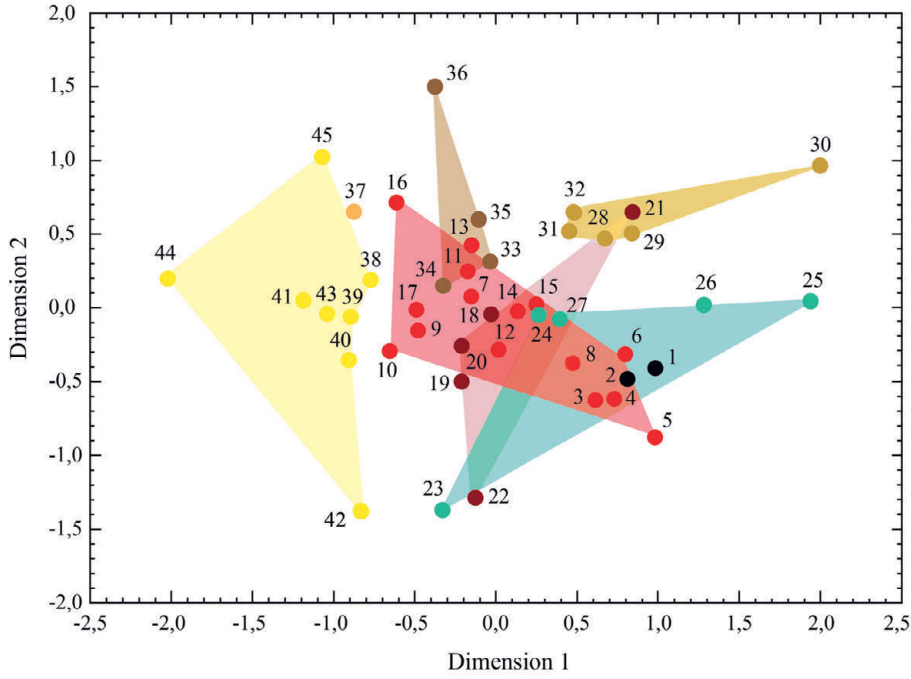


Рис. 2. Результаты второго этапа межгруппового анализа. Усл. обозначения см. в подписи к рис. 1 и в тексте

расстояний Махаланобиса (рис. 3) серии распределились не менее чем по четырем территориально-хронологическим объединениям.

Во-первых, это самые ранние серии мезолита и раннего неолита из могильников Васильевка I, III и Звейниеки (рис. 3: *е, 33–36*) с длинными, высокими и узкими долихокранными черепами и широким клиногнатным лицом, расположенные в левой части графика.

Во-вторых, это серии из могильников мариупольской культуры из Поднепровья (рис. 3: *г, 28–32*) с очень длинными, очень высокими, чаще мезокранными черепами средней или большой ширины, с широким лбом, с высоким и очень широким лицом, очень широкими орбитами и средней профилированностью лица на верхнем уровне.

Третий краниологический комплекс наблюдается в неолитических выборках лесной и лесостепной зоны (рис. 3: *д, 23–27*), у которых менее длинные, мезокранные черепа, менее высокое лицо, средняя профилированность лица не только на верхнем, но порой и на среднем уровне, не столь выступающий нос и менее высокое переносье, чем в других группах.

Четвертое объединение состоит из серий ямной культуры, которые заняли в основном центральную часть графика (рис. 3: *б, 3–18*) – это восточные европеоиды с широким, средневысоким и клиногнатным лицом, низкими и широкими орбитами, высоким переносьем и сильно выступающим мезоринным носом.

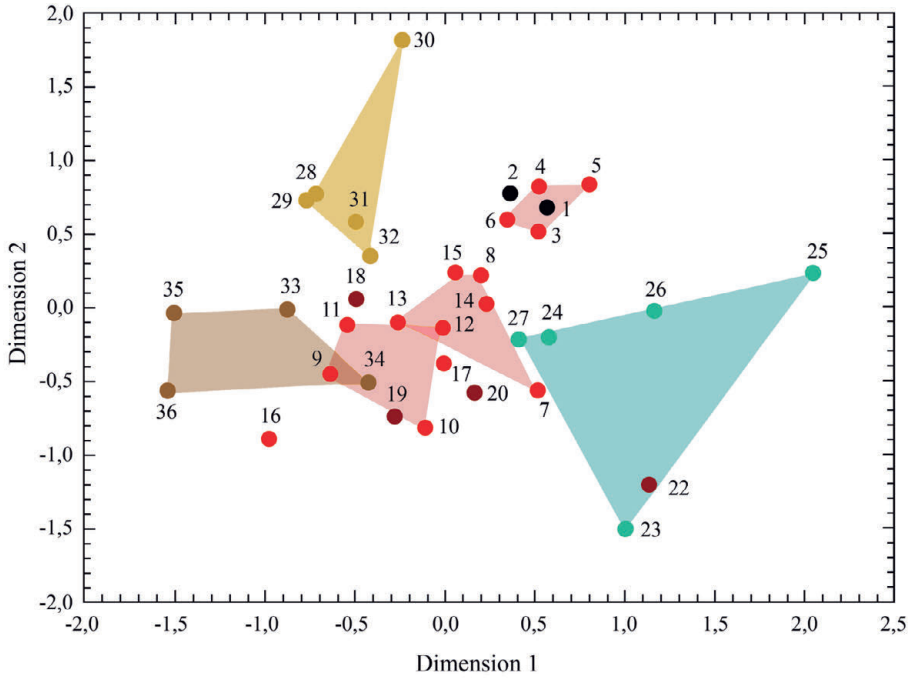


Рис. 3. Результаты третьего этапа межгруппового анализа.
Усл. обозначения см. в подписи к рис. 1 и в тексте

Морфологическое разнообразие их по другим признакам велико и во многом совпадает с географическим положением. Самые западные причерноморские выборки (рис. 3: *9–12*) – очень длинные, средней ширины, долихокранные и несколько менее широколицые, чем остальные. Доно-волжские (рис. 3: *7, 8, 13–15*) – менее длинные, средней ширины, как долихо-, так и мезокранные, с чуть более высоким носом. Прикаспийские (рис. 3: *3–6*) – самые широкие, мезо- и брахикранные, с наиболее широким среди ямных серий лицом. Географическая последовательность нарушается приуральскими группами, из которых левобережная (рис. 3: *17*) более схожа с доно-волжскими, а правобережная (рис. 3: *16*) заняла обособленное положение.

Новоданиловская, среднестоговская, хвалынские и энеолитическая волго-уральская выборки на всех этапах анализа не показывают сходства между собой. Выборка из Съезжего и Лебяжинки (рис. 3: *22*) повторяет облик предшествующего населения той же территории Волго-Уралья. Новоданиловская выборка на двух предыдущих этапах анализа (рис. 1 и 2: *21*) демонстрировала наибольшее сходство с материалами из мариупольских памятников (в последнем анализе она исключена из-за отсутствия данных о вертикальном диаметре черепа). Среднестоговская и обе хвалынские (рис. 3: *18–20*) более всего похожи на причерноморские ямные, а из более ранних – на мезолитические группы.

Наблюдаемое распределение серий можно объяснить следующим образом. Морфологически близкие друг другу мезолитические коллективы от Балтийского моря до Черного сменяются в эпоху неолита популяциями иного облика: в степной зоне появляются обладатели массивных и крупных черепов, в лесной – население с менее крупными размерами черепа и небольшой уплощенностью лица. Нам уже доводилось отмечать, что в западной и центральной частях ареала ямной культуры прослеживается по краниологическим материалам преемственность между популяциями от эпохи мезолита до эпохи ранней бронзы, но как будто исключающая из этого ряда представителей мариупольской культуры с их специфической морфологией черепа (*Казарницкий*, 2014). Первые два этапа представленного здесь анализа позволяют все же увидеть участие мариупольских коллективов в формировании группы, не использовавшейся нами ранее по причине малой численности наблюдений – носителей новоданиловской культуры.

В целом же сериям эпохи энеолита не свойственно наличие общего комплекса признаков, который, напротив, удается выявить для серий предшествующих эпох как лесной, так и степной зон: в выборке из Съезжего и Лебяжинки видны черты лесных неолитических популяций, в новоданиловской – мариупольских, в среднестоговской и хвалынских – мезолитических. По всей видимости, это является причиной морфологического разнообразия региональных групп ямной культуры. Остается лишь в очередной раз выразить сожаление по поводу отсутствия репрезентативных данных о черепах из нижнемихайловских и постмариупольских (квитянских) памятников.

Краниологические выборки из погребений северокавказской культуры (рис. 1–3: *а*) на всех этапах анализа демонстрируют наибольшее сходство с представителями ямной культуры Восточного Маныча, Калмыкии в целом, Астраханской области и северной части Ставропольского края (рис. 1–3: *3–6*). Происхождение этой региональной ямной группы (с самыми большими среди ямных поперечными размерами мозгового от лицевого отделов черепа) краниологи связывают с носителями мариупольской (днепро-донецкой) культуры, известными очень большими поперечными размерами черепа (*Алексеев*, 1983; *Шевченко*, 1986; *Хохлов*, 2006; *Герасимова*, 2011; *Казарницкий*, 2014). Однако сходство это все же не такое значительное, как, например, у новоданиловской группы, что большинством тех же авторов объясняется эпохальными изменениями в относительно изолированных прикаспийских популяциях. Последний тезис все же нуждается в дополнительных доказательствах на примере новых черепов из энеолитических памятников, так как мы явно упускаем какие-то существенные популяционные изменения в этот период, плохо представленный краниологическими материалами.

Выводы

Носители северокавказской археологической культуры из могильников Темрта, Песчаный, Лола, Восточный Маныч и Шарахалсун имеют значительное сходство и, вероятно, общее происхождение с носителями ямной культуры Северо-Западного Прикаспия. Этот вывод не нов (*Шевченко*, 1986; *Герасимова*, 2011;

Герасимова, Пежемский, 2014), но пока только ему удается найти подтверждение в краниологических материалах. У имеющихся в нашем распоряжении северокавказских черепов не прослеживается общих черт ни с закавказскими (в частности – куро-аракскими), ни с центральноевропейскими (в частности – культурой шаровидных амфор) выборками. Информация о черепах из постмариупольских памятников все еще, к сожалению, слишком скудна для сравнительного анализа. При этом важно отметить, что используемые нами черепа происходят из северной части ареала северокавказской культуры, поэтому полученные выводы не могут быть пока распространены на все ее население. Более того, не исключено, что мы имеем дело с ямной по происхождению группой, перенявшей северокавказский погребальный обряд.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П., 1983. Население эпохи бронзы на Среднем Дону (краниология) // *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 183–191.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 127 с.

Алексеев В. П., Мкртчян Р. А., 1989. Палеоантропологический материал из погребений в Армении и вопросы генезиса населения куро-аракской культуры // СЭ. № 1. С. 127–133.

Гей А. Н., Клещенко А. А., 2018. Большой Петропавловский могильник: публикация и интерпретация материалов раскопок. М.: ИА РАН. 220 с. (Труды Северо-Кавказской (Донской) археологической экспедиции; 1.)

Герасимова М. М., 2011. К вопросу о происхождении ямной культуры // ВА. № 19. С. 104–111.

Герасимова М. М., Пежемский Д. В., 2014. Краниологические материалы из погребений северокавказской культуры (раскопки ГУП «Наследие», Ставрополь, 1998 г.) // ВА. № 2 (28). С. 112–115.

Казарницкий А. А., 2012. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука. 264 с.

Казарницкий А. А., 2014. О краниологических особенностях населения ямной археологической культуры Северо-Западного Прикаспия // АЭАЕ. № 1 (57). С. 142–150.

Казарницкий А. А., 2021. Соотношение местного и пришлого населения восточноевропейских степей в эпоху бронзы (по краниологическим материалам) // АЭАЕ. Т. 49. № 3. С. 127–135.

Казарницкий А. А., 2022. Краниологические данные о миграциях с запада в Восточную Европу в посткатакомбное время // Camera praehistorica. № 2. С. 134–144.

Клещенко А. А., 2020. Миграционная гипотеза происхождения северокавказской культуры // SP. № 2. С. 227–242.

Козинцев А. Г., 2007. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // АЭАЕ. № 4 (32). С. 143–157.

Марковин В. И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). Москва: АН СССР. 152 с. (МИА; № 93.)

Николаева Н. А., 1980. Выделение кубано-терской культуры ранне- среднебронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии / Отв. ред. М. М. Блиев. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т. С. 97–119.

Очир-Горяева М. А., 2008. Археологические памятники волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел. 298 с.

Потєхіна І. Д., 1994. До питання про антропологічний склад енеолітичного населення України (за матеріалами доямних підкурганних поховань) // Археологія. № 4. С. 107–116.

Потехина И. Д., 1999. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным. Киев: ИА НАНУ. 216 с.

Трифонов В. А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы // Древние культуры Прикубанья: по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 92–166.

Хохлов А. А., 2006. О краниологических особенностях населения ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // ВА. № 14. С. 136–146.

Хохлов А. А., 2010. Население хвалынской энеолитической культуры: по антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура: исследования материалов. Самара: Историко-эко-культур. ассоц. «Поволжье». С. 407–517.

Хохлов А. А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. 368 с.

Шевченко А. В., 1986. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР / Отв. ред.: И. И. Гохман, А. Г. Козинцев. Л.: Наука. С. 121–215.

Эрдниев У. Э., 1982. Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во. 153 с.

Сведения об авторе

Казарницкий Алексей Александрович, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: kazarnitski@mail.ru

A. A. Kazarnitskiy

THE ISSUE OF THE NORTH CAUCASUS CULTURE ORIGIN IN THE LIGHT OF THE CRANIOLOGICAL DATA

Abstract. The paper discusses craniological features of the population attributed to the North Caucasus culture of the Bronze Age Eastern Europe. The analysis relies on comparative data on human populations of the Early Bronze Age and the preceding periods in Northern, Central and Eastern Europe (60 male craniological series that total around 900 skulls). The inter-group analysis was performed by calculating Mahalanobis distances and then by multidimensional scaling to produce two-dimensional graphs. The analysis confirms an earlier observation of shared traits between the North Caucasus population (from the northern part of its area) and the Yamnaya individuals from the Northwestern Caspian region. It also denies similarity of traits between the North Caucasus population and the Central European and Trans-Caucasus groups.

Keywords: craniology, craniometry, North Caucasus culture, populational history, Bronze Age, archaeology, Eastern Europe.

REFERENCES

Alekseev V. P., 1983. Naselenie epokhi bronzy na Srednem Donu (kraniologiya) [Population of the Bronze Age on Middle Don (craniology)]. *Sinyuk A. T. Kurgany epokhi bronzy Srednego Dona [Bronze Age kurgans on Middle Don]*. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 183–191.

Alekseev V. P., Debets G. F., 1964. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Craniometry. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka. 127 p.

Alekseev V. P., Mkrtchyan R. A., 1989. Paleoantropologicheskiy material iz pogrebeniy v Armenii i voprosy genezisa naseleniya kuro-arakskoy kul'tury [Paleoanthropological material from burials in Armenia and genesis of the Kura-Araxes culture population]. *SE*, 1, pp. 127–133.

Erdniev U. E., 1982. Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnykh Ergeney [Archaeological sites of South Ergeni]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 153 p.

Gerasimova M. M., 2011. K voprosu o proiskhozhdenii yamnoy kul'tury [The issue of genesis of Yamnaya culture population]. *VA*, 19, pp. 104–111.

Gerasimova M. M., Pezhemskiy D. V., 2014. Kraniologicheskie materialy iz pogrebeniy severokavkazskoy kul'tury (raskopki GUP «Nasledie», Stavropol', 1998 g.) [Craniological materials from North Caucasian culture burials (excavations of State Unitary Enterprise «Nasledie», Stavropol, 1998)]. *VA*, 2 (28), pp. 112–115.

Gey A. N., Kleshchenko A. A., 2018. Bol'shoy Petropavlovskiy mogil'nik: publikatsiya i interpretatsiya materialov raskopok [Bolshoy Petropavslovskiy cemetery: publication and interpretation of excavated materials]. Moscow: IA RAN. 220 p. (Trudy Severo-Kavkazskoy (Donskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii, 1.)

Kazarnitskiy A. A., 2012. Naselenie azovo-kaspiyskikh stepey v epokhu bronzy (antropologicheskiy ocherk) [Population of the Azov-Caspian steppes in Bronze Age (anthropological essay)]. St. Petersburg: Nauka. 264 p.

Kazarnitskiy A. A., 2014. O kraniologicheskikh osobennostyakh nositeley yamnoy arkheologicheskoy kul'tury Severo-Zapadnogo Prikaspiya [On craniological features of the bearers of Yamnaya archaeological culture in Northwestern Caspian Sea region]. *AEAE*, 1 (57), pp. 142–150.

Kazarnitskiy A. A., 2021. Sootnoshenie mestnogo i prishlogo naseleniya vostochnoevropeyskikh stepey v epokhu bronzy (po kraniologicheskim materialam) [The ratio of the local and alien population of East European steppes in Bronze Age (based on craniological materials)]. *AEAE*, vol. 49, no. 3, pp. 127–135.

Kazarnitskiy A. A., 2022. Kraniologicheskie dannye o migratsiyakh s zapada v Vostochnuyu Evropu v postkatakombnoe vremya [Craniological data on migrations from the West to Eastern Europe in post-Catacomb period]. *Camera praehistorica*, 2, pp. 134–144.

Khokhlov A. A., 2006. O kraniologicheskikh osobennostyakh naseleniya yamnoy kul'tury Severo-Zapadnogo Prikaspiya [On craniological features of Yamnaya culture population in Northwestern Caspian Sea region]. *VA*, 14, pp. 136–146.

Khokhlov A. A., 2010. Naselenie khvalynskoy eneoliticheskoy kul'tury: po antropologicheskim materialam gruntovykh mogil'nikov Khvalynsk I, Khvalynsk II, Khlopkov Bugor [Population of Khvalynsk Eneolithic culture: according to anthropological materials from ground cemeteries Khvalynsk I, Khvalynsk II, Khlopkov Bugor]. *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura: issledovaniya materialov [Khvalynsk Eneolithic cemeteries and Khvalynsk Eneolithic culture: research materials]*. Samara: Istoriko-eko-kul'turnaya assotsiatsiya «Povolzh'e», pp. 407–517.

Khokhlov A. A., 2017. Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita – bronzovogo veka) [Morphogenetic processes in Volga-Ural region in Early Holocene (based on craniological materials of Mesolithic – Bronze Age)]. Samara: Samarskiy gos. sotsial'no-pedagogicheskiy universitet. 368 p.

Kleshchenko A. A., 2020. Migratsionnaya gipoteza proiskhozhdeniya severokavkazskoy kul'tury [Migration hypothesis of the origin of North Caucasian culture]. *SP*, 2, pp. 227–242.

Kozintsev A. G., 2007. Skify Severnogo Prichernomor'ya: mezhgruppovye razlichiya, vneshnie svyazi, proiskhozhdenie [Scythians of North Pontic region: intergroup differences, external relations, origin]. *AEAE*, 4 (32), pp. 143–157.

Markovin V. I., 1960. Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (II tys. do n. e.) [Culture of North Caucasus tribes in the Bronze Age (II mill. BC)]. Moscow: AN SSSR. 152 p. (MIA, 93.)

Nikolaeva N. A., 1980. Vydelenie kubano-terskoy kul'tury ranne- i srednebronzovogo veka na Severnom Kavkaze [Singling out Kuban-Terek culture of Early and Middle Bronze Age in North Caucasus]. *Problemy arkheologii Severnoy Osetii [Issues of archaeology of North Ossetia]*. M. M. Bliev, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gos. universitet, pp. 97–119.

Ochir-Goryaeva M. A., 2008. Arkheologicheskie pamyatniki volgo-manychskikh stepey (svod pamyatnikov, issledovannykh na territorii Respubliki Kalmykiya v 1929–1997 gg.) [Archaeological sites of Volga-Manych steppes (corpus of sites explored in territory of the Republic of Kalmykia in 1929–1997)]. Elista: Gerel. 298 p.

Potekhina I. D., 1994. Do pytannya pro antropologichnyy sklad eneolitychnogo naselennya Ukraïny (za materialamy doyamnykh pidkurgannykh pokhovan') [The issue of anthropological structure

of Eneolithic population of Ukraine (based on materials of pre-Yamnaya kurgan burials)]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 4, pp. 107–116.

Potekhina I. D., 1999. Naselenie Ukrainy v epokhi neolita i rannego eneolita po antropologicheskim dannym [Population of Ukraine in Neolithic and Early Eneolithic based on anthropological data]. Kiev: IA NANU. 216 p.

Shevchenko A. V., 1986. Antropologiya naseleniya yuzhnorusskikh stepey v epokhu bronzy [Anthropology of population of South Russian Sseppes in Bronze Age]. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya Evropeyskoy chasti SSSR [Anthropology of modern and ancient population of European part of the USSR]*. I. I. Gokhman, A. G. Kozintsev, eds. Leningrad: Nauka, pp. 121–215.

Trifonov V. A., 1991. Stepnoe Prikuban'e v epokhu eneolita – sredney bronzy [Steppe Kuban region in Eneolithic – Middle Bronze Age]. *Drevnie kul'tury Prikuban'ya: po materialam arkheologicheskikh rabot v zonakh melioratsii Krasnodarskogo kraya [Ancient cultures of Kuban region: based on materials of archaeological work in land reclamation zones of Krasnodar Krai]*. V. M. Masson, ed. Leningrad: Nauka, pp. 92–166.

About the author

Kazarnitskiy Aleksey A., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Universitetskaya nab., 3, St-Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: kazarnitski@mail.ru

И. К. Решетова

МОНАШЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА СВЯТО-ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ[1]

Резюме. В работе рассмотрены материалы из комплексов монашеских захоронений некрополя Георгиевского собора Юрьева монастыря. Новгородским архитектурным отряда Новгородской археологической экспедиции (НАО НАЭ) ранее был выявлен обширный некрополь, сформированный в пространстве, прилегающем к собору. К сезону 2023 г. выявлено и исследовано 105 погребений, 16 из которых по контексту можно интерпретировать как монашеские.

Ключевые слова: палеоантропология, монашеские захоронения, некрополь Юрьева монастыря, Великий Новгород, болезнь Форестье.

Многолетние изучения комплекса Георгиевского собора Свято-Юрьева мужского монастыря в Великом Новгороде послужили предметом исследований не одного междисциплинарного проекта. Уникальность памятника и насыщенность материалом позволяют неоднократно обращаться к этому объекту.

Георгиевский собор – один из старейших архитектурных памятников домонгольского времени. Его строительство началось в 1119 г. и продолжалось на протяжении 11 лет. Георгиевский собор стал усыпальницей для настоятелей монастыря и ряда государственных деятелей – новгородских посадников, князей, служилых людей.

С 2013 г. экспедицией Института археологии РАН, архитектурно-археологическим отрядом (затем экспедицией) под руководством Вл. В. Седова исследуется пространство внутри собора, а также площади, непосредственно примыкающие к его стенам. Помимо княжеских захоронений в интерьерах собора

[1] Работа выполнена по теме «Домонгольские росписи Новгорода: археологический контекст и естественно-научные исследования (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря из раскопок 2013–2020 годов), номер соглашения 075-15-2021-576».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.323-334

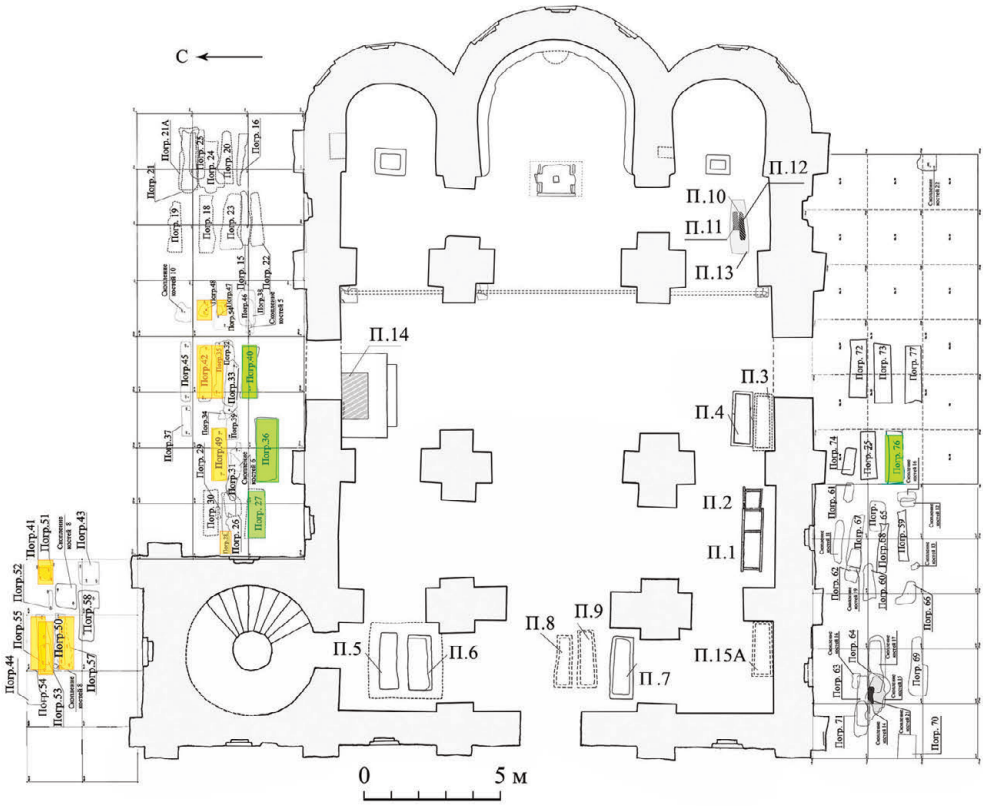


Рис. 1. Схема расположения погребений некрополя Георгиевского собора. Зеленым цветом выделены монашеские погребения в саркофагах, желтым – грунтовые монашеские погребения

обнаружен обширный некрополь на прилегающей территории. К сезону 2023 г. общее количество исследованных погребений составляет 105, а выявленных индивидов 152 человека (рис. 1).

Датировка некрополя достаточно широкая, наиболее поздние монашеские захоронения относятся к XIX в. (захоронения, примыкающие к лестничной башне, с северной стороны собора), погребения в белокаменных саркофагах домонгольского времени, грунтовые захоронения под плитами или без каких-либо зафиксированных надмогильных сооружений (*Седов*, 2017; 2018; 2020; *Решетова*, 2022).

В статье рассматриваются материалы, археологический контекст которых позволяет ассоциировать их с монашескими (*Макаров*, 1981; *Мусин*, 2002; *Панова*, 2004; *Беляев*, 2005; 2011; *Осипов и др*., 2018). Среди сопроводительного инвентаря были обнаружены каменные погребальные подушки, плетеные кожаные кресты аналавов, постригальные кресты, пояса, четки, остатки погребальной обуви. Останки происходят как из коллективных погребений в белокаменных

саркофагах, так и из грунтовых захоронений, имеют отличные хронологические индикаторы. Исходя из предположения о некой унифицированности и стабильности аскетического образа жизни, все индивиды (в том числе и три индивида начала XIX в.) были объединены в единую выборку «монашествующих» (табл. 1).

Таблица 1. Список погребений

Погребение	Пол	Возраст
27-1	М	60+
27-2	М	70+
27-3	М	55+
27-4	М	50+
27-5	М	45–55
27-6	М	45–55
28	М	Adultus II– Mat
35	М	40–49 (зубы) 45–55 ПКС
36-1	М	50+
36-2	М	45–55
36-3	М	50+
36-4	М	35–45
36-5	М	18–23
36-6	М	40–49
36-7	М	50++
36-8	М	45–55
40-1	М	40–49
40-2	М	60+
40-2а	М	60+
41	М	50+
42	М	60+
43	М	40–49
47	М	50+
48	М	40–49
49	М	25–35
50-1 север	М	45+
54	М	35–45
55	М	60+

Окончание табл. 1

Погребение	Пол	Возраст
57	М	65+
76-1	М	60+
76-2	М	50+
76-3	М	60+
76-4	М	35–49

Коллективные погребения были совершены в составных белокаменных саркофагах из известняка, содержали останки от трех до восьми человек. Рассмотрим по отдельности каждую из этих погребальных конструкций.

Погребение 27 (саркофаг 1)

Располагался вдоль северной стены Георгиевского собора. Плиты крышки саркофага были разрушены, упали внутрь погребальной конструкции. При расчистке обнаружилось коллективное захоронение. Останки скелетированы, кости скелета отчасти находились в нарушенном антропологическом порядке. Изолированные черепа располагались у западной стенки саркофага. Разбор погребения осуществлялся последовательно по индивидам (посткраниальным скелетам): в большинстве случаев принадлежность отдельных элементов тому или иному скелету возможно было установить. Всем посткраниальным скелетам были присвоены цифровые обозначения, черепам были даны буквенные обозначения от А до Е. На следующем этапе краниальные остатки и посткраниальные скелеты были соотнесены.

Была установлена последовательность заполнения саркофага, выявлены наиболее ранние и поздние погребения (рис. 2).

Погребение 36 (саркофаг 2)

Саркофаг 2 также содержал коллективное погребение восьми индивидов. Плита крышки саркофага наполовину утрачена. В этой части разбор погребального сооружения проводился до дна конструкции. Были обнаружены разрозненные кости скелетов нескольких индивидов, череп. После снятия сохранившейся части крышки саркофага разбор погребения производился послойно. Установлено беспорядочное скопление костей в верхней части саркофага, а также фрагменты кожаных изделий. Начиная с третьего уровня расчистки выявились непотревоженные части скелетов (кости нижних конечностей), так как погребения были проложены полотнищами бересты. Это позволило дифференцировать погребенных. Как и предыдущий (погребение 27), саркофаг 2 заполнялся послойно, без перемещения ранее погребенных.

Погребение 40 (саркофаг 4)

Усыпальница содержала коллективное погребение трех индивидов. Внутреннее пространство практически не было заполнено грунтом. Для совершения

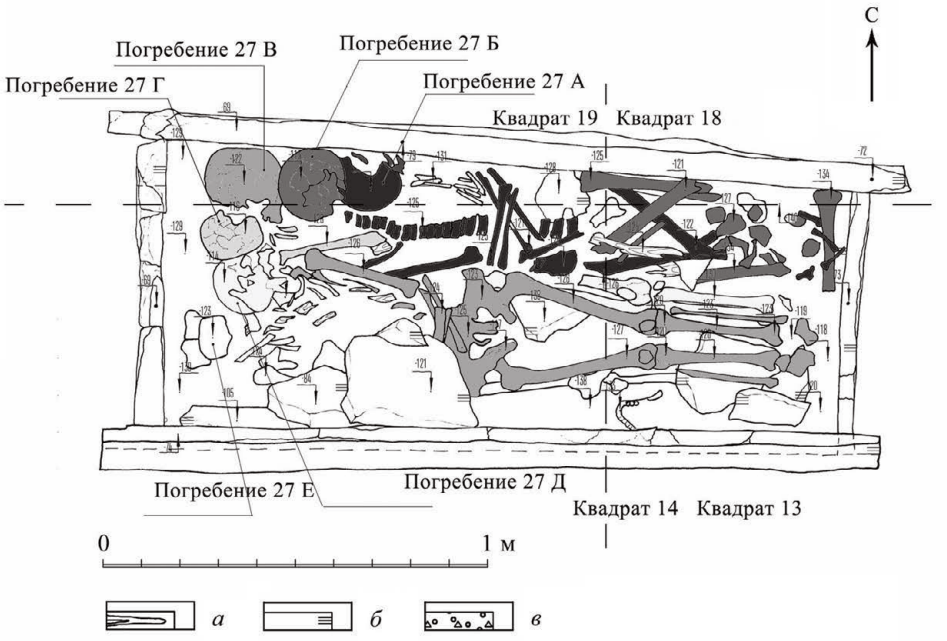


Рис. 2. Погребение 27

А – общий вид коллективного погребения 27; *Б* – план погребения 27 (саркофаг 1). Прорисовка по индивидам. Чертежи выполнены Фомичевой Ю. С. (по: *Седов*, 2017)

а – дерево; *б* – плитняк; *в* – раствор известково-цемяночный

подзахоронения хронологически позднего усопшего останки двух других индивидов были сдвинуты к южной стенке саркофага. У непотревоженного покойного сохранилась погребальная обувь, у перемещенных фрагменты кожаных изделий: тисненого пояса с изображениями двунадесятых праздников, плетеного кожаного шнура с фигурным кожаным крестом (аналавом), остатков погребальной обуви. В области груди и бедренных костей сохранились остатки мягких тканей в виде бесструктурной массы, а также скопления шкурок куколок мух.

Погребение 76 (саркофаг 10)

В этом коллективном погребении обнаружены останки четырех взрослых мужчин, захороненных также с периодичностью. Наиболее позднее погребение *in situ*, скелет сохранил анатомический порядок, присутствуют фрагменты погребальной обуви. Кости индивидов из «предзахоронений» в этой усыпальнице перемещены: останки наиболее раннего сдвинуты к восточной стенке в компактное скопление. Перемещение и, соответственно, подзахоронение происходило не ранее 5 лет после первых похорон, когда тело полностью скелетировалось и уже не имело связок, так как мы видим, что скопление представлено изолированными костями, утратившими сочленения. В почве без доступа воздуха разложение мягких тканей происходит от 3 до 5 лет, распад связок и сухожилий – до 10 лет (*Berg*, 1963), однако в земле, на поверхности которой находятся строения, сооружения, препятствующие проникновению влаги, света, кости сохраняются долго, процессы происходят медленнее. В саркофагах и склепах останки могут практически не изменяться долгое время (при условии сохранения изначальных параметров, т. е. целостности камеры) (*Пашкова, Резников*, 1978. С. 157). В скоплении обнаружены фрагменты плетеного кожаного шнура (вероятно, от аналава), остатки кожаной обуви. Тела двух других погребенных сдвинуты к северной и восточной стенкам саркофага, некоторые элементы скелета на момент перемещения находились в суставных сочленениях. Черепа всех четырех покойных располагались в западной части саркофага.

Практика устройства гробниц создает определенные проблемы в интерпретации и хронологии. Многочисленные примеры коллективных захоронений в саркофагах выявляют схожие проблемы при анализе материала, определении последовательности захоронений и времени между совершением подзахоронений и т. д. (*Добровольская, Мастыкова*, 2020; *Рабиновиц и др*., 2009). Описываются случаи вторичного захоронения отдельных костей или частей тела в общий саркофаг (*Рабиновиц и др*., 2009. С. 235).

Грунтовые захоронения

При анализе инвентарного сопровождения из грунтовых погребений некрополя Георгиевского собора выявлены: каменные погребальные подушки (погр. 35, 41, 42, 43, 47, 48, 50-1, 54), пояс (погр. 40, 57), четки (погр. 49, 55, 57), фрагменты аналава (погр. 40), параман (погр. 49, 57), постригальные кресты (погр. 49, 55, 57). Эти находки позволили атрибутировать захоронения как монашеские.

Таким образом, выборка насчитывает 16 погребений, 33 индивида.

Пол всех индивидов определен как мужской, средний возраст смерти – 48 лет, что является высоким показателем, тем более что более половины (60,6 %) находятся за границей в 50 лет.

По данным А. П. Бужиловой, средний возраст смерти на территории средневековой Руси находится в интервале 32,4–43,8 лет. Этот признак имеет тенденцию к географическому распределению. Наиболее низкие показатели были зафиксированы среди новгородских словен, кривичей ярославских и черниговских полян. На других территориях средний возраст смерти находится в пределах 35–39,9 лет (*Бужилова*, 1995. С. 71). Даже при условии исключения из рассматриваемой выборки трех погребений XIX в. общая тенденция не изменится.

Исследуя антропологические материалы более позднего времени в черте В. Новгорода на ул. Даньславля, Евтеев А. А. обращал внимание на особенности поздних выборок (XVI–XVIII вв.) существенным повышением числа индивидов в возрасте старше 45 лет, а также людей старческого возраста, встречающихся почти исключительно в этой выборке (*Евтеев, Олейников*, 2015. С. 129). В то же время синхронные серии из Ярославля XVI–XVII вв. характеризуются средней продолжительностью жизни 33 года (*Медникова и др.*, 2013. С. 158).

Наибольше сходство эта «демографическая» картина имеет с престижными монастырскими некрополями: некрополем Чудова Монастыря в Московском Кремле, некрополем Троице-Сергиевой лавры. В то время как рядовые индивиды из городских и сельских кладбищ Новгородской земли демонстрируют более низкие показатели продолжительности жизни, приближенные к усредненным данным по всей территории средневековой Руси (*Энговатова, Васильева*, 2022; *Евтеев, Олейников*, 2015; *Бужилова*, 1995). Высокие значения возраста смерти обусловлены избирательностью серии и особыми условиями жизни.

В табл. 2 представлены выявленные патологические проявления: это заболевания зубочелюстной системы (зубной камень и пародонтопатии), в значительной степени зависящие от характера пищи (мягкая, вязкая), недостаточной гигиены и нарушения обменных процессов.

Таблица 2. Маркеры стресса и патологические проявления

Признак	N	X	%
Пародонтопатия	30,00	7,00	23,33
Кариес	30,00	3,00	10,00
Зубной камень	30,00	9,00	30,00
Одонтогенный остеомиелит (хронический абсцесс)	33,00	5,00	15,15
Cribra orbitalia	33,00	1,00	3,03
Травмы (череп)	31,00	1,00	3,23
Перелом носовых костей	31,00	1,00	3,23
Переломы длинных костей	30,00	3,00	10,00
Артрозы (резкие ДДИС)	30,00	13,00	43,33

Окончание табл. 2

Признак	N	X	%
Энтезопатии	30,00	10,00	33,33
Остеофиты позвоночника	30,00	9,00	30,00
Остеохондроз	30,00	8,00	26,67
Узлы Шморля	30,00	4,00	13,33
Периостит на костях ПКС	30,00	5,00	16,67

Отмечены ярко выраженные дегенеративные изменения позвоночника и суставов, связанные с естественными возрастными процессами, усугубленные сильными физическими нагрузками, в особенности на пояс верхних конечностей. Люди находились в регулярном активном физическом труде, несмотря на возраст/заболевания.

Выявлены два случая болезни Форестье (погр. 35, 42). Диффузный идиопатический скелетный гиперостоз (болезнь Форестье) проявляется в оссификации передней продольной связки позвоночника (минимум на 4 смежных уровня позвонков) или при наличии множественных периферических энтезопатий; отмечается чаще среди мужчин старше 50 лет. Исследования этиологии этого заболевания показали сильную связь с ожирением и инсулиннезависимым сахарным диабетом (*Verlaan et al*., 2007; *Holton et al*., 2011, *Van der Merwe et al*., 2012; *Старкова, Эрдес*, 2016). Обзор зарубежных археологических и палеоантропологических исследований средневековых монастырских некрополей выявляет любопытную закономерность высокой частоты встречаемости DISH среди останков священнослужителей. Исследователи интерпретируют это как свидетельства особого положения священнослужителей, «элитарности» их ежедневного рациона и малоподвижного образа жизни (*Waldron*, 1985; *Mazieres*, 2013).

Экстраполировать выводы коллег применительно к материалам из православных монастырских некрополей *более чем преждевременно*, учитывая резкие отличия монастырских традиций и Устава. В то же время при исследовании серии захоронений из высокостатусного некрополя Чудова монастыря было выявлено 10 случаев этого заболевания (*Медникова*, 2022). Безусловно, этот факт интересен и будет рассмотрен в отдельной работе. Первые исследования изотопных соотношений азота и углерода, рассчитанные для этого некрополя, показали единообразие показателей, находящихся в пределах одного промилле как по соотношению углерода (-21 ‰ – -20 ‰), так и азота (10–11 ‰) (*Решетова*, 2022). Эти значения характеризуют смешанный тип привычного рациона, который включал высокую долю белкового компонента. Эти характеристики далеки от «лесной» пищевой модели, а также лесных ресурсов. Вероятно, белковый компонент был привнесен с/х животными. Исследованные индивиды демонстрируют пищевую модель, описанную для погребений из статусных городских некрополей (*Энговатова и др*., 2013. С. 96; 2015. С. 80; *Энговатова*, 2018 С. 142–143). На этом фоне выделяются отдельные индивиды с отличными

значениями изотопных сигналов; примечательно, что эти образцы принадлежат людям из одного саркофага – погребения 27. Сравнение изотопных соотношений у взрослых представителей светской (мирской) части общества и одного индивида, погребенного по монашескому обряду, позволяет видеть своеобразие последнего (индивид 2 из погр. 27) – крайне низкие значения по азоту свидетельствуют о малом содержании белка в рационе (*Добровольская и др*., 2020). Резко отличные показатели как азота, так и углерода индивида 6 из погребения 27 могут говорить о том, что он являлся мигрантом с более южных территорий, но значения азота также крайне низки и не позволяют утверждать о высокой доле белковой пищи в рационе этого человека.

Возможность длительного и разнопланового изучения некрополя Юрьева монастыря дает нам шанс представить историческую динамику некоторых аспектов жизни новгородской социальной верхушки, а также монастырской братии с домонгольского времени до XIX в. Этот некрополь интересен и разнообразием форм погребальных конструкций. Так, монашеские захоронения представлены как индивидуальными погребениями, так и коллективными, совершенными в саркофагах.

Изучение уклада жизни монашествующих на Русском Севере с методической точки зрения представляет идеальную возможность зафиксировать методами естественных наук различные варианты адаптационных процессов (пищевых, культурных, социальных) к аскетическому образу жизни, к консервативной культурной среде. Выявлена специфика этой серии – показатели значения средней продолжительности выше ожидаемых при сохранении высокого уровня физической активности и нагрузок. Можно предположить, что эти высокие значения параметров биологического возраста связаны в большей степени со стабильностью жизни и ее жестким, традиционным укладом, сохраняющимся на протяжении многих веков, чем с качеством жизни этих людей. Эта гипотеза требует подтверждения другими системами признаков.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Л. А., 2005. Каменные «подушки» монашеских погребений и их ветхозаветный прототип // РА. № 4. С. 171–175.

Беляев Л. А., 2011. Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источники // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 2 (5). С. 72–84.

Бужилова А. П., 1995. Древнее население: (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН. 189 с.

Добровольская М. В., Мастыкова А. В., 2020. Изотопные исследования скелетных останков людей из гробницы храма на Горзувитах: хронология, особенности питания, мобильность // КСИА. Вып. 260. С. 428–440.

Добровольская М. В., Тиунов А. В., Крылович О. А., Кузьмичева Е. А., Решетова И. К., Савинецкий А. Б., Свиркина Н. Г., Смирнов А. Л., 2020. Изотопные маркеры экосистем и питания средневекового сельского населения лесной зоны европейской части России // РА. № 3. С. 79–95.

Евтеев А. А., Олейников О. М., 2015. Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславле улице в Великом Новгороде // Города, поселения, могильники. Чебоксары: Перфектум. С. 100–145. (Материалы охранных археологических исследований; т. 17.)

Макаров Н. А., 1981. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // СА. № 2. С. 111–116.

Медникова М. Б., 2022. Антропологические материалы: маркеры стрессов и палеопатологии // Древности Московского Кремля. Т. I. Археологические исследования на месте Чудова монастыря / Отв. ред.: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 419–425.

Медникова М. Б., Энговатова А. В., Решетова И. К., Шведчикова Т. Ю., Васильева Е. Е., 2013. Эпидемиология войны и смуты: антропологические и письменные источники в изучении качества жизни населения русского города XVI–XVII вв. (на примере Ярославля) // КСИА. Вып. 231. С. 154–171.

Мусин А. Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское Востоковедение. 272 с. (Тр. ИИМК РАН; т. 5.)

Осипов Д. О., Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., 2018. Кожаные туфли из погребений Георгиевского собора Юрьева монастыря великого Новгорода // КСИА. Вып. 253. С. 335–347.

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радуница. 181 с.

Пашкова В. И., Резников Б. Д., 1978. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 320 с.

Рабиновиц А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р., 2009. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. XV. Симферополь. С. 196–274.

Решетова И. К., 2022. Антропологические исследования некрополя Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде 2014–2019 гг. // Архитектурная археология. № 4. С. 173–187.

Седов Вл. В., 2017. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде в 2016 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 52565.

Седов Вл. В., 2018. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде в 2017 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 56281.

Седов Вл. В., 2020. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде в 2019 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 64793.

Старкова А. С., Эрдес Ш. Ф., 2016. Сложности в диагностике идиопатического гиперостоза скелета (болезни Форестье) // Научно-практическая ревматология. Т. 54. С. 80–82.

Энговатова А. В., 2018. Некрополь Чудова монастыря: пища московской знати по данным изотопного анализа // Археология Московского Кремля: Раскопки 2016–2017 гг. С. 138–143.

Энговатова А. В., Васильева Е. Е., 2022. Топография и хронология некрополья, общая характеристика погребального обряда // Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН. С. 344–362.

Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И., 2013. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. Вып. 228. С. 96–115.

Энговатова А. В., Добровольская М. В., Зайцева Г. И., 2015. «Кремлевская диета» древнерусского города (по изотопным данным) // КСИА. Вып. 237. С. 80–89.

Berg S., 1963. The Determination of Bone Age // Methods of Forensic Science. Vol. II. London; New York.

Holton K. F., Denard P. J., Yoo J. U. et al., 2011. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis and its relation to back pain among older men: The MrOS Study // Semin Arhtritis Rheum. 41, 2. P. 131–138.

Mazieres B., 2013. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (Forestier-Rotes-Querol disease): what's new? // Joint Bone Spine. Vol. 80. Iss. 5. P. 466–470.

Van der Merwe A. E., Maat G. J. R., Watt I., 2012. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis: Diagnosis in a palaeopathological context // HOMO. Vol. 63. Iss. 3. P. 202–215.

Verlaan J. J., Oner F. C., Maat G. J. R., 2007. Diffuse idiopathic skeletal hyperostosis in ancient clergymen // European Spine Journal. Vol. 16. Iss. 8. P. 1129–1135.

Waldron T., 1985. DISH at Merton Priory: evidence for a «new» occupational disease? // British Medical Journal (Clinical Research Edition). Vol. 291. Iss. 6511. P. 1762–1763.

Сведения об авторе

Решетова Ирина Константиновна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ReshetovaIK@iaran.ru

I. K. Reshetova

MONK GRAVES IN THE CEMETERY OF THE ST. GEORGE CATHEDRAL IN THE ST. GEORGE MONASTERY IN VELIKIY NOVGOROD

Abstract. The paper examines materials from the complexes of the monk graves in the cemetery of the St. George Cathedral in the St. George (Yuriev) Monastery. In the past the Novgorod architectural team of the Novgorod archaeological expedition identified a large cemetery operational in the area adjacent to the cathedral. By the start-up of the 2023 season 105 graves were identified and examined; given the context, 15 burials can be interpreted as monk graves. The paper describes multiple graves made in white-stone sarcophagi as well as in-ground burials that can be identified as monk graves.

Keywords: paleoanthropology, monk graves, cemetery of the St. George (Yuriev) Monastery, Velikiy Novgorod, Forestier disease.

REFERENCES

Belyaev L. A., 2005. Kamennye «podushki» monasheskikh pogrebeniy i ikh vetkhozavetnyy prototip [Stone «pillows» in monastic burials and their Old Testament prototype]. *RA*, 4, pp. 171–175.

Belyaev L. A., 2011. Kamen' pod golovoy i lestnitsa v nebo: arkheologiya, ikonografiya, istochniki [Stone under the head and the stairway to heaven: archaeology, iconography, sources]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series V: History and Theory of Christian Art]*, 2 (5), pp. 72–84.

Buzhilova A. P., 1995. Drevnee naselenie: (paleopatologicheskie aspekty issledovaniya) [Ancient population: (paleopathological aspects of study)]. Moscow: IA RAN. 189 p.

Dobrovolskaya M. V., Mastykova A. V., 2020. Izotopnye issledovaniya skeletnykh ostankov lyudey iz grobnitsy khrama na Gorzuvitakh: khronologiya, osobennosti pitaniya, mobil'nost' [Stable isotope studies of the deceased from the sepulchral vault at Gorzuvity: chronology, diet pattern and mobility]. *KSIA*, 260, pp. 428–440.

Dobrovolskaya M. V., Tiunov A. V., Krylovich O. A., Kuzmicheva E. A., Reshetova I. K., Savinetskiy A. B., Svirkina N. G., Smirnov A. L., 2020. Izotopnye markery ekosistem i pitaniya srednevekovogo sel'skogo naseleniya lesnoy zony evropeyskoy chasti Rossii [Isotopic markers of ecosystems and nutrition of medieval rural population of the forest zone of European part of Russia]. *RA*, 3, pp. 79–95.

Engovatova A. V., Dobrovolskaya M. V., Antipina E. E., Zaytseva G. I., 2013. Kollektivnye zakhoroneniya v Yaroslavle. Rekonstruktsiya sistemy pitaniya na osnove rezul'tatov izotopnogo analiza [Mass burials in Yaroslavl. Reconstruction of nutrition system based on the isotope analysis]. *KSIA*, 228, pp. 96–115.

Engovatova A. V., Dobrovolskaya M. V., Zaytseva G. I., 2015. «Kremlevskaya dieta» drevnerusskogo goroda (po izotopnym dannym) [«The Kremlin diet» of Medieval Russian town (based on isotope data)]. *KSIA*, 237, pp. 80–89.

Engovatova A. V., 2018. Nekropol Chudova Monastyrya: pishcha Moskovskoy znati po dannym izotopnogo analiza [Necropolis of Chudov Monastery: food of the Moscow nobility according to isotope analysis]. *Arkheologiya Moskovskogo Kremlya: Raskopki 2016–2017 gg. [Archaeology of the Moscow Kremlin: 2016–2017 excavations]*. N. A. Makarov, V. Yu. Koval, eds. Moscow: IA RAN, pp. 138–143.

Engovatova A. V., Vasilieva E. E., 2022. Topografiya i khronologiya nekropolya, obshchaya kharakteristika pogrebal'nogo obryada [Topography and chronology of the necropolis, general characteristics of burial ritea]. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities pf the Moscow Kremlin], 1. Arkheologicheskie issledovaniya na meste Chudova monastyrya [Archaeological research at the site of Chudov Monastery]*. N. A. Makarov, V. Yu. Koval, eds. Moscow: IA RAN, pp. 344–362.

Evteev A. A., Oleynikov O. M., 2015. Arkheologicheskie i paleoantropologicheskie issledovaniya na Dan'slavle ulitse v Velikom Novgorode [Archaeological and paleoanthropological research

on Danslavl street in Veliky Novgorod]. *Goroda, poseleniya, mogil'niki [Cities, settlements, cemeteries]*. Cheboksary: Perfektum, pp. 100–145. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 17.)

Makarov N. A., 1981. Kamennye podushki v pogrebeniyakh drevnerusskikh nekropoley [Stone pillows in the burials of ancient Russian necropolises]. *SA*, 2, pp. 111–116.

Mednikova M. B., 2022. Antropologicheskie materialy: markery stressov i paleopatologii [Anthropological materials: markers of stress and paleopathology]. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of the Moscow Kremlin], I. Arkheologicheskie issledovaniya na meste Chudova monastyrya [Archaeological research at the site of Chudov Monastery]*. N. A. Makarov, V. Yu. Koval, eds. Moscow: IA RAN, pp. 419–425.

Mednikova M. B., Engovatova A. V., Reshetova I. K., Shvedchikova T. Yu., Vasil'eva E. E., 2013. Epidemiologiya voyny i smuty: antropologicheskie i pis'mennye istochniki v izuchenii kachestva zhizni naseleniya russkogo goroda XVI–XVII vv. (na primere Yaroslavlya) [Epidemiology of war and times of unrest: anthropological and written sources used in the study of quality of life of urban population in the 16th and 17th cc. (using Yaroslavl as an example)]. *KSIA*, 231, pp. 154–171.

Musin A. E., 2002. Khristianizatsiya Novgorodskoy zemli v IX–XIV vekakh. Pogrebal'nyy obryad i khristianskie drevnosti [Christianization of the Novgorod land in IX–XIV. Burial rite and Christian antiquities]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 272 p. (Trudy IIMK RAN, 5.)

Osipov D. O., Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V., 2018. Kozhanye tufli iz pogrebeniy Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya velikogo Novgoroda [Leather shoes from the graves of St. George cathedral in the St. George's (Yuriev) monastery of Velikiy Novgorod]. *KSIA*, 253, pp. 335–347.

Panova T. D., 2004. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vv. [Kingdom of death. Burial rite in medieval Russia, XI–XVI cc.]. Moscow: Radunitsa. 181 p.

Pashkova V. I., Reznikov B. D., 1978. Sudebno-meditsinskoe otozhdestvlenie lichnosti po kostnym ostankam [Forensic identification of a person based on bone remains]. Saratov: Saratovskiy universitet. 320 p.

Rabinovits A., Sedikova L. V., Khenneberg R., 2009. Povsednevnaya zhizn' provintsial'nogo goroda v pozdnevizantiyskiy period: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v yuzhnom rayone Khersonesa [Daily life of a provincial town in Late Byzantine Period: interdisciplinary research in southern region of Chersonesos]. *MAIET*, XV, pp. 196–274.

Reshetova I. K., 2022. Antropologicheskie issledovaniya nekropolya Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode 2014–2019 gg. [Anthropological studies in necropolis of St. George Cathedral of St. George Monastery in Veliky Novgorod 2014–2019]. *Arkhitekturnaya arkheologiya [Architectural archaeology]*, 4, pp. 173–187.

Sedov Vl. V., 2017. Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh raskopkakh Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode v 2016 godu [Report on architectural and archaeological excavations of St. George Cathedral of St. George Monastery in Veliky Novgorod in 2016]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Sedov Vl. V., 2018. Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh raskopkakh Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode v 2017 godu [Report on architectural and archaeological excavations of St. George Cathedral of St. George Monastery in Veliky Novgorod in 2017]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Sedov Vl. V., 2020. Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh raskopkakh Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode v 2019 godu [Report on architectural and archaeological excavations of St. George Cathedral of St. George Monastery in Veliky Novgorod in 2019]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Starkova A. S., Erdes Sh. F., 2016. Slozhnosti v diagnostike idiopaticheskogo giperostoza skeleta (bolezni Forest'e) [Difficulties in diagnosing idiopathic skeletal hyperostosis (Forestier disease)]. *Nauchno-prakticheskaya revmatologiya [Scientific and practical rheumatology]*, 54, pp. 80–82.

About the author

Reshetova Irina K., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: ReshetovaIK@iaran.ru

О. Ю. Зимина, Н. В. Приходько

ОПЫТ СЪЕМКИ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ИТКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗАУРАЛЬЕ МЕТОДОМ ВОЗДУШНОГО ЛАЗЕРНОГО СКАНИРОВАНИЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ[1]

Резюме. В статье приведены результаты воздушного лазерного сканирования двух участков в подтаежной зоне Зауралья в долине р. Тобол. Данные участки являются опорными для изучения восточного варианта иткульской культуры переходного времени от бронзового к раннему железному веку, памятники которого представлены слабо укрепленными поселениями (городищами) с круговой планировкой – территория с остатками сооружений наземного типа в виде приподнятых площадок оконтурена по кругу слабо выраженными в рельефе валом и рвом. Целью работ являлось тестирование LiDAR для выявления слабо выраженных в рельефе объектов восточного варианта иткульской культуры на площади боровых участков в долине Тобола; определение условий съемки; выявление характерных признаков объектов при дешифрировании результатов сканирования. Методы исследования включали лазерное сканирование территории с помощью беспилотного летательного аппарата DJI matrice 300rtk и лидара ZENMUSE L1, обработка результатов сканирования проводилась с использованием программ DJI Terra, Agisoft Metashape и ArcMap 10.3. В результате работ была обследована значительная территория, получены материалы для цифровой модели рельефа с разрешением 6 и 10 см на пиксель, уточнены конфигурация и привязка к рельефу известных городищ восточного варианта иткульской культуры, выявлены новое городище и поселение.

Ключевые слова: археология, воздушное лазерное сканирование, цифровая модель рельефа, LiDAR (лидар), БПЛА, восточный вариант иткульской культуры, р. Тобол, Зауралье.

[1] Работа выполнена Институтом проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FWRZ-2021-0006).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.335-347

Введение

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. на территории Зауралья в подтаежной и лесостепной зонах был выделен круг археологических памятников, отнесенных к восточному варианту иткульской культуры переходного времени от бронзового к раннему железному веку VIII–VI вв. до н. э. (*Зимина, Зах*, 2009).

Памятники приурочены к боровым лесам в долине р. Тобол от подтаежной зоны до лесостепи, в административном отношении это юг Тюменской и северные районы Курганской областей (*Зимина и др.*, 2021). Основной корпус составляют поселенческие комплексы, оконтуренные валом и рвом. Исходя из внешних признаков, выраженных в рельефе, они были определены как городища, однако, точнее, они могут быть охарактеризованы как слабо укрепленные поселения. В настоящее время их насчитывается 45, пять из которых имеют парные смыкающиеся площадки. Диаметр оконтуренной валом и рвом площади варьирует от небольших размеров 35–80 м в диаметре до 215 × 85–315 × 260 м. Валы преимущественно шириной 1,5–3 м, иногда до 5–6 м, и высотой 0,2–0,5 м, рвы – шириной 1–3 м и глубиной 0,1–0,3 м. Остатки сооружений наземного типа в современном рельефе представляют собой приподнятые площадки округлой/овальной формы размерами от 6 × 7 до 12 × 15 м, высотой 0,15–0,3 м, как правило, окружены небольшими ямками – размером не более 1,5–2 м и глубиной не более 0,1–0,3 м. В большинстве случаев остатки сооружений фиксируются по периметру укреплений. На обширных поселениях центр в большинстве случаев свободен от построек. В ряде случаев к укрепленным площадкам примыкают группы неукрепленных сооружений.

Слабая выраженность в рельефе и исключительная приуроченность к массивам сосновых боров делают невозможным применение данных дистанционного зондирования земной поверхности (аэрофотосъемки, спутниковых снимков, снимков земной поверхности с применением беспилотных летательных аппаратов) для их поиска и анализа расположения в отличие, например, от укрепленных поселений в степной зоне Южного Урала (*Зданович, Батанина*, 2007), курганов на территории Среднего Енисея (Минусинские котловины) (*Сидорина и др.*, 2018) и др. Однако для исследования залесенных участков местности зарекомендовал себя метод воздушного лазерного сканирования (*Doneus et al.*, 2008; *Doneus, Briese*, 2006; 2011; *Новиков*, 2021; *Doneus et al.*, 2022).

Таким образом, цель исследования – определить возможности использования LiDAR для выявления слабо выраженных в рельефе объектов восточного варианта иткульской культуры на площади боровых участков в долине р. Тобол, условия съемки и характерные признаки объектов при дешифрировании результатов сканирования.

Объекты исследования и методы

Объектами исследования были выбраны два участка местности в подтаежной зоне в долине р. Тобол, на которых расположены известные объекты восточного варианта иткульской культуры (рис. 1; 2; табл. 1).

Таблица 1. Характеристика участков съемки

№ участка	Площадь съемки	Высота полета	Общее время съемки	Результирующее разрешение ЦМР
1	74 га	100 м	30 минут	6 см на пиксель
2	536 га	200 м	6 часов	10 см на пиксель

Рис. 1. Карта расположения участков обследования

1 – участок 1 на берегу р. Туры в Туро-Пышминском междуречье; *2* – участок 2 в междуречье Тобола и Тапа

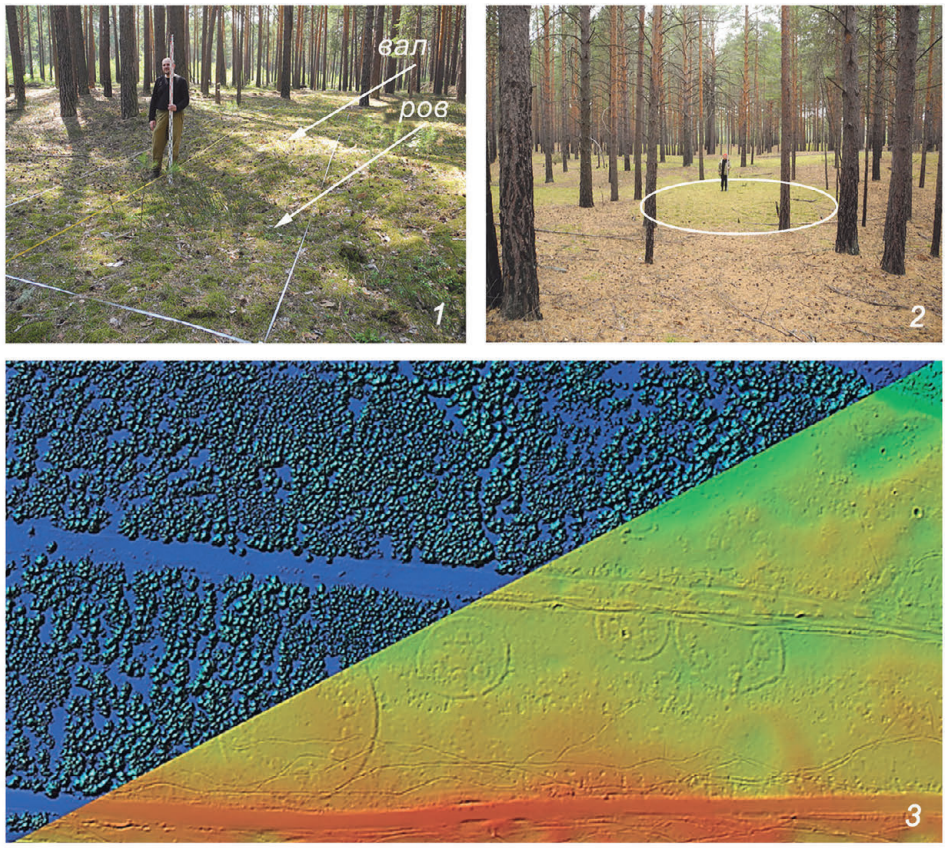


Рис. 2. Типичный вид внешний вид объектов восточного варианта иткульской культуры в Притоболье в рельефе местности

1 – участок наиболее отчетливо фиксирующихся остатков фортификаций городища Пламя Сибири 1; *2* – вид на остатки сооружения наземного типа на городище Карагай Аул 1/Б; *3* – участок 1 воздушного лазерного сканирования и цифровая модель рельефа (ЦМР)

Участок 1. Находится в Тюменском районе Тюменской области, в Туро-Пышминском междуречье в 12 км к западу от слияния рек Туры и Пышмы, на правом берегу р. Туры (левого притока р. Тобол), и в 50 км к юго-западу от впадения р. Туры в р. Тобол. На участке расположен комплекс памятников Пламя Сибири. Состоит из 4 городищ (одно из них двухплощадочное) и селища (рис. 3). Площадь съемки 74 га.

Пламя Сибири 1 (рис. 3: *1*). Размеры – 130 × 116 м, оконтурено рвом и валом, зафиксированы три входа с северной, западной и юго-восточной сторон шириной 5–6,5 м. Ров не глубже 0,2 м шириной в среднем 2,5 м примыкает к валу с внешней стороны. Ширина вала 2 м, высота варьирует от 0,15 до 0,5 м. На площадке зафиксированы остатки 14 сооружений размерами от 10,5 × 8 до 14 × 10 м, высотой 0,2–0,3 м.

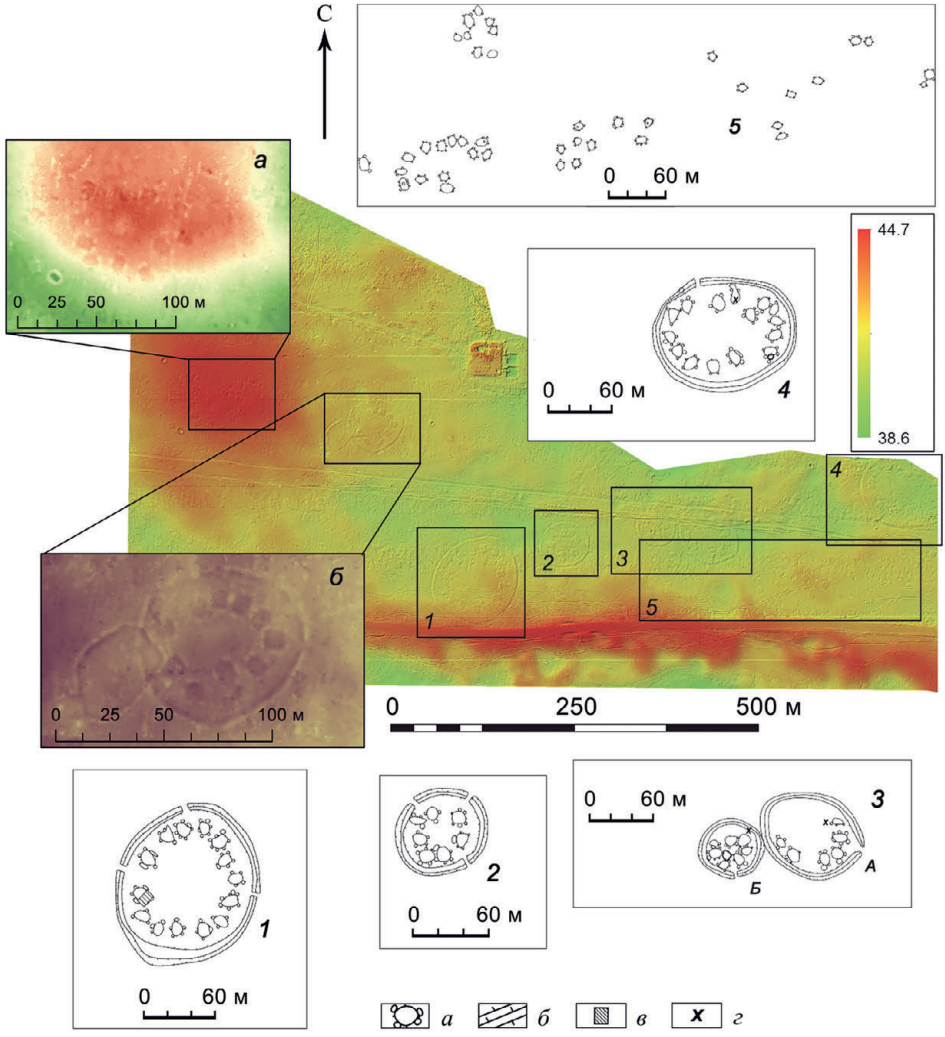
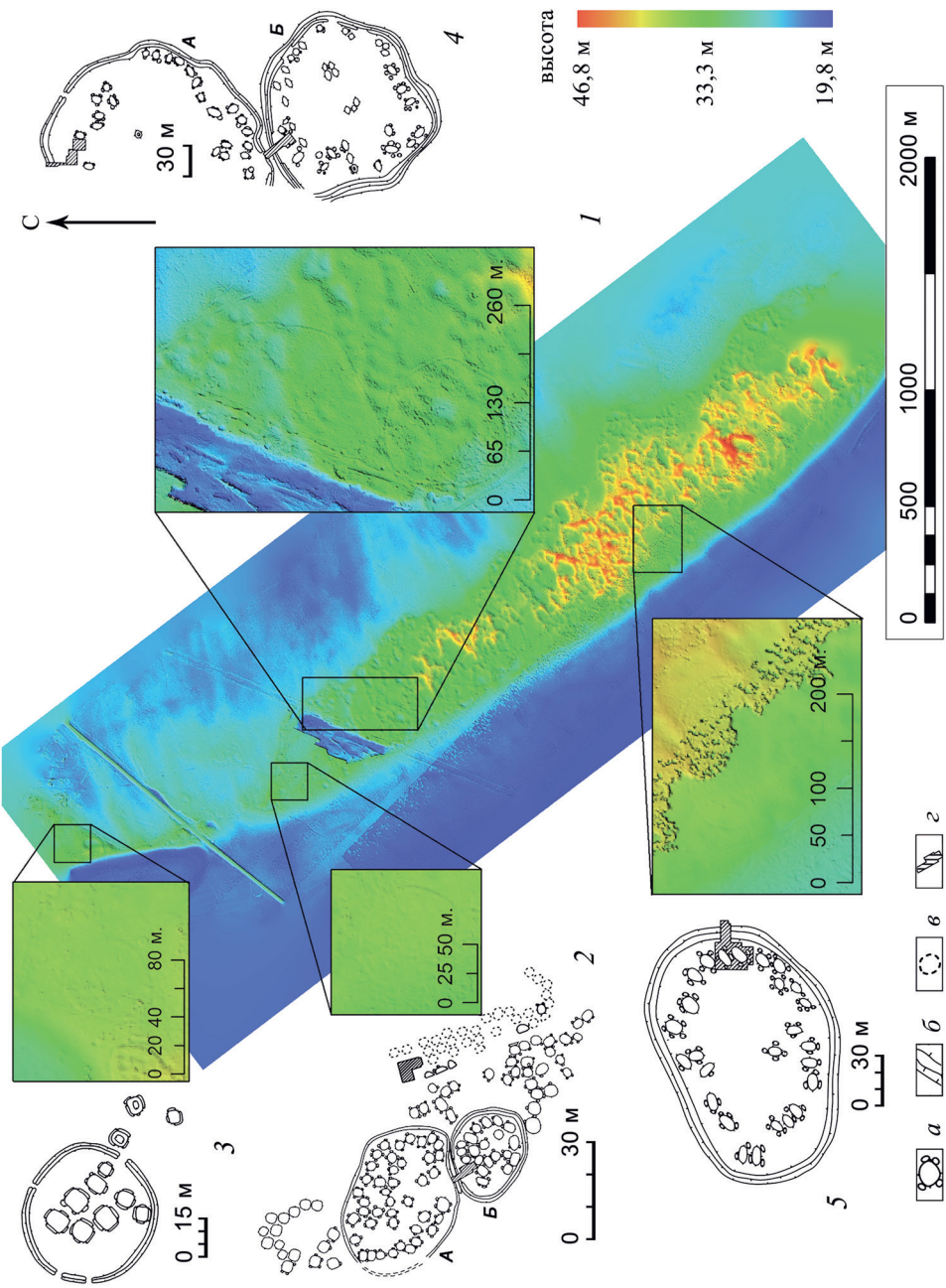


Рис. 3. План расположения объектов комплекса Пламя Сибири в Туро-Пышминском междуречье по результатам инструментальной съемки 2005 г. и ЦММ по результатам воздушного лазерного сканирования

1 – Пламя Сибири 1; *2* – Пламя Сибири 2; *3* – Пламя Сибири 3 с площадками А и Б; *4* – Пламя Сибири 4; *5* – селище Пламя Сибири; а также участки ЦМР с вновь выявленными объектами (*а* и *б*)

а – остатки сооружения наземного типа; *б* – ров-вал; *в* – раскоп; *г* – фрагменты керамики (подъемный материал)


С
А
Б
30 м
4
высота
46,8 м
33,3 м
19,8 м
1
0 65 130 260 м.
0 25 50 м.
0 20 40 80 м.
0 50 100 200 м.
0 500 1000 2000 м
0 15 м
3
0 30 м
2
0 30 м
5
а
б
в
г

Пламя Сибири 2 (рис. 3: *2*). Диаметр 70 м, оконтурено рвом и валом, зафиксированы три входа: с северо-западной, северо-восточной и юго-восточной сторон шириной 4–5 м. Ров не глубже 0,2 м шириной 2–4 м примыкает к валу с внешней стороны. Ширина вала 2–4 м, высота варьирует от 0,12 до 0,4 м. На площадке зафиксированы остатки 7 сооружений размерами от 8 × 9 до 9 × 12 м, высотой 0,2 м.

Пламя Сибири 3 (рис. 3: *3*). Состоит из двух смыкающихся площадок.

Площадка А (сохранилась частично, отмечаются современные нарушения линией электропередачи). Диаметр – около 80 м, оконтурено рвом и валом, зафиксирован вход с юго-восточной стороны шириной 6 м. Ров не глубже 0,2 м шириной 2,5–4 м примыкает к валу с внешней стороны. Ширина вала 2–4,5 м, высота варьирует от 0,13 до 0,4 м. На площадке зафиксированы остатки 6 сооружений размерами от 5 × 8 до 7 × 13 м, высотой 0,2 м.

Площадка Б. Диаметр – около 58 м, оконтурено рвом и валом, зафиксирован вход с южной стороны шириной около 4 м. Ров не глубже 0,15 м шириной 2–4,5 м примыкает к валу с внешней стороны. Ширина вала 3–4 м, высота варьирует от 0,14 до 0,25 м. На площадке зафиксированы остатки 7 сооружений размерами от 5 × 8 до 7 × 13 м, высотой 0,2 м.

Пламя Сибири 4 (рис. 3: *4*). Размеры – 130 × 95 м, оконтурено рвом и валом, зафиксированы вход с северной стороны шириной 5 м. Ров не глубже 0,3 м шириной 3,5–4 м примыкает к валу с внешней стороны. Ширина вала 1,5–3,5 м, высота варьирует от 0,1 до 0,35 м. На площадке зафиксированы остатки 15 сооружений размерами от 8 × 9 до 9 × 12 м, высотой 0,2 м.

Пламя Сибири, селище (рис. 3: *5*). Неукрепленная часть комплекса, зафиксированная к югу и к северу от укрепленных поселений. Включает остатки 41 сооружения, аналогичные по размерам сооружениям на городищах, фиксирующихся тремя группами. Две группы остатков построек располагаются компактно. Одна группа состоит из 8 сооружений, расположенных примерно по кругу и примыкает к площадке Пламя Сибири 3/А с севера. Вторая группа из 14 сооружений, расположенных в виде фигуры, близкой к овалу, примыкает к ней с юга. На расстоянии около 30 м к востоку от южной группы построек фиксируется остатки 19 сооружений, часть из которых расположена компактно, остальные разрозненно, на протяжении около 300 м по линии с юго-запада на северо-восток в направлении городища Пламя Сибири 4.

Участок 2. Находится в Ярковском районе Тюменской области, на левобережье р. Тап (правого притока р. Тобол) в 1 км к юго-востоку от места впадения р. Тап в р. Тобол. На участке расположен комплекс опорных памятников восточного варианта иткульской культуры. Состоит из 4 городищ (два них двухплощадочные) (рис. 4: *2–5*). Площадь съемки 536 га.

Рис. 4 (с. 340). Расположение исследуемых объектов Юртоборовского археологического микрорайона

1 – ЦМР всего участка исследования, участки воздушного лазерного сканирования и планы памятников (*2* – Вак-Кур 2; *3* – Юртобор 6; *4* – Карагай Аул 1; *5* – Карагай Аул 4)

а – остатки сооружения наземного типа; *б* – ров-вал; *в* – предположительное местоположение разрушенных в результате вырубок остатков сооружений наземного типа; *г* – раскопы

Карагай Аул 4 (рис. 4: *5*). Размеры – 160 × 110 м, оконтурено рвом и валом. Ров не глубже 0,1–0,3 м шириной в среднем 1–3 м примыкает к валу с внешней стороны. Ширина вала 3 м, высота 0,2–0,3 м. На площадке зафиксированы остатки 26 сооружений размерами от 6 × 7 до 7,5 × 13 м, высотой 0,3 м.

Карагай Аул 1 (двухплощадочное) (рис. 4: *4*). Две замкнутые кольцевыми оборонительными сооружениями слабо укрепленные площадки примыкают друг к другу.

Карагай Аул 1/А (рис. 4: *4/А*) (западная половина объекта уничтожена песчаным карьером). Размеры – 250 × 164 м, оконтурено рвом и валом. Ров не глубже 0,3 м шириной в среднем 3 м примыкает к валу с внешней стороны. Ширина вала 3,5 м, высота от 0,2 до 0,3 м. На площадке зафиксированы остатки 44 небольших сооружений размерами 7 × 7 и 7 × 10 м и удлиненные подпрямоугольные размерами 8 × 15 и 7 × 14 м, высота и тех и других не более 0,3 м.

Карагай Аул 1/Б (рис. 4: *4/Б*). Диаметр – 170 м, окружено рвом, который заключен между двумя валами и ограничивает площадь около 2 га. Вал площадки Карагай Аул 1/Б в северо-восточной части вплотную примыкает ко рву площадки Карагай Аул 1/А. Ров не глубже 0,3 м шириной в среднем 3 м. Валы шириной в среднем 3 м, высотой 0,3 м. На площадке зафиксированы остатки 43 сооружений размерами от 7 × 7 до 7 × 10 м, высотой 0,3 м.

Вак-Кур 2 (двухплощадочное, с селищем) (рис. 4: *2*). Две замкнутые кольцевыми оборонительными сооружениями слабо укрепленные площадки примыкают друг к другу, остатки построек внутри укрепленной площади расположены без определенной системы. За пределами укрепленных площадок выявлено обширное селище.

Вак-Кур 2/А (рис. 4: *2/А*). Размеры 160 × 100 м, оконтурено только рвом шириной 2 м не глубже 0,3 м. На площадке зафиксированы остатки 42 сооружений размерами от 9 × 9 до 9 × 13 м высотой 0,3 м.

Вак-Кур 2/Б (рис. 4: *2/Б*). Диаметр – 80 м, оконтурено рвом и валом. Ров не глубже 0,2– 0,3 м шириной в среднем 2 м примыкает к валу с внешней стороны. Ширина вала 2 м, высотой 0,3 м. На площадке зафиксированы остатки 19 сооружений размерами от 9 × 9 до 9 × 13 м, высотой 0,3 м.

Селище, примыкающее к городищу Вак-Кур 2, состоит из остатков 82 сооружений, аналогичных остаткам сооружений на укрепленных площадках. Они сгруппированы – с северной стороны 16 сооружений по окружности, остальные зафиксированы с юго-восточной стороны от укрепленных площадок, располагаются вплотную друг к другу и образуют ряды, вытянутые с северо-запада на юго-восток.

Юртобор 6 (рис. 4: *3*). Диаметр – 55 м, оконтурено рвом и валом. Ров не глубже 0,2–0,3 м шириной 1,5–3,5 м примыкает к валу с внешней стороны. Ширина вала 1,5–3,5 м, высота 0,2–0,5 м. На площадке зафиксированы остатки 8 сооружений размерами 4 × 5 м, высотой 0,3 м. С внешней стороны к городищу примыкают остатки трех сооружений с аналогичными признаками.

Методы исследования включали воздушноее лазерное сканирование территории с помощью беспилотного летательного аппарата DJI matrice 300rtk и LiDAR ZENMUSE L1.

Характеристики LiDAR ZENMUSE L1:

вертикальная точность – 5 см, горизонтальная точность – 10 см;

фиксация 240 000 точек в секунду;

плотность съемки до 300 точек на квадратный метр;

высота съемки до 200 м (до 450 м для объектов с высоким коэффициентом отражения);

излучение лазера на длине волны 905 нанометров.

Первичная обработка результатов лазерного сканирования проводилась в программе DJI Terra. В дальнейшем работа с материалами проходила в программе Agisoft Metashape. В данной программе была произведена классификация точек рельефа, с последующей фильтрацией точек наземной растительности, на основании полученных данных были сделаны цифровые модели рельефа с разрешением от 6 до 10 см (рис. 2: *3*). Цифровые модели рельефа (далее – ЦМР) анализировались средствами программного комплекса ArcMap 10.3.

Результаты и обсуждение

Первичные исследования на участках расположения поселений восточного варианта иткульской культуры были проведены осенью 2022 г.

На ЦМР ***участка 1*** разными оттенками спектра представлены отраженные лазерным сканированием объекты – естественные формы рельефа и искусственные объекты (рис. 3).

Возвышенные участки обозначены коричневыми оттенками, пониженные – от желтого до зеленого. Современная антропогенная деятельность представлена асфальтовой автодорогой в южной части изображении в виде коричневой полосы с довольно четкими границами шириной около 15 м, ориентированной с запада на восток; лесозащитными траншеями в виде узких, прерывистых полос, проведенных в различных направлениях, но преимущественно вдоль дороги в несколько рядов; четкими полосами, также ориентированными с запада на восток примерно в 200 м к северу от автодороги прослеживаются грунтовая дорога в виде осветленной узкой полосы шириной 3 м и линия электропередачи, к северу от которых в 150 м прослеживается еще одна осветленная узкая полоса, ориентированная так же – тоже грунтовая дорога.

Съемка на участке 1 позволила выявить уже известные археологические объекты переходного времени от бронзы к железу – комплекс памятников Пламя Сибири, состоящий из четырех кольцевых укрепленных поселений и неукрепленного селища. Довольно отчетливо прослеживаются рвы, оконтуривающие площадки укрепленных поселений. На изображениях ров археологических объектов представлен затемненной узкой полосой шириной 1–1,5 м в виде кольцевых структур. Фортификации всех четырех известных городищ отчетливо читаются на ЦМР. Остатки древних построек в виде приподнятых площадок представлены округлыми, овальными, подквадратными структурами размерами 10 × 8 м, очертания которых вокруг подчеркнуты небольшими затемненными

точечными изображениями, в рельефе это небольшие и неглубокие ямки размерами в среднем 1,5 2 м, глубиной 0,2–0,3 м (рис. 3).

К северо-западу от городища Пламя Сибири 1 были выявлены два новых объекта. Один – оконтуренная по кругу структура диаметром 75 м, внутри которой прослеживаются 8 подквадратных структур размером 10 × 8,7 м. С юго-западной стороны ее частично перерезает еще одно небольшое кольцо овальной формы размерами 40 × 30 м без объектов внутри (рис. 3: *б*). Объект был верифицирован в результате осмотра на местности. С наибольшей вероятностью – это еще одно городище восточного варианта иткульской культуры, ранее неизвестное.

К западу от вновь выявленного городища на участке, представляющем собой локальную возвышенность (участок коричневого цвета), были дешифрированы округло-подквадратные структуры размерами 12 × 9 м, окруженные точечными затемнениями, расположенные по кругу (рис 3: *а*). Установив ранее, каким образом на изображении результатов лазерного сканирования выглядят остатки сооружений наземного типа, можно предположить, что это приподнятые площадки остатков сооружений наземного типа, что было подтверждено в результате осмотра на местности. Предварительная датировка объекта – рубеж бронзового и раннего железного веков, предположительно памятник может являться поселением восточного варианта иткульской культуры.

На ***участке 2 лазерным сканированием*** были прослежены очертания четырех известных городищ переходного времени от бронзового века к раннему железному – опорные памятники восточного варианта иткульской культуры у д. Юртобор в Ярковском районе Тюменской области (рис. 4: *2–5*).

На ЦМР возвышенные участки обозначены красно-желтыми оттенками спектра, более низкие – зелеными, пониженные и заболоченные – голубым. Современная антропогенная деятельность представлена асфальтовой автодорогой – в северо-западной части изображении в виде четкой полосы шириной около 15 м, ориентированной с юго-юго-запада на северо-северо-восток; в 0,8 км к юго-востоку проходит линия электропередачи в виде узкой полосы, ориентированной с юго-запада на северо-восток, к которой с запада примыкает недействующий карьер, уничтоживший половину городища Карагай Аул 1/А (рис. 4: *4*).

Изображения остатков древних объектов аналогичны по параметрам изображениям на участке 1 ЦМР. Местами фортификации не прослеживаются, поскольку практически не выражены в рельефе в силу плохой сохранности либо нарушены лесозащитными траншеями. Остатки построек также дешифрируются с разной степенью отчетливости. На более равнинных участках, на которых расположены городища Юртобор 6 и Вак-Кур 2 с селищем, остатки построек прослеживаются более четко. На городищах Карагай Аул 1 и Карагай Аул 4, расположенных на возвышенном участке местности среди выраженных гривных вхолмлений с перепадами высот 2–3 м, остатки сооружений наземного типа прослеживаются менее отчетливо. Вероятно, сказалась большая высота полета БПЛА, примененная для съемки большего по площади участка местности, и соответственно было получено более низкое значение результирующего разрешения ЦМР.

В ходе дешифрирования ЦМР в программе ArcMap мы применяли фильтрацию по высоте рельефа, используя для этого настройки растяжки изображения по диаграмме; данный метод помогает в обнаружении локальных черт рельефа. В ходе данных работ мы производили локальную фильтрацию отображаемых данных на ЦМР, с целью выделения локальных небольших перепадов высот характерных для археологических памятников.

Наибольшую проблему в обработке данных с LiDAR с целью поиска археологических структур является «зашумленность» данных, особенно сильно это заметно на обработке больших участков, результатом съемки которых являются несколько совмещенных облаков точек. На границах совмещения облаков зачастую и образуются артефакты, мешающие обработке. С данным явлением помогают справиться различные алгоритмы оптимизации и фильтрации, сглаживания облаков точек, встроенные в ПО Argisof Metashape и LiDAR 360, однако эти инструменты не решают проблему полностью. Существуют дополнительные различные алгоритмы обработки растровых изображений в геоинформационных системах. В нашем случае мы использовали алгоритмы арифметического сглаживания изображений с помощью соответствующего инструмента в ArcMap 10.8.

Заключение

Тестовое использование LiDAR дало первые результаты выявления как укрепленных, так и неукрепленных поселений восточного варианта иткульской культуры переходного периода от бронзового века к раннему железному: была исследована значительная территория, уточнена конфигурация и привязка к рельефу известных памятников археологии, выявлены новые объекты, которые с высокой долей вероятности могут быть соотнесены с восточным вариантом иткульской культуры. Также были получены данные, способствующие отработке методики съемки и дешифрирования подобных объектов. Так, было установлено, что для получения более качественных результатов дешифрирования требуется выработка оптимальных параметров съемки больших участков местности и практика в их обработке при совмещении нескольких облаков точек. Предположительно, наиболее приемлемой может являться высота полета не более 100 м, которая позволяет получить максимальное результирующее разрешение ЦМР и более отчетливые очертания объектов.

Тем не менее важным преимуществом воздушного лазерного сканирования является тот факт, что оно дает подробную информацию о рельефе местности в виде цифровой модели, а его использование позволяет подвергнуть обследованию обширную территорию и получить информацию о рельефе и объектах археологии даже под пологом леса. Характерные признаки кольцевых городищ восточного варианта иткульской культуры переходного времени от бронзы к железу в долине р. Тобол, присущие на этой территории только памятникам данной культуры, при применении воздушного лазерного сканирования позволят с высокой долей вероятности определять и идентифицировать эти структуры на снимках местности в случае их обнаружения.

ЛИТЕРАТУРА

Зданович Г. Б., Батанина И. М., 2007. Аркаим – страна городов: пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Крокус: Юж.-Урал. кн. изд-во. 260 с.

Зимина О. Ю., Зах В. А., 2009. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука. 232 с.

Зимина О. Ю., Сизов О. С., Цембалюк С. И., 2021. Стратегии заселения на рубеже бронзового и железного веков: природные и палеоэкономические факторы (лесостепная-подтаежная зоны в долине р. Тобол) // Уральский исторический вестник. № 3 (72). С. 50–61.

Новиков В. В., 2021. Опыт применения воздушного лазерного сканирования на базе БПЛА в лесной и лесостепной зонах Европейской части России. Предварительные результаты работ [Электронный ресурс] // Археология и геоинформатика. Вып. 10 / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН. URL: https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-10/Novikov_1/novikov_1.html (дата обращения: 01.11.2023).

Сидорина И. Е., Позднякова Н. А., Кружилина А. А., Поляков А. В., 2018. Применение ДЗЗ в геоинформационном картографировании для археологических исследований // Материалы Международной конференции «ИнтерКарто. ИнтерГИС». Т. 24. Ч. 2. С. 141–150.

Doneus M., Banaszek Ł., Verhoeven G. J., 2022. The Impact of Vegetation on the Visibility of Archaeological Features in Airborne Laser Scanning Datasets from Different Acquisition Dates // Remote Sensing. Vol. 14. Iss. 4. 858.

Doneus M., Briese C., 2006. Full-waveform airborne laser scanning as a tool for archaeological reconnaissance // From Space to Place. Proceedings of the 2nd International Conference on Remote Sensing in Archaeology / Eds.: S. Campana, M. Forte. Oxford: Archaeopress. P. 99–105. (BAR International Series; 1568.)

Doneus M., Briese C., 2011. Airborne Laser Scanning in Forested Areas – Potential and Limitations of an Archaeological Prospection Technique // Remote Sensing for Archaeological Heritage Management: Proceedings of the 11th EAC Heritage Management Symposium, Reykjavik, Iceland, 25–27 March 2010 / Ed. D. Cowley. Brussels: Europae Archaeologia Consilium. P. 59–76.

Doneus M., Briese C., Fera M., Janner M., 2008. Archaeological Prospection of Forested Areas Using Full-Waveform Airborne Laser Scanning // Journal of Archaeological Science. Vol. 35. Iss. 4. P. 882–893.

Сведения об авторах

Зимина Оксана Юрьевна, Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, Россия; e-mail: o_winter@mail.ru;

Приходько Николай Владиславович, Тюменский государственный университет, ул. Пржевальского, 37, Тюмень, 625000, Россия; e-mail: prihnick@yandex.ru

O. Yu. Zimina, N. V. Prikhod’ko

GROUND SURVEY OF THE SITES ATTRIBUTED TO THE EASTERN VARIANT OF THE ITKUL CULTURE IN THE TRANS-URALS USING THE AIRBORNE LASER SCANNING METHOD: PRELIMINARY RESULTS

Abstract. The paper describes the results of airborne laser scanning of two locations in the areas adjacent to the Trans-Urals taiga region in the Tobol river valley that are reference locations for studying the eastern variant of the Itkul culture dating to the transition from the Bronze Age to the Early Iron Age. The sites are poorly fortified settlements

built with circular planning. The area with remains of surface constructions that look like raised sites is encircled with an earthen wall and a ditch weakly defined in the terrain. The study was aimed at testing test LiDAR as a method used to identify features ascribed to the eastern variant of the Itkul culture which are poorly defined in the terrain and are located in pine wood areas of the Tobol valley, determine survey conditions, and identify characteristic traits of the features in interpretation of scanning results. The methods of the study included laser scanning of the area by a DJI matrice 300rtk drone and a ZENMUSE L1 with a lidar module. The scanning results were processed using DJI Terra, Agisoft Metashape and ArcMap 10.3 software. The results are as follows: a large area was surveyed; materials for a digital terrain model with resolution of 6 cm and 10 cm for pixel were obtained; the configuration and location of known Itkul hillforts of the eastern variant in relation to the topographical relief were clarified; a new hillfort and a new open settlement were discovered.

Keywords: archaeology, airborne laser scanning, terrain digital model, LiDAR, drone, eastern variant of the Itkul culture, Tobol river, Trans-Urals.

REFERENCES

Novikov V. V., 2021. Opyt primeneniya vozdushnogo lazernogo skanirovaniya na baze BPLA v lesnoy i lesostepnoy zonakh Evropeyskoy chasti Rossii. Predvaritelnye rezul'taty rabot (Elektronnyy resurs) [Experience in use of aerial laser scanning based on UAVs in the forest and forest-steppe zones of European part of Russia. Preliminary results of the work (Electronic resource)]. *Arkheologiya i geoinformatika [Archaeology and geoinformatics]*, 10. D. S. Korobov, ed. Moscow: IA RAN. URL: https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-10/Novikov_1/novikov_1.html

Sidorina I. E., Pozdnyakova N. A., Kruzhilina A. A., Polyakov A. V., 2018. Primenenie DZZ v geoinformatsionnom kartografirovanii dlya arkheologicheskikh issledovaniy [Application of remote sensing in geoinformation mapping for archaeological research]. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «InterKarto. InterGIS» [Materials of International conference «InterCarto. InterGIS»]*, vol. 24, part 2, pp. 141–150.

Zdanovich G. B., Batanina I. M., 2007. Arkaim – strana gorodov: prostranstvo i obrazy (Arkaim: gorizonty issledovaniy) [Arkaim – the land of cities: space and images (Arkaim: research horizons)]. Chelyabinsk: Krokus: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 260 p.

Zimina O. Yu., Sizov O. S., Tsembalyuk S. I., 2021. Strategii zaseleniya na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov: prirodnye i paleoekonomicheskie faktory (lesostepnaya-podtaezhnaya zony v doline r. Tobol) [Settlement strategies at the turn of Bronze and Iron Ages: natural and paleoeconomic factors (forest-steppe-subtaiga zones in Tobol river valley)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical bulletin]*, 3 (72), pp. 50–61.

Zimina O. Yu., Zakh V. A., 2009. Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo veko [Lower Tobol region at the turn of Bronze and Iron Ages]. Novosibirsk: Nauka. 232 p.

About the authors

Zimina Oksana Yu., Tyumen Scientific Centre Siberian Branch Russian Academy of Sciences, ul. Malygina, 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; e-mail: o_winter@mail.ru;

Prikhod'ko Nikolaj V., Tyumen State university, ul. Przhevalskogo, 37, Tyumen, 625000, Russian Federation; e-mail: prihnick@yandex.ru

А. А. Карпухин, Л. Н. Гриценко

ДРЕВЕСНО-КОЛЬЦЕВЫЕ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕРИЙ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ДАТИРОВОК[1]

Резюме. В статье приводятся количественные и хронологические характеристики 13 древесно-кольцевых хронологий, полученных по материалам ранее исследованных архитектурных памятников Архангельской области. Рассматриваются результаты анализа количественного и хронологического распределения серий дендрохронологических датировок, полученных по образцам древесины отдельных построек с учетом исторических данных о времени их строительства. Прослеживается хронологический «шлейф» дат протяженностью до нескольких десятилетий, как правило, предшествующих известной по письменным источникам дате строительства.

Ключевые слова: дендрохронология, древесно-кольцевые хронологии, русское деревянное зодчество.

В лаборатории естественно-научных методов ИА РАН работы по дендрохронологическому датированию образцов древесины архитектурных памятников Архангельской области были начаты в 1980-х гг. Они проводились Н. Б. Черных совместно с сотрудником ВСРПО «Союзреставрация» Н. Ф. Сергеевой, являвшейся автором сборов большинства образцов. В 1997 г. была опубликована сводка из 27 архитектурных памятников бассейнов рек Северной Двины и Онеги, представленных 185 образцами древесины в виде поперечных спилов и кернов (*Черных, Сергеева*, 1997). Новое обращение к этим материалам связано с продолжением работ (*Карпухин и др.*, 2019) по формированию максимально широкой в географическом плане сети древесно-кольцевых хронологий

[1] Статья подготовлена в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № НИОКТР 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.348-359

памятников деревянного зодчества Русского Севера с целью ее дальнейшего использования в качестве дендрохронологических эталонов при абсолютном датировании новых образцов древесины, в том числе и из археологических памятников. Составление локальных абсолютно датированных древесно-кольцевых хронологий в форматах, отвечающих современным мировым стандартам, также представляется актуальным в связи с наличием в архиве лаборатории измерений образцов древесины из архитектурных памятников Архангельской области, часть из которых уже утрачены.

Измерения ширины годичных колец образцов сосны архитектурных памятников, хранящиеся в архиве лаборатории, были переведены в электронный формат (Tucson), принятый Международным банком данных годичных колец (ITRDB…). Для этого в один файл (Microsoft Exel) с разнесением по отдельным столбцам заносились данные измерений погодичного прироста образца, выполненные по двум радиусам с точностью до 50 микрон. Если исходные образцы древесины были представлены радиальными кернами, отобранными при помощи возрастного бурава, в нашем распоряжении оказывался только один ряд измерений колец каждого древесного ствола. Дальнейшее преобразование рядов в указанный электронный формат с переводом результатов измерений в миллиметры проводилось с использованием программы xls2rwl, созданной в дендрохронологической лаборатории Института географии РАН (*Мацковский*, 2011. С. 8). Для каждого спила на базе двух рядов радиальных измерений при помощи графического модуля программного пакета TSAPWin Scientific Version 0.59 (*Rinn*, 1996) создавался усредненный (ср. арифметическое) древесно-кольцевой ряд.

Составление относительных древесно-кольцевых хронологий для каждого конкретного архитектурного памятника или (в тех случаях, когда несколько построек составляли единый ансамбль) географического пункта проводилось при помощи программных пакетов COFECHA (*Holmes*, 1983) и TSAP-Win Scientific. В качестве критериев оценки правильности выполненной синхронизации выступали показатели статистических коэффициентов Gkl (Gleichlaeufigkeit)[2], CrC (Cross Correlation)[3] и CDI (Cross-Dating Index)[4]. Поскольку основной целью работы было получение эталонных древесно-кольцевых хронологий, пригодных для абсолютного датирования других дендроматериалов, из всех составленных серий были исключены образцы, имеющие небольшой (менее 100 лет) биологический возраст.

Проведение перекрестного абсолютного датирования составленных древесно-кольцевых серий осуществлялось в указанных выше программных продуктах с привлечением в качестве абсолютных эталонов древесно-кольцевых

[2] Коэффициент сходства или сходных интервалов (*Huber*, 1943; *Eckstein, Bauch*, 1969; *Битвинскас*, 1974. С. 64; *Колчин, Черных*, 1977. С. 22).

[3] Коэффициент корреляции Пирсона × 100.

[4] Индекс перекрестного датирования, являющийся интегральным показателем, рассчитываемым для двух серий ширины годичных колец с учетом длины интервала пересечения на основе нескольких статистических параметров: коэффициента синхронности (Gkl), коэффициента корреляции (CrC), t-статистики критерия Стьюдента для сглаженных и не сглаженных серий (*Baillie, Pilcher*, 1973).

хронологий, построенных по живым деревьям и размещенных в Международном банке данных годичных колец (ITRDB…: *russ036*, *russ045*, *russ073*, *russ083*, *rus183*), Соловецких островов (хронология PDB) (*Мацковский и др.*, 2013; *Соломина и др.*, 2011). Однако для датировки древесно-кольцевых рядов ранних архитектурных памятников хронологическая протяженность указанных выше эталонов оказалась недостаточной, поэтому нами осуществлялась поступенчатая перекрестная датировка более ранних материалов по более поздним. Полученные даты отдельных серий дополнительно проверялись по хронологиям ц. Успения Пресвятой Богородицы г. Кондопога (rus390) (*Карпухин и др.*, 2019) и ц. Ильи Пророка в Цыпинском погосте (russ285) (*Черных, Карпухин*, 2006).

В результате, на базе 95 образцов древесины сосны были составлены 13 эталонных древесно-кольцевых хронологий, представленных в виде файлов формата «Tucson» с данными измерений ширины годичных колец всех включенных в них образцов (рис. 1; 2; табл. 1). Они содержат от 2 до 24 образцов и суммарно охватывают 526 лет (1377–1902 гг.).

В методическом плане, вероятно, небезынтересными являются результаты анализа количественного и хронологического распределения полученных датировок в рамках некоторых архитектурных памятников или ансамблей, особенно в тех случаях, когда мы имеем дело с большими сериями дат. Довольно любопытными представляются итоги их сопоставления с информацией письменных источников о времени строительства и ремонтов архитектурных памятников – т. е. теми данными, которыми мы в большинстве случаев не обладаем при работе с археологической древесиной. Необходимо отметить, что при определении времени строительства отдельных сооружений из археологических раскопов по сериям дендродат мы также часто наблюдаем гораздо более сложную (и не всегда однозначную) картину, чем при выявлении строительных дат по единичным датировкам, не вызывающим, казалось бы, особых вопросов (*Карпухин*, 2016. С. 63–68; *Карпухин и др.*, 2017). Единичные даты представляются нам менее надежными для определения времени строительства конструкции, чем серии датировок, и позволяют определить только время, после которого могло быть возведено сооружение. Причиной этого может быть отсутствие внешних годичных колец на образце. С другой стороны, даже такая формулировка как «terminus post quem» может оказаться ошибочной, если дата получена, например, с древесного ствола, попавшего в постройку в ходе последующего ремонта. В археологической литературе можно встретить примеры определения времени возведения постройки по самой поздней из серии полученных для нее дат. Однако и такой подход, как будет показано ниже, очевидно, не всегда является в полной мере правомерным. Вероятно, особого уточнения заслуживает и часто используемый в археологической литературе термин «порубочная дата». Строго говоря, когда на исследованном образце фиксируется кора, точный календарный год рубки дерева может быть указан только при наличии в годичном кольце слоя ранней и полном отсутствии слоя поздней древесины. Если же на подкорковом годичном кольце есть поздняя древесина, то, соответственно, рубка древесного стволы могла происходить в период с осени года его появления по весну следующего (до начала нового вегетационного цикла).

Таблица 1. Древесно-кольцевые хронологии архитектурных памятников Архангельской области

Древесно-кольцевая хронология	Начальная дата	Конечная дата	Протяженность (лет)	Количество образцов	Архитектурный памятник	Населенный пункт	Район	Автор сборов
lavlet	1407	1576	170	9	ц. Николая Чудотворца	с. Лявля	Приморский	Сергеева Н. Ф.
kuliga	1394	1586	193	4	Колокольня ц. Николая Чудотворца	ур. Кулига Дракованова	Красноборский	Сергеева Н. Ф.
piyala	1377	1652	276	11	ц. Вознесения	с. Пияла	Онежский	Сергеева Н. Ф.
perm	1532	1662	131	2	ц. Георгия Победоносца	с. Пермогорье	Красноборский	Сергеева Н. Ф.
ratnh	1424	1724	301	6	ц. Николая Чудотворца	с. Ратонаволок	Холмогорский	Сергеева Н. Ф.
karg	1627	1757	131	3	Жилой дом по ул. 3-го Интернационала	г. Каргополь	Каргопольский	Уткин Н. Н.
lad	1601	1762	162	9	ц. Покрова, Власия	с. Лядины	Каргопольский	Сергеева Н. Ф.
rakula	1409	1763	355	5	Ансамбль с. Ракула	с. Ракула	Холмогорский	Сергеева Н. Ф.
vuft	1525	1778	254	3	ц. Дмитрия Солунского	с. Верхняя Уфтюга	Красноборский	Сергеева Н. Ф.
huhil	1532	1782	251	6	Ансамбль с. Чучхерьма	с. Чучхерьма	Холмогорский	Сергеева Н. Ф.
neneksaet	1507	1833	327	24	Ансамбль Ненокоцкого погоста	с. Нёнокса	Приморский	Сергеева Н. Ф.
mudug	1545	1860	316	5	Ансамбль Верхнемудьюжского погоста	с. Верхний Мудьюг	Онежский	Мавренков Ю. П.
zach	1712	1902	191	8	ц. Николая Чудотворца	с. Зачачье	Холмогорский	Сергеева Н. Ф.

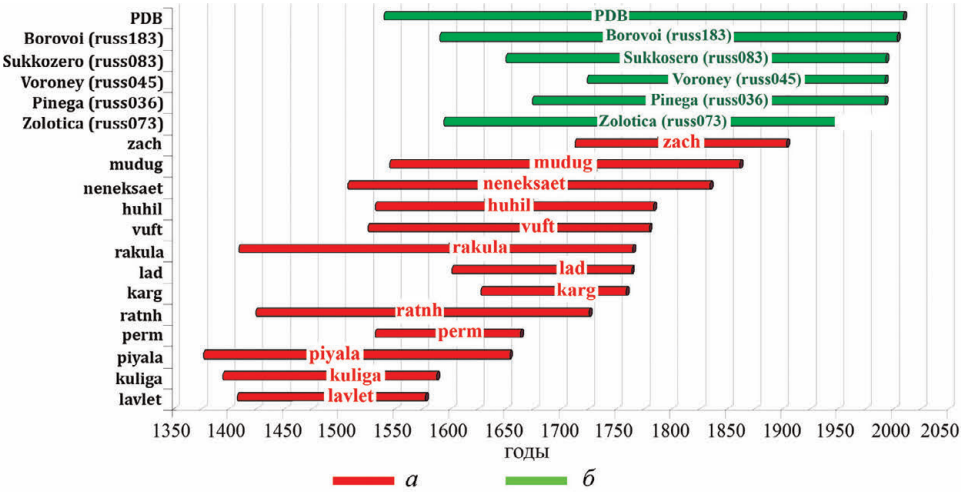


Рис. 1. Взаимное перекрытие древесно-кольцевых хронологий архитектурных памятников Архангельской области (*а*) и ближайших хронологий по живым деревьям (*б*)

Здесь и далее даны названия хронологий: архитектурных памятников в соответствии с табл. 1; по живым деревьям – согласно данным Международного банка данных годичных колец или авторов хронологии

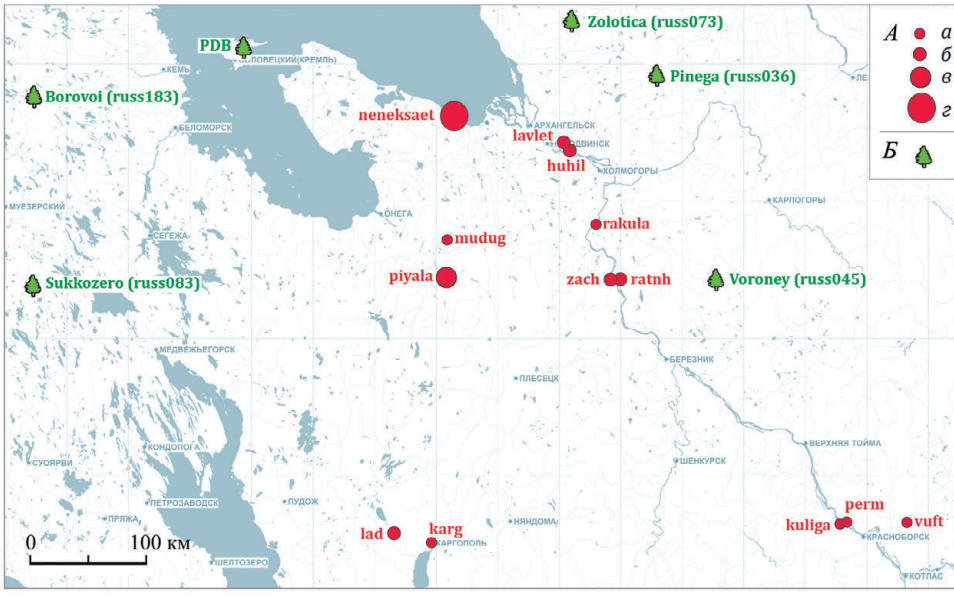


Рис. 2. Местоположение архитектурных памятников, обеспеченных древесно-кольцевыми хронологиями (*А*) и привлеченных для их абсолютного датирования ближайших хронологий по живым деревьям (*Б*)

При проведении анализа количественного и хронологического распределения в отдельных случаях нами рассматривались датировки последних сохранившихся годичных колец, не только включенных в древесно-кольцевые хронологии образцов, но и тех, которые в них не вошли по возрастным характеристикам (менее 100 лет), однако получили календарные даты по составленным хронологиям. Поскольку в нашем распоряжении были только архивные данные по измерениям ширины годичных колец, а сами образцы отбирались как в виде спилов, так и кернов, мы не можем быть совершенно уверены в том, что последнее измеренное годичное кольцо каждого датированного древесного ствола образовалось в год его рубки или предшествовавший ему. По этой причине термин «порубочная дата» в данном случае не может быть использован.

Архитектурный ансамбль Нёноксы

По материалам ц. Троицы Живоначальной, ц. Николая Чудотворца и колокольни с. Нёнокса в результате проведенной проверки и корректировки архивных данных были получены даты последних сохранившихся годичных колец 34 образцов (рис. 3), из которых только 24 были включены в эталонную хронологию. По имеющимся данным, постройки возводятся соответственно в 1729, 1763 и 1834 гг. (Краткое историческое описание…, 1894. С. 214, 215). В многочисленной краеведческой литературе и музейных путеводителях, к сожалению, без ссылки на первоисточник, можно встретить указание на пожар 1725 г., после которого со строительства Троицкой церкви начинается возрождение архитектурных памятников Нёнокоцкого погоста. При этом даты постройки храмов варьируются в разных работах: для Троицкого храма 1727–1730 гг., для Никольского 1732–1737, 1762–1763 гг. Вероятно, это связано с отсылкой к разным документам – переписке жителей села с церковными властями о разрешении строительства и данным об освящении храмов.

Даты последних сохранившихся годичных колец трех образцов ц. Троицы (1708, 1723, 1724 гг.) хотя и не противоречат данным о времени строительства храма (рис. 3: *А*), вероятно, указывают на отсутствие внешних годичных колец на образцах или вторичное использование древесины, возможно, оставшееся от другого строительства. В пользу последнего предположения могут свидетельствовать данные о построенном здесь незадолго до пожара 1725 г. храме Параскевы Пятницы – «новом и с трапезою» (*Заручевская*, 2013. С. 12–17).

Для ц. Николая Чудотворца было получено 17 дат последних сохранившихся годичных колец образцов (рис. 3: *Б*). Наиболее позднюю группу (1816 и 1821 гг.) формируют датировки трех элементов настила черного пола трапезной, что, очевидно, указывает на его замену или ремонт. Несмотря на наличие некоторого «шлейфа» единичных (более ранних) дат среди остальных образцов, в количественном отношении выделяется группа 1720–1730-х гг. К ней относятся датировки 10 образцов, отобранных со всех исследованных конструктивных элементов храма, а самая поздняя из них (обшивка маячного бруса четверика) приходится на 1737 г. При этом совершенно отсутствуют даты 1740–1760-х гг., которые могли бы косвенно указывать на какие-то строительные работы в перв. пол. 1760-х гг. Тем не менее нельзя, вероятно,

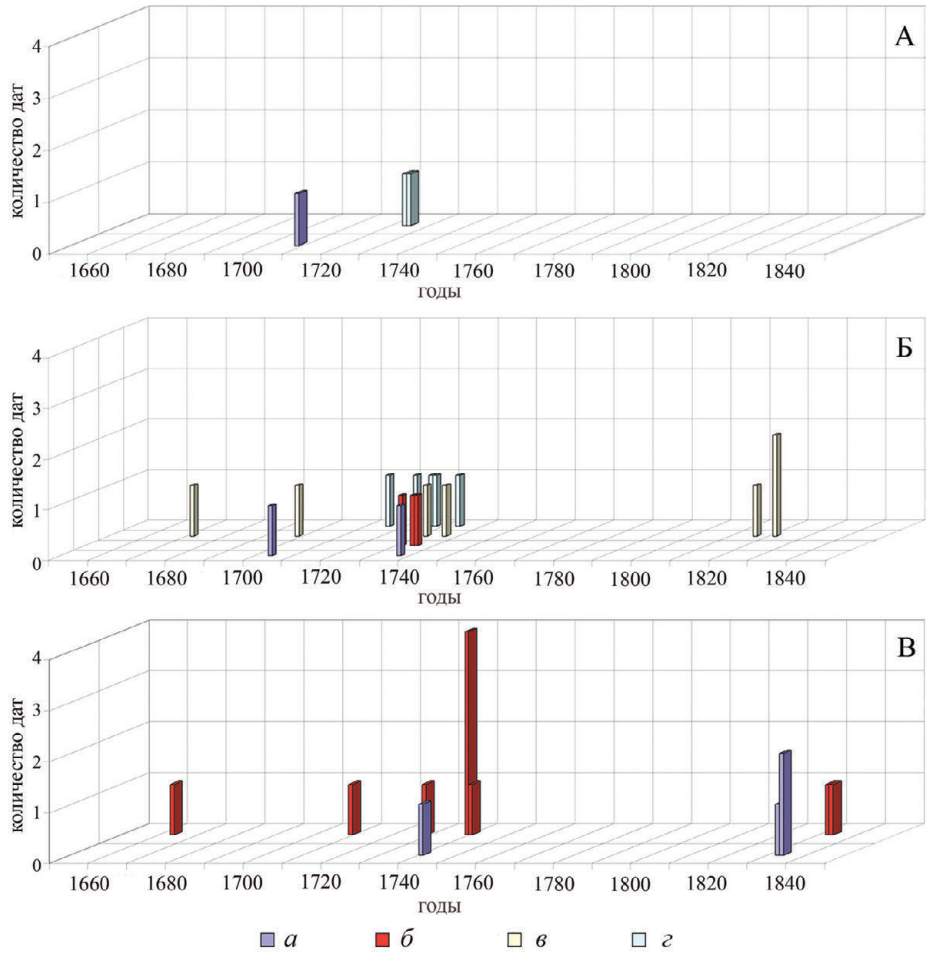


Рис. 3. Количественное и хронологическое распределение дат последних сохранившихся годичных колец образцов древесины архитектурного ансамбля с. Нёнокса

А – ц. Троицы Живоначальной; *Б* – ц. Николая Чудотворца; *В* – колокольня

Условные обозначения: *а* – четверик; *б* – восьмерик; *в* – трапезная; *г* – алтарь

полностью исключить и вариант строительства в это время храма с использованием ранее заготовленной древесины.

Колокольня с. Нёнокса обеспечена датами последних колец четырнадцати образцов. Наиболее поздняя группа из пяти дат приходится на 1832–1833 гг., что соответствует известному по источникам времени ее строительства (1834 г.). Тем не менее любопытно наличие весомой в количественном отношении группы дат рубежа 1730–1740-х гг. Вероятно, более ранние даты свидетельствуют о вторичном использовании древесины, что подтверждается данными о наличии зарубок на этих бревнах в архивной описи образцов.

Ц. Вознесения с. Пияла

По образцам ц. Вознесения получены 12 дат (1626–1652 гг.) последних сохранившихся годичных колец (рис. 4: *А*), из которых только 11 были включены в эталонную хронологию. По разным данным, храм возводится в 1651–1654 гг. (ИАК. 1911. Вып. 41. С. 108, 109; Краткое историческое описание…, 1896. С. 70, 71). Наиболее поздние датировки относятся к 1651–1652 гг., хотя и здесь наблюдается «шлейф» из более ранних дат.

Ц. Николая Чудотворца с. Лявля

Церковь, по разным данным, возводится в 1581 или 1589 г. а в 1845 г. ремонтируется (Краткое историческое описание…, 1896. С. 179, 180; ИАК. 1911. Вып. 39. С. 117–119). Для нее получены даты последних сохранившихся годичных колец девяти образцов (рис. 4: *Б*) в хронологическом диапазоне 1559–1576 гг., и все датировки указывают на более раннее время, чем известия о дате строительства храма.

Ц. Покрова (Власия) с. Лядины

Для церкви имеются даты последних сохранившихся годичных колец 9 образцов (рис. 4: *В*). Судя по материалам описания памятников русской архитектуры Олонецкой губернии (ИАК. 1914. Вып. 52. С. 157), храм возводится в 1761 г. Тем не менее и у него довольно широкий диапазон датировок (1733–1762 гг.). Самая поздняя дата (1762 г.) получена по второму венцу подклета трапезной. Возможно, в описании памятников Олонецкой губернии под временем постройки храма подразумевается год начала его строительства.

Ц. Николая Чудотворца с. Зачачье

Храм был освящен дважды: после переноса на новое место за р.Чачу в 1687 г. и в 1748 г. из-за ремонта, последовавшего после удара молнии (Краткое историческое описание…, 1896. С. 343). Есть данные о его переборке в 1904 г. (ИАК. 1911. Вып. 41. С. 147). Полученные по восьми образцам даты последних колец (рис. 4: *Г*) распределяются в диапазоне 1881–1902 гг. Вероятно, все они указывают на ремонтные работы начала XX столетия. Любопытно, что 4 даты, возможно, свидетельствующие об использовании бывшего в употреблении или ранее заготовленного дерева, относятся к перв. пол. 1880-х гг.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что большие серии дендрохронологических датировок, полученные по образцам древесины отдельных построек, часто позволяют проследить существенный хронологический «шлейф» дат протяженностью до нескольких десятилетий, предшествующих известной по письменным данным дате строительства. Возможно, это связано с отсутствием внешних годичных колец на образцах или широком применении ранее заготовленной и, может быть, вторично использованной древесины. Поскольку в нашей работе мы опирались только на архивные данные измерений и не можем строго констатировать наличие или отсутствие «подкорковых» годичных колец, то четко говорить о календарной дате рубки каждого древесного ствола не представляется возможным. Тем не менее результаты исследований отдельных памятников деревянного зодчества Сибири, проведенных в других

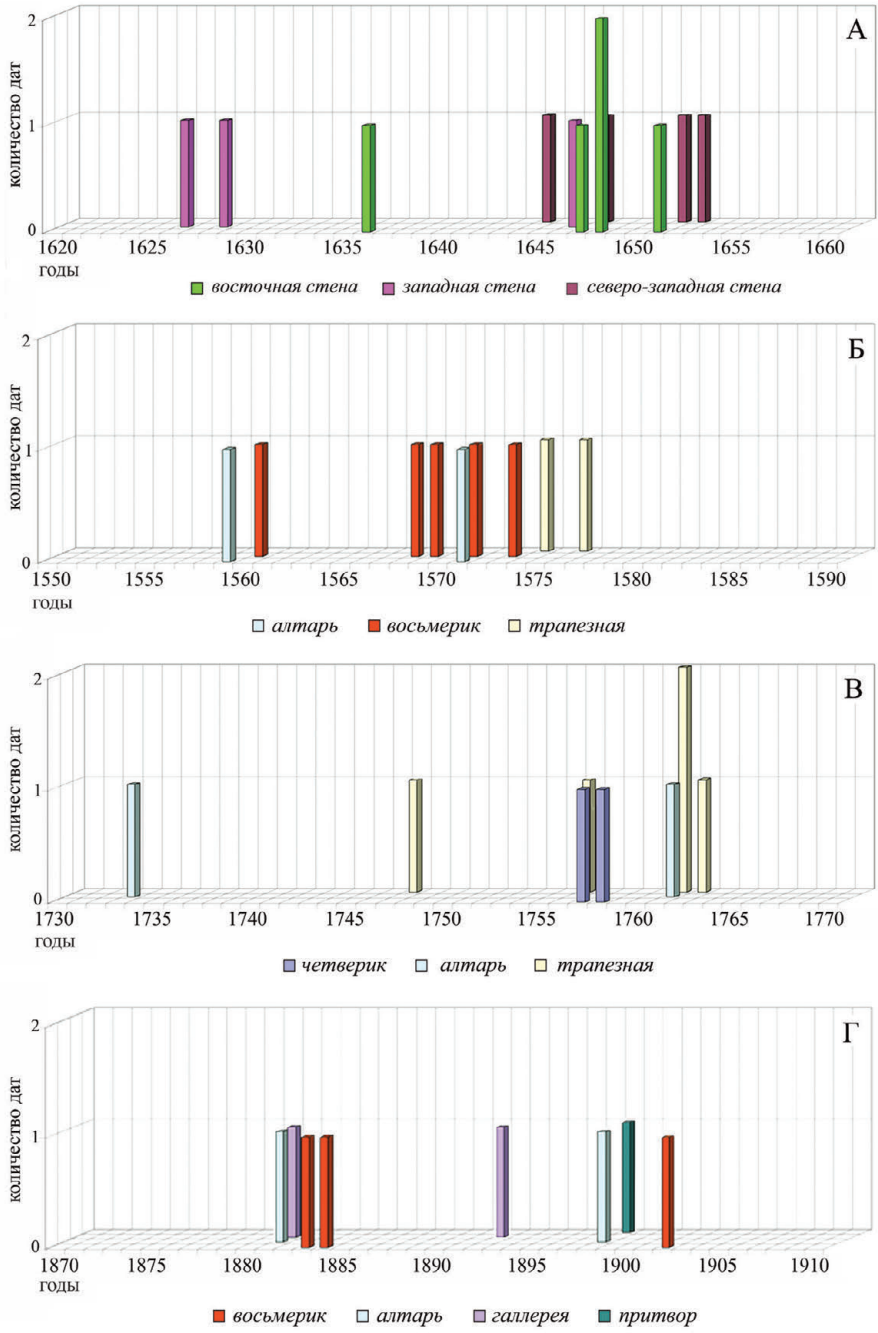


Рис. 4. Количественное и хронологическое распределение дат последних сохранившихся годичных колец образцов древесины архитектурного памятников

А – ц. Вознесения с. Пияла; Б – ц. Николая Чудотворца с. Лявля; *В* – ц. Покрова (Власия) с. Лядины; *Г* – ц. Николая Чудотворца с. Зачачье

лабораториях, также демонстрируют в сериях существенный хронологический разброс дат, прослеживаемый не только в культовых сооружениях (*Мыглан и др.*, 2009. С. 108, 109), но и в рядовой застройке (*Филатова и др.*, 2021. С. 713, 714; *Мыглан, Ваганов*, 2005. С 178–181).

ЛИТЕРАТУРА

Битвинскас Т. Т., 1974. Дендроклиматические исследования Л.: Гидрометеоиздат, 1974. 172 с.

Заручевская И. Б., 2013. Храмовый комплекс в селе Нёнокса Архангельской области. М.: Благотворительный фонд В. Потанина. 27 с.

ИАК. Вып. 39. Вопросы реставрации. Вып. 7. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1911. 205 с.

ИАК. Вып. 41. Вопросы реставрации. Вып. 8. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1911. 228 с.

ИАК. Вып. 52. Вопросы реставрации. Вып. 18. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1914. 185 с.

Карпухин А. А., 2016. Дендрохронология в археологии: методические аспекты // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых ученых) / Отв. ред.: Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 52–68.

Карпухин А. А., Мацковский В. В., Соловьева Л. Н., 2017. Дендрохронология средневековых городов центра европейской части России: анализ количественного и хронологического распределения дендродат // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы: материалы Междунар. симп. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 74–83.

Карпухин А. А., Мацковский В. В., Соловьева Л. Н., 2019. Древесно-кольцевые хронологии памятников деревянного зодчества Карелии // КСИА. Вып. 257. С. 393–407.

Колчин Б. А., Черных Н. Б., 1977. Денрохронология Восточной Европы. М.: Наука. 128 с.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. I. Архангельск: Типо-литогр. насл. Д. Горяйнова, 1894. 371 с.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. III. Архангельск: Типо-литогр. насл. Д. Горяйнова, 1896. 367 с.

Мацковский В. В., 2011. Возможности и ограничения реконструкции климатического сигнала по ширине годичных колец хвойных деревьев на севере и в центре Европейской территории России: автореф… дис. … канд. географ. наук. М.: Институт географии РАН. 25 с.

Мацковский В. В., Соломина О. Н., Бушуева И. С., 2013. Дендрохронология Соловецких островов // Соловецкий сборник. Вып. 9. Архангельск. С. 41–58.

Мыглан В. С., Ваганов Е. А., 2005. К вопросу о датировке исторических памятников на Таймырском полуострове: дендрохронологический и исторический аспекты // Вестник Красноярского университета. Гуманитарные науки. Красноярск. № 5. С 176–182.

Мыглан В. С., Слюсаренко И. Ю., Майничева А. Ю., 2009. Спасская церковь из Зашиверска: дендрохронологический аспект // АЭАЕ. № 3 (39). С. 103–110.

Соломина О. Н., Мацковский В. В., Жуков Р. С., 2011. Дендрохронологические «летописи» «Вологда» и «Соловки» как источник данных о климате последнего тысячелетия // Доклады Академии наук. Т. 439. № 4. С. 539–544.

Филатова М. О., Мыглан В. С., Жарников З. Ю., Тайник А. В., Баринов В. В., Филатов Е. А., Уткин М. В., 2021. Дендрохронологическое датирование памятников деревянного зодчества Новосибирской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск. С. 710–715.

Черных Н .Б., Карпухин А. А., 2006. Некоторые результаты дендрохронологического изучения древесины церкви Ильи Пророка в Цыпинском погосте (Вологодская обл., Кирилловский р-н) // КСИА. Вып. 220. С. 127–134.

Черных Н. Б., Сергеева Н. Ф., 1997. Дендрохронология архитектурных памятников на севере России (бассейн Северной Двины и Онеги) // РА. № 1. С. 109–125.

Baillie M. G. L., Pilcher J. R., 1973. A simple cross-dating program for tree-ring research // Tree-Ring Bulletin. Vol. 33. P. 7–14.

Eckstein D., Bauch J., 1969. Beitrag zur Rationalisierung eines dendrochronologischen Verfahrens und zur Analyse seiner Aussagesicherheit // Forstwissenschaftliches Bd. 88. H. 4. S. 230–250.

Holmes R. L., 1983. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // Tree-Ring Bull. Vol. 43. P. 69–78.

Huber B., 1943. Über die Sicherheit jahrringchronologischer Datierung // Holz als Roh und Werkstoff. Jg. 6. No. 10–12. S. 263–268.

ITRDB. International Tree-Ring Data Bank = Международный банк данных годичных колец. URL: https://www.ncei.noaa.gov/products/paleoclimatology/ tree-ring

Rinn F., 1996. TSAP, V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution. 264 p.

Сведения об авторах

Карпухин Алексей Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: Karpukhin.A@rambler.ru;

Гриценко Лидия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: lidia77-77@mail.ru

A. A. Karpukhin, L. N. Gritsenko

TREE-RING CHRONOLOGIES OF THE WOODEN ARCHITECTURE SITES IN THE ARKHANGELSK REGION AND INTERPRETATION OF DENDROCHRONOLOGICAL MEASUREMENT SERIES

Abstract. The paper contains quantitative and chronological characteristics of 13 tree-ring chronologies obtained from the materials of the earlier examined architectural sites of the Arkhangelsk region. It reviews the analysis of the quantitative and chronological distribution of the dendrochronological measurement series obtained from the wood samples from some buildings taking into account historical data on the time when they were constructed. We have traced a chronological «tail» of the dates spanning up to several decades that tend to precede the construction date known from written sources.

Keywords: dendrochronologies, tree-ring chronologies, Russian wood architecture.

REFERENCES

Bitvinskas T. T., 1974. Dendroklimaticheskie issledovaniya [Dendroclimatological research]. Leningrad: Gidrometeoizdat. 172 p.

Chernykh N. B., Karpukhin A. A., 2006. Nekotorye rezul'taty dendrokhronologicheskogo izucheniya drevesiny tserkvi Il'i Proroka v Tsypinskom pogoste (Vologodskaya obl., Kirillovskiy r-n) [Some results of dendrochronological investigation of timber from the church of Prophet Elijah in the Tsypinsky pogost (Kirillov district, Vologda region)]. *KSIA*, 220, pp. 127–134.

Chernykh N. B., Sergeeva N. F., 1997. Dendrokhronologiya arkhitekturnykh pamyatnikov na severe Rossii (basseyn Severnoy Dviny i Onegi) [Dendrochronology of architectural monuments in the North of Russia (Northern Dvina and Onega basin)]. *RA*, 1, pp. 109–125.

Filatova M. O., Myglan V. S., Zharnikov Z. Yu., Taynik A. V., Barinov V. V., Filatov E. A., Utkin M. V., 2021. Dendrokhronologicheskoe datirovanie pamyatnikov derevyannogo zodchestva Novosibirskoy oblasti [Dendrochronological dating of wooden architecture monuments of the Novosibirsk region]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Issues of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]*, XXVII. Novosibirsk, pp. 710–715.

IAK, 39. Voprosy restavratsii [Issues of restoration], 7. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1911. 205 p.

IAK, 41. Voprosy restavratsii [Issues of restoration], 8. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1911. 228 p.

IAK, 52. Voprosy restavratsii [Issues of restoration], 18. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1914. 185 p.

Karpukhin A. A., 2016. Dendrokhronologiya v arkheologii: metodicheskie aspekty [Dendrochronology in archaeology: methodic aspects]. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektsiy dlya aspirantov i molodykh uchenykh) [Interdisciplinary integration in archaeology (based on lectures for graduate students and young scientists)]*. E. N. Chernykh, T. N. Mishina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 52–68.

Karpukhin A. A., Matskovskiy V. V., Solov'yeva L. N., 2017. Dendrokhronologiya srednevekovykh gorodov tsentra evropeyskoy chasti Rossii: analiz kolichestvennogo i khronologicheskogo raspredeleniya dendrodat [Dendrochronology of medieval cities in the center of the European part of Russia: analysis of quantitative and chronological distribution of dendrodates]. *Mul'tidistsiplinarnye metody v arkheologii: noveyshie itogi i perspektivy [Multidisciplinary methods in archaeology: recent results and prospects]*. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 74–83.

Karpukhin A. A., Matskovskiy V. V., Solov'yeva L. N., 2019. Drevesno-kol'tsevye khronologii pamyatnikov derevyannogo zodchestva Karelii [Tree-ring chronologies of wooden architecture in Karelia]. *KSIA*, 257, pp. 393–407.

Kolchin B. A., Chernykh N. B., 1977. Dendrokhronologiya Vostochnoy Evropy [Dendrochronology of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 128 p.

Kratkoe istoricheskoe opisanie prikhodov i tserkvey Arkhangel'skoy eparkhii [Brief historical description of parishes and churches of the Archangel Diocese], I. Arkhangel'sk: Tipo-litografiya naslednikov D. Goryaynova, 1894. 371 p.

Kratkoe istoricheskoe opisanie prikhodov i tserkvey Arkhangel'skoy eparkhii [Brief historical description of parishes and churches of the Archangel Diocese], III. Arkhangel'sk: Tipo-litografiya naslednikov D. Goryaynova, 1896. 367 p.

Matskovskiy V. V., 2011. Vozmozhnosti i ogranicheniya rekonstruktsii klimaticheskogo signala po shirine godichnykh kolets khvoynykh derev'ev na severe i v tsentre Evropeyskoy territorii Rossii: avtoreferat dissertatsii … kandidata geograficheskikh nauk [Possibilities and limitations of reconstruction of the climate signal by width of annual rings of coniferous trees in the north and in the center of European territory of Russia: PhD Thesis]. Moscow. 25 p.

Matskovskiy V. V., Solomina O. N., Bushueva I. S., 2013. Dendrokhronologiya Solovetskikh ostrovov [Dendrochronology of Solovki islands]. *Solovetskiy sbornik [Solovki annual]*, 9. Arkhangelsk, pp. 41–58.

Myglan V. S., Vaganov E. A., 2005. K voprosu o datirovke istoricheskikh pamyatnikov na Taymyrskom poluostrove: dendrokhronologicheskiy i istoricheskiy aspekty [On dating of historical monuments in Taimyr Peninsula: dendrochronological and historical aspects]. *Vestnik Krasnoyarskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Krasnoyarsk university. Humanities]*, 5, pp. 176–182.

Myglan V. C., Slyusarenko I. Yu., Maynicheva A. Yu., 2009. Spasskaya tserkov' iz Zashiverska: dendrokhronologicheskiy aspekt [The church of the Savior from Zashiversk: dendrochronological aspect]. *AEAE*, 3 (39), pp. 103–110.

Solomina O. N., Matskovskiy V. V., Zhukov R. S., 2011. Dendrokhronologicheskie «letopisi» «Vologda» i «Solovki» kak istochnik dannykh o klimate poslednego tysyacheletiya [Dendrochronological «chronicles» of «Vologda» and «Solovki» as a source of climate data of the last millennium]. *Doklady Akademii nauk [Reports of Academy of Sciences]*, vol. 439, no. 4, pp. 539–544.

Zaruchevskaya I. B., 2013. Khramovyy kompleks v sele Nenoksa, Arkhangel'skaya oblast' [Church assemblage in village Nenoksa, Arkhangelsk region]. Moscow: Blagotvoritel'nyy fond V. Potanina. 27 p.

About the authors

Karpukhin Aleksey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: Karpukhin.A@rambler.ru;

Gritsenko Lidia N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: lidia77-77@mail.ru

Л. А. Беляев

РЕЛЬЕФНАЯ ПЛАСТИНА С ФИГУРАМИ БОГИНИ ПОБЕДЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПЛАТОНА УСТИНОВА И СВИНЦОВЫЕ САРКОФАГИ ИЕРУСАЛИМА III–VI ВЕКОВ[1]

Резюме. В статье публикуется, по фотографии конца XIX в., предмет из коллекции Платона Устинова (рис. 1). Коллекция включала значительное количество предметов из некрополя Абу-Кабир в Яффо и была составлена в 1878–1913 гг. и в большей части куплена музеем университета в Осло. Устраняется неверная атрибуция вещи, которая в подписи на фотографии характеризовалась как каменный рельеф. Доказывается, что это пластина из свинцового гроба с рельефным декором. Такие гробы были известны в Средиземноморье, в III–IV вв. н. э. их производили в Финикии в прибрежных городах. В глубинной Палестине известна одна мастерская, работавшая в IV–VI вв. в Иерусалиме, которая выпустила многие сотни изделий. Их украшали античные сюжеты, к ним добавились иудейские и христианские символы. Для мастерской были характерны магические элементы – имитации обвязок и дериваты венков в виде свернутых в кольцо шнуров.

Ключевые слова: Палестина, Святая Земля, русские участки, Византия, свинцовые саркофаги, религиозная символика.

Поводом для этой статьи послужило знакомство с фотографией предмета из собрания Платона Григорьевича Устинова. Судьба самой вещи неизвестна, а историю фотосъемки еще предстоит выяснить. Но артефакт нуждается в исправлении атрибуции, которая откровенно неверна[2]. Это и станет сюжетом статьи – наряду с обзором истории свинцовых гробов эпохи Римской империи и ранней Византии, в основном из Иерусалима.

[1] Статья подготовлена в рамках коллективной плановой темы «Древности “русских участков” на Святой Земле: история исследований и современная археология» № НИОКТР 122071100011-4.

[2] Как и атрибуция керамического сосуда из той же серии снимков, о чем см. статью О. В. Ворошиловой и Д. В. Журавлева в этом выпуске.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.360-370

Публикуемая фотография входит в серию снимков вещей из «русских коллекций» Палестины. Эта группа фотографий, которые были переданы Русскому археологическому институту в Константинополе (далее – РАИК) в конце 1870-х гг.[3] Из РАИК они попали, в составе его архива, после вывоза коллекции из Турции в Государственный Эрмитаж, где находятся с 1931 г. (*Пятницкий*, 1991. С. 28–31). Видимо, именно в Эрмитаже они были наклеены на паспарту и проаннотированы (орфография подписей послереволюционая). Большинство снимков фиксирует коллекцию архимандрита Антонина (Капустина) на Елеонской горе в Иерусалиме (*Чехановская, Беляев*, 2020. С. 228–255), но есть и предметы, которые собрал в Яффе «барон фон Устинов», чье имя хорошо известно в истории коллекций конца XIX – начала XX в., а также в истории русских владений в Палестине.

Некрополь римско-византийского времени (конец III – конец VI в.) на окраине Яффо, в местечке Абу-Кабир, идентифицировал Шарль Клермон-Ганно (*Clermont-Ganneau*, 1896. P. 130–147; *Kark*, 1990. P. 32–38, 70–72). В результате архимандрит Антонин купил здесь в 1868–1883 гг. несколько участков, в том числе Ард Табита («земля Тавифы» – Деян. 9:36–42), провел с помощью Конрада Шика раскопки и создал археологическое «святое место» (*Schick*, 1893. P. 286–293; см. также: *Олесницкий*, 1875–1878. С. 173–175; *Чехановец, Беляев*, 2020. С. 228–255).

В ходе работ П. Г. Устинов (1840–1919), который жил в Яффо в 1878–1913 гг., приобрел часть надгробий с надписями и другие вещи с участка. Его коллекция упомянута в «Отчете о деятельности РАИК за 1876 год», где отмечены: образцы хорошей классической скульптуры, в основном эпохи диадохов, в римских копиях, включая мужской портретный бюст; два женских и один мужской торс; несколько надгробных и декоративных рельефов (Отчет…, 1897. С. 37, первая пагинация). Свою огромную коллекцию древностей при отъезде из Палестины Устинов распродал.

На фотографиях из этой коллекции представлен, во-первых, один из уже упомянутых бюстов (неясного происхождения: он не характерен для древностей Палестины и, вероятно, просто куплен на широком рынке Средиземноморья, ведь Устинов собирал не только местные древности). Во-вторых, красивые стеклянные сосуды сложной формы (они хорошо известны науке и были опубликованы еще К. Шиком). На третьем снимке мы видим предмет, который можно на первый взгляд принять за поздний эллинистический рельеф. Он так и назван в аннотации снимка: часть каменного рельефа[4]. Но достаточно взглянуть на снимок, чтобы усомниться в том, что это камень (рис. 1).

На «камне» изображены две обращенные друг к другу рельефные фигуры Ники, богини победы с венками в поднятых руках, которые наложены

[3] По мнению К. А. Ваха, съемка сделана специально для РАИК уже после смерти владыки Антонина, в 1896–1897 гг. – на некоторых снимках коллекции стоят эти даты, но автор не указан.

[4] На паспарту кроме аннотации проставлены два штампа фототеки сектора Востока Государственного Эрмитажа, один для инвентарного номера, другой – для указания шифров негатива и фотографии.

Рис. 1. Фотография рельефной пластины из коллекции П. Г. Устинова в Яффо. Государственный Эрмитаж

на прямоугольные выступы. Выступы эти, в свою очередь, соединены поднятыми на невысоких стеблях ветвями с листьями, образующими род гирлянды. В целом это характерная композиция в иконографии эллинизма. Однако предмет имеет очень небольшую толщину, для каменных рельефов необычную. Видны и прогибы краев пластины то в одну, то в другую сторону. Видимо, это легко гнущийся материал. Сравнение с аналогами убеждает, что перед нами – фрагмент свинцового гроба с фигурками-аппликациями. Такие гробы хорошо известны в имперский и ранний византийский периоды. То, что это фрагмент, не должно удивлять – кусочки охотно собирали и продавали, они есть во многих коллекциях. Целый саркофаг с крышкой весил около 200 кг, даже переносить его, из-за тяжести и мягкости металла, сложно. Коллекционировать «красивые детали» было гораздо проще.

Свинцовые гробы, субститут дорогих саркофагов, хорошо известны в Восточном Средиземноморье III–IV вв., а местами и позднее. Дело в том, что в провинциях Римской империи свинец получали как сопутствующий продукт при добыче серебра. Он был не слишком дешев, но все же дешевле резного камня, особенно мрамора. В Леванте гробы из свинца, видимо, начали делать в Финикии. Уже известны центры производства на побережье, в регионе Бейрут, Сидон, Тир (основная мастерская со II по начало III в.), Акко, Кейсария Палестинская, Ашкелон и, возможно, Газа. Вне побережья, в глубине страны, свинцовые саркофаги делали только в Иерусалиме начиная с середины III в. (*Rahmani*, 1999. Fig. 184). Изотопный анализ группы иерусалимских саркофагов показал, что у них единый источник свинца: провинция Мезия (регион Балкан, см.: *Ziv-Esudri*, 2021. P. 80–89). Прекращение производства датируется здесь концом V – началом VI в.

В Иерусалиме (районы улиц Азар, Алфаси; квартал Гив‘а-Царфатит) и в Бет-Лехеме (Вифлеем) найдены уже сотни саркофагов различных типов. Они обнаружены в основном на северном городском некрополе (к северу от стен Старого города, см.: *Avni*, 2005. P. 381–383; 2017. P. 124). Несколько саркофагов, относящихся уже к христианскому периоду, найдены в мавзолее к западу от города при раскопках монастыря на территории строившегося здания YMCA. Отдельные образцы встречались в окрестностях Иерусалима (полный каталог см.: *Ziv-Esudri*, 2021). В свинцовых саркофагах хоронили состоятельных людей: так, в Кфар-Гил‘ади в гробу с изображениями Геркулеса и льва найдены золотые браслет и диадема с драгоценными камнями.

Гроб базовой формы представлял собой простой прямоугольный ящик со слегка закругленной или двускатной крышкой. Основу формовали в виде плоского листа (о методе пока спорят), который затем кроили, сгибали и складывали, как складывают коробки. Декоративные накладки-изображения штамповали отдельно, вероятно, используя сборники образцов. Их также могли копировать с оригиналов, использовать матрицы из глины или дерева, оттискивая в форму, или же другими способами.

Иконография свинцовых саркофагов хорошо изучена. Снаружи их украшал традиционный декор, связанный с темами радости жизни, смертью, возрождением. Сюда входили геометрические композиции, цветы, фрукты и гирлянды, плющ и лавровые венки, сюжеты мифологии. Или, по выбору заказчиков, среди

Рис. 2. Фрагмент свинцового саркофага с мифологическими мотивами. Музей Израиля. Фото автора

которых были монотеисты, иудейскими и христианскими символами (рис. 2–4). Среди языческих мотивов наиболее распространены дионисийские – Пан, сатиры и менады, сам Дионис (*Rosenthal-Heginbottom*, 2020) – и многие другие, общие с другими жанрами позднеантичного погребального искусства. При этом иерусалимские саркофаги включают и не характерные для общей орнаментики эллинизма мотивы (см. ниже).

Что касается изображений богини Победы, то аналогичные известны на пяти иерусалимских саркофагах (*Rahmani*, 1999. P. 62; *Ziv-Esudri*, 2021, Nos. 24, 26, 29–31. Fig. 86). Фигуры имеют стандартный размер (12,8 × 7,3 см), что позволяет примерно оценить общий размер пластины на фотографии – высота 28, длина 31 см – и предположить, что все они изготовлены с одной пары матриц.

Саркофаги с иудейской религиозной символикой фиксируют в Сидоне с середины IV в., а через столетие появляются и христианские символы, прежде всего крест (вторая половина V в., Иерусалим). Для иудейских саркофагов характерны изображения обрядовых предметов, как известно, распространенных также на надгробиях, в мозаиках и других формах религиозного искусства, а также геометрические, растительные и животные мотивы орнаментов.

Для Иерусалимской мастерской свинцовых гробов типичны три элемента композиции, из которых по крайней мере один явно местный. Это рельеф из шнуров, которые перекрещивают и как бы перевязывают гроб, образуя ромбический узор. В эти ромбы часто вписаны маленькие колечки с насечкой, похожие на свернутые, но не перевязанные концами веревочки, похожие на крохотные веночки (рис. 2–4). Важно отметить, что эти два мотива (шнуры и колечки-венки) сохраняются на гробах независимо от сюжетов – языческих, иудейских, христианских. Что до известной степени указывает на забвение или невосприимчивость к изначальной магической функции: дополнительно скрепить крышку и саркофаг, предотвратить проникновение духов мертвых

Рис. 3. Фрагмент свинцового саркофага с символами иудаизма. Музей Израиля. Фото автора

Рис. 4. Фрагмент свинцового саркофага с христианской символикой. Музей Израиля. Фото автора

Рис. 5. Фрагмент свинцового саркофага с композицией «два Эрота» и петлеобразным венком (по: *Rahmani*, 2002. Fig. 3)

и уберечь от них живых (*White*, 1997. P. 3–14; 1999. P. 90–91; *Rahmani*, 1999. P. 65).

Особый символический смысл пытались присвоить и мотиву веревочных петель (рис. 5), отличая их от обычных узлов и веночков из других мастерских и пытаясь трактовать с учетом представлений иудеев о тех или иных элементах магии. По мнению Рахмани, этот мотив символизирует освобождение души от тела (*Rahmani*, 1999. P. 67). Розенталь-Хегинботтом рассматривает его исключительно как общий погребальный и декоративный сюжет (*Rosenthal-Heginbottom*, 2020. P. 468). Видимо, это ближе к истине: учитывая распространенность венка в погребальной практике (и, в том числе, в орнаментике), сохранившуюся до наших дней, странно менять смысл этого символа на свинцовых саркофагах. Однако искать объяснение нужно просто в связи самих понятий венка (дериватом которых мне кажутся кольца из «веревочек») и погребения.

Третье отличие саркофагов иерусалимских мастеров – пристрастие к прямоугольным или квадратным «клеймам», в рамки которых помещены сцены с крылатыми фигурами, чаще всего Эротами; они стоят парами или собраны в большие композиции: готовят сосуды и гирлянды для пира, досаждают или помогают отдыхающему Гераклу и т. п.

И мифологические сцены, и свинцовое «вервие» сравнительно легко объяснить, исходя из богатого репертуара каменных саркофагов античности и соображений практической магии, в которой большую роль играла идея связывания покойного или обвязки его гроба.

Но символически значим и сам материал. Свинец наделяли особыми магическими свойствами, связью с хтоническими силами. Считалось, что по самой

своей природе этот металл представляет темную стихию, а потому имеет над ней власть (см.: *Georgousakis*, 2022. P. 199–209). В древности это был основной, непревзойденный материал магии: на нем писали заклинания, проклятия, заговоры; из него делали кукол для вредоносных процедур, в нем изображали демонов. Недаром свинец широко применяли при клятвах, из него делали буллы государственных договоров и актов, а также товарные пломбы (амфор, позднее тканей и др.). «Пломбирующую» способность переносили на погребальный обряд, обволакивая свинцом стеклянные урны с прахом. Классическая литература и практика жизни древних дают массу иллюстраций и разъяснений, от толкований астрологов и связи с планетой Сатурн до алхимиков Средневековья, убежденных в том, что свинец – прямой антипод золота и способен в него превращаться (тигель для плавки свинца попал даже в состав символов «Меланхолии» Дюрера).

Итак, свинец саркофага и его рельефы обладали апотропеическими функциями, служа защитой от вмешательства духов мертвых в жизнь живых и, не забудем об этом, обеспечивая загробное благополучие или счастливое воскресение, о чем непосредственно говорят все сюжеты вне зависимости от модели загробной жизни. Ведь свинцовые гробы относятся к немногочисленному кругу артефактов, демонстрирующих религиозный синкретизм жителей Святой Земли в конце римского – начале византийского периода. Это один из самых ярких примеров уже разделенного на два потока, но во многом сохраняющего единство, авраамического мира. Подобным примером сосуществования можно назвать глиняные светильники, которые, при общей форме и технологии, служат всем верующим: язычникам, иудеям, христианам и даже мусульманам, а также мозаики полов, мастера которых, как полагают, работали равным образом по заказам язычников, иудеев и христиан.

Свинцовые гробы бывали разного уровня по качеству исполнения и часто включали сюжеты классической мифологии. Но какой веры придерживались сами изготовители свинцовых саркофагов в Иерусалиме, видимо, было не важно. Ясно, что они были толерантны к религиозной символике своей продукции – на гробах мы видим как чисто античные сюжеты, так и символы иудаизма и христианства. Представить, что в городе были три отдельные «конфессиональные» мастерские, где делали погребальные сооружения, невозможно.

Автор благодарит Кирилла Алексеевича Ваха за помощь в работе и копии фотографий, полученные ранее от Юрия Александровича Пятницкого. Особая благодарность Яне Чехановец за помощь с атрибуцией публикуемого предмета и подбором новейшей литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Олесницкий А. А., 1875–1878. Святая Земля. Отчет по командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. Киев. 2 т. (558 + 654 с.)

Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1896 году // Известия Русского Археологического института в Константинополе. Т. 2. Одесса, 1897. С. 1–44 (1-я паг.)

Пятницкий Ю. А., 1991. Русский Археологический институт в Константинополе // Византиноведение в Эрмитаже. Л.: ГЭ. С. 28–31.

Чехановец Я., Беляев Л. А., 2020. Палестинский музей Антонина Капустина: состояние исследований и перспективы изучения // Византийский временник. Т. 103 (2019). М. С. 228–255.
Avni G., 2005. The Urban Limits of Roman and Byzantine Jerusalem: A view from the Necropoleis // Journal of Roman Archaeology. Vol. 18. P. 373–397.
Avni G., 2017. The Necropoleis of Aelia Capitolina: Burial Practices, Ethnicity and the City Limits // Roman Jerusalem: A New Old City / Eds.: G. Avni, G. D. Stiebel. Portsmouth. P. 123–130. (Journal of Roman Archaeology: Supplementary Series; 105.)
Clermont-Ganneau Ch., 1896. Archaeological Researches in Palestine during the Years 1873–1874. Vol. II. London: Palestine Exploration Fund. 505 p.
Georgousakis D. S., 2022. Binding Power of Lead: Magical and Amuletic Uses of Lead in Late Antique and Byzantine Periods // Journal of the Turkish Institute of Archaeology and Cultural Heritage. 2. P. 199–209.
Kark R., 1990. Jaffa: A City in Evolution. 1799–1917. Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi Press. 330 p.
Rahmani L. Y., 1999. A Catalogue of Roman and Byzantine Lead Coffins from Israel. Jerusalem: Israel Antiquities Authority. 189 p.
Rahmani L. Y., 2002. Reclining Hercules Attended by Erotes upon a Lead Coffin Fragment from Jerusalem // Israel Museum Studies in Archaeology. Vol. 1. P. 13–20.
Rosenthal-Heginbottom R., 2020. Lead Coffins Reflected: The Bound Coffin Motif and Loop Patterns: Magical Restraints? // ARAM. 32. P. 463–473.
Schick C., 1893. Tabitha Ground at Jaffa // Palestine Exploration Quarterly. Vol. 25. P. 286–293.
White D., 1997. Of Coffins, Curses, and Other Plumbeous Matters. The Museum' Lead Burial Casket from Tyre // Expedition. Vol. 39. № 3. P. 3–14.
White D., 1999. The Eschatological Connection between Lead and Ropes as Reflected in a Roman Imperial Period Lead Coffin in Philadelphia // Israel Exploration Journal. 49. P. 66–91.
Ziv-Esudri A., 2021. Late Roman Lead Coffins from the Jerusalem and Caesarea Workshops – Reassessment: MA thesis, Bar-Ilan University. Ramat-Gan.

Сведения об авторе

Беляев Леонид Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: labeliaev@bk.ru

L. A. Belyaev

THE RELIEF PLATE WITH FIGURES OF NIKE FROM PLATON USTINOV'S COLLECTION AND THE LEAD SARCOPHAGI FROM JERUSALEM OF THE 3rd–5th CENTURIES

Abstract. The paper publishes an item from Platon Ustinov's collection using a photograph made at the end of the 19th century (Fig. 1). The collection assembled in 1878–1913 included a large number of items from the Abu-Kabir necropolis in Jaffa; a greater part of the collection was bought by the Museum of Cultural History in Oslo University. The paper corrects the wrong attribution of the item described in the inscription on the photograph as a stone relief. The paper proves that it is a plate from a lead coffin featuring a relief decoration. Such coffins were known in the Mediterranean, in the 3rd–4th centuries they were made in coastal cities in Phoenicia. There is one workshop located in Palestine heartland, which operated in Jerusalem producing hundreds of items in the 4th–6th centuries. These items were decorated with Ancient Greek narrative scenes, with some Judeic and Christian elements added. Magic elements imitating bands and wreath derivates in the form of coiled rods were typical of this shop.

Keywords: Palestine, Holy Land, Russian areas, Byzantium, lead sarcophagi, religious symbols.

REFERENCES

Chekhanovets Ya., Belyaev L. A., 2020. Palestinskiy muzey Antonina Kapustina: sostoyanie issledovaniy i perspektivy izucheniya [Antonin Kapustin Palestinian Museum: state of research and prospects of study]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Annual]*, 103 (2019). Moscow, pp. 228–255.

Olesnitskiy A. A., 1875–1878. Svyataya Zemlya. Otchet po komandirovke v Palestinu i prilegayushchie k ney strany [The Holy Land. Report on a business trip to Palestine and the adjacent countries]. Kiev. 2 vols. (558 + 654 p.)

Otchet o deyatelnosti Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole v 1896 godu [Report on activities of the Russian Archaeological Institute in Constantinople in 1896]. *Izvestiya Russkogo Arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole [News of the Russian Archaeological Institute in Constantinople]*, 2. Odessa, 1897, pp. 1–44.

Pyatnitskiy Yu. A., 1991. Russkiy Arkheologicheskiy institut v Konstantinopole [Russian Archaeological Institute in Constantinople]. *Vizantinovedenie v Ermitazhe [Byzantine studies in Hermitage]*. Leningrad: GE, pp. 28–31.

About the author

Belyaev Leonid A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: labeliaev@bk.ru

К. А. Вах

АНТОНИН (КАПУСТИН) И САДОВАЯ МОГИЛА В ИЕРУСАЛИМЕ: КОММЕНТАРИЙ К «ДНЕВНИКУ» ЗА 1866 г.

Резюме. Статья посвящена неизвестной ранее российской части истории открытия важного протестантского археологического памятника в Иерусалиме – Садовой могилы генерала Гордона, а также участию в ее изучении Конрада Шика, иерусалимского архитектора и археолога, одного из основных исследователей древностей на Русских раскопках у храма Гроба Господня.

Ключевые слова: Археология Иерусалима, Гроб Господень, Голгофа, древнееврейские погребения, Садовая могила, Антонин (Капустин), Конрад Шик.

Среди объектов исторической топографии Иерусалима выделяются два памятника, в интерпретации которых исключительно ярко отражены поиски в XIX в. новых, отличающихся от традиционной системы, святых мест. Эти объекты – Голгофа Гордона и Садовая могила. Они образуют альтернативную локацию, почитаемую как место распятия, погребения и воскресения Иисуса Христа. Их история такова. В 1842 г. немецкий теолог-лютеранин Отто Тениус обратил внимание на форму скалы к северу от стен Старого города, за Дамасскими воротами. Она отдаленно напоминала череп (арабы называли ее el-heidemiyeh). Ученый предположил, что именно это реальное место казни, поскольку оно лежит за пределами городских стен. В 1866–1867 гг. у подножия скалы обнаружили скальную гробницу, которую попытались интерпретировать как место погребения Христа. Этого оказалось достаточным. Генерал Чарльз Джордж Гордон (национальный герой Британии, погибший при падении Хартума), посетив Иерусалим в 1883–1884 гг., провозгласил локус истинным местом Распятия и Воскресения (отсюда название скалы: Голгофа Гордона). В Англии возникло религиозное «Общество Садовой могилы» (1894 г.), был устроен небольшой парк и организован доступ к объектам. В настоящее время он функционирует, здесь читают лекции, проводят экскурсии. Ряд протестантов продолжает считать скалу истинным местом Распятия и погребения.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.371-381

Конечно, установленная хронология и топографическая ситуация исключают возможность отождествления Садовой могилы с евангельским местом воскресения Христа: Садовая могила датируется VIII–VII вв. до н. э., это часть городского некрополя эпохи Первого храма, но в христианскую эпоху ее перестраивали и использовали (*Barkay*, 1986; *Kark, Frantzman*, 2010. P. 204). Несколько похожих скальных гробниц по соседству нашли монахи-доминиканцы при строительстве на их участке ограждающей стены в 1886 г. (*Schick*, 1886. P. 155). Но не угасает интерес к истории отождествлений Холма Черепа и окрестных скальных могил с евангельской Голгофой и Гробом Господним (*Kochav*, 1995. P. 278–301), к роли исследователей Иерусалима XIX в. Конрада Шика и капитана корпуса инженеров Клода Кондера в проекте генерала Гордона и создании Общества Садовой могилы (*Kark, Frantzman*, 2010; *Frantzman, Kark*, 2008).

Эта статья призвана добавить небольшой эпизод в историю открытия почитаемой доныне в англиканском сообществе могилы. Во второй половине 1860-х гг. она могла оказаться в русской собственности, что ранее не было отмечено. Анализ нескольких строк из «Дневника» архимандрита Антонина в контексте раннего этапа изучения топографии Иерусалима позволяет утверждать, что гробница попала в его поле зрения, была осмотрена и предназначена к покупке значительно раньше того момента, когда к памятнику получил доступ Конрад Шик (*Frantzman, Kark*, 2008. P. 128). Фактически, речь пойдет о первом известном упоминании Садовой могилы – правда, публично не озвученном и не выделенном из остального ряда осмотров о. Антонином участков Иерусалима.

«Дневник» архимандрита Антонина Капустина (далее – «Дневник») – исторический источник, хорошо знакомый исследователям русского присутствия на Ближнем Востоке во второй половине XIX в. (*Бутова*, 2000; 2006; *Варнава*, 2017; *Вах*, 2013; *Герд*, 2015; 2017; 2020; *Гурулева*, 1998; *Лисовой*, 2000; 2018; *Лисовой, Бутова*, 2011; *Лисовой, Бутова*, 2012; *Максимова*, 2015; *Салмина*, 1972; *Фонкич*, 1983). Его потенциал как источника все еще не исчерпан. И немудрено. Антонин (Капустин) не был просто наблюдателем, фиксирующим происходящие вокруг события. И в Афинах (1850–1860), и в Константинополе (1860–1865), и в Святой Земле (1865–1894) – он активно участвовал в них. Его записи о проектах, даже не осуществленных, важны для характеристики самих объектов интереса, в данном случае – древностей Иерусалима. Раскрытие сложной истории их открытия и атрибуции требует широкого историко-культурного контекста.

Конрад Шик подробно описал Садовую могилу и сделал ее план (рис. 1) довольно поздно – в 1892 г. по запросу британского Фонда исследований Палестины. При этом он рассказал о посещении ее в 1867 г. Шик справедливо полагал, что увидел пещеру вскоре после ее открытия. Приведем эти воспоминания, в русской литературе до сих пор не цитированные: «Согласно полученным инструкциям, я подготовил *план и разрезы* гробницы, которую покойный генерал Гордон считал гробницей Христа, расположенной недалеко от Грота Иеремии, у западного подножия так называемого *Холма Черепа*. Гробница находится на расстоянии 860 футов по прямой линии от Дамасских ворот и в 280 футах к востоку от главной идущей на север дороги, обычно именуемой Наблусской. Вход в эту рукотворную пещеру сделан в отвесном отроге холма… (рис. 2).

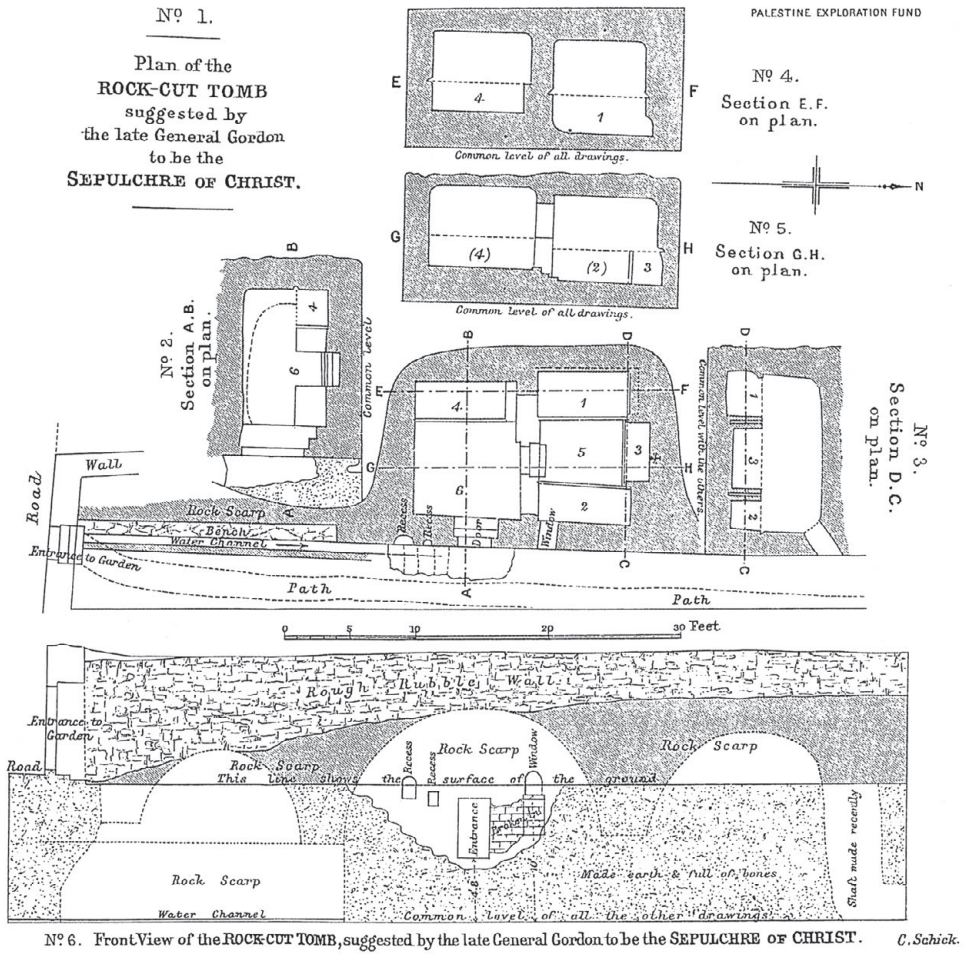


Рис. 1. Шик К. Планы и разрезы Садовой могилы

Источник: Schick C. The Newly Discovered Rock-Cut Tombs Close to the Jeremiah Grotto Near Jerusalem // Palestine Exploration Fund Quarterly Statement. 1886

Эта могила, о которой сейчас так много говорят и пишут, была обнаружена (если я не ошибаюсь) в 1867 г., и я был одним из первых, кто ее увидел. Однажды ко мне пришел хозяин участка, коренной грек, и сообщил, что нашел интересную *пещеру* с крестом в ней, и попросил меня прийти посмотреть и высказать свое мнение о ней. Итак, я пошел туда и обнаружил, что мусор и слой земли были убраны на небольшое расстояние от стены скального уступа; на глубине около пяти футов находился вход (или, вернее, два отверстия – дверь и окно – см. план), через который мы могли пролезть в своего рода пещеру средних размеров, заполненную примерно на два фута от крыши черепами, другими костями и плесенью. На восточной стене я заметил крест, нарисованный красной краской, а по четырем углам были греческие буквы (рис. 3)… Хозяин сказал, что

Рис. 2. Вход в Садовую могилу. И. Ф. Барщевский. 1891 г.

Источник: Государственный музей истории религии. Палестинская коллекция ИППО. Санкт-Петербург

думает сделать из пещеры цистерну, и спросил меня, целесообразно это или нет. Я сказал: “Нет, ибо здесь, по-видимому, бывшее кладбище, и сделать из него цистерну нецелесообразно! Я бы оставил все как есть, а вход бы снова засыпал”. Но владелец, скорее всего, в надежде найти что-нибудь ценное, расчистил всю пещеру…» (*Schick*, 1892. P. 120–121).

Использование старых гробниц как цистерн, видимо, было обычной практикой. В 1835 г. А. С. Норов вблизи от Грота Иеремии (рис. 4) обнаружил двухъярусные «крипты, в которых видно большое искусство и великий труд» (*Норов*, 2008. С. 109). То есть пещеру, нижний ярус которой местный владелец-дервиш использовал как цистерну для сбора дождевой воды. Аналогичным образом думал поступить и владелец соседнего участка.

Очевидно, Шик не первым осматривал пещеру, поскольку новость о ее находке уже распространилась в Иерусалиме. Но Конрад Шик был не просто любопытным европейцем. Его пригласили на участок потому, что владелец думал использовать находку в практических целях: к 1867 г. Шик был уже известен в Иерусалиме как инженер-строитель, занимающийся реконструкцией цистерн и подземных коммуникаций Старого города. Немногим ранее (1864–1865 гг.) он, сотрудничая с группой Королевских инженеров под руководством Чарльза Уилсона, участвовал в первых обширных исследованиях

Рис. 3. Интерьер Садовой могилы. L. Fiorillo. 1880-е гг.

Источник: Государственный музей истории религии. Палестинская коллекция ИППО. Санкт-Петербург

старых систем водоснабжения Иерусалима и в раскопках бассейна у Царских гробниц (недалеко от Пещеры Иеремии) и древнего колодца на Яффской дороге. У Царских гробниц нашли старую могилу – Шик сделал ее план (*Gurevich*, 2019. P. 144).

Неизвестно, обмерял ли он Садовую могилу при осмотре в 1867 г., но, вероятно, рассказал о ней коллегам-англичанам. Свои данные 1867 г. он мог включить в план 1892 г. (*Schick*, 1892. Plans № 1–6 between pp. 120, 121)[1], как это было сделано с планом могилы возле бассейна у Царских гробниц (стоит поискать ранние обмеры Садовой могилы Шиком в архиве британского Фонда исследований Палестины).

О промежутке от открытия пещеры до осмотра генералом Гордоном известно немногое. Ее владелец, «природный» грек, скончался в 1870 г., и жена продала участок. До 1883 г. гробница фактически была заброшена (Ibid. P. 122) (правда, на сайте Садовой могилы сказано, что Шик проводил археологические работы на участке в 1874 г., но источник информации не указан)[2].

[1] Планы К. Шика воспроизводятся в настоящей статье.

[2] «The earliest detailed investigation of the tomb itself was a brief report prepared in 1874 by Conrad Schick…». См.: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Garden_Tomb (дата обращения 12.05.2023).

Рис. 4. Грот Иеремии и Холм Черепа. Неустановленный фотограф. 1938 г.
Источник: Коллекция фотографий Дж. Эрика и Эдит Мэтсон. Библиотека конгресса США

Дату посещения, 1867 г., Шик сообщит много лет спустя. Если наша интерпретация соответствующей записи «Дневника» верна, то могилу нашли раньше, в начале 1866 г. В этом случае первое известное упоминание о Садовой могиле содержится в «Дневнике». 2 марта 1866 г. начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Антонин вместе с драгоманом Русской Духовной Миссии (Якубом Халеби?) предпринял археологическую прогулку вдоль дороги на север от Дамасских ворот, записав: «Гулянье с драгоманом по Сикемской дороге и осматривание старых гробниц, сопровождавшееся повсюду приговором: купить. Фраторы, собирающие травку. Успехи в арабском языке» (*Антонин Капустин, архимандрит*. Дневник. Год 1866. Машинопись. Библиотека ИППО. Москва)[3].

Из текста не следует, что о. Антонин посетил именно будущую Садовую могилу, которую в 1867 г. обследует К. Шик. Но вероятность этого велика: прочие скальные гробницы в окрестностях Пещеры Иеремии исследователи откроют позднее.

Осмотреть «древнееврейские могилы» в этом районе начальник Миссии – архимандрит Антонин – решил, видимо, после сообщения об открытии новой могилы. Дата – начало марта 1866 г. – позволяет думать, что о. Антонин узнал

[3] Запись за 2 марта 1866 г.

о находке одним из первых и, конечно, не от Шика, с которым познакомился лишь 20 июля 1879 г. Он мог получить сведения от греческих святогробских монахов: «природный грек», судя по всему, монахом не был, но по национальной принадлежности был связан с небольшой греческой православной общиной Святого Гроба. «Фраторы», которых встретил Антонин после осмотра гробницы – это монахи-доминиканцы, которым принадлежал соседний участок (*Schick*, 1886. P. 155).

Почему же о. Антонин решил незамедлительно купить пещеру? Возможно, потому, что связь с христианством здесь была очевидна благодаря дипинти на восточной стене (крест и греческие буквы), а останки лежали все вместе (Шик отметит, что в христианских могилах «усопшие были братьями, поэтому они клались рядом и в комнате безмолвия») (Ibid. P. 155–157). Это укладывалось в его практический план. Отец Антонин предлагал Святейшему Синоду возродить древнюю форму церковного представительства, институт апокрисиариев (*Bax*, 2014). Апокрисиарий Русской православной церкви становился покровителем и куратором нового русского монашества в Святой Земле, по образцу монашества афонского. Русские монастыри, по проекту о. Антонина, нужно было устраивать в первую очередь на руинах прежнего византийского монашества в Святой Земле, особенно вокруг Иерусалима и в Иудейской пустыне. Скальные гробницы, где когда-то жили отшельники или небольшие монашеские общины, как нельзя лучше подходили для организации скитов. Позднее, в 1872 г., о. Антонин с этой целью приобретет ряд гробниц: «Могилу дочери фараона» в деревне Силоам, а на юге Кедронского ущелья – Дер-Эссиние, или Гранатовую пещеру (*Вах, Никон*, 2023).

В итоге купить Садовую могилу о. Антонин не смог: в 1866 г. у архимандрита еще не было обширных связей с местными арабами, на которых он обычно оформлял свои земельные приобретения. Не было и собственных денег. А тратить средства Духовной Миссии можно было только с разрешения Синода. Сложности с оформлением недвижимости и особенности османского земельного законодательства подробно описаны в литературе (*Kark, Frantzman*, 2010. P. 200–201). Достаточно сказать, что специально созданное в Англии Общество, покупая Садовую могилу, потратило 20 лет на оформление необходимых разрешений и преодоление бюрократических препятствий (Ibid. P. 207–211). Архимандрит Антонин научится работать быстрее англичан, но в 1866 г. он еще не обладал ни опытом покупки участков, ни достаточным авторитетом. Реализовать намерение мешало и то, что о. Антонин официально был временно исполняющим обязанности начальника Миссии, на период расследования причин ссоры Иерусалимского Патриарха с архимандритом Леонидом (Кавелиным) (*Bax*, 2011). В любой момент его могли отозвать в Константинополь.

Интересно, что могила, которую в 1866 г. намеревался приобрести начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, стала широко известна именно в 1883 г., в момент больших русских раскопок у храма Гроба Господня, когда был открыт древний порог, затем объявленный остатками врат, через которые Иисус прошел на Голгофу. В те же годы Садовая могила становится символом англиканского духовного присутствия в Святой Земле.

Топографические концепции, лежавшие в основе предложенных систем Святых мест, были несовместимы. При этом за интерпретацией Садовой могилы и атрибуцией остатков Судных врат на Русском участке стоит один и тот же человек: Конрад Шик (по словам современных исследователей, главный рупор идей генерала Гордона). Видимо, он понимал, что археологическая реальность и запросы верующих совместить непросто, и предложил выбирать то, что покажется более убедительным: «каждый может выбрать то, что ему нравится из тех, которые у нас есть» (*Schick*, 1892. P. 124).

Итак, древняя гробница, ставшая впоследствии известной как «Садовая могила», была обнаружена в 1866 г. Одним из первых ее осмотрел архимандрит Антонин (Капустин). Именно так можно прокомментировать небольшой фрагмент его «Дневника» за 1866 г. с упоминанием первых археологических экскурсий на Святой Земле.

Идея покупки памятника древности была связана не с археологическими предпочтениями, а с практической целью устройства русского монашеского скита в непосредственной близости к Иерусалиму (от Дамасских ворот расстояние составляет примерно 300 м). Археологические устремления о. Антонина в тот момент вполне удовлетворяли перспективы раскопок (*Беляев, Вах*, 2021. С. 41) на Русском месте у храма Гроба Господня, где уже были открыты интересные руины.

Одновременное появление в научном и религиозном нарративе двух взаимоисключающих концепций, о «подлинной» могиле Христа у Дамасских ворот и о «Пороге Судных Врат» на русском участке у храма Гроба Господня, было связано с процессом строительства национальных «палестин» теми христианскими конфессиями, которые в силу исторических причин были лишены владений в храме Гроба Господня и в других главных местах традиционного христианского паломничества. Археология, в лице большинства работавших в Иерусалиме ученых, в значительной степени продолжала традиции школьного богословия и национального религиозного духа.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Л. А., Вах К. А., 2021. Раскопки на Русском месте в 1883 г. по материалам дневника архимандрита Антонина (Капустина) // ППС. Вып. 119. М.: Индрик. С. 39–60.

Бутова Р. Б., 2000. «Жаль мне до смерти всего прошедшего». (Страницы из дневника архимандрита Антонина (Капустина)) // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II / Сост., ред. Н. Н. Лисовой. М.: Международные отношения. С. 544–588.

Бутова Р. Б., 2006. Дневник архимандрита Антонина (Капустина) как исторический источник // Родное и вселенское / Отв. ред. А. В. Назаренко. М.: Паломнический центр Московского патриархата. С. 58–81.

Варнава (Аверьянов, игумен), 2017. Духовный облик архимандрита Антонина (Капустина): по материалам его литературного наследия. М.: Индрик. 208 с.

Вах К. А., 2011. К истории назначения архимандрита Антонина (Капустина) начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Вестник архивиста. № 4. С. 138–153.

Вах К. А., 2013. Проект издания Дневника архимандрита Антонина: 1817–1894 // Антонин (Капустин, архимандрит). Дневник. Год 1850. М.: Индрик. С. 171–179.

Вах К. А., 2014. Церковное представительство России на Православном Востоке: апокрисиарии в Константинополе или Русская Духовная Миссия в Иерусалиме? (К постановке вопроса) // ППС. Вып. 110. М.: Индрик. С. 21–62.

Вах К. А., Никон (Головко, игумен), 2023. Руммание: забытый памятник I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. на русском участке в Иерусалиме // ППС. Вып. 121. М.: Индрик. С. 84–107.
Герд Л. А., 2015. Между Сциллой и Харибдой: Греция накануне и во время Крымской войны. Архимандрит Антонин в Афинах в 1851–1855 гг. // Антонин (Капустин, архимандрит). Дневник. Годы 1851–1855. М.: Индрик. С. 9–27.
Герд Л. А., 2017. После Крымской войны: архимандрит Антонин в Афинах в 1856–1860 гг. // Антонин (Капустин, архимандрит). Дневник. Годы 1856–1860. М.: Индрик. С. 9–39.
Герд Л. А., 2020. Труды и дни в османской столице: Архимандрит Антонин (Капустин) в Константинополе (1860–1865) // Антонин (Капустин, архимандрит). Дневник. Годы 1860–1865. М.: Индрик. С. 9–47.
Гурулева В. В., 1998. Архимандрит Антонин как нумизмат // Нумизматический сборник: к 80-летию В. М. Потина. СПб.: ГЭ. С. 235–243.
Лисовой Н. Н., 2000. Архимандрит Антонин (Капустин) – исследователь синайских рукописей (по страницам дневника) // Церковь в истории России. Сб. 4. М.: Ин-т рос. истории. С. 197–225.
Лисовой Н. Н., 2018. Кто был автором «Дневника архимандрита Антонина»? Имя, творчество, судьба // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: юбилейный сборник в честь 70-летия Александра Васильевича Назаренко / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Институт рос. истории. С. 260–291.
Лисовой Н. Н., Бутова Р. Б., 2011. Архимандрит Антонин и его дневник // Антонин (Капустин, архимандрит). Дневник. Год 1881. М.: Индрик. С. 317–361.
Лисовой Н. Н., Бутова Р. Б., 2012. Формирование сакрального пространства Русской Палестины: по материалам дневника архимандрита Антонина (Капустина) // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М.; СПб.: Нестор-История. С. 522–554.
Максимова Е. В., 2015. Архимандрит Антонин (Капустин) как археограф и библиофил // Обсерватория культуры. № 2. С. 114–119.
Норов А. С., 2008. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М.: Индрик. 292 с.
Салмина М. А., 1972. Дневник архимандрита Антонина (Капустина) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXVII. Л.: Наука. С. 420–430.
Фонкич Б. Л., 1983. Антонин Капустин как собиратель рукописей // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М.: Наука. С. 372–373.

Barkay G., 1986. The Garden Tomb: was Jesus buried here? // Biblical Archaeology Review. XII. P. 40–56.
Frantzman S., Kark R., 2008. General Gordon, the Palestine Exploration fund and the origins of «Gordon's Calvary» in the Holy Land // Palestine Exploration Quarierly. Vol. 140. Iss. 2. P. 119–136.
Gurevich D., 2019. Digging in the Archives: Methodological Guidelines on Conrad Schick's Documents at the PEF and the Study of Archaeology // Strata: Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society. Vol. 37. P. 141–162.
Kark R., Frantzman S., 2010. The protestant garden tomb in Jerusalem, Englishwomen, and a land transaction in late Ottoman Palestine // Palestine Exploration Quarterly. Vol. 142. Iss. 3. P. 199–216.
Kochav S., 1995. The search for a Protestant Holy Sepulchre: the Garden Tomb in nineteenth-century Jerusalem // The Journal of Ecclesiastical History. Vol. 46. Iss. 2. P. 278–301.
Schick C., 1886. The Newly Discovered Rock-Cut Tombs Close to the Jeremiah Grotto Near Jerusalem // Palestine Exploration Fund Quarterly Statement. Vol. 18. Iss. 3. P. 155–157.
Schick C., 1892. Letters from Herr Schick // Palestine Exploration Fund Quarterly Statement. Vol. 24. Iss. 2. P. 120–121.

Сведения об авторе

Вах Кирилл Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: k_vach@mail.ru

K. A. Vakh

ANTONIN (KAPUSTIN) AND THE GARDEN TOMB IN JERUSALEM: COMMENTS TO THE DIARY OF 1866

Abstract. The paper describes a previously unknown Russian part of the story relating to the discovery of the Garden Tomb also known as Gordon's Calvary, which is an important Protestant archaeological site in Jerusalem, as well as participation of Conrad Schick in its research. Schick was a Jerusalem-based architect and archaeologist, he was one of the main researchers of antiquities during the Russian excavations near the Holy Sepulcher.

Keywords: archaeology of Jerusalem, Holy Sepulcher, Calvary, Hebraic graves, Garden Tomb, Antonin (Kapustin), Conrad Schick.

REFERENCES

Belyaev L. A., Vakh K. A., 2021. Raskopki na Russkom meste v 1883 g. po materialam dnevnika arkhimandrita Antonina (Kapustina) [Excavations at the Russian site in 1883 based on materials of the diary of Archimandrite Antonin (Kapustin)]. *PPS*, 119, pp. 39–60.

Butova R. B., 2000. «Zhal' mne do smerti vsego proshedshego». (Stranitsy iz dnevnika arkhimandrita Antonina (Kapustina) [«I'm sorry to death for everything that has passed». (Pages from the diary of Archimandrite Antonin (Kapustin)]. *Rossiya v Svyatoy Zemle. Dokumenty i materialy [Russia is in the Holy Land. Documents and materials]*, II. N. N. Lisovoy, ed., comp. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, pp. 544–588.

Butova R. B., 2006. Dnevnik arkhimandrita Antonina (Kapustina) kak istoricheskiy istochnik [Diary of Archimandrite Antonin (Kapustin) as a historical source]. *Rodnoe i vselenskoe [Native and universal]*. A. V. Nazarenko, ed. Moscow: Palomnicheskiy tsentr Moskovskogo Patriarkhata, pp. 58–81.

Fonkich B. L., 1983. Antonin Kapustin kak sobiratel' rukopisey [Antonin Kapustin as a collector of manuscripts]. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga [Ancient Russian art. Handwritten book]*, 3. Moscow: Nauka, pp. 372–373.

Gerd L. A., 2015. Mezhdu Stsilloy i Kharibdoy: Gretsiya nakanune i vo vremya Krymskoy voyny. Arkhimandrit Antonin v Afinakh v 1851–1855 gg. [Between Scylla and Charybdis: Greece before and during the Crimean War. Archimandrite Antonin in Athens in 1851–1855]. *Antonin (Kapustin, arkhimandrit). Dnevnik. Gody 1851–1855 [Diary. Years 1851–1855]*. Moscow: Indrik, pp. 9–27.

Gerd L. A., 2017. Posle Krymskoy voyny: arkhimandrit Antonin v Afinakh v 1856–1860 gg. [After the Crimean War: Archimandrite Antonin in Athens in 1856–1860]. *Antonin (Kapustin, arkhimandrit). Dnevnik. Gody 1856–1860 [Diary. Years 1856–1860]*. Moscow: Indrik, pp. 9–39.

Gerd L. A., 2020. Trudy i dni v osmanskoy stolitse: Arkhimandrit Antonin (Kapustin) v Konstantinopole (1860–1865) [Labors and Days in the Ottoman capital: Archimandrite Antonin (Kapustin) in Constantinople (1860–1865)]. Antonin (Kapustin, arkhimandrit). *Dnevnik. Gody 1860–1865 [Diary. Years 1856–1860]*. Moscow: Indrik, pp. 9–47.

Guruleva V. V., 1998. Arkhimandrit Antonin kak numizmat [Archimandrite Antonin as a numismatist]. *Numizmaticheskiy sbornik [Numismatic collection]*. St. Petersburg: GE, pp. 235–243.

Lisovoy N. N., 2000. Arkhimandrit Antonin (Kapustin) – issledovatel' sinayskikh rukopisey (po stranitsam dnevnika) [Archimandrite Antonin (Kapustin) – researcher of the Sinai manuscripts (according to the pages of the diary)]. *Tserkov' v istorii Rossii [Church in the History of Russia]*, 4. Moscow: Institut rossiyskoy istorii, pp. 197–225.

Lisovoy N. N., 2018. Kto byl avtorom «Dnevnika arkhimandrita Antonina»? Imya, tvorchestvo, sud'ba [Who was the author of the «Diary of Archimandrite Antonin»? Name, creativity, destiny]. *U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh [At the origins and sources: on international and interdisciplinary paths]*. Yu. A. Petrov, ed. Moscow: Institut rossiyskoy istorii, pp. 260–291.

Lisovoy N. N., Butova R. B., 2011. Arkhimandrit Antonin i ego dnevnik [Archimandrite Antonin and his diary]. *Antonin (Kapustin, arkhimandrit). Dnevnik. God 1881 [Diary. Year 1881]*. Moscow: Indrik, pp. 317–361.

Lisovoy N. N., Butova R. B., 2012. Formirovanie sakral'nogo prostranstva Russkoy Palestiny: po materialam dnevnika arkhimandrita Antonina (Kapustina) [Formation of Sacred space of Russian Palestine: based on materials of the diary of Archimandrite Antonin (Kapustin)]. *Religii mira. Istoriya i sovremennost'. 2006–2010 [Religions of the world. History and modernity. 2006–2010]*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 522–554.

Maksimova E. V., 2015. Arkhimandrit Antonin (Kapustin) kak arkheograf i bibliofil [Archimandrite Antonin (Kapustin) as an archaeographer and bibliophile]. *Observatoriya kul'tury [Observatory of culture]*, 2, pp. 114–119.

Norov A. S., 2008. Puteshestvie po Svyatoy Zemle v 1835 godu [A journey through the Holy Land in 1835]. Moscow: Indrik. 292 p.

Salmina M. A., 1972. Dnevnik arkhimandrita Antonina (Kapustina) [Diary of Archimandrite Antonin (Kapustin)]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury [Proceedings of the department of Ancient Russian literature]*, XXVII. Leningrad: Nauka, pp. 420–430.

Vakh K. A., Nikon (Golovko, igumen), 2023. Rummanie: zabytyy pamyatnik I tys. do n. e. – I tys. n. e. na russkom uchastke v Ierusalime [Rummaniyeh: a forgotten monument of I mill. BC – I mill. AD on Russian site in Jerusalem]. *PPS*, 121, pp. 84–107.

Vakh K. A., 2011. K istorii naznacheniya arkhimandrita Antonina (Kapustina) nachal'nikom Russkoy Dukhovnoy Missii v Ierusalime [On the history of appointment of Archimandrite Antonin (Kapustin) as the head of Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem]. *Vestnik arkhivista [Archivist's bulletin]*, 4, pp. 138–153.

Vakh K. A., 2013. Proekt izdaniya Dnevnika arkhimandrita Antonina: 1817–1894 [The project of publishing the Diary of Archimandrite Antonin: 1817–1894]. *Antonin (Kapustin, arkhimandrit). Dnevnik. God 1850 [Diary. Year 1850]*. Moscow: Indrik, pp. 171–179.

Vakh K. A., 2014. Tserkovnoe predstavitel'stvo Rossii na Pravoslavnom Vostoke: apokrisiarii v Konstantinopole ili Russkaya Dukhovnaya Missiya v Ierusalime? (K postanovke voprosa) [The Church representation of Russia in the Orthodox East: apocrisiaries in Constantinople or the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem? (Raising the problem)]. *PPS*, 110, pp. 21–62.

Varnava (Aver'yanov, igumen), 2017. Dukhovnyy oblik arkhimandrita Antonina (Kapustina): po materialam ego literaturnogo naslediya [Spiritual appearance of Archimandrite Antonin (Kapustin): based on materials of his literary heritage]. Moscow: Indrik. 208 p.

About the author

Vakh Kirill A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: k_vach@mail.ru

О. М. Ворошилова, Д. В. Журавлев

СОСУД С РЕЛЬЕФАМИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА) В ИЕРУСАЛИМЕ[1]

Резюме. В статье рассматривается сосуд из коллекции архимандрита Антонина (Капустина) второй половины XIX в. в Иерусалиме. Исследование проводилось на основе двух его фотографий в собрании Государственного Эрмитажа (ранее в Русском археологическом институте в Константинополе) и знакомства с предметом *de visu*. Архивные изображения дали основания отнести сосуд к группе краснолаковой позднеэллинистической керамики с аппликативными рельефами, возможно, пергамского происхождения, хотя и с рядом сомнений. Осмотр сосуда в здании музея на Елеонской горе их подтвердил. Аналогии изображенным сценам не обнаружены ни в одной из сводок пергамских аппликативных рельефов; изображений на глазурованной позднеэллинистической посуде; пергамских изделий раннеримского времени. Особенности иконографии указывают на компиляцию частей изображений с оригиналов более крупных форм. Наличие у юноши с собакой фигового листа, прикрывающего наготу, не оставляет сомнений в том, что сосуд не античное изделие, а его значительно более поздняя имитация. Вероятна покупка этого «антика» о. Антонином у известного иерусалимского антиквара Мозеса Шапиро.

Ключевые слова: Палестина, археология, история коллекционирования, подделки, краснолаковая керамика, аппликативные рельефы.

Поводом для написания данной статьи стало знакомство с небольшой коллекцией фотографий древностей. Они были сняты в 1896–1897 гг., видимо, еще по поручению архимандрита Антонина Капустина (1817–1894) и от его имени переданы в Русский археологический институт в Константинополе (РАИК),

[1] Исследование выполнено в рамках реализации НИОКТР Института археологии РАН 122071100011-4 «Древности “русских участков” на Святой Земле: история исследований и современная археология».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.382-394

а впоследствии с архивами и коллекциями РАИК попали в Государственный Эрмитаж (Коллекция музея РАИК, 1994).

В составе фотографий – места раскопок и снимки предметов, в основном античных, из «коллекции барона Устинова» в Яффо и «музея отца Антонина» в монастыре на Елеоне (см. статью Л. А. Беляева в этом же выпуске). Все снимки наклеены на паспарту и однотипно проаннотированы, на всех имеются штампы сектора Востока Государственного Эрмитажа и номера хранения, а также инвентарные номера вне штампов, проставленные, видимо, ранее, в хранении РАИК. Аннотации вписаны уверенным почерком по разлиновке, но их тексты не профессиональны (не указана форма и техника изготовления). Два снимка показывают один и тот же предмет с разных сторон (негативы IV–357, фото 0297.23 и IV–358, фото 0297.24, с инвентарными номерами 9990 и 9991). На первом снимке (рис. 1, все илл. см. в конце статьи) подпись: «Иерусалим. Палестина. Глиняный сосуд с рельефными фигурами: танцующей женщиной и другой, коленопреклоненной, доящей козу, и женщиной с лирой в руках (одна сторона сосуда) См. № 9991. Из коллекции о. Антонина». На втором (рис. 2): «Палестина. Иерусалим. Сосуд с рельефными фигурами танцующего мужчины с бубном в руках и женщины, доящей козу (другая сторона сосуда см. инв. № 9990)».

Этот сосуд действительно находился в коллекции отца Антонина и хорошо виден на одной из архивных фотографий (рис. 3) стеллажей этой коллекции (*Чехановец, Беляев*, 2020. Рис. 1; *Tchekhanovets, Belyaev*, 2022. Fig. 2: *16*). Осмотр собрания сотрудниками Иерихонской экспедиции ИА РАН (рук. Л. А. Беляев, 2018 г.) показал, что сосуд, точнее, его фрагмент (рис. 4), до сих пор хранится на Елеоне.

Сосуд с аппликативными рельефами

Интересующий нас крупный фрагмент является раструбовидной частью рельефного сосуда с орнаментальным поясом из шести фигур (рис. 5). Сверху и снизу его поле ограничено горизонтальным жемчужным орнаментом (рис. 4). Примечательно, что фрагмент был аккуратно сколот по границе этих орнаментальных поясов, что наводит на мысль о преднамеренном «придании формы». На первый взгляд форма сохранившейся части сосуда позволяет предположить, что это часть кратера. О чем, казалось бы, говорят и значительные размеры фрагмента: высота – 24,5–26,5 см, максимальный диаметр в верхней части – 33,7 см, толщина стенок около 1 см. Сосуд был изготовлен из розовой глины (?) и покрыт красным лаком. Все фигуры изготовлены в формах отдельно от сосуда, а затем закреплены на его поверхности – хорошо известная в эллинистическое время техника аппликативного рельефа. Контуры фигур обведены инструментом с круглой рабочей частью, свидетельство тому – заметная бороздка на стенках сосуда по периметру фигур. Стоит отметить хорошую проработку фигур и неплохую сохранность орнаментального пояса. Это позволяет детально рассмотреть сюжет орнамента.

Вокруг тулова кратера расположена серия их шести рельефных фигур (рис. 4; 5), которые формируют две композиции, объединяющие по 3 фигуры на каждой из двух сторон сосуда. Вероятно, именно поэтому на архивных фотографиях представлено два ракурса предмета.

В центре обеих композиций находится фигура женщины, доящей козу (рис. 5: *2, 5*). Оба рельефа сделаны одним штампом. Женщина лицом влево сидит на коленях перед фигурой козы, морда которой обращена вправо. Руки протянуты к вымени животного. Волосы убраны. Фигура женщины полностью задрапирована, голова под покрывалом. Фигуры человека и животного оттиснуты вместе, под ними заметен постамент, изображающий поверхность земли.

Композиции отличаются полом участников (кроме центрального персонажа, вокруг которого по сторонам стоят две мужские и две женские фигуры).

На «мужской» сцене (рис. 5: *4–6*) слева от фигуры с козой изображен танцующий бородатый мужчина, справа – фигура стоящего обнаженного юноши с собакой. Обе мужские фигуры обращены лицом к центральной фигуре.

Бородатый мужчина изображен (рис. 5: *4*) в движении вперед (возможно, в танце), обращен лицом вправо, в профиль, облачен в гиматий, пышными складками спадающий вниз и подпоясанный широким поясом – вероятно, складкой того же гиматия. Вытянутые вверх и немного согнутые в локтях руки играют на тимпане. Левой рукой мужчина держит богато декорированный барабан, правой – ударяет по его поверхности. Под ногами мужчины расположен постамент, изображающий поверхность земли.

Фигура обнаженного юноши изображена (рис. 5: *6*) в спокойном положении лицом влево, фигура анфас, плечи развернуты в три четверти. Гениталии прикрыты фиговым листком. Согнутая в локте правая рука поднесена к лицу. Левая опущена и вытянута вдоль тела, в ней зажат некий предмет (возможно, кроталы?). Фигура опирается на правую ногу, левая – расслаблена и немного согнута в колене. У ног молодого мужчины сидит небольшая короткошерстная собака в ошейнике, ее морда обращена к юноше. Под ногами человека и животного – постамент, имитирующий каменистую поверхность.

На «женской» композиции (рис. 5: *1–3*) слева присутствует фигура танцующей девушки, справа – музицирующей женщины.

Стоящая девушка слева от центральной фигуры повернута к зрителю спиной (рис. 5: *1*), лицом влево; волосы короткие. Фигура задрапирована до пят, руки от плеч открыты. Тело девушки слегка изогнуто, возможно, изображая состояние танца. Левая рука поднята над головой, правая – согнута в локте. В обеих руках девушки, вероятно, кимвалы. Под ногами расположен высокий постамент в виде каменистой поверхности.

Фигура женщины (рис. 5: *3*) справа обращена лицом к центру композиции (влево). Женщина одета в длинный хитон и гиматий, оставляющий открытым часть предплечья правой руки. На голове женщины массивный головной убор, типа тюрбана. Правая рука вытянута вдоль тела и держит неопределенный предмет. Левая рука согнута в локте, она удерживает у груди музыкальный инструмент. Женщина стоит на «каменном» постаменте.

Предварительно мы предположили, что сюжет на сосуде из Иерусалима демонстрирует дионисийскую сцену. Казалось бы, не противоречит этому и форма сосуда – как известно, кратеры использовались для смешивания вина с водой и были частой, если не обязательной, принадлежностью культа Диониса. Музыкальные инструменты, изображенные в руках персонажей – тимпаны, кимвалы, часто использовались свитой божества для исполнения неистовой музыки,

способствовавшей достижению участниками процессии экстатического состояния, к которому стремились поклоняющиеся Дионису.

Казалось бы, у нас есть основания для отнесения этого сосуда к группе краснолаковой позднеэллинистической керамики с аппликативными рельефами, возможно, пергамского происхождения. Эта керамика прекрасно изучена, существует большое число публикаций целых сосудов и их фрагментов (*Schäfer*, 1968; *Hübner*, 1993; *Zhuravlev*, 2014; *Журавлев*, 2015; и т. п.).

Часть эллинистических, в том числе пергамских, сосудов, вне всякого сомнения, имитировала металлические прототипы, более того, серебряные и бронзовые сосуды зачастую использовались для изготовления рельефных матриц. Ранние формы пергамской сигиллаты с аппликативными рельефами имели традиционное черное или коричневое покрытие, часть из них – красное. Это прекрасно иллюстрирует общую тенденцию в развитии моды эллинистического времени: от чернолакового покрытия к краснолаковому. Заметим, что эти цвета часто сосуществовали на одном и том же сосуде, что объяснялось окислительным или восстановительным характером обжига, влиявшим на изменение цвета покрытия – возможно, применяемым специально (*Japp et al.*, 2016. P. 307–316).

Но некоторые несоответствия заставили нас внимательнее отнестись к форме сосуда и элементам его декора.

Форма сосуда. Рассмотрим форму изучаемого сосуда. Как уже было отмечено выше, изначально мы предположили, что она соответствует центральной части кратера. Подобный кратер II в. до н. э., декорированный в центральной части девятью рельефными композициями дионисийского цикла, происходит с Афинской агоры (*Thompson*, 1934. P. 423–426. Pl. III. Fig. 111; *Schäfer*, 1968. S. 87; Abb. 5: *3*). Стоит отметить, что общая высота кратера с афинской агоры составляет 27 см, включая стенки, горло, ножку и поддон, а высота нашего фрагмента составляет уже 24,5–26,5 см. Несоответствие по размерам очевидно.

Можно допустить, что форма сосуда восходит к большим кружкам-модиолусам позднеэллинистического и раннеримского времени. Хорошим примером такого сосуда является глазурованная кружка с гротескным изображением суда Париса из некрополя Ольвии, приобретенная у Гохмана и хранящаяся сейчас в ГМИИ им. А. С. Пушкина (*Шварц*, 1894. С. 14–27; *Штерн*, 1900. С. 22–57; Шедевры…, 2011. С. 211–212. № 115; и др.). Но высота целого сосуда составляет 18 см, а рельефы не имеют даже малейшего стилистического сходства. Краснолаковый модиолус с дионисийскими аппликативными рельефами на тулове хранится в музее Копенгагена (*Lund*, 2014. Fig. 1–7). Высота сосуда составляет 14,1 см, т. е. размеры опять не соответствуют публикуемому фрагменту.

Аналогичную форму имеют и верхние части позднеэллинистических пелик (см., например: *Kotitsa*, 1998. Taf. 57), но, в отличие от нашего фрагмента, они всегда гладкие и не несут никаких рельефных изображений.

Прототипы подобной форме можно найти и в металлической посуде – например, ситула из Дервени, высота которой составляет 21,5 см (*Θεμελης, Τουρατσογλου*, 1997. Π. 33. Πιν. 3: *35*). Среди пергамских керамических сосудов имеются морфологически близкие, но они имеют значительно меньшие размеры (см. например: *Courby*, 1922. Fig. 97: *VIII*). То же можно сказать и о формах глазурованных сосудов в целом (*Hochuli-Gysel*, 1977. Taf. 11: S8; 12: S102).

Таким образом, можно сделать вывод, что сосуды, соответствующие публикуемому, морфологически и метрически среди известных форм отсутствуют.

Аппликативные рельефы. Рельефы на сосуде оттиснуты в формах и прикреплены жидкой глиной к тулову сосуда перед обжигом. Эта техника находит полное соответствие среди изделий пергамских мастеров эллинистического времени. Именно эта посуда получила широкое распространение в Восточном Средиземноморье и Причерноморье (*Meyer-Schlichtmann*, 1988; *Schäfer*, 1968; *Hübner*, 1993; *Zhuravlev*, 2014; *Журавлев*, 2015 и т. п.).

Не вызывало сомнений, что аналогии публикуемым сценам будут найдены в первой же сводке аппликативных рельефов. В действительности оказалось, что ни в одной сводке пергамских аппликативных рельефов подобных изображений нет (*Courby*, 1922. Fig. 100–102; *Schäfer*, 1968; *Hübner*, 1993; см. также: *Japp*, 2011). Отсутствуют они и среди изображений на глазурованной позднеэллинистической посуде (*Hochuli-Gysel*, 1977. Taf. 19–30). Даже среди пергамских изделий раннеримского времени ничего подобного нет (см. сводку: *Mandel*, 1988).

Не вдаваясь подробно в иконографию публикуемых изображений, отметим формы одежды и драпировок, не характерные для античного времени, несколько странный разворот фигур и проработку их мускулатуры. Создается впечатление, что перед нами компиляция частей изображений с каких-то оригиналов более крупных форм, возможно, с терракотовых кампанских рельефов раннеримского времени (см., например: *Borbein*, 1968; *Perry*, 1997). Ну а наличие у юноши с собакой фигового листа (рис. 5: *7*), прикрывающего его наготу, не оставляет никаких сомнений в том, что перед нами не античное изделие, а его значительно более поздняя имитация. Учитывая наличие этого листка (библейская аллюзия: Бытие, 3.7), не встречающегося в иконографии античного времени, мы даже не можем в полной мере говорить о фрагменте сосуда из собрания архимандрита Антонина Капустина как исключительно о фальшивке, но скорее как об изделии «в античном стиле».

Между тем, принимая во внимание страстную любовь архимандрита Антонина к древностям и его готовность платить за новые экспонаты своего собрания, гипотеза о покупке этого «антика» в качестве настоящей археологической находки выглядит довольно правдоподобно. Давно не секрет, что местные жители в стремлении удовлетворить потребности паломников в «сувенирах культуры», массово подделывали и дополняли оригинальные артефакты, а Иерусалим в этой сфере деятельности делил пальму первенства с Римом (*Чехановец, Беляев*, 2020. С. 229–230). Стоит специально подчеркнуть, что подделки являлись довольно многочисленной группой предметов всех коллекций XIX в. Эта тенденция не обошла стороной и музей Русской духовной миссии отца Антонина. Предположение о том, что Капустин покупал фальшивые древности намеренно (*Гурулева*, 2007. С. 390), осознавая важность коллекционирования даже поддельных памятников, не выглядит убедительным, да и слова самого собирателя на страницах его дневника свидетельствуют о стремлении избежать приобретения подделок (*Чехановец, Беляев*, 2020. С. 242). К счастью или к сожалению, отец Антонин являлся постоянным клиентом известного антиквара Мозеса Шапиро, разоблаченного в 1883 г. при попытке продать Британскому музею подделку и покончившему с собой в 1884 г. Вопреки предостережениям известного

французского исследователя палестинских древностей Клермона-Гано, который был убежден, что большую часть фальшивок делали местные мастерские Салима аль-Кари и Мартина Булоса под прямым руководством и по заказам Мозеса Шапиро, о. Антонин долгое время оставался жертвой фальсификаторов.

Авторы выражают искреннюю признательность начальнику Русской духовной миссии в Иерусалиме (РПЦЗ) архимандриту Роману (Красовскому) за предоставленную возможность работы с материалами коллекции о. Антонина в стенах Вознесенского монастыря на Елеонской горе. А также благодарят Юрия Александровича Пятницкого, который предоставил фотокопии снимков, Кирилла Алексеевича Ваха, который обратил на них наше внимание, и Татьяну Анатольевну Ильину (ГМИИ им. А. С. Пушкина) за консультацию по античной коропластике.

ЛИТЕРАТУРА

Гурулева В. В., 2007. «В Палестине скоро будет русский музей» (Музей архимандрита Антонина в Иерусалиме) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 30. СПб. С. 384–395.

Журавлев Д. В., 2015. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. С. 190–215.

Коллекция музея РАИК в Эрмитаже: каталог выставки / Науч. ред. В. С. Шандровская. СПб.: ГЭ, 1994. 248 с.

Чехановец Я., Беляев Л. А., 2020. Палестинский Музей Антонина Капустина: состояние исследований и перспективы изучения // Византийский временник. Т. 103. М. С. 228–255.

Шварц А. Н., 1894. По поводу вазы с рельефными изображениями, найденной в селе Парутино // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 15. Вып. 2. М. С. 14–27.

Шедевры античного искусства: из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина / Отв. ред.: Л. И. Акимова, О. В. Тугушева. М.: ГМИИ, 2011. 475 с.

Штерн Э. Р., 1900. Античная глазированная посуда с юга России // Записки Императорского Одесского Общества истории и древностей. Т. XXII. Одесса. С. 22–56.

Borbein A. H., 1968. Campanareliefs. Typologische und stilkritische Untersuchungen. Heidelberg: Kerle. 216, 48 S. (Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung; Ergänzungsheft 14.)

Courbi F., 1922. Les vases grecs à reliefs. Paris: E. de Boccard. 600 p.

Hochuli-Gysel A., 1977. Kleinasiatische Glasierte Reliefkeramik (50 v. Chr. bis 50 n. Chr.) und Ihre Oberitalischen Nachahmungen. Bern: Stämpfli. 203 S. (Acta Bernensia; VII.)

Hübner G., 1993. Die Applikenkeramik von Pergamon. Eine Bildersprache im Dienst des Herrscherkultes. Berlin; New York: W. de Gruyter. 231 S. (Pergamenische Forschungen; Bd. 7.)

Japp S., 2011. Keramik aus Pergamon // Pergamon. Panorama der antiken Metropole: Begleitbuch zur Ausstellung. Berlin. S. 356–361.

Japp S., Engels B., Keweloh A., 2016. Kiln Stacking as a Technique for Polychrome Surface Design – A Pergamenian Innovation? // Tradition and Innovations: Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Vienna: Phoibos. P. 307–316.

Kotitsa Z., 1998. Hellenistische Keramik im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg. Würzburg: Ergon Verlag. 167 pages, 68 p. pl.: ill.

Lund J., 2014. A Pergamene (?) modiolus in the National Museum of Denmark // Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares of the Aegean Coast of Anatolia: Their Production, Imitation and Use / Eds.: H. Meyza, K. Domżalski. Warsaw: Neriton. P. 41–46.

Mandel U., 1988. Kleinasiatische reliefkeramik der mittleren Kaiserzeit: Die «Oinophorengruppe» und Verwandtes. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 318 S. (Pergamenische Forschungen; Bd. 5.)
Meyer-Schlichtmann C., 1988. Die Pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2 Jh v. Chr. – mitte 2 Jh n. Chr. Berlin; New York: W. de Gruyter. 265 S. (Pergamenische Forschungen; Bd. 6.)
Perry R., 1997. Die Campanareliefs. Mainz: Philipp von Zabern. 72 S. (Katalog der Sammlung Antiker Kleinkunst des Archäologischen Instituts der Universität Heidelberg; Bd. 4.)
Schäfer J., 1968. Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin: W. de Gruyter. 161 S. (Pergamenische Forschungen; Bd. 2.)
Tchekhanovets Y., Belyaev L., 2022. The Russian Collection of Antiquities in Jerusalem: A First Reconstruction // Liber Annuus. Vol. 72. S. 587–620.
Thompson H. A., 1934. Two Centuries of Hellenistic Pottery // Hesperia. 3. P. 311–480.
Zhuravlev D., 2014. Hellenistic Pergamene tableware in the northern Black Sea region // Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares of the Aegean Coast of Anatolia: Their Production, Imitation and Use / Eds.: H. Meyza, K. Domżalski. Warsaw: Neriton. P. 129–150.
Θεμελης Π., Τουρατσογλου Γ., 1997. Οι Ταφοι του Δερβενιου. Αθηνα. 378 σελίδες.

Сведения об авторах

Ворошилова Ольга Михайловна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: helga-mir@yandex.ru;

Журавлев Денис Валерьевич, Государственный исторический музей, Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия; НИЦ «Курчатовский институт», пл. Академика Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, Москва, 125047, Россия; e-mail: denzhuravlev@mail.ru

O. M. Voroshilova, D. V. Zhuravlev

THE VESSEL WITH RELIEF FROM THE COLLECTION OF THE ARCHIMANDRITE ANTONIN (KAPUSTIN) IN JERUSALEM

Abstract. The paper examines a vessel from the Jerusalem collection of the Archimandrite Antonin (Kapustin) assembled in the second half of the 19th century. The study was conducted using two of his photographs kept in the collection of the State Hermitage Museum (earlier kept in the Russian Archaeological Institute in Constantinople). The object was also examined *de visu*. The archival photographs provided grounds to ascribe the vessel to the group of Late Hellenistic red slip pottery with appliqué reliefs, presumably, of Pergamene origin, though there were some doubts about it. The examination of the vessel in the museum building on the Mount of Olives confirmed these doubts. Analogies to the depicted scenes were not identified in the collected data on the Pergamene appliqué reliefs, images on Late Hellenistic glazed pots, or the Pergamene items of the Early Roman period. Distinctive traits of the iconography show that its elements were compiled from larger originals. The fig leaf covering the nakedness of a young man with a dog leaves no doubt that this vessel is a much later imitation rather than an Ancient Greek item. It is possible that this 'antique' was bought by Fr. Antonin from Moses Shapiro, a well-known Jerusalem antiquities dealer.

Keywords: Palestine, archaeology, history of collecting activity, forged items, red slip pottery, appliqué reliefs.

REFERENCES

Chekhanovets Ya., Belyaev L. A., 2020. Palestinskiy muzey Antonina Kapustina: sostoyanie issledovaniy i perspektivy izucheniya [Antonin Kapustin Palestinian Museum: state of research and prospects of study]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Annual]*, 103 (2019). Moscow, pp. 228–255.

Guruleva V. V., 2007. «V Palestine skoro budet russkiy muzey» (Muzey arkhimandrita Antonina v Ierusalime) [«There will soon be a Russian museum in Palestine» (Archimandrite Antonin Museum in Jerusalem)]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny [Auxiliary historical disciplines]*, 30. St. Petersburg, pp. 384–395.

Kollektsiya muzeya RAIK (Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole) v Ermitazhe: katalog vystavki [Collection of Museum of the RAIK (Russian Archaeological Institute in Constantinople) in the Hermitage: exhibition catalog]. V. S. Shandrovskaya, ed. St. Petersburg: GE, 1994. 248 p.

Shedevry antichnogo iskusstva: iz sobraniya GMII imeni A. S. Pushkina [Masterpieces of Ancient Art: from collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. L. I. Akimova, O. V. Tugusheva, eds. Moscow: GMII, 2011. 475 p.

Stern E. R., 1900. Antichnaya glazirovannaya posuda s yuga Rossii [Ancient glazed tableware from the South of Russia]. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey [Notes of Imperial Odessa Society of history and antiquities]*, XXII. Odessa, pp. 22–56.

Schwarz A. N., 1894. Po povodu vazy s rel'efnymi izobrazheniyami, naydennoy v sele Parutino [Concernin the vase with relief images found in village Parutino]. Drevnosti. *Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva [Antiquities. Proceedings of Imperial Moscow Archaeological society]*, vol. 15, iss. 2. Moscow, pp. 14–27.

Zhuravlev D. V., 2015. Pergamskaya ellinisticheskaya stolovaya posuda v Severnom Prichernomor'e (kratkiy obzor) [Hellenistic Pergamene tableware in North Pontic region (brief review)]. *PIFK*, 1, pp. 190–215.

About the authors

Voroshilova Olga M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: helga-mir@yandex.ru

Zhuravlev Denis V., The State Historical Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; Scientific Research Center «Kurchatov Institute», pl. Akademika Kurchatova, 1, Moscow, 123182, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Miusskaya pl., 6, Moscow, 125047, Russian Federation; e-mail: denzhuravlev@mail.ru

Рис. 1. Архивная фотография сосуда (№ 9990)

Рис. 2. Архивная фотография сосуда (№ 9991)

Рис. 3. Археологическая коллекция о. Антонина (Капустина) в зданиях РДМ

На третьей сверху полке – рельефный сосуд. Коллекция ИППО. ГМИР, инв. № П-6155 (по: *Чехановец, Беляев*, 2020. Рис. 1)

Рис. 4. Фотографии сосуда

Рис. 5. Аппликативные рельефы
(фигуры расположены в соответствии с организацией сцен на обеих сторонах сосуда)

1 – фигура танцующей девушки; *2* – фигура женщины с козой (между женскими фигурами); *3* – фигура музицирующей женщины; *4* – фигура мужчины с тимпаном; *5* – фигура женщины с козой (между мужскими фигурами); *6* – фигура юноши с собакой; *7* – фиговый листок на теле юноши (крупный план)

О. В. Григорьева, С. А. Володин

«…АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА НИКОГДА НЕ МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ ЗАКОНЧЕННОЙ»: КАНДИДАТСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ И. В. ФАБРИЦИУС 1945 ГОДА[1]

Резюме. В апреле 1945 г. в ИИМК АН СССР в Москве И. В. Фабрициус успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР». Сведения об этом событии долгое время были малодоступны и потому во многом противоречивы. В статье анализируется комплекс неизвестных ранее архивных документов: представленный к защите вариант «Карты» И. В. Фабрициус на украинском языке; отзывы на диссертацию ее официальных оппонентов Т. С. Пассек и М. В. Воеводского; сведения о процессе защиты из протоколов Ученого совета ИИМК АН СССР. «Археологическая карта» И. В. Фабрициус стала диссертацией в процессе долгого пути к публикации. На защите специалисты отметили большое научное значение этой работы и оценили ее как ценный вклад в науку. Одной из первых И. В. Фабрициус применила принципы комплексного подхода к составлению археологической карты, и у нее получилось создать из разнородных археологических материалов полноценный научный инструмент. На сегодняшний момент имеются несколько вариантов «Карты», хранящихся в разных архивах: Архив ИА РАН, НА ИИМК РАН, НА ИАК РАН. Среди них «Карта» 1945 г. является самым ранним вариантом. Ее неизданная часть содержит данные о более чем 480 памятниках. Работа И. В. Фабрициус по-прежнему актуальна в качестве незаменимого источника ценных сведений об уже исчезнувших памятниках.

Ключевые слова: И. В. Фабрициус, Т. С. Пассек, М. В. Воеводский, ГАИМК, ИИМК АН СССР, ИА АН УССР, диссертация, археологическая карта, Северное Причерноморье, Украина, архивные документы.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00187, https://rscf.ru/project/22-18-00187/ «Неопубликованная “Карта по археологии Причерноморья” И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.273.395-411

Ирина Васильевна Фабрициус (1882–1966) – известный специалист по археологии скифского времени Восточной Европы (Інститут…, 2015. С. 622; *Мезенцева*, 1997. С. 127; *Славин*, 1966. С. 296–297). К моменту защиты своей кандидатской диссертации она являлась сложившимся ученым, «первопроходцем в ряде исследовательских направлений <…> заметной фигурой в советской археологии 1920–40-х годов» (*Кузьминых, Саенко*, 2023. С. 230). Основные моменты биографии И. В. Фабрициус неоднократно освещались в печати (*Григорьева, Медведева*, 2022; *Костенко*, 2015; *Костенко, Шевченко*, 2016; 2017; *Кузьминых, Саенко*, 2023; *Саєнко*, 2017). Мы же обратимся к судьбе ее главной научной работы – «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР» (далее – «Карты»), которая на протяжении тернистого и долгого пути к публикации[2] стала в 1945 г. диссертацией на соискание степени кандидата исторических наук (*Фабрициус*, 1951).

Создание этого масштабного труда началось в 1934 г. с идеи переработки «сырых» материалов В. И. Гошкевича[3] для издания «Материалов к составлению археологической карты Днестро-Буго-Днепровского бассейна». Публикация готовилась по авторскому договору в ГАИМК в Ленинграде, но из-за реорганизации Академии в 1936 г. она сорвалась; в 1937 г. публикацию перенесли в ИИМК ВУАН в Киев, куда И. В. Фабрициус приняли на должность и. о. старшего научного сотрудника (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 72. Л. 1 об.). С этого момента, во многом против воли автора, программа издания «Карты» начала меняться: добавлялись новые материалы; увеличивался объем; менялся язык с русского на украинский и обратно (*Григорьева, Медведева*, 2022. С. 228–238). В начале декабря 1938 г. руководство ИА АН УССР[4] назначило И. В. Фабрициус «Карту» в качестве кандидатской диссертации, постановив обеспечить выполнение работы уже в первой четверти 1939 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 4). Такая срочность объясняется возникшей необходимостью проведения научной аттестации сотрудников после восстановления в СССР ученых степеней и званий (*Мамонтова, Соганова*, 2014. С. 148). Начавшаяся война помешала этим планам. И. В. Фабрициус вернулась к полноценной научной работе только в сентябре 1944 г. В условиях жесткой нехватки кадров и. о. директора Института Л. М. Славин предложил ей руководящую должность (*Черкасская*, 2016. С. 96–98; *Саєнко*, 2017. С. 267). По сведениям своей автобиографии И. В. Фабрициус «до мая 1945 г. исполняла обязанности завотделом скифо-античной археологии, от которых освобождена по личному желанию» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 72. Л. 2). За короткое время на посту заведующей И. В. Фабрициус успешно защитила квалификационную работу и внесла значимый вклад в развитие отдела. По современным оценкам, она заложила основной вектор научных направлений так, что «в последующие

[2] Почти 17 лет.

[3] Гошкевич Виктор Иванович (1860–1928) – археолог, краевед, основатель и первый директор Херсонского историко-археологического музея; приемный отец и учитель И. В. Фабрициус. См. о нем: (*Костенко, Шевченко*, 2017).

[4] В 1938 г. ИИМК ВУАН был переименован в Институт археологии Академии наук УССР (ИА АН УССР) (Інститут…, 2015. С. 28–35).

годы и десятилетия часть из этих тем стали магистральными в исследованиях сотрудников» (*Скорый*, 2005. С. 252). В этот период она активно работала над скифской тематикой, планировала возобновление работ Тясминской экспедиции и параллельно занималась переработкой «Карты» в диссертацию, понимая скорейшую необходимость своей защиты (*Костенко, Шевченко*, 2016. С. 131; РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 72. Л. 2).

Профессиональное признание в научном сообществе И. В. Фабрициус получила еще в 1920-е гг. (*Кузьминых, Саенко*, 2023. С. 232–263), но к 1940-м гг. ей пришлось снова это доказывать. Научная аттестация в большей степени стала определять статус ученого в советской системе иерархии, чем нести функции научной экспертизы новых идей и концепций. Нет сомнений, что Ирина Васильевна вряд ли испытывала сложности с достижением в диссертации нового научного результата, но она явно столкнулась с трудностями бюрократических процедур защиты. В период становления советской диссертационной системы научная аттестация прошла сложный путь от полного разрушения в 1918 г. до постепенного возврата к прежнему механизму в 1934 г. Если в 1930-х гг. присвоение ученой степени позволяло опустить процедуру защиты диссертации, то к 1941 г. это стало практически невозможно. Процесс подготовки к защите сильно усложнился: объемный пакет документов; четыре обязательных экзамена или специальный документ, освобождающий от сдачи; обязательная публикация тезисов и т. д. Жесткие требования стали предъявляться к официальным оппонентам, от которых требовались глубокий анализ работы и профессиональное обоснование выводов о соответствии рукописи предъявляемым требованиям (*Алеврас*, 2023. С. 69–71; *Алеврас, Гришина*, 2022. С. 345; *Козлова*, 2001. С. 148–149; *Мамонтова, Соганова*, 2014. С. 148; *Скворцов*, 2019. С. 296–299).

Быстро пройти бюрократические препоны Ирина Васильевна смогла во многом благодаря содействию Т. С. Пассек, о чем свидетельствует письмо, сохранившееся в личном фонде И. В. Фабрициус (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–2; см.: Приложение I). Дружеские отношения связывали двух исследовательниц еще задолго до войны, о чем упоминается в письме И. В. Фабрициус к А. М. Тальгрену за 1928 г. (*Кузьминых, Саенко*, 2023. С. 260. Письмо № 16). В 1941–1944 гг. Т. С. Пассек занимала должность ученого секретаря Московского отделения ИИМК АН СССР. Обладая немалым опытом в решении организационных вопросов, она помогала И. В. Фабрициус и словом, и делом. По ее совету Ирина Васильевна написала директору ИИМК АН СССР Б. Д. Грекову: «В начале мая уезжаю на три месяца полевых исследований. Убедительно прошу[5] назначении защиты диссертации[6] апреле» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 60. Л. 3). Эти хлопоты с успехом оправдались.

27 апреля 1945 г. состоялась успешная защита диссертации И. В. Фабрициус на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В конце войны защита по археологии в академическом институте возможна была только в ИИМК АН СССР в Москве. Киевский институт оказался в плачевной ситуации: от довоенного состава в семьдесят сотрудников-археологов (Інститут…, 2015.

[5] Буква «*о*» пропущена.

[6] Буква «*в*» пропущена.

С. 33) в 1944 г. осталось всего одиннадцать (*Дзбановський*, 1947; *Черкасская*, 2016. С. 96). Ленинградскому институту нанесла невосполнимый урон блокада. 8 февраля 1945 г. здесь был создан свой Ученый совет (Архив РАН. Ф. 1909. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 28 об.), но фактически действовать он начал лишь в 1946 г. (*Тараканова*, 1947а. С. 159; 1947б. С. 151). Только Московское отделение ИИМК сохранило свой научный коллектив, став в 1943 г. единственным подразделением[7] с действующими аспирантурой, докторантурой и Ученым советом, а с 1945 г. – основным археологическим учреждением Академии наук (*Гайдуков и др.*, 2019. С. 21–25; *Тараканова*, 1947а. С. 151–159). В конце войны здесь уже состоялось семь защит, в число которых вошла и защита квалификационной работы И. В. Фабрициус (*Тараканова*, 1947б. С. 149–152).

В протоколах Ученого совета ИИМК АН СССР сохранились лишь краткие сведения о процессе этой защиты. Заседание состоялось в 6 часов вечера, в здании Института на Волхонке, 14. В состав Ученого совета помимо археологов входили известные историки, архитекторы и искусствоведы. На момент защиты в столице находились все члены совета, на самом заседании присутствовали только профильные специалисты[8]. Во главе Ученого совета стояли ученые «старой школы» и ровесники диссертантки – маститые историки: академик Б. Д. Греков (председатель), члены-корреспонденты С. К. Богоявленский[9], А. Д. Удальцов. Большинство составляли археологи – довольно молодые[10], но уже авторитетные специалисты: А. В. Арциховский, В. Д. Блаватский, А. В. Мишулин, С. П. Толстов, А. П. Смирнов, Н. Н. Воронин, С. В. Киселев, Т. С. Пассек, Б. А. Рыбаков, П. Н. Шульц и С. А. Тараканова (ученый секретарь ИИМК). В счетную комиссию входили: Н. Н. Воронин (председатель); А. П. Смирнов (секретарь), П. Н. Шульц (член комиссии). Проголосовали 14 человек: за – 14, против – нет, воздержавшихся – нет (Архив РАН. Ф. 1909. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 14–17).

Официальными оппонентами назначили авторитетных исследователей, хорошо знакомых с археологией Украины: Т. С. Пассек[11] – специалиста по неолиту, энеолиту и бронзовому веку Юго-Восточной Европы и М. В. Воеводского[12] –

[7] Академия наук в июле 1943 г. официально перевела дирекцию ИИМК в Москву, утвердив положение о двух равноправных отделениях – Московском и Ленинградском, – со своими учеными советами и разделением отделов (*Гайдуков и др*., 2019. С. 23–24).

[8] Отсутствовали архитекторы и искусствоведы: В. А. Веснин, И. Э. Грабарь, А. В. Щусев, В. Н. Лазарев, Б. Р. Виппер, Н. М. Коробков.

[9] Отметим, что заслуженный историк и археограф Сергей Константинович Богоявленский (1872–1947) имел значительный опыт в составлении археологической карты Москвы и Московской области, опубликованной в 1947 г. уже после его смерти (*Богоявленский*, 1947. С. 168–178).

[10] Их средний возраст составлял 42 года.

[11] Пассек Татьяна Сергеевна (1903–1968) – с 1932 г. старший научный сотрудник Московского отделения ИИМК АН СССР, в 1941–1944 гг. – его ученый секретарь. См. о ней: (*Формозов*, 2003).

[12] Воеводский Михаил Вацлавович (1903–1948) – в 1930–1940-х гг. старший научный сотрудник НИИ антропологии МГУ, доцент кафедры археологии МГУ, руководитель Деснинской археологической экспедиции в 1936–1948 гг. См. о нем: (*Чубур*, 2003).

имевшего широкий круг научных интересов, но отдававшего предпочтение каменному веку Восточно-Европейской равнины. Они отнеслись к И. В. Фабрициус благожелательно и с большим уважением. Это особенно важно, ведь оценка оппонентов сильно влияла на формирование репутации ученого в научных кругах. Отметив «большое научное значение представленной к защите работы, потребовавшей от диссертантки многолетнего и кропотливого научного труда» и указав, что «разработанный И. В. Фабрициус метод составления археологических карт является ценным вкладом в науку», оппоненты единодушно согласились с присуждением Ирине Васильевне звание кандидата исторических наук (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 1, 13, 18). По итогам заседания члены Ученого совета отметив, что «диссертантка охарактеризовала методы собирания материалов к карте, представила подробную картину памятников, а также альбом многочисленных находок, иллюстрирующих карту», единогласно присудили И. В. Фабрициус ученую степень (*Тараканова*, 1947б. С. 150).

Защита стала важным этапом в истории создания «Карты», прошедшей в качестве квалификационной работы проверку на признание своей ценности в научном сообществе. Стоит отметить еще один существенный момент. Ирина Васильевна, являясь диссертантом «старой школы», воспитанная в рамках дореволюционной научной культуры, в своем археологическом исследовании полностью дистанцировалась от «марксистско-ленинской» методологии. Тем не менее ее диссертация успешно прошла критерии высшей школы в советской системе аттестации. В современной литературе отмечается, что нормативные документы того времени не предполагали каких-либо дискриминационных мер в отношении лиц «буржуазного» происхождения, беспартийных и т. п., претендовавших на получение ученой степени лиц; в их биографических документах нелицеприятные факты часто сглаживались. Но так было далеко не всегда, учитывая многочисленные примеры идеологических «проработок» (*Алеврас*, 2023. С. 70; *Алеврас, Гришина*, 2022. С. 346–347).

Единственный экземпляр диссертации И. В. Фабрициус хранится в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-2. № 380). Отзывы двух официальных оппонентов отложились в Научном архиве ИИМК РАН в личном фонде И. В. Фабрициус: небольшой, лаконичный отзыв М. В. Воеводского (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 15–18) и объемный, содержательный отзыв Т. С. Пассек (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–13). Последний особенно важен, в нем дается подробный анализ диссертации: ее структуры, объема, тематического наполнения отдельных частей; разобран методический подход, даны критические замечания. В отзыве Т. С. Пассек содержатся объемные цитаты из «Тезисов» диссертации[13], что важно, поскольку их нет в печатном виде, и оригинал не сохранился в архиве[14]. Мы посчитали нужным дать значительные выдержки из отзыва Т. С. Пассек, чтобы читатель,

[13] В 1940-х гг. подготовка «Тезисов» к защите была обязательной, они выступали аналогом современного автореферата диссертации.

[14] В настоящее время рукопись «Тезисов» в фондах Научно-отраслевого архива ИА РАН не найдена.

в первую очередь, ознакомился с авторитетным мнением главного оппонента, для которого «значение археологической карты как формы научной сводки – указателя – справочника-пособия в исследовательской работе – неоспоримы», а ее составление видится «как виднейшая отрасль исследовательской работы» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 1).

Диссертация И. В. Фабрициус представляет собой объемную машинопись (889 листов) с правками, сделанными рукой автора. Текст состоит из разновременных частей, главная часть «Карты» написана на украинском языке, все указатели на русском. По оценке Т. С. Пассек, «Карта» – это «научная сводка материалов, добытых в Северном Причерноморье на протяжении более чем ста лет и вплоть до 1936 г.; в нее включены археологические памятники начиная с эпохи неолита и до XVIII столетия, открытые на территории между низовьями рр. Днестра и Днепра, в пределах Одесской, Николаевской, Херсонской, Кировоградской областей, частей Молдавской АССР, Днепропетровской и Запорожской обл.» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 4–5). Сложная структура рукописи отражена в общем оглавлении (л. 1–6): вначале идут предисловие[15] (л. 7–12) и обширное вступление[16] (л. 13–44); далее основной текст (л. 45–654). Данные систематизируются «по бассейнам рек, начиная от устья в направлении с запада на восток – от Днестра до Днепра, включая и отрезок морского побережья до Перекопа». Тематически «Карта» делится на пять частей следующим образом:

I) река Днестр, его лиманы и притоки (Левобережье) (л. 45–113); включает 3 раздела с описанием 50 памятников (№ 1–51);

II) побережье Черного моря, бассейны речек и лиманы между Днестровским и Днепровским лиманами (л. 113–180); включает 16 разделов с описанием 90 памятников (№ 52–142);

III) река Правый Буг, его лиман и притоки (л. 180–327); включает 6 разделов с описанием 280 памятников (№ 143–423);

IV) река Днепр, его лиман и притоки (Правобережье) (л. 327–535); включает 4 раздела с описанием 196 памятников (№ 424–620);

V) побережье Черного моря от о. Тендра до Перекопской затоки, левобережье Днепровско-Бугского лимана, левые протоки Днепра с их притоками и лиманами (л. 535–654); включает 3 раздела с описанием 99 памятников (№ 621–720).

Внутри каждой части материал объединен «топографическим признаком группы (памятники, находки, изыскания)», внутри каждого раздела «распределяется по культурно-историческому признаку (по эпохам – неолит, бронза, скифо-сарматская, античная и т. п.). В конце – дается ссылка на источники сведений. Такая система изложения материала в тексте достаточно удобна, облегчает практическое использование археологической картой и не вызывает замечаний. <…> Карта включает разнородные археологические материалы на этой территории – города, поселения, стоянки, городища, курганы, пещеры, менгиры, «каменные бабы», могилы, клады, крепостные сооружения, рвы, валы, находки монет, случайные находки костей ископаемых животных, находки отдельных

[15] Датирован 14 июня 1939 г.

[16] Датирован май 1938 г.

предметов и т. п. Систематизированные в карте памятники по времени относятся к различным эпохам – к неолиту, Триполью, эпохе бронзы, к скифо-сарматскому периоду, греко-римскому, к эпохе кочевников, к татарам, к литовско-польскому времени, турецкому, к периоду Запорожских Сечей» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 5–6).

К тексту прилагается развернутый список сокращений (л. 680–685). Затем идут 134 детальных примечания к основному тексту (л. 686–707) и 30 приложений (л. 708–782). Последние, по мнению Т. С. Пассек, являются «важным дополнением к работе», в них даются «подробные описания музейных собраний – изделия из камня, бронзы, железа, изделия керамические, приводится характеристика комплексов из больших раскопок и т. д.» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 8). Несомненную ценность представляют три объемных указателя, значение которых отдельно подчеркивала оппонент:

– топографический[17] (л. 783–819): «Чрезвычайно облегчает пользование археологической картой <…> состоящий из перечисления всех упомянутых пунктов, рек, балок, урочищ и т. д.» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 8);

– предметно-тематический (л. 820–881): «…представляет собой попытку дать ту номенклатуру археологических предметов, описание которых имеется в основном тексте карты, причем эта номенклатура сохраняет археологическую характеристику, которая не утрачивается под общим заглавием «сосуды», «погребения» и т. п.» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 8);

– библиографический (л. 655–889): где, «с исчерпывающей полнотой использованы источники древних авторов, путешественников XVIII в. и специальная литература по истории и археологии Северного Причерноморья. В библиографическом списке приложением к диссертации приведено свыше 400 отдельных, как русских, так и иностранных трудов и периодических изданий» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 6).

К работе прилагались[18] «географическая карта (10 верстка) изучаемого района и 50 большого формата таблиц с иллюстративным материалом (около 1000 зарисовок)». Т. С. Пассек подчеркнула научный вклад Ирины Васильевны, отметив, как «широко изучены и вещевые материалы из Музеев нашего юга, в значительном большинстве неизданные, а также музейные собрания Ленинграда и Москвы, где имелись сведения по археологии Причерноморья <…> И. В. Фабрициус, на основе изучения музейных фондов, сделала около тысячи зарисовок, оформленных ею в 50 таблицах, приложенных к карте, 70 % этих зарисовок публикуются впервые и представляют огромную научную ценность» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 4, 8).

В отзыве Т. С. Пассек не обошла вниманием и принципы методического подхода И. В. Фабрициус к составлению «Карты»: «Разделяя археологические карты на два основных типа 1) “описательные” и 2) “тематические”, И. В. Фабрициус поставила перед собой задачу составления карты первого типа, по общепринятой терминологии, “основной археологической карты”, представляющий исчер-

[17] Датирован 11 марта 1938 г.

[18] В настоящее время карта и таблицы иллюстраций в фондах Научно-отраслевого архива ИА РАН не найдены.

пывающий регистр памятников, относящихся к различным эпохам, выявленных на описываемой территории, с возможно полным описанием археологических памятников, с указанием всех источников информации, а также мест хранения находок и документации (§ 4 тезиса)[19]. <…> При составлении больших археологических карт по губерниям <…> применяли так наз[ываемый] “гидрографический” принцип, располагая памятники по бассейнам рек. И. В. Фабрициус в основу своей карты положила именно этот оправдавший себя принцип расположения материала» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 3–5).

При общей положительной оценке диссертации оппонент не обошлась без критического разбора, озвучив слабые, по ее мнению, места работы, однако обозначила их как «ряд недостатков, которые могут быть безусловно устранены при окончательной подготовке карты к печати» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 9). Т. С. Пассек отметила «неравномерность в степени переработанности материалов и отсутствие единого строго выдержанного характера их описания» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 11). Важным недостатком исследования посчитала отсутствие во многих случаях датировок: «…в обзоре археологических материалов более ранних периодов – скифского, эпохи бронзы и неолита не всегда можно найти определение даты памятника или хотя бы указаний на принадлежность к той или иной культуре или ее разновидности в Причерноморье, например к позднетрипольскому этапу, к культуре “скорченных костяков”, к “катакомбной”, киммерийской, скифской и т. п. Отсутствие таких самых общих определений усложняет чтение текста» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 10).

Еще одно существенное замечание касалось введения, где главное сожаление Т. С. Пассек заключалось в том, что «огромный материал <…> не позволил все же И. В. пойти несколько дальше и набросать хотя бы самый краткий очерк истории материальной культуры Причерноморья», и хотя И. В. Фабрициус «совершенно правильно делает попытку в сжатой форме <…> дать сведения о наиболее, как она пишет «четких явлениях материальной культуры Причерноморья», во введении она останавливается только на характеристике этих явлений, «рассматривая собранный материал в пределах отдельных категорий находок изделий из камня, бронзы, глины и т. п. и затрагивая попутно ряд интересных вопросов» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 11–12).

Практически все замечания к диссертации, высказанные Т. С. Пассек, встречаются в краткой форме, в отзыве второго оппонента, М. В. Воеводского, но с важной оговоркой: «…все указанные недостатки, неизбежные во всяком труде столь обширного объема, не уменьшают основной научной ценности колоссальной сводки археологических сведений по одной из важнейших по исторической значимости областей Украины» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 16–18).

В целом, «Карта» И. В. Фабрициус получила высокие оценки оппонентов. Т. С. Пассек точно и содержательно охарактеризовала «основную заслугу И. В. Фабрициус» в археологической картографии: «Если учесть археологическую значимость Северного Причерноморья и огромный объем материала,

[19] Т. С. Пассек ссылается на «Тезисы» к диссертации И. В. Фабрициус.

накопленного в этом крае в результате исследований археологических организаций и отдельных крупных археологов более чем за столетний период, а также почти полную необработанность и неопубликованность этого материала, то огромная трудность выполнения, взятого на себя И. В. Фабрициус задания, будет очевидна <…> составлена археологическая карта по одному из самых богатых краев нашей родины – Северному Причерноморью, заполнены "белые пятна", существовавшие на территории от Днестра до Днепра <…> карта, составленная И. В. Фабрициус, является первой и исчерпывающей сводкой материалов, открытых на территории Северного Причерноморья в более чем за столетний период его изучения» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 4–5, 8, 12). М. В. Воеводский оказался полностью солидарен с мнением Т. С. Пассек: «…карта составлена с полным знанием техники этого сложного дела <…> Фактически это очень ценное научно-справочное издание, без которого не будет работать ни один специалист» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 16–18).

Заметно актуализировало диссертацию И. В. Фабрициус состоявшееся в Москве в феврале – марте 1945 г. Первое Всесоюзное археологическое совещание, широко озвучившее необходимость создания археологической карты национального масштаба (Тезисы и проекты…, 1945. С. 25; Итоги и перспективы…, 1945. С. 164). Т. С. Пассек не преминула упомянуть об этом в своем отзыве: «В связи с принятым постановлением о создании перспективного плана по археологии СССР одним из важных заданий на ближайшие годы должна явиться проблема составления единой археологической карты для всего Союза <…> совершенно очевидно то огромное значение, которое придается советской археологией делу создания археологических карт и методике их составления» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 3).

После защиты Ирина Васильевна снова предприняла попытку издать рукопись в киевском Институте, «Карту» поставили в издательский план на 1950 г. Этот вариант разделился на три выпуска, с добавлением материалов понизовья Дунайско-Днестровского междуречья (Измаильской области)[20] (*Фабрициус*, 1951. С. 8–9). В 1951 г., спустя почти 15 лет после первой попытки издания рукописи, опубликовали только выпуск на русском языке (*Фабрициус*, 1951).

Остальные два выпуска[21] планировались к изданию в самое ближайшее время, но так и не вышли. В настоящее время они хранятся в Научном архиве ИА НАНУ (*Костенко, Шевченко,* 2016. С. 131). После ухода на пенсию в 1951 г. И. В. Фабрициус переехала к дочери в Ленинград, где продолжила работу над неопубликованными частями «Карты» (*Григорьева, Медведева*, 2022. С. 236; *Костенко, Шевченко*, 2016. С. 132; *Саєнко*, 2017. С. 269). С личным фондом И. В. Фабрициус эти рукописи попали на хранение в Научный архив ИИМК РАН и представляют собой машинописные тексты с многочисленными рукописными правками и вклейками в него (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1–2). В Научном архиве Института археологии Крыма РАН в личном фонде

[20] Измаильская область была вновь присоединена к СССР в августе 1944 г.

[21] По архивным данным, к двум выпускам общим объемом 438 машинописных листов прилагались географический указатель (на 3 л.), одна карта, 32 таблицы, 7 конвертов рисунков (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Дело фонда. Л. 2).

П. Н. Шульца обнаружены выкопировки из второго выпуска «Карты» (*Чемодуров*, 2022. С. 184–185).

Таким образом, в нескольких архивах отложились разные варианты «Карты». Самая ранняя из них – это «Карта» 1945 г., переработанная в диссертацию (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-2. № 380). Проведенное сравнение этого документа с опубликованной в 1951 г. первой частью «Карты» показывает, что в публикацию вошли две первые части целиком и фрагмент третьей до № 234 (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-2. № 380. Л. 45–265). Опубликованы 16 приложений из 30; географический и библиографический указатели даны в сокращенном виде; даны 23 таблицы иллюстраций из 50; топографическая карта археологических памятников также в сокращенном виде. Неизданными остались данные примерно еще по 480 памятникам (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-2. № 380. Л. 265–654).

Картографирование памятников археологии – это трудоемкий, требующий большого усердия, но, к сожалению, не всегда благодарный труд. Яркой иллюстрацией данного положения является работа И. В. Фабрициус, про которую Т. С. Пассек справедливо сказала: «…археологическая карта никогда не может считаться законченной» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 60. Л. 12). Зачастую достойная оценка результатов такой работы приходит спустя годы. Для своего времени работа И. В. Фабрициус по составлению археологической карты во многом стала новаторской. Она прекрасно осознавала это, отмечая свой труд, как «первый в советской археологии опыт работы данного типа» (*Фабрициус*, 1951. С. 9). По созданию такой археологической карты исследовательница опередила научный коллектив киевского Института, в плане которого стояло создание археологической карты всей территории УССР в период второй пятилетки, 1933–1937 гг., но так и не закончивший работу (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 105. Л. 4; Інститут…, 2015. С. 35).

И. В. Фабрициус одной из первых подошла к составлению описательной археологической карты с позиций комплексного подхода, пытаясь создать полную научную сводку материалов с полным описанием, указанием всех источников информации, мест хранения находок и документации. Пытаясь добиться полноты регистрации, она взяла удачные методические решения: «гидрографический» принцип расположения материала, объединение его в группы по топографическим (памятники, находки, изыскания) и культурно-историческим принципам (эпохам). Подготовила развернутую систему ссылок на все имеющиеся источники: литературные, архивные, музейные. Составила топографический, предметно-тематический, библиографический указатели. Этот подход оказался удачным и превратил исчерпывающую сводку разнородных археологических материалов с территории Северного Причерноморья в полноценный инструмент для исследования, вобрав в себя материал за более чем столетний период его изучения.

В современном научном мире археологическая картография трактуется как полноценный метод научного исследования, как «графический метод изучения и изображения исторического процесса в пространстве по археологическим данным» (*Монгайт*, 1962. С. 16). В последние десятилетия, по мере развития геоинформационных систем и компьютерных методов пространственного анализа, значимость археологических карт все больше возрастает (*Гарбузов*, 2007;

Смекалов, Федоров, 2004). Нет сомнений, что работа И. В. Фабрициус сейчас по-прежнему актуальна, особенно в качестве незаменимого источника ценных сведений об уже исчезнувших памятниках. Сведения из неопубликованной части «Карты» часто учитываются при составлении региональных археологических карт и сводок на территории Северного Причерноморья (*Батасова*, 2022. С. 241–242). Остается только сожалеть, что издание столь востребованного труда не было доведено до конца. Мы присоединяемся к не потерявшим своей актуальности пожеланиям оппонентов «Карты» И. В. Фабрициус: – к Т. С. Пассек «о скорейшем ее опубликовании на русском языке» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 13) и к М. В. Воеводскому о том, что «такого рода особая научно-справочная литература должна быть легко доступна наибольшему количеству археологов и историков» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 39. Л. 18). В настоящее время подготовка к изданию полного варианта «Карты» И. В. Фабрициус ведется большим научным коллективом (*Кашуба и др.*, 2022), и мы надеемся, что ее долгая история, наконец, закончится.

Приложение I

РО НА ИИМК РАН. Ф. 61. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–2
Рукопись. Подлинник

Т. С. Пассек – И. В. Фабрициус[22]
6. IV. [19]45 г. Москва

Дорогая Ирина Васильевна

и письмо и телеграмму и дополнительные бумаги в ИИМК'е получены. Все[23] Ваше «дело» со всеми необходимыми документами (те, что были у меня, те что Вы дослали и справка из ВАК'а мною полученная) находится в ИИМК'е у С. А. Тараканової[24]. Она ознакомилась с ними и говорит, что теперь нужны еще тезисы диссертации. Шлите их (по-русски!). Один экземпляр Вашей диссертации я передала Мих[аилу] Ваделавовичу[25], другой оставила себе, так как Тараканова нам сообщила, что мы оба дирекцией назначаемся оппонентами. С этой стороны все теперь в порядке. Сложность неожиданная в том, что эту защиту могут устроить не в апреле, а в мае. И дело не в нас – оппонентах, а в Дирекции, кот[орая] Ученый Совет в апреле решает посвятить памяти В. А. Городцова![26] Делаю все, чтобы уговорить уважаемую дирекцию и поставить Вашу

[22] Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

[23] Здесь и далее подчеркивание Т. С. Пассек.

[24] Тараканова Сусанна Андреевна (1899 – после 1972) – археолог, специалист по археологии Северо-Западной Руси, старший научный сотрудник, в 1944–1947 гг. – ученый секретарь ИИМК АН СССР.

[25] Так в тексте. Правильно: Михаилу Вацлавовичу [Воеводскому].

[26] Городцов Василий Алексеевич (1860–1945) – археолог, профессор МГУ, специалист широкого археологического профиля от эпохи первобытности до Средневековья,

защиту в апреле, но пока обещать ничего не могу. Как только, что-нибудь прояснится, буду телеграфировать Вам, но и Вы со своей стороны м[ожет] б[ыть] напишите или протелеграфируете «мольбу» на имя Дирекции (акад[емику] Грекову). Вот какова ситуация. Рада, что хоть ВАК мы с Вами обошли сравнительно скоро (1 месяц).

Напишите мне срочно все Ваши пожелания, которые Вы хотели бы, чтобы я включила в свой отзыв, напишите то, что хотели бы, чтобы я отметила, а то читать все 40 печ[атных] листов, – не выдержу! Со здоровьем у меня сейчас получше, но грипп оставил еще свои следы и я все еще чувствую себя усталой и слабой, а работы много.

Как Вы себя чувствуете? Что нового на Киевском горизонте? Жду ответа с Мих[аилом] Леонт[ьевичем][27], это будет через неделю. М[ожет] б[ыть] и тезисы с ним пришлете.

Обнимаю Вас крепко. Привет всем. Ваша Т. Пассек.

Мама кланяется.

ЛИТЕРАТУРА

Алеврас Н. Н., 2023. Российская диссертационная культура в ситуации «фронтирного» перехода: историко-научное сообщество 1930–1950-х годов // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. № 1. С. 68–81. [URL: https://magistravitaejournal.ru/images/1_2023/MV_2023_1_068-081_Alevras.pdf] (дата обращения: 23.12.2023).

Алеврас Н. Н., Гришина Н. В., 2022. Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х – начале 1940-х гг. // Научный диалог. Т. 11. № 3. С. 337–354.

Батасова А. В., 2022. «Археологическая карта Причерноморья Украины» И. В. Фабрициус: состояние источниковой базы и перспективы применения для современных исследований // АВ. Вып. 37. С. 239–244.

Богоявленский С. К., 1947. Материалы к археологической карте Московского края // МИА. № 7 (Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. I). М.; Л.: Академия наук СССР. С. 168–178.

Гайдуков П. Г., Белозерова И. В., Кузьминых С. В., 2019. Из истории Института археологии РАН в 1920–1940-е годы // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: ИА РАН. 320 с.

Гарбузов Г. П., 2007. Геоинформационные системы и дистанционное зондирование Земли в археологических исследованиях (на примере Таманского полуострова): автореферат дис. … канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 25 с.

Григорьева О. В., Медведева М. В., 2022. Архив И. В. Фабрициус в ИИМК РАН: новые материалы к подготовке издания археологической карты Северного Причерноморья // АВ. Вып. 37. С. 228–238.

Дзбановський Є., 1947. Інститут археології АН УРСР у 1944 році // Археологія. Т. I. С. 183–186.

Інститут археології Національної академії наук України. 1918–2014 / Гол. ред. П. П. Толочко. Киев: ВД «АДЕФ-Украина», 2015. 668 с.

Итоги и перспективы развития советской археологии (материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания) / Ред. В. П. Потемкина. М.: Изд-во АН СССР, 1945. 197 с.

выдающийся представитель московской археологической школы, учитель нескольких поколений московских археологов. См. о нем: (*Крупнов*, 1946; *Смирнов*, 2015).

[27] Макаревич Михаил Леонтьевич (1901–1988) – украинский археолог, специалист по трипольской культуре, научный сотрудник ИА АН УССР. См. о нем: (Інститут…, 2015. С. 502–503; *Мезенцева*, 1997. С. 45).

Кашуба М. Т., Вахтина М. Ю., Медведева М. В., Григорьева О. В., Батасова А. В., 2022. «Карта И. В. Фабрициус» как источник по археологии Северного Причерноморья: подходы к теме // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции «Херсонес Таврический» (г. Севастополь, 25–29 сентября 2022 г.). Симферополь: ООО «Антиква». С. 266–268.

Козлова Л. А., 2001. «Без защиты диссертации…»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 гг. // Социологический журнал. С. 145–159.

Костенко А. В., 2015. Херсонский Археологический музей и его «семейная история»: семья как сеть научных коммуникаций в музейном деле // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: Зборнік навуковых прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф. (Магілёў, 25–26 чэрвеня 2015 г.). Магілёў: МДУХ. С. 59–65.

Костенко А. В., Шевченко А. В., 2016. І. В. Фабриціус (1882–1966 рр.): Археолог та музеєзнавець // Археологія. № 2. С. 122–133.

Костенко А. В., Шевченко А. В., 2017. Виктор Гошкевич и его мир: семья, окружение, древности. Херсон: б/и. 116 с.

Крупнов Е. И., 1946. Памяти В. А. Городцова // ВДИ. № 3. С. 236–238.

Кузьминых С. В., Саенко В. М., 2023. «Я вошла в археологию ощупью»: письма И. В. Фабрициус А. М. Тальгрену // SP. № 2. С. 229–272.

Мамонтова М. А., Соганова Е. Ю., 2014. Трансформация нормативной стороны «диссертационной культуры» в СССР в 1930–1970-е гг. // Мир историка: историографический сборник / Отв. ред. В. П. Корзун, С. П. Бычков. Вып. 9. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та. С. 146–175.

Мезенцева Г. Г., 1997. Дослідники археології України: Енциклопедичний словникдовідник / Відп. редактор: В. П. Коваленко. ІА НАНУ, Чернігівський державний педагогічний інститут ім. Т. Г. Шевченка. Чернігів: Сіверянська думка, 1997. 205 с.

Монгайт А. Л., 1962. Задачи и возможности археологической картографии // Советская археология. № 1. С. 16–35.

Саєнко В., 2017. О. І. Тереножкін та І. В. Фабриціус: конфлікт особистостей чи наукових шкіл? // Scriptorium nostrum. № 2 (8). С. 262–283.

Скворцов А. М., 2019. Из истории развития советской исторической науки в 1930-е – 1940-е годы: защита докторской диссертации А. В. Мишулиным // Научный диалог. № 2. С. 296–310.

Скорый С. А., 2005. 60 лет Отделу скифо-сарматской археологии Института археологии НАН Украины: история, итоги, перспективы // АВ. № 12. С. 251–261.

Славин Л. М., 1966. И. В. Фабрициус [Некролог] // СА. № 3. С. 296–297.

Смекалов С. Л., Федоров Д. Л., 2004. Геоинформационные технологии в археологических исследованиях. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т. 104 с.

Смирнов А. С., 2015. В. А. Городцов как представитель московской археологической школы дореволюционного времени // КСИА. Вып. 240. С. 318–328.

Тараканова С. А., 1947а. Институт истории материальной культуры имена Н. Я. Марра в 1944 г. // КСИИМК. Вып. 14. С. 151–164.

Тараканова С. А., 1947б. В Ученом Совете ИИМК АН СССР в 1945–1946 гг. // КСИИМК. Вып. 15. С. 149–152.

Тезисы и проекты резолюций по докладам на Всесоюзном археологическом совещании в Москве 24 февраля – 2 марта 1945 г. М.: Оргкомитет по созыву совещания, 1945. 31 с.

Фабрициус И. В., 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев: Изд-во Академии Наук УССР. 153 с.

Формозов А. А., 2003. О Татьяне Сергеевне Пассек // РА. № 3. С. 156–165.

Чемодуров Н. Н., 2022. «Считали утерянными»: неизвестные фрагменты рукописи «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР» И. В. Фабрициус // Записки ИИМК. 2022. № 27. С. 183–190.

Черкасская Д., 2016. Роль Л. М. Славина в возобновлении работы Института археологии АН УССР после возвращения из эвакуации в 1944–1947 гг. // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий. Материалы XXXII Международной студенческой археолого-этнографической конференции (Брянск, 21–23 мая 2016 г.). Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 94–103.

Чубур А. А., 2003. Михаил Вацлавович Воеводский: страницы биографии (к 100-летию со дня рождения). Брянск: Множ. лаб. Брян. фил. Моск. гос. социал. ун-та. 44 с. (Очерки по истории археологии Брянской области. Вып. 1.)

Сведения об авторах

Григорьева Ольга Владимировна, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: sigrid@yandex.ru;

Володин Семен Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292; Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: volodinsaimon@gmail.com

O. V. Grigoryeva, S. A. Volodin

«…THE ARCHAEOLOGICAL MAP CAN NEVER BE CONSIDERED FINISHED»: THE 1945 CANDIDATE'S DISSERTATION OF I. V. FABRITSIUS

Abstract. In April of 1945 I. V. Fabritsius successfully defended her dissertation on the Archaeological Map of the Black Sea Maritime Coast in the Ukrainian SSR in the Institute for the History of Material Culture (IIMK), USSR Academy of Sciences, in Moscow. For a long time the information about this event was not readily available, and, therefore, it was controversial. The paper analyzes a set of earlier unknown archival documents, i.e. the variant of the Map prepared by I. V. Fabritsius in the Ukrainian language for the defense of her dissertation; reviews of her dissertation by T. S. Passek and M. V. Voevodskiy, who were her official opponents; information from the protocols of the IIMK Scientific Council. It took I. V. Fabritsius a long period of eleven years to prepare the Archaeological Map which became her dissertation for publication. At the defense of the dissertation the scholars noted a great scientific value of this paper, recognizing it as an important contribution to science. Presently, different copies of the Map are kept in several archives, including the Map of 1945 which is the earliest variant. Its unpublished part contains data on more than 480 sites. Today this piece of work by I. V. Fabritsius remains relevant as an irreplaceable source of information on the sites that have disappeared. The complete variant of the Map prepared by I. V. Fabritsius needs to be published as soon as possible.

Keywords: I. V. Fabritsius, T. S. Passek, M. V. Voevodskiy, GAIMK, IIMK of the USSR Academy of Sciences, IA of the UkrSSR Academy of Sciences, dissertation, archaeological map, northern Black Sea maritime coastline, Ukraine, archival documents.

REFERENCES

Alevras N. N., Grishina N. V., 2022. Doktorskaya dissertatsiya v sovetskoy dissertatsionnoy sisteme: opyt zashchit v 1930-kh – nachale 1940-kh gg. [Doctoral dissertation in Soviet dissertational system]. *Nauchnyy dialog [Scientific dialogue]*. Vol. 11. No. 3, pp. 337–354.

Alevras N. N., 2023. Rossiyskaya dissertatsionnaya kul'tura v situatsii «frontirnogo» perekhoda: istoriko-nauchnoe soobshchestvo 1930–1950-kh godov (Elektronnyy resurs) [Russian dissertation culture in situation of «frontier» transition: historical and scientific community of the 1930s–1950s (Electronic resource)]. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*

[Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology], 1, pp. 68–81. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/1_2023/MV_2023_1_068-081_Alevras.pdf

Batasova A. V., 2022. «Arkheologicheskaya karta Prichernomor'ya Ukrainy» I. V. Fabritsius: sostoyanie istochnikovoy bazy i perspektivy primeneniya dlya sovremennykh issledovaniy [«Archaeological map of the Ukraine Pontic region» by I. V. Fabricius: state of the source base and prospects for application in modern research]. *AV*, 37. St. Petersburg, pp. 239–244.

Bogoyavlenskiy S. K., 1947. Materialy k arkheologicheskoy karte Moskovskogo kraya [Materials for archaeological map of the Moscow region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy [Materials and investigations ond archaeology of Moscow]*, 1. A. V. Artsikhovskiy, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 168–178. (MIA, 7.)

Chemodurov N. N., 2022. «Schitali uteryannymi»: neizvestnye fragmenty rukopisi «Arkheologicheskaya karta Prichernomor'ya Ukrainskoy SSR» I. V. Fabritsius [«Considered lost»: unknown fragments of manuscript «Archaeological map of Pontic region of the Ukrainian SSR» by I. V. Fabritsius]. *Zapiski IIMK RAN [Notes of IIMK RAN]*, 27, pp. 183–190.

Cherkasskaya D., 2016. Rol L. M. Slavina v vozobnovlenii raboty Instituta arkheologii AN USSR posle vozvrashcheniya iz evakuatsii v 1944–1947 gg. [The role of L. M. Slavin in resumption of work of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR after returning from evacuation in 1944–1947]. *Drevnosti Sredne-Zapadnoy Rossii i sopredel'nykh territoriy: XXXII konferentsiya [Antiquities of Central-Western Russia and adjacent territories: XXXII Conference]*. Bryansk: Bryanskiy gos. universitet, pp. 94–103.

Chubur A. A., 2003. Mikhail Vatslavovich Voevodskiy: stranitsy biografii [Mikhail Vatslavovich Voevodskiy: biography pages]. Bryansk: Bryanskiy filial Moskovskogo gos. sotsial'nogo universiteta. 44 p. (Ocherki po istorii arkheologii Bryanskoy oblasti, 1.)

Dzbanovs'kiy Є., 1947. Institut arkheologiï AN URSR u 1944 rotsi [Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR in 1944]. *Arkheologiya [Archaeology]*, I, pp. 183–186.

Fabritsius I. V., 1951. Arkheologicheskaya karta Prichernomor'ya Ukrainskoy SSR [Archaeological map of Pontic region of Ukrainian SSR]. Kiev: AN Ukrainskoy SSR. 153 p.

Formozov A. A., 2003. O Tat'yane Sergeevne Passek [Tat'yana Sergeevna Passek]. *RA*, 3, pp. 156–165.

Garbuzov G. P., 2007. Geoinformatsionnye sistemy i distantsionnoe zondirovanie Zemli v arkheologicheskikh issledovaniyakh (na primere Tamanskogo poluostrova): avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Geoinformation systems and remote sensing of the Earth in archaeological research (using example of the Taman Peninsula): PhD Thesis]. Moscow: IA RAN. 25 p.

Gaydukov P. G., Belozerova I. V., Kuzminykh S. V., 2019. Iz istorii Instituta arkheologii RAN v 1920–1940-e gody [From the history of Institute of Archaeology of RAS in the 1920s–1940s]. *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii [Institute of Archaeology of RAS: 100 years of history]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 11–25.

Grigoryeva O. V., Medvedeva M. V., 2022. Arkhiv I. V. Fabritsius v IIMK RAN: novye materialy k podgotovke izdaniya arkheologicheskoy karty Severnogo Prichernomor'ya [I. V. Fabricius archive at IIMK RAN: new materials for preparation of publication of archaeological map of North Pontic region]. *AV*, 37. St. Petersburg, pp. 228–238.

Institut arkheologiï Natsional'noï akademiï nauk Ukraïni. 1918–2014 [Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine. 1918–2014]. P. P. Tolochko, ed. Kiev: ADEF-Ukraina, 2015. 668 p.

Itogi i perspektivy razvitiya sovetskoy arkheologii [Results and prospects of development of Soviet archaeology]. V. P. Potemkina, ed. Moscow: AN SSSR, 1945. 197 p.

Kashuba M. T., Vakhtina M. Yu., Medvedeva M. V., Grigor'eva O. V., Batasova A. V., 2022. «Karta I. V. Fabritsius» kak istochnik po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya: podkhody k teme [«Map by I. V. Fabritsius» as a source on North Pontic archaeology: approaches to the theme]. *Istoriya i arkheologiya Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu i srednevekovuyu epokhi: materialy konferentsii «Khersones Tavricheskiy» [History and archaeology of North Pontic region in Ancient and Medieval times: materials of the conference «Taurian Chersonesos»]*. Simferopol: Antikva, pp. 266–268.

Kostenko A. V., 2015. Khersonskiy Arkheologicheskiy muzey i ego «semeynaya istoriya»: sem'ya kak set' nauchnykh kommunikatsiy v muzeynom dele [Kherson Archaeological museum and

its «family history»: the family as a network of scientific communications in museum studies]. *Gistoryya Magileva: minulae i suchasnasts': IX kanferentsyya [History of Mogilev: the past and the present time: IX conference]*. Magileў: Magileўski dzyarzhaўny ўniversitet kharchavannya, pp. 59–65.

Kostenko A. V., Shevchenko A. V., 2016. I. V. Fabritsius (1882–1966 rr.): Arkheolog ta muzeєznavets' [I. V. Fabritsius (1882–1966): Archaeologist and museum researcher]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 2, pp. 122–133.

Kostenko A. V., Shevchenko A. V., 2017. Viktor Goshkevich i ego mir: sem'ya, okruzhenie, drevnosti [Viktor Goshkevich and his world: family, environment, antiquities]. Kherson. 116 p.

Kozlova L. A., 2001. «Bez zashchity disseratsii…»: statusnaya organizatsiya obshchestvennykh nauk v SSSR, 1933–1935 gg. [«Without defending a dissertation…»: status organization of social sciences in the USSR, 1933-1935]. *Sotsiologicheskiy zhurnal [Sociological Journal]*, pp. 145-159.

Krupnov E. I., 1946. Pamyati V. A. Gorodtsova [In memory of V. A. Gorodtsov]. *VDI*, 3, pp. 236–238.

Kuzminykh S. V., Saenko V. M., 2023. «Ya voshla v arkheologiyu oshchup'yu»: pis'ma I. V. Fabritsius A. M. Talgrenu [«I entered archaeology by touch»: letters of I. V. Fabritsius to A. M. Talgren]. *SP*, 2, pp. 229–272.

Mamontova M. A., Soganova E. Yu., 2014. Transformatsiya normativnoy storony «disseratsionnoy kultury» v SSSR v 1930–1970 gg. [Transformation of the normative side of «dissertation culture» in the USSR in 1930s–1970s]. *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik [World of the historian: a historiographical collection],* 9. V. P. Korzun, S. P. Bychkov, eds. Omsk: Omskiy gos. universitet, pp. 146–175.

Mezentseva G. G., 1997. Doslidniki arkheologiï Ukraïni: entsiklopedichniy slovnik-dovidnik [Researchers in archaeology of Ukraine: encyclopedic dictionary-reference]. Chernigiv: Siveryans'ka dumka. 205 p.

Mongayt A. L., 1962. Zadachi i vozmozhnosti arkheologicheskoy kartografii [Tasks and possibilities of archaeological cartography]. *SA*, 1, pp. 16–35.

Saenko V., 2017. O. I. Terenozhkin ta I. V. Fabritsius: konflikt osobistostey chi naukovikh shkil? [A. I. Terenozhkin and I. V. Fabritsius: conflict of personalities or scientific schools?]. *Scriptorium nostrum*, 2 (8), pp. 262–283.

Skoryy S. A., 2005. 60 let Otdelu skifo-sarmatskoy arkheologii Instituta arkheologii NAN Ukrainy: istoriya, itogi, perspektivy [60 years of the Department of Scythian-Sarmatian archaeology of the Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine: history, results, prospects]. *AV*, 12. St. Petersburg, pp. 251–261.

Skvortsov A. M., 2019. Iz istorii razvitiya sovetskoy istoricheskoy nauki v 1930-e – 1940-e gody: zashchita doktorskoy disseratsii A. V. Mishulinym [From the history of development of Soviet historical science in 1930s – 1940s: defense of doctoral dissertation by A. V. Mishulin]. *Nauchnyy dialog [Scientific dialogue],* 2, pp. 296–310.

Slavin L. M., 1966. I. V. Fabritsius: nekrolog [I. V. Fabritsius: obituary]. *SA*, 3, pp. 296–297.

Smekalov S. L., Fedorov D. L., 2004. Geoinformatsionnye tekhnologii v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Geoinformation technologies in archaeological research]. St. Petersburg: Baltiyskiy gos. tekhnicheskiy universitet. 104 p.

Smirnov A. S., 2015. V. A. Gorodtsov kak predstavitel' moskovskoy arkheologicheskoy shkoly dorevolyutsionnogo vremeni [V. A. Gorodtsov as a representative of the Moscow archaeological school of pre-revolutionary times]. *KSIA*, 240, pp. 318–328.

Tarakanova S. A., 1947a. Institut istorii material'noy kul'tury imeni N. Ya. Marra v 1944 g. [The N. Ya. Marr Institute for the History of Material Culture in 1944]. *KSIIMK*, 14, pp. 151–164.

Tarakanova S. A., 1947b. V Uchenom Sovete IIMK AN SSSR v 1945–1946 gg. [In Academic Council of IIMK of the AN SSSR in 1945–1946]. *KSIIMK*, 15, pp. 149–152.

Tezisy i proekty rezolyutsiy po dokladam na Vsesoyuznom arkheologicheskom soveshchanii v Moskve 24 fevralya – 2 marta 1945 g. [Abstracts and draft resolutions on reports at All–Union archaeological meeting in Moscow on February 24 – March 2, 1945]. Moscow: Orgkomitet po sozyvu soveshchaniya, 1945. 31 p.

About the authors

Grigoryeva Olga V., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: sigrid@yandex.ru;

Volodin Semyon A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли. М.
АЕС – Археология Евразийских степей. Казань
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АН УССР – Академия Наук Украинской Советской Социалистической Республики
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БИ – Боспорские исследования
ВА – Вестник антропологии
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ПА – Поволжская археология. Казань
ППС – Православный палестинский сборник. М.
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СО РАН – Сибирское Отделение РАН
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТАС – Тверской археологический сборник
ТТЗ – Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь

ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УЗМЗТП – Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». Кемерово

AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
AES – Arkheologiya Evraziyskikh Stepey [Archaeology of Eurasian Steppes]. Kazan'
AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
AN SSSR [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. Moscow: IA RAN
ARAM – ARAM Society for Syro-Mesopotamian Studies. Oxford
ASGE – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg: IIMK RAN
AVSZ – Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land]. Moscow
BAR – British Archaeological Reports
BI – Bosporskie issledovaniya [Bosporan Studies]
CA – Current Anthropology
DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus: International annual on history, archaeology, epigraphics, numismatics and philology of Cimmerian Bosporus]. Moscow: IA RAN
GARF – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]
GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]
GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]
GMII – Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina [Pushkin Museum of Fine Arts]
GNIMA – Shchusev State scientific research museum of architecture
IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
IAK – Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Proceedings of Imperial archaeological commission]. St. Petersburg
IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
IEA RAN – Institut etnologii I antropologii RAN [Institute of Ethnology and Anthropology, RAS]
IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
JAS – Journal of Archaeological Science
JHE – Journal of Human Evolution
KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad
MAE RAN – Muzey antropologii i etnografii RAN im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS (Kunstkammer); St. Petersburg
MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
NIIYaLI – Nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii [Scientific-research institute for language, literature and culture]
PA – Povolzhskaya Arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]. Kazan'
PLoS ONE – Public Library of Science ONE

PPS – Pravoslavnyy palestinskiy sbornik [Orthodox Palestinian Collection]. Moscow
QI – Quaternary International
RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
SE – Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]
SO RAN – Sibirskoe Otdelenie RAN [Siberian Branch of RAS]
SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]
TAS – Tverskoy arkheologicheskiy sbornik [Tver' archaeological transactions]
TTZ – Tver, tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, Tver Land and adjacent territories in Middle Ages]. Tver'
TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition]. Ashkhabad
UZMZTP – Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» [Scientific notes of museum-reserve «Tomskaya pisanitsa»]. Kemerovo
VA – Vestnik antropologii [Bulletin of anthropology]
VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН»

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала.
2. Рукопись подается в электронном формате (Microsoft Word).
3. Материалы должны состоять из: а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисуночных подписей, г) резюме (до 0,5 с.) и ключевых слов (до 10), д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторах.
4. Общий объем рукописи – не свыше 0,8 авторского листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций.
5. Форматирование текста должно быть автоматическим (не использовать клавишу пробела для установки абзацного отступа). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов, название прописными не набирать.
6. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения отдельных изображений, учитывая, что в печатном виде размер иллюстраций составляет 13 × 19 см. Условные обозначения сопровождаются малыми кириллическими буквами и расшифровываются в подрисуночной подписи. Черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – 600 dpi. При необходимости возможна публикация цветных иллюстраций.
7. Таблицы представляются в отдельных файлах (не вставлять в текст) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.
8. Ссылки на литературу даются в тексте в круглых скобках: указываются фамилия автора (на языке издания), год издания, страницы, рис., табл. (*Седов*, 1979. С. 50) или сокращенное название (если издание автора не имеет). Список литературы составляется в алфавитном порядке. Например:

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Седов В. В., 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Чернов С. З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1, № 6695.

Mellaart J., 1979. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? // Antiquity. Vol. 53. P. 6–22.

Более подробно см. на сайте журнала: ksia.iaran.ru

Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Выпуск 273

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

На задней стороне обложки –
енисейская стела Барык III (к статье И. Л. Кызласова)

Редакторы: И. А. Агапьева, Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники: А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. А. Морозовой

Подписано в печать 30.11.2023. Формат 70×100 1/16.
Уч.-изд. л. 32,5. Тираж 250. Заказ №
Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу

«Пресса России», т. 1, индекс Е11907

ООО «ИТДГК “Гнозис”»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57.
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01.
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30.
E-mail: ksia@iaran.ru

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ISSN 0130-2620